Est.A-10455

317

Русская

ХРЕСТОМАТІЯ

Книга для чтенія и переводовъ

въ низшихъ классахъ гимназій, въ уѣздныхъ училищахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Составили:

преподаватели русскаго языка

В. И. Реймерсъ и **И. Н. Малиновскій.**

Pärnu Linna
Tütarlaste Gümnaasiumi
RAAMATUKOGU
Osakond. IV a Nr. 196.

KREISSCHULE ZU PERNAU

РИГА.
Изданіе Вильгельма Гельмса.
1881.

Дозволено цензурою. — Рига, 29-го Декабря 1880 г.

Est-A
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
14995
1 497054 3 X

Печатано въ Типографіи Э. Зислака въ Митавѣ.

Предисловіе.

На основаніи плана классныхъ занятій по русскому языку, составленнаго для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, и утвержденнаго Господиномъ Попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, требуется, чтобы при выборѣ прозаическихъ статей для переводовъ и стихотвореній для заучиваніи наизустъ, обращалось вниманіе: «1) на примѣняемость «ихъ къ понятіямъ учащихся и степени пріобрѣтенныхъ ими свѣ«дѣній въ языкѣ, 2) на объемъ статей и стихотвореній, который «надлежитъ соразмѣрять со временемъ, коимъ ученики могутъ «располагать при другихъ занятіяхъ, 3) на постепенность въ «переходѣ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, какъ самое раціо«нальное требованіе педагогики.»

Между тѣмъ въ хрестоматіяхъ, употребляемыхъ въ настоящее время въ заведеніяхъ дерптскаго учебнаго округа, далеко не выполнены требованія, указанныя въ планѣ. Особенно ощущается недостатокъ въ выборѣ стихотвореній, необходимыхъ для заучиванія. Съ цѣлью выполнить указанные пробѣлы, при составленіи предлагаемой хрестоматіи имѣлось въ виду выполнить три задачи. *Задача первая:* дать полный сборникъ разсказовъ, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ, начиная съ малыхъ по объему и легкихъ для переводовъ и восходя постепенно до разсказовъ и статей довольно объемистыхъ и сложныхъ по содержанію. *Задача вторая:* представить большой выборъ стихотвореній лирическихъ и стихотвореній, содержащихъ въ себѣ описанія картинъ природы, народнаго быта и историческихъ происшествій, наиболѣе доступныхъ пониманію учениковъ, начинающихъ знакомиться съ русскимъ языкомъ. *Задача третья:* изложить разсказы,

особенно заключающіеся въ первой части хрестоматіи, языкомъ простымъ, состоящимъ изъ короткихъ предложеній, съ устраненіемъ на первыхъ порахъ дѣепричастій и причастій, идіотизмовъ русскаго языка и вообще всѣхъ тѣхъ формъ, которыя не могутъ быть въ точности переведены на нѣмецкій языкъ.

На сколько выполнены указанныя задачи, предоставляемъ судить г. г. Преподавателямъ, какъ людямъ близко стоящимъ къ дѣлу, при чемъ просимъ благосклоннаго вниманія къ скромному труду, который задуманъ и выполненъ единственно съ цѣлію принести посильную пользу учащемуся юношеству.

Составители.

Оглавленіе.

Отдѣлъ первый.

Нр.		Стран.
1.	Добро за добро	1
2.	Дорога ложка къ обѣду	—
3.	Мудрецъ	—
4.	Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить	—
5.	Солнце и радуга	2
6.	Хвастливая муха	—
7.	Великодушіе Солимана	—
8.	Два охотника	—
9.	Догадливый татаринъ	3
10.	Находчивый крестьянинъ	—
11.	Три калача и одна баранка	—
12.	Любопытный	—
13.*	Благовѣстъ. А. Толстой	—
14.*	Боже царя храни. Жуковскій	—
15.*	Птичка. Жуковскій	4
16.*	Птичка. Пушкинъ	—
17.*	Осень. Фетъ	—
18.*	Зима. Кольцовъ	—
19.	Богатый и бѣдный	—
20.	Цыганъ и пахарь	5
21.	Недовольный	—
22.	Догадливый слѣпецъ	—
23.	Гуси и журавли	—
24.	Левъ и лисица	—
25.	Муха	—
26.	Старикъ и смерть	6
27.	Пѣтухъ и жемчужина	—
28.	Галка и голуби	—
29.	Лебедь, щука и ракъ	—
30.	Павлинъ и пѣтухъ	—
31.	Олень	7
32.	Обезьяна	—
33.	Камни	—
34.	Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ	—
35.	Волкъ и коза	8
36.	Собаки и поваръ	—
37.	Не смѣйся чужой бѣдѣ	—
38.	Птицы въ сѣти	—
39.	Работницы и пѣтухъ	9
40.	Храбрецъ	—
41.	Пріятели	—
42.*	Морская тишь	—
43.*	Капля	10
44.*	Пахарь и цвѣтокъ	—
45.*	Чужеземное растеніе. Дмитріевъ	—
46.*	Ручеекъ. Козловъ	—
47.*	Орелъ. Михайловъ	11
48.*	Олень. Бергъ	—
49.*	Муха. Дмитріевъ	—
50.	Волкъ, ежъ и лисица	—
51.	Соловей и чижъ	—
52.	Волкъ и журавль	12
53.	Нищій и собака	—
54.	Пчела и овца	—
55.	Лиса и ракъ	—
56.	Ворона и ракъ	13
57.	Проворная лягушка	—
58.	Собака и волкъ	—
59.	Садовникъ и сыновья	—
60.	Бойкій отвѣтъ	14
61.	Какое дерево	—
62.	Два плуга	—
63.	Урокъ скупому	—
64.	Незабудка	15
65.	Поединокъ	—
66.	Обманутый воръ	—
67.	Благородное мщеніе	16
68.	Извощикъ и разбойникъ	—
69.	Вѣрное средство дожить до глубокой старости	—
70.	Сапожникъ знай свои колодки	17
71.	Богъ награждаетъ смиренныхъ	—
72.	Знахарь	—
73.	Горбунъ и мальчикъ	18
74.	Чудный врачъ	—
75.	Бѣдность лучше увѣчья	—
76.	Маленькій благодѣтель	19
77.	Находчивость русскаго солдата	—
78.	Истинное величіе	—
79.	Ангелъ смерти	—
80.*	Появленіе первой ласточки. Плещеевъ	20
81.*	Сѣнокосъ. Майковъ	—
82.*	Осень въ деревнѣ	—
83.*	Осенняя пѣсенка. Пушкинъ	21
84.*	Лѣсъ осенью. Майковъ	—

Статьи въ стихахъ означены звѣздочкою.

Нр.		Стран.
85.*	Зима. Баратынскій	—
86.*	Береза. Фетъ	22
87.*	Въ школѣ. Михайловъ	—
88.	Изобрѣтеніе стекла	—
89.	Хладнокровіе	23
90.	Побѣдителя не судятъ	—
91.	Александръ I. въ Парижѣ. I.	—
92.	Александръ I. въ Парижѣ. II.	—
93.	Начальникъ и отецъ	24
94.	Догадливый оселъ	—
95.	Котъ и мыши	—
96.	Оселъ въ львиной шкурѣ	25
97.	Ученый скворецъ	—
98.	Скромный соловей	—
99.	Пчела и голубь	26
100.	Вѣрная кошка	—
101.	Сорока — воровка	—
102.	Летучая мышь	—
103.	Упрямство до добра не доводитъ	27
104.	Гусь	—
105.	Состарѣвшійся левъ	—
106.	Ежъ и кротъ	28
107.	Медвѣдь и бревно	—
108.	Квартетъ	—
109.	Ворона и лисица	29
110.	Ссора до добра не доводитъ	—
111.	Роза и крапива	—
112.	Дикая яблоня	—
113.	Задача для смѣтливыхъ дѣтей	30
114.	Великодушная дочь	—
115.	Какъ индѣйцы травятъ лосей	—
116.	Ось и чека	31
117.	Военныя забавы	—
118.*	Беззаботность птички. Пушкинъ	32
119.*	Веселость птички	—
120.*	Рыбка. Фетъ	—
121.*	Мой домикъ. Пушкинъ	33
122.*	Осень. Майковъ	—
123.*	Богъ не оставляетъ сиротъ. Петерсонъ	34
124.*	Старушка-няня. Лаптевъ	—
125.*	Цыганенокъ. Ленскій	35
126.	Петръ I. и лоцмамъ Антипъ	—
127.	Августъ Сильный и кузнецъ	—
128.	Невинная хитрость	36
129.	Охота на тигра	—
130.	Мужикъ и царедворецъ	37
131.	Награда по заслугамъ	—
132.	Награда за отличіе	—
133.	Наблюдательность	38
134.	Добросовѣстный дикарь	—
135.	Вѣтеръ и солнце	39
136.	Бонапартъ и черногорцы	—
137.	Ручей	—
138.	Обидчивость слона	40
139.	Медвѣдь — путешественникъ	—
140.	Обезьяны	41
141.	Лошадь и оселъ	—
142.	Муравьи	—
143.	Невоздержная умница	42
144.	Изъ малаго бываетъ большое	—
145.	Счастливый человѣкъ	43
146.*	Весеннія воды. Тутчевъ	—
147.*	Загадочный цвѣточекъ	—
148.*	Прелестное дитя	44
149.*	Вечеръ	—
150.*	Наступленіе вечера	—
151.*	Гнѣздо ласточки	45
152.*	Внутренность избы. Мей	—
153.*	Примѣты осени	46
154.*	Деревенскій сторожъ. Огаревъ	—
155.*	Зимняя ночь въ деревнѣ. Никитинъ	47

Отдѣлъ второй.

156.	Волга и Вазуза	48
157.	Щегленокъ	—
158.	Испытаніе	49
159.	Какъ мужикъ убралъ камень	—
160.	Неустрашимый мальчикъ	—
161.	Померанцевое дерево	50
162.	Пастушья свирѣль	—
163.	Шатъ и Донъ	—
164.	Тысяча золотыхъ	51
165.	Подкова	—
166.	Судома	52
167.	Сапожные гвозди	—
168.	Мнимоумершая	53
169.	Вѣрность	—
170.	Волкъ удитъ рыбу	54
171.	Сожъ и Днѣпръ	—
172.	Лошадь и верблюдъ	55
173.	Дѣдушка и внучекъ	—
174.	Лиса и журавль	56
175.*	Соловей и чижъ. Хемницеръ	—
176.*	Стрекоза и муравей. Крыловъ	—
177.*	Любопытный. Крыловъ	57
178.*	Мартышка и очки. Крыловъ	58
179.*	Прохожіе и собаки. Крыловъ	—
180.*	Тришкинъ кафтанъ. Крыловъ	—
181.*	Чижъ и голубь. Крыловъ	59
182.*	Двѣ яблони	—
183.	Разсказъ мышенка о помощи льву	—
184.	Не слѣдуетъ полагаться на свою извѣстность	60
185.	Сказка о щукѣ зубастой	—
186.	Исторія дождевой капли	61
187.	Чудный мальчикъ	62
188.	Грушевое дерево	—
189.	Добрая слава лучше богатства	63

Нр.		Стран.
190.	Русскій и татаринъ	—
191.	Левъ и собачка	64
192.	Мстительность совы	65
193.	Слово твердо	—
194.	Матросъ Семенъ Удалой	—
195.	Добродушный	66
196.	Пламенная молитва	—
197.	Томъ второй и послѣдній	67
198.	Непостоянство счастія	—
199.	Наполеонъ I и барабанщикъ	68
200.	Наполеонъ I на маскерадѣ	—
201.	Умѣй считать	69
202.	Не все для себя: ино мѣсто и для другихъ	—
203.*	Появленіе утра. Загоскинъ	70
204.*	Жаворонокъ. Жуковскій	—
205.*	Мой садикъ. Плещеевъ	—
206.*	Сумерки	71
207.*	Вечеръ	—
208.*	Наступленіе ночи. Жуковскій	—
209.*	Тишина ночи. Козловъ	72
210.*	Обитель. Козловъ	—
211.*	Молитва. Козловъ	—
212.*	Пѣсня бѣдняка. Жуковскій	73
213.	Иная вина порою пригожается	—
214.	Органы человѣческаго тѣла	74
215.	Просьба, поданная Богородицѣ на Императрицу Екатерину	—
216.	Благочестіе русскихъ	75
217.	Бережливость и скупость	—
218.	Судъ	76
219.	Судъ Божій	—
220.	Карлъ Великій и змѣя	77
221.	Материнская любовь куропатки	—
222.	Первое плаваніе на первомъ пароходѣ	78
223.	Воровская уловка	—
224.	На Бога надѣйся, а самъ не плошай	79
225.	Безкорыстіе крестьянина Брязгина	80
226.	Собственность великое дѣло	—
227.	Благодѣяніе или благотворительность	81
228.	Терпѣніе и трудъ все перетрутъ	—
229.*	Изъ сказки Спящая царевна: а. Ракъ предсказываетъ царицѣ рожденіе дочери	82
230.	б. Чародѣйка предсказываетъ судьбу царевны	83
231.	в. Царь запрещаетъ сѣять ленъ въ своемъ царствѣ	84
232.	г. Царевна уколола руку веретеномъ	—
233.*	Заяцъ на ловлѣ. Крыловъ	85
234.*	Крестьянинъ и змѣя. Крыловъ	86
235.*	Лисица и виноградъ. Крыловъ	—
236.*	Пѣтухъ и жемчужное зерно. Крыловъ	—
237.*	Водопадъ и ручей. Крыловъ	87
238.*	Слонъ и Моська. Крыловъ	—
239.*	Лягушка и волъ. Крыловъ	—
240.*	Зима. Пушкинъ	88
241.*	Туча. Пушкинъ	—
242.*	Вурдалакъ. Пушкинъ	—
243.	Закладъ	89
244.	Три друга	—
245.	Морозко	90
246.	Нужда	91
247.	Самоиспытаніе	92
248.	Безплодное дерево	—
249.	Неудавшаяся ложь	93
250.	Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ	94
251.	а. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ	98
252.	б. Зеркальце	—
253.	в. Царевна приходитъ къ семи богатырямъ	99
254.	г. Царевна у семи богатырей	100
255.	д. Царевна умираетъ	101
256.	е. Царевна оживаетъ	102
257.	Борьба человѣка съ дятломъ	103
258.	Ежъ и ехидна	104
259.	Вѣрная собака	105
260.	Адмиралъ Рюйтеръ	106
261.	Желѣзный человѣкъ	—
262.	Чужое яичко	107
263.	Солдатскій приваръ	108
264.*	Гаданья на святкахъ. Жуковскій	—
265.*	Зимнее утро въ Петербургѣ. Пушкинъ	109
266.*	Нищіе. Никитинъ	—
267.*	Утренняя звѣзда. Жуковскій	—
268.*	Рыбачья хата. Пушкинъ	110
269.*	Мщеніе. Жуковскій	—
270.*	Путница. Козловъ	111
271.*	Гонецъ. Пушкинъ	—
272.*	Два великана. Лермонтовъ	112
273.*	Москва. Пушкинъ	—

Отдѣлъ третій.

274.	Подвигъ Ивана Сусанина	113
275.	Изъ жизни купца Иголкина	—
276.	Честность чухонъ	115
277.	Нищій	116
278.	Судъ Божій надъ епископомъ	117
279.	Днѣпръ	118
280.	Черный день пахаря	119
281.	Хлѣбныя зерна	120
282.	Лихо одноглазое	121
283.	Никита Кожемяка	122
284.*	Утро въ горахъ. Лермонтовъ	123
285.*	Утро на берегу озера. Никитинъ	—

Нр.		Стран.
286.*	На Днѣпрѣ въ половодье. Фетъ	124
287.*	Купанье въ деревнѣ. Языковъ	—
288.*	Жизнь за царя. Слѣпушкинъ.	125
289.	Канитферштанъ	126
290.	Дѣтство Франклина	127
291.	Нашъ долгъ	129
292.	Открытіе Америки	130
293.	Укротители змѣй	133
294.	Михаилъ-Иванычъ Топтыгинъ-доказчикъ	135
295.	Гуси	137
296.	Собака и дятелъ	—
297.*	Молитва. Лермонтовъ	139
298.*	Ангелъ. Лермонтовъ	—
299.*	Вѣтка Палестины. Лермонтовъ	—
300.*	Младенецъ. Жуковскій	140
301.*	Пловецъ. Языковъ	—
302.*	Конь. Пушкинъ	141
303.	Терпѣніе и трудъ все перетрутъ	—
304.	Смерть дровосѣка	142
305.	Птичій языкъ	143
306.	Котъ и баранъ	145
307.	Бременскіе музыканты	146
308.	Что легко наживается, то еще легче проживается	148
309.	Свѣтлый праздникъ	151
310.*	Ночлегъ чумаковъ. Кольцовъ	154
311.*	Ночлегъ цыганскаго табора. Пушкинъ	—
312.*	Пѣснь воиновъ Олега. Аксаковъ	155
313.*	Сельскій праздникъ. Раззореновъ	—
314.*	Пѣсня въ честь труда	—
315.	Праведный судья	156
316.	Прыжокъ	158
317.	Разсказъ аэронавта	159
318.	Чортъ и горшечникъ	161
319.	Волкъ — дурень	—
320.	Подвигъ крестьянина Маврина	163
321.	Нечаянная бѣда	165
322.	Соль	168
323.*	Сѣнокосъ. Аксаковъ	171
324.*	Осенняя пѣсня зяблика	—
325.*	Осенняя картина. Майковъ	172
326.*	Картинка. А. Толстой	—
327.*	Болото. Майковъ	173
328.*	Гроза въ степи. Никитинъ	—
329.	Разсказъ дѣдушки Пахома	—
330.	Червячекъ	177
331.	Два хозяина	181
332.	Моно	184
333.	Постройка мельницы на Бугу русланѣ	185
334.	Ненасытецъ	186
335.	Весеннее утро	187
336.	Сѣнокосъ на Украйнѣ	188
337.	Вечеръ и ночь на сѣнокосѣ	189
338.	Смерть дерева	190
339.	Садъ въ деревнѣ	191
340.	Гроза	—
341.	Гроза	192
342.	Лѣсной пожаръ	195
343.	Шатеръ-гора	196
344.	Осенью	197
345.	Конная ярмарка	198
346.	Ночевка въ лѣсу	199
347.	Судьба молоденькой елки	201
348.	Морская качка	203
349.	Кіевъ	204
350.*	Левъ и лисица. Крыловъ	205
351.*	Ворона и кувшинъ. Измайловъ	—
352.*	Лебедь, щука и ракъ. Крыловъ	—
353.*	Кукушка. Измайловъ	—
354.*	Зеркало и обезьяна. Крыловъ	207
355.*	Левъ и волкъ. Крыловъ	—
356.*	Волкъ и журавль. Крыловъ	—
357.*	Волкъ и Лисица. Крыловъ	208
358.*	Щука и котъ. Крыловъ	—
359.*	Любопытный. Крыловъ	209
360.*	Ворона и лисица. Крыловъ	—
361.*	Муха и пчела. Крыловъ	210
362.*	Обезьяна. Крыловъ	211
363.*	Волкъ на псарнѣ. Крыловъ	—
364.*	Двѣ собаки. Крыловъ	212
365.*	Гуси. Крыловъ	213

Отдѣлъ первый.

1. Добро́ за добро́.

Ни́щій пришёлъ[1]) въ домъ къ бѣ́дному мужику́. У жены́ мужика́ былъ то́лько оди́нъ хлѣбъ. Она́ отдала́[2]) полови́ну хлѣба ни́щему. Пото́мъ вы́шла[3]) она́ на дворъ. На столбу́ у воро́тъ уви́дѣла она́ рой пчёлъ. Ба́ба огребла́[4]) его́ и съ той поры́ у нея́ повели́сь[5]) пчёлы.

[1]) приходи́ть. [2]) отдава́ть. [3]) выходи́ть. [4]) огреба́ть. [5]) повести́.

2. Дорога́ ло́жка къ обѣ́ду.

У ара́ба, посреди́ безлю́дной песча́ной пусты́ни, палъ[1]) верблю́дъ. Пошёлъ[2]) бѣ́дный ара́бъ по горя́чему песку́; но ско́ро сталъ изнемога́ть отъ го́лода и жа́жды. Вдругъ ви́дитъ онъ на пескѣ мѣшо́къ и ду́маетъ: вѣ́рно фи́ники! Тутъ онъ ки́нулся[3]) къ мѣшку́ и сталъ развя́зывать его[4]) дрожа́щими отъ нетерпѣ́нія рука́ми. Развяза́лъ — и бро́силъ: въ мѣшкѣ бы́ли одни́ черво́нцы.

[1]) пасть. [2]) пойти́. [3]) кида́ться. [4]) развя́зывать.

3. Мудре́цъ.

Одного́ восто́чнаго мудреца́ спроси́ли, каки́мъ о́бразомъ онъ прі-обрѣ́лъ[1]) такія грома́дныя позна́нія. „Очень про́сто,“ отвѣча́лъ мудре́цъ. Я никогда́ не стыди́лся спра́шивать у други́хъ о томъ, чего́ не могъ[2]) „пости́гнуть[3]) со́бственнымъ умо́мъ.“

[1]) пріобрѣта́ть. [2]) мочь. [3]) постига́ть.

4. Волко́въ боя́ться — въ лѣсъ не ходи́ть.

Спроси́лъ[1]) купе́цъ у матро́са: „како́ю сме́ртью у́меръ[2]) твой оте́цъ?“ — „Утону́лъ“,[3]) — отвѣча́лъ матро́съ. — „А дѣдъ?“ — „То́же утону́лъ.“[3]) — „Какъ же ты не бои́шься ходи́ть въ мо́ре?“ спра́шиваетъ купе́цъ. — Матро́съ не отвѣтилъ на послѣдній вопро́съ и въ свою́ о́чередь сталъ его́ спра́шивать: „скажи́ же мнѣ тепе́рь ты, гдѣ умерли́[2]) твой оте́цъ, дѣдъ и пра́дѣдъ?“ — „Всѣ они́ умерли́ споко́йно на свои́хъ по-

сте́ляхъ," отвѣча́лъ купе́цъ. — „Ну, не ду́маю," сказа́лъ матро́съ, „что́бы на посте́лѣ бы́ло споко́йнѣе умира́ть, чѣмъ въ мо́рѣ; но скажи́ мнѣ тепе́рь, какъ же ты не бои́шься ка́ждый день ложи́ться въ посте́ль?"

[1]) спра́шивать. [2]) умира́ть. [3]) утопа́ть.

5. Со́лнце и ра́дуга.

По́слѣ дожда́ на не́бѣ появи́лась ра́дуга. Всѣ восхища́лись ея́ семью́ прелѣстными цвѣта́ми. Ра́дуга услы́шала э́то и возгорди́лась. Сперва́ она́ съ презрѣніемъ посмотрѣ́ла на тёмныя облака́, а пото́мъ начала́[1]) счита́ть себя́ да́же краси́вѣе со́лнца. Услы́шало со́лнышко го́рдыя рѣчи ра́дуги и говори́тъ: „А зна́ешь ли, кто даётъ[2]) тебѣ́ прекра́сные цвѣта́?" Затѣмъ оно́ скры́ло[3]) свои́ лучи́ въ облака́хъ и ра́дуга мгновѣ́нно изчѣ́зла[4]).

[1]) начина́ть. [2]) дава́ть. [3]) скрыва́ть. [4]) изчеза́ть.

6. Хвастли́вая му́ха.

Уста́лый быкъ тащи́лся домо́й съ плу́гомъ. У быка́ на рога́хъ сидѣ́ла му́ха. Доро́гою они́ повстрѣча́ли другу́ю му́ху. „Отку́да ты ѣ́дешь[1]) на быкѣ́, сестри́ца?" спроси́ла встрѣ́чная му́ха. „Ра́звѣ ты не ви́дишь? я паха́ла па́шню съ быко́мъ," го́рдо отвѣча́ла ей пе́рвая му́ха.

[1]) ѣ́хать.

7. Великоду́шіе Солима́на.

Когда́ Солима́нъ, туре́цкій завоева́тель, взялъ крѣ́пость Бѣ́лградъ, то приказа́лъ жи́телямъ продолжа́ть свои́ ми́рныя заня́тія, при чѣмъ обѣща́лъ имъ своё покрови́тельство. Спустя́ нѣ́сколько дней пришла́[1]) къ нему́ бѣ́дная же́нщина и го́рько жа́ловалась ему́ на его́ солда́тъ, кото́рые угна́ли[2]) у нея́ скотъ, — еди́нственное ея́ бога́тство. „Ты, вѣ́рно, крѣ́пко спа́ла", сказа́лъ Солима́нъ со смѣ́хомъ, „что не ви́дѣла похити́телей." — Да, Госуда́рь, я спа́ла въ наде́ждѣ, что ты бо́дрствуешь[3]) за всѣхъ." Султа́ну понра́вился смѣ́лый отвѣ́тъ же́нщины и онъ повелѣ́лъ ще́дро вознагради́ть[4]) её за убы́тки.

[1]) приходи́ть. [2]) угоня́ть. [3]) бо́дрствовать. [4]) вознагражда́ть.

8. Два охо́тника.

Два охо́тника отпра́вились[1]) въ лѣ́съ. Они́ намѣрева́лись захвати́ть живы́хъ медвѣ́жа́тъ[2]). Одинъ полѣ́зъ[3]) въ овра́гъ къ берло́гѣ и ско́ро закрича́лъ отту́да това́рищу: „Я поймалъ медвѣдя!" „Веди́[4]) его́ сюда́!" „Да онъ нейдётъ[5])." „Такъ самъ сюда́ ступа́й!" „Въ томъ-то и бѣда́, что онъ меня́ не пуска́етъ."

[1]) отправля́ться. [2]) медвѣжо́нокъ. [3]) полѣза́ть. [4]) вести́. [5]) идти́.

9. Дога́дливый тата́ринъ.

Ви́дѣлъ тата́ринъ во снѣ[1]) кисе́ль, да ло́жки не́было. Лёгъ[2]) спать съ ло́жкой — киселя́ не вида́лъ.

[1]) сонъ. [2]) лечь.

10. Наход́чивый крестья́нинъ.

Боронѝлъ крестья́нинъ рожь на по́лѣ. Пошёлъ[1]) дождь, крестья́нинъ вы́прягъ[2]) ло́шадь и укры́лся[3]) бороно́ю. Всё же, ду́маетъ онъ, не ка́ждая ка́пля попадётъ[4]) на меня́.

[1]) пойти́. [2]) впрага́ть. [3]) укрыва́ться. [4]) попада́ть.

11. Три калача́ и одна́ бара́нка.

Одному́ мужику́ захотѣ́лось ѣ́сть. Онъ купи́лъ кала́чъ и съѣ́лъ[1]). Ему́ всё ещё хотѣ́лось ѣ́сть. Онъ купи́лъ друго́й и за́тѣмъ тре́тій кала́чъ и съѣ́лъ[1]), а го́лодъ всё не унима́лся. Онъ купи́лъ бара́нку и когда́ съѣ́лъ[1]) одну́ — сталъ сытъ. „Э́кой я дура́къ! что-жъ я напра́сно съѣ́лъ[1]) сто́лько калаче́й? Мнѣ бы на́до бы́ло снача́ла съѣ́сть одну́ бара́нку.

[1]) съѣда́ть.

12. Любопы́тный.

Мужика́ цѣ́лый день до́ма не́было. Пришёлъ[1]) онъ домо́й ужъ къ но́чи. „Гдѣ шата́лся?“ спра́шиваетъ его́ жена́. — „Да на база́рѣ — всё про францу́за слу́шалъ. —“ „Ну чтожъ?“ „Да далеко́ стоя́лъ — ничего́ не слыха́лъ.“

[1]) приходи́ть.

13. Бла́говѣстъ.

Среди́ дубра́вы
Блести́тъ креста́ми.
Храмъ пятигла́вый
Съ колоколя́ми.
Ихъ звонъ призы́вный
Гуди́тъ уны́ло,
Зовётъ[1]) и ма́нитъ
Неодоли́мо.

А. Толстой.

[1]) звать.

14. Бо́же, царя́ храни́!

Бо́же, царя́ храни́!
Си́льный, держа́вный,
Ца́рствуй[1]) на сла́ву намъ,
Ца́рствуй на страхъ врага́мъ,
Царь правосла́вный,
Бо́же, царя́ храни́!

Жуковскій.

[1]) ца́рствовать.

15. Пти́чка.

Пти́чка лета́етъ,
Пти́чка игра́етъ,
Пти́чка поётъ[1]),
Пти́чка лета́ла,
Пти́чка игра́ла,
Пти́чки ужъ нѣтъ!

Гдѣ-же ты, пти́чка?
Гдѣ ты, пѣви́чка?
Въ да́льнемъ краю́
Гнѣ́здышко вьёшь[2]) ты;
Тамъ и поёшь[1]) ты
Пѣ́сню свою́. Жуковскій.

[1]) пѣть. [2]) вить.

16. Пти́чка.

Въ чужби́нѣ свя́то соблюда́ю
Родно́й обы́чай старины́:
На во́лю пти́чку выпуска́ю
При свѣ́тломъ пра́здникѣ весны́.
Я сталъ досту́пенъ утѣше́нью;
За что на Бо́га мнѣ ропта́ть,
Когда́ хоть одному́ твoréнью
Я могъ[1]) свобо́ду дарова́ть? Пушкинъ.

[1]) мочь.

17. Осень.

Ла́сточки пропа́ли[1])
А вчера́, зарѣ́й,
Всѣ́ грачи́ лета́ли,
Да какъ сѣ́ть мелька́ли,
Вотъ надъ той горо́й.

Съ ве́чера всё спи́тся,
На дворѣ́ темно́;
Листъ сухо́й вали́тся,
Но́чью вѣ́теръ зли́тся
Да стучи́тъ въ окно́.

[1]) Пропада́ть. Фетъ.

18. Зима́.

Вотъ ужъ лѣ́то прошло́[1]),
Вотъ ужъ о́сень на дворъ
Че́резъ пря́сло гляди́тъ.
Вслѣ́дъ за не́ю зима́
Въ тёплой шу́бкѣ идётъ[2]),
Путь снѣ́жко́мъ пороши́тъ.
Подъ саня́ми хрусти́тъ.
Всѣ крестья́не[3]) на нихъ
Хлѣ́бъ везу́тъ[4]), продаю́тъ[5]),
Собира́ютъ казну́,
Бра́жку ко́вшикомъ пьютъ[6]). Кольцовъ.

[1]) проходи́ть. [2]) идти́. [3]) крестья́нинъ. [4]) везти́. [5]) продава́ть. [6]) пить.

19. Бога́тый и бѣ́дный.

Въ подва́лѣ жилъ бѣ́дный сапо́жникъ. Надъ подва́ломъ жилъ бога́тый ба́ринъ. Сапо́жникъ беззабо́тно пѣлъ пѣ́сни и мѣша́лъ спать бога́тому ба́рину. Нахо́дчивый ба́ринъ подари́лъ сапо́жнику цѣ́лый

мѣшо́къ де́негъ. Сапо́жникъ сдѣлался богачёмъ, — но съ тѣхъ поръ переста́лъ[1]) пѣть свои́ пѣсни. Онъ лиши́лся сна[2]) и всё стерёгъ[3]) свои́ де́ньги.

[1]) переставáть. [2]) сонъ. [3]) стерéчь.

20. Цыга́нъ и па́харь.

Толкова́лъ цыга́нъ па́харю, какъ тру́дно ему́ на свѣтѣ жить. „Мнѣ“, говори́лъ онъ, на́до дуть, кова́ть, на база́ръ ходи́ть, продава́ть, хлѣбъ покупа́ть, дѣте́й корми́ть. А тебѣ что: паши́[1]), мели́[2]), ѣшь[3])!

[1]) пахáть. [2]) молóть. [3]) ѣсть.

21. Недово́льный.

Ѣхалъ мужи́къ на возу́; засну́лъ[1]) и зацѣпи́лся за верстово́й столбъ. Ло́шадь ста́ла, онъ просну́лся[2]) и на́чалъ брани́ться. „Глу́пые лю́ди,“ сказа́лъ онъ, „на са́мой доро́гѣ столбо́въ наста́вили,“ не́гдѣ проѣхать.“

[1]) засыпáть. [2]) просыпáться.

22. Дога́дливый слѣпе́цъ.

Вожа́тый похвали́лся, что похлеба́лъ молока́. „А како́е оно́?“ спроси́лъ слѣпе́цъ. „Вку́сное да бѣлое.“ — „А что тако́е бѣлое?“ — „Бѣлое какъ гусь.“ — „А что тако́е гусь?“ Вожа́тый согну́лъ свою́ ру́ку на подо́біе гуси́ной ше́и. Слѣпо́й ощу́палъ ру́ку и сказа́лъ: „Тепе́рь я зна́ю, что тако́е молоко́.“

23. Гу́си и журавли́.

Жи́рные гу́си и то́щіе журавли́ сидѣли вмѣстѣ на одно́мъ лугу́. Изъ-за лѣсу показа́лись охо́тники. Лёгкіе журавли́, какъ то́лько зави́дѣли охо́тниковъ, снялись[1]) и полетѣли; но тяжёлые гу́си такъ разжирѣли за лѣто, что хотѣли лететь и не могли́[2]).

[1]) снимáться. [2]) мочь.

24. Левъ и лиси́ца.

Лиси́ца пе́рвый разъ въ жи́зни встрѣтилась со львомъ. Она́ такъ испуга́лась, что едва́ не умерла́[1]) отъ стра́ха. Че́резъ не́сколько вре́мени она́ опя́ть встрѣтила льва, но онъ ужъ не такъ ей стра́шенъ показа́лся. Когда́ же лиси́ца уви́дѣла льва въ тре́тій разъ, то да́же осмѣлилась вступи́ть съ нимъ въ разгово́ръ.

[1]) умирáть.

25. Му́ха.

Му́ха сѣла[1]) на край рю́мки и начала́ пить изъ нея́ вино́. Ско́ро она́ опьянѣла, упа́ла[2]) въ рю́мку и ста́ла тону́ть. Ма́льчикъ уви́дѣлъ му́ху, вы́нулъ[3]) её и пусти́лъ на столъ. Когда́ му́ха опра́вила свои́

кры́лья[4]), то поблагодари́ла своего́ спаси́теля и сказа́ла: „Теперь я никогда́ не бу́ду опива́ться вино́мъ.“ Но сдержа́ла ли му́ха своё сло́во? Нѣтъ! Ещё не вста́ли[5]) изъ-за стола́, какъ му́ха опя́ть сѣла[1]) на край рю́мки, ста́ла пить вино́, охмѣлѣ́ла и изда́хла.

[1]) сѣсть. [2]) упада́ть. [3]) вынима́ть. [4]) крыло́. [5]) встава́ть.

26. Стари́къ и смерть.

Стари́къ набра́лъ[1]) въ лѣсу́ дровъ, съ трудо́мъ взвали́лъ вяза́нку на плѐчи[2]) и понёсъ[3]) домо́й. На полови́нѣ доро́ги си́лы старика́ на́чали ослабѣва́ть. Онъ сбро́силъ съ плечъ дрова́ и сталъ призыва́ть смерть, что́бы она́ изба́вила его отъ тяжёлой жи́зни. Но едва́ онъ вы́сказалъ свою́ жа́лобу, какъ смерть въ са́момъ дѣлѣ яви́лась предъ нимъ и спроси́ла его́: „Зачѣ́мъ я тебѣ́ пона́добилась?“ — „Помоги́[4]) мнѣ подня́ть[5]) вяза́нку!“ отвѣча́лъ испу́ганный стари́къ.

[1]) набира́ть. [2]) плечо́. [3]) понести́. [4]) помога́ть. [5]) поднима́ть.

27. Пѣту́хъ и жемчу́жина.

Одна́жды пѣту́хъ разрыва́лъ соръ и нашёлъ[1]) жемчу́жину. „Что за пуста́я вещь!“ сказа́лъ онъ, „не понима́ю, за что лю́ди цѣнятъ её такъ высо́ко. Я былъ бы о́чень дово́ленъ, е́сли бы нашёлъ зерно́ ячме́нное: оно́ хотя́ и не до́рого, но за то вку́сно и пита́тельно.

[1]) находи́ть.

28. Га́лка и го́луби.

Въ голуба́тнѣ хорошо́ корми́ли голубе́й. Ди́кая га́лка замѣ́тила э́то и захотѣ́ла воспо́льзоваться чужи́мъ ко́рмомъ. Она вы́бѣлилась и влетѣ́ла въ голуба́тню. Го́луби при́няли[1]) её за бѣ́лаго го́лубя, допусти́ли[2]) къ ко́рму и не обижа́ли. Но ско́ро га́лка забы́лась[3]) и зака́ркала. Тутъ го́луби замѣ́тили обма́нъ, бро́сились на га́лку и вы́гнали её изъ голуба́тни. Обма́нщица полетѣ́ла къ свои́мъ, но га́лки та́кже при́няли[1]) её за чужу́ю пти́цу и прогна́ли[4]).

[1]) принима́ть. [2]) допуска́ть. [3]) забыва́ть. [4]) прогоня́ть.

29. Ле́бедь, щу́ка и ракъ.

Ле́бедь, щу́ка и ракъ взяли́сь везти́ возъ съ покла́жей. Они́ всѣ тро́е впрягли́сь[1]) въ возъ и на́чали тащи́ть, что бы́ло си́лы. Возъ не дви́гался съ мѣ́ста, хотя́ покла́жа на нёмъ была́ лёгкая. Это произошло́[2]) отто́го, что щу́ка тяну́ла въ во́ду, ракъ пя́тился наза́дъ, а ле́бедь стреми́лся вверхъ. Кто винова́тъ изъ нихъ, кто правъ? тру́дно сказа́ть, да то́лько возъ оста́лся[3]) на одно́мъ мѣ́стѣ.

[1]) впряга́ться. [2]) происходи́ть. [3]) остава́ться.

30. Павли́нъ и пѣту́хъ.

Одна́жды павли́нъ сказа́лъ ку́рицѣ — насѣ́дкѣ: „Посмотри́, какъ высокомѣ́рно выступа́етъ твой пѣту́хъ! И одна́кожъ лю́ди не говоря́тъ:

го́рдый пѣту́хъ, а всё то́лько го́рдый павли́нъ.“ — „Это оттого́,“ отвѣча́ла насѣ́дка, „что справедли́вой го́рдости лю́ди не замѣча́ютъ. Пѣту́хъ горди́тся по справедли́вости свои́мъ му́жествомъ, свое́ю бди́тельностію, а ты горди́шься краси́выми пе́рьями[1]).

[1]) перо́.

31. Оле́нь.

Оле́нь подошёлъ[1]) къ прозра́чному ручью́[2]) и сталъ пить во́ду. Онъ уви́дѣлъ себя́ въ водѣ́ и на́чалъ любова́ться свои́ми вѣтви́стыми рога́ми. Тутъ онъ случа́йно взгляну́лъ на но́ги и сказа́лъ: „Рога́ то у меня́ прекра́сны, жаль то́лько, что но́ги у меня́ то́нки.“ Въ э́то вре́мя изъ камыша́ вы́скочилъ тигръ и бро́сился на оле́ня. Испу́ганный оле́нь пусти́лся бѣжа́ть въ лѣсъ и вотъ уже́ далеко́ оста́вилъ за собо́ю ти́гра. Но чу́ть то́лько онъ вбѣжалъ въ лѣсъ, какъ то́тчасъ запу́тался въ су́чьяхъ[3]) свои́ми вѣтви́стыми рога́ми и сдѣ́лался добы́чею ти́гра. Тутъ то́лько пришло́[4]) оле́ню въ го́лову, что онъ погиба́етъ отъ того́, чѣмъ пре́жде такъ мно́го горди́лся.

[1]) подходи́ть. [2]) ручёй. [3]) сукъ. [4]) приходи́ть.

32. Обезья́на.

На де́ревѣ сидѣ́ла обезья́на и наблюда́ла, какъ дровосѣ́къ руби́лъ де́рево и распи́ливалъ его́. Вотъ онъ распили́лъ съ одного́ конца́ де́рево, заби́лъ клинъ въ расще́лину и сталъ пили́ть да́льше. Попили́лъ немно́го и опя́ть подви́нулъ[1]) клинъ да́льше[2]). Наступи́ло вре́мя обѣ́да: дровосѣ́къ ушёлъ[3]). Тогда́ обезья́на слѣ́зла[4]) съ де́рева, сѣ́ла[5]) верхо́мъ на бревно́ и начала́ пили́ть. Пили́ла, пили́ла, задѣ́ла[6]) ного́ю и вы́нула[7]) клинъ. Бревно́ сжа́лось[8]) и защеми́ло хвостъ. И оста́лась[9]) обезья́на сидѣ́ть на мѣ́стѣ, пока́ её не взя́ли.

[1]) подвига́ть. [2]) далеко́. [3]) уходи́ть. [4]) слѣза́ть. [5]) сѣсть. [6]) задѣва́ть. [7]) вынима́ть. [8]) сжима́ться. [9]) остава́ться.

33. Ка́мни.

Бога́тый и зна́тный челове́къ на́чалъ хва́статься въ собра́ніи свои́ми драгоцѣ́нными ка́мнями. Ме́жду про́чимъ онъ показа́лъ кольцо́, въ кото́ромъ находи́лся кру́пный, цѣ́нный бриллі́антъ. „Позво́льте васъ спроси́ть,“ сказа́лъ оди́нъ скро́мный господи́нъ, „каку́ю по́льзу прино́ситъ э́тотъ ка́мень?“ „По́льзу?“ отвѣча́лъ хвасту́нъ, „како́й же вы ещё хоти́те по́льзы отъ э́того ка́мня.“ — „А вотъ я покажу́ вамъ ка́мни, кото́рые ежего́дно прино́сятъ мнѣ о́коло двухъ сотъ рубле́й дохо́ду.“ Съ э́тими слова́ми онъ взялъ хвастуна́ за́ руку и повёлъ[1]) его́ къ свое́й ме́льницѣ. Вотъ мои́ драгоцѣ́нные ка́мни, сказа́лъ хозя́инъ ме́льницы и при э́томъ указа́лъ на бо́льшіе жернова́.

[1]) повести́.

34. Что у кого́ боли́тъ, тотъ о томъ и говори́тъ.

Лиси́ца попа́ла[1]) хвосто́мъ въ капка́нъ. Что́бы спасти́[2]) жи́знь, она́ оторва́ла себѣ́ хвостъ. Сты́дно бы́ло лиси́цѣ ходи́ть безъ хвоста́.

Она́ ста́ла приду́мывать сре́дства, какъ бы ей свой стыдъ прикры́ть.[3]) Съ э́тою цѣлью она́ пригласи́ла къ себѣ́ въ го́сти свои́хъ подру́гъ. „Зна́ете ли что, ми́лыя, отруби́те ва́ши хвосты́. Вѣдь вы то́лько таска́ете за собо́ю ли́шнюю тя́жесть.“ На э́то одна́ изъ лиси́цъ замѣ́тила ей: „Ты э́то говори́шь потому́, что сама́ безхво́стая.“ Ку́цая лиси́ца замолча́ла и со стыдо́мъ удали́лась.

[1]) попада́ть. [2]) спаса́ть. [3]) прикрыва́ть.

35. Волкъ и коза́.

Уви́дѣлъ волкъ козу́, кото́рая паслась[1]) на утёсистой горѣ́. Нельзя́ ему́ къ ней подобра́ться[2]). Вотъ онъ и говори́тъ ей: „Сошла́[3]) бы ты, ко́зочка, внизъ; тутъ и мѣ́сто поровнѣе и трава́ гора́здо сла́ще[4]).“ Коза́ ему́ такъ отвѣча́ла: „Зна́ю, зачѣ́мъ ты зовёшь[5]) меня́ внизъ, не наду́ешь[6]): ты, прія́тель, не о моёмъ, а о своёмъ ко́рмѣ хлопо́чешь[7]).“

[1]) пасти́сь. [2]) подбира́ться. [3]) сходи́ть. [4]) сла́дкій. [5]) звать. [6]) надува́ть. [7]) хлопота́ть.

36. Соба́ки и по́варъ.

По́варъ гото́вилъ обѣ́дъ, а соба́ки лежа́ли у двере́й ку́хни. По́варъ уби́лъ телёнка и бро́силъ кишки́ на дворъ. Соба́ки подхвати́ли, съѣ́ли и говоря́тъ: „По́варъ — иску́сный: хорошо́ стря́паетъ.“ Не мно́го погодя́, по́варъ сталъ чи́стить горо́хъ, рѣ́пу и лукъ, и вы́бросилъ обрѣ́зки[2]). Соба́ки бы́ло ки́нулись,[3]) но отверну́ли носы́ и сказа́ли: „Испо́ртился нашъ по́варъ: пре́жде хорошо́ гото́вилъ, а тере́рь никуда́ не годи́тся.“ Но по́варъ не слу́шался соба́къ, а стря́палъ обѣ́дъ по сво́ему. Обѣ́дъ съѣ́ли[1]) и похвали́ли хозя́ева, а не соба́ки.

[1]) съѣда́ть. [2]) обрѣ́зокъ. [3]) кида́ться.

37. Не смѣ́йся чужо́й бѣдѣ́.

Волкъ попа́лъ[1]) въ я́му и стара́лся вы́браться[2]) изъ нея́. Увида́ла э́то лиси́ца и ну надъ нимъ издѣва́ться. Ска́четъ[3]) себѣ́ на краю́ я́мы да хохо́четъ[4]) во всё го́рло: „Эхъ, дурале́й, дурале́й! какъ э́то ты такъ легко́ попа́лся[5]) на у́дочку! меня́ бы такъ ско́ро не провели́[6]).“ Танцова́ла[7]), танцова́ла, глядь и сама́ въ я́му попа́ла[1]).

[1]) попада́ть. [2]) выбира́ться. [3]) скака́ть. [4]) хохота́ть. [5]) попада́ться. [6]) проводи́ть

38. Пти́цы и сѣти.

Охо́тникъ поста́вилъ у о́зера сѣти и накры́лъ[1]) мно́го пти́цъ. Пти́цы по́дняли[2]) сѣть и улетѣ́ли съ нею. Охо́тникъ побѣжа́лъ за пти́цами. Это уви́дѣлъ мужи́къ и говори́тъ охо́тнику: „Куда́ ты бѣжи́шь? Ра́звѣ пѣшко́мъ дого́нишь[3]) птицъ?“ Охо́тникъ отвѣча́лъ: „Одно́й пти́цы не догоню́[3]), а всѣхъ ра́зомъ догоню́. Такъ и случи́лось. Пришёлъ[4]) ве́черъ: пти́цы потяну́ли на ночле́гъ, ка́ждая въ свою́

сто́рону: Одна́ потяну́лась къ лѣ́су, друга́я къ боло́ту, тре́тья въ по́ле и всѣ съ сѣ́тью упа́ли[5]) на зе́млю. Тутъ охо́тникъ подобра́лъ[6]) ихъ.

[1]) накрыва́ть. [2]) поднима́ть. [3]) догоня́ть. [4]) приходи́ть. [5]) упада́ть. [6]) подбира́ть.

39. Рабо́тницы и пѣту́хъ.

Одна́ хозя́йка акура́тно поутру́ буди́ла рабо́тницъ. Какъ то́лько пропоётъ[1]) пѣту́хъ, она́ сейча́съ сажа́етъ ихъ за рабо́ту. Рабо́тницамъ тяжело́ бы́ло встава́ть ра́но, и онѣ́ на́чали ду́мать, какъ бы помо́чь своему́ го́рю. Наконе́цъ онѣ́ порѣши́ли зарѣ́зать пѣтуха́. Какъ рѣши́ли, такъ и сдѣ́лали. Но служа́нки жесто́ко обману́лись. Хозя́йка, кото́рая бо́лѣе не слы́шала пѣтуха́, боя́лась проспа́ть и ста́ла буди́ть свои́хъ рабо́тницъ ещё ра́ньше[2]).

[1]) пропѣ́вать. [2]) ра́но.

40. Храбре́цъ.

Оди́нъ запоро́жскій каза́къ расхва́стался о томъ, какъ онъ хра́бро би́лся въ степи́ съ тата́рами. „Вотъ,“ говори́тъ, „разъ я ѣ́ду[2]) и ви́жу, что на травѣ́ распласта́лся здорове́нный тата́ринъ. Я вы́хватилъ са́блю и съ одного́ ра́зу отруби́лъ ему́ ру́ку.“ — „Вотъ дура́къ,“ замѣ́тилъ оди́нъ изъ слуша́телей, что-жъ ты не отруби́лъ[3]) ему́ пре́жде голо́вы.“ — „Я и самъ то́же ду́малъ, да го́лову ему́ кто-то успѣ́лъ отруби́ть пре́жде меня́.“

[1]) тата́ринъ. [2]) ѣ́хать. [3]) отруба́ть.

41. Прія́тели.

Къ больно́му оле́ню пова́дились[1]) ходи́ть въ го́сти прія́тели. У него́ ихъ бы́ло о́чень мно́го. Ско́ро они́ вы́ѣли[2]) мохъ вокру́гъ бо́льнаго собра́та на далёкое простра́нство. Когда́ больно́й оле́нь на́чалъ[3]) поправля́ться, то захотѣ́лъ ку́шать. Мху по бли́зости не оказа́лось[4]), а подня́ться[5]) на но́ги онъ ещё не имѣ́лъ силъ. И пришло́сь[6]) оле́ню умере́ть[7]) голо́дною сме́ртью.

[1]) пова́живаться. [2]) выѣ́дать. [3]) начина́ть. [4]) ока́зываться. [5]) поднима́ться. [6]) приходи́ться. [7]) умира́ть.

42. Морска́я тишь.

Всё споко́йно надъ вода́ми,
Безъ движе́нья мо́ре спитъ[1])
И печа́льно мореходецъ
На равни́ны водъ глади́тъ.
Во́ды сти́хли[2]), замолча́ли,
Какъ въ моги́лѣ тишина́!
И на всей обши́рной да́ли
Не шелохнется[3]) волна́.

[1]) спать. [2]) стиха́ть. [3]) шелыха́ться.

43. Ка́пля.

Упа́ла съ не́ба ка́пля дождева́я
Въ морску́ю зыбь, на го́рдую волну́;
Но, ти́хій нравъ дожди́нки награжда́я[2]),
Малю́тку Богъ безвре́дно свёлъ[3]) ко дну.
Её схвати́ла[4]) ра́ковина жа́дно,
Свой перламу́тъ мгнове́нно растворя́[5]),
И ка́пля та блести́тъ тепе́рь нара́дно
Жемчу́жиной въ коро́нѣ у царя́.

[1]) упада́ть. [2]) награжда́ть. [3]) своди́ть. [4]) схва́тывать. [5]) раствори́ть.

44. Па́харь и цвѣто́къ.

Цвѣто́къ смире́нный полево́й!
Въ недо́брый часъ ты встрѣ́ченъ[1]) мной:
Какъ вёлъ[2]) я плугъ, твой стебелёкъ
Былъ на пути́ . . .
Краса́ доли́ны! я не могъ[3])
Тебя́ спасти́.
Ты скро́мно въ зе́лени мелька́лъ,
Какъ си́ненькій глазо́къ, ты ждалъ
Привѣта со́лнышка — и вдругъ
Тебя́ скоси́лъ[4]) мой о́стрый плугъ
И погуби́лъ.

[1]) встрѣча́ть. [2]) вести́. [3]) мочь. [4]) ска́шивать.

45. Чужезе́мное расте́ніе.

Что сдѣ́лалось съ тобо́ю ны́нѣ?
О, ми́лый кустъ! Ты блѣ́денъ сталъ;
Гдѣ зе́лень, за́пахъ твой? „Увы́!“ онъ отвѣча́лъ:
Я на чужби́нѣ. И. Дмитріевъ.

46. Ручеёкъ.

Съ крути́хъ мура́вчатыхъ холмо́въ
Въ доли́ну ручеёкъ стреми́тся,
Игра́етъ, вьётся[1]) межъ куето́въ
И свѣтлымъ зе́ркаломъ струи́тся
Но вскоре́, бу́рною зимо́й,
Моро́зовъ зво́нкихъ ужаснётся[2])
И, ужъ око́ванный волно́й
Блеста́щій токъ не шевельнётся[2]) Козловъ.

[1]) ви́ться. [2]) ужаса́ться. [3]) шевели́ться.

47. Орёлъ.

Угрю́мо дре́млетъ[1]) лѣсъ дрему́чій,
Въ доли́нахъ мракъ густо́й цари́тъ,
И то́лько на скали́стой кру́чѣ
Оди́нъ орёлъ уже́ не спитъ[2]).
Ещё мину́та и могу́чій,
Распра́вивъ[3]) кры́лья, онъ взлети́тъ[4])
Туда́, на вы́си горъ, за ту́чи,
Гдѣ лучъ зари́ уже́ гори́тъ. Михайловъ.

[1]) дремать. [2]) спать. [3]) расправлять. [4]) взлетать.

48. Оле́нь.

Ска́четъ[1]) оле́нь по доли́намъ,
Пры́гаетъ онъ по гора́мъ,
Но́ситъ по цѣлому кра́ю,
Но́ситъ крутые рога́,
Рѣжетъ[2]) крутыми рога́ми
Су́чья[3]) въ дрему́чемъ лѣсу́;
По́ лѣсу ле́тмя лета́етъ,
Ска́четъ[1]) на бы́стрыхъ нога́хъ . . . Бергъ.

[1]) скакать. [2]) рѣзать. [3]) сукъ.

49. Му́ха.

Бы́къ съ плу́гомъ на поко́й тащи́лся по тру́дахъ
А му́ха у него́ сидѣла на рога́хъ.
Иму́ху же они́ доро́гой повстрѣча́ли,
„Отку́да ты, сестра́?“ отъ э́той былъ вопро́съ.
А та, поднявши[1]) носъ,
Въ отвѣтъ ей говори́тъ: „отку́да? мы паха́ли!“

[1]) поднимать. Дмитріевъ.

50. Волкъ, ёжъ и лиси́ца.

„Что за чудо́вище?“ сказа́лъ волкъ, при ви́дѣ ежа́, кото́рый свернулся[1]) клубко́мъ и лежа́лъ, обста́вленный отовсю́ду и́глами, какъ штыка́ми. „На нёмъ нѣтъ о́браза живо́го существа́! Это ме́рзость и позо́ръ лѣса!“ — „А онъ благословля́етъ своё безобра́зіе,“ сказа́ла лиси́ца: оно́ спаса́етъ его́ отъ твои́хъ зубо́въ.“

[1]) свёртываться.

51. Соловей и чижъ.

Надъ окно́мъ въ клѣткахъ пѣли чижъ и соловей. Ма́ленькому сы́ну хозя́ина очень нра́вилось пѣніе соловья́. Онъ попроси́лъ отца́ показа́ть пти́чку, кото́рая такъ хорошо́ поётъ[1]). Отецъ снялъ[2]) о́бѣ клѣтки, показа́лъ ихъ сы́ну и сказа́лъ: „Узна́й[3]), кото́рая изъ э́тихъ двухъ пти́цъ поётъ[1]) такъ хорошо́.“ Ма́льчикъ то́тчасъ съ

востóргомъ указáлъ[4]) на чижá. „Вотъ, бáтюшка, онá! У неё прекрáсныя пёришки, стáло быть у ней и гóлосъ хорóшъ.

[1]) пѣть. [2]) снимáть. [3]) узнавáть. [4]) укáзывать.

52. Волкъ и журáвль.

Волкъ подáвился[1]) кóстью: не мóжетъ[2]) ни óхнуть, ни вздохнýть... По счáстію, на пóмощь къ нему подоспѣлъ[2]) журáвль; онъ засýнулъ въ пáсть вóлку свой длúнный, тóнкій клювъ и съ большúмъ трудóмъ вытащилъ[3]) оттýда кость Когдá волкъ оправился, журáвль подошёлъ[4]) и сталъ просúть себѣ нагрáды за трудъ. „Ты шýтишь,„ вскричáлъ ковáрный волкъ, „тебѣ ничегó не слѣдуетъ[5]). Будь довóленъ тѣмъ, что унёсъ[6]) изъ моéй пáсти свою гóлову цѣлой и невредúмой.

[1]) подавлúться. [2]) подоспѣвáть. [3]) вытáскивать. [4]) подходúть. [5]) слѣдовать. [6]) уносúть.

53. Нúщій и собáка.

Собáка стерегла́[1]) большóй бáрскій дворъ. Когдá онá увúдѣла старикá съ сумóю, то начала́[2]) на негó грóмко лáять. Бѣднякъ стáлъ просúть её шóпотомъ: „Умилосéрдись надо мнóю! Я не ѣлъ[3]) уже́ три дня, и умирáю съ гóлоду!“ Собáка отвѣчáла бѣдняку́: „Ты ошибáешься во мнѣ! Я знáю, что дѣлаю. Погодú, лю́ди услы́шатъ мой лай и накóрмятъ[4]) тебя́.“

[1]) стерéчь. [2]) начинáть. [3]) ѣсть. [4]) накáрмливать.

54. Пчела́ и овцá.

„Есть ли у тебя́ живóтныя полéзнѣе и благодáрнѣе меня́?“ спросúла пчела́ человѣка. — Разумѣется есть, возразúлъ[1]) человѣкъ. „А имéнно кто?“ — Да овцá, напримѣръ: ея шерсть мнѣ необходúма, а твой мёдъ тóлько прiя́тенъ. Крóмѣ тóго, овцá имѣетъ ещё другóе преимýщество: онá отдаётъ[2]) мнѣ шерсть свою́ безпрекослóвно, а ты всегдá стараешься ужáлить меня́, когдá я прихожу́ за мёдомъ къ твоему́ улью́.

[1]) возражáть. [2]) отдавáть.

55. Лисá и ракъ.

Лисá сказáла рáку: „Давáй попрóбуемъ[1]), кто изъ насъ быстрѣе бѣгаетъ.“ Ракъ согласúлся[2]) и они стáли перегоня́ться. Лисá побѣжáла пéрвая, а ракъ вцѣпúлся[3]) въ ея́ хвостъ и висúтъ себѣ. Лисá добѣжáла до мѣста и вúдитъ, что рáка ещё нѣтъ. Чтóбы посмотрѣть далекó ли онъ отсталъ[3]), лисá обернýлась[4]) и при э́томъ провóрно махнýла[5]) хвостóмъ. Ракъ отлетѣлъ далекó впередъ, оправился и говорúтъ: „я тебя́ уже́ дóлго жду.“

[1]) попрóбовать. [2]) соглашáться. [3]) вцѣпля́ться. [4]) отставáть. [5]) махáть.

56. Ворóна и ракъ.

Летѣла воро́на надъ о́зеромъ; смо́тритъ — ползётъ[1]) ракъ. Воро́на схвати́ла[2]) ра́ка, сѣла[3]) на ве́рбѣ и собира́ется за́втракать. Ви́дитъ ракъ — дѣло пло́хо и говори́тъ: „Ай, воро́на, воро́на! зналъ я твоего́ отца́ и мать, что за сла́вныя бы́ли пти́цы!“ „Угу́!“ говори́тъ воро́на въ носъ. — „И сестёръ и бра́тьевъ твои́хъ зналъ — отли́чныя бы́ли пти́цы!“ — „Угу́!“ опя́ть говори́тъ воро́на. — „Да хоть хоро́шія бы́ли пти́цы, а всё же далёко до тебя́.“ — „Ага́!“ ка́ркнула[4]) воро́на во весь ротъ и урони́ла[5]) ра́ка въ во́ду.

[1]) ползти́. [2]) схва́тывать. [3]) сѣсть. [4]) ка́ркать. [5]) урони́ть.

57. Прово́рная лягу́шка.

Пришла́[1]) одна́жды лиса́ къ пруду́ воды́ напи́ться[2]), а тамъ сиди́тъ огро́мная лягу́шка и ква́каетъ. „Прочь, не то — проглочу́[3])!“ говори́тъ ей лиса́. — „Не горди́сь,“ отвѣча́ла лягу́шка: „я прово́рнѣе тебя́.“ Засмѣя́лась лиса́, а лягу́шка всё своё твердитъ. „Ну побѣжи́мъ въ го́родъ,“ говори́тъ лиса́, „и уви́димъ, чья пра́вда.“ Лиса́ поверну́лась[4]), что́бы бѣжа́ть, а лягу́шка прыгъ ей на пуши́стый хвостъ. Подбѣжа́ла[5]) лиса́ къ городски́мъ воротамъ и смо́тритъ, далеко́ ли пры́гаетъ лягу́шка. А лягу́шка соскочи́ла[6]) съ хвоста́ и говори́тъ лисѣ: „Наконе́цъ-то и ты пришла́[7])! А я давно́ тебя́ жду и собира́лась уже́ идти́ домо́й: вѣдь я ду́мала, что ты и совсѣмъ не придёшь!“

[1]) приходи́ть. [2]) напива́ться. [3]) прогла́тывать. [4]) повёртываться. [5]) подбѣга́ть. [6]) соска́кивать.

58. Соба́ка и волкъ.

Соба́ка засну́ла[1]) на у́лицѣ у воро́тъ. Голо́дный волкъ внеза́пно напа́лъ[2]) на неё и хотѣлъ её съѣсть[3]). Вотъ соба́ка и говори́тъ: „Волкъ, подожди́ меня́ ѣсть; тепе́рь у меня́ то́лько ко́жа да ко́сти. А вотъ дай срокъ, хозя́ева[4]) бу́дутъ сва́дьбу игра́ть; тогда́ мнѣ ѣды́ бу́детъ вво́лю; я разжирѣю: лу́чше[5]) тогда́ меня́ съѣшь[3]).“ Волкъ повѣрилъ и ушёлъ. Вотъ прихо́дитъ онъ въ друго́й разъ и ви́дитъ — соба́ка лежи́тъ на кры́шѣ. Соба́ка тутъ и говори́тъ: „Вотъ что, волкъ: когда́ въ друго́й разъ заста́нешь[7]) меня́ со́нную у воро́тъ, не дожида́йся бо́льше сва́дьбы.“

[1]) засыпа́ть. [2]) напада́ть. [3]) съѣда́ть. [4]) хозя́инъ. [5]) хорошо́. [6]) уходи́ть. [7]) заставать.

59. Садо́вникъ и сыновья́.

Садо́вникъ хотѣлъ пріучи́ть свои́хъ сыновей[1]) къ садово́дству. Предъ сме́ртью онъ позва́лъ[2]) ихъ и сказа́лъ: „Вотъ, дѣти, когда́ я умру́,[3]) то вы поищи́те[4]) хорошенько въ виногра́дникѣ, тамъ спря́тано большо́е бога́тство.“ Дѣти изъ словъ отца́ заключи́ли, что въ виногра́дникѣ зары́тъ[5]) кладъ, и, когда́ у́меръ[3]) оте́цъ, усе́рдно приня́лись[6]) за лопа́ты. Изры́ли весь виногра́дникъ, а кла́да не нашли́[7]). Ме́жду тѣмъ на

взры́хленной земле́ виногра́дникъ на́чалъ приноси́ть сто́лько плодо́въ, что владе́льцы его́ ско́ро разбогате́ли.

[1]) сынъ. [2]) звать. [3]) умира́ть. [4]) поиска́ть. [5]) зарыва́ть. [6]) принима́ться. [7]) находи́ть.

60. Бо́йкій отве́тъ.

Одна́ туре́цкая кре́пость взята́ была́ при́ступомъ. Ту́рки драли́сь отча́янно. Не ма́ло на́шихъ солда́тъ па́ло[1]) на сте́нахъ кре́пости. По́слѣ шту́рма главнокома́ндующій объѣзжа́лъ войска́ и благодари́лъ ихъ за хра́брость. Когда́ онъ подъѣ́халъ[2]) къ полку́ своего́ и́мени, въ кото́ромъ вы́было[3]) мно́го изъ фро́нта, то спроси́лъ: „Мно́го ли васъ оста́лось,[4]) ребя́та[5])?“ Фланго́вой, на кото́раго смотре́лъ генера́лъ, отвѣча́лъ бо́йко: „Кре́пости на́ три бу́детъ, ва́ше превосходи́тельство!“

[1]) па́дать. [2]) подъѣ́жать. [3]) выбыва́ть. [4]) остава́ться. [5]) ребёнокъ.

61. Како́е де́рево?

Оди́нъ уже́ не молодо́й садо́вникъ попа́лъ[1]) на слу́жбу во флотъ. Ста́ршій офице́ръ спроси́лъ его́ одна́жды на смотру́: „Ну что, у́чишься ли ты снастя́мъ, зна́ешь ли, какъ ка́ждая изъ нихъ называ́ется?“ „Учусь, ва́ше высокоблагоро́діе!“

„Ну, а зна́ешь-ли, напримѣ́ръ, како́е э́то де́рево?“ спроси́лъ офице́ръ и при э́томъ указа́лъ на гротъ ре́й. Бы́вшій садо́вникъ прикры́лъ[2]) глаза́ ладо́нью отъ со́лнца, поглядѣ́лъ на снасть и отвѣча́лъ: „Да Богъ его́ зна́етъ: сосно́вое-ли, ело́вое-ли — не вида́ть, потому́ что оно́ закра́шено.“

[1]) попада́ть. [2]) прикрыва́ть.

62. Два плу́га.

Въ одно́й мастерско́й бы́ли сдѣ́ланы два желѣ́зные плу́га. Оди́нъ изъ нихъ попа́лъ[1]) въ ру́ки земледѣ́льца, кото́рый сталъ имъ паха́ть, а друго́й попа́лъ[1]) въ ла́вку, гдѣ безъ дѣ́ла провали́лся нѣ́сколько лѣ́тъ. Че́резъ нѣ́сколько вре́мени о́ба това́рища опя́ть встрѣ́тились[2]). Плугъ, кото́рый до́лго паха́лъ, блестѣ́лъ, какъ серебро́, плугъ же, кото́рый пролежа́лъ[3]) безъ вся́каго дѣ́ла въ ла́вкѣ, потемнѣ́лъ[4]) и покры́лся[5]) ржа́вчиною. „Скажи́, пожа́луйста, отчего́ ты такъ блести́шь,“ спроси́лъ заржа́вѣвшій плугъ у своего́ ста́раго знако́мца. „Оттого́, что я паха́лъ,“ отвѣча́лъ плугъ, „а ты вотъ заржа́вѣлъ и́менно потому́, что все э́то вре́мя пролежа́лъ на боку́ и ничего́ не дѣ́лалъ.“

[1]) попада́ть. [2]) встрѣ́чаться. [3]) лежа́ть. [4]) темнѣ́ть. [5]) покрыва́ться.

63. Уро́къ скупо́му.

Оди́нъ шутни́къ пришёлъ[1]) къ скупо́му и говори́тъ: „Угости́[2]) меня́ за́втра обѣ́домъ, и я сообщу́[3]) тебѣ́ нѣ́что тако́е, что для́ тебя́ бу́детъ прія́тнѣе ста рубле́й.“ Скупо́й въ ожида́ніи больши́хъ вы́годъ приказа́лъ пригото́вить вку́сный обѣ́дъ. Сѣ́ли[4]) за столъ. Хозя́инъ

ждётъ съ нетерпѣніемъ, ско́ро-ли гость сообщи́тъ[3]) ему́ обѣщанное. По оконча́ніи обѣда гость поблагодари́лъ хозя́ина и сказа́лъ: „Не пра́вда ли, что двѣсти рубле́й для тебя́ прія́тнѣе, не́жели сто.“

[1]) приходи́ть. [2]) угоща́ть. [3]) сообща́ть. [4]) сѣсть.

64. Незабу́дка.

Когда́ Госпо́дь сотвори́лъ не́бо и зе́млю и всё, что есть на землѣ, то сталъ дава́ть имена́ всей тва́ри. Всѣ творе́нія подходи́ли по очерёдно и получа́ли ка́ждое своё и́мя. Наконе́цъ предста́ли[1]) цвѣты́. Творе́цъ назва́лъ[2]) ихъ са́мыми многознамена́тельными имена́ми. „Но,“ приба́вилъ[3]) Онъ, смотри́те, по́мните имена́, кото́рыми я надѣли́лъ васъ.“ Лишь то́лько Госпо́дь око́нчилъ[4]) свои́ слова́, какъ вдругъ выступа́етъ впередъ ма́ленькій голу́бенькій цвѣто́чекъ и говори́тъ: „Какъ ты меня́ назва́лъ,[2]) Го́споди? я забы́лъ[5]) своё и́мя!“ — Тогда́ Госпо́дь сказа́лъ: „Незабу́дкой!„ — Цвѣто́чекъ устыди́лся[6]) своей забы́вчивости и поспѣши́лъ скры́ться[7]) отъ взо́ровъ. Съ э́тихъ поръ онъ предпочита́етъ расти́ въ уедине́ніи: на берегу́ ти́хаго ручья́ и́ли въ густо́мъ куста́рникѣ.

[1]) представа́ть. [2]) называ́ть. [3]) прибавля́ть. [4]) ока́нчивать. [5]) забыва́ть. [6]) устыжа́ться. [7]) скрыва́ться.

65. Поедино́къ.

Густа́въ Адо́льфъ, коро́ль шве́дскій, приду́малъ[1]) хоро́шее сре́дство, что́бы прекрати́ть[2]) дуэ́ли ме́жду свои́ми офице́рами. Одна́жды два капита́на поссо́рились и проси́ли короля́ разрѣши́ть имъ дуэ́ль. Коро́ль сказа́лъ: „Позволя́ю, но то́лько съ тѣмъ, что́бы я могъ[3]) прису́тствовать при э́томъ.“ Проти́вники то́тчасъ усло́вились[4]) о мѣстѣ и вре́мени поедино́къ. Въ назна́ченный часъ яви́лся[5]) и коро́ль съ многочи́сленною свито́ю, въ кото́рой находи́лся и пала́чъ. „Тепе́рь вы мо́жете дра́ться, господа́,“ сказа́лъ коро́ль, „до тѣхъ поръ, пока́ одинъ не ля́жетъ[6]) мёртвый, другой то́тчасъ же бу́детъ повѣшенъ палачёмъ.“ — Офице́ры по́дали[7]) другъ дру́гу ру́ки и помири́лись.

[1]) приду́мывать. [2]) прекраща́ть. [3]) мочь. [4]) усло́вливаться. [5]) явля́ться. [6]) лечь. [7]) подава́ть.

66. Обма́нутый воръ.

Во вре́мя всеми́рной вы́ставки въ Ло́ндонѣ произошёлъ[1]) сле́дующій заба́вный слу́чай. Одинъ парижа́нинъ посѣти́лъ[2]) своего́ прія́теля въ Ло́ндонѣ и о́ба отпра́вились[3]) въ Хруста́льный дворе́цъ. Ло́ндонскій прія́тель сказа́лъ францу́зу: „ты здѣсь мо́жешь[4]) быть споко́енъ: никто́ не обкрадётъ[5]) тебя́, какъ э́то ча́сто случа́ется въ Пари́жѣ.“ Францу́зъ оби́дѣлся[6]) э́тимъ и что́бы проучи́ть прія́теля, вы́тащилъ[7]) у него́ потихо́ньку изъ карма́на плато́къ. Едва́ онъ успѣлъ[8]) положи́ть плато́къ въ свой карма́нъ, какъ подошёлъ[9]) къ нему́ молодо́й, хорошо́ одѣтый господи́нъ, отозва́лъ[10]) его́ въ сто́рону и передалъ[11]) ему́ золоту́ю табаке́рку. „Возьми́те[12]), ми́лостивый госуда́рь, э́ту бездѣлицу,

кото́рую я то́лько что вы́тащилъ[7]) изъ ва́шего карма́на, я не зналъ, что вы изъ на́шихъ.

[1]) происходи́ть. [2]) посѣща́ть. [3]) отправля́ться. [4]) мочь. [5]) обкра́дывать. [6]) обижа́ться. [7]) вытаскивать. [8]) успѣва́ть. [9]) подходи́ть. [10]) отзыва́ть [11]) передава́ть. [12]) взять.

67. Благоро́дное мще́ніе.

По́слѣ упо́рной би́твы, въ кото́рой датча́не[1]) разби́ли шве́довъ, одному́ да́тскому солда́ту пришло́сь[2]) карау́лить на по́лѣ би́твы. Съ больши́мъ трудо́мъ ему́ удало́сь[3]) доста́ть[4]) буты́лку пи́ва, что́бы утоли́ть[5]) си́льную жа́жду. Чуть то́лько онъ раску́порилъ[6]) буты́лку, какъ услы́шалъ го́лосъ смерте́льно ра́ненаго шве́да, кото́рый умоля́лъ его́ дать ему́ напи́ться[7]). Часово́й забы́лъ[8]) о своёй со́бственной жа́ждѣ, поднёсъ[9]) по́лную буты́лку къ уста́мъ ра́ненаго, но въ ту-же мину́ту шведъ по́днялъ[10]) пистоле́тъ и вы́стрѣлилъ въ сострада́тельнаго датча́нина. Къ сча́стію пу́ля пролетѣла[11]) ми́мо. Тогда́ часово́й споко́йно взялъ буты́лку, вы́пилъ полови́ну и пото́мъ пода́лъ[12]) её умира́ющему врагу́ со слова́ми: „Вотъ тебѣ́ за э́то то́лько полови́на.“

[1]) датча́нинъ. [2]) приходи́ться. [3]) удава́ться. [4]) достава́ть. [5]) утоля́ть. [6]) раску́поривать. [7]) напива́ться. [8]) забыва́ть. [9]) подноси́ть. [10]) поднима́ть. [11]) пролета́ть. [12]) подава́ть.

68. Изво́щикъ и разбо́йникъ.

Оди́нъ разбо́йникъ сидѣлъ у доро́ги и ждалъ, не проѣдетъ[1]) ли кто. Ско́ро вдали́ показа́лся[2]) больно́й возъ съ покла́жею. Разбо́йникъ обра́довался. Когда́ возъ прибли́зился[3]), то разбо́йникъ вы́скочилъ[4]) изъ заса́ды и бро́сился съ дуби́ною на изво́щика, кото́рый хра́бро защища́лся. До́лго боро́лся разбо́йникъ съ си́льнымъ изво́щикомъ, при чёмъ лиши́лся[5]) гла́за и нѣсколькихъ зубо́въ, но наконе́цъ всё-таки одолѣлъ[6]) его́. — Въ наде́ждѣ найти́[7]) бога́тую нажи́ву, онъ спѣши́тъ къ добы́чѣ и ви́дитъ, что возъ нагружёнъ одни́ми пузыря́ми.

[1]) проѣзжа́ть. [2]) пока́зываться. [3]) приближа́ться. [4]) выска́кивать. [5]) лиша́ться. [6]) одолѣва́ть. [7]) находи́ть.

69. Вѣрное сре́дство дожи́ть[1]) до глубо́кой ста́рости.

Нѣкто удивля́лся кре́пости, бо́дрости и здоро́вью одного́ старика́ и пожела́лъ вы́вѣдать у него́, какъ онъ до́жилъ[6]) до тако́й глубо́кой ста́рости. „Нѣтъ сомнѣнія,“ сказа́лъ онъ, „ты до сихъ поръ по́льзуешься[2]) хоро́шимъ здоро́вьемъ. Нельзя́-ли узна́ть[3]), како́е ты употребля́лъ сре́дство?“ Стари́къ улыбну́лся[4]) и сказа́лъ: „Съ удово́льствіемъ, если ты захо́чешь воспо́льзоваться мои́мъ сре́дствомъ. Оно́ весьма́ про́сто: я ѣлъ[5]) всегда́ сто́лько, ско́лько ну́жно, что́бы утоли́ть[6]) го́лодъ, и пилъ лишь для того́, чтобъ не чу́вствовать жа́жды.“

[1]) доживать. [2]) по́льзоваться. [3]) узнава́ть. [4]) улыба́ться. [5]) ѣсть. [6]) утоля́ть.

70. Сапо́жникъ, знай свои́ коло́дки.

Оди́нъ живопи́сецъ вы́ставилъ[1]) свою́ карти́ну на пока́зъ пу́бликѣ. Вотъ подошёлъ[2]) сапо́жникъ, осмотрѣ́лъ внима́тельно карти́ну и сказа́лъ: „у одно́й изъ фигу́ръ невѣ́рно нарисо́ваны сапоги́.“ Живопи́сецъ, кото́рый находи́лся тутъ же, взялъ кисть и испра́вилъ[3]) сапоги́. Но сапо́жникъ не ограни́чился сапога́ми, а перешёлъ[4]) къ други́мъ часта́мъ карти́ны и въ нихъ та́кже на́чалъ находи́ть недоста́тки. Тогда́ живопи́сецъ справедли́во оби́дѣлся[5]) глу́пыми замѣча́ніями сапо́жника и закрича́лъ: „Сапо́жникъ, знай свои́ коло́дки!“

[1]) выставля́ть. [2]) подходи́ть. [3]) исправля́ть. [4]) переходи́ть. [5]) обижа́ться.

71. Богъ награжда́етъ смире́нныхъ.

Крестья́нинъ нече́стнымъ о́бразомъ на́жилъ[1]) мно́го де́негъ, спря́талъ ихъ въ горшо́къ, засы́палъ золо́ю и поста́вилъ[2]) подъ пе́чкой. Никто́ въ семьѣ и не подозрѣва́лъ о кла́дѣ. Крестья́нинъ у́меръ[3]). На горшо́къ никто́ не обраща́лъ внима́нія, и онъ по пре́жнему стоя́лъ на своёмъ мѣстѣ. Одна́жды у хозя́йки пирова́ли го́сти. Вдругъ въ ко́мнату вхо́дитъ голо́дный ни́щій, едва́ прикры́тый жа́лкимъ ру́бищемъ и про́ситъ ми́лостыни. Хозя́йка разсерди́лась[4]) на ни́щаго, доста́ла[5]) изъ подъ пе́чки горшо́къ, засы́панный золо́ю, и съ негодова́ніемъ су́нула его въ ру́ки ни́щему. „Вотъ тебѣ́, попроша́йка,“ сказа́ла она́ серди́то. „Вся́кое дая́ніе бла́го,“ смире́нно проговори́лъ ни́щій, взялъ горшо́къ и вы́шелъ.[6]) Доро́гою бѣдня́къ посмотрѣ́лъ въ горшо́къ и нашёлъ[7]) въ нёмъ мно́го зо́лота.

[1]) наживать. [2]) поставля́ть. [3]) умира́ть. [4]) разсе́рживаться. [5]) доставать. [6]) выходи́ть. [7]) находи́ть.

72. Зна́харь.

Былъ, ска́зываютъ, зна́харь, кото́рый взя́лся разыска́ть[1]), кто укра́лъ[2]) цѣлко́вый у одного́ изъ рабо́чихъ. Съ э́тою цѣ́лью онъ собра́лъ[3]) всѣхъ рабо́тниковъ въ одну́ ко́мнату, погаси́лъ[4]) ого́нь и покры́лъ[5]) чёрнаго пѣтуха́ рѣшето́мъ. Пото́мъ онъ велѣ́лъ рабо́тникамъ поочерёдно подходи́ть, погла́дить пѣтуха́ осторо́жно по спинѣ́ и опя́ть накры́ть[5]) его́. При э́томъ онъ прибави́лъ[6]): „Чуть то́лько дотро́нется[7]) до пѣтуха́ воръ, то онъ закричи́тъ во весь го́лосъ“. Рабо́тники оди́нъ за други́мъ подходи́ли къ пѣтуху́ и гла́дили по спинѣ́, а пѣту́хъ и не ду́малъ крича́ть. Тогда́ зна́харь велѣ́лъ пода́ть[8]) огня́ и заста́вилъ[9]) рабо́тниковъ ра́зомъ показа́ть ру́ки. Оказа́лось, что у ка́ждаго изъ нихъ одна́ рука́ была́ чёрная, потому́ что чёрный пѣту́хъ былъ вы́мазанъ са́жей, то́лько у одного́ молодца́ о́бѣ́ руки́ бы́ли чи́сты. „Вотъ — онъ — воръ!“ закрича́ли ра́зомъ всѣ́ рабо́тники.

[1]) разы́скивать. [2]) укра́дывать. [3]) собира́ть. [4]) погаша́ть. [5]) накрыва́ть. [6]) прибавля́ть. [7]) дотро́гиваться. [8]) подава́ть. [9]) заставля́ть.

73. Горбу́нъ и ма́льчикъ.

Шёлъ[1]) по у́лицѣ небольша́го ро́ста челове́къ, но съ больши́мъ горбо́мъ на спинѣ. Злой мальчи́шка — шалу́нъ пусти́лъ[2]) въ него́ ка́мнемъ и попа́лъ[3]) пря́мо въ горбъ. „О! да какъ ты мѣтко кида́ешь, дружо́къ!“ сказа́лъ ему́ горба́тый: „вотъ тебѣ́ за э́то!“ и бро́силъ ма́льчику грошъ. „Я бѣдный челове́къ,“ приба́вилъ[4]) горбу́нъ, „и не могу́ дать[5]) тебѣ́ бо́льше, а вотъ идётъ[1]) бога́чъ: попади́[3]) въ него́ та́къ же ло́вко, какъ въ меня́, онъ дастъ[5]) тебѣ́ то, чего́ ты сто́ишь.“ Ма́льчикъ подня́лъ[6]) друго́й ка́мень, швырну́лъ[7]) и мѣтко попа́лъ[3]) въ богача́; но слуга́, кото́рый шёлъ[1]) позади́ богача́, догна́лъ[8]) ма́льчика и оттрепа́лъ[9]) его́ на сла́ву и за у́ши, и за во́лосы. Таки́мъ о́бразомъ ма́льчикъ получи́лъ то, чего́ сто́илъ.

[1]) идти́. [2]) пуска́ть. [3]) попада́ть. [4]) прибавля́ть. [5]) дава́ть. [6]) поднима́ть [7]) швыря́ть. [8]) догоня́ть. [9]) оттрёпывать.

74. Чу́дный врачъ.

Бога́тый господи́нъ имѣ́лъ обезья́ну, кото́рая ча́сто развлека́ла его́ свои́ми смѣшны́ми продѣлками. Одна́жды господи́нъ заболѣ́лъ: у него́ сдѣ́лался нары́въ въ го́рлѣ, такъ что онъ не могъ[1]) ни глота́ть ни говори́ть. Всѣ бы́ли увѣ́рены, что онъ умрётъ[2]). Случи́лось[3]) такъ, что при больно́мъ никого́ не́было, а потому́ обезья́на дѣ́лала, что хотѣ́ла. Въ сосѣ́дней ко́мнатѣ, гдѣ́ находи́лся гардеро́бъ больна́го, обезья́на нашла́[4]) карто́нку съ треуго́льной шля́пой, мунди́ръ и шпа́гу, наряди́лась[5]) и вошла́[6]) въ спа́льню, гдѣ́ лежа́лъ больно́й ея́ господи́нъ. Она́ сдѣ́лала нѣсколько покло́новъ и съ ва́жностію ста́ла расха́живать по ко́мнатѣ. Продѣлки обезья́ны показа́лись[7]) больно́му до того́ смѣшны́ми, что онъ, не смотря́ на си́льную боль въ го́рлѣ, расхохота́лся. Нары́въ въ го́рлѣ ло́пнулъ[8]) и больно́й че́резъ нѣсколько дней вы́здоровѣ́лъ[9]).

[1]) мочь. [2]) умира́ть. [3]) случа́ться. [4]) находи́ть. [5]) наряжа́ться. [6]) входи́ть. [7]) пока́зываться. [8]) ло́пнуть. [9]) выздора́вливать.

75. Бѣ́дность лу́чше увѣ́чья.

Саи́бъ, знамени́тый перси́дскій учёный, былъ о́чень бѣ́денъ, но переноси́лъ свою́ жесто́кую у́часть безро́потно. Но челове́къ не ка́мень; одна́жды и онъ не утерпѣ́лъ, что́бы не пожа́ловаться на свою́ бѣ́дность. Это случи́лось тогда́, когда́ ему́ пришло́сь[1]) ходи́ть босико́мъ, такъ какъ для поку́пки башмако́въ у него́ не́было де́негъ. Въ печа́льномъ расположе́ніи ду́ха пошёлъ[2]) онъ босо́й въ мечеть. Но тутъ у вхо́да онъ уви́дѣлъ безно́гаго ни́щаго. Тогда онъ по́днялъ[3]) глаза́ къ не́бу и воскли́кнулъ[4]): „Благодарю́ тебя́, Го́споди — Бо́же, за то, что ты даровалъ мнѣ но́ги, кото́рыми я могу́ ходи́ть, хотя́ онѣ и не обу́ты. Ахъ, съ како́ю ра́достью пошёлъ[2]) бы э́тотъ несча́стный калѣка и босико́мъ, е́сли бы то́лько у него́ бы́ли но́ги!“

[1]) приходи́ться. [2]) пойти́. [3]) поднима́ть. [4]) восклица́ть.

76. Маленькій благодѣтель.

Крестьянка несла[1]) въ городъ на продажу корзинку съ яйцами. Вдругъ два маленькіе шалуна выскочили[2]) изъ-за угла, опрокинули[3]) корзинку и съ хохотомъ убѣжали. Это увидѣлъ третій мальчикъ; онъ сжалъ[4]) кулаки и погнался за шалунами. Но вдругъ онъ бросилъ погоню, подумалъ немного и побѣжалъ домой. Крестьянка стояла и плакала надъ разбитыми яйцами. Между тѣмъ мальчикъ скоро возвратился[5]) и не съ пустыми руками. Онъ тихонько подошёлъ[6]) къ крестьянкѣ и высыпалъ ей въ передникъ всѣ деньги изъ своей копилки.

[1]) носить. [2]) выскакивать. [3]) опрокидывать. [4]) сжимать. [5]) возвращаться. [6]) подходить.

77. Находчивость русскаго солдата.

У пристани на рѣкѣ стоялъ часовой. Подъ вечеръ онъ увидѣлъ, какъ офицеръ шёлъ[1]) мимо него по льду прямо на широкую полынью, которую чуть только подёрнуло льдомъ и запорошило[2]) снѣгомъ. Часовой сталъ кричать офицеру, чтобы онъ измѣнилъ[3]) направленіе; но за сильнымъ встрѣчнымъ вѣтромъ офицеръ не могъ разслышать, оглянулся[4]) было, но пошёлъ[5]) опять своимъ путёмъ. Часовой закричалъ ему въ другой разъ изо всей силы, и когда офицеръ опять оглянулся[4]), то часовой бракнулъ ему ружьёмъ на погребеніе. Офицеръ поглядѣлъ, призадумался[6]) и подошёлъ[7]) ближе спросить, что это значитъ. Часовой растолковалъ ему въ чёмъ дѣло и спасъ[8]), такимъ образомъ, офицера отъ смерти.

[1]) идти. [2]) запорашивать. [3]) измѣнять. [4]) оглядываться. [5]) пойти. [6]) призадумываться. [7]) подходить. [8]) спасать.

78. Истинное величіе.

Послѣ покоренія Малой Азіи, Александръ Великій, царь македонскій, пошёлъ[1]) въ Египетъ. Дорога шла[2]) черезъ знойную, безводную пустыню. Воины терпѣли страшную жажду, нѣкоторые начинали уже роптать. Въ это время одинъ изъ воиновъ принёсъ[3]) Александру въ шлемѣ немного воды, которую нашёлъ[4]) въ расщелинѣ скалы. Александръ поднялъ[5]) предъ своимъ войскомъ шлемъ съ водою и сказалъ: „Для всѣхъ насъ этого мало, а я не хочу[6]) пользоваться никакими преимуществами передъ вами!“ Съ этими словами онъ вылилъ[7]) воду изъ шлема. Воины привѣтствовали его восторженными криками и съ тѣхъ поръ безропотно переносили жажду.

[1]) пойти. [2]) идти. [3]) приносить. [4]) находить. [5]) поднимать. [6]) хотѣть. [7]) выливать.

79. Ангелъ смерти.

У одной женщины родилось[1]) двое дѣтей. Господь посылаетъ ангела вынуть[2]) изъ нея душу. Прилетѣлъ ангелъ и видитъ, что около нея два грудныхъ ребёнка. Жаль ему стало[3]) дѣтей; онъ рѣшился послушаться Господа и не коснулся души женщины. Когда

онъ предста́лъ[4]) предъ Всевы́шнимъ, то сказа́лъ: „Го́споди, я не могъ[5]) вы́нуть[2]) души́ изъ той же́нщины: у нея́ два младе́нца, чѣмъ ста́нутъ[3]) они́ пита́ться.“ Госпо́дь взялъ жезлъ, уда́рилъ[6]) имъ въ ка́мень, разби́лъ[7]) его́ на́двое и велѣлъ посмотрѣть въ тре́щину. „Что ты ви́дишь тамъ?“ спроси́лъ Госпо́дь. „Ви́жу[8]) двухъ червяко́въ,“ сказа́лъ а́нгелъ. „Поймй[9]) же, что Тотъ, Кто питаетъ двухъ червяко́въ, пропита́лъ[10]) бы и двухъ ма́лыхъ младе́нцевъ.

[1]) рожда́ться. [2]) вынима́ть. [3]) стать. [4]) представа́ть. [5]) мочь. [6]) ударя́ть. [7]) разбива́ть. [8]) ви́дѣть. [9]) понима́ть. [10]) пропита́ть.

80. Появле́ніе пе́рвой ла́сточки.

Тра́вка зеленѣетъ,
Со́лнышко блести́тъ,
Ла́сточка съ весно́ю
Въ се́ни къ намъ лети́тъ.
Съ не́ю со́лнце до́льше[1]),
И весна́ милѣй . . .

Прощебе́чь[2]) съ доро́ги
Намъ привѣтъ скорѣй;
Дамъ[3]) тебѣ я зёренъ,
А ты пѣсню спой[4]);
Что изъ странъ далёкихъ
Принесла́[5]) съ собо́й? . . .

Плещеевъ.

[1]) до́лго. [2]) прощебета́ть. [3]) дава́ть. [4]) спѣва́ть. [5]) приноси́ть.

81. Сѣнокосъ.

Па́хнетъ сѣномъ надъ луга́ми . . .
Въ пѣснѣ ду́шу весели́[1]),
Ба́бы съ гра́блями, ряда́ми,
Хо́дятъ, сѣно шевели́[2]).
Тамъ — сухо́е убира́ютъ
Мужики́ его́ круго́мъ,
На́ возъ ви́лами кида́ютъ . . ,
Возъ растётъ[3]), растётъ, какъ домъ.
Въ ожида́ньи конь убо́гій,
То́чно вкопанный, стои́тъ
Уши[4]) врозь, дугою но́ги,
И какъ бу́дто сто́я[5]) спитъ[6]).
То́лько Жу́чка удала́я
Въ ры́хломъ сѣнѣ, какъ въ волна́хъ,
То взлета́я[7]), то ныря́я[8]),
Ска́четъ[9]), ла́я[10]) въ попыха́хъ.

Майковъ.

[1]) ergötzen. [2]) reffeln. [3]) рости́. [4]) у́хо. [5]) stehen. [6]) спать. [7]) hinaufliegen. [8]) unterlaufen. [9]) скака́ть. [10]) bellen.

82. О́сень въ дере́внѣ.

Со́лнце спря́талось за ту́чи,
Вѣтеръ си́льный, холодно́;
Ли́стья[1]) сы́плются[2]), и въ ку́чи
Вѣтромъ всѣ ихъ намело́[3]).
Рѣчка́ хо́дитъ такъ серди́то,

Лѣсъ такъ жа́лобно шуми́тъ,
Не́бо ту́чами закры́то,
Не́бо до́ждикомъ грози́тъ.
Пти́чки всѣ прижа́лись[4]) въ по́лѣ,
Ры́бки спря́тались на дно;
Всѣмъ и въ во́лѣ, и въ нево́лѣ
Холодно́, всѣмъ холодно́.

[1]) листъ. [2]) сы́пать. [3]) намета́ть. [4]) прижима́ться.

83. Осе́нняя пѣсенка.

Вя́нетъ, вя́нетъ лѣто кра́сно,
Улета́ютъ я́сны дни!
Сте́лется[1]) тума́нъ нена́стной
Но́чи въ дре́млющей тѣни́;
Опустѣли зла́чны ни́вы;
Хла́денъ ручеёкъ игри́вый,
Лѣсъ кудря́вый посѣдѣлъ;
Сводъ небе́сный поблѣднѣлъ.
Ско́ро, ско́ро хо́лодъ зи́мній
Ро́щу, по́ле посѣти́тъ[2]);
Огонёкъ въ лачу́жкѣ ды́мной
Ско́ро я́рко заблести́тъ[3]). Пушкинъ.

[1]) стла́ться. [2]) посѣща́ть. [3]) заблиста́ть.

84. Лѣсъ о́сенью.

Осе́нніе ли́стья[1]) по вѣтру кружа́тъ,
Осе́нніе ли́стья въ трево́гѣ вопя́тъ:
„Всё ги́бнетъ, всё ги́бнетъ! ты че́ренъ и голъ,
О, лѣсъ нашъ роди́мый, коне́цъ твой пришёлъ[2])!“
Не слы́шитъ трево́ги ихъ ца́рственный лѣсъ.
Подъ тёмной лазу́рью суро́выхъ небе́съ[3])
Его́ спелена́ли могу́чіе сны,
И зрѣетъ въ немъ си́ла для но́вой весны́. Майковъ.

[1]) листъ. [2]) приходи́ть. [3]) не́бо.

85. Зима́.

Гдѣ сла́дкій шо́потъ
Густы́хъ лѣсо́въ,
Пото́ковъ ро́потъ,
Цвѣты́ луго́въ?
Дере́вья[1]) го́лы;
Ковёръ зимы́
Покры́лъ[2]) холмы́,
Луга́ и до́лы.

Подъ ледяно́й
Свое́й коро́й
Ручей нѣмѣетъ,
Всё цѣпенѣетъ:
Лишь вѣтеръ злой,
Бушу́я во́етъ[3])
И не́бо кро́етъ[4])
Сѣдо́ю мгло́й. Баратынскій.

[1]) де́рево. [2]) покрыва́ть. [3]) выть. [4]) крыть.

86. Берёза.

Печáльная берёза
У моегó окнá
И прúхотью морóза
Разýбрана онá.
Какъ грóздья[1]) виногрáда,
Вѣтвéй концы́ вися́ть.

И радóстенъ для взгля́да
Весь трáурный нарáдъ.
Люблю́[2]) игрý денни́цы
Я замѣча́ть на ней,
И жаль мнѣ, éсли пти́цы
Стряхнýтъ[3]) красý съ вѣтвéй.

[1]) гроздь. [2]) люби́ть. [3]) стря́хивать.

Фетъ.

87. Въ шкóлѣ.

Въ сóнномъ вóздухѣ сверкáетъ
Пéрвый чúстенькій снѣжóкъ,
И румя́нитъ лю́дямъ щёки
Лéгкій зúмній холодóкъ.
Сóлнце нá небо восхóдитъ . . .
Вста́ньте[1]), дѣти! Пóлно спать!
Шкóла блúзко, — по морóзу
Мóжно слáвно пробѣжáть[2]).
Вотъ и шкóла: э́ти дóски,
И скамéйки и столы́
Все вамъ блúзко, все знакóмо,
Дáже сáмые углы́.
Встрѣтитъ[3]) въ кóмнатѣ ую́тной
Васъ толпá друзéй[4]) — ребя́тъ[5]), —
Въ ней тепéрь и смѣхъ и гóворъ
Несмолкáемо гремя́тъ.

Михайловъ.

[1]) встава́ть. [2]) пробѣга́ть. [3]) встрѣча́ть. [4]) другъ. [5]) ребёнокъ.

88. Изобрѣтéніе стеклá.

Стеклó, по словáмъ латúнскаго писáтеля Плúнія, изобрѣтено Финикúйцами, нарóдомъ, котóрый нѣкогда жилъ въ Мáлой Азíи, на берегý Средизéмнаго мóря. Это случúлось слѣдующимъ óбразомъ: Однáжды финикúйскіе куппы́ приста́ли[1]) къ песчáному бéрегу и нáчали[2]) готóвить себѣ обѣдъ. Такъ какъ на берегý нéбыло кáмней, на котóрыхъ мóжно бы́ло бы утвердúть[3]) котёлъ, то они принесли́[4]) съ корабля́ нéсколько глыбъ селúтры, постáвили[5]) на нихъ котёлъ и развели́[6]) подъ нимъ огóнь. Скóро кýшанье бы́ло готóво. Когдá сня́ли[7]) котёлъ, то увúдѣли, что селúтра расплáвилась[8]), смѣша́лась[9]) съ пескóмъ и золóю и образовáла прозрáчный кáмень. Этотъ то кáмень и извéстенъ у насъ подъ úменемъ стеклá.

[1]) приставáть. [2]) начинáть. [3]) утверждáть. [4]) приноси́ть. [5]) ста́вить. [6]) разводи́ть. [7]) снимáть. [8]) расплавля́ться.

89. Хладнокро́віе.

Одна́жды пе́рсы вы́садились[1]) въ Гре́ціи и шли[2]) уже́ на го́родъ Аѳи́ны. На пути́ къ Аѳи́намъ находи́лся у́зкій го́рный прохо́дъ, кото́рый за́нялъ[3]) съ тремя́ ста́ми Спарта́нцевъ царь Леони́дъ. Спарта́нцы бы́ли хра́бры и иску́сны въ вое́нномъ дѣлѣ и потому́ ожида́ли непрія́теля споко́йно. Но отря́дъ Спарта́нцевъ былъ весьма́ малъ. Пе́рсы подступи́ли[4]) къ прохо́ду въ огро́мномъ числѣ. Оди́нъ грекъ закрича́лъ Леони́ду съ горы́: „Непрія́телей такъ мно́го, что они́ стрѣла́ми мо́гутъ[5]) закры́ть[6]) отъ насъ со́лнце!“ — „Тѣмъ лу́чше,“ отвѣча́лъ царь, „тогда́ мы бу́демъ сража́ться въ тѣни́.“

[1]) выса́живаться. [2]) идти́. [3]) занима́ть. [4]) подступа́ть. [5]) мочь. [6]) закрыва́ть.

90. Побѣди́теля не су́дятъ.

Знамени́тый ру́сскій полково́децъ Сувóровъ, во вре́мя войны́ съ ту́рками, состоя́лъ подъ нача́льствомъ главнокома́ндующаго Румя́нцева. Кро́мѣ свои́хъ вое́нныхъ спосо́бностей, уже́ въ то вре́мя Сувóровъ сла́вился уда́чнымъ выполне́ніемъ са́мыхъ тру́дныхъ предпрія́тій. Одна́жды Румя́нцевъ приказа́лъ[1]) ему́ сторожи́ть туре́цкую кре́пость Туртука́й, но Сувóровъ отва́жился на при́ступъ, взялъ кре́пость и извѣща́лъ главнокома́ндующаго: „Сла́ва Бо́гу, сла́ва намъ: Туртука́й взятъ и мы тамъ!“ За ослуша́ніе Румя́нцевъ пре́далъ[2]) побѣди́теля суду́, кото́рый приговори́лъ[3]) Сувóрова къ разстрѣля́нію, и посла́лъ[4]) свой при́говоръ на утвержде́ніе императри́цы.

„Побѣди́теля не су́дятъ!“ рѣши́ла Екатери́на Вели́кая и посла́ла[4]) Сувóрову о́рденъ.

[1]) прика́зывать. [2]) предава́ть. [3]) приговáривать. [4]) посыла́ть.

91. Алекса́ндръ I. въ Пари́жѣ. 1.

Когда́ Алекса́ндръ Благослове́нный вступи́лъ[1]) въ Пари́жъ, то со всѣхъ сторо́нъ раздава́лись ра́достныя привѣ́тствія наро́да и кри́ки: „да здра́вствуетъ[2]) импера́торъ Алекса́ндръ!“ — Госуда́рь на э́то отвѣча́лъ: „да здра́вствуетъ[2]) миръ! — Я вступи́лъ не врагомъ ва́шимъ, а что́бы возврати́ть[3]) вамъ споко́йствіе и свобо́ду.“ „Мы уже́ давно́ жда́ли прибы́тія ва́шего вели́чества,“ сказа́лъ оди́нъ изъ францу́зовъ. „Я пришёлъ бы ранѣе къ вамъ,“ возрази́лъ[4]) Алекса́ндръ, „но меня́ задержа́ла[5]) хра́брость ва́шихъ войскъ.“

[1]) вступа́ть. [2]) здра́вствовать. [3]) возвраща́ть. [4]) возража́ть. [5]) заде́рживать.

92. Алекса́ндръ I. въ Пари́жѣ. 2.

По оконча́ніи большо́го смотра́ ру́сскихъ войскъ въ окре́стностяхъ Пари́жа, импера́торъ Алекса́ндръ I. возвраща́лся въ го́родъ въ каре́тѣ. Ку́черъ его́, францу́зъ, по неосторо́жности, задѣлъ[1]) за чужу́ю коля́ску опроки́нулъ[2]) и слома́лъ её. Госуда́рь то́тчасъ вы́шелъ[3]) изъ каре́ты, по́днялъ[4]) хозя́ина коля́ски, извини́лся[5]) пе́редъ нимъ и спроси́лъ его

фами́лію и а́дрессъ. Ве́черомъ онъ отпра́вилъ[6]) къ нему́ дежу́рнаго адъюта́нта узна́ть[7]) о здоро́вьѣ, а на друго́й день присла́лъ[8]) въ пода́рокъ бога́тый пе́рстень, но́вую коля́ску и прекра́сную ло́шадь. При э́томъ онъ приказа́лъ[9]) втори́чно проси́ть извине́нія у пострада́вшаго.

[1]) задѣва́ть. [2]) опроки́дывать. [3]) выходи́ть. [4]) поднима́ть. [5]) изъявля́ть. [6]) отправля́ть. [7]) узнава́ть. [8]) присыла́ть. [9]) приказывать.

93. Нача́льникъ и оте́цъ.

Въ сраже́ніи подъ Аустерлицемъ былъ ра́ненъ смерте́льно зять Куту́зова, баро́нъ Тизенга́узенъ, прекра́сный молодо́й челове́къ. Онъ броса́лся въ са́мыя опа́сныя мѣста́; а потому́ ско́ро пу́ля проби́ла[1]) ему́ грудь, и онъ упа́лъ[2]) съ ло́шади. Когда́ Куту́зовъ узна́лъ[3]) объ э́томъ несча́стіи, то не обнару́жилъ[4]) ни мале́йшаго при́знака ско́рби. Съ необыкнове́ннымъ хладнокро́віемъ, во всё вре́мя сраже́нія, онъ продолжа́лъ отдава́ть приказа́нія и, каза́лось, былъ соверше́нно споко́енъ. Но на друго́й день приближённые заста́ли[5]) его́ въ большо́й го́рести: онъ рыда́лъ неутѣшно надъ тру́помъ люби́маго сы́на, кото́рый поги́бъ[6]) во цвѣтѣ лѣтъ. Нѣкоторые изъ приближённыхъ сказа́ли, что они́ не ожида́ли его́ уви́дѣть въ тако́мъ отча́яніи по́слѣ обнару́женнаго имъ му́жества ду́ха, съ кото́рымъ онъ вчера́ перенёсъ[7]) на по́лѣ би́твы жесто́кій уда́ръ судьбы́. „Вчера́,“ — отвѣча́лъ Куту́зовъ, „я былъ нача́льникъ, а сего́дня — оте́цъ!“

[1]) пробива́ть. [2]) упада́ть. [3]) узнава́ть. [4]) обнару́живать. [5]) заставля́ть. [6]) погиба́ть. [7]) переноси́ть.

94. Дога́дливый осёлъ.

Одна́жды осёлъ, съ мѣшко́мъ со́ли на спинѣ, переходи́лъ по мо́стику, кото́рый былъ перело́женъ че́резъ ручёй. Мо́стикъ былъ у́зкій, осёлъ оступи́лся[1]) и упа́лъ[2]) въ во́ду. Выхо́дитъ онъ изъ воды́ и чу́вствуетъ,[3]) что тя́жести си́льно поуба́вилось: соль почти́ вся распусти́лась[4]) въ водѣ. Идётъ[5]) онъ въ друго́й разъ че́резъ ручёй, то́лько ужъ не съ со́лью, а съ гу́бками. Вспо́мнилъ онъ про соль, и бухъ! наро́чно въ во́ду: ду́малъ облегчи́ть[6]) но́шу. Но гу́бки намо́кли[7]) и сдѣлались такъ тяжелы́, что осёлъ ужъ не могъ подня́ться[8]) и утону́лъ[9]).

[1]) оступа́ться. [2]) упада́ть. [3]) чу́вствовать. [4]) распуска́ться. [5]) идти́. [6]) облегча́ть. [7]) намока́ть. [8]) подниматься. [9]) утопа́ть.

95. Котъ и мы́ши.

Завело́сь[1]) въ одно́мъ до́мѣ мно́го мышей. Котъ забра́лся[2]) въ э́тотъ домъ и сталъ лови́ть мыше́й. Увида́ли мы́ши, что дѣло пло́хо и говори́тъ: „Дава́йте, мы́ши, не бу́демъ сходи́ть съ потолка́, а сюда́ къ намъ коту́ не добра́ться[3])!“ Котъ заду́малъ[4]) ихъ перехитри́ть: онъ уцѣпи́лся[4]) одно́й ла́пкой за потоло́къ, свѣсился[5]) и притвори́лся мёртвымъ. Одна́ мышь взгляну́ла на него́ и говори́тъ: „Нѣтъ, братъ!

не надýешь[6]), знáемъ твои́ продѣ́лки, хоть мѣ́шкóмъ сдѣ́лайся, и то не подойдý!“

[1]) завести́сь. [2]) забира́ться. [3]) добира́ться. [4]) уцѣпля́ться. [5]) свѣ́шиваться. [6]) надува́ть. [7]) подходи́ть.

96. Осёлъ въ льви́ной шкýрѣ.

Ослý надоѣ́ло[1]) рабóтать. Онъ ушёлъ[2]) отъ хозя́ина въ лѣ́съ и по дорóгѣ нашёлъ[3]) льви́ную шкýру. „О, э́то какъ разъ кста́ти мнѣ!“ говори́тъ осёлъ. Онъ закýтался[4]) въ льви́ную шкýру и сталъ гóрдо гуля́ть пó лѣ́су. Дѣйстви́тельно, всѣ звѣ́ри, при встрѣ́чѣ съ нимъ, принима́ли егó за льва и отъ стра́ха убѣга́ли прочь. Осёлъ зава́жничалъ: „Дай-ка,“ дýмаетъ себѣ, „зарычý: вотъ зада́мъ[5]) стра́ху-то звѣря́мъ, всѣ разбѣгýтся, тогда́ я оди́нъ въ лѣ́сý останýсь[6]), то-то бýдетъ раздóлье.“ И ну крича́ть по осли́ному. Услыха́ли э́тотъ крикъ звѣ́ри, пóняли[7]), въ чёмъ дѣ́ло и приняли́сь[8]) вымеща́ть на ослѣ́ свой напра́сный страхъ. Услы́шалъ кри́къ осла́ и егó хозя́инъ; онъ пришёлъ въ лѣ́съ съ дуби́ной и въ свою́ о́чередь попóтчивалъ длинноýхаго и погна́лъ домóй.

[1]) надоѣ́дать. [2]) уходи́ть. [3]) находи́ть. [4]) закýтываться. [5]) задава́ть. [6]) остава́ться. [7]) понима́ть. [8]) принима́ться.

97. Учёный сквореца́.

У старика́ — охóтника былъ учёный сквореца́, котóрый умѣ́лъ говори́ть. Къ охóтнику ча́сто приходи́лъ ма́ленькій сынъ сосѣ́да послу́шать чýдную пти́цу. Осóбенно нра́вилось емý, какъ старичёкъ быва́ло спрóситъ: „Гдѣ ты, сквóрушка?“ а скворе́цъ тóтчасъ и кри́кнетъ: „Здѣсь, дя́дюшка!“ — Разъ ма́льчикъ прихóдитъ, а охóтника нѣтъ въ кóмнатѣ. И задýмалъ[1]) плути́шка укра́сть рѣ́дкую пти́цу. Онъ схвати́лъ[2]) скворца́ и провóрно сýнулъ егó въ карма́нъ. Въ э́то врéмя вхóдитъ стари́къ и, по обыкновéнію своемý, спра́шиваетъ: „Гдѣ ты, сквóрушка?“ „Здѣсь, дя́дюшка!“ кри́кнулъ скворе́цъ въ карма́нѣ вори́шки.

[1]) задýмывать. [2]) схва́тывать.

98. Скрóмный соловéй.

Когда́ Госпóдь сотвори́лъ птицъ, то всѣ онѣ́ окружи́ли Творца́ и на́чали сла́вить егó. Но ни одна́ изъ нихъ нéбыла довóльна своéю одéждой: гусь хотѣ́лъ имѣ́ть зелéныя нóги, ýтка кра́сную гóлову, жа́воронокъ кра́сныя, зелёныя и жёлтыя пéрья. Оди́нъ лишь соловéй былъ совершéнно довóленъ своймъ ви́домъ и свои́ми сѣ́рыми пéрьями[1]). Скрóмность соловья́ óчень понра́вилась Творцý, и Онъ сказа́лъ: „Такъ какъ ты довóленъ своéю скрóмною нарýжностью, то ты на́учишься пѣть лýчше всѣхъ птицъ и сдѣ́лаешься люби́мцемъ челове́ка. — Съ тѣ́хъ поръ мы съ удовóльствіемъ слýшаемъ пѣ́ніе соловья́ и называ́емъ его царёмъ пѣ́вчихъ птицъ.

[1]) перó.

99. Пчела́ и го́лубь.

Пчела́ спусти́лась[1]) къ ручью́[2]): ей захоте́лось напи́ться[3]). По неосторо́жности она́ упа́ла[4]) въ во́ду и ста́ла тону́ть. Го́лубь уви́дѣлъ пчелу́ и, что́бы спасти́[5]) её, бро́силъ въ ручёй вѣтку. Пчела́ вскара́бкалась[6]) на вѣтку и спасла́сь[7]). — По́слѣ того́ го́лубь задрема́лъ на де́ревѣ и не замѣ́тилъ[8]), какъ охо́тникъ прицѣ́лился въ него́. Но пчела́ не дрема́ла, — она́ ужа́лила охо́тника въ ру́ку въ то са́мое вре́мя, когда́ тотъ собира́лся вы́стрѣлить. Рука́ дро́гнула и вы́стрѣлъ пролетѣ́лъ ми́мо го́лубя. Таки́мъ о́бразомъ пчела́ отплати́ла[10]) го́лубю за своё спасе́ніе.

[1]) спуска́ться. [2]) ручёй. [3]) напива́ться. [4]) упада́ть. [5]) спаса́ть. [6]) вскара́бкиваться. [7]) спаса́ться. [8]) замѣ́чать. [9]) прицѣ́ливаться. [10]) отпла́чивать.

100. Вѣ́рная ко́шка.

Существу́етъ[1]) мнѣ́ніе, что ко́шка не мо́жетъ привяза́ться[2]) къ человѣ́ку, подо́бно соба́кѣ, но слѣ́дующій слу́чай дока́зываетъ проти́вное. Разска́зываютъ, что во вре́мя кры́мской войны́ была́ у одного́ солда́та ко́шка, кото́рая постоя́нно сидѣ́ла у него́ на ра́нцѣ и уча́ствовала въ вы́лазкахъ и сраже́ніяхъ. Одна́жды, когда́ солда́тъ былъ ра́ненъ, ко́шка зали́зывала его́ ра́ну, не дала́ исте́чь[3]) кровью и таки́мъ о́бразомъ спасла́[4]) ему́ жизнь.

[1]) существова́ть. [2]) привя́зываться. [3]) истека́ть. [4]) спаса́ть..

101. Соро́ка-воро́вка.

У одного́ ювели́ра въ мастерско́й пропа́ли[1]) два весьма́ краси́вые драгоцѣ́нные ка́мня. Подозрѣ́ніе па́ло[2]) на одного́ изъ ученико́въ, и ма́стеръ сталъ обы́скивать его́ ко́мнату. Ка́мни на́йдены бы́ли въ щели́ надъ посте́лью ма́льчика, кото́рый божи́лся, что онъ не пря́талъ туда́ камнёй. Не смотря́ на то, ма́стеръ прогна́лъ[3]) его́ изъ своёй мастерско́й. Спустя́ нѣсколько вре́мени опя́ть пропа́лъ[1]) драгоцѣ́нный ка́мень и ма́стеръ нашёлъ[4]) его́ въ той же са́мой щели́. Тогда́ онъ сталъ сторожи́ть во́ра. Оказа́лось[5]), что воръ былъ не кто друго́й, какъ ручна́я соро́ка, кото́рая принадлежа́ла его́ сы́ну. Она́-то и похища́ла ка́мни и пря́тала ихъ въ щель.

[1]) пропада́ть. [2]) пасть. [3]) прогоня́ть. [4]) находи́ть. [5]) ока́зываться.

102. Лету́чая мышь.

Бы́ло вре́мя, говори́тъ наро́дное сказа́ніе, когда́ пти́цы вели́[1]) жесто́кую войну́ съ четвероно́гими живо́тными. Борьба́ дли́лась до́лго, побѣ́да была́ то на одно́й то на друго́й сторонѣ. Во вре́мя э́той борьбы́ лету́чая мышь вела́[1]) себя́ чрезвыча́йно хи́тро и осторо́жно. Когда́ побѣжда́ли пти́цы, то она́ ве́село лета́ла съ ни́ми, и всѣ удивля́лись э́той необыкнове́нной пти́цѣ. Когда́ же побѣжда́ли четвероно́гія живо́тныя, то она́ присоедини́лась къ нимъ, по́лзала на четвере́нькахъ

и выдава́ла себя́ за мышь. Наконе́цъ о́бѣ сто́роны уста́ли[2]) отъ продолжи́тельной борьбы́ и заключи́ли миръ. Тогда́ вдругъ откры́лось[3]) лицемѣ́ріе лету́чей мы́ши. Съ тѣ́хъ поръ её вездѣ́ ненави́дятъ: изъ четвероно́гихъ живо́тныхъ её преслѣ́дуетъ[4]) ко́шка, а изъ птицъ — сова́. Поэ́тому-то она́ избѣга́етъ свѣ́та и одино́ко лета́етъ среди́ тёмной но́чи.

[1]) вести́. [2]) устава́ть. [3]) открыва́ться. [4]) преслѣ́довать.

103. Упря́мство до добра́ не дово́дитъ.

Два упря́мые ко́злика встрѣ́тились[1]) одна́жды на у́зкомъ бревнѣ́, кото́рое служи́ло мо́стикомъ че́резъ ручей́. Размину́ться бы́ло невозмо́жно; приходи́лось одному́ изъ нихъ вороти́ться наза́дъ, дать другому́ доро́гу и обожда́ть. „Уступи́ мнѣ доро́гу,“ сказа́лъ оди́нъ. — „Вотъ ещё! что ты за ба́ринъ. Живѣ́й наза́дъ; я пе́рвый взошёлъ[2]) на мостъ.“ — „Нѣтъ, братъ! я гора́здо ста́рше[3]) тебя́ года́ми и мнѣ́ уступи́ть молокосо́су! Ни за что!“ Такъ какъ ни оди́нъ изъ нихъ не хотѣ́лъ уступи́ть доро́ги, то ско́ро ме́жду упря́мцами произошла́[4]) дра́ка. Ко́злики сцѣпи́лись[5]) рога́ми и на́чали напира́ть другъ на дру́га. Но бревно́ бы́ло мо́кро и ско́льзко, о́ба упря́мца поскользну́лись[6]) и полетѣ́ли пря́мо въ во́ду.

[1]) встрѣча́ться. [2]) входи́ть. [3]) ста́рый. [4]) происходи́ть. [5]) сцѣпля́ться. [6]) поскользну́ться.

104. Гусь.

У одного́ гу́ся бы́ли бѣ́лые какъ снѣгъ пе́рья, Всѣ восхища́лись его́ бѣлизно́ю. Гусь сталъ горди́ться свои́ми пе́рьями и ду́малъ, что онъ ле́бедь, а не гусь. Онъ отдѣли́лся отъ други́хъ гусе́й и на́чалъ вели́чественно пла́вать по о́зеру: онъ то вытя́гивалъ ше́ю, что́бы скрыть[1]) ея́ коро́ткость, то стара́лся прида́ть[2]) ей краси́вый изги́бъ, кото́рый дѣ́лаетъ ле́бедя и́стинною краcóю птицъ. — Но въ ше́ѣ у него́ не́было ни красоты́, ни ги́бкости. Не смотря́ на всѣ уси́лія нашъ горде́цъ дости́гъ[3]) то́лько того́, что сталъ смѣ́шнымъ гу́семъ, а ле́бедемъ не сдѣ́лался.

[1]) скрыва́ть. [2]) придава́ть. [3]) достига́ть.

105. Состарѣ́вшійся левъ.

Ста́рый, дря́хлый левъ не могъ лови́ть звѣре́й и заду́малъ жить хи́тростью. Съ э́тою цѣ́лью онъ посели́лся въ пеще́рѣ и притвори́лся больны́мъ. Ско́ро распространи́лся слухъ, что царь звѣре́й заболѣ́лъ, и мно́гіе ста́ли его́ провѣ́дывать. Вотъ, наконе́цъ, пришла́[1]) ко льву и лиси́ца, ста́ла у вхо́да въ пеще́ру и спра́шиваетъ: „Какъ твоё здоро́вье, царь звѣре́й?“ „Пло́хо,“ отвѣча́етъ левъ, „но почему́ же ты не войдёшь[2])?“ „Да потому́,“ отвѣча́ла хи́трая лиси́ца, „что слѣ́довъ-то къ тебѣ́ мно́го ви́дно, а отъ тебя́ ни одного́ не вида́ть.“

[1]) приходи́ть. [2]) входи́ть.

106. Ёжъ и кротъ.

Ёжъ почу́вствовалъ приближе́ніе зимы́ и сталъ проси́ть крота́: „Уступи́ мнѣ ма́ленькое мѣсте́чко въ твое́й норѣ.“ Кротъ по доброті́ свое́й впусти́лъ[1]) ежа́ въ сво́ю но́ру. Ёжъ расположи́лся[2]) въ чужо́й норѣ, какъ у себя́ до́ма: онъ растопы́рилъ[3]) свои́ и́глы такъ, что бѣ́дный кротъ ника́къ не могъ поверну́ться[4]) и постоя́нно натыка́лся на и́глы го́стя. Кротъ раска́ялся[5]) въ своей доброті́ и попроси́лъ ежа́ вы́йти[6]). Ёжъ не тро́гался съ мѣста и сказа́лъ: „Мнѣ и здѣсь хорошо́; е́сли тебѣ́ не нра́вится, то уходи́.

[1]) впуска́ть. [2]) располага́ться. [3]) растопы́риваться. [4]) повёртываться. [5]) раска́иваться. [6]) выходи́ть.

107. Медвѣдь и бревно́.

Одна́жды медвѣдь шёлъ[1]) по́лѣсу и разню́хивалъ, нельзя́ ли чего́ нибу́дь добы́ть[2]) на обѣдъ. Тутъ онъ уви́дѣлъ на сосні́ у́лей, а подъ у́льемъ гла́дкое бревно́ на верёвкѣ. Но медвѣдю до бревна́ дѣла нѣтъ. Споко́йно полѣ́зъ[3]) медвѣдь на сосну́, долѣ́зъ[4]) до бревна́, нельзя́ лѣ́зть вы́ше[5]) — бревно́ мѣша́етъ. Ми́ша оттолкну́лъ[6]) бревно́ ла́пой: бревно́ лего́нько откачну́лось наза́дъ — и стукъ медвѣдя по головѣ. Медвѣдь оттолкну́лъ[6]) бревно́ по крѣпче[7]) — а бревно́ уда́рило его́ по сильнѣе. Разсерди́лся[8]) медвѣдь и отбро́силъ[9]) бревно́ изо всей си́лы. Бревно́ хвати́ло медвѣдя по лбу такъ, что онъ едва́ не свали́лся съ де́рева. Разсвирѣпѣ́лъ медвѣдь, забы́лъ[10]) про мёдъ и вступи́лъ въ бой съ бревно́мъ, но безъ сда́чи ни ра́зу не оста́лся[11]). Дра́лся медвѣдь съ бревно́мъ до тѣхъ поръ, пока́ весь изби́тый не свали́лся[12]) съ де́рева. Но э́то ещё не всё. Подъ де́ревомъ бы́ли наты́каны ко́лышки. Медвѣдь упа́лъ на ко́лышки и уби́лся до́ смерти.

[1]) идти́. [2]) добыва́ть. [3]) полѣзать. [4]) долѣзать. [5]) высо́кій. [6]) отта́лкивать [7]) крѣ́пкій. [8]) разсе́рживаться. [9]) отбра́сывать. [10]) забыва́ть. [11]) остава́ться. [12]) сва́ливаться.

108. Квартѐтъ.

Осёлъ, козёлъ, медвѣдь и обезья́на заду́мали сыгра́ть квартѐтъ. Они́ пригото́вились[1]) какъ слѣ́дуетъ[2]) и усѣ́лись[3]) на лугу́ подъ ли́пками. На́чали игра́ть, но му́зыка вы́шла[4]) са́мая отврати́тельная. Тутъ обезья́на вска́киваетъ и сове́туетъ[5]) перемѣни́ть мѣста́. Музыка́нты размѣсти́лись[6]) въ но́вомъ поря́дкѣ и сно́ва заигра́ли; но му́зыка шла по пре́жнему. Тогда́ осёлъ предложи́лъ[7]) сѣсть ря́домъ. Сѣли,[8]) но и э́то не помогло́[9]). До́лго они́ спо́рили о томъ, кому́ и какъ сидѣ́ть. Въ э́то вре́мя прилетѣ́лъ соловей́. Музыка́нты обрати́лись[10]) къ нему́ за сове́томъ. Но соловей́ пря́мо имъ сказа́лъ: „Какъ, друзья́, ни сади́тесь, а всё въ музыка́нты не годи́тесь.“

[1]) приготовля́ться. [2]) слѣ́довать. [3]) усѣ́сться. [4]) выходи́ть. [5]) сове́товать. [6]) размѣща́ться. [7]) предлага́ть. [8]) сѣсть. [9]) помога́ть. [10]) обраща́ться.

109. Ворóна и лисúца.

Ворóна укрáла гдѣ то кусóкъ сы́ру, усѣлась[1]) на е́ли и собирáлась позáвтракать. Въ э́то сáмое врéмя мúмо пробѣгáла лисúца. Онá почу́яла зáпахъ сы́ра и рѣшúлась вы́манить егó. Хúтрая лисúца нѝ цы́почкахъ подхóдитъ къ дéреву и начинáетъ хвалúть воро́ну. Лукáвыи звѣрь находúтъ прекрáсными нóсикъ, глазá и пёрышки воро́ны а наконéцъ говорúтъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что и гóлосъ у тебя́ хорóшій, спой[2]) что нибу́дь, сестрúца. Не стыдúсь!“ Воро́на пришлá[3]) въ востóргъ отъ похвáлъ лисúцы и кáркнула[4]) во всё гóрло. Сыръ вы́палъ[5]). Лисúца бы́стро схватúла[6]) егó и убѣжáла.

[1]) усѣсться. [2]) спѣвать. [3]) приходúть. [4]) кáркать. [5]) выпадáть. [6]) схвáтывать.

110. Ссóра до добрá не довóдитъ.

Отéцъ предъ смéртію завѣщáлъ двумъ своúмъ сыновья́мъ[1]) раздѣлúть все наслѣдство пополáмъ. Сыновья́[1]) похорони́ли отцá. стáли дѣлúть имýщество и засцóрили. Кáждому казáлось, что онъ получáетъ мéньше, чѣмъ слѣдуетъ[2]). Чтóбы рѣшúть споръ, они́ обратúлись[3]) къ сосѣду за совѣтомъ. „Если вы, хотúте въ тóчности испóлнить завѣщáніе отцá“, сказáлъ имъ сосѣдъ, то разорвúте[4]) пополáмъ бѣльё и плáтье, разбéйте[5]) посýду, разрѣжьте[6]) пополáмъ и кáждую скотúну. Брáтья[7]) послýшались сосѣда, перепóртили всё имýщество и сáми лишúли себя́ наслѣдства.

[1]) сынъ. [2]) слѣдовать. [3]) обращáться. [4]) разрывáть. [5]) разбивáть. [6]) разрѣзывать. [7]) братъ.

111. Рóза и крапúва.

Случúлось, что рóза и крапúва росли́[1]) вмѣстѣ. Послѣдняя говорúтъ своéй прекрáсной сосѣдкѣ: „Посмотри́, пожáлуйста, какъ э́та пчелá óколо тебя́ увивáется; тебѣ ни на минýтy нѣтъ отъ нея́ покóя. Я удивля́юсь твоемý терпѣнію, велúчественная царúца цвѣтóвъ. какъ э́то ты не мѣшáешь э́тому мáленькому урóду дышáть твоúмъ благоуха́ніемъ и похищáть часть твоúхъ сóковъ!“ „Я не должна́ мѣшáть ей,“ отвѣчáла рóза: „онá сóки э́ти превращáетъ въ мёдъ.“

[1]) расти́.

112. Дúкая я́блоня.

Въ пустóе дупло́ дúкой я́блони засѣлъ рой пчёлъ. Чéрезъ нѣсколько врéмени въ дуплѣ оказáлось[1]) мнóго мёду: я́блоня такъ возгордúлась э́тимъ, что стáла презирáть всѣ другія дерéвья. Тогдá рóзовый кустъ сказáлъ ей: „Что ты гордúшься чужóю слáдостію? Рáзвѣ твои плоды́ сдѣлались тепéрь слáще[2])? Они́, вѣдь, по прéжнему жёстки и невку́сны! Пропитáй[3]) свои́ плоды́ слáдкимъ сóкомъ и тогдá человѣкъ стáнетъ[4]) благословля́ть тебя́.

[1]) оказываться. [2]) слáдкій. [3]) пропúтывать. [4]) стать.

113. Зада́ча для смѣ́тливыхъ дѣте́й.

Два пастушка́ Васи́лій и Петръ возвраща́лись ве́черомъ домо́й, ка́ждый со свои́мъ ма́ленькимъ ста́домъ. Доро́гой по обыкнове́нію они́ завели́[1]) разгово́ръ. Васи́лій посмотрѣ́лъ на ста́до своего́ това́рища и сказа́лъ: „Зна́ешь ли, Петру́ша, что я тебѣ́ предложу́[2]): отда́й[3]) ты мнѣ одну́ изъ твои́хъ ове́цъ тогда́ у меня́ бу́детъ ста́до вдво́е бо́льше твоего́.“ Пётръ посмотрѣ́лъ на ове́цъ, поду́малъ и отвѣча́лъ: „А я тебѣ́ вотъ что скажу́: отда́й[3]) мнѣ одну́ изъ твои́хъ ове́цъ, тогда́ у насъ бу́детъ по́ровну.“ Ско́лько у ка́ждаго бы́ло ове́цъ?

[1]) заводи́ть. [2]) предлага́ть. [3]) отдава́ть.

114. Великоду́шная дочь.

Въ Кита́ѣ есть дре́вній зако́нъ, по кото́руму должно́ отруби́ть ру́ки тому́, кто уличёнъ бу́детъ въ кра́жѣ де́негъ изъ государственной казны́. Оди́нъ мандари́нъ заслужи́лъ[1]) э́ту казнь. Дочь престу́пника рѣши́лась спасти́[2]) своего́ отца́. Она́ бро́силась импера́тору въ но́ги и сказа́ла: „Вели́кій госуда́рь! по зако́ну мой несча́стный оте́цъ до́лженъ лиши́ться свои́хъ рукъ, вотъ онѣ́.“ Съ э́тими слова́ми она́ протяну́ла[3]) импера́тору свои́ ру́ки и продолжа́ла: „Да, э́ти ру́ки принадлежа́тъ моему́ отцу́, но онѣ́ ещё сли́шкомъ сла́бы, что́бы прокорми́ть[4]) многочи́сленное семе́йство. Повели́ отруби́ть ихъ и оста́вь[5]) моему́ отцу́ ру́ки, кото́рыми онъ до сихъ поръ корми́лъ моего́ дѣ́душку, мои́хъ бра́тьевъ, мои́хъ сестёръ и меня́.“ Импера́торъ былъ тро́нутъ тако́ю дѣ́тскою любо́вію и поми́ловалъ престу́пника.

[1]) заслу́живать. [2]) спаса́ть. [3]) протя́гивать. [4]) прока́рмливать. [5]) оставля́ть.

115. Какъ индѣ́йцы тра́вятъ ло́сей.

Вотъ, какъ индѣ́йцы тра́вятъ ло́сей: Пре́жде всего́ они́ спу́гиваютъ ихъ съ мѣ́ста, а пото́мъ преслѣ́дуютъ[1]) ихъ ро́внымъ ша́гомъ, въ тече́ніе нѣ́сколькихъ часо́въ. Испу́ганные звѣ́ри сгоряча́ опережа́ютъ ихъ на нѣ́сколько миль и располага́ются на о́тдыхъ; но индѣ́йцы слѣ́дуютъ[1]) за ни́ми тѣ́мъ же ша́гомъ и наконе́цъ настига́ютъ ихъ. Толпа́ ло́сей, чуть зави́дитъ ихъ, бѣжи́тъ съ но́выми уси́ліями и исчеза́етъ опя́ть изъ ви́ду. Охо́тники начина́ютъ открыва́ть ихъ ча́ще и ча́ще; ло́си всё до́лѣе и до́лѣе остаю́тся у ихъ на виду́; наконе́цъ охо́тники у́же ни мину́ты не теря́ютъ ихъ изъ глазъ. Уста́лые ло́си бѣгу́тъ[2]) ти́хой ры́сью; зате́мъ плету́тся[3]) ти́химъ ша́гомъ. Преслѣ́дующіе ихъ охо́тники нахо́дятся почти́ въ совершённомъ изнеможе́ніи, но всё таки́ они́ имѣ́ютъ на сто́лько си́лы, что́бы догна́ть[4]) и перестрѣля́ть изму́ченныхъ ло́сей.

[1]) слѣ́довать. [2]) бѣжа́ть. [3]) плести́сь. [4]) догоня́ть.

116. Ось и чека́.

Извóщикъ Семёнъ ѣхалъ по большóй пусты́нной дорóгѣ съ тяжёлой поклáжей. Вдругъ загорѣлась у нéго ось. Нѣсколько разъ онъ прóбовалъ засыпáть её пескóмъ, но онá не переставáла дымúться. Въ э́то врéмя подоспѣлъ[1]) другóй извóщикъ Архúпъ, у котóраго съ бóку телѣги былá привя́зана запаснáя ось. Семёнъ сталъ проси́ть, уступúть ему́ ось, но Архúпъ сапроси́лъ за неё два рубля́. Нéчего бы́ло дѣлать, — Семёнъ вы́нулъ[2]) два рубля́ и получúлъ ось. Скóро они́ вдвоёмъ подвели́[3]) ось, да едвá трóнулись[4]) съ мѣста, какъ у Архúпа скати́лось[5]) зáднее колесó; онъ потеря́лъ чеку́. Архúпъ, кото́рый забы́лъ[6]) о своёмъ корыстолюби́вомъ посту́пкѣ, проси́лъ Семёна уступúть дáромъ облóмокъ о́си, какъ вещь ему́ не ну́жную. Семёнъ рѣши́лся воспóльзоваться слу́чаемъ, что́бы отомстúть Архúпу. Онъ запроси́лъ[7]) съ него́ за облóмокъ три рубля́. Ви́дитъ Архúпъ, что кругóмъ нѣтъ ни куста́, а безъ чеки́ ѣхать нельзя́, вынимáетъ три рубля́ и отдаётъ[8]) за облóмокъ о́си.

[1]) подоспѣвáть. [2]) вынимáть. [3]) подводúть. [4]) трóгаться. [5]) скáтываться. [6]) забывáть. [7]) запрáшивать. [8]) отдавáть.

117. Воéнныя забáвы.

Извѣстно, что во врéмя войны́ съ ту́рками турéцкіе броненóсцы безпокóили кавкáзскій бéрегъ Чёрнаго мóря. Кáждый день они́ подходúли къ сáмому бéрегу и пускáли по нѣскольку бомбъ и гранáтъ въ г. Николáевскъ. Обыкновéнно э́то совершáлось такъ: броненóсецъ приближáлся къ бéрегу и останáвливался; затѣмъ матрóсъ взлѣзáлъ на мáчту съ подзóрною трýбою и осмáтривалъ, нѣтъ ли кого́ на берегу́, потóмъ начинáлась стрѣльбá. Это продолжáлось нѣсколько дней, пока́ наконéцъ ничтóжное обстоя́тельство не отбúло[1]) у ту́рокъ охóты блúзко подходúть къ бéрегу. Ещё до объявлéнія войны́ въ Николáевскѣ устроéны бы́ли два деревя́нныя оруди́я для обученія солдáтъ артиллерíйскимъ пріёмамъ. Одúнъ порýчикъ рѣши́лся напугáть ту́рокъ. Съ пóмощію полковáго пúсаря онъ встащúлъ[2]) два деревя́нныя оруди́я на бугóръ, съ котóраго открывáлся видъ на мóре, гдѣ останáвливались турéцкіе броненóсцы. Послѣ того́ оруди́я бы́ли окóпаны кругóмъ, такъ что и́здали мóжно бы́ло приня́ть[3]) простóй бугóръ за настоя́щую батарéю. Ду́ла оруди́й бы́ли вы́крашены сáжею, а по бокáмъ ихъ шутники́ постáвили[4]) нѣсколько плахъ дровъ, на котóрыя надѣли[5]) стáрыя солдáтскія шинéли, что изображáло артиллерíйскую прислу́гу. На другóй день съ разсвѣтомъ по обыкновéнію прихóдитъ турéцкій броненóсецъ и останáвливается на извѣстномъ мѣстѣ. Матрóсъ, какъ вóдится, полѣзъ[6]) на мáчту высмáтривать. Но чуть тóлько завúдѣлъ пу́шки, стремглáвъ спусти́лся[7]) внизъ. Корáбль пóлнымъ хóдомъ удрáлъ въ мóре и остановúлся[8]) тóлько внѣ вы́стрѣла мнúмой батарéи. Съ того́ врéмени ни одúнъ турéцкій броненóсецъ не рѣшáлся блúзко подходúть къ Николáевску.

[1]) отбивáть. [2]) встáскивать. [3]) принимáть. [4]) стáвить. [5]) надѣвáть. [6]) полѣзáть. [7]) спускáться. [8]) останáвливаться.

118. Беззаботность птички.

Пти́чка Бо́жія не зна́етъ
Ни забо́ты ни труда́,
Хлопотли́во не свива́етъ
Долговѣ́чнаго гнѣзда́.
Въ до́лгу ночь на вѣ́ткѣ дре́млетъ[1]:
Со́лнце кра́сное взойде́тъ[2]
Пти́чка гла́су Бо́га вне́млетъ[3],
Встрепенётся и поётъ[4],
За весно́й, краcóй приро́ды,
Лѣ́то зно́йное пройдётъ[5],
И тума́нъ, и непого́ды
Осень по́здняя несётъ[6].
Лю́дямъ ску́чно, лю́дямъ го́ре, —
Пти́чка въ да́льнія страны́,
Въ тёплый край, за си́не мо́ре,
Улета́етъ до весны́. Пушкинъ.

[1]) дрема́ть. [2]) входи́ть. [3]) внима́ть. [4]) пѣть. [5]) проходи́ть. [6]) нести́.

119. Весёлость птички.

Пти́чка надъ мои́мъ око́шкомъ
Гнѣздышко для дѣ́токъ вьётъ[1]:
То соло́мку та́щитъ въ но́жкахъ,
То пушо́къ въ носу́ несётъ[2].
Пти́чка до́микъ сдѣлать хо́четъ[3]:
Со́лнышко взойдётъ[4], зайдётъ[5], —
Цѣ́лый день она́ хлопо́четъ[6],
Но и цѣ́лый день поётъ[7].
Ночь холо́дная наста́нетъ[8]
Отъ рѣки́ тума́нъ пойдётъ[9],
Пти́чка ду́шенька уста́нетъ[10],
Спитъ и пѣть перестаётъ[11];
Но чуть у́тро пти́чка сно́ва
Пѣсню зво́нко заведётъ[12]:
Весела́, сыта́, здоро́ва
И поётъ[7] себѣ, поётъ.

[1]) вить. [2]) нести́. [3]) хотѣ́ть. [4]) всходи́ть. [5]) заходи́ть. [6]) хлопота́ть. [7]) пѣть. [8]) настава́ть. [9]) пойти́. [10]) устава́ть. [11]) переста́ть. [12]) заводи́ть.

120. Ры́бка.

Тепло́ на со́лнышкѣ. Весна́
Берётъ[1]) свои́ права́:
Въ рѣкѣ, мѣста́ми, глубь ясна́.
На днѣ видна́ трава́.
Чиста́ холо́дная струя́,

Слѣжу́[2]) за поплавко́мъ,
Шалу́нья — ры́бка, ви́жу[3]) я,
Игра́етъ съ червячко́мъ.
Голубова́тая спина́, —
Глаза́ — бурми́тскихъ два зерна́;
Багря́ное перо́.
Идётъ не дро́гнетъ подъ водо́й . . .
Пора́, — черва́къ во рту!
Увы́, блестя́щей полосо́й
Юркну́ла въ темноту́.
Но вотъ опя́ть лука́вый глазъ
Сверкну́лъ[4]) не вдалекѣ.
Посто́й, аво́сь на э́тотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ.

Фетъ.

[1]) брать. [2]) слѣди́ть. [3]) ви́дѣть. [4]) сверка́ть.

121. Мой до́микъ.

Я на́нялъ[1]) свѣтлый домъ
Съ дива́номъ, камелько́мъ[2]);
Три ко́мнатки просты́я
Въ нихъ зла́та, бро́нзы нѣтъ,
И тка́ни выписны́я
Не кро́ютъ[3]) ихъ парке́тъ.
Око́шки въ садъ весёлый,
Гдѣ ли́пы престарѣлы
Съ черёмухой цвѣту́тъ[4]),
Гдѣ мнѣ въ часы́ полдне́вны
Берёзокъ сво́ды тёмны
Прохла́дну тѣнь даю́тъ[5]);
Гдѣ ла́ндышъ бѣлоснѣжный
Сплелся́[6]) съ фіа́лкой нѣжной,
И бы́стрый ручеёкъ
Въ струя́хъ неся́[7]) цвѣто́къ,
Неви́димый для взо́ра,
Лепе́четъ[8]) у забо́ра.

Пушкинъ.

[1]) нанима́ть. [2]) камелёкъ. [3]) крыть. [4]) цвѣсти́. [5]) дава́ть. [6]) сплета́ться. [7]) нести́, неся́, tragend. [8]) лепета́ть.

122. Осень.

Кро́етъ[1]) ужъ листъ золото́й:
Вла́жную зе́млю въ лѣсу́ . . .
Смѣло топчу́[2]) я ногой
Ве́шнюю лѣса красу́.
Съ хо́лоду щёки горя́тъ;
Лю́бо въ лѣсу́ мнѣ бѣжа́ть,
Слы́шать какъ су́чья[3]) трещи́тъ,
Ли́стья[4]) ногой загреба́ть!
Нѣтъ мнѣ здѣсь пре́жнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя́ та́йну совлёкъ[5]):
Со́рванъ послѣдній орѣхъ,
Свя́нулъ[6]) послѣдній цвѣто́къ;
Мохъ не припо́днятъ[7]), не взрытъ[8])
Гру́дой кудря́выхъ груздёй;
Около пня́ не виси́тъ

Пу́рпуръ брусни́чныхъ кисте́й;
До́лго на ли́стьяхъ лежи́тъ
Но́чи моро́зъ, и сквозь лѣсъ
Хо́лодно какъ-то глядѝтъ
Ясность прозра́чныхъ небе́съ. А. Майковъ.

[1]) крыть. [2]) топта́ть. [3]) сукъ. [4]) листъ. [5]) совлека́ть. [6]) ва́нуть. [7]) приподнима́ть. [8]) взрыва́ть.

123. Богъ не оставля́етъ сиро́тъ.

Ве́черъ былъ, сверка́ли звѣзды
На дворѣ моро́зъ трещА́лъ
Шёлъ по у́лицѣ малю́тка:
Посинѣ́лъ и весь дрожА́лъ.
„Бо́же!“ говори́лъ малю́тка,
„Я прозя́бъ и ѣсть хочу́;
Кто-жъ согрѣ́етъ и нако́рмитъ[2]),
Бо́же до́брый, сиротУ́?“
Шла доро́гой той стару́шка —
Услыха́ла сиротУ́
Прію́тила и согрѣ́ла
И поѣ́сть[3]) дала́ ему́,
Положи́ла спать въ посте́льку.
„Какъ тепло́!“ промо́лвилъ онъ.
За́перъ[4]) гла́зки, улыбну́лся[5])
И засну́лъ[6]) . . . Споко́йный сонъ!
Богъ и пти́чку въ по́лѣ ко́рмитъ
И кропи́тъ росо́й цвѣто́къ,
Безпрію́тнаго сиро́тку
Та́кже не оста́витъ[7]) Богъ! К. Петерсонъ.

[1]) прозя́бнуть. [2]) нака́рмливать. [3]) ѣсть. [4]) запира́ть. [5]) улыба́ться. [6]) засыпа́ть. [7]) оставля́ть.

124. Стару́шка ня́ня.

Ня́нюшка лѣни́во
Колыбе́ль кача́етъ,
И сквозь сонъ тоскли́во
Пѣсню напѣва́етъ.
На дворѣ игра́етъ,
Сви́щетъ[1]) вью́га зла́я
Ня́ня всё кача́етъ,
Подъ носъ напѣва́я[2]).
У ико́нъ въ лампа́дкѣ
Огонёкъ гори́тъ,
Ня́ня у крова́ти
Еле ужъ сиди́тъ;
Вотъ и опусти́лась[3])
Голова́ сѣда́я,
И бормо́четъ[4]) что-то
Ня́ня засыпа́я[5]).
А въ крова́ткѣ нѣ́жно
Спитъ соко́ликъ Ва́ня.
По́длѣ, какъ младе́нецъ,
Та́кже безмятѣ́жно
Спитъ стару́шка ня́ня.
Лаптевъ.

[1]) свиста́ть. [2]) singen. [3]) опуска́ться. [4]) бормота́ть. [5]) einſchlafen.

125. Цыганёнокъ.

Мальчи́шка цыганёнокъ —
Для всѣхъ чужо́й ребёнокъ;
Сиро́тка кру́глый я.
Гдѣ есть земля́ и не́бо,
Вода́ и ко́рка хлѣба,
Тамъ ро́дина моя́.
Пусты́ня мнѣ оби́тель;
И гдѣ ты мой роди́тель,
И гдѣ ты мать моя́?
Гдѣ васъ искать по свѣту,
И жи́вы-ль вы, иль нѣту,
Увы́! не зна́ю я.
Кто отопрётъ[1]) мнѣ две́ри? . . .
Лѣсны́я пти́цы, зве́ри —
Вотъ вся моя́ семья́.
Въ судьбѣ́ мое́й безвѣ́стной
Оте́цъ мой царь небе́сный,
А мать — сыра́ земля́.

Д. Ленскій.

[1]) отпира́ть.

126. Пётръ I и ло́цманъ Анти́пъ.

Одна́жды Пётръ Вели́кій отпра́вился на небольшо́мъ суднѣ́ изъ Архáнгельска на Солове́цкіе острова́. На пути́ засти́гла[1]) его́ си́льная бу́ря. Во́лны ежемину́тно могли́ бро́сить ботъ на скалу́ и разби́ть[2]) его́. Но въ то вре́мя, какъ спу́тники бы́ли въ отча́яніи и съ у́жасомъ ожида́ли поги́бели, Петръ одинъ не теря́лъ прису́тствія ду́ха, утѣша́лъ, ободря́лъ други́хъ и наконе́цъ сталъ у руля́. Бу́ря всё свирѣпѣ́ла, опа́сность часъ-о́тъ-часу уси́ливалась. Въ э́то вре́мя къ царю́ подхо́дитъ просто́й рабо́тникъ Анти́пъ, о́чень о́пытный ло́цманъ, про́ситъ царя́ уступи́ть ему́ руль и даётъ[3]) обѣща́ніе благополу́чно провести́[4]) судно́ въ одну́ гу́бу. Пётръ уступи́лъ руль и кома́нду, но не сошёлъ[5]) съ кормы́, а по времена́мъ подбѣга́лъ къ Анти́пу и вмѣшивался въ его́ распоряже́нія. Вы́веденный изъ терпѣ́нія, Анти́пъ серди́то сказа́лъ царю́: „Отойди́[6]) прочь, я зна́ю, что дѣлать!“ Царь споко́йно отошёлъ[6]). Когда́ судно́ благополу́чно приста́ло[7]) къ бе́регу, Анти́пъ бро́сился царю́ въ но́ги и проси́лъ прощенія. „Нѣтъ, ты былъ правъ, а я винова́тъ,“ отвѣча́лъ царь, подня́лъ[8]) Анти́па, поцѣлова́лъ его́ и подари́лъ ему́ на па́мять своё доро́жное пла́тье.

[1]) застига́ть. [2]) разбива́ть. [3]) дава́ть. [4]) проводи́ть. [5]) сходи́ть- [6]) отходи́ть. [7]) приста́вать. [8]) поднима́ть.

127. Августъ Си́льный и кузне́цъ.

Августъ II, курфи́рстъ саксо́нскій и коро́ль по́льскій, отлича́лся необыкнове́нною тѣле́сною си́лою. Одна́жды, во вре́мя прогу́лки верхо́мъ, ло́шадь его́ потеря́ла подко́ву. Онъ заѣха́лъ въ бли́жнюю

дере́вню къ кузнецу́. Когда́ кузне́цъ принёсъ[1]) подко́ву, что́бы подкова́ть ло́шадь, то курфи́рстъ захоте́лъ пре́жде испро́бовать, кре́пка ли она́. Онъ взялъ её оби́ми рука́ми и разломи́лъ какъ морко́вь. „Э́та подко́ва никуда́ не годи́тся,“ сказа́лъ онъ кузнецу́, кото́рый вслѣдъ за тѣмъ принёсъ[1]) нѣсколько други́хъ. Но курфи́рстъ разла́мывалъ ихъ одну́ за другою́. Кузне́цъ призаду́мался, а това́рищи его́ съ изумле́ніемъ погля́дывали другъ на дру́га. Наконе́цъ курфи́рстъ сдѣлалъ видъ, что нашёлъ[2]) подко́ву, кото́рая была́ дово́льно кре́пка. Ло́шадь была́ подко́вана, и когда́ кузне́цъ ко́нчилъ своё дѣло, то курфи́рстъ далъ ему́ та́леръ. Кузне́цъ взялъ моне́ту и согну́лъ её ме́жду па́льцами. — „Этотъ та́леръ не годи́тся, ва́ше высо́чество,“ сказа́лъ онъ, — „онъ гнётся ме́жду па́льцами.“ Курфи́рстъ пода́лъ[3]) ему́ ещё нѣсколько та́леровъ но кузне́цъ сгиба́лъ всѣ. „Такъ вотъ тебѣ луидо́ръ,“ сказа́лъ наконе́цъ курфи́рстъ, э́тотъ ужъ до́лженъ быть хоро́шъ.“ Кузне́цъ оста́лся[4]) дово́ленъ, а курфи́рстъ ра́довался, что нашёлъ[2]) человѣка, ра́внаго себѣ по си́лѣ.

[1]) приноси́ть. [2]) находи́ть. [3]) подава́ть. [4]) остава́ться.

128. Неви́нная хи́трость.

Англича́нинъ Бу́тлеръ, извѣстный свои́мъ остроу́міемъ, заѣхалъ одна́жды о́сенью въ трактиръ. Большо́е число́ проѣзжихъ, кото́рые грѣлись у ками́на, не обрати́ли[1]) внима́нія на новопри́бывшаго. Бу́тлеръ дрожа́лъ отъ хо́лода, а ме́жду тѣмъ у ками́на всѣ мѣста́ бы́ли за́няты. Что́бы добы́ть[2]) себѣ мѣсто, Бу́тлеръ употреби́лъ[3]) въ дѣло слѣдующую хи́трость. „Эй, человѣкъ,“ закрича́лъ онъ, „отнеси́[4]) мое́й ло́шади блю́до у́стрицъ.“ „То есть овса́, хотѣли вы, су́дарь, сказа́ть,“ отвѣча́лъ слуга́. „Я зна́ю, что говорю́,“ сказа́лъ Бу́тлеръ сердито, „не овса́, а у́стрицъ дай мое́й ло́шади. Слуга́ вы́шелъ[5]). Вслѣдъ за нимъ всѣ го́сти оста́вили[6]) ками́нъ и ушли́, что́бы посмотрѣть, какъ ло́шадь бу́детъ ѣсть у́стрицы. Ме́жду тѣмъ Бу́тлеръ сѣлъ[7]) у ками́на и на́чалъ грѣться. Ско́ро слуга́ возврати́лся[8]) въ сопровожде́ніи любопы́тныхъ госте́й и сказа́лъ: „Ва́ша лоша́дь, су́дарь, не хо́четъ ѣсть у́стрицъ.“ — „Хорошо́,“ отвѣча́лъ Бу́тлеръ, „такъ насы́пь[9]) ей овса́, а у́стрицы пода́й[10]) мнѣ.

[1]) обраща́ть. [2]) добыва́ть. [3]) употребля́ть. [4]) относи́ть. [5]) выходи́ть. [6]) оставля́ть. [7]) сѣсть. [8]) возвраща́ться. [9]) насыпа́ть. [10]) подава́ть.

129. Охо́та на ти́гра.

Въ нѣкоторыхъ страна́хъ существу́етъ[1]) осо́бенная охо́та на ти́гровъ. Охо́тники нама́зываютъ древе́сныя ли́стья пти́чьимъ кле́емъ и разбра́сываютъ по доро́гѣ, гдѣ лю́битъ ходи́ть тигръ. Когда́ тигръ прохо́дитъ по ли́пкимъ ли́стьямъ, то они́ прилипа́ютъ къ его́ ла́памъ и мѣша́ютъ ему́ идти́. Звѣрь стара́ется всѣ́чески отъ нихъ изба́виться[2]) и дѣлаетъ си́льныя движе́нія. Ли́стья приста́ютъ[3]) къ нему́ ещё въ бо́льшемъ коли́чествѣ. Разъярённое живо́тное начина́етъ, наконе́цъ, вали́ться по землѣ и въ коро́ткое вре́мя соверше́нно покры-

ва́ется ли́стьями: они́ закле́ иваютъ ему́ глаза́ и у́ши[4]). Тогда́ тигръ начина́етъ стра́шно рева́ть. Охо́тники узна́ютъ[5]) въ чёмъ де́ло, выхо́дятъ изъ заса́ды и убива́ютъ зве́ря.

[1]) существова́ть. [2]) избавля́ться. [3]) приставать. [4]) у́хо. [5]) узнава́ть.

130. Мужи́къ и царедво́рецъ.

Одна́жды мужи́къ ора́лъ въ по́лѣ и вы́оралъ самоцве́тный ка́мень. Идётъ онъ домо́й, а на встрѣ́чу ему́ сосѣдъ. Мужи́къ показа́лъ ему́ ка́мень и спра́шиваетъ: „Кому́ э́то ну́жно?“ „Неси́,[1]) говори́тъ, къ царю́.“ Прихо́дитъ мужи́къ во дворе́цъ и встрѣча́етъ царедво́рца. Поклони́лся до земли́ и говори́тъ: „Ба́тюшка, доведи́[2]) до царя́!“ „Зачѣ́мъ тебѣ́ ну́жно?“ „Несу́[1]) изъ дере́вни пода́рокъ.“ — „Хорошо́, то́лько съ тѣ́мъ усло́віемъ, что́бы ты мнѣ далъ полови́ну того́, чѣ́мъ царь награди́тъ[3]) тебя́, ина́че во вѣкъ не дойти́[4]) тебѣ́ до царя́.“ Мужи́къ согласи́лся.[5])

Царедворе́цъ довёлъ[2]) его́ до са́маго царя́. „Благодарю́ тебя́, мужичёкъ!“ говори́тъ царь: „вотъ тебѣ́ за э́то двѣ ты́сячи рубле́й.“ Мужи́къ упа́лъ на колѣ́ни и говори́тъ: „Не на́до мнѣ, госуда́рь, друго́й награ́ды, кро́мѣ пяти́десяти плете́й лего́нько. „Царь приказа́лъ дать ему́ пятьдеся́тъ плете́й. Чуть то́лько да́ли ему́ два́дцать пять, онъ закрича́лъ: „По́лно, бу́детъ съ меня́; другу́ю полови́ну я обѣща́лъ тому́, кто довёлъ[5]) меня́ до царя́.“ Позва́ли царедво́рца и сполна́ отсчита́ли[6]) ему́ полови́ну обѣщанной награ́ды. Царь поблагодари́лъ мужика́ и подари́лъ ему́ цѣ́лыхъ три ты́сячи.

[1]) нести́. [2]) довести́. [3]) награжда́ть. [4]) доходи́ть. [5]) соглаша́ться. [6]) отсчи́тывать.

131. Награ́да по заслу́гамъ.

Пётръ Вели́кій щедро награжда́лъ люде́й, кото́рые вѣ́рно служи́ли ему́. Онъ награжда́лъ мно́гихъ деревня́ми въ завоёванныхъ областя́хъ и назнача́лъ вдо́вамъ и сирота́мъ морски́хъ и полевы́хъ офице́ровъ пе́нсіи. Одна́жды доложи́ли ему́ объ иностра́нцѣ, кото́рый прослужи́лъ о́коло тридцати́ лѣтъ и тепе́рь, по сла́бости здоро́вья, не могъ продолжа́ть слу́жбу. „Мы не зна́емъ, Госуда́рь, каку́ю ему́ назна́чить пе́нсію — по́лную или полови́нную.“ Госуда́рь отвѣча́лъ съ неудово́льствіемъ: „Разумѣется по́лную, ра́звѣ до́лженъ въ ста́рости терпѣ́ть нужду́ тотъ, кто лу́чшія лѣта́ свои́ провёлъ[1]) на моёй слу́жбѣ. Кто бы захотѣ́лъ служи́ть мнѣ, е́слибъ зналъ наперёдъ, что я въ ста́рости оста́влю[2]) его́ въ нуждѣ и бѣ́дности.

[1]) проводи́ть. [2]) оставля́ть.

132. Награ́да за отли́чіе.

Въ сраже́ніи при Монма́ртрѣ осо́бенно отличи́лся находи́вшійся въ ру́сской слу́жбѣ генера́лъ графъ Ланжеро́нъ. Чрезъ не́сколько дней по́слѣ э́того, на обѣ́дѣ, къ кото́рому былъ приглашёнъ и Ланжеро́нъ импера́торъ Алекса́ндръ обрати́лся[1]) къ гра́фу и сказа́лъ: „Я неда́вно,

осма́тривалъ высо́ты Монма́ртра и нашёлъ[2]) тамъ запеча́танный конве́ртъ на ва́ше и́мя.“ Ланжеро́нъ отвѣча́лъ, что ничего́ не потеря́лъ. — „Одна́ко я, ка́жется, не оши́бся[3]),“ возрази́лъ[4]) Госуда́рь и при э́тихъ слова́хъ онъ вы́нулъ[5]) изъ карма́на паке́тъ и пода́лъ[6]) ему́. Ланжеро́нъ взялъ паке́тъ и съ удивле́ніемъ уви́дѣлъ, что онъ дѣйстви́тельно адресо́ванъ на его́ и́мя. Когда́ онъ распеча́талъ паке́тъ, то нашёлъ[2]) въ нёмъ о́рденъ Св. Андре́я Первозва́ннаго, кото́рый служи́лъ награ́дою гра́фу за отли́чіе при Монма́ртрѣ.

[1]) обраща́ться. [2]) находи́ть. [3]) ошиба́ться. [4]) возража́ть. [5]) вынима́ть. [6]) подава́ть.

133. Наблюда́тельность.

Инде́ецъ Се́верной Аме́рики, по возвраще́ніи домо́й, откры́лъ[1]), что о́корокъ ветчины́, кото́рый онъ повѣсилъ на де́ревѣ прова́литься[2]), былъ укра́денъ. Инде́ецъ рѣши́лся преслѣдовать во́ра, но сперва́ внима́тельно осмотрѣлъ мѣстность. Доро́гою онъ спра́шивалъ у всѣхъ, не вида́ли ли они́ ста́раго, бѣлаго человѣка небольша́го ро́ста, съ коро́ткимъ ружьёмъ, съ ма́ленькою соба́кою, у кото́рой о́чень дли́нный и мохна́тый хвостъ. Мно́гіе отвѣча́ли ему́, что дѣйстви́тельно встрѣча́ли тако́го человѣка, но въ то́же вре́мя удивля́лись тому́, что инде́ецъ могъ дѣлать тако́е подро́бное описа́ніе человѣка, кото́раго онъ никогда́ не вида́лъ. „Что воръ небольша́го ро́ста,“ отвѣча́лъ инде́ецъ, „э́то я заключи́лъ изъ того́, что онъ до́лженъ былъ подкла́дывать ка́мни что́бы снять[3]) ветчину́, кото́рую я свобо́дно могъ доста́ть[4]) руко́й; что онъ стари́къ, э́то ви́дно по его́ коро́ткимъ шага́мъ; что онъ бѣлый, э́то я замѣтилъ[5]) по слѣда́мъ: воръ выора́чивалъ пя́тки на ходу́, чего инде́ецъ никогда́ не дѣлаетъ. Ружьё его́ коротко́, э́то я заключа́ю по простра́нству ме́жду сдёрнутой коро́й на де́ревѣ и слѣда́мъ на песке́, гдѣ, очеви́дно, стоя́ло ружьё. О величинѣ соба́ки я та́кже сужу́[6]) по слѣда́мъ, а что у нея́ пуши́стый хвостъ — э́то я замѣтилъ[5]) по разметённому на песке́ простра́нству. Ви́дно, что соба́ка сидѣла и ве́село маха́ла хвосто́мъ, пока́ хозя́инъ ея́ кралъ мою́ ветчину́.

[1]) открыва́ть. [2]) прова́ливаться. [3]) снима́ть. [4]) доста́вать. [5]) замѣча́ть. [6]) суди́ть.

134. Добросо́вѣстный дика́рь.

Ди́кій инде́ецъ попроси́лъ у своего́ сосѣда табаку́. Сосѣдъ былъ человѣкъ нескупо́й и далъ ему́ по́лную горсть. На друго́е у́тро инде́ецъ опя́ть пришёлъ[1]) къ сосѣду и принёсъ[2]) ему́ серебряную моне́ту, кото́рую нашёлъ[3]) въ табакѣ. „Почему́ же ты не оста́вилъ её у себя́,“ спроси́лъ случи́вшійся при э́томъ бѣлый человѣкъ. „Тотъ, кто подари́лъ тебѣ́ таба́къ, подари́лъ тебѣ́ и де́ньги.“ — Тогда́ дика́рь положи́лъ ру́ку на се́рдце и сказа́лъ: „Здѣсь у меня́ сидя́тъ два человѣка — до́брый и злой. До́брый говори́тъ мнѣ: де́ньги тебѣ́ не принадлежа́тъ, отда́й[5]) ихъ тому́, чьи онѣ; злой человѣкъ говори́тъ мнѣ: тебѣ́ ихъ о́тдали[5]), онѣ твои́. До́брый сказа́лъ на э́то: пра́вда, таба́къ твой, а де́ньги не твои́. Злой человѣкъ опя́ть сказа́лъ: не бо́йся[6]), поди́ и купи́ себѣ́ во́дки. Я не зналъ, на что рѣши́ться и

лёгъ[7]) спать. Но злой и до́брый человѣкъ не переста́вали спо́рить у меня́ въ се́рдцѣ и не да́ли засну́ть[8]) всю ночь. Утромъ я вскочи́лъ[9]) и понёсъ[10]) деньги наза́дъ.

[1]) приходи́ть. [2]) приноси́ть. [3]) находи́ть. [4]) оставля́ть. [5]) отдава́ть. [6]) боя́ться. [7]) лечь. [8]) засыпа́ть. [9]) вска́кивать. [10]) понести́.

135. Вѣтеръ и со́лнце.

Одна́жды со́лнце и серди́тый се́верный вѣтеръ заспо́рили о томъ, кто изъ нихъ сильнѣе. До́лго они́ спо́рили и наконе́цъ рѣши́ли помѣряться си́лами. Въ э́то са́мое вре́мя ѣхалъ верхо́мъ по большо́й доро́гѣ путеше́ственникъ. „Посмотри́,“ сказа́лъ вѣтеръ, „какъ я налечу́[1]) на него́, ми́гомъ сорву́[2]) съ него́ плащъ.“ Сказа́лъ и на́чалъ дуть изо всѣхъ силъ. Но чѣмъ бо́лѣе дулъ вѣтеръ, тѣмъ кре́пче заку́тывался путеше́ственникъ въ свой плащъ; онъ ворча́лъ на непого́ду, но продолжа́лъ путь. Вѣтеръ серди́лся, свирѣпѣлъ и осыпа́лъ бѣднаго пу́тника дождёмъ и гра́домъ. Тогда́ путеше́ственникъ наде́лъ[3]) свой плащъ на рукава́ и подвяза́лся[4]) по́ясомъ. Наконе́цъ вѣтеръ убѣди́лся[5]) въ своёмъ безси́ліи и оста́вилъ[6]) путеше́ственника. Тепе́рь приняло́сь[7]) за дѣло со́лнце. Оно́ вы́глянуло[8]) изъ-за облако́въ, обогрѣ́ло[9]), осуши́ло зе́млю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полузамёрзшаго путеше́ственника. Становѝлось жа́рко. Путеше́ственникъ самъ снялъ[10]) свой плащъ, сверну́лъ[11]) его́ и привяза́лъ[12]) къ сѣдлу́. „Ви́дишь ли,“ сказа́ло тогда́ кро́ткое со́лнце серди́тому вѣтру: „ла́ской и доброто́й мо́жно сдѣлать бо́лѣе, чѣмъ гнѣвомъ.“

[1]) налета́ть. [2]) срыва́ть. [3]) надѣва́ть. [4]) подвя́зываться. [5]) убѣжда́ться. [6]) оставля́ть. [7]) принима́ться. [8]) выгля́дывать. [9]) обогрѣва́ть. [10]) снима́ть. [11]) свёртывать. [12]) привя́зывать.

136. Бонапа́ртъ и черного́рцы.

Францу́зы всегда́ красне́ютъ, когда́ уви́дятъ невзнача́й кра́сную ша́пку черного́рца. Одинъ разъ черного́рцы о́чень ло́вко обману́ли францу́зовъ и обрати́ли[1]) ихъ въ бѣгство, когда́ они́ яви́лись[2]) незва́нными гостя́ми въ ихъ го́ры. Вотъ какъ э́то случи́лось. Черного́рцы засѣли[3]) въ кусты́ и вы́ставили[4]) на шестáхъ кра́сныя ша́пки. Когда́ францу́зы проходи́ли ми́мо, то при́няли[5]) шесты́ за черного́рцевъ и да́ли залпъ по ша́пкамъ. Ша́пки упа́ли къ ихъ нога́мъ, но въ то же вре́мя разда́лся[6]) съ друго́й стороны́ залпъ, кото́рый сдѣлали спря́тавшіеся въ куста́хъ черного́рцы. Снача́ла францу́зы сочли́[7]) залпъ черного́рцевъ за э́хо, но когда́ уви́дѣли, что въ ихъ отря́дѣ уби́тъ полко́вникъ и сто человѣкъ солда́тъ, то по́няли[8]) въ чёмъ дѣло и обрати́лись[1]) въ бѣгство.

[1]) обраща́ть. [2]) явля́ться. [3]) засѣсть. [4]) выставля́ть. [5]) принима́ть. [6]) раздава́ться. [7]) счита́ть. [8]) понима́ть.

137. Ручёй.

Поселя́нинъ сидѣлъ на берегу́ ручья́ и съ гру́стью смотрѣлъ на своё ста́до, кото́рое пасло́сь[1]) на лугу́. Трава́ плохо росла́[2]) и онъ

боя́лся, что ея́ не хва́титъ на прокормле́ніе скота́ и до полови́ны ле́та. Въ э́то вре́мя подошёлъ[3]) къ нему́ сосѣдъ, на́чалъ его́ утѣша́ть и далъ ему́ слѣдующій совѣтъ: „Послу́шай меня́, любе́зный сосѣдъ, сдѣлай съ твои́мъ лу́гомъ то, что я сдѣлалъ со свои́мъ. Этотъ же са́мый руче́й протека́лъ ми́мо моего́ лу́га, на кото́ромъ пре́жде во́все не́было травы́. Я провёлъ[4]) чрезъ лугъ руче́й — и посмотри́, кака́я высо́кая и со́чная трава́ растётъ[2]) тепе́рь на нёмъ. Поселя́нинъ рѣши́лся воспо́льзоваться у́мнымъ совѣтомъ. Онъ на́нялъ[5]) рабо́тниковъ и ско́ро прокопа́лъ кана́лъ чрезъ весь лугъ. Но увы́! руче́й соверше́нно затопи́лъ[6]) лугъ и занёсъ[7]) его́ песко́мъ и камня́ми. Съ доса́ды поселя́нинъ побѣжа́лъ къ сосѣду и на́чалъ брани́ть за да́нный ему́ совѣтъ. За что ты брани́шь меня́, сказа́лъ сосѣдъ: „повѣрь, я далъ тебѣ́ совѣтъ отъ чи́стаго се́рдца, но ты самъ винова́тъ, что не по́нялъ[8]) моего́ совѣта. Тебѣ́ слѣдовало бы изрѣзать[9]) лугъ ма́ленькими кана́лами, а ты пусти́лъ въ него́ большу́ю ма́ссу воды́. Пеня́й же тепе́рь самъ на себя́: въ твое́й бѣдѣ́ я не повиненъ.

[1]) пастись. [2]) расти́. [3]) подходи́ть. [4]) проводи́ть. [5]) нанима́ть. [6]) затопля́ть. [7]) заноси́ть. [8]) понима́ть. [9]) изрѣзывать.

138. Оби́дчивость слона́.

Извѣстно, что слоны́ облада́ютъ большо́ю си́лою, почему́ ихъ нерѣдко употребля́ютъ тамъ, гдѣ си́лы одного́ или двухъ человѣкъ оказываются недоста́точными. Въ дре́вности употребля́ли слоно́въ при спу́скѣ кораблей. Одному́ слону́ пришло́сь[1]) столкну́ть[2]) на́воду весьма́ большо́й кора́бль. Онъ упёрся[3]) лбомъ и напря́гъ[4]) всѣ свои́ си́лы, но кора́бль не дви́гался: рабо́та оказа́лась не по си́ламъ. Прису́тствовавшій при э́томъ хозя́инъ осыпа́лъ слона́ насмѣшками, обзыва́лъ его́ лѣни́вцемъ и приказа́лъ привести́ на его́ мѣсто друга́го слона́. Слонъ оби́дѣлся,[5]) не позво́лялъ увести́ себя́, и съ удво́енными уси́ліями приня́лся[6]) за пре́жнее дѣло. Уси́лія его́ увѣнча́лись успѣхомъ: онъ сдви́нулъ[7]) кора́бль въ во́ду, но при э́томъ разши́бъ[8]) себѣ́ лобъ и тутъ же околѣлъ.

[1]) приходи́ться. [2]) ста́лкивать. [3]) упира́ться. [4]) напряга́ть. [5]) обижа́ться. [6]) принима́ться. [7]) сдвига́ть. [8]) разшиба́ть.

139. Медвѣдь — путеше́ственникъ.

Оди́нъ крестья́нинъ пое́халъ зимо́ю въ лѣсъ по дрова́. Благополу́чно добра́лся[1]) онъ до широ́кой поля́ны въ лѣсу́, оста́вилъ[2]) ло́шадь, а самъ пошёлъ[3]) въ сто́рону и ру́бить себѣ́ хво́ростъ. Въ э́то вре́мя по́лѣсу ходи́лъ голо́дный медвѣдь, кото́раго, вѣроя́тно, по́дняли съ берло́ги охо́тники, набрёлъ[4]) на ло́шадь и ки́нулся[5]) на неё, но неуда́чно. Ло́шадь дёрнула впередъ, такъ что медвѣдь какъ разъ попа́лъ[6]) въ дро́вни. Испу́ганная ло́шадь помча́ла его́, что есть мо́чи, а медвѣдь стру́силъ и не рѣша́лся соскочи́ть, то́лько ревѣлъ и безуспѣшно хвата́лся ла́пами за кусты́. Ло́шадь вы́бѣжала изъ лѣсу и помча́лась по ста́рому кладби́щу. Медвѣдь со стра́ха хотѣлъ бы́ло

ухвати́ться за наклони́вшійся крестъ, но крестъ оста́лся у него́ въ ла́пахъ. Ми́ша въ недоумѣніи о́бнялъ[7]) его́ и пріѣ́халъ[8]) пря́мо къ крестья́нину на дворъ. Говоря́тъ, медвѣ́дь былъ такъ озада́ченъ, что позво́лилъ мужика́мъ окружи́ть себя́, а они́ отби́ли у него́ охо́ту ката́ться на саня́хъ.

[1]) добира́ться. [2]) оставля́ть. [3]) пойти́. [4]) набрести́. [5]) кида́ться. [6]) попада́ть. [7]) обнима́ть. [8]) пріѣзжа́ть.

140. Обезья́ны.

На вѣтвя́хъ густа́го де́рева сидѣ́ли обезья́ны и смотрѣ́ли какъ ловѣ́цъ разостла́лъ[1]) сѣ́ти подъ де́ревомъ и на ра́зные лады́ ку́тался въ нихъ и завива́лся. Обезья́ны толка́ли другъ-дру́га и говори́ли: „Смотри́-ка на удальца́. Затѣ́мъ его́ конца́ нѣ́тъ. Сестри́цы! не ду́рно бы́ло бы намъ перенять[2]) его́ шту́ки.“ Наконе́цъ ловѣ́цъ удали́лся, а сѣ́ти оста́вилъ[3]) на травѣ́. Обезья́ны спусти́лись[4]) съ де́рева и ста́ли кувырка́ться въ сѣтя́хъ, ката́ться, завива́ться и ку́таться. Крича́тъ, визжа́тъ отъ ра́дости. Но вотъ бѣ́да! Изъ-за де́рева показа́лся охо́тникъ. Обезья́ны хотѣ́ли бѣжа́ть; но ни одна́ не могла́ вы́путаться.[5]) Тутъ ихъ всѣхъ забра́ли[6]) рука́ми.

[1]) разстила́ть. [2]) перенима́ть. [3]) оставля́ть. [4]) спуска́ться. [5]) выпу́тываться. [6]) забира́ть.

141. Ло́шадь и осёлъ.

Прекра́сная, си́льная ло́шадь безъ вся́кой покла́жи и тяжело́ навью́ченный осёлъ шли по доро́гѣ за свои́мъ хозя́иномъ. Любе́зная ло́шадь, „сказа́лъ осёлъ, возьми́[1]) на себя́ ма́ленькую часть мое́й но́ши, я задыха́юсь подъ тя́жестью!“ Ло́шадь го́рдо отказа́лась[2]). Вздохну́лъ[3]) бѣ́дный осёлъ, опусти́лъ[4]) у́ши[5]) и побрёлъ[6]) да́лѣе. Осёлъ протащи́лся ещё кое-ка́къ съ версту́, но наконе́цъ упа́лъ[7]) и издо́хъ[8]). Тепе́рь то́лько уви́дѣлъ хозя́инъ, какъ онъ былъ несправедли́въ къ бѣ́дному живо́тному и что напра́сно онъ балова́лъ си́льную, молоду́ю ло́шадь. Погорева́лъ хозя́инъ, попеня́лъ на себя́, но дѣ́лать не́чего, на́до бы́ло ѣ́хать да́лѣе. И вотъ онъ навью́чилъ всю осли́ную но́шу на го́рдую ло́шадь, да приба́вилъ[9]) къ но́шѣ ещё осли́ную ко́жу, кото́рой не хотѣ́лъ да́ромъ бро́сить на доро́гѣ. „По дѣло́мъ мнѣ,“ поду́мала ло́шадь „е́сли бы я жа́лилась надъ мои́мъ бѣ́днымъ спу́тникомъ, то и онъ былъ бы живъ, да и мнѣ не пришло́сь[10]) бы тепе́рь такъ тяжело́.

[1]) взять. [2]) отка́зываться. [3]) вздыха́ть. [4]) опуска́ть. [5]) у́хо. [6]) побрести́. [7]) упада́ть. [8]) издыха́ть. [9]) прибавля́ть. [10]) прихо́диться.

142. Муравьи́.

Знамени́тый Франкли́нъ, изобрѣта́тель громоотво́да, разска́зываетъ слѣ́дующій любопы́тный слу́чай изъ жи́зни муравьёвъ. „Въ шкапу́ у меня́ стоя́лъ горшо́къ съ па́токою, въ кото́рый забрало́сь[1]) мно́жество муравьёвъ[2]), какъ извѣ́стно, весьма́ па́дкихъ на всё сла́дкое. Я вы́гналъ ихъ отту́да, обвяза́лъ[3]) горшо́къ снурко́мъ и привѣ́силъ[4]) его́ къ потолку́. Случа́йно оди́нъ муравей́ оста́лся[5]) въ сосу́дѣ. Онъ наѣ́лся[6]) до́сыта

и хотѣлъ уйти́[6]), но встрѣтилъ[7]) въ э́томъ нема́лое затрудне́ніе. Снача́ла онъ до́лго бѣгалъ по нару́жной сторонѣ горшка́ и иска́лъ вы́хода, но напра́сно. Наконе́цъ онъ попа́лъ[8]) на вѣрный путь: по снурку́ онъ взобра́лся[9]) на потоло́къ, а отту́да вско́рѣ спусти́лся[10]) внизъ по стѣнѣ. Не прошло́[11]) и получаса́, какъ я замѣти́лъ, что цѣлый рой муравьёвъ взбира́ется вверхъ и отправля́ется пря́мо къ горшку́. Вско́рѣ весь горшо́къ былъ покры́тъ муравья́ми: одни́ всходи́ли, други́е спуска́лись по снурку́. Стра́нствованіе муравьёвъ не прерыва́лось до тѣхъ поръ, пока́ въ сосу́дѣ не оста́лось[12]) и слѣда́ на́токи.

[1]) забира́ться. [2]) муравей́. [3]) обвя́зывать. [4]) привѣ́шивать. [5]) остава́ться. [6]) наѣда́ться. [7]) встрѣча́ть. [8]) попада́ть. [9]) взбира́ться. [10]) спуска́ться. [11]) проходи́ть. [12]) остава́ться.

143. Невозде́ржная у́мница.

Мы́шка вы́шла[1]) одна́жды изъ свое́й но́рки и уви́дѣла лову́шку. „Э!“ говори́тъ, „да тутъ лову́шка! Что за хитрецы́ э́ти лю́ди! Подпёрли[2]) тремя́ деревя́нными па́лочками кирпи́чъ и къ одной изъ нихъ прицѣпи́ли[3]) кусо́чекъ са́ла. И э́то они́ называ́ютъ мышело́вкой. Чи́стая бѣда́, е́сли-бы мы не́ были себѣ на умѣ. Но мы зна́емъ, что сто́итъ тро́нуть[4]) па́лочку, кирпи́чъ хлопъ! и помина́й какъ зва́ли неосторо́жную мы́шку. Нѣтъ, меня́ ужъ не проведёшь[5])!“ „Впро́чемъ,“ продолжа́ла мы́шка, по́слѣ нѣкотораго молча́нія, „поню́хать са́ла всётаки мо́жно. Отъ э́того лову́шка не захло́пнется. А са́ло-то неду́рно па́хнетъ; дай чу́точку нюхну́.“ И она́ подбѣжа́ла къ лову́шкѣ. Но чуть но́сикъ ея́ дотро́нулся[6]) до са́ла, какъ кирпи́чъ хлопъ! и мы́шка испусти́ла[7]) духъ.

[1]) выходи́ть. [2]) подпира́ть. [3]) прицѣпля́ть. [4]) тро́гать. [5]) провести́. [6]) дотро́гиваться. [7]) испуска́ть.

144. Изъ ма́лаго быва́етъ большо́е.

Дѣло бы́ло въ одно́мъ изъ многолю́дныхъ городо́въ. Очень бѣдный человѣкъ замѣтилъ двухъ вори́шекъ и на́чалъ убѣжда́ть ихъ оста́вить[1]) позо́рное ремесло́. Ма́льчики отпра́вдывались тѣмъ, что ворова́ть заставля́етъ ихъ нужда́. Тогда́ сострада́тельный человѣкъ предложи́лъ[2]) имъ обѣдать у него́. Ско́ро вѣсть объ э́томъ разнесла́сь[3]) по всему́ околодку. Други́е вори́шки та́кже бро́сили ворова́ть и приходи́ли обѣдать къ до́брому человѣку. Всѣхъ ихъ набрало́сь[4]) наконе́цъ сто́лько, что бѣдный человѣкъ не въ состоя́ніи былъ прокорми́ть[5]) ихъ. Тогда́ до́брые лю́ди поспѣши́ли оказа́ть[6]) по́мощь, и въ ско́ромъ вре́мени образова́лось о́бщество исправле́нія дѣте́й. Для новообращённыхъ во избѣжа́ніе злоупотребле́ній бы́ло приду́мано испыта́ніе. Вся́кій при́бывшій вновь до́лженъ былъ въ продолже́ніе четы́рнадцати дней ѣсть хлѣбъ и во́ду и сидѣть въ одино́чку въ ко́мнатѣ, дверь кото́рой была́ постоя́нно отво́рена, такъ что онъ могъ уйти́[7]), когда́ ему́ вздумается. Кто остава́лся, того́ принима́ли въ шко́лу и воспи́тывали до совершеннолѣ́тія. Всѣ почти́ воспи́танныя э́тимъ о́бществомъ дѣти дѣла-

лись въ послѣдствіи чéстными людьмú и собственнымъ трудóмъ заработывали себѣ срéдства къ жúзни.

[1]) оставля́ть. [2]) предлага́ть. [3]) разноси́ться. [4]) набира́ться. [5]) прока́рмливать. [6]) ока́зывать. [7]) уходи́ть.

145. Счастли́вый человѣкъ.

Одúнъ царь сúльно заболѣлъ. Онъ собра́лъ[1]) мудрецóвъ и обѣща́лъ тому́, кто вы́лѣчитъ его́, полови́ну ца́рства. До́лго совѣща́лись мудрецы́, но никто́ изъ нихъ не могъ приду́мать никако́го сре́дства. Вдругъ одúнъ изъ нихъ предлага́етъ слѣдующее. Если отыска́ть счастли́ваго человѣка, снять[2]) съ него́ руба́шку и надѣть[3]) её на царя́, то онъ то́тчасъ вы́здоровѣетъ. Царь обра́довался и посла́лъ иска́ть счастли́ваго человѣка. До́лго ѣздили гонцы́ ца́рскіе по ца́рству, но счастли́ваго человѣка не нашли́[4]). У кого́ всего́ мно́го, во всёмъ избы́токъ, такъ здоро́вья нѣтъ, другóй владѣетъ крѣпкимъ здоро́вьемъ, да бѣденъ, кто и здоро́въ и бога́тъ, у того́ дѣти не хороши́ — всякъ на что-нибу́дь да жа́луется, всякъ чѣмъ-нибу́дь недово́ленъ. Разъ по́здно ве́черомъ идётъ ца́рскій сынъ мúмо избу́шки и слы́шитъ кто-то говори́тъ: „Вотъ, сла́ва Бо́гу, наработа́лся, наѣлся[5]) и спать ля́гу[6]); чего́ мнѣ ещё ну́жно?“ Обра́довался ца́рскій сынъ, что наконе́цъ нашёлъ[4]) вполнѣ счастли́ваго человѣка, велѣлъ снять[2]) съ него́ руба́шку и заплати́ть ему́ за неё, ско́лько спро́ситъ. Слу́ги вошли́[3]) въ избу́шку, но оказа́лось[9]), что́ счастли́вый человѣкъ не имѣлъ руба́шки.

[1]) собира́ться. [2]) снима́ть. [3]) надѣва́ть. [4]) находи́ть. [5]) наѣда́ться. [6]) лечь. [7]) входи́ть. [8]) ока́зываться.

146. Весе́ннія во́ды.

Ещё въ поля́хъ бѣлѣетъ сне́гъ,
А во́ды ужъ весно́й шумя́тъ,
Бѣгу́тъ[1]) и бу́дятъ со́нный брегъ,
Бѣгу́тъ и блещутъ[2]) и глася́тъ...
Онѣ глася́тъ во всѣ концы́:
„Весна́ идётъ, весна́ идётъ,
Мы молодо́й весны́ гонцы́;
Она́ насъ вы́слала[3]) впередъ!“
Весна́ идётъ, весна́ идётъ,
И ти́хихъ, тёплыхъ ма́йскихъ дней
Румя́ный, свѣтлый хорово́дъ
Толпи́тся ве́село за ней.

Ѳ. Тютчевъ.

[1]) бѣжа́ть. [2]) блестѣть. [3]) высыла́ть.

147. Зага́дочный цвѣто́чекъ.

Я ви́дывалъ въ по́лѣ цвѣто́чекъ весно́й:
Зелёная но́жка, глазо́къ голубо́й.
Онъ спря́тавшись[1]) въ зе́лень свою́, тамъ растётъ[2]):

Хотя́ благово́нный, — онъ скро́мно цвѣтётъ[3]).
Приме́ромъ дитя́ти онъ мо́жетъ служи́ть,
Какъ на́до съ досто́инствомъ скро́мность храни́ть.
Назва́нье его́ угада́лъ[4]) ли, дружо́къ?
Скажи́ — и въ награ́ду полу́чишь цвѣто́къ.

[1]) verſtedt. [2]) расти́. [3]) цвѣсти́. [4]) уга́дывать.

148. Преле́стное дитя́.

Не съ колоко́льни слы́шенъ звонъ:
Дитя́ преле́стное идётъ[1])
И колоко́льчикъ намъ несётъ[2]),
Не изъ мета́лла сдѣланъ онъ.
Дитя́ знако́мо намъ давно́,
Его́ зову́тъ[3]) у насъ весно́й;
Всегда́ прино́ситъ намъ оно́
И ра́дости съ собо́й.
Цвѣто́чекъ тожъ тебѣ знако́мъ:
Уже́ли ты не угада́лъ[4])?
Ты любова́лся тѣмъ цвѣтко́мъ,
Какъ снѣгъ въ поля́хъ ещё лежа́лъ;
И говоря́тъ — слыха́лъ-ли ты? —
Что онъ той ра́ннею поро́й
Буди́лъ всѣ про́чіе цвѣты,
Чтобъ ихъ обра́довать весно́й.

[1]) идти́. [2]) нести́. [3]) звать. [4]) уга́дывать.

149. Ве́черъ.

Со́лнце въ ро́зовыхъ луча́хъ
И верши́ны горъ зардѣлись!
Вновь брилльянты на цвѣта́хъ,
Во́лны пу́рпуромъ одѣлись[1]).
Межъ коло́сьевъ и цвѣто́въ
Вѣтеръ ти́хо пролета́етъ
И со ско́шенныхъ луго́въ
Арома́томъ навѣва́етъ.
Наступа́етъ вре́мя сна,
Умолка́етъ пти́чекъ пѣнье,
Всю́ду миръ и тишина́, —
Какъ прекра́сно всё творе́нье!

[1]) одѣва́ться.

150. Наступле́ніе ве́чера.

День догора́етъ; уста́лое ста́до
До́ дому ти́хо идётъ[1]);
Всё утружде́нно, всё о́тдыху ра́до:
Ве́черъ уже́ настаётъ[2]).

Со́лнышко ни́же, упа́ла[3]) роса́;
Во́здухъ пахну́лъ холодне́й;
То́лько на за́падъ горя́тъ небеса́[4]) . . .
Чу! засвиста́лъ солове́й.
Ти́хо, и пѣснь одино́кой пѣви́цы,
Мни́тся, міръ слу́шаетъ весь;
Мни́тся, за тѣмъ же и звѣздочекъ ли́ца
Въ зе́млю гляда́тся съ небе́съ[4]).
Вотъ по лазу́ри въ обы́чный дозо́ръ
Сто́рожемъ всхо́дитъ луна́,
И надъ вселе́нною а́нгеловъ хо́ръ
Но́сится съ пѣснію сна.

[1]) идти́. [2]) наставать. [3]) упада́ть. [4]) не́бо.

151. Гнѣздо́ ла́сточки.

Кипи́тъ вода́, ревётъ ручьёмъ,
На ме́льницѣ и стукъ и громъ;
Колёса-то въ водѣ шумя́тъ.
А бры́зги вверхъ огнёмъ летя́тъ,
Отъ пѣны-то бугро́ръ стои́тъ,
Что мостъ живо́й, весь полъ дрожи́тъ.
Шуми́тъ вода́, рука́въ трясётъ[1]),
На ка́мни рожь дождёмъ течётъ[2]),
Подъ жерново́мъ муку́ роди́тъ:
Идётъ[3]) мука́, въ глаза́ пыли́тъ . . .
Одна́ пѣву́нья ла́сточка
Подъ кры́шей обжила́сь[4]);
Свила́[5]) слѣпи́ла[6]) гнѣздышко,
Дѣтьми́ обзавела́сь[7]).
Въ ночь тёмную подъ кры́лышко
Голо́вку подогнётъ[8]),
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
Носко́мъ не шевельнётъ.

[1]) трясти́. [2]) течь. [3]) идти́. [4]) обжива́ться. [5]) свива́ть. [6]) слѣпля́ть. [7]) обзавести́сь. [8]) подгиба́ть.

152. Вну́тренность избы́.

Въ ни́зенькой свѣтёлкѣ,
Съ ство́рчатымъ окно́мъ,
Свѣтится лампа́дка
Въ су́мракѣ ночно́мъ:
Сла́бый огонёчекъ
То совсѣмъ замрётъ[1]),
То дрожа́щимъ свѣтомъ
Стѣны обольётъ[2])
Но́вая свѣтёлка
Чи́сто прибрана́:

Въ темнотѣ бѣлѣетъ
Занавѣсъ окна́;
Полъ отстру́ганъ гла́дко,
Ро́венъ потоло́къ;
Пе́чка развальна́я
Ста́ла въ уголо́къ.
По стѣна́мъ укла́дки
Съ дѣ́довскимъ добро́мъ,
Узкая скаме́йка,
Кры́тая ковро́мъ,
Кра́шеныя пя́льцы
Съ сту́ломъ раздвижны́мъ
И крова́ть рѣзная́
Съ по́логомъ цвѣтны́мъ. Мей.

[1]) замира́ть. [2]) облива́ть.

153. Приме́ты о́сени.

Мелька́етъ жёлтый листъ, на зе́лени дере́въ;
Рабо́ту ко́нчилъ серпъ на ни́вахъ золоти́стыхъ,
И покраснѣлъ уже́ вдали́ ковёръ луго́въ,
И зрѣлые плоды́ вися́тъ въ сада́хъ тѣни́стыхъ.
Приме́ты о́сени во всёмъ встрѣча́етъ взоръ.
Тамъ тя́нется, блести́[1]) на со́лнцѣ паути́на:
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ че́резъ забо́ръ
Кисти́ми кра́сными повиснула рябина́;
Тамъ жни́ва ко́лкая щети́нится, а тамъ
Ужъ о́зимь я́ркая блесну́ла изумру́домъ,
И ку́рится ови́нъ, и до́лго по утра́мъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежи́тъ тума́нъ надъ си́нимъ пру́домъ.
И цѣлый день скрипя́тъ воза́, и далеко́
Токъ отзыва́ется подъ дру́жными цѣпа́ми,
И ста́я журавле́й несётся[2]) высоко́,
Перекликаясь[3]) поро́й подъ небеса́ми[4]).

[1]) glänzen. [2]) nestís. [3]) sich zurufen.

154. Деревенскій сто́рожъ.

Ночь темна́, на не́бѣ ту́чи,
Бѣлый снѣгъ круго́мъ,
И разли́тъ моро́зъ трескучій
Въ во́здухѣ ночно́мъ.
Вдоль по у́лицѣ широ́кой.
Избы мужико́въ —
Хо́дитъ сто́рожъ одино́кій,
Слы́шенъ скрыпъ шаго́въ.
Зя́бнетъ сто́рожъ, вью́га смѣло
Зли́тся вкругъ него́,
На моро́зѣ побѣлѣла
Борода́ его́.
Ску́чно! ра́дость измѣни́ла,
Ску́чно одному́,
Пѣснь его́ звучи́тъ уны́ло.
Сквозь мятель и тьму.
Хо́дитъ онъ въ ночи́ безлу́нной,
Вѣла у́тра ждётъ.
И въ края́ доски́ чугу́нной
Съ та́йной гру́стью бьётъ[1]);

И кача́ясь[2]) завива́етъ
Звóнкая доскá . . .
Пу́ще се́рдце замира́етъ,
Тяжелéй тоскá. Огаревъ.

[1]) бить. [2]) ſchaukelnd.

155. Зи́мняя ночь въ дере́внѣ.

Вéсело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селóмъ;
Бѣлый снѣгъ сверкáетъ.
Си́нимъ огонькóмъ.
Мѣсяца лучáми
Бóжій храмъ обли́тъ.
Крестъ подъ облакáми,
Какъ свѣчá гори́тъ.

Пу́сто одинóко
Со́нное село́,
Вьюгами глубóко
Избы занесло́[1]).
Тишинá нѣмáя
Въ у́лицахъ пусты́хъ,
И не слы́шно лáя
Псовъ[2]) сторожевы́хъ.
Никитинъ.

[1]) заноси́ть. [2]) пёсъ.

Отдѣлъ второй.

156. Во́лга и Вазу́за.

Во́лга и Вазу́за заспо́рили о томъ, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и досто́йнѣе бо́льшаго почёта. Спо́рили, спо́рили, другъ дру́га не переспо́рили и рѣши́лись вотъ на како́е дѣло: „Дава́й, сказа́ли онѣ, вмѣстѣ ля́жемъ спать, и кто пре́жде вста́нетъ и скорѣе придётъ къ мо́рю Хвалы́нскому, та изъ насъ умнѣе и сильнѣе и почёту досто́йнѣе.“ Легла́ Во́лга спать, легла́ и Вазу́за. Но́чью вста́ла Вазу́за потихо́ньку, убѣжа́ла отъ Во́лги, вы́брала себѣ доро́гу и прямѣе и бли́же и потекла́. Просну́лась и Во́лга и пошла́ ни ти́хо, ни ско́ро, а какъ слѣдуетъ, въ Зубцо́вѣ догна́ла Вазу́зу, да такъ гро́зно, что Вазу́за испуга́лась, назвала́сь меньшо́ю сестро́ю и проси́ла Во́лгу приня́ть её къ себѣ на́ руки и снести́ въ мо́ре Хвалы́нское. — А всё-таки Вазу́за весно́ю ра́ньше просыпа́ется и бу́дитъ Во́лгу отъ зи́мняго сна.

157. Щеглёнокъ.

Въ си́льную сту́жу щеглёнокъ на́чалъ би́ться въ окно́ поселя́нина, какъ бу́дто бы онъ жела́лъ влетѣть въ избу́. Поселя́нинъ откры́лъ окно́ и впусти́лъ ми́лую пти́чку въ своё жили́ще. Щеглёнокъ приня́лся клева́ть кро́шки хлѣба, кото́рыя упа́ли со стола́. Дѣти поселя́нина о́чень полюби́ли пти́чку. Когда́ пришла́ весна́ и кусты́ покры́лись зелёными ли́стьями, поселя́нинъ отвори́лъ окно́ и ма́ленькій его́ гость улетѣлъ въ сосѣднюю ро́щу, свилъ себѣ гнѣздо́ и запѣлъ весёлую пѣсеньку. Вновь наступи́ла зима́, щеглёнокъ опя́ть прилетѣлъ къ знако́мой избу́шкѣ и привёлъ съ собо́ю свою́ ма́ленькую подру́гу. Поселя́нинъ и дѣти его́ обра́довались тому́, что пти́чка оказа́ла имъ тако́е довѣріе. Дѣти съ восто́ргомъ говори́ли другъ дру́гу: „Пти́чки смо́трятъ на насъ такъ, какъ бу́дто бы онѣ жела́ютъ сказа́ть что-то.“ — „Пра́вда,“ отвѣча́лъ оте́цъ: „е́сли бы онѣ могли́ говори́ть, то сказа́ли бы вамъ: довѣріе рожда́етъ довѣріе, а любо́вь вызыва́етъ любо́вь.“

158. Испыта́ніе.

Конста́нцій Хлоръ получи́лъ власть надъ ри́мскою импе́ріею и жела́лъ подве́ргнуть испыта́нію свои́хъ придво́рныхъ, изъ ко́ихъ бо́льшая часть бы́ли христіа́не. Онъ призва́лъ ихъ къ себѣ́ и предложи́лъ имъ отре́чься отъ христіа́нства, въ проти́вномъ слу́чаѣ грози́лъ имъ удале́ніемъ отъ двора́. Нѣкоторые изъ придво́рныхъ бы́ли столь малоду́шные и презрѣ́нные лю́ди, что согласи́лись для вы́годъ измѣни́ть свое́й вѣ́рѣ, други́е же изъ придво́рныхъ лу́чше пожела́ли лиши́ться по́честей, чѣ́мъ поступи́ть проти́въ свое́й со́вѣсти.

Тогда́ Конста́нцій обрати́лся къ послѣ́днимъ и превознёсъ ихъ похвала́ми. „Если вы остали́сь вѣ́рны ва́шему Бо́гу,“ сказа́лъ онъ, „то не измѣ́ните и ва́шему госуда́рю. Отны́нѣ ввѣря́ю вамъ себя́ и мои́ та́йны.“ Пото́мъ онъ обрати́лся къ отсту́пникамъ и .сказа́лъ: „Когда́ вы отступи́лись отъ Бо́га, то ещё скорѣ́е измѣ́ните госуда́рю!“ Съ э́тими слова́ми онъ прогна́лъ ихъ отъ себя́ и зате́мъ удали́лъ отъ двора́.

159. Какъ мужи́къ убра́лъ ка́мень.

На пло́щади въ го́родѣ лежа́лъ огро́мный ка́мень. Ка́мень занима́лъ мно́го мѣ́ста и затрудня́лъ проѣзжа́ющихъ. Призва́ли инжене́ровъ и спроси́ли ихъ, какъ убра́ть ка́мень и ско́лько э́то бу́детъ сто́ить. Оди́нъ инжене́ръ сказа́лъ, что ка́мень ну́жно взорва́ть по́рохомъ, разби́ть на куски́ и пото́мъ по частя́мъ свезти́ его́, на что потре́буется до 8000 рубле́й. Друго́й сказа́лъ, что подъ ка́мень на́до подвести́ большо́й като́къ и на каткѣ́ свезти́ его́, что бу́детъ сто́ить 6000 рубле́й. Оди́нъ изъ мужико́въ, прису́тствовавшій при э́томъ, посмотрѣ́лъ съ удивле́ніемъ на инжене́ровъ и сказа́лъ: „А я уберу́ ка́мень и возьму́ за э́то 100 рубле́й.“ У него́ спроси́ли, какъ онъ э́то сдѣ́лаетъ. И онъ сказа́лъ: „Я вы́копаю по́длѣ са́маго ка́мня большу́ю я́му; зе́млю изъ я́мы разброса́ю по пло́щади, свалю́ ка́мень въ я́му и засы́плю землёю.“ Мужи́къ такъ и сдѣ́лалъ. Ему́ да́ли 100 рубле́й за труды́ и ещё 100 рубле́й за у́мную вы́думку.

160. Неустраши́мый ма́льчикъ.

Въ Ко́венской губе́рніи, въ го́родѣ Ша́вляхъ, Казими́ръ Гласо́вскій, по бѣ́дности, жилъ въ суши́льнѣ своего́ сосѣда Александро́вича. Въ октябрѣ́ мѣ́сяцѣ 1845 го́да Гласо́вскій отлучи́лся въ го́родъ Россіе́ны. До́ма оста́лась жена́ Гласо́вскаго и тро́е малолѣ́тнихъ дѣтей: дочь Ѳёкла 6-ти лѣ́тъ и сыновья́ Петръ 4-хъ и Михаи́лъ 3-хъ лѣ́тъ. Мать затопи́ла пе́чку и вы́шла на вре́мя и́зъ дому посмотрѣ́ть скоти́ну. Что дѣ́лали оста́вленныя безъ присмо́тра дѣти, неизвѣ́стно, — но вѣроя́тно, по неразу́мію, ста́ли шали́ть огнёмъ, потому́ что въ суши́льнѣ сдѣ́лался пожа́ръ. Пе́рвый замѣ́тилъ э́то девятилѣ́тній ма́льчикъ, Кали́никъ, хозя́йскій сынъ, кото́рый игра́лъ на дворѣ́. Онъ то́тчасъ бро́сился въ суши́льню и ви́дитъ, что пла́мя уже́ охвати́ло дѣте́й. Онъ схвати́лъ ихъ въ оха́пку и вы́тащилъ на дворъ. Ме́жду

тѣмъ прибѣжа́ли и взро́слые. Пожа́ръ потуши́ть уже́ бы́ло невозмо́жно и суши́льня сгорѣла, но тро́е дѣте́й бы́ли спасены́ неустраши́мостью девятилѣтняго ма́льчика.

161. Помера́нцевое де́рево.

Одна́ зна́тная да́ма купи́ла себѣ́ небольшо́е помера́нцевое де́рево и поста́вила его́ къ себѣ́ въ спа́льню. Вдругъ но́чью она́ чу́вствуетъ си́льное безпоко́йство, стѣсне́ніе въ груди́, тя́жесть въ головѣ́ и какъ бы онѣме́ніе чле́новъ. Она́ хо́четъ встать, но си́лы её оставля́ютъ; она́ па́даетъ на́ полъ безъ чу́вствъ. Къ сча́стію братъ ея́, кото́рый спалъ въ сосѣдней ко́мнатѣ слы́шитъ стукъ; вхо́дитъ въ ко́мнату сестры́ и ви́дитъ, что она́ лежи́тъ на полу́. По си́льному за́паху цвѣто́въ онъ то́тчасъ дога́дывается, въ чёмъ дѣло. Въ ту же мину́ту прово́рно растворя́етъ онъ о́кна и две́ри, чтобъ освѣжи́ть во́здухъ въ ко́мнатѣ, и выно́ситъ помера́нцевое де́рево. Затѣмъ онъ спры́снулъ больну́ю нѣсколько разъ холо́дною водо́ю и привёлъ её въ чу́вство, она́ сно́ва начина́етъ дышать. Въ то́же вре́мя посла́ли за до́кторомъ, кото́рый далъ ну́жныя предписа́нія, и че́резъ четы́ре дня больна́я опра́вилась соверше́нно. Вино́ю всего́ э́того бы́ли два помера́нцевые цвѣтка́, кото́рые распусти́лись въ э́ту ночь; всѣ же про́чіе цвѣтки́ бы́ли ещё въ по́чкахъ.

162. Пасту́шья свире́ль.

Како́му то царю́ донесли́, что его́ казначе́й, къ кото́рому онъ имѣлъ большо́е дове́ріе, похища́етъ государственныя сокро́вища и пря́четъ ихъ въ своёмъ до́мѣ, въ осо́бенной ко́мнатѣ съ желѣзною две́рью. Царь отпра́вился ли́чно въ домъ казначе́я, велѣлъ показа́ть себѣ́ таи́нственную ко́мнату и отпере́ть желѣзную дверь. Но какъ велико́ бы́ло его́ изумле́ніе, когда́ онъ въ э́той ко́мнатѣ, вмѣсто похищённыхъ сокро́вищъ уви́дѣлъ то́лько — четы́ре го́лыя стѣны, продолгова́тый столъ и соло́менный стулъ! На столѣ́ лежа́ла пасту́шеская свире́ль и пасту́шеская сума́. Изъ окна́ ко́мнаты былъ превосхо́дный видъ на зелёные луга́ и лѣси́стыя го́ры. Казначе́й сказа́лъ царю́: „Въ мое́й ю́ности я пасъ ове́цъ. Ты, госуда́рь, взялъ меня́ къ своему́ двору́. Съ тѣхъ поръ я провожу́ въ э́той ко́мнатѣ ежедне́вно нѣсколько мину́тъ, смотрю́ отсю́да на луга́ и лѣса́, и съ удово́льствіемъ вспомина́ю о моёмъ пре́жнемъ состоя́ніи. Ахъ, тогда́ въ бѣдной хи́жинѣ я былъ счастли́вѣе, чѣмъ тепе́рь въ бога́тыхъ пала́тахъ!“ — Лу́чше жить въ неизвѣстности, но споко́йно, чѣмъ быть зна́тнымъ и подверга́ться напра́снымъ клевета́мъ и преслѣдованіямъ.

163. Шатъ и Донъ.

У старика́ Ива́на бы́ло два сы́на: Шатъ Ива́нычъ и Донъ Ива́нычъ. Шатъ Ива́нычъ былъ ста́ршій братъ; онъ былъ сильнѣе и бо́льше, а Донъ Ива́нычъ былъ меньшо́й, и былъ ро́стомъ поме́ньше и слабѣе. Оте́цъ показа́лъ ка́ждому доро́гу и велѣлъ имъ слу́шаться.

Шатъ Ива́нычъ не послу́шался отца́ и не пошёлъ по ука́занной доро́гѣ, сби́лся съ пути́ и пропа́лъ. А Донъ Ива́нычъ послу́шался отца́ и пошёлъ туда́, куда́ ему́ прика́зано. За то онъ прошёлъ всю Россію и сталъ сла́венъ. Въ Ту́льской губе́рніи, въ Епифа́нскомъ у́ѣздѣ, есть дере́вня — „Иванъ — о́зеро“ и въ са́мой дере́внѣ есть о́зеро. Изъ о́зера вытека́ютъ въ ра́зныя сто́роны два ручья́, Оди́нъ руче́й такъ у́зокъ, что че́резъ него́ перешагну́ть мо́жно. Этотъ руче́й называ́ется Донъ. Друго́й ручеёкъ широ́кій и его́ называ́ютъ Шатъ. Донъ идётъ всё пря́мо и чѣмъ да́льше онъ идётъ, тѣмъ ши́ре становѝтся, а Шатъ ве́ртится съ одно́й стороны́ на другу́ю и мелька́етъ. Донъ прошёлъ че́резъ всю Россію и впалъ въ Чёрное мо́ре. Въ нёмъ мно́го ры́бы, по нёмъ хо́дятъ ба́рки и парохо́ды. Шатъ зашата́лся, не вы́шелъ изъ Ту́льской губе́рніи и впалъ въ рѣку́ Упу́.

164. Ты́сяча золоты́хъ.

Бога́тый человѣкъ опредѣли́лъ 1000 золоты́хъ на бѣдныхъ, но не зналъ, каки́мъ бѣднымъ разда́ть э́ти де́ньги. Онъ пришёлъ къ свяще́ннику и говори́тъ: „Я хочу́ дать 1000 золоты́хъ бѣднымъ, да не зна́ю, кому́ дать. Возьми́те де́ньги и разда́йте, кому́ зна́ете.“ — Свяще́нникъ сказа́лъ: „Де́ньги больші́я, я то́же не зна́ю, кому́ дать: мо́жетъ быть, я одному́ дамъ ма́ло, а другому́ мно́го. Скажи́те, каки́мъ бѣднымъ и поско́льку дать изъ ва́шихъ де́негъ?“ — Бога́тый сказа́лъ: „Если вы не зна́ете, кому́ дать де́ньги, то Богъ зна́етъ. Кто пе́рвый изъ бѣдныхъ придётъ къ вамъ, тому́ и отда́йте де́ньги.“

Въ томъ же прихо́дѣ жилъ бѣдный человѣкъ. У него́ бы́ло мно́го дѣте́й, а самъ онъ былъ бо́ленъ и не могъ рабо́тать. Бѣдный человѣкъ чита́лъ разъ псалты́рь и останови́лся на слова́хъ: „я былъ мо́лодъ и состарѣлся, и не вида́лъ пра́веднаго оста́вленнаго и дѣте́й его́, проси́щихъ хлѣба.“ — Бѣдный поду́малъ: я вотъ оста́вленъ Бо́гомъ! а я дурна́го ничего́ не сдѣлалъ. Дай пойду́ къ свяще́ннику, спрошу́ его́, какъ понима́ть слова́ Писа́нія. Онъ пошёлъ къ свяще́нику. Свяще́нникъ уви́дѣлъ его́ и сказа́лъ: „Этотъ бѣдный пе́рвый пришёлъ ко мнѣ,“ и отда́лъ ему́ всѣ 1000 золоты́хъ.

165. Подко́ва.

Крестья́нинъ шёлъ изъ дере́вни въ го́родъ съ ма́ленькимъ сы́номъ, Ѳедю́шей. „Посмотри́-ка, сказа́лъ ему́ оте́цъ, вотъ тамъ лежи́тъ подко́ва, подними́ её и спрячь въ карма́нъ.“ — „И, ба́тюшка! отвѣча́лъ Ѳедю́ша, изъ-за тако́й бездѣлицы не сто́итъ и наклоня́ться.“ Оте́цъ не возрази́лъ ни сло́ва, самъ по́днялъ подко́ву и положи́лъ её въ карма́нъ. На доро́гѣ онъ про́далъ её за нѣсколько копѣекъ кузнецу́ и купи́лъ на э́ти де́ньги ви́шенъ.

Они́ пошли́ да́льше. Лѣтнее со́лнце жгло не милосе́рдно. По доро́гѣ нигдѣ не ви́дно бы́ло ни жилья́, ни лѣса, ни исто́чника. Ѳедю́ша изнемога́лъ отъ жа́жды и едва́ могъ слѣдовать за отцёмъ. Тутъ оте́цъ наро́чно урони́лъ одну́ ви́шню. Ѳедю́ша схвати́лъ её

TRU Raamatukogu

съ жа́дностію, то́чно драгоцѣ́нность и то́тчасъ же съѣ́лъ её. Ви́шня нѣ́сколько освѣжи́ла его́.

Когда́ они́ прошли́ нѣ́сколько шаго́въ, оте́цъ урони́лъ другу́ю ви́шню; Ѳедю́ша по́днялъ её такъ же ско́ро. Таки́мъ о́бразомъ онъ поднима́лъ ви́шни одну́ за другою. Когда́ Ѳедю́ша съѣ́лъ после́днюю ви́шню, оте́цъ посмотрѣ́лъ на него́ и сказа́лъ ему́: „Ви́дишь-ли, е́слибъ ты оди́нъ разъ наклони́лся, чтобъ по́днять подко́ву, то тебѣ́ не пришло́сь-бы сто́лько разъ наклоня́ться за ви́шнями. Пусть это впредь послу́житъ тебѣ́ нау́кой.“

166. Суда́ма.

Въ По́рховскомъ уѣ́здѣ, Псковско́й губе́рніи, есть рѣка́ Суда́ма. На берега́хъ э́той рѣки́ стоя́тъ другъ проти́въ дру́га двѣ горы́. На одно́й горѣ въ пре́жнія времена́ суди́лись Славя́не. Старики́ разска́зываютъ, что на э́той горѣ въ старину́ съ не́ба висѣ́ла цѣпь, и что тотъ, кто былъ правъ, доставалъ до́ цѣпи руко́й, а кто былъ винова́тъ, тотъ не могъ доста́ть.

Оди́нъ челове́къ за́нялъ у друга́го де́ньги и отперся́. Тогда́ тя́жущихся привели́ на го́ру Суда́му и велѣ́ли доставать цѣпь. Тотъ, кто дава́лъ де́ньги взаймы́, по́днялъ ру́ку и сра́зу доста́лъ. Пришёлъ черёдъ винова́тому доставать. Онъ не отпира́лся, а то́лько о́тдалъ свой костыль подержа́ть тому́, съ кѣ́мъ суди́лся, что́бы ловчѣе было рука́ми доста́ть до́ цѣпи, протяну́лъ ру́ки и доста́лъ.

Наро́дъ удиви́лся: о́ба оказа́лись пра́вы? Дѣ́ло объясня́ется про́сто: у винова́таго костыль былъ пусто́й, и въ костыль бы́ли запря́таны тѣ са́мыя де́ньги, въ каки́хъ онъ отпира́лся. Когда́ онъ о́тдалъ подержа́ть костыль съ де́ньгами то о́тдалъ и до́лжныя де́ньги и потому́ доста́лъ цѣпь. Такъ онъ обману́лъ всѣ́хъ. Но съ тѣ́хъ поръ цѣпь поднялась на́ не́бо и бо́льше не спуска́лась. Такъ разска́зываютъ старики́.

167. Сапо́жные гво́зди.

Стари́къ Па́велъ рабо́талъ въ ку́зницѣ такъ усе́рдно, что и́скры гра́домъ сы́пались подъ уда́рами его́ мо́лота. Сынъ бога́таго дворяни́на, кото́рый жилъ по сосѣ́дству, ча́сто приходи́лъ къ кузнецу́ и смотрѣ́лъ по цѣ́лымъ часа́мъ на его́ рабо́ту.—„Вы́учитесь, су́дарь, для препровожде́нія вре́мени хоть дѣ́лать гво́зди,“ сказа́лъ одна́жды Па́велъ: „кто зна́етъ? мо́жетъ быть, э́то вамъ когда́-нибу́дь пригоди́тся.

Пра́здный молодо́й челове́къ, отъ не́чего дѣ́лать, согласи́лся на предложе́ніе. Онъ взялся́ за мо́лотъ и че́резъ нѣ́сколько вре́мени сдѣ́лалъ въ но́вомъ для него́ иску́ствѣ такіе успѣхи, что могъ дово́льно легко́ выко́вывать хоро́шіе сапо́жные гво́зди.

Спустя́ нѣ́сколько лѣтъ по́слѣ того́, война́ лиши́ла дворяни́на всего́ его́ имѣ́нія и прину́дила его́ оста́вить оте́чество. Онъ скры́лся въ отдалённой дере́внѣ. Тамъ жи́ло мно́жество сапо́жниковъ, кото́рые покупа́ли сапо́жные гво́зди въ сосѣ́днемъ го́родѣ, но въ э́то вре́мя

они́ не находи́ли ихъ въ доста́точномъ коли́чествѣ, потому́ что должны́ бы́ли изгото́вить для а́рміи нѣсколько ты́сячъ сапого́въ. Тутъ молодо́й дворяни́нъ вспо́мнилъ, что онъ вы́учился дѣлать сапо́жные гво́зди. Онъ взялся́ доста́вить сапо́жникамъ ну́жное коли́чество гвоздей, е́сли то́лько они́ соглася́тся вы́строить для него́ мастерску́ю. Они́ охо́тно согласи́лись, и съ тѣхъ поръ онъ на́чалъ съ большимъ успѣхомъ рабо́тать и за́жилъ споко́йно и безъ нужды́.

168. Мнимоумёршая.

Одна́ дѣви́ца высо́каго происхожде́нія сконча́лась во цвѣтѣ лѣтъ. Её положи́ли во гробъ въ бѣломъ пла́тьѣ, во́лосы ея́ укра́сили ни́тью кру́пнаго же́мчуга, а на пра́вую ру́ку надѣли золото́й не́рстень съ драгоцѣнными каме́ньями. По жела́нію роди́телей всѣ э́ти драгоцѣнности положи́ли съ не́ю въ моги́лу. Въ сле́дующую ночь моги́льщикъ пробра́лся съ фонарёмъ на кладби́ще, разры́лъ моги́лу, откры́лъ гробъ и хотѣлъ похи́тить дорогія украше́нія. Но вдругъ поко́йница подняла́сь и устреми́ла на него́ неподви́жный взоръ: „Что тебѣ ну́жно?“ сказа́ла она́ глухи́мъ го́лосомъ. Воръ съ испу́га урони́лъ фона́рь и бро́сился бѣжа́ть изо всѣхъ силъ. Ме́жду тѣмъ дѣви́ца, кото́рую всѣ счита́ли уме́ршею, была́ то́лько въ продолжи́тельномъ о́бморокѣ. Тепе́рь она́ очну́лась, вста́ла изъ гро́ба, взяла́ фона́рь моги́льщика и пошла́ домо́й. Мо́жно предста́вить себѣ́ сперва́ у́жасъ роди́телей, при ви́дѣ до́чери, а пото́мъ восто́ргъ ихъ, когда́ они́ уви́дѣли, что дочь ихъ въ са́момъ дѣлѣ жива́.

169. Вѣрность.

Оди́нъ языческій царь приказа́лъ привести́ къ себѣ́ христіа́нскаго епи́скопа и потре́бовалъ отъ него́, что́бы онъ отрёкся отъ свое́й вѣры и принёсъ же́ртву и́долямъ. Но епи́скопъ съ кро́тостію отвѣча́лъ: „Госуда́рь, э́того я не могу́ сдѣлать.“ „Какъ!“ ска́залъ разгнѣванный царь, „ра́звѣ ты не зна́ешь, что жизнь твоя́ нахо́дится въ мое́й вла́сти, и я могу́ преда́ть тебя́ сме́рти? Одно́ манове́ніе мое́й руки́ — и тебя́ не бу́детъ.“ „Это я зна́ю,“ отвѣча́лъ епи́скопъ, „но позво́ль мнѣ, госуда́рь, предложи́ть тебѣ́ одно́ сравне́ніе и оди́нъ вопро́съ на рѣше́ніе. Предста́вь себѣ́, сле́дующее. Одинъ изъ вѣрнѣйшихъ служи́телей твои́хъ попа́лся въ ру́ки враго́въ твои́хъ, и они́ всѣ́чески стара́лись побу́дить его́ къ измѣнѣ. Но такъ какъ вѣрный слуга́ твой остава́лся непоколеби́мымъ въ своей вѣрности, то враги́ сня́ли съ него́ всю оде́жду, и нага́го прогна́ли съ посмѣя́ніемъ. Скажи́, госуда́рь, когда́ онъ придётъ къ тебѣ́, не дашь ли ты ему́ лу́чшія изъ оде́ждъ свои́хъ, и не вознагради́шь ли его́ за посмѣя́ніе и поруга́ніе че́стію и сла́вою?“ „Коне́чно такъ,“ отвѣча́лъ царь: „но къ чему́ же всё э́то, и гдѣ это могло́ случи́ться?“ Тогда́ благочести́вый епи́скопъ сказа́лъ: „Госуда́рь! ты мо́жешь снять съ меня́ э́ту земну́ю оде́жду, но Госпо́дь мой облечётъ меня́ въ но́вую, лу́чшую... Могу́-ли я сли́шкомъ дорожи́ть е́ю, что́бы изъ-за нея́ нару́шить вѣрность.“ Тогда́ царь поду́малъ и сказа́лъ: „Иди́, я дарю́ тебѣ́ жизнь.“

170. Волкъ у́дитъ ры́бу.

Вёзъ мужи́къ но́чью возъ ры́бы. Прони́хала лиса́, что на возу́ ры́бка . . . Тихо́нько подкра́лась, се́ла на возъ и всю ры́бу повы́кинула изъ сане́й на доро́гу. Мужи́къ е́детъ себѣ́, и ничего́ не зна́етъ . . . А лиси́ца подобра́ла ры́бку: се́ла подъ густо́мъ и ку́шаетъ. Отку́да ни возьми́сь волкъ. — „Гдѣ́, ку́мушка, была́, гдѣ́ добы́чу добыла́?“ — спра́шиваетъ волкъ. — „Ры́бы ма́ло ли — въ рѣкѣ́: въ про́руби хвосто́мъ налови́ла.“ — „Какъ такъ?“ — „Вотъ какъ: опущу́ я хвостъ: ры́ба наси́детъ, а я вы́тащу.“ — „Дай мнѣ́.“ — „Экой ло́вкій! поди́ самъ налови́: у тебя́ хвостъ ещё подлинне́е бу́детъ моего́, какъ разъ натаска́ешь“. . . Волкъ повѣ́рилъ лисѣ́ и побѣжа́лъ на рѣку́ къ про́руби. Утро бы́ло моро́зное. Отъ моро́зу на рѣкѣ́ трещА́лъ лёдъ. Подхо́дитъ волкъ къ про́руби. Про́рубь обса́жена круго́мъ ёлками, отъ воды́ паръ вали́тъ. Вотъ сталъ волкъ за́домъ къ водѣ́ и опусти́лъ хвостъ. Хвостъ и примёрзъ къ про́руби, волкъ хотѣ́лъ отодра́ть его́, не мо́жетъ и ду́маетъ: насе́ло мно́го ры́бы: тяжело́ тащи́ть . . . Ужъ разсвѣ́ло . . . Вдругъ послы́шались голоса́ . . . Изъ дере́вни вы́шли ба́бы: одна́ съ вёдрами за водо́й, други́я съ валька́ми полоска́ть бѣ́лье́ . . . „Ба́тюшки, волкъ!“ закрича́ли ба́бы. Снача́ла испуга́лись и хотѣ́ли бѣжа́ть, но уви́дѣли, что хвостъ у во́лка примёрзъ — взя́ли и уби́ли коромы́слами да валька́ми.

171. Сожъ и Днѣпръ.

Жилъ-былъ слѣпо́й стари́къ Двина́; у него́ бы́ло два сы́на, ста́ршій — Сожъ и мла́дшій Днѣпръ. Сожъ былъ бу́йнаго нра́ва таска́лся по лѣса́мъ, гора́мъ и поля́мъ; а Днѣпръ отлича́лся кро́тостію; сидѣ́лъ всё до́ма, и былъ люби́мцемъ ма́тери. Со́жа не́было до́ма, когда́ мать обма́номъ заста́вила старика́ — отца́ благослови́ть на старѣ́йшинство мла́дшаго сы́на. Двина́ благослови́лъ его́: „Разле́йся, мой сынъ, рѣко́ю широ́кою и глубо́кою, протека́й города́, обмыва́й сёла безъ счёту до мо́ря; твой братъ да бу́детъ тебѣ́ слугою. Богатѣ́й и ту́чнѣй до конца́ вѣко́въ!“ Днѣпръ разли́лся рѣко́й по ту́чнымъ луга́мъ и дрему́чимъ лѣса́мъ; а Сожъ на тре́тій день вороти́лся домо́й и сталъ жа́ловаться. „Если хо́чешь повелѣва́ть бра́томъ, сказа́лъ ему́ оте́цъ, бѣги́ скорѣе скры́тыми путя́ми, непроходи́мыми, тёмными лѣса́ми, и е́сли догонишь бра́та, то онъ послу́житъ тебѣ́.“ Сожъ пусти́лся въ погоню мѣста́ми непроходи́мыми, размыва́лъ болота́, прорѣзывалъ овра́ги и рвалъ ко́рни дубо́въ. Днѣпру́ сказа́лъ о томъ я́стребъ. Днѣпръ приба́вилъ бѣгу, прорѣзывалъ высо́кія го́ры, что́бы не сворА́чивать въ бокъ. А Сожъ уговори́лъ во́рона летѣ́ть пря́мо къ Днѣпру́, и то́лько что обго́нитъ его́ хоть на шагъ — ка́ркнуть три ра́за, — самъ же шмыгну́лъ подъ зе́млю и расчи́тывалъ вы́скочить на верхъ по кри́ку во́рона и таки́мъ о́бразомъ опереди́ть бра́та. Но я́стребъ напа́лъ на во́рона, во́ронъ зака́ркалъ пре́жде, не́жели опереди́лъ рѣку́ Днѣпръ. Сожъ вы́скочилъ изъ подъ земли́ и со всего́ разма́ху впалъ въ Днѣпръ.

172. Ло́шадь и верблю́дъ.

Когда́ Богъ сотвори́лъ челове́ка и живо́тныхъ, — говори́тъ одно́ язы́ческое преда́ніе — тщесла́вная ло́шадь горди́лась дарованною ей стро́йностью. Но э́того ма́ло, она́ захоте́ла быть ещё краси́вѣе, совершённѣе, и ста́ла проси́ть Бо́га преобрази́ть её. „Чѣмъ же ты недово́льна?“ — спроси́лъ Госпо́дь ми́лостиво. — „Да я, вообще́, не могу́ жа́ловаться,“ отвѣча́ло легкомы́сленное живо́тное, „но мнѣ ка́жется, что я была́ бы ещё быстрѣе на бѣгу́, е́сли бы но́ги мои́ бы́ли выше и то́ньше; дли́нная лебеди́ная ше́я была́ бы мнѣ та́кже о́чень къ лицу́; бо́лѣе широ́кая грудь увели́чила бы мою́ си́лу, а такъ какъ я назна́чена Тобо́ю носи́ть твоего́ люби́мца человѣка, то не мѣша́ло бы дать мнѣ и приро́дное сѣдло́.“ — „Твоё жела́ніе бу́детъ испо́лнено,“ отвѣча́лъ Госпо́дь: „но пре́жде полюбу́йся свои́мъ идеа́ломъ.“ И Богъ взялъ прахъ и со́здалъ верблю́да. Когда́ ло́шадь уви́дѣла тако́е безобра́зіе, она́ задрожа́ла отъ у́жаса, а Госпо́дь сказа́лъ: „Вотъ но́ги вы́ше и то́ньше твои́хъ, вотъ и дли́нная лебеди́ная ше́я, и грудь ши́ре твое́й, а вотъ приро́дное сѣдло́! Жела́ешь ли ты быть тако́ю?“ Ло́шадь всё ещё дрожа́ла и молчали́во пони́кла голово́й. „Ступа́й же и впредь будь дово́льна свое́ю у́частью!“ продолжа́лъ милосе́рдый Богъ: „но что́бы ты не забы́лась сно́ва, то пусть э́то созда́ніе напомина́етъ тебѣ о твоёмъ су́етномъ жела́ніи.“ И Богъ дарова́лъ верблю́ду жизнь. Съ тѣхъ поръ ло́шадь ка́ждый разъ, какъ уви́дитъ верблю́да, дрожи́тъ всѣмъ тѣломъ.

173. Дѣдушка и вну́чекъ.

Жилъ былъ на свѣтѣ дря́хлый старичёкъ. Глаза́ его́ помути́лись отъ ста́рости, колѣни тряслись, и слы́шалъ онъ бѣдный пло́хо. Когда́ онъ сидѣлъ за столо́мъ, то едва́ могъ держа́ть ло́жку, проноси́лъ её ми́мо рта и пролива́лъ супъ на ска́терть. Сынъ его́ и невѣстка смотрѣли на него́ съ отвращёніемъ и наконе́цъ помѣсти́ли его́ въ уголкѣ за пе́чкой, куда́ приноси́ли ему́ ску́дную пи́щу, въ ста́рой гли́няной ми́скѣ. У старика́ ча́сто навёртывались слёзы на глаза́ и онъ гру́стно посма́тривалъ въ ту сто́рону, гдѣ накры́тъ былъ столъ. Одна́жды ми́ска, кото́рую сла́бо держа́ли его́ ру́ки, упа́ла и разби́лась въ дре́безги. Молода́я невѣстка набро́силась съ упрёками на несча́стнаго старика́. Онъ не смѣлъ отвѣтить, то́лько вздохну́лъ и пони́къ голово́ю. Ему́ купи́ли деревя́нную ми́ску, изъ кото́рой онъ съ той поры́ и ѣлъ постоя́нно. Нѣсколько дней спустя́, сынъ его́ и невѣстка уви́дѣли, что ребёнокъ ихъ, кото́рому бы́ло четы́ре го́да „сиди́тъ на землѣ и скла́дываетъ дощёчки. „Что ты дѣлаешь?“ спроси́лъ его́ отёцъ. — „Коро́бочку,“ отвѣтилъ онъ, „что́бы корми́ть изъ нея́ папа́шу и мама́шу, когда́ они́ состарѣются.“ Мужъ и жена́ не сказа́ли ни сло́ва, а то́лько, перегляну́лись и запла́кали. Съ тѣхъ поръ они́ ста́ли опя́ть сажа́ть старика́ за столъ и никогда́ не обраща́лись съ нимъ гру́бо.

174. Лиса́ и жура́вль.

Лиса́ съ журавлёмъ подружи́лась, да́же покуми́лась съ нимъ у кого́-то на крести́нахъ. Вотъ и вздума́ла одна́жды лиса́ угости́ть журавля́, пошла́ звать его́ къ себѣ́ въ го́сти: приходи́, куманёкъ! приходи́ дорого́й! ужъ я какъ тебя́ угощу́!“ Идётъ жура́вль на зва́нный пиръ, а лиса́ нарви́ла ма́нной ка́ши и размаза́ла по таре́лкѣ. Подала́ и по́тчиваетъ: „поку́шай, мой голу́бчикъ — куманёкъ! сама́ стря́пала. „Жура́вль хлопъ — хлопъ но́сомъ, стуча́лъ стуча́лъ ничего́ не попада́етъ! а лиси́ца въ э́то вре́мя ли́жетъ себѣ́ да ли́жетъ ка́шу — такъ всю сама́ и ску́шала. Ка́ша съѣ́дена; лиси́ца и говори́тъ: „не обезсу́дь, любе́зный кумъ! бо́льше по́тчивать не́чѣмъ.“ — „Спаси́бо, кума́, и на э́томъ! Приходи́ ко мнѣ въ го́сти.“ На друго́й день прихо́дитъ лиса́, а жура́вль приготовилъ окро́шку, накла́лъ въ кувши́нъ съ у́зкимъ го́рлышкомъ, поста́вилъ на столъ и говори́тъ: „ку́шай, ку́мушка! пра́во бо́льше не́чѣмъ по́тчивать. „Лиса́ начала́ верте́ться вокру́гъ кувшина́, и такъ зайдётъ, и э́такъ, и лизнётъ его́, и поню́хаетъ-то, всё ничего́ не доста́нетъ! не лѣзетъ голова́ въ кувши́нъ. А жура́вль ме́жду тѣмъ клюётъ себѣ́ да клюётъ, пока́ всё не поѣ́лъ. Ну, не обезсу́дь, кума́! бо́льше угоща́ть не́чѣмъ.“ Взяла́ лису́ доса́да, ду́мала, что наѣ́стся на всю недѣ́лю, а домо́й пошла́ голо́дная. Какъ а́укнулось, такъ и откли́кнулось! Съ тѣ́хъ поръ и дру́жба у лисы́ съ журавлёмъ врозь.

175. Соловей́ и чижъ.

Былъ домъ,
Гдѣ́ подъ окно́мъ
И чижъ и соловей́ висѣ́ли,
И пѣ́ли.
Лишь то́лько соловей́, быва́ло, запоётъ,
Сынъ ма́ленькій отцу́ прохо́ду не даётъ:
Всё пти́чку показа́ть къ нему́ онъ приступа́етъ,
Что э́такъ хорошо́ поётъ.
Отецъ обо́ихъ снявъ, мальчи́шкѣ подаётъ.
„Ну, говори́тъ, узна́й, мой свѣ́тъ!
Кото́рая тебя́ такъ мно́го забавля́етъ?“
Тотча́съ на чи́жика мальчи́шка указа́лъ.
„Вотъ, ба́тюшка, она́,“ сказа́лъ.
И ма́льчикъ отъ чижа́ въ вели́комъ восхище́ньи.
„Каки́я пёрышки! Куда́ какъ онъ пригожъ!
Зате́мъ вѣ́дь у него́ и го́лосъ такъ хоро́шъ!“ Хемницеръ.

176. Стрекоза́ и муравей́.

Попры́гунья — стрекоза́
Лѣ́то кра́сное пропѣ́ла;
Огляну́ться не успѣ́ла,
Какъ зима́ кати́тъ въ глаза́.

Помертвѣло чи́сто по́ле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ бо́лѣ,
Какъ подъ ка́ждымъ ей листко́мъ
Былъ гото́въ и столъ и домъ.
Всё прошло́: съ зимо́й холо́дной
Нужда́, го́лодъ настаётъ,
Стрекоза́ ужъ не поётъ:
И кому́ же въ умъ пойдётъ
На желу́докъ пѣть голо́дный?
Злой тоско́й удручена́,
Къ муравью́ ползётъ она́.
— „Не оста́вь меня́, кумъ ми́лый;
Дай ты мнѣ собра́ться съ си́лой,
И до ве́шнихъ то́лько дней
Прокорми́ и обогрѣй!“
— „Ку́мушка, мнѣ стра́нно э́то;
Да рабо́тала—ль ты лѣто?“
Говори́тъ ей муравей́.
— „До того́-ль, голу́бчикъ, бы́ло?
Въ мя́гкихъ мурава́хъ у насъ,
Пѣсни, рѣзвость вся́кій часъ,
Такъ что го́лову вскружи́ло.“
— „А, такъ ты . . .“ — „Я безъ души́
Лѣто цѣлое всё пѣла.“
— „Ты всё пѣла? — э́то дѣло;
Такъ поди́ же, попляши́!“ Крыловъ.

177. Любопы́тный.

„Прія́тель дорого́й, здорово́! Гдѣ ты былъ?“
— „Въ кунстка́мерѣ, мой другъ! часа́ тамъ три ходи́лъ;
Всё ви́дѣлъ, вы́смотрѣлъ; отъ удивле́нья,
Повѣришь-ли, не ста́нетъ ни умѣнья
Пересказа́ть тебѣ, ни силъ.
Ужъ по́длинно, что тамъ чудёсъ — пала́та!
Куда́ на вы́думки приро́да дарова́та!
Каки́хъ звѣре́й, каки́хъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія ба́бочки, бука́шки,
Козя́вки, му́шки, тарака́шки!
Однѣ какъ изумру́дъ, другія какъ кора́ллъ!
Какія кро́хотны коро́вки!
Есть, пра́во, мѣнѣе була́вочной голо́вки!
— „А ви́дѣлъ-ли слона́. Како́въ собо́й на взглядъ?
Я чай, поду́малъ ты, что го́ру встрѣтилъ!“
— „Да ра́звѣ тамъ онъ?“ — „Тамъ.“ — „Ну, бра́тецъ, винова́ть:
Слона́ то я и не примѣтилъ. Крыловъ.

178. Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не такъ большой руки;
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины она себѣ достала,
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ тёмю ихъ прижмётъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ,
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу пропасть!“ говоритъ она, „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Всё про очки лишь мнѣ налгали,
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.“
Мартышка тутъ съ досады и печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали. Крыловъ.

179. Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой,
И дѣльный разговоръ вели между собой,
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ ещё двѣ — три, и вмигъ
Со всѣхъ сторонъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ;
— „И, полно, братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймёшь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдёмъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.“
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали по малу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.
Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ. Крыловъ.

180. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали,
Да что до этого печали?

Одна́ко же смѣётся Три́шкѣ всякъ,
А Три́шка говори́тъ: „такъ я же не дура́къ,
И ту бѣду́ попра́влю:
Длиннѣе пре́жняго я рукава́ наста́влю.“
О, Три́шка ма́лый не просто́й!
Обре́залъ фа́лды онъ и по́лы,
Наста́вилъ рукава́, и ве́селъ Три́шка мой,
Хоть но́ситъ онъ кафта́нъ тако́й,
Кото́раго длиннѣе и камзо́лы.
Таки́мъ же о́бразомъ вида́лъ я иногда́
Ины́е господа́,
Запу́тавши дѣла́, ихъ поправля́ютъ:
Посмо́тришь, въ Три́шкиномъ кафта́нѣ щеголя́ютъ.
Крыловъ.

181. Чижъ и го́лубь.

Чижа́ захло́пнула злодѣ́йка западня́.
Бѣдня́жка въ ней и рва́лся, и мета́лся,
А го́лубь молодо́й надъ нимъ же издѣва́лся.
„Не сты́дно-ль, говори́тъ: средь бѣ́ла дня
Попа́лся!
Не провели́-бы такъ меня́:
За э́то я ручаю́сь смѣ́ло.“
Онъ смо́тришь, тутъ же самъ запу́тался въ сило́къ.
И дѣ́ло!
Впередъ чужо́й бѣдѣ́ не смѣйся, голубо́къ! Крыловъ.

182. Двѣ бо́чки.

Двѣ бо́чки ѣ́хали: одна́ съ вино́мъ,
Друга́я
Пуста́я.
Вотъ пе́рвая — себѣ́ безъ шу́му и ша́жкомъ
Плетётся,
Друга́я вскачь несётся:
Отъ не́й по мостово́й и стукотня́, и громъ,
И пыль столбо́мъ;
Прохо́жій къ сторонѣ́ скорѣ́й отъ стра́ху жмётся,
Её заслы́шавши изъ далека́.
Но какъ та бо́чка ни громка́,
А по́льза въ не́й не такъ, какъ въ пе́рвой велика́.
Кто про свои́ дѣла́ крича́тъ всѣмъ безъ умо́лку,
Въ томъ, вѣ́рно, ма́ло то́лку. Крыловъ.

183. Разска́зъ мышёнка о по́мощи льву.

Разъ случи́лось, что мно́жество насъ, молоды́хъ мышеня́токъ, бѣ́гало по́полю взапуски; я вспры́гнулъ съ разбѣ́гу на льва́, кото́рый отдыха́лъ

въ по́лѣ, и запу́тался въ его́ пы́шной гри́вѣ. Левъ просну́лся, и ла́пой огро́мной сти́снулъ меня́: я поду́малъ, что бу́ду разда́вленъ, какъ мо́шка. Я собра́лся съ ду́хомъ и вы́сунулъ носъ изъ-подъ ла́пы: „левъ госуда́рь,“ я ему сказа́лъ, „мнѣ и въ мысль не входи́ло ми́лость твою́ оскорби́ть; пощади́, не губи́; нера́венъ часъ, самъ я тебѣ́ пригожу́сь.“ Левъ улыбну́лся, — коне́чно онъ ужъ поку́шать успѣ́лъ — и сказа́лъ мнѣ: „ты, ви́жу, заба́вникъ, льву услужи́ть ты заду́малъ, — добро́! мы посмо́тримъ, каку́ю ми́лость окажешь ты намъ? Ступа́й.“ Тогда́ онъ раздви́нулъ ла́пу, а я дава́й Богъ но́ги.

Но вотъ что случи́лось: дня́ не прошло́, какъ всѣ мы испу́ганы бы́ли въ подпо́льяхъ льви́нымъ рыка́ньемъ: смути́лась какъ бу́дто отъ бу́ри, вся сторона́; я не стру́силъ: вы́бѣжалъ въ по́ле, и что же въ по́лѣ уви́дѣлъ? Царь левъ запу́тался въ кре́пкихъ тенётахъ, ме́чется, бьётся какъ бѣшеный, кро́вью глаза́ налили́ся; ла́пами рвётъ онъ верёвки, зуба́ми грызётъ ихъ; но бы́ло всё то напра́сно, лишь бо́лѣе себя́ онъ запу́тывалъ. „Ви́дишь, левъ госуда́рь,“ сказа́лъ я ему́, что и я пригоди́лся. Будь споко́енъ, въ мину́ту тебя́ изба́вимъ.“ И то́тчасъ со́звалъ я дю́жину ло́вкихъ мыша́тъ; приняли́сь мы рабо́тать зуба́ми; узлы́ перегры́зли тенётъ, и левъ распу́тался. Ва́жно кивну́лъ онъ голово́ю косма́той и допусти́лъ насъ къ ца́рской ла́пѣ своей́, пото́мъ распра́вилъ гри́ву, уда́рилъ си́льнымъ хвосто́мъ по бедра́мъ, и въ три прыжка́ очути́лся въ бли́жнемъ лѣсу́, гдѣ вмигъ и пропа́лъ.

184. Не слѣдуетъ полага́ться на свою́ извѣстность.

Баснопи́сецъ Крыло́въ зашёлъ одна́жды въ ла́вку Корелёва. Ему́ хотѣ́лось пола́комиться у́стрицами, до кото́рыхъ онъ былъ большо́й охо́тникъ. Тамъ уви́дѣлъ онъ мно́го подо́бныхъ себѣ́ ла́комокъ, и въ томъ числѣ́ дѣйстви́тельнаго та́йнаго совѣ́тника Р. Когда́ послѣ́дній сталъ распла́чиваться, то не сомнѣва́лся, что́бы его́ въ ла́вкѣ не зна́ли и спроси́лъ у ла́вочника, мо́жетъ ли онъ ему́ повѣ́рить на сло́во, такъ какъ у него́ тепе́рь недостаётъ нѣ́сколько де́негъ для распла́ты по его́ счёту. Купе́цъ извини́лся, что не имѣетъ че́сти знать его́ и, обраща́ясь къ Крыло́ву, приба́вилъ: „вотъ, е́сли уго́дно поручи́ться за Васъ Ива́ну Андре́евичу, то я съ удово́льствіемъ повѣ́рю.“ — „А какъ же вы меня́ зна́ете?“ спроси́лъ Крыло́въ. „Поми́луйте, Ива́нъ Андре́евичъ, отвѣча́лъ доброду́шно ла́вочникъ, да васъ, я ду́маю, вся́кій мальчи́шка на ка́ждой у́лицѣ зна́етъ.“ Когда́ Крыло́въ по́слѣ э́того возвраща́лся домо́й, то зашёлъ пе́редъ о́кнами своей́ кварти́ры въ ла́вку гости́ннаго двора́, что́бы купи́ть но́тной бума́ги. „За де́ньгами, сказа́лъ онъ, пришли́те ко мнѣ на́домъ; я живу́ здѣсь въ двухъ шага́хъ отъ васъ, вѣдь вы зна́ете, я Крыло́въ.“ — „Какъ мо́жно знать всѣхъ люде́й на свѣ́тѣ,“ проговори́лъ купе́цъ и взялъ съ прила́вка бума́гу, „мно́го здѣсь живётъ наро́ду.

185. Ска́зка о щу́кѣ зуба́стой.

Въ ночь на Ива́новъ день роди́лась щу́ка въ Шексне́, да така́я зуба́стая, что Бо́же упаси́! Лещи́, о́куни, ерши́ — всѣ собра́лись

глазѣ́ть на неё, и дивова́лись тако́му чу́ду. И ста́ла щу́ка расти́, не по днямъ, а по часа́мъ: что день, то на верш6къ приба́вится, и ста́ла она́ въ Шексне́ поха́живать да лещ6́й, окуне́й пола́вливать: и́здали уви́дитъ леща́, да и хвать его́ зуба́ми, леща́ какъ не быва́ло, то́лько ко́сточки хруста́тъ на зуба́хъ у щу́ки зуба́стой. Экая ока́зія случи́лась на Шексне́! Что дѣ́лать лещ6́мъ да о́кунямъ — то́шно прихо́дитъ, щу́ка всѣ́хъ пріѣ́стъ, прикорна́етъ.

Собра́лась вся ме́лкая ры́бица и ста́ла ду́му ду́мать, какъ перевести́ щу́ку зуба́стую. На сове́тъ пришёлъ и Ершъ Ершо́вичъ и сказа́лъ: „По́лно-те ду́мать да го́лову лома́ть, по́лно-те мо́зги по́ртить! а вотъ послу́шайте, что я скажу́. То́шно намъ всѣ́мъ тепе́рь въ Шексне́, щу́ка зуба́стая прохо́ду не даётъ, вся́кую ры́бу на́ зубъ берётъ; не житьё намъ въ Шексне́, переберёмтесь-ка лу́чше въ ме́лкія ре́ки жить: Си́зму, Коло́му да Славя́нку; тамъ насъ никто́ не тро́нетъ, и бу́демъ жить припѣва́ючи.“ И поднялѝсь всѣ́ ерши́, лещи́, о́куни изъ Шексны́ въ ме́лкія ре́чки Си́зму, Коло́му да Славя́нку. Съ тѣ́хъ поръ въ Шексне́ совсѣ́мъ ма́ло ста́ло ме́лкой ры́бицы? Заки́нетъ рыба́къ у́дочку въ во́ду, да ничего́ не вы́тащитъ; когда́ — некогда́ попадётся стерля́дка, да тѣ́мъ и ло́влѐ коне́цъ. Вотъ вамъ и вся ска́зка о щу́кѣ зуба́стой. Мно́го надѣ́лала плуто́вка хлопо́тъ въ Шексне́, да по́слѣ и сама́ не сдоброва́ла. Какъ не ста́ло ме́лкой ры́бицы, пошла́ хвата́ть червяко́въ и попа́лась на крючо́къ. Рыба́къ сварѝлъ изъ нея́ ушѝцу, да тѣ́мъ, кажѝсь, и заговѣ́лся.

186. Исто́рія дождево́й ка́пли.

Кра́сное со́лнышко ста́ло 'звать водяну́ю ка́плю, дочь глубо́каго мо́ря, погуля́ть съ нимъ по возду́шной синевѣ́. Хотѣ́лось бы ка́пелькѣ изъ глубины́ свое́й вы́глянуть на Бо́жій свѣ́тъ, да мо́ре не пуска́етъ; вотъ и посла́ло къ ней со́лнышко одѝнъ изъ свѣ́тлыхъ луче́й свои́хъ: онъ взялъ её, сдѣ́лалъ невиди́мкой и понёсъ всё вы́ше и вы́ше къ са́мому со́лнышку. Гуля́етъ со́лнышко по высо́кому подне́бесью, далеко́, далеко́ надъ гора́ми, надъ моря́ми; вдругъ уста́ла ка́пелька, не мо́жетъ идти́ да́лѣе, силъ нѣ́тъ. И не одна́ она́ — мно́го гуля́къ, сестри́цъ ея́ убѣжа́ло изъ родно́й пучѝны морско́й. Всѣ́ онѣ́ сидя́тъ въ сѣ́ромъ о́блачкѣ и пла́чутъ о томъ, что не мо́гутъ идти́ да́лѣе за кра́снымъ со́лнышкомъ. Но благодѣ́тельное со́лнышко сжа́лилось надъ ни́ми, посла́ло имъ свѣ́жій вѣтеро́къ: погна́лъ онъ заблуди́вшихся малю́токъ, какъ ста́до, домо́й. Какъ сошли́сь онѣ́ вмѣ́стѣ, и уви́дѣлись и узна́ли другъ дру́га, потому́ что переста́ли быть невиди́мками, сдѣ́лались опя́ть водяны́ми ка́пельками. Обня́лись онѣ́ дру́жно и упа́ли на зе́млю; а лю́ди говоря́тъ: „дождь идётъ.“ На́ша ка́пелька упа́ла на высо́кую го́ру, а съ не́ю и мно́го сестри́цъ — подру́жекъ; э́та гора́ далёко, далёко отъ мо́ря, — ну́жно имъ торопи́ться, что́бы поспѣ́ть домо́й. Ве́село запры́гали онѣ́ по ко́чкамъ, по ка́мешкамъ, по скала́мъ. Но имъ ну́жно ещё пробѣжа́ть по ме́льничнымъ колёсамъ: поворча́ли на́ши ка́пельки — наконе́цъ всплы́ли. Да что въ томъ по́льзы? Онѣ́ ду́маютъ по гла́дкому пути́ со всѣ́ми удо́бствами путешѐствовать, а вотъ поло-

жи́ли на спину́ тяжёлыя ло́дки, разсѣка́ютъ во́лны ихъ шумя́щіе парохо́ды, — понесу́тъ ихъ бѣдня́жекъ, пока́ не воро́тятся, наконе́цъ, отдохну́ть на ро́дину, въ объя́тія роди́маго мо́ря.

187. Чу́дный ма́льчикъ.

По́здно ве́черомъ, наканý нѣ Рождества́, лѣсомъ возвраща́лся крестья́нинъ домо́й изъ го́рода. Тамъ онъ свои́мъ дѣткамъ купи́лъ для пра́здника карава́й хлѣба. А то бѣдня́ги пита́лись одно́й почти́ коро́й. Былъ си́льный моро́зъ. На не́бѣ свѣти́ла луна́. Вдругъ онъ ви́дитъ: въ сугро́бѣ подъ де́ревомъ стои́тъ полуодѣтый, почти́ окоченѣ́лый отъ сту́жи ма́льчикъ и согрѣва́етъ ру́ки свои́мъ дыха́ніемъ. Крестья́нинъ снялъ съ себя́ шу́бу, одѣлъ ма́льчика и привёлъ къ себѣ въ избу́. Дома́шніе обласка́ли го́стя. Семья́ помоли́лась и сѣла за столъ, гдѣ былъ поста́вленъ хлѣбъ съ водо́й. Хозя́йка посади́ла го́стя о́коло себя́, на́чала рѣзать хлѣбъ и пе́рвый кусо́къ подала́ ма́льчику. „Благослове́нъ убо́гихъ даръ,“ — со слеза́ми промо́лвилъ о́трокъ. Хозя́йка продолжа́етъ рѣзать карава́й, но хлѣбъ всё цѣлъ, и не убыва́етъ . . . Вдругъ необыкнове́нный свѣтъ озари́лъ избу́. Изумлённая семья́ гляди́тъ на го́стя: онъ весь преобрази́лся: на мѣстѣ обо́рваннаго ма́льчика сидѣлъ въ бѣлоснѣ́жной оде́ждѣ, свѣтло-кры́лый, прекра́сный какъ рай, а́нгелъ. Онъ всталъ, благослови́лъ семью́ и изчёзъ.

Съ тѣхъ поръ подъ кро́вомъ э́тихъ бѣдняко́въ воцари́лось по́лное дово́льство и благоде́нствіе. Съ тѣхъ поръ поны́нѣ то мѣсто за столо́мъ въ избѣ́ крестья́нина, гдѣ когда́-то, въ о́бразѣ ни́щаго ма́льчика, бесѣ́довалъ Бо́жій Ангелъ, остаётся во вре́мя обѣда и у́жина не за́нятымъ.

188. Гру́шевое де́рево.

Стари́къ Матвѣевъ сидѣлъ подъ тѣнью больша́го гру́шеваго де́рева, кото́рое стоя́ло предъ его́ до́момъ. Его́ внуча́та ѣли гру́ши и не могли́ нахвали́ться сла́дкими плода́ми.

Тогда́ дѣдъ сказа́лъ: я разскажу́ вамъ, каки́мъ о́бразомъ э́то де́рево здѣсь вы́росло. Прошло́ уже́ бо́лѣе пяти́десяти лѣтъ, какъ я одна́жды стоя́лъ здѣсь — гдѣ въ то вре́мя ничего́ не́ было и гдѣ тепе́рь стои́тъ э́то де́рево и жа́ловался бога́тому сосѣду на свою́ бѣдность. Ахъ, говори́лъ я, я былъ-бы соверше́нно дово́ленъ, е́слибы могъ пріобрѣсти́ хоть сто рубле́й.

Сосѣдъ, кото́рый былъ человѣкъ у́мный, сказа́лъ: „э́то пріобрѣсть не тру́дно, е́сли то́лько сумѣешь хорошо́ приня́ться за дѣло. Вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стои́шь, скры́то въ землѣ бо́льше ста рубле́й. Тебѣ слѣдуетъ то́лько доста́ть ихъ.“

Я былъ тогда́ ещё неопытный молодо́й человѣкъ, и въ слѣдующую же ночь на́чалъ рыть въ землѣ большу́ю я́му, но къ сожалѣ́нію не нашёлъ ни одного́ рубля́.

Когда́ на друго́й день сосѣдъ уви́дѣлъ я́му, то такъ засмѣя́лся, что ухвати́лся за бока́, и сказа́лъ: „Я не ду́малъ, что́бы ты былъ такъ глупъ! . . . Но посто́й, и э́та рабо́та не пропа́ла ещё. Я подарю́ тебѣ

молодо́е гру́шевое де́рево; посади́ его́ въ я́му, кото́рую ты вы́рылъ, и че́резъ не́сколько лѣтъ у тебя́ появятся рубли́.“

„Я посади́лъ молодо́е деревцо́ въ зе́млю; оно́ вы́росло и ста́ло тѣмъ прекра́снымъ де́ревомъ, каки́мъ вы его́ тепе́рь ви́дите. Отли́чные плоды́, кото́рые оно́ съ тѣхъ поръ постоя́нно прино́ситъ, доста́вили мнѣ уже́ бо́лѣе ста рубле́й, и кро́мѣ того́ составля́ютъ постоя́нный капита́лъ, кото́рый прино́ситъ значи́тельные проце́нты. Я не забы́лъ ещё любимой поговорки у́мнаго сосѣда каса́тельно э́того; замѣтьте её и вы; „са́мый надёжный дохо́дъ прино́сятъ трудъ и здра́вый смыслъ.“

189. До́брая сла́ва лу́чше бога́тства.

Въ одно́мъ селѣ́ жилъ бѣ́дный рабо́тникъ, Ива́нъ; жена́ его́ умерла́, оста́лся оди́нъ ребёнокъ. Онъ корми́лъ его́ тѣмъ, что зараба́тывалъ; но одна́жды онъ си́льно простуди́лся, и до́лженъ былъ съ недѣлю просидѣть до́ма. Къ концу́ недѣли у Ива́на не остава́лось никако́го запа́са; не́чего бы́ло ѣсть ни ему́, ни ребёнку. Ива́ну остава́лось одно́ — проси́ть ми́лостыни. Съ гру́стью, полубольно́й, Ива́нъ въ су́мерки вы́шелъ изъ свое́й избу́шки, — что́бы проси́ть ми́лостыни. Но страхъ и стыдъ овладѣва́ли имъ, какъ ско́ро онъ подходи́лъ къ воротамъ како́го-нибу́дь до́ма. — „О! какъ тяжело́ протя́гивать ру́ку за подая́ніемъ,“ говори́лъ онъ самъ себѣ́. — И вотъ онъ хотѣ́лъ уже́ воротиться домо́й, какъ вдругъ почу́вствовалъ, что подъ ного́ю у него́ что-то зазвенѣло. Онъ нагиба́ется, и что же? мѣшо́къ съ серебря́ными де́ньгами. Съ ра́достію по́днялъ онъ мѣшо́къ и поспѣши́лъ домо́й. „Тепе́рь, говори́тъ онъ самъ себѣ́, я не бу́ду боя́ться го́лода, есть на что купи́ть хлѣба и мнѣ, и ребёнку; мнѣ не ну́жно бу́детъ проси́ть ми́лостыни.“ Но пото́мъ внутри́ его́ заговори́ла со́вѣсть: „вѣдь, де́ньги не твои́, ты не на́жилъ ихъ трудо́мъ: ты до́лженъ ихъ возврати́ть тому́, кому́ онѣ́ принадлежа́тъ.“ Ива́нъ послу́шался го́лоса со́вѣсти, ра́но у́тромъ отнёсъ де́ньги къ се́льскому старшинѣ и проси́лъ объяви́ть по селе́нію о его́ нахо́дкѣ. Хозя́инъ де́негъ то́тчасъ нашёлся; то былъ бога́тый торго́вецъ ското́мъ. Онъ радъ былъ, что его́ де́ньги нашли́сь, и ещё бо́лѣе, что ихъ нашёлъ че́стный человѣ́къ; онъ ще́дро награди́лъ бѣ́днаго Ива́на. Всё село́ узна́ло о его́ че́стномъ посту́пкѣ; всѣ спѣши́ли облегчи́ть его́ положе́ніе, и Ива́нъ съ тѣхъ поръ не сталъ знать нужды́, не на́до было ему́ проси́ть ми́лостыни.

190. Ру́сскій и Тата́ринъ.

Ру́сскій и тата́ринъ ѣхали вмѣстѣ. Случи́лось имъ ночева́ть въ по́лѣ; свари́ли они́ ка́шу, поѣли и на́чали разгова́ривать, кому́ лошадей карау́лить. У ру́сскаго ло́шадь была́ си́вая да плоха́я, у Тата́рина ворона́я да хоро́шая. Ночь была́ тёмная. Ру́сскій говори́тъ Тата́рину: „мнѣ не на́до карау́лить свою́ бѣ́лую ло́шадь; я проснусь и то́тчасъ её уви́жу. А ты не спи, карау́ль свою́ чёрную ло́шадь.“ Тата́рину не хотѣ́лось карау́лить: онъ промѣня́лъ свою́ ло́шадь Ру́сскому. Ру́сскій взялъ хоро́шую ло́шадь за плоху́ю и сталъ смѣя́ться надъ Тата́риномъ:

„тепе́рь, говори́тъ, я во́все не бу́ду карау́лить свое́й чёрной ло́шади: придётъ воръ — мое́й чёрной ло́шади не найдётъ въ потьма́хъ, а твою́ бѣ́лую сейча́съ уви́дитъ и украдетъ.

Пришло́ село́. Тата́ринъ съ Ру́сскимъ останови́лись здѣсь ночева́ть. Изъ съѣстна́го была́ у нихъ одна то́лько ку́рица. Какъ двумъ нельзя́ быть сы́тымъ одно́ю ку́рицею, то и положи́ли съѣсть её одному́ — кому́ доста́нется по догово́ру. Тата́ринъ и говори́тъ: „дава́й, Ру́сскій, спать, и кто уви́дитъ лу́чше сонъ, тому́ и ку́рицу ѣсть.“ Вотъ легли́. Тата́ринъ сталъ выду́мывать сонъ; пока́ онъ ду́малъ — Ру́сскій съѣлъ ку́рицу и засну́лъ. Тата́ринъ вы́думалъ наконе́цъ сонъ, разбуди́лъ Ру́сскаго, и спра́шиваетъ, что онъ ви́дѣлъ во снѣ? Ру́сскій застави́лъ впередъ Тата́рина разска́зывать сонъ. Тата́ринъ и говори́тъ: „ахъ, Ру́сскій! хоро́шъ сонъ я ви́дѣлъ: бу́дто-бы меня́ взя́ли на не́бо; на не́бѣ я ви́дѣлъ мно́го духо́въ, какъ тамъ хорошо́!“ „Ну, говори́тъ Ру́сскій, а я ви́дѣлъ, какъ тебя́ взя́ли на не́бо — поду́малъ, что ты отту́да не воро́тишься, и съѣлъ ку́рицу-то“. Бѣ́дный Тата́ринъ оста́лся безо всего́, не захотѣлъ стра́нствовать съ Ру́сскимъ и ушёлъ отъ него́.

191. Левъ и соба́чка.

Въ Ло́ндонѣ пока́зывали ди́кихъ звѣре́й и за входъ въ звѣри́нецъ, бра́ли де́ньгами, или соба́ками и ко́шками на кормъ ди́кимъ звѣря́мъ. Одному́ человѣку захотѣлось посмотрѣть звѣре́й. Онъ ухвати́лъ на у́лицѣ собачёнку и принёсъ её въ звѣри́нецъ. Его́ впусти́ли, а собачёнку взя́ли и бро́сили въ клѣ́тку льву на съѣде́нье. Соба́чка поджа́ла хвостъ и прижа́лась въ у́голъ клѣ́тки. Левъ подошёлъ къ ней и поно́халъ её. Соба́чка легла́ на́ спину, подняла́ ла́пки и ста́ла маха́ть хвосто́мъ. Левъ тро́нулъ её ла́пкой и перевернулъ. Соба́чка вскочи́ла и ста́ла пере́дъ львомъ на за́днія ла́пки. Левъ смотрѣлъ на соба́чку, поворачивалъ го́лову со стороны́ на сто́рону и не тро́галъ ея́. Когда́ хозя́инъ бро́силъ льву мя́са, левъ оторва́лъ кусо́къ и бро́силъ соба́чкѣ. Ве́черомъ, когда́ левъ расположи́лся спать, соба́чка легла́ по́длѣ него́ и положи́ла свою́ го́лову ему́ на ла́пу. Съ тѣхъ поръ соба́чка жила́ въ одно́й клѣ́ткѣ со львомъ. Левъ не тро́галъ ея́, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда́ игра́лъ съ не́ю. Че́резъ не́сколько вре́мени пришёлъ въ звѣри́нецъ господи́нъ и узна́лъ свою́ соба́чку. Онъ сказа́лъ, что соба́чка принадлежи́тъ ему́ и проси́лъ хозя́ина звѣри́нца возврати́ть её ему́. Хозя́инъ хотѣлъ отда́ть, но чуть то́лько онъ позва́лъ соба́чку, что́бы взять её изъ клѣ́тки, левъ ощети́нился и зарыча́лъ. Такъ про́жили левъ и соба́ка цѣ́лый годъ въ одно́й клѣ́ткѣ. Че́резъ годъ соба́чка заболѣ́ла и изду́хла, Левъ переста́лъ ѣсть, онъ то обню́хивалъ, то лиза́лъ соба́чку, то дотро́гивался до нея́ ла́пой. Когда́ онъ по́нялъ, что она мёртвая, то вдругъ вспры́гнулъ, ощети́нился, сталъ хлеста́ть себя́ хвосто́мъ по бока́мъ, бро́сился на стѣну клѣ́тки и сталъ грызть засо́вы и полъ. Цѣ́лый день онъ би́лся, мета́лся по клѣ́ткѣ и ревѣлъ; пото́мъ лёгъ по́длѣ мёртвой соба́чки и зати́хъ. Хозя́инъ хотѣлъ унести́ мёртвую соба́чку, но левъ никого́ не допуска́лъ къ ней. Хозя́инъ ду́малъ, что левъ забу́детъ своё го́ре, е́сли

ему́ дать другу́ю соба́чку, и впусти́лъ въ кле́тку живу́ю соба́чку; но онъ то́тчасъ растерза́лъ её въ куски́. Пото́мъ онъ о́бнялъ свои́ми ла́пами мёртвую соба́чку и такъ лежа́лъ пять дней. На шесто́й день левъ издо́хъ.

192. Мсти́тельность совы́.

Во́злѣ избы́ крестья́нина па́ра совъ свила́ себѣ́ гнѣзло́ на де́ревѣ. Ско́ро въ гнѣздѣ́ появи́лись птенцы́. Хозя́йскій сынъ не люби́лъ совъ и рѣши́лся извести́ совя́тъ. Когда́ птенцы́ уже́ опери́лись, ма́льчикъ взобра́лся на де́рево и вы́бросилъ ихъ изъ гнѣзда́. Ве́черомъ того́ же дня крестья́не замѣ́тили, что оте́цъ уби́тыхъ совя́тъ кружи́лся во́злѣ до́ма, въ кото́ромъ жилъ уби́йца его́ дѣте́й, но не обрати́ли на э́то осо́беннаго внима́нія. На слѣ́дующій день ве́черомъ вблизи́ до́ма опя́ть появи́лась та же сова́ и лета́ла вокру́гъ до́ма. Такъ она́ прилета́ла пять дней, но не находи́ла возмо́жности отомсти́ть уби́йцѣ свои́хъ дѣте́й. Наконе́цъ на шесто́й день, когда́ ма́льчикъ, похити́тель совя́тъ, вы́шелъ на дворъ, разсвирѣпѣ́вшая сова́ бро́силась на него́, впила́сь когтя́ми, вы́рвала у него́ глазъ и затѣмъ улетѣ́ла. Приглашённый къ больно́му ле́карь вложи́лъ глазъ въ орби́ту, но объяви́лъ, что возврати́ть зрѣ́ніе не возмо́жно.

193. Сло́во твёрдо.

Отъ Суво́рова, когда́ онъ сдѣ́лался фельдма́ршаломъ, да́но бы́ло приказа́ніе — представля́ть ему́ ли́чно ка́ждаго солда́та, кото́рый отличи́лся хра́бростію, и́ли каки́мъ-нибу́дь необыкнове́ннымъ посту́пкомъ. Ча́сто таки́хъ солда́тъ онъ обнима́лъ, цѣлова́лъ и по́тчивалъ изъ свои́хъ рукъ во́дкою. Въ сраже́ніи при Тре́біи, солда́тъ, по фами́ліи Митрофа́новъ, взялъ съ свои́мъ това́рищемъ трёхъ францу́зовъ въ плѣнъ. Они́ о́тдали свои́ кошельки́, часы́ и всё, что имѣ́ли. Митрофа́новъ при́нялъ и отсчита́лъ имъ нѣсколько де́негъ на кормъ. Тутъ подбѣжа́ли други́е солда́ты и хотѣ́ли бы́ло ихъ въ я́рости изруби́ть; но Митрофа́новъ не допусти́лъ. „Нѣтъ, ребя́та!“ сказа́лъ онъ, „я далъ имъ пардо́нъ. Пусть и францу́зъ зна́етъ, что ру́сское сло́во твёрдо.“ — Митрофа́новъ былъ то́тчасъ предста́вленъ, и на вопро́съ Суво́рова: „кто тебя́ научи́лъ быть до́брымъ?“ отвѣча́лъ: „Ру́сская а́збука: С. Т. (сло́во твёрдо), и словесное Ва́шего Сія́тельства намъ поуче́ніе. Солда́тъ христіани́нъ, а не разбо́йникъ.“ Съ восто́ргомъ обня́лъ его́ фельдма́ршалъ и тутъ же произвёлъ въ у́нтеръ-офице́ры.

194. Матро́съ Семёнъ Удало́й.

Во вре́мя войны́ 1854. го́да, францу́зская эска́дра напа́ла на Камча́тку и была́ отражена́. При э́томъ францу́замъ попа́лся въ ру́ки ру́сскій ботъ, въ кото́ромъ они́ захвати́ли въ плѣнъ нѣсколько челове́къ ру́сскихъ матро́совъ. Оди́нъ изъ нихъ, по и́мени Семёнъ Удало́й, былъ больши́й весельча́къ, шутни́къ, остря́къ, заба́вникъ, одни́мъ сло́вомъ ма́лой, какъ говоря́тъ, лихо́й, отчего́ и получи́лъ назва́ніе Удала́го.

Гдѣ былъ Удало́й, тамъ и смѣхъ и шумъ, и весе́лье. Онъ нашёлся и въ плѣну́: вы́учился какъ то по францу́зски и пріобрѣлъ любо́вь свои́хъ но́выхъ госпо́дъ. Онъ умѣлъ имъ угожда́ть, прислу́живать и забавля́ть свои́ми неистоща́мыми вы́думками. Такъ прожи́ли на́ши че́тверо матро́совъ въ плѣну́ о́коло го́да. На ве́сну францу́зы снаряди́лись опя́ть въ Камча́тку и намѣрева́лись взять Петропа́вловскую кре́пость. „Ну, Семёнъ, мы идёмъ брать ва́шу кре́пость и заста́вимъ тебя́ стрѣля́ть по свои́мъ. Удало́й вдругъ по́слѣ э́тихъ словъ перемѣни́лся, прити́хъ, замолча́лъ, пріуны́лъ, сталъ други́мъ человѣкомъ. Никто́ не могъ успоко́ить его́, никто́ его́ не развлека́лъ. Припли́ли въ Аванчи́нскую губу́, заби́ли трево́гу. Удало́й былъ дѣйстви́тельно запи́санъ у пу́шки, а про́чіе тро́е у я́деръ. Онъ не пошёлъ къ свое́й пу́шкѣ. Францу́зы пригрози́ли повѣ́сить его́. Тогда́ онъ подня́лся по снастя́мъ вверхъ по ма́чтѣ, перепры́гнулъ съ нихъ на ва́нты, закрича́лъ свои́мъ това́рищамъ: „не поднима́йте руки́ на свои́хъ,“ перекрести́лся и бро́сился стремгла́въ въ мо́ре.

195. Добродушный.

Зимо́ю, когда́ бы́ло о́чень хо́лодно, шли два рабо́тника че́резъ по́ле. На доро́гѣ они́ нашли́ лежа́вшаго на сне́гу незнако́маго челове́ка, кото́рый, каза́лось, спалъ кре́пкимъ сномъ. Что́бы не дать ему́ замёрзнуть, оди́нъ изъ нихъ подошёль къ спя́щему съ намѣреніемъ разбуди́ть его́, но что ни дѣлалъ, спя́щій не просыпа́лся. — „До́лго ли ты бу́дешь тормоши́ть его́?“ вскрича́лъ друго́й рабо́тникъ, „онъ не проснётся; онъ пьянъ, оста́вь его́, пойдёмъ свое́ю доро́гою, вишь какъ хо́лодно.“ — „Нѣтъ, я не могу́ оста́вить его́: легко́ мо́жетъ ста́ться, что э́тотъ бѣдный человѣкъ замёрзнетъ; я сдѣлаю всё, что́бы спасти́ ему́ жизнь.“ — „Ну, дѣлай себѣ, что хо́чешь, я не ста́ну стоя́ть здѣсь до́лѣе и мёрзнуть.“ Затѣмъ онъ бро́силъ това́рища и ушёлъ. Ме́жду тѣмъ сострада́тельный рабо́тникъ покры́лъ спа́вшаго сне́гомъ, такъ какъ онъ слыха́лъ, что сне́гъ грѣетъ, и поскорѣе побѣжа́лъ въ сосѣднюю дере́вню за саня́ми. Къ сча́стію ему́ попа́лся добродушный крестья́нинъ, съ по́мощію кото́раго въ коро́ткое вре́мя онъ и возврати́лъ къ жи́зни полузамёрзшаго незнако́мца.

196. Пла́менная моли́тва.

Про знамени́таго музыка́нта Гре́три, роди́вшагося въ Лю́тихѣ въ 1741 году́, разска́зываютъ слѣдующее: На пе́рвой и́сповѣди ещё въ дѣтствѣ духовни́къ сказа́лъ ему́, что Богъ всегда́ исполня́етъ пла́менную моли́тву на́шу. Вслѣ́дствіе э́того Гре́три произнёсъ слѣдующую моли́тву: „Го́споди! призови́ меня́ къ Себѣ́ посре́дствомъ ско́рой сме́рти, е́сли я не могу́ сдѣлаться че́стнымъ человѣкомъ и вели́кимъ музыка́нтомъ.“ Въ тотъ же день онъ взошёлъ на одну́ колоко́льню, что́бы слы́шать вблизи́ звонъ деревя́нныхъ колоколо́въ, въ кото́рые като́лики звоня́тъ на страстно́й недѣлѣ. Вдругъ огро́мное бревно́ сорва́лось све́рху и уда́рило его́ такъ си́льно, что онъ упа́лъ на зе́млю безъ дыха́нія. Ма́льчика сочли́

уже́ мёртвымъ, и хотя́ онъ откры́лъ глаза́ че́резъ не́сколько вре́мени, но они́ бы́ли му́тны, какъ у челове́ка умира́ющаго. Оди́нъ изъ прису́тствовавшихъ свяще́нниковъ поспѣши́лъ за прича́стіемъ, но когда́ онъ возврати́лся, то засталъ молода́го Гре́три въ по́лной па́мяти. Онъ стоя́лъ на коле́няхъ, и, смотря́ на бревно́, едва не уби́вшее его́, воскли́кнулъ вдохнове́нно: „Я спасёнъ! бревно́ не уби́ло меня́ — изъ меня́ бу́детъ че́стный человѣкъ и вели́кій музыка́нтъ!...“ И то и друго́е испо́лнилось.

197. Томъ второ́й и послѣдній.

Бѣдный пру́сскій офице́ръ, кото́рый прокармливалъ мать и сестру́, ухвати́лся въ кра́йности за литерату́ру. Онъ писа́лъ хоро́шія и бо́льшею ча́стію юмористи́ческія сочине́нія. Коро́ль прочита́лъ не́которыя изъ нихъ и они́ ему́ о́чень понра́вились. Былъ смотръ войска́мъ. Коро́ль подъѣхалъ къ офице́ру — литера́тору и сказа́лъ ему́: Вы занима́етесь литературой и написа́ли не́сколько о́чень уда́чныхъ вещи́цъ, но ничего́ замѣча́тельнаго и зако́нченнаго цѣлаго. — Офице́ръ о́тдалъ честь королю́ и отвѣча́лъ: „Если бы вы, ва́ше вели́чество, бы́ли столь ми́лостивы, и позво́лили мнѣ посвяти́ть ва́шему и́мени моё сочине́ніе, то я употреби́лъ бы всѣ си́лы, чтобъ написа́ть кни́гу, досто́йную э́той че́сти.“ — Коро́ль далъ ему́ на э́то позволе́ніе и че́резъ по́лгода получи́лъ краси́во переплетённый томъ сочине́нія, удовлетворя́вшаго всѣмъ литерату́рнымъ тре́бованіямъ. Коро́ль приказа́лъ сдѣлать то́чно тако́й же переплётъ безъ листо́въ и вложи́лъ въ него́ 1000 гу́льденовъ. На пара́дѣ коро́ль спроси́лъ офице́ра, какъ вамъ понра́вилось моё сочине́ніе? „Оно́ превосхо́дно, ва́ше вели́чество, остаётся пожела́ть то́лько одного́ — продолже́нія.“ Коро́ль улыбну́лся и на друго́й день офице́ръ получи́лъ опя́ть кни́гу, заключа́вшую въ себѣ 1500 гу́льденовъ; но на переплётѣ бы́ло напи́сано: „Томъ второ́й и послѣдній!“

198. Непостоя́нство сча́стія.

Оди́нъ изъ восто́чныхъ повели́телей взятъ былъ въ плѣнъ други́мъ. Побѣди́тель приказа́лъ посади́ть плѣнника въ кре́пкій за́мокъ и тща́тельно стере́чь. Плѣнникъ изнемога́лъ отъ уста́лости и го́лода. Онъ попроси́лъ у своей стра́жи немно́го пи́щи. Ему́ принесли́ кусо́къ сыра́го мя́са, кото́рое на́добно бы́ло обжа́рить на огнѣ. Но едва́ э́тотъ ску́дный у́жинъ былъ положенъ на огонь, какъ вдругъ подбѣжа́ла соба́ка, схвати́ла мя́со и изче́зла. Голо́дный властели́нъ хотѣлъ-было пусти́ться за не́ю въ погоню, но цѣпи удержа́ли его́ на мѣстѣ, и онъ гро́мко захохота́лъ. Стра́жи сжа́лились надъ нимъ, принесли́ ему́ друго́й кусо́къ мя́са и изъяви́ли своё удивле́ніе, что онъ могъ смѣя́ться въ столь го́рестномъ положе́ніи. „Я смѣя́лся надъ превра́тностію человѣческаго сча́стія,“ отвѣча́лъ плѣнникъ. „Сего́дня, когда́ я вы́строилъ своё во́йско къ би́твѣ, я замѣтилъ позади́ его́ огро́мный обо́зъ изъ трёхъсотъ верблю́довъ. Гла́вный распоряди́тель моего́ стола́ увѣря́лъ меня́, что э́того обо́за едва́-ли доста́точно бу́детъ для подня́тія мое́й ку́хни; тепе́рь же всю мою́ ку́хню унесла́ ма́ленькая собачёнка.“

199. Наполеóнъ и барабáнщикъ.

Былъ большóй смотръ въ Тюльери́. Таки́ми слу́чаями по́льзовался Наполеóнъ, чтобы своéю забóтливостью, любóвью и краснорѣчіемъ привязáть къ себѣ́ солдáтъ. Недáромъ они́, дáже при послѣднемъ издыхáніи, поминáли его́ и́мя. Онъ распрáшивалъ ихъ о мѣ́стѣ рожде́нія, о роди́теляхъ, о положе́ніи ихъ, о сраже́ніяхъ, въ кото́рыхъ учáствовали. На ихъ ли́цахъ мóжно бы́ло я́сно прочитáть: „мы охóтно пожéртвуемъ жи́знію, чтобъ сдѣлать Фрáнцію вели́кою и прослáвить ея́ и́мя.“ На э́тотъ разъ Наполеóнъ останови́лся пе́редъ барабáнщикомъ, лѣтъ 16-ти и́ли 17-ти. „Такъ ты тотъ сáмый молоде́цъ, кото́рый пе́редъ Цю́рихомъ съ прострѣлённою руко́ю билъ аттáку?“ Благоро́дный румя́нецъ покры́лъ лицó молодáго солдáта. Онъ по́лнялъ бо́льшіе чёрные глазá и отвѣчáлъ дрожáщимъ гóлосомъ: „Да, генерáлъ!“ (Наполеóнъ былъ тогдá еще кóнсуломъ) — „И ты тотъ же сáмый, кото́рый на Вéзелѣ мýжествомъ и присýтствіемъ дýха спасъ своегó командúра?“ Вóинъ покраснѣлъ ещё бóлѣе; отъ рáдости и скрóмности, онъ на сúлу могъ отвѣчáть: „Да, генерáлъ!“ — Ну, такъ я обя́занъ заплати́ть тебѣ́ долгъ отéчества! — Ты полýчишь не почётныя барабáнныя пáлки, а — сáблю за хрáбрость. Жáлую тебя́ гвáрдіи э́нтеръ-офицéромъ. Продолжáй вести́ себя́ хорошó и я тебя́ не забýду.“ — Бонапáртъ лáсково кивнýлъ головóю и поѣхалъ дáльше.

200. Наполеóнъ I на маскерáдѣ.

Наполеóнъ отпрáвился однáжды на маскерáдъ инкóгнито и замаскиро́ванный. Онъ желáлъ остáться неузнаннымъ, а потомý вмѣша́лся въ толпý и расха́живалъ по зáлѣ. Снача́ла его́ тѣсни́ли, толка́ли, и онъ былъ о́чень довóленъ. Но ма́ло-по-ма́лу на него́ ста́ли обращáть внима́ніе. Пе́редъ нимъ сторони́лись, снима́ли шля́пы, за нимъ ходи́ли толпóю. Онъ я́сно ви́дѣлъ, что его́ узна́ли, и уѣхалъ домóй. Тутъ призвáлъ онъ своегó камерди́нера, и сказáлъ съ гнѣвомъ: „Ты вы́далъ меня́, безъ твоéй пóмощи никто́ не могъ откры́ть меня́ подъ мáскою. За э́то ты полýчишь дóлжное.“ Онъ хотѣлъ ужé отпрáвить его́ въ крѣпость, какъ вдругъ одúнъ изъ адъютáнтовъ сказáлъ: „Ва́ше Вели́чество, камерди́неръ невиновáтъ, вы кла́ли ру́ки за спину́, и всѣ васъ тóтчасъ узна́ли.“ „Прáвда!“ вскричáлъ Наполеóнъ: — „Вперёдъ остерегýсь.“ — Онъ велѣлъ принести́ себѣ́ другóй костю́мъ и тóтчасъ же поѣхалъ опя́ть въ маскерáдъ. Снача́ла всё шло хорошó, но когдá Наполеóнъ дошёлъ до концá зáлы, и останови́лся что́бы оки́нуть взóромъ всю зáлу, óколо негó образовáлся тóтчасъ кружóкъ, всѣ проходи́ли мúмо съ почти́тельными поклóнами. На э́тотъ разъ Наполеóнъ разсерди́лся не на шýтку. — „Не скáжете-ли вы опя́ть, что ру́ки мои́ виновáты въ томъ, что меня́ узна́ли?“ сказáлъ онъ адъютáнту, по пріѣздѣ домóй. — „Скажý,“ отвѣчáлъ адъютáнтъ хладнокрóвно. — „Но я ни рáзу не закла́дывалъ ихъ за спину́!“ — „За то вы скла́дывали ихъ на груди́!“ — „Нéчего дѣлать,“ возрази́лъ Наполеóнъ, „ви́дно судьбѣ́ угóдно, чтобъ я не могъ оставáться незамѣ́ченнымъ въ толпѣ́!“

201. Умѣй считáть.

Къ одномý бѣдному мастеровóму, жúвшему недалéко отъ рѣкú, явúлся чóртъ и говорúтъ емý: „Хóчешь разбогатѣть скóро и безъ трудá?“ — „Какъ не хотѣть!“ отвѣчáетъ мастеровóй. — „Такъ переходú черезъ э́тотъ мостъ, и я даю́ тебѣ́ слóво, что вся́кій разъ, какъ ты бýдешь на той сторонѣ́, у тебя́ бýдетъ становúться вдвóе бóльше дéнегъ, чѣмъ скóлько ты возьмёшь съ собóю: тóлько вся́кій разъ, возвращáясь назáдъ, броса́й мнѣ въ вóду 24 крéйцера.“

Бѣдня́къ забрáлъ всѣ деньжóнки, какíя тóлько нашлúсь у негó въ дóмѣ, и пустúлся чéрезъ рѣкý.

Перешёлъ мостъ, смóтритъ — дѣйствúтельно, у него въ карма́нѣ рóвно вдвóе бóльше дéнегъ, чѣмъ бы́ло прéжде. Бѣжúтъ домóй, и на середúнѣ моста́ броса́етъ въ вóду услóвленные 24 крéйцера.

Вотъ такъ рабóта! дýмаетъ онъ въ востóргѣ, и тóтчасъ же пуска́ется снóва на другýю сторону рѣкú. Снóва удвóивается егó капита́лъ.

На возвра́тномъ пути́ кида́етъ онъ въ вóду другíе 24 крéйцера, торóпится въ трéтій разъ перейтú чéрезъ рѣкý.

И въ трéтій разъ услóвія испóлнены съ обѣ́ихъ сторóнъ вѣрно: да бѣда́ въ томъ, что на э́тотъ разъ ремéсленникъ пришёлъ домóй съ пусты́ми карма́нами.

Сочтúте: скóлько у негó бы́ло дéнегъ снача́ла?

202. Не всё для себя́, úно мѣсто и для другúхъ.

Бога́тый дворяни́нъ завѣща́лъ своемý племя́ннику дерéвню и значúтельное колúчество земли́; но земля́ э́та была́ болóтистая, нездорóвая и необита́емая. Нóвый владѣлецъ осушúлъ болóта и стоя́чія вóды, насадúлъ вся́кихъ дерéвьевъ и кустáрниковъ, такъ что на томъ мѣстѣ вы́росъ краси́вый садъ съ тѣни́стой рóщицей, котóрая доходúла до дерéвни. Спустя́ мнóго лѣтъ пріѣхалъ къ нóвому владѣльцу егó прéжній настáвникъ. Хозя́инъ повёлъ егó осмáтривать свои́ владѣнія и разсказáлъ, какъ онъ осушúлъ болóто и превратúлъ егó въ прекрáсный садъ. Стáрый настáвникъ осмáтривалъ всё съ удовóльствіемъ, хвалúлъ кáждую вещь пóрознь и всё вмѣстѣ. Хозя́инъ говорúлъ о томъ наслажде́ніи, какóе доставля́етъ емý э́то мáленькое создáніе егó рукъ, и о тѣхъ плáнахъ, котóрые онъ намѣрева́лся вы́полнить: онъ предполага́лъ сдѣлать коекакíя нóвыя пострóйки, развести́ рáзную дичь и. т. д. Стáрый настáвникъ отвѣча́лъ на э́то: „Всё э́то óчень хорошó; но для пóлнаго совершéнства твоемý создáнію не достаётъ ещё одногó.“—„Чегó же?“ спроси́лъ хозя́инъ. „Вспóмни,“ отвѣча́лъ старúкъ, „что Богъ, насадúвши эдéмъ, поселúлъ въ нёмъ человѣка.“ Хозя́инъ замолча́лъ, но слова́ э́ти глубокó запа́ли въ егó дýшу.

На слѣдующую весну́ стáрый настáвникъ опя́ть посѣтúлъ егó. Хозя́инъ повёлъ гóстя къ концý рóщицы: здѣсь стоя́ли два нóвыхъ прекрáсныхъ здáнія. Старúкъ улыбну́лся, пожáлъ рýку своемý бы́вшему ученúку и сказáлъ емý: „я зналъ, что твоё сéрдце поймётъ меня́. Вотъ тепéрь любóвь довершúла дѣло.“

Одно́ изъ здáній бы́ло пріютъ для сирóтъ, другóе — шкóла.

203. Появле́ніе у́тра.

Въ по́лѣ ти́хо; чуть — чуть ве́етъ
Перелётный ве́тро́къ;
Тѣнь полно́чная ре́дѣетъ;
Золоти́тъ заря́ восто́къ.
Въ ту́чкѣ бле́дный мѣсяцъ скры́лся;
Звѣзды га́снутъ въ небеса́хъ;
Надъ ре́кой тума́нъ сгусти́лся
Роса́ бле́щетъ на луга́хъ.
Съ ве́тки ба́бочка слете́ла,
Къ ве́рху ре́звая взвила́сь;
Въ ро́щѣ пти́чка ужъ запе́ла,
Заря́ я́рче заняла́сь.
Бу́дто о́гненной ре́кою
Разлила́сь она́, — и вотъ
За той пы́шною зарёю
Со́лнце я́сное встаётъ. Загоскинъ.

204. Жа́воронокъ.

На со́лнцѣ тёмный лѣсъ зарде́лъ,
Въ доли́нѣ паръ бѣле́етъ то́нкій,
И пѣсню ра́ннюю запѣлъ
Въ лазу́ри жа́воронокъ зво́нкій.
Онъ голоси́сто съ вышины́
Поётъ, на со́лнышкѣ сверка́я,
Весна́ пришла́ къ намъ молода́я,
Я здѣсь пою́ прихо́дъ весны́;
Здѣсь такъ легко́ мнѣ, такъ раду́шно,
Такъ безпредѣльно, такъ возду́шно;
Весь Бо́жій міръ здѣсь ви́жу я,
И сла́витъ Бо́га пѣснь мо́я. Жуковскій.

205. Мой са́дикъ.

Какъ мой са́дикъ свѣжъ и зе́ленъ!
Распусти́лась въ нёмъ сире́нь;
Отъ черёмухи души́стой
И отъ липъ кудря́выхъ тѣнь . . .
Пра́вда, нѣтъ въ нихъ бле́дныхъ ли́лій,
Горделя́выхъ георги́нъ,
И лишь пёстрыя голо́вки
Возвыша́етъ макъ оди́нъ; —
Да подсо́лнечникъ у вхо́да,
Сло́вно вѣрный часово́й.
Сторожи́тъ себѣ доро́жку,
Всю поро́сшую трово́й. . .
Но люблю́ я са́дикъ скро́мный,
Онъ душѣ мое́й милѣй

Городски́хъ садо́въ уны́лыхъ
Съ сѣтью пра́вильныхъ але́й.
И весь день въ траве́ высо́кой,
Лёжа, слу́шать бы я радъ,
Какъ забо́тливыя пчёлы
Вкругъ черёмухи жужжа́ть. Плещеевъ.

206. Су́мерки.

По́лно тишино́ю
Всё въ лѣсу́, въ поля́хъ;
Ше́пчутъ лишь поро́ю
Стру́йки въ ручейка́хъ.
Ча́шечки закры́лись
Ми́ленькихъ цвѣто́въ,
Пти́чки вороти́лись
Подъ дома́шній кровъ.

Какъ имъ тамъ приво́льно
Въ гнѣздышкахъ свои́хъ!
Де́рево споко́йно,
Вѣтеро́къ зати́хъ.
Къ сла́дкому поко́ю
Часъ для всѣхъ наста́лъ;
Ще́дрою руко́ю
Тотъ его́ посла́лъ,
Чьё благослове́нье
Мно́жество щедро́тъ,
Жизнь всему́, движе́нье
И поко́й даётъ.

207. Ве́черъ.

Ве́черъ отра́дный
Лёгъ на холма́хъ
Вѣтеръ прохла́дный
Ду́етъ въ поля́хъ.
Ду́етъ, лобза́етъ
Тра́вку, цвѣты́,
Ти́хо кача́етъ
Ро́зы кусты́.
Ро́за млада́я
Льётъ арома́тъ,
Пти́чки, порха́я,
Въ ро́щѣ свисти́тъ.

Всѣ весели́тся,
Пля́шутъ, поютъ,
Къ и́грамъ стреми́тся,
Къ шу́ткамъ зову́тъ.
Ве́черомъ въ по́лѣ
Ми́ло гуля́ть;
Ми́ло на во́лѣ,
Дру́ги, игра́ть!
Вре́мя терпѣнью,
Вре́мя труда́мъ,
Вре́мя уче́нью,
Вре́мя гульба́мъ.
Играмъ часъ смѣло
Мы отдади́мъ,
Кни́гамъ день цѣлый
Мы посвяти́мъ.

208. Наступле́ніе но́чи.

Вотъ ужъ со́лнце за гора́ми,
Вотъ усыпала звѣзда́ми
Ночь споко́йный сводъ небе́съ;
Мра́ченъ долъ и мра́ченъ лѣсъ.
Вотъ и мѣсяцъ велича́вый
Сталъ надъ ти́хою дубра́вой,
То изъ о́блака блеснётъ
То за о́блако зайдётъ;

Съ горъ простёрты дли́нны тѣни
И лѣсо́въ дрему́чихъ сѣни
И зерца́ло зы́бкихъ водъ,
И небе́съ далёкій сводъ
Въ свѣтлый су́мракъ облечённы. . .
Спятъ приго́рки отдалённы,
Боръ засну́лъ, доли́на спитъ. . .
Чу!. . . полно́чный часъ звучи́тъ.
Жуковскій.

209. Тишина́ но́чи.

Вече́рній мракъ въ тума́нномъ по́лѣ
Заря́ ужъ га́снетъ въ небеса́хъ;
Не слы́шно пѣсенъ на луга́хъ;
Въ доли́нахъ стадъ не ви́дно бо́лѣ;
Ни рогъ въ лѣсу́ не затруби́тъ,
Никто́ не про́йдетъ, лишь поро́ю
Чуть колоко́льчикъ прозвени́тъ
Вдали́ доро́гой столбово́ю;
И на Днѣпрѣ у рыбако́въ
Ужъ нѣтъ на ло́дкахъ огонько́въ;
Взошёлъ и мѣсяцъ полуно́чный,
И звѣзды я́ркія горя́тъ
Поля́ны, ро́щи, во́ды спятъ;
Проби́лъ на ба́шнѣ часъ уро́чный;
Оби́тель въ сонъ погружена́;
Повсю́ду миръ и тишина́. Козловъ.

210. Оби́тель.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широ́кій
Въ крутыхъ брега́хъ кипи́тъ, шуми́тъ,
У ро́щи на горѣ высо́кой,
Оби́тель и́ноковъ стои́тъ.
Вокру́гъ нея́ стѣна́ съ зубца́ми,
Четы́ре ба́шни по угла́мъ,
И посреди́нѣ Бо́жій храмъ
Съ позолочёнными глава́ми;
Рядъ ке́лій, тёмный перехо́дъ,
Часо́вня у святы́хъ воро́тъ
Съ чудотворя́щею ико́ной,
И по́длѣ ключъ воды́ студёной
Журчи́тъ цѣли́тельной струёй
Подъ тѣнью ли́пы вѣково́й. Козловъ.

211. Моли́тва.

Прости́ мнѣ, Бо́же, прегрѣше́нья
И духъ мой то́мный обнови́;
Дай мнѣ терпѣть мои́ муче́нья
Въ наде́ждѣ, вѣрѣ и любви́.
Не стра́шны мнѣ мои́ страда́нья:
Они́ зало́гъ любви́ свято́й;
Но дай, чтобъ пла́менной душо́й
Я могъ лить слёзы покая́нья;
Взгляни́ на се́рдца нищету́,
Дай Магдали́ны даръ свяще́нный,
Дай Іоа́нна чистоту́.

Дай мнѣ донéсть вѣнéцъ мой тлѣнный,
Подъ и́гомъ тя́жкаго креста́,
Къ ногáмъ Спасúтеля Христа́. Козловъ.

212. Пѣсня бѣдняка́.

Куда́ мнѣ го́лову склони́ть
Поки́нутъ я и сиръ;
Хотѣлъ-бы вéсело хоть разъ
Взгляну́ть на Бо́жій міръ.
И я въ семьѣ мои́хъ родны́хъ
Когда́-то сча́стливъ былъ;
Но го́ре — спу́тникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схорони́лъ.
Сады́ весёлыхъ богачéй
И ни́вы ихъ круго́мъ . . .
Моя́-жъ доро́га ми́мо ихъ
Съ забо́той и трудо́мъ.
Но я счастли́выхъ не дичу́сь,
Моя́ печа́ль въ тиши́;
Я всѣмъ весёлымъ радъ сказа́ть
„Богъ по́мочь!“ отъ души́. —
О щéдрый Богъ! не во́все-жъ я
Тобо́ю позабы́ть;
Исто́чникъ ми́лости Твоéй
Для всѣхъ равно́ откры́ть.
Въ селéньи ка́ждомъ есть Твой храмъ
Съ сія́ющимъ крестóмъ,
Съ моли́твой сла́дкой, и съ Твои́мъ
Досту́пнымъ алтарёмъ. —
Мнѣ свѣтитъ со́лнце и луна́,
Люблю́сь на зарю́;
И, слы́ша бла́говѣстъ, съ Тобо́й,
Создáтель, говорю́.
И зна́ю: до́брымъ бу́детъ пиръ
Въ небéсной сторонѣ;
Тамъ бу́ду пра́здновать и я!
Тамъ мѣсто есть и мнѣ. Жуковскій.

213. Инáя винá порóю пригожáется.

Петръ Вели́кій ча́сто неожи́данно посѣща́лъ города́. Въ одну́ изъ поѣздокъ Пётръ при́былъ въ Оло́нецкъ и отпра́вился въ воево́дскую канцеля́рію. Онъ засталъ въ ней воево́ду, му́жа, украшеннаго сѣди́нами. Монáрхъ спроси́лъ, какія есть въ канцеля́ріи челоби́тныя дѣла́? Воево́да въ стра́хѣ па́даетъ къ ногáмъ госуда́ря и дрожа́щимъ го́лосомъ говори́тъ: „Ви́новáтъ, всеми́лостивѣйшій госуда́рь! никаки́хъ нѣтъ.“ — „Какъ никакихъ нѣтъ?“ „Никаки́хъ,“ повторя́етъ въ слеза́хъ воево́да. „Винова́тъ,

госуда́рь. Я ника́кихъ челоби́тныхъ не принима́ю и до канцеля́рскаго разбо́ра ихъ не допуска́ю, а всѣхъ мирю́, соглаша́ю, слѣдо́въ и ссоръ въ канцеля́ріи не оставля́ю.“ Удиви́лся мона́рхъ тако́й винѣ, по́днялъ воево́ду, стоя́вшаго на колѣня́хъ, и сказа́лъ: „Я бы жела́лъ, что́бы всѣ воево́ды бы́ли винова́ты такъ, какъ ты. Продолжа́й, другъ мой, и впредь такъ служи́ть, Богъ награди́тъ тебя́ и я не оста́влю.“ Спустя́ нѣсколько лѣтъ въ адмиралте́йской колле́гіи возни́кли несогла́сія. Госуда́рь вы́звалъ оло́нецкаго воево́ду въ Петербу́ргъ и опредѣли́лъ его́ прокуро́ромъ колле́гіи. „Почте́нный стари́къ!“ сказа́лъ онъ, „я жела́ю, чтобы ты и здѣсь былъ та́кже винова́тъ, какъ въ Оло́нецкѣ, и, не принима́я никаки́хъ ссо́рныхъ жа́лобъ и объясне́ній отъ чле́новъ, мири́лъ-бы ихъ. Ты ничѣ́мъ сто́лько не услу́жишь Бо́гу и мнѣ, какъ водвори́въ ме́жду ни́ми миръ и согла́сіе.

214. О́рганы человѣ́ческаго тѣ́ла.

Одна́жды о́рганы человѣ́ческаго тѣ́ла перессо́рились ме́жду собо́ю и рѣши́лись не служи́ть бо́лѣе другъ дру́гу. Но́ги сказа́ли: „Почему́ мы и́менно должны́ носи́ть всё тѣ́ло? пусть оно́ сдѣ́лаетъ само́ себѣ́ другія но́ги, да и хо́дитъ ско́лько уго́дно!“ Ру́ки ска́зали: „И мы не хоти́мъ рабо́тать для други́хъ: устро́йте себѣ́ другія ру́ки и пусть онѣ́ для васъ тру́дятся.“ — Ротъ проворча́лъ: „Глупъ же я бу́ду, е́сли ни-за-что́, ни-про-что́ ста́ну пережёвывать пи́щу для желу́дка, что́бы онъ пото́мъ её переваривалъ, развали́вшись, какъ како́й-нибу́дь ва́жный ба́ринъ. Нѣтъ, поищи́ себѣ́ друга́го рта, я тебѣ́ бо́льше не слуга́!“ Глаза́ находи́ли та́кже о́чень стра́ннымъ, что они должны́ смотрѣ́ть за всё тѣ́ло и стоя́ть безпресста́нно на стра́жѣ. Такъ разгова́ривали ме́жду собо́ю всѣ о́рганы человѣ́ческаго тѣ́ла и рѣши́лись не служи́ть бо́лѣе другъ дру́гу. Что же случи́лось? Такъ-какъ но́ги не хотѣ́ли ходи́ть, ру́ки переста́ли рабо́тать, ротъ переста́лъ ѣ́сть и глаза́ закры́лись, то всё тѣ́ло, оста́вшись безъ движе́нія и пи́щи, на́чало слабѣ́ть, хирѣ́ть и едва́ бы́ло соверше́нно не за́мерло. Всѣмъ о́рганамъ, составля́ющимъ тѣ́ло, ста́ло тяжело́ и пришло́сь-бы ещё ху́же, е́сли-бы они́ не догада́лись, какъ глу́по они́ посту-па́ли. „Нѣтъ, такъ жить пло́хо,“ поду́мали они́: помири́лись, ста́ли по пре́жнему другъ на дру́га рабо́тать — и всё тѣ́ло попра́вилось и сдѣ́лалось здоро́вымъ и си́льнымъ.

215. Про́сьба, по́данная Богоро́дицѣ на Императри́цу Екатери́ну II.

Одна́ бѣ́дная дворя́нка проигра́ла тя́жбу, по опредѣле́нію само́й Императри́цы Екатери́ны, и лиши́лась всего́ своего́ имѣ́нія. Оста́вшись почти́ ни́щею, въ отча́яніи, она́ рѣши́лась прибѣ́гнуть къ послѣ́днему сре́дству. Узна́въ, что Императри́ца бу́детъ въ Каза́нскомъ Собо́рѣ, она́ явля́ется туда́ — и, помоля́сь на колѣня́хъ пе́редъ о́бразомъ Богома́тери, кладётъ тамъ свою́ про́сьбу. Изумлённая Екатери́на прика́зываетъ пода́ть себѣ́ бума́гу и съ удивле́ніемъ ви́дитъ, что въ ней прино́сится жа́лоба Богома́тери на Императри́цу. Екатери́на отдаётъ э́ти бума́ги одному́ изъ сви́ты своей́ съ повелѣ́ніемъ, что́бы пода́вшая э́ту стра́нную про́сьбу

че́резъ три дня яви́лась во дворе́цъ. Въ э́тотъ же день Екатери́на вы́требовала де́ло, прочита́ла его́ со вниманіемъ и постанови́ла но́вое ре́шеніе. Въ назна́ченное вре́мя дворя́нка явля́ется во дворе́цъ. Её пря́мо вво́дятъ къ Императри́цѣ и она́ слы́шитъ кро́ткій го́лосъ Екатери́ны: „прости́те меня́, ма́тушка, я винова́та, вы пра́вы; я нанесла́ вамъ огорче́ніе и сдѣлала несправедли́вость. — Я челове́къ и потому́ подве́ржена оши́бкамъ; тепе́рь я хорошо́ разсмотре́ла ва́шу про́сьбу и име́ніе ва́ше вамъ возвраща́ется, и вотъ вамъ ещё награ́да за мою́ погре́шность.“ Проси́тельница со слеза́ми поцѣлова́ла ру́ку мона́рхини — и восхищённая возврати́лась домо́й.

216. Благоче́стіе ру́сскихъ.

Никогда́ не забу́ду я, говори́тъ одинъ изъ посѣща́вшихъ ла́вру, — какъ одна́жды, пріѣхавъ къ Тро́ицѣ, останови́лся я у це́ркви, гдѣ почива́етъ св. Се́ргій, и дожида́лся, чтобъ отвори́ли це́рковь: вдругъ спѣши́тъ крестья́нская стару́шка, опира́ясь на костыль, въ сопровожде́ніи четырёхъ или пяти́ же́нщинъ. Дверь за́перта. Подхо́дитъ мона́хъ.

— Ба́тюшка, — обраща́ется она́ къ нему́ — ско́ро-ли забла́говѣстятъ къ вече́рнѣ?

— Че́резъ часъ.

— Оте́цъ родно́й, нельзя́ ли тепе́рь?

— Нѣтъ, нельзя́, подожди́.

Мона́хъ прошёлъ. Стару́ха была́ въ ужа́сномъ волне́ніи, и каза́лось, не зна́ла, что дѣлать.

— Почему́ же ты не хо́чешь подожда́ть? сказа́лъ я.

— Корми́лецъ, мо́чи нѣтъ, я не ѣла друго́й день, а хо́чется приложи́ться на тощакъ, не вы́несу — и го́лодъ мори́тъ, да и си́лы нѣтъ: весь день мы почти́ бѣжа́ли, чтобъ поспѣть хоть къ вече́рнѣ. Корми́лецъ, вотъ у меня́ есть двугри́венный, нельзя́ ли дать ему́, чтобъ онъ то́лько о́тперъ мнѣ дверь тепе́рь.

И тепе́рь безъ умиле́нія я не могу́ вспо́мнить объ э́той рѣчи, объ э́томъ двугри́венномъ, кото́рый, вѣрно, сто́итъ еванге́льской ле́нты и доро́же ина́го милліо́на.

217. Бережли́вость и ску́пость.

Нача́льство одного́ ма́ленькаго городка́ вы́брало нѣсколькихъ гражда́нъ, что́бы они́, обоше́дши всѣ обыва́тельскіе дома́, собра́ли де́негъ для вспомоществова́нія обѣднѣвшимъ семе́йствамъ въ го́родѣ. Вы́борные гра́ждане, одна́жды ра́но по утру́, пришли́ во дворъ къ зажи́точному крестья́нину. Они́ нашли́ его́ у коню́шни, и, подходя́, слы́шали, какъ онъ въ сердца́хъ брани́лъ рабо́тника за то, что тотъ оста́вилъ на́ночь верёвку на дождѣ, а не положи́лъ её въ сухо́мъ мѣстѣ. — „Ну, попа́ли же мы! э́то како́й-то скря́га,“ говори́лъ одинъ изъ сборщиковъ другому́, — „тутъ ни гроша́ намъ не вы́просить.“ — „Попыта́емся, одна́кожъ,“ сказа́лъ друго́й, и они́ подошли́ побли́же. Хозя́инъ встрѣтилъ ихъ ла́сково, и они́ объяви́ли ему́ о цѣли своего́ прихо́да. Какъ удиви́лись они́, когда́

хозя́инъ охо́тно поже́ртвовалъ значи́тельную су́мму, и, сверхъ того́, обѣща́лъ о́коло того́ же вре́мени ежего́дно же́ртвовать по сто́льку же. Гра́ждане, прони́кнутые благода́рностію, не могли́ не призна́ться благотвори́тельному челове́ку, что тако́е поже́ртвованіе для нихъ во́все неожи́данно, потому́ что его́ брань за таку́ю ме́лочь, какъ верёвка, заста́вило ихъ поду́мать, что онъ о́чень скупъ.

„Именно потому́, господа́, отвѣча́лъ онъ, что я всегда́ забо́тился обо всёмъ, я, сла́ва Бо́гу, прі́обрѣлъ тако́е состоя́ніе, что могу́ и други́мъ помога́ть.“

218. Судъ.

Како́й-то бурла́къ, на возвра́тномъ пути́ въ родно́е село́, издержа́лъ всѣ зарабо́танныя де́ньги. Забрёлъ онъ въ деревушку, приста́лъ у знако́маго мужика́ Пахо́ма и вы́просилъ у него́ взаймы́ дю́жину варёныхъ я́ицъ. Я́йца съѣлъ за у́жиномъ, а поутру́ ушёлъ въ доро́гу. Прошло́ не ма́ло вре́мени, а бурла́къ до́лга своего́ не пла́титъ. Вотъ Пахо́мъ написа́лъ на него́ челоби́тную и по́далъ въ упра́ву, а въ той челоби́тной бы́ло ска́зано: за́нялъ де бурла́къ у меня́ двѣна́дцать варёныхъ я́ицъ и досе́лева не отдаётъ, отчего́ причини́лъ мнѣ вели́кіе убы́тки. Изъ дю́жины я́ицъ вы́велось бы у меня́ двѣна́дцать цыпля́тъ, тѣ цыпля́та вы́росли и ста́ли бы больши́ми кура́ми и ка́ждая снесла́ бы мнѣ, по кра́йней мѣрѣ, по со́тнѣ я́ицъ; изъ тѣхъ я́ицъ вы́велись бы но́вые цыпля́та...“ и. т. д., насчита́лъ на бурлака́ большу́ю су́мму. Бурла́къ съ го́ря завернулъ въ каба́къ; а въ ту по́ру былъ тамъ отставно́й прика́зной крючёкъ. Бурла́къ разсказа́лъ ему́ про своё де́ло. Прика́зный вы́звался помо́чь ему́ за полшто́фа во́дки. Бурла́къ поста́вилъ полшто́фа и то́тчасъ-же вмѣстѣ распи́ли. Старшина́ посла́лъ звать отвѣтчика на судъ; бурла́къ говори́тъ: „я де за себя́ на́нялъ прика́знаго, онъ бу́детъ на судѣ отвѣтъ держа́ть.“ Старшина́ ждалъ, ждалъ, наси́лу дожда́лся того́ прика́знаго и закрича́лъ на него́: что-жъ ты такъ до́лго на судъ не явля́лся?“ — „Горо́хъ вари́лъ, отвѣча́лъ крючёкъ; хочу́ въ огоро́дѣ сади́ть да стручьями торгова́ть. Старшина́ засмѣя́лся: „э́кой дура́къ! ра́звѣ мо́жно, чтобъ варёный горо́хъ уроди́лся?“ — А ра́звѣ мо́жно, чтобъ изъ варёныхъ я́ицъ цыпля́та выводи́лись? — Тутъ вся упра́ва въ одно́ сло́во рѣши́ла отказа́ть Пахо́му въ его́ челоби́тьи.

219. Судъ Бо́жій.

Когда́ Карлъ Вели́кій прекрати́лъ продолжи́тельныя во́йны, то всё-таки́ не хотѣлъ остава́ться пра́здными и на́чалъ труди́ться для Бо́га. Онъ предприня́лъ постро́йку це́ркви, кото́рая должна́ была́ превзойти́ всѣ дре́вніе зда́нія ри́млянъ. Для постро́йки хра́ма, Карлъ пригласи́лъ изъ-за мо́ря худо́жниковъ и мастеро́въ всѣкаго ро́да, и поста́вилъ надъ ни́ми нача́льникомъ одного́ абба́та, на кото́раго былъ возло́женъ надзо́ръ за рабо́тами. Но коро́ль не зналъ дурны́хъ его́ за́мысловъ. Едва́ Карлъ Вели́кій удали́лся, какъ абба́тъ на́чалъ за де́ньги освобожда́ть отъ рабо́ты ка́ждаго, кто откупа́лся деньга́ми, а тѣхъ, кото́рые не могли́ откупи́ться притѣсня́лъ жесточа́йшимъ о́бразомъ. Подо́бно тому́, какъ еги́птяне

изнуря́ли тя́жкими рабо́тами евре́евъ, такъ онъ изнуря́лъ рабо́чихъ, не позволя́лъ отдыха́ть и тре́бовалъ непосильныхъ трудо́въ. Когда́ онъ подо́бнымъ обма́номъ накопи́лъ несмѣ́ханное коли́чество зо́лота, серебра́ и шёлковыхъ тка́ней, и уже ме́нѣе ва́жныя ве́щи развѣ́силъ въ своёмъ поко́ѣ, а драгоцѣ́нныя уложи́лъ въ я́щики и сундуки́, ему́ неожи́данно объяви́ли, что его́ домъ обхвати́ло пла́мя. Онъ спѣши́тъ въ домъ, проника́етъ че́резъ пла́мя въ поко́и, гдѣ́ стоя́ли сундуки́, напо́лненные зо́лотомъ, и такъ какъ ему́ не хотѣ́лось вы́йти съ одни́мъ сундуко́мъ, то онъ взва́ливаетъ на ка́ждое плечо́ по я́щику и спѣши́тъ къ вы́ходу. Въ э́ту мину́ту упа́ла на него́ огро́мная ба́лка, обожжённая огне́мъ, и сожгла́ его́ тѣ́ло земны́мъ пла́менемъ, а ду́шу его отпра́вила въ то пла́мя кото́рое зажжено́ не человѣ́ческими рука́ми. Такъ судъ Бо́жій сторожи́лъ за благочести́ваго Ка́рла, когда́ онъ самъ, заде́ржанный государственными дѣла́ми, не могъ наблюда́ть за рабо́тами.

220. Карлъ Вели́кій и змѣ́я.

Въ бы́тность свою́ въ Цю́рихѣ, импера́торъ Карлъ приказа́лъ поста́вить столбъ и привяза́ть къ нему́ ко́локолъ. Отъ ко́локола къ землѣ́ была́ спу́щена верёвка. Когда́ импера́торъ сидѣ́лъ за обѣ́домъ, ка́ждый могъ подойти́ къ столбу́, звони́ть и тре́бовать себѣ́ суда́ и расправы. Одинъ разъ случи́лось, что ко́локолъ зазвони́лъ, но вы́шедшіе служи́тели не замѣ́тили никого́ у верёвки. Звонъ разда́лся сно́ва. Карлъ приказа́лъ служи́телямъ вы́йти опя́ть и узна́ть о причи́нѣ зво́на. Тогда́ то́лько уви́дѣли они́ большу́ю змѣю́, кото́рая дёргала зуба́ми верёвку, и таки́мъ о́бразомъ приводи́ла въ движе́ніе ко́локолъ. Испу́ганные слу́ги возврати́лись наза́дъ и донесли́ о ви́дѣнномъ своему́ госуда́рю. Ни человѣ́ку, ни живо́тному не хотѣ́лъ Карлъ отказа́ть въ судѣ́ и пра́вдѣ. Онъ самъ пошёлъ къ стра́нной проси́тельницѣ. Змѣ́я, зави́дѣвъ его́, почти́тельно преклони́ла го́лову, поползла́ пе́редъ нимъ къ бе́регу о́зера, гдѣ́ указа́ла ему́ на гнѣ́здо своё. Въ нёмъ сидѣ́ла огро́мная жа́ба. Карлъ разсуди́лъ ихъ: змѣ́ѣ возврати́лъ гнѣ́здо, а жа́бу приказа́лъ сжечь. Че́резъ нѣ́сколько дней змѣ́я сно́ва пришла́ ко двору́, вползла́ на столъ, за кото́рымъ сидѣ́лъ импера́торъ и его́ го́сти, подняла́ кры́шку на одно́мъ изъ ку́бковъ — и опусти́ла драгоцѣ́нный ка́мень, кото́рый держа́ла во рту; зате́мъ преклони́лась пе́редъ Ка́рломъ и отпра́вилась наза́дъ. Въ послѣ́дствіи тамъ, гдѣ́ было гнѣ́здо змѣ́и, Карлъ Вели́кій вы́строилъ це́рковь, а ка́мень подари́лъ супру́гѣ своёй.

221. Матери́нская любо́вь куропа́тки.

О матери́нской любви́ куропа́тки запи́сано мно́жество разска́зовъ во всѣ́хъ страна́хъ. Приведёмъ одинъ приме́ръ роди́тельской нѣ́жности э́той пти́цы. „Одна́ куропа́тка,“ — разска́зываетъ Пенне́тъ — была́ внеза́пно засти́гнута со свои́ми дѣтьми́ стра́шнымъ ли́внемъ на доро́гѣ. Она́ собрала́ всѣ́хъ птенцо́въ подъ себя́, и что́бы прикры́ть ихъ какъ мо́жно бо́лѣе, раски́нула кры́лья для защи́ты ихъ отъ дождя́, но всё напра́сно. Бу́ря уси́ливалась. Бѣ́дная мать, не покида́я ми́лыхъ се́рдцу

дѣтей, предпочла смерть собственному спасенію. Мы его подняли мёртвою, съ распростёртыми крыльями, въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ она усиливалась спасти своихъ малютокъ, также погибшихъ съ матерью. — Хитрость и уловки, употребляемыя куропаткою для отвода какого бы то ни было хищника отъ места, гдѣ скрыты ея робкія дѣти, удивительны. Завидѣвши опасность, она то начинаетъ бѣгать, припадая, какъ будто бы у нея пришиблена нога; то взлетаетъ, то опять падаетъ, какъ бы съ подбитымъ крыломъ, и, завлекая такимъ образомъ незнакомаго съ ея продѣлками преслѣдователя, отводитъ его въ сторону отъ выводка, къ которому потомъ возвращается окольнымъ путёмъ. Уайтъ видѣлъ куропатку, выбѣжавшую изъ канавы съ опущенными крыльями, которая кричала такъ, что ему показалось, будто была сильно ранена и не въ состояніи уйти отъ него. Пока она разыгривала такую комедію, мальчикъ, сопутствовавшій Уайту, замѣтилъ, какъ ея выводокъ, ещё не бывшій въ состояніи летать, вбѣжалъ въ покинутую лисью нору, и тамъ притаился.

222. Первое плаваніе на первомъ пароходѣ.

Живы ещё очевидцы того перваго плаванія, которое совершилъ Фультонъ на устроенномъ имъ первомъ пароходѣ. Это было въ 1807 году, 4-го сентября. Газеты заранѣе извѣщали публику Нью-Іорка, приглашая желающихъ за шесть долларовъ (дол. равняется одному рублю, 31½ коп.) переѣхать въ Албани на новоустроенномъ суднѣ, приводимомъ въ движеніе паровою силой. Одни покачивали сомнительно головою, другіе изощряли свой юморъ по поводу такого объявленія, и не нашлось ни одного смѣльчака, который бы отважился совершить опасный переѣздъ. Въ назначенный день весь городъ собрался въ гавани, гдѣ стоялъ пароходъ. Окна и крыши домовъ, близъ стоявшіе корабли и весь берегъ наполнены были зрителями. Глаза ихъ устремлены были на довольно неуклюжее судно, изъ трубы котораго густыми клубами валилъ дымъ. Фультонъ самъ находился на палубѣ, распоряжался, отдавалъ приказанія твёрдымъ, рѣшительнымъ голосомъ, повидимому не обращая вниманія на собравшуюся вокругъ толпу, готовую освистать его при малѣйшемъ признакѣ неудачи. Роковая минута наступала: всё было готово, машина заработала, пароходъ отчалилъ отъ пристани. Толпа народа обратилась въ одно зрѣніе: улыбка сомнѣнія ещё не успѣла сбѣжать съ лица; насмѣшливое слово замерло на устахъ, всѣ онѣмѣло, слѣдя глазами за вступавшимъ въ фарватеръ пароходомъ. Когда же, обратившись противъ теченія, онъ двинулся легко разсѣкая волны, тогда всеобщее напряжённое вниманіе разразилось громкимъ крикомъ восторга, какимъ не оглашалась еще ни одна рѣка въ свѣтѣ. Это не былъ крикъ торжества послѣ одержанной побѣды, — это былъ крикъ народа, почувствовавшаго міровое значеніе въ предпріятіи частнаго человѣка, въ предпріятіи, отъ неудачи котораго пострадалъ-бы одинъ Фультонъ и развѣ ещё соучастникъ его Левингстонъ, снабжавшій изобрѣтателя деньгами.

223. Воровская уловка.

Дѣло было въ Парижѣ. Молодой человѣкъ возвращался съ 1500 франками, взятыми у банкира, домой по бульвару. День былъ славный,

гуля́ющихъ-тьма. Вдругъ къ нему́ подхо́дитъ ро́слый мужчи́на съ суковатою па́лкою въ рука́хъ и говори́тъ ему́ на́ ухо: „За ва́ми сле́ди́тъ воръ; притвори́тесь, что не замѣча́ете его́ и бу́дьте споко́йны, я не теря́ю васъ изъ ви́ду; я служу́ въ поли́ціи и хочу́ пойма́ть сме́лаго моше́нника на мѣстѣ преступле́нія. Я давно́ уже́ добира́юсь до него́, но онъ всё ускользаетъ у меня́ изъ рукъ.“ Молодо́й человѣкъ, вы́слушавъ полице́йскаго чино́вника, пошёлъ да́лѣе. По прошествіи нѣсколькихъ мину́тъ, попа́въ въ тѣсноту́, онъ чу́вствуетъ, что въ его́ боково́й карма́нъ лѣзетъ чья-то рука́, — хо́четъ схвати́ть её, но предупреди́вшій его́ мужчи́на подоспѣлъ уже́ и си́льною руко́ю сти́снулъ ру́ку во́ра, въ кото́рой находи́лся бума́жникъ молода́го человѣка. „Не уго́дно-ли вамъ отпра́виться съ на́ми къ полице́йскому коммиса́ру? тамъ вы полу́чите обра́тно свой бума́жникъ,“ сказа́лъ онъ молодо́му человѣку. Разумѣется ограбленный пошёлъ за полице́йскимъ, кото́рый одно́ю руко́ю держа́лъ за во́ротъ во́ра, въ другой нёсъ бума́жникъ. Вдругъ, на поворо́тѣ въ у́лицу, моше́нникъ вырыва́ется изъ рукъ полице́йскаго и пуска́ется бѣжа́ть; полице́йскій чино́вникъ за нимъ, — и не прошло́ двухъ мину́тъ, какъ тотъ и другой исче́зли изъ глазъ. Молодо́й человѣкъ подожда́лъ на мѣстѣ часа́ два, но ни воръ, ни чино́вникъ съ бума́жникомъ не возврати́лись. Тогда́ онъ дога́дался, что имѣлъ дѣло съ двумя́ вора́ми, кото́рые одура́чили его́.

224. На Бо́га наде́йся, а самъ не плоша́й.

Два охо́тника возвраща́лись одна́жды съ охо́ты и зашли́ въ то́пкое мѣсто. Одинъ изъ нихъ по неосторо́жности попа́лъ въ боло́то и сра́зу погрузи́лся по по́ясъ. Вмѣсто того́, чтобъ попро́бовать самому́ вы́карабкаться изъ боло́та, онъ сталъ звать на по́мощь своего́ това́рища. „Помоги́ мнѣ,“ сказа́лъ онъ, „ина́че я поги́бну, боло́то вотъ такъ и втя́гиваетъ постепе́нно.“ Това́рищъ осторо́жно прибли́зился, но уви́дѣлъ, что утопа́ющій, необыкновенно то́лстый человѣкъ, не дѣлаетъ никаки́хъ уси́лій, а то́лько вопи́тъ о по́мощи, споко́йно отвѣча́лъ, не дви́гаясь съ мѣста: „Тепе́рь ужъ по́здно! тебя́ спасти́ никто́ не мо́жетъ; но я не жела́ю, чтобы ты до́лго му́чился. Я изба́влю тебя́ отъ стра́шныхъ муче́ній ме́дленной сме́рти. Я пущу́ тебѣ пу́лю въ лобъ, по кра́йней мѣрѣ ты скорѣе умрёшь.“ — „Что ты, съ ума́ сошёлъ что ли?“ съ испу́гомъ вскрича́лъ увя́знувшій охо́тникъ и на́чалъ то́тчасъ уси́ленно рабо́тать рука́ми и нога́ми. — „Я не хочу́ ни утону́ть, ни быть разстрѣля́ннымъ. Помоги́ же мнѣ, будь добръ, е́сли въ тебѣ́ есть хоть и́скра состра́данія!“ — Но напра́сно. Това́рищъ преспоко́йно взялъ ружьё въ ру́ку и сталъ прицѣливаться въ го́лову несча́стнаго. „Проща́й, любе́зный това́рищъ, не труди́сь, напра́сно! Всё ско́ро бу́детъ ко́нчено. — Не имѣешь-ли чего́ переда́ть твоей женѣ, говори́ поскорѣе.“ Утопа́ющимъ овладѣлъ смерте́льный страхъ. Онъ ви́дитъ пря́мо напра́вленное на него́ ду́ло ружья́, собира́ется съ послѣдними си́лами и выбира́ется изъ боло́та. Ставъ на твёрдую по́чву, онъ сталъ дѣлать това́рищу са́мые рѣзкіе упрёки. „Ви́дишь-ли, другъ мой, отвѣча́лъ тотъ, я былъ правъ: человѣкъ до́лженъ пре́жде всего́ полага́ться на свои́ си́лы, а не ждать чужо́й по́мощи, сложа́ ру́ки.“ — Ина́че, е́сли самъ бу́дешь плохъ, то не помо́жетъ и Богъ.

225. Безкорыстіе крестьянина Брязгина.

Во время войны съ французами въ 1807 году, взятъ былъ въ плѣнъ извѣстный во французской службѣ — графъ Сегюръ, и отправленъ на жительство въ губернскій городъ Вологду. Проѣзжая чрезъ вологодскую губернію, онъ потерялъ на дорогѣ шкатулку, въ которой, по видимому, находилось всё бывшее тогда съ нимъ имущество, и узналъ о потерѣ своей только на третьей станціи. Шкатулку нашёлъ крестьянинъ Амвросій Ѳеодоровъ Брязгинъ, принёсъ домой, и догадавшись, что находка принадлежитъ проѣхавшему плѣнному французу, немедленно послалъ сына своего за нимъ въ погоню. Сегюръ, возвращавшійся для отысканія потери, встрѣтился съ посланнымъ, пріѣхалъ къ Брязгину и — получилъ шкатулку въ совершенной цѣлости. Въ благодарность онъ хотѣлъ щедро наградить честнаго крестьянина; открылъ шкатулку, и, показавъ находившееся въ ней богатство, состоявшее изъ разнаго рода монетъ и нѣсколькихъ пучковъ ассигнацій, отсчиталъ пять сотъ рублей и подалъ Брязгину. „Избави Богъ,“ сказалъ ему крестьянинъ, „не возьму ни копѣйки; я сдѣлалъ своё дѣло. Ты въ плѣну, тебѣ нужны деньги.“ Сегюръ, не понимая словъ крестьянина, видѣлъ однакожъ, что его убѣжденія не дѣйствительны. „Чего же ты хочешь?“ спросилъ онъ напослѣдокъ довольно чисто по русски. — „Подари, баринъ на память вотъ эту пуговку,“ отвѣчалъ Брязгинъ, указывая на одну свѣтлую пуговицу, лежавшую въ шкатулкѣ вмѣстѣ съ деньгами: „я пришью её на шляпу моему мальчишкѣ.“ Сегюръ отдалъ, и, со слезами на глазахъ, вынувъ книжку, записалъ въ ней прозваніе крестьянина, и потомъ отправился въ путь.

226. Собственность — великое дѣло.

Богатый фабрикантъ города Рубе, въ сѣверномъ департаментѣ Франціи, имѣлъ работника очень искуснаго, но преданнаго пьянству. Однажды, выходя изъ кабака, этотъ работникъ упалъ и переломилъ себѣ ногу. Онъ былъ человѣкъ не глупый и разсудительный. На одрѣ болѣзни онъ сильно встревожился участью своего семейства. Хозяинъ успокоилъ его. „Я буду лѣчить тебя на свои деньги,“ сказалъ онъ ему „что же касается до твоего семейства, то оно еженедѣльно въ четвергъ будетъ получать деньги, которыя слѣдовали бы тебѣ, если бы ты работалъ. Когда выздоровѣешь, мало-по-малу расквитаешься со мною изъ своей задѣльной платы.“ Болѣзнь тянулась долго, и уплата продолжалась цѣлый годъ. Такъ какъ задѣльная плата была довольно велика, то семейство при бережливости могло жить тою частью, которая оставалась ему за постоянною уплатою хозяину. Когда работникъ выздоровѣлъ, то совершенно измѣнилъ образъ жизни: воздерживался отъ пьянства, работалъ усердно, жилъ какъ слѣдуетъ доброму отцу семейства. По прошествіи года, хозяинъ посовѣтовалъ ему согласиться на такой же вычетъ изъ задѣльной платы ещё въ продолженіе двухъ лѣтъ. „Ты соберёшь тысячу двѣсти франковъ,“ — сказалъ онъ ему: это ровно то, чего стоитъ домъ, который я отдаю тебѣ въ наймы. Черезъ два года домъ этотъ будетъ твой, и ты будешь имѣть собственность.“ Работникъ согласился; два

го́да протекли́ бы́стро. По оконча́ніи упла́ты за домъ, при пе́рвой вы́дачѣ задѣльныхъ де́негъ, рабо́тнику хотѣ́ли отда́ть всё, что ему́ слѣ́довало за еженедѣ́льную рабо́ту. „Удержи́те де́ньги,“ сказа́лъ онъ, у себя́; че́резъ 15 мѣ́сяцевъ я куплю́ сосѣ́дній домъ.“ Тепе́рь у него́ три до́ма. Жена́ его́ сдѣ́лалась торго́вкой, и пре́жній пья́ница вско́рѣ удали́лся на о́тдыхъ съ поря́дочнымъ доста́ткомъ, почти́ съ бога́тствомъ. Вотъ како́е чу́до соверши́ла со́бственность.

227. Благодѣя́ніе и́ли благотвори́тельность.

Помога́ть другъ дру́гу въ нуждѣ́ есть свяще́нный зако́нъ приро́ды, кото́рый начертанъ въ се́рдцѣ ка́ждаго до́браго челове́ка. Вспоможе́ніе, ока́зываемое добровольно несча́стному, и дѣ́лающее его́ состоя́ніе лу́чшимъ, обыкнове́нно называ́ется благодѣя́ніемъ и́ли благотвори́тельностью; и благотвори́тельность, когда́ она́ быва́етъ самопроизво́льна, когда́ не имѣ́етъ исто́чника, друго́й цѣли, кро́мѣ облегче́нія судьбы́ стра́ждущаго, почита́ется вездѣ́ въ числѣ́ первѣ́йшихъ добродѣ́телей. Всѣ лу́чшіе основа́тели сектъ и рели́гій проповѣ́дывали её и говори́ли о ней не ина́че, какъ о са́момъ вѣрнѣ́йшемъ сре́дствѣ угоди́ть не́бу. Но что́бы благотвори́тельность приноси́ла всегда́ ощути́тельную по́льзу, то для э́того необходи́мо до́лжно дѣ́лать вы́боръ въ благодѣя́ніяхъ и ока́зывать о́ныя одни́мъ то́лько и́стинно-несча́стнымъ, что́бы сре́дства, къ сему́ избира́емыя, дѣ́йствительно бы́ли доста́точны и не причиня́ли никому́ изли́шняго отягоще́нія.

Къ одному́ литера́тору пришла́ проси́ть о по́мощи бѣ́дная ста́рая же́нщина, въ то са́мое вре́мя, когда́ не бы́ло у него́, что называ́ется, ни копѣ́йки де́негъ. — „Оте́цъ мой! е́сли ты не пожа́луешь ничего́, такъ мнѣ придётся ны́ньче цѣ́лый день сидѣ́ть голо́дною.“ Что же сдѣ́лалъ до́брый литера́торъ? — Снялъ съ руки́ обруча́льное кольцо́ (онъ не такъ давно́ былъ жена́тъ и о́чень люби́лъ жену́ свою́) и отда́лъ его́ бѣ́дной стару́хѣ, сказа́въ: „На, тебѣ́, ма́тушка, возьми́, прода́й и купи́, что на́добно!“

Тако́й же почти́ слу́чай былъ съ поко́йнымъ В. В. Попугаевымъ. Пришёлъ къ нему́ проси́ть де́негъ оди́нъ несча́стный, благоро́дный челове́къ, а де́негъ у В. В. не́было. Онъ не зналъ, что дѣ́лать; но, взгляну́въ неча́янно на но́вый свой фракъ, кото́рый за нѣ́сколько часо́въ пе́редъ тѣ́мъ былъ принесёнъ ему́ отъ портна́го, прину́дилъ го́стя взять э́тотъ фракъ, а самъ мѣ́сяца три проходи́лъ въ ста́ромъ.

228. Терпѣ́ніе и трудъ всё перетру́тъ.

Двѣ ты́сячи лѣ́тъ тому́ наза́дъ въ гре́ческомъ го́родѣ Аѳи́нахъ жилъ нѣ́кто Демосѳе́нъ. Гре́ки въ то вре́мя бы́ли язы́чниками и жи́ли въ ро́скоши и нече́стіи. Демосѳе́нъ, какъ челове́къ у́мный и до́брый, рѣши́лся убѣди́ть свои́хъ согра́жданъ поки́нуть дурны́е привы́чки. По обы́чаю того́ вре́мени, Демосѳе́нъ вы́ступилъ съ рѣ́чью, кото́рую произнёсъ публи́чно на пло́щади. Пе́рвая рѣ́чь его́ была́ встрѣ́чена смѣ́хомъ и хохо́томъ наро́да, — такъ стра́нны бы́ли мане́ры ора́тора и смѣ́шно бы́ло его́ произноше́ніе. Онъ говори́лъ весьма́ нея́сно, си́льно заика́лся и не

могъ произноси́ть бу́квы р. Кро́мѣ того́ у него́ была́ стра́нная мане́ра подёргивать пра́вымъ плечо́мъ. Какъ ни си́льны бы́ли убѣжде́нія Демосѳе́на, но они́, благода́ря дурно́му произноше́нію, не произве́ли жела́ннаго дѣйствія. Но э́то не привело́ Демосѳе́на въ отча́яніе. Онъ рѣши́лся испра́вить недоста́тки своего́ произноше́нія. Для э́того онъ на́чалъ пре́жде всего́ съ дурны́хъ привы́чекъ: онъ по временамъ отправля́лся на бе́регъ мо́ря, стара́лся привы́кнуть говори́ть гро́мко и пла́вно, не взира́я на шумъ волнъ. Что́бы отвы́кнуть отъ заика́нія, онъ набира́лъ ка́мешковъ въ ротъ и говори́лъ ме́дленно, стара́ясь произноси́ть ка́ждое сло́во я́сно и вня́тно. Что́бы отучи́ть себя́ отъ подёргиванія плечо́мъ, онъ вѣшалъ пе́редъ зе́ркаломъ о́стрый мечъ, такъ что́бы коне́цъ его́ каса́лся плеча́ и ка́ждый разъ, когда́ онъ подёрнетъ плечо́мъ, слегка́ ра́нилъ бы его́. Въ то же вре́мя онъ стро́го наблюда́лъ за собо́ю, что́бы не крива́ться и не дѣлать никаки́хъ ужи́мокъ и грима́съ. Ма́ло того: что́бы дать себѣ вре́мя пріобрѣсти́ хоро́шіе на́выки, что́бы не увле́чься и не яви́ться предъ наро́домъ до оконча́тельнаго усоверше́нствованія, онъ обри́лъ себѣ полови́ну головы́ и съ неутоми́мою эне́ргіею продолжа́лъ труди́ться надъ вы́работкою хоро́шаго произноше́нія.

Въ оди́нъ изъ наро́дныхъ пра́здниковъ Демосѳе́нъ опя́ть яви́лся на пло́щади въ ро́ли ора́тора, но каково́ бы́ло удивле́ніе всѣхъ, когда́ изъ устъ его́ полила́сь рѣчь я́сная, гро́мкая, сопровожда́емая же́стами вели́чественными; отъ смѣшны́хъ ужи́мокъ не оста́лось и слѣда́. Съ э́того вре́мени Аѳи́няне люби́ли слу́шать своего́ ора́тора и ста́ли слѣдовать его́ совѣтамъ.

229. Изъ ска́зки: „Спя́щая царе́вна.“

а) Ракъ предска́зываетъ цари́цѣ рожде́ніе до́чери.

Жилъ былъ до́брый царь Матвѣй
Жилъ съ цари́цею свое́й
Онъ въ согла́сьи мно́го лѣтъ;
А дѣте́й всё нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ цари́ца на лугу́,
На зелёномъ берегу́
Ручейка́ была́ одна́
Го́рько пла́кала она́.
Вдругъ, гляди́тъ: ползётъ къ ней ракъ;
Онъ сказа́лъ цари́цѣ такъ:
„Мнѣ тебя́, цари́ца, жаль;
Но забу́дь свою́ печа́ль:
У тебя́ роди́тся дочь.“
— „Благода́рствуй, до́брый ракъ;
Не ждала́ тебя́ никако́ъ. . . .“
Но ужъ ракъ упо́лзъ въ ручей́,
Не слыха́лъ ея́ рѣче́й.
Онъ, коне́чно, былъ проро́къ;
Что сказа́лъ, сбыло́ся въ срокъ:

Дочь царѝца родила́.
Дочь прекра́сна такъ была́,
Что ни въ ска́зкѣ разсказа́ть,
Ни перо́мъ не описа́ть.

230. б) Чародѣйка предска́зываетъ судьбу́ царе́вны.

Вотъ царёмъ Матвѣемъ пиръ
Зна́тный данъ на цѣлый міръ;
И на пиръ весёлый тотъ
Царь оди́ннадцать зовётъ
Чародѣекъ молоды́хъ;
Бы́ло-жъ всѣхъ двѣна́дцать ихъ;
Но двѣна́дцатой одно́й,
Хромоно́гой, ста́рой злой,
Царь на пра́здникъ не позва́лъ.
Отъ чего́-жъ такъ оплоша́лъ
Нашъ разу́мный царь Матвѣй?
Бы́ло то оби́дно ей
Такъ, но есть причи́на тутъ:
У царя́ двѣна́дцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золоты́хъ,
Бы́ло въ ца́рскихъ кладовы́хъ;
Пригото́вили обѣдъ,
А двѣна́дцатаго нѣтъ!
Кѣмъ укра́дено оно́,
Знать объ э́томъ не дано́.
„Что-жъ тутъ дѣлать?“ царь сказа́лъ,
Такъ и быть!“ И не посла́лъ
Онъ на пиръ стару́хи звать,
Собрали́ся прова́ть
Го́стьи, зва́нныя царёмъ;
Пи́ли, ѣли, а пото́мъ,
Хлѣбосо́льнаго царя́
За пріёмъ благодаря́,
Ста́ли дочь его́ дари́ть:
„Бу́дешь въ зо́лотѣ ходи́ть;
Бу́дешь чу́до красоты́;
Бу́дешь всѣмъ на ра́дость ты
Благонра́вна и тиха́;
Дамъ краса́вца жениха́
Я тебѣ, моё дитя́;
Жизнь твоя́ пройдётъ шутя́,
Межъ знако́мыхъ и родны́хъ. . . .“
Сло́вомъ, де́сять молоды́хъ
Чародѣекъ, одари́въ
Такъ дитя́ на перерывъ,
Удали́лись. Въ свой черёдъ;

И послѣдняя идётъ:
Но ещё она́ сказа́ть
Не успѣла сло́ва — глядь
А незва́нная стои́тъ
Надъ царе́вной и ворчи́тъ:
„На пиру́ я не была́,
Но пода́рокъ принесла́:
На шестна́дцатомъ году́
Повстрѣча́ешь ты бѣду́:
Въ э́томъ во́зрастѣ своёмъ
Ру́ку ты веретено́мъ
Опара́паешь, мой свѣтъ,
И умрёшь во цвѣтѣ лѣтъ!“
Проворча́вши такъ, тотча́съ
Вѣдьма скры́лася изъ глазъ;
Но оста́вшаяся тамъ
Рѣчь домо́лвила: „не дамъ
Безъ пути́ руга́ться ей
Надъ цари́цею мое́й;
Бу́детъ то не смерть, а сонъ;
Три́ста лѣтъ продли́тся онъ;
Срокъ назна́ченный пройдётъ,
И царе́вна оживётъ;
Бу́детъ до́лго въ свѣтѣ жить;
Бу́дутъ вну́ки весели́ть
Вмѣстѣ съ не́ю мать, отца́,
До земна́го ихъ конца́.“

231. в) Царь запреща́етъ сѣять лёнъ въ своёмъ ца́рствѣ.

Скры́лась го́стья. Царь грусти́тъ;
Онъ не ѣстъ, не пьётъ, не спи́тъ.
Какъ отъ сме́рти дочь спасти́?
И бѣду́ чтобъ отвести́,
Онъ даётъ тако́й указъ:
„Запреща́ется отъ насъ
Въ на́шемъ ца́рствѣ сѣять лёнъ,
Прясть, учи́ть, чтобъ веретёнъ
Ду́ху не́было въ дома́хъ:
Чтобъ скорѣй, какъ мо́жно, пряхъ
Всѣхъ изъ ца́рства вы́слать вонъ.“
Царь, изда́въ тако́й зако́нъ,
На́чалъ пить, и ѣсть, и спать,
На́чалъ жить и пожива́ть,
Какъ дото́лѣ безъ забо́тъ.

232. г) Царе́вна уколо́ла ру́ку веретено́мъ.

Дни прохо́дятъ, дочь растётъ;
Разцвѣла́ какъ ма́йскій цвѣтъ;

Вотъ ужъ ей пятна́дцать лѣтъ...
Что-то, что-то бу́детъ съ ней?
Разъ съ цари́цею свое́й
Царь отпра́вился гуля́ть;
Но съ собо́й царе́вну взять
Не случи́лось имъ; она́
Въ ду́шной го́рницѣ сиди́тъ.
„Дай,“ сказа́ла, наконе́цъ,
„Осмотрю́ я нашъ дворе́цъ.“
По дворцу́ она́ пошла́:
Пы́шныхъ ко́мнатъ нѣтъ числа́;
Всѣмъ люб у́ется она́;
Вотъ, гляди́тъ, отворена́
Дверь въ поко́й; въ покоѣ томъ
Вьётся ле́стница винто́мъ
Вкругъ столба́; по ступеня́мъ
Всхо́дитъ вверхъ, и ви́дитъ тамъ:
Старушо́ночка сиди́тъ;
Гре́бень подъ но́сомъ торчи́тъ;
Старушо́ночка прядётъ
И за пря́жею поётъ:
„Веретёнце, не лѣни́сь;
Пря́жа то́нкая, не рвись,
Ско́ро бу́детъ въ до́брый часъ
Го́стья жда́нная у насъ.“
Го́стья жда́нная вошла́;
Пря́ха, мо́лча, подала́
Въ ру́ки ей веретено́;
Та взяла́ и вмигъ оно́
Уколо́ло ру́ку ей....

233. За́яцъ на ло́влѣ.

Большо́й собра́вшися гурьбо́й,
Медвѣдя звѣри излови́ли,
На чи́стомъ по́лѣ задави́ли —
И дѣлятъ межъ собо́й,
Кто что себѣ доста́нетъ,
А за́яцъ за ушко́ медвѣжье тутъ же тя́нетъ
„Ба, ты, косо́й,“ —
Крича́тъ ему́ — „пожа́ловалъ, отко́лѣ?
Тебя́ никто́ на ло́влѣ не вида́лъ.“
— „Вотъ, бра́тцы!“ за́яцъ отвѣча́лъ
„Да и́зъ-лѣсу-то кто-жъ — всё я его́ пуга́лъ
И къ вамъ поста́вилъ пря́мо въ по́ле
Сердечнаго дружка́?“
Тако́е хвастовство́ хоть сли́шкомъ бы́ло я́вно,
Но показа́лось такъ заба́вно,

Что за́йцу данъ клочёкъ медвѣ́жьяго ушка́.
Надъ хвастуна́ми хоть смѣ́ются,
Но ча́сто въ дѣлежѣ́ имъ до́ли достаю́тся. Крыловъ.

234. Крестья́нинъ и змѣя́.

Къ крестья́нину вползла́ змѣя́,
И говори́тъ: „сосѣдъ! начнёмъ жить дру́жно!
Тепе́рь меня́ тебѣ́ стере́чься ужъ не ну́жно.
Ты ви́дишь, что совсѣмъ друга́я ста́ла я,
И ко́жу нынѣшней весно́й перемѣни́ла.“
Одна́кожъ мужика́ змѣя́ не убѣди́ла.
Мужи́къ схвати́лъ обу́хъ
И говори́тъ: „хоть ты и въ но́вой ко́жѣ,
Да се́рдце у тебя́ всё то́же.“
И вы́шибъ изъ сосѣдки духъ. Крыловъ.

235. Лиси́ца и виногра́дъ.

Голо́дная кума́-Лиса́ залѣзла въ садъ;
Въ нёмъ виногра́ду ки́сти рдѣлись:
У ку́мушки на виногра́дъ
Запры́гали глаза́ и зу́бы разгорѣ́лись;
А ки́сти со́чныя, какъ я́хонты, горя́тъ:
Лишь то бѣда́, виси́тъ онѣ́ высо́ко.
Отко́ль и какъ она́ къ нимъ ни зайдётъ,
Хоть ви́дитъ о́ко
Да зубъ неймётъ.
Пробѝвшись по́-пусту часъ цѣ́лый,
Пошла́ и говори́тъ съ доса́дою: „Ну, что-жъ!
На взглядъ то онъ хоро́шъ,
Да зе́ленъ; я́годки нѣтъ зрѣ́лой;
Тотча́съ оско́мину набьёшь!“ Крыловъ.

236. Пѣту́хъ и жемчу́жное зерно́.

Навозну ку́чу разрыва́я,
Пѣту́хъ нашёлъ жемчу́жное зерно́,
И говори́тъ: „куда́ оно́?
Кака́я вещь пуста́я!
Не глу́по-ль, что его́ высо́ко такъ цѣня́тъ?
А я бы, пра́во, былъ гора́здо бо́лѣ радъ
Зерну́ ячме́нному: оно́ не столь хоть ви́дно,
Да сы́тно.“
Невѣжды су́дятъ то́чно такъ:
Въ чёмъ то́лку не пойму́тъ, то всё у нихъ пуста́къ.
Крыловъ.

237. Водопа́дъ и руче́й.

Кипя́щій водопа́дъ, сверга́ясь со ска́лъ,
Цѣлє́бному ключу́ съ надмє́нностью сказа́лъ;
(Кото́рый подъ горо́й едва́ лишь былъ примѣ́тенъ,
Но си́лой сла́вился лѣчє́бною своє́й):
„Не стра́нно-ль э́то? ты такъ малъ, водо́й такъ бѣ́денъ,
А у тебя́ всегда́ премно́жество гостє́й?
Не мудрено́, коль мнѣ прихо́дитъ кто дивѝться!
Къ тебѣ́ зачѣ́мъ иду́тъ?“ — Лѣчи́ться,
Смире́нно прожурча́лъ руче́й. Крыловъ.

238. Слонъ и Мо́ська.

По у́лицамъ Слона́ води́ли,
Какъ ви́дно, на показъ.
Извѣ́стно, что слоны́ въ дико́винку у насъ;
Такъ за слоно́мъ толпы́ зѣва́къ ходи́ли.
Отколѣ ни возьми́сь, на встрѣ́чу Мо́ська имъ.
Уви́дѣвши Слона́ — ну на него́ мета́ться,
И ла́ять, и визжа́ть, и рва́ться:
Ну такъ и лѣзетъ въ дра́ку съ нимъ.
„Сосѣ́дка, переста́нь срами́ться,“
Ей ша́фка говори́тъ: „тебѣ́-ль съ Слоно́мъ вози́ться.
Смотри́, — ужъ ты хрипи́шь, а онъ себѣ́ идётъ
Впередъ
И ла́я твоего́ совсѣ́мъ не примѣча́етъ.“
„Эхъ, эхъ!“ ей Мо́ська отвѣча́етъ:
„Вотъ то-то мнѣ и ду́ху придаётъ,
Что я совсѣ́мъ безъ дра́ки,
Могу́ попа́сть въ большія забія́ки.
Пуска́й же говоря́тъ соба́ки:
Ай Мо́ська! знать она́ сильна́,
Что ла́етъ на слона́. Крыловъ.

239. Лягу́шка и Волъ.

Лягу́шка на лугу́, уви́дѣвши Вола́,
Затѣ́яла сама́ въ доро́дствѣ съ нимъ сравня́ться —
Она́ зави́стлива была́ —
И ну топо́рщиться, пыхтѣ́ть и надува́ться.
„Смотри́-ка, ква́кушка, что бу́ду-ль я съ него́!“
Подру́гѣ говори́тъ. — Нѣтъ, ку́мушка, далёко! —
„Гляди́ же, какъ тепе́рь раздую́сь я широ́ко . . .
Ну, каково́?
Попо́лнилась-ли я?“ — Почти́-что ничего́. —
„Ну какъ тепе́рь?“ — Все тожъ. — Пыхтѣ́ла, да пыхтѣ́ла,
И ко́нчила моя затѣ́йница на томъ,
Что, не сравня́вшися съ Воло́мъ,
Съ натуги ло́пнула и околѣ́ла, Крыловъ.

240. Зима́.

Вотъ се́веръ, ту́чи нагоня́я,
Дохну́лъ, завы́лъ, и вотъ сама́
Идётъ волше́бница зима́,
Пришла́, разсы́палась; клока́ми
Пови́сла на сука́хъ дубо́въ;
Легла́ волни́стыми ковра́ми
Среди́ поле́й, вокру́гъ холмо́въ;
Брега́ съ недви́жною ре́кою
Сравня́ла пу́хлой пелено́ю;
Блесну́лъ моро́зъ. И ра́ды мы
Прока́замъ ма́тушки зимы́. Пушкинъ.

241. Ту́ча.

После́дняя ту́ча разсе́янной бу́ри!
Одна́ ты несёшься по я́сной лазу́ри,
Одна́ ты наво́дишь уны́лую тѣнь,
Одна́ ты печа́лишь лику́ющій день.
Ты не́бо неда́вно круго́мъ облега́ла,
И мо́лнія гро́зно тебя́ обвива́ла,
И ты издава́ла таи́нственный громъ,
И а́лчную зе́млю пои́ла дождёмъ.
Дово́льно, сокро́йся! Пора́ минова́лась
Земля́ освѣжи́лась, и бу́ря промча́лась,
И вѣтеръ, ласка́я листо́чки древе́съ,
Тебя́ съ успоко́енныхъ го́нитъ небе́съ. Пушкинъ.

242. Вурдала́къ.

Трусова́тъ былъ Ва́ня бѣ́дный:
Разъ онъ по́зднею поро́й,
Весь въ поту́, отъ стра́ха бле́дный,
Чрезъ кладби́ще шёлъ домо́й.
Бѣ́дный Ва́ня е́ле ды́шитъ;
Спотыка́ясь, чуть бредётъ
По моги́ламъ: вдругъ онъ слы́шитъ —
Кто-то кость ворча́ грызётъ.
Ва́ня ста́лъ — шагну́ть не мо́жетъ.
Бо́же! ду́маетъ бѣдня́къ:
Это, вѣ́рно ко́сти гло́жетъ
Красногу́бый вурдала́къ.
Го́ре! ма́лый я не си́льный;
Съѣ́стъ меня́ упы́рь совсѣ́мъ,
Если самъ земли́ моги́льной
Я съ моли́твою не съѣ́мъ.
Что-же? вмѣ́сто вурдала́ка —
Вы предста́вьте Ва́ни злость —
Въ темнотѣ́ предъ нимъ соба́ка
На моги́лѣ гло́жетъ кость. Пушкинъ.

243. Закла́дъ.

Англича́нинъ спо́рщикъ, охо́тникъ до закла́довъ и прито́мъ отли́чный плове́цъ, при́былъ во Фра́нцію, на люде́й посмотре́ть и себя́ показа́ть. Переѣхавъ проли́въ и останови́вшись въ Кале́, онъ то́тчасъ же сталъ распра́шивать, какіе въ э́томъ прим о́рскомъ го́родѣ изв ѣ́стные пловцы́ и водола́зы. Ему́ назва́ли нѣ́сколько челов ѣ́къ; онъ освѣдоми́лся, гдѣ́ они́ и пожела́лъ познако́миться съ ни́ми.

Не успѣ́лъ онъ возврати́ться въ гости́нницу, какъ къ нему́ уже́ яви́лся ско́рый и бо́йкій францу́зъ, выдава́вшій себя́ за пе́рваго пловца́ и водола́за во всей Фра́нціи. „А,“ сказалъ англича́нинъ, „и я не после́дній въ своёмъ оте́чествѣ; стало быть намъ не сты́дно потяга́ться.“

— „Я гото́въ, изво́льте назна́чить часъ, мѣ́сто и усло́вія.“

— „Часъ,“ сказа́лъ англича́нинъ: „хоть за́втра съ разсвѣ́томъ; мѣ́сто — да вотъ взмо́рье у при́стани; а условіе — ты́сяча фу́нтовъ (на на́ши де́ньги сли́шкомъ 7000 рубле́й)“.

Уда́рили по рука́мъ, побесѣ́довали дру́жно вечерко́мъ, за́пили усло́вія и положи́ли плыть вдоль бе́рега, поку́да оди́нъ изъ двухъ, вы́бившись изъ силъ, отка́жется.

Англича́нинъ выхо́дитъ въ назна́ченный часъ на бе́регъ, гото́вый ки́нуться въ мо́ре, и ви́дитъ, что бо́йкій проти́вникъ ужъ тутъ и то́же гото́въ, но та́щитъ съ собо́й како́й-то огро́мный мѣ́шо́къ.

— „Это что зна́читъ?“ спроси́лъ англича́нинъ, кото́рый хотѣ́лъ пусти́ться въ мо́ре безъ вс я́кихъ припа́совъ.

— „А э́то моя́ доро́жная сума́ съ харча́ми,“ сказа́лъ францу́зъ: „тутъ хлѣ́ба немно́го, сы́ру, ветчины́, бакла́га съ водо́й, — вѣдь ту во́ду, по кото́рой мы поплывёмъ, пить нельзя́, — да ещё три буты́лочки вина́, для поддержа́нія силъ.“

— „Къ чему́ же э́то? Куда́ сто́лько?“

— „Какъ къ чему́? Да ра́звѣ вы хоти́те меня́ умори́ть съ го́лоду? Этого въ уговоро́ѣ не́ было!“

— „Я полага́лъ, что доста́точно бу́детъ закуси́ть на берегу́, и пообѣ́дать по оконча́ніи дѣ́ла?“

— „Благодарю́ поко́рно, я не намѣ́ренъ во всё вре́мя по́стничать.“

— „Да на ско́лько вре́мени вы собира́етесь въ похо́дъ?“ спроси́лъ озада́ченный англича́нинъ.

— „Не зна́ю, какъ си́ла возьмётъ; я, быва́ло, су́тки по три и по четы́ре держа́лся; я беру́ харче́й на недѣ́лю.“ Говори́тся: ѣ́дешь на́ день, а хлѣ́ба бери́ на недѣ́лю.

Англича́нинъ, не говоря́ ни сло́ва, поклони́лся и, доста́въ 1000 фу́нтовъ, отда́лъ ихъ францу́зу, пото́мъ раскла́нялся и отпра́вился домо́й.

Таки́мъ о́бразомъ балагу́ръ-францу́зъ получи́лъ закла́дъ, тогда́ какъ никому́ не бы́ло извѣ́стно, умѣ́лъ-ли онъ пла́вать.

244. Три дру́га.

Три арави́тянина заспо́рили ме́жду собо́ю о томъ, кто изъ соотѣ́чественниковъ ихъ са́мый великоду́шный челов ѣ́къ. Оди́нъ называ́лъ Абдаллу́, магоме́това ро́дственника, друго́й Ка́иса, сы́на саа́дова, а тре́тій

Арабáха. Но какъ ни одúнъ изъ спóрящихъ не хотѣлъ уступúть, то и положено бы́ло разрѣшúть споръ испытáніемъ. Кáждый изъ нихъ дóлженъ былъ идтú къ своемý дрýгу просúть пóмощи, чтóбы вúдѣть, какъ онú поступя́тъ.

Пéрвый пошёлъ къ Абдаллѣ, котóрый въ э́то врéмя готóвился отпрáвиться въ путь; емý былъ подведёнъ верблю́дъ, и онъ занёсъ ужé нóгу въ стрéмя. —

„Дя́дя Магомéта!“ сказáлъ пришéдшій: „я собирáюсь въ дорóгу, но не имѣю съ чѣмъ отпрáвиться!“ Абдалла́ вы́нулъ нóгу изъ стрéмени, отдáлъ дрýгу своемý верблю́да со всѣмъ, что было навью́чено, и просúлъ тóлько берéчь вися́щій на сѣдлѣ мечъ, потомý-что онъ достáлся емý въ наслѣдство отъ Алú, магомéтова зя́тя. Другъ нашёлъ на верблю́дѣ мнóжество шёлковаго плáтья и четы́ре тысячи червóнцевъ; но драгоцѣннѣе всегó алéвъ мечъ.

Второ́й пошёлъ къ дрýгу своему Кáису и нашёлъ егó спя́щимъ. Невóльникъ спрáшивалъ, какýю нáдобность имѣетъ онъ до егó господúна.— „Я собирáюсь въ дорóгу,“ отвѣча́лъ другъ, „и не имѣю дéнегъ.“ Невóльникъ сказáлъ, что не смѣетъ разбудúть своегó господúна: но далъ емý семь ты́сячъ червóнцевъ, увѣря́я при томъ, что въ дóмѣ бóлѣе не остаётся дéнегъ. — „Но,“ прибáвилъ онъ, подú къ надзирáтелю стадъ нáшихъ, и трéбуй отъ негó верблю́да и невóльника.“ — Когдá, проснýвшись, Кáисъ узнáлъ о томъ, какъ поступúлъ невóльникъ, то, въ знакъ удовóльствія, даровáлъ емý свобóду, и сказáлъ: „Для чегó не разбудúлъ ты меня́? я далъ-бы дрýгу моемý ещё бóлѣе.“

Трéтій нашёлъ дрýга своегó Арабáха, готóвящимся идтú на молúтву. Два невóльника велú егó подъ рýки, и́бо онъ былъ старъ и лишúлся зрѣнія. Услы́ша о нуждѣ дрýга своегó, онъ всплеснýлъ рукáми и воскли́кнулъ: „Какóе несчáстіе, я не имѣю дéнегъ! По крáйней мѣрѣ, другъ мой, возьмú обóихъ невóльниковъ и продáй ихъ!“— Другъ на э́то не соглашáлся; но Арабáхъ увѣря́лъ, что не примётъ ихъ обрáтно и даётъ имъ свобóду. Сказáвъ э́то, онъ оттолкнýлъ невóльниковъ своúхъ и, пробирáясь о́щупью пóдлѣ стѣны́, пошёлъ дáлѣе.

„Изъ трёхъ друзéй нáшихъ Арабáхъ сáмый великодýшный“ воскли́кнули спóрившіе аравúтяне, возвратя́сь съ полýченными подáрками.

245. Морóзко.

Жúли бы́ли старúкъ да старýха, а у нихъ двѣ дóчери. Ста́ршую, свою́ пáдчерицу, старýха не любúла, все её журúла: „э́кая лѣнúвица! э́кая неря́ха!“ А Нáдя былá зóлото-дѣвушка: и скотúнку поúла, и дровá да вóду въ избý таскáла, и всё вы́мететъ, приберётъ ещё до свѣту. Вотъ зла́я мáчиха говорúтъ: „Пора́, старúкъ, выдава́ть дочерéй зáмужъ. Снаряжáй-ка Нáдю, да вези́ её въ боръ, къ большóй сосне́: я посвáтала её за Морóзко.“ — „Что ты! въ умѣ ли?“ крúкнулъ старúкъ. — „А что? чѣмъ не женúхъ? вишь, скóлько у негó богáтства! сóсны въ пухý да въ серебрѣ; на водѣ дворцы́ стекля́ные, гляди́, какъ сія́ютъ на сóлнцѣ!“ Попла́калъ, попла́калъ старúкъ, плóхо перéчить злой бáбѣ: нéчего дѣлать, повёзъ Нáдю въ лѣсъ, да остáвилъ одну́ у сосны́. Дрожúтъ бѣдня́жка

На́дя, зу́бомъ о зубъ посту́киваетъ. Вдругъ она́ услы́шала: Моро́зъ, Кра́сный но́съ, близёхонько на ёлкѣ потре́скиваетъ, съ ёлки на ёлку поска́киваетъ, да пощёлкиваетъ. Глядь, онъ ужъ на сосна́, у кото́рой сидѣла дѣвица, и спра́шиваетъ её све́рху: „Тепло́-ли тебѣ, дѣвица? тепло́-ли тебѣ, кра́сная?“ На́дя отвѣча́етъ: „Тепло́, тепло́, ба́тюшка Моро́зушко!“ Моро́зъ сталъ спуска́ться ни́же, сильнѣе трещи́тъ, да всё говори́тъ: „Тепло́-ли тебѣ ла́пушка? — Ой, тепло́, голу́бчикъ-Моро́зушко!“ повторя́етъ На́дя, а у само́й духъ захва́тываетъ. Тутъ Моро́зко взгляну́лъ на неё съ ла́ской, одѣлъ её бога́той шу́бой, дорого́й фато́й, принёсъ ей ко́робъ съ пода́рками. Какъ узна́ла стару́ха, кака́я честь ея́ па́дчерицѣ, то скорѣй снаряди́ла и свою́ люби́мую до́чку въ лѣсъ и ду́маетъ: „одари́тъ её Моро́зко ещё лу́чше.“ А до́чка ея́, Ма́ша, была́ зла́я бало́ванная. Какъ пришёлъ Моро́зко, да сталъ спра́шивать: „Тепло́-ли тебѣ, дѣвица?“ — она не утерпѣла и кри́кнула съ доса́дой: „Сгинь ты, окая́нный! вся на́сквозь изъя́бла, а онъ, ду́рень, еще спра́шиваетъ: тепло́ ли?“ На друго́й день стару́ха сама́ поѣхала въ лѣсъ за до́чкой: глядѣ́тъ, ея́ Ма́ша лежи́тъ мёртвая, совсѣмъ окостенѣла.

246. Нужда́.

Жи́ли по ра́знымъ деревня́мъ два бра́та: оди́нъ былъ бога́тый, а друго́й бѣдный. Вотъ у бога́таго наста́лъ пра́здникъ, бѣдный и пошёлъ къ нему́ въ го́сти; пришёлъ и говори́тъ: „бра́тецъ! у тебя́ сего́дня пра́здникъ; хоть-бы меня́ бра́жкой угости́лъ.“ — „Бра́жкой!“ говори́тъ бога́тый: „вотъ въ ка́дкѣ — пей, ско́лько хо́чешь!“ — а въ ка́дкѣ-то была́ вода́; бѣдный братъ-то и напи́лся воды́. Пошёлъ онъ наза́дъ домо́й, да и поётъ пѣсни, и слы́шитъ — съ нимъ кто-то поётъ, онъ и спра́шиваетъ: кто же э́то поётъ? — „Да я,“ говори́тъ. — Да ты кто? — „Я, говори́тъ, Нужда́.“ — „А ты куда́ идёшь?“ — „Я, говори́тъ, съ тобо́ю.“ — Какъ со мно́ю? — „Да я всё съ тобо́ю хожу́.“ — Да я, говори́тъ бѣдный, домо́й пришёдши, бу́ду умира́ть. — „Ну, и я съ тобо́й.“ — Прише́дши домо́й, онъ сталъ дѣлать гробъ; сдѣлалъ гробъ и говори́тъ: „Нужда́, а Нужда́! полѣза́й въ гробъ.“ — Ну, онъ её спра́шиваетъ: „Нужда́, а Нужда́! влѣзла въ гробъ?“ — „Да, я ужъ тутъ.“ — И онъ понёсъ её на кладби́ще закопа́лъ её и сталъ съ той поры́ богатѣть. Бога́тый братъ узна́лъ объ э́томъ и позави́довалъ ему́: что, говори́тъ, тако́е? отчего́ э́то онъ разбогатѣлъ? Вотъ онъ прихо́дитъ къ нему́ и говори́тъ: „отчего́ э́то ты, братъ, разбогатѣлъ?“ — „По́мнишь, говори́тъ, я былъ у тебя́ на пра́здникѣ, ты меня́ водо́й-то угости́лъ, я воды́-то напи́лся, — напи́лся, и охмѣлѣлъ съ той воды́; пошёлъ домо́й, сталъ пѣсни пѣть, слы́шу — со мно́ю кто-то поётъ — подпѣва́етъ. Вотъ я спроси́лъ: кто э́то со мной поётъ? Она́ отвѣча́етъ: я! — Да ты кто? — Я — Нужда́.“ — Тутъ бога́тый и спра́шиваетъ его́: „да куда́-жъ ты её дѣлъ?“ — „Я посади́лъ её въ гробъ да и закопа́лъ.“ Бога́таго-то за́висть и взяла́, и пошёлъ онъ на кладби́ще, откопа́лъ Нужду́ да и говори́тъ: Нужда́, а Нужда́! ты тутъ? „Ту-у-утъ, чуть жи-и-ва́!“ пропища́ла она́. Вотъ онъ и говори́тъ: пойдёмъ къ бра́ту; онъ тепе́рь разбогатѣлъ. Она́ говори́тъ ему́: „нѣтъ, я лу́чше

съ тобо́й пойду́, а то онъ меня́ совсѣмъ замори́лъ.“ И ушла́ съ нимъ, съ бога́тымъ-то. Бога́тый и обѣдне́лъ. А тотъ, кото́рый закопа́лъ Нужду́, по ми́лости Бо́жьей, хорошо́ живётъ и тепе́рь.

247. Самоиспыта́ніе.

У одного́ добродѣтельнаго и на́божнаго отца́ былъ распу́тный сынъ, кото́рый, не внима́я никаки́мъ увѣща́ніямъ, проводи́лъ вре́мя въ о́бществѣ безнра́вственныхъ това́рищей, и предава́лся всей необу́зданности страсте́й свои́хъ. Таки́мъ о́бразомъ се́рдце его́ постоя́нно станови́лось испо́рченнѣе, и всё до́брое въ нёмъ изчеза́ло. Несча́стный оте́цъ скорбѣлъ вта́йнѣ о развращённой жи́зни сы́на и моли́лся.

По проше́ствіи нѣкотораго вре́мени, оте́цъ си́льно занемо́гъ, и, чу́вствуя приближе́ніе сме́рти, призва́лъ къ себѣ сы́на своего́. Когда́ сынъ яви́лся къ посте́ли умира́ющаго отца́, онъ сказа́лъ ему́: „не бо́йся, сынъ мой, не ду́май, что я бу́ду дѣлать тебѣ упрёки за твоё поведе́ніе. Вотъ я умира́ю и оставля́ю тебя́ наслѣдникомъ всего́ моего́ иму́щества: за э́то испо́лни ты послѣднюю мою́ про́сьбу; её легко́ испо́лнить, и потому́ ты непремѣнно до́лженъ обѣща́ть мнѣ э́то, и сдержа́ть своё обѣща́ніе.

Сынъ изъяви́лъ по́лную гото́вность испо́лнить во́лю своего́ отца́, е́сли то́лько э́то для него́ возмо́жно. Тогда́ умира́ющій оте́цъ сказа́лъ: „обѣща́й мнѣ, сынъ мой, что ты, въ продолже́ніе двухъ мѣсяцевъ, по сме́рти мое́й, ка́ждый ве́черъ бу́дешь входи́ть въ э́ту ко́мнату, и полчаса́ остава́ться въ ней въ уедине́ніи.

Сынъ обѣща́лъ; — тогда́ оте́цъ благослови́лъ его́, и вскоре́ пото́мъ у́меръ. Сынъ, похорони́вши отца́, возврати́лся къ свои́мъ това́рищамъ и жилъ по пре́жнему, предава́ясь вся́каго ро́да удово́льствіямъ. Но какъ ско́ро наступа́лъ ве́черъ, ему́ приходи́ло на па́мять его́ обѣща́ніе, и о́бразъ умира́ющаго отца́ убѣжда́лъ его́ сдержа́ть да́нное сло́во. Снача́ла бы́ло ему́ тру́дно быть одному́ въ ко́мнатѣ: ему́ каза́лось э́то ску́чнымъ, и како́й-то страхъ обнима́лъ его́. Но онъ преодолѣ́лъ себя́ ра́ди да́ннаго обѣща́нія, и ду́малъ, что два мѣсяца пройду́тъ ско́ро.

Но тутъ-то откры́лись у него́ глаза́, онъ уви́дѣлъ всю непривлека́тельность своего́ поведе́нія, со́вѣсть его́ заговори́ла, и страхъ Бо́жій прони́къ въ его́ ду́шу; онъ пришёлъ въ самого́ себя́, уви́дѣлъ про́пасть, къ кото́рой вела́ его́ разва́тная жизнь, и сдѣлался совсѣмъ други́мъ человѣкомъ.

248. Безпло́дное де́рево.

У одного́ поселя́нина былъ братъ, отли́чный садо́вникъ, кото́рый жилъ въ го́родѣ и имѣлъ большо́й фрукто́вый садъ. Молва́ объ его́ иску́сствѣ и превосхо́дныхъ дере́вьяхъ его́ са́да распространи́лась далеко́. Пошёлъ и нашъ поселя́нинъ къ нему́ въ го́родъ, и не могъ налюбова́ться вдо́воль на прекра́сныя, стро́йныя дере́вья. Садо́вникъ сказа́лъ ему́: „любе́зный братъ! дарю́ тебѣ лу́чшее изъ мои́хъ дере́вьевъ; оно́ бу́детъ усла́дой и тебѣ, и твои́мъ дѣтя́мъ, и дѣтя́мъ дѣте́й твои́хъ.“ Затѣмъ онъ позва́лъ свои́хъ рабо́тниковъ и показа́лъ имъ де́рево, кото́рое они́

должны́ бы́ли вы́садить. Поселя́нинъ былъ о́чень дово́ленъ э́тимъ пода́ркомъ и вела́лъ отвезти́ его́ на своё по́ле.

На друго́й день онъ былъ въ большо́мъ затрудне́ніи, куда́ посади́ть ему́ де́рево. Онъ разсужда́лъ такъ: е́сли я посажу́ его́ вонъ тамъ на холмѣ, вѣтеръ бу́детъ срыва́ть дорогіе плоды́ и не дастъ дозрѣть, посади́ть здѣсь, недалеко́ отъ воро́тъ, та́кже не годи́тся, потому́ что прохо́жіе бу́дутъ обрыва́ть мои́ плоды́; посади́ть у са́мыхъ двере́й до́ма — то́же не удо́бно: не убережёшься отъ свои́хъ со́бственныхъ дѣте́й и отъ дома́шней прислу́ги.

Ду́малъ, ду́малъ онъ, наконе́цъ приду́малъ посади́ть деревцо́ позади́ амба́ра, какъ разъ на се́верной сторонѣ. „Такъ бу́детъ хорошо́, никому́ не придётъ въ го́лову, что оно́ здѣсь,“ говори́лъ онъ самъ себѣ, и ра́довался своёй изобрѣта́тельности. Но что же! прохо́дитъ годъ, другой а де́рево всё не прино́ситъ плодо́въ. — Наконе́цъ онъ позва́лъ къ себѣ бра́та, садо́вника, и сталъ пеня́ть ему́, говоря́: „ты обману́лъ меня́: вмѣсто плодови́таго де́рева, далъ мнѣ како́й-то изсо́хшій сукъ. Взгляни́, вотъ ужъ тре́тій годъ, а на нёмъ нѣтъ ничего́, кро́мѣ ли́стьевъ.“

Садо́вникъ засмѣя́лся, увида́въ де́рево. „Меня́ э́то нисколько не удивля́етъ,“ отвѣча́лъ онъ. Ты вы́бралъ для де́рева тако́е мѣсто, гдѣ нѣтъ ему́ ни свѣта, ни тепла́, а то́лько ду́етъ на него́ холо́дный вѣтеръ. Какъ же ты хо́чешь, что́бы оно́ цвѣло́ и приноси́ло плоды́? Приро́да его́ была́ благоро́дна и оста́лась тако́ю же. Но ты сажа́лъ его́ съ злы́ми и подозри́тельными мы́слями: могло́-ли изъ э́того вы́йдти что-нибу́дь хоро́шее?“

249. Неуда́вшаяся ложь.

Поко́йный госуда́рь импера́торъ Алекса́ндръ Па́вловичъ, проѣзжа́я разъ екатеринослáвскую губе́рнію, останови́лся на одно́й ста́нціи пить чай. Пока́ его́ гото́вили, импера́торъ разговори́лся съ станціо́ннымъ смотри́телемъ, и, уви́дѣвъ у него́ на столѣ Но́вый завѣтъ въ дово́льно подержанномъ ви́дѣ, спроси́лъ: „а ча́сто ли ты загля́дываешь въ э́ту кни́гу?“

— „Постоя́нно чита́ю, ва́ше вели́чество!“

— „Хорошо́,“ отвѣча́лъ импера́торъ, „чита́й, чита́й, э́то дѣло до́брое. Бу́демъ иска́ть бла́га ду́ши, найдёмъ и земно́е сча́стіе. А гдѣ ты останови́лся въ послѣднее чте́ніе?“

— „На ева́нгеліи св. Матѳе́я.“

Импера́торъ вы́слалъ за чѣмъ-то смотри́теля, и въ его́ отсу́тствіе прово́рно развернулъ кни́гу, бѣгло отыска́лъ одну́ страни́цу ева́нгелія отъ Матѳе́я, и, положи́въ пять со́тенныхъ ассигна́цій, закры́лъ кни́гу.

Прошло́ о́коло полуго́да. На возвра́тномъ пути́ въ Петербу́ргъ, импера́торъ приказа́лъ останови́ться на знако́мой ста́нціи.

— „Здра́вствуй, ста́рый знако́мый,“ сказа́лъ онъ, входя́ въ ко́мнату. А чита́лъ ли ты безъ меня́ своё Ева́нгеліе?“

— „Какъ-же, ва́ше вели́чество, ежедне́вно чита́лъ.“

— „И далёко дошёлъ?“

— „До св. Луки́.“

— „Посмо́тримъ!“

Госуда́рь раскры́лъ кни́гу и на томъ же мѣстѣ нашёлъ поло́женныя де́ньги нетро́нутыми.

— „Ложь — вели́кій грѣхъ!“ сказа́лъ милосе́рдный мона́рхъ, и, вы́нувъ ассигна́ціи, указа́лъ смотри́телю на прикры́тую ими страни́цу: „чита́й!“

Смотри́тель съ тре́петомъ прочёлъ: „ищи́те пре́жде ца́рствія Бо́жія, а про́чая приложа́тся вамъ.

— „Ты не иска́лъ ца́рствія Бо́жія и не досто́инъ ца́рскаго приложе́нія,“ сказа́лъ Алекса́ндръ Благослове́нный, и съ э́тими слова́ми вы́шелъ изъ до́му, разда́лъ де́ньги бѣднымъ, сѣлъ въ свой экипа́жъ и уѣха́лъ.

250. Ска́зка о рыбакѣ и ры́бкѣ.

Жилъ стари́къ со своей стару́хой
У са́маго си́няго мо́ря;
Они́ жи́ли въ ве́тхой земля́нкѣ
Ро́вно три́дцать лѣтъ и три го́да.
Стари́къ лови́лъ не́водомъ ры́бу,
Стару́ха пря́ла свою́ пря́жу.
Разъ онъ въ мо́ре заки́нулъ не́водъ,
Пришёлъ не́водъ съ одно́ю ти́ной;
Онъ въ другой разъ заки́нулъ не́водъ,
Пришёлъ не́водъ съ трава́ морско́й;
Въ тре́тій разъ заки́нулъ онъ не́водъ,
Пришёлъ не́водъ съ золото́ю ры́бкой,
Съ непросто́ю ры́бкой, золото́ю.
Какъ взмо́лится золота́я ры́бка,
Го́лосомъ мо́лвитъ человѣ́чьимъ:
„Отпусти́ ты, ста́рче, меня́ въ мо́ре,
Дорого́й за себя́ дамъ о́ткупъ:
Откуплю́сь, чѣмъ то́лько пожела́ешь.“
Удиви́лся стари́къ, испуга́лся:
Онъ рыба́чилъ три́дцать лѣтъ и три го́да,
И не слы́хивалъ, чтобъ ры́ба говори́ла.
Отпусти́лъ онъ ры́бку золоту́ю
И сказа́лъ ей ла́сковое сло́во:
„Богъ съ тобо́ю, золота́я ры́бка!
Твоего́ мнѣ вы́купа не на́до;
Ступа́й себѣ въ си́нее мо́ре
Гуля́й себѣ тамъ на просто́рѣ.“
Вороти́лся стари́къ ко стару́хѣ,
Разсказа́лъ ей вели́кое чу́до:
„Я сего́дня пойма́лъ бы́ло ры́бку,
Золоту́ю ры́бку, не просту́ю;
По на́шему говори́ла ры́бка,
Домо́й въ мо́ре си́нее проси́лась,
Дорого́ю цѣно́ю откупа́лась:
Откупа́лась, чѣмъ то́лько пожела́ю.
Не посмѣ́лъ я взять съ нея́ вы́купъ,

Такъ пусти́лъ её въ си́нее мо́ре.“
Старика́ стару́ха забрани́ла:
„Дурачи́на ты, простофи́ля!
Не умѣлъ ты взять вы́купа съ ры́бки!
Хоть бы взялъ ты съ нея́ коры́то:
На́ше-то совсѣмъ раскола́лось.“
Вотъ пошёлъ онъ къ си́нему мо́рю,
Ви́дитъ: мо́ре слегка́ разыгра́лось.
Сталъ онъ кли́кать золоту́ю ры́бку;
Приплыла́ къ нему́ ры́бка и спроси́ла:
„Чего́ тебѣ́ на́добно, ста́рче?“
Ей съ покло́номъ стари́къ отвѣча́етъ:
„Сми́луйся, госуда́рыня ры́бка!
Разбрани́ла меня́ моя́ стару́ха,
Не даётъ старику́, мнѣ, поко́ю:
На́добно ей но́вое коры́то;
На́ше-то совсѣмъ раскола́лось.“
Отвѣча́етъ золота́я ры́бка:
„Не печа́лься, ступа́й себѣ́ съ Бо́гомъ!
Бу́детъ вамъ но́вое коры́то.“
Вороти́лся стари́къ ко стару́хѣ:
У стару́хи но́вое коры́то.
Ещё пу́ще стару́ха брани́тся:
„Дурачи́на ты, простофи́ля!
Вы́просилъ дурачи́на, коры́то!
Въ коры́тѣ мно́го-ли коры́сти?
Воротись, дурачи́на, ты къ ры́бкѣ;
Поклони́сь ей, вы́проси ужъ избу́.“
Вотъ пошёлъ онъ къ си́нему мо́рю
(Помути́лося си́нее мо́ре);
Сталъ онъ кли́кать золоту́ю ры́бку;
Приплыла́ къ нему́ ры́бка, спроси́ла:
„Чего́ тебѣ́ на́добно, ста́рче?“
Ей стари́къ съ покло́номъ отвѣча́етъ:
„Сми́луйся, госуда́рыня ры́бка!
Ещё пу́ще стару́ха брани́тся,
Не даётъ стари́ку, мнѣ, поко́ю:
Избу́ про́ситъ сварли́вая ба́ба.“
Отвѣча́етъ золота́я ры́бка:
„Не печа́лься, ступа́й себѣ́ съ Бо́гомъ,
Такъ и бы́ть: изба́ вамъ ужъ бу́детъ.“
Пошёлъ онъ къ своей́ земля́нкѣ,
А земля́нки нѣтъ ужъ и слѣда́;
Пе́редъ нимъ изба́ со свѣтёлкой,
Съ кирпи́чной, бѣлёною трубо́ю
Съ дубо́выми тесо́выми воротами;
Стару́ха сиди́тъ подъ око́шкомъ.
На чёмъ свѣтъ стои́тъ, му́жа руга́етъ:

„Дурачи́на ты, прямо́й простофи́ля!
Вы́просилъ, простофи́ля, избу́!
Воротя́сь, поклони́ся ры́бкѣ:
Не хочу́ бы́ть чёрной крестья́нкой,
Хочу́ быть столбово́ю дворя́нкой.“
Пошёлъ стари́къ къ си́нему мо́рю
(Не споко́йно си́нее мо́ре).
Сталъ онъ кли́кать золоту́ю ры́бку;
Приплыла́ къ нему́ ры́бка, спроси́ла:
„Чего́ тебѣ́ на́добно, ста́рче?“
Ей стари́къ съ покло́номъ отвѣча́етъ:
Сми́луйся, госуда́рыня ры́бка!
Шу́ще пре́жняго стару́ха вздури́лась,
Не даётъ старику́, мнѣ, поко́ю;
Ужъ не хо́четъ быть она́ крестья́нкой
Хо́четъ быть столбово́ю дворя́нкой.“
Отвѣча́етъ золота́я ры́бка:
„Не печа́лься, ступа́й себѣ́ съ Бо́гомъ!
Вороти́лся стари́къ ко стару́хѣ;
Чтожъ онъ ви́дитъ? Высо́кій те́ремъ,
На крыльцѣ стои́тъ его́ стару́ха
Въ дорого́й собо́льей душегре́йкѣ,
Парчева́я на ма́ковкѣ ки́чка,
Жемчуги́ окружи́ли ше́ю,
На рука́хъ золоты́е пе́рстни,
На нога́хъ кра́сные сапо́жки.
Пе́редъ не́ю усе́рдные слу́ги;
Она́ бьётъ ихъ, за чупру́нъ таска́етъ.
Говори́тъ стари́къ свое́й стару́хѣ:
„Здра́вствуй, ба́рыня-госуда́рыня, дворя́нка!
Чай тепе́рь твоя́ ду́шенька дово́льна.
На него́ прикри́кнула стару́ха,
На коню́шню служи́ть его́ посла́ла.
Вотъ недѣ́ля — друга́я прохо́дитъ;
Ещё пу́ще стару́ха вздури́лась;
Опя́ть къ ры́бкѣ старика́ посыла́етъ.
„Воротя́сь, поклони́ся ры́бкѣ:
Не хочу́ быть столбово́ю дворя́нкой,
Я хочу́ быть во́льною цари́цей.“
Испуга́лся стари́къ, взмоли́лся:
Что ты, ба́ба, бѣлены́ объѣ́лась?
Ни стуши́ть, ни моло́вить не умѣешь —
Насмѣши́шь ты цѣ́лое ца́рство.“
Осерди́лась пу́ще стару́ха,
По щекѣ́ уда́рила му́жа.
„Какъ смѣешь, мужи́къ, спо́рить со мно́ю,
Со мно́ю, дворя́нкой столбово́ю?
Ступа́й къ мо́рю, говоря́тъ тебѣ́ че́стью,

Не пойдёшь, поведу́тъ по нево́лѣ.“
Старичёкъ отпра́вился къ мо́рю
(Почернѣло си́нее мо́ре).
Сталъ онъ кли́кать золоту́ю ры́бку;
Приплыла́ къ нему́ ры́бка, спроси́ла:
„Чего́ тебѣ́ на́добно, ста́рче?“
Ей съ покло́номъ стари́къ отвѣча́етъ:
„Сми́луйся, госуда́рыня ры́бка!
Опя́ть моя́ стару́ха бунту́етъ:
Ужъ не хо́четъ быть она́ дворя́нкой,
Хо́четъ быть во́льною цари́цей.
Отвѣча́етъ золота́я ры́бка:
„Не печа́лься, ступа́й себѣ́ съ Бо́гомъ!
Добро́, бу́детъ стару́ха цари́цей!“
Старичёкъ къ стару́хѣ вороти́лся.
Что-жъ? Пере́дъ нимъ ца́рскія пала́ты,
Въ пала́тахъ ви́дитъ свою́ стару́ху.
За столо́мъ сиди́тъ она́ цари́цей.
Слу́жатъ ей боя́ре да дворя́не,
Налива́ютъ ей замо́рскія ви́на,
Заѣда́етъ она́ пря́никомъ печа́тнымъ;
Вкругъ стои́тъ ея́ гро́зная стра́жа,
На плеча́хъ топо́рики де́ржатъ.
Какъ уви́дѣлъ стари́къ, испуга́лся;
Въ но́ги онъ стару́хѣ поклони́лся,
Мо́лвилъ: „здра́вствуй, гро́зная цари́ца!
Ну, тепе́рь твоя́ ду́шенька дово́льна?“
На него́ стару́ха не взглянула,
Лишь съ очей прогна́ть его́ веле́ла.
Подбѣжа́ли боя́ре и дворя́не
Старика́ въ за́шеи затолка́ли,
А въ дверя́хъ-то стра́жа подбѣжа́ла,
Топора́ми чуть не изруби́ла;
А наро́дъ-то надъ нимъ насмѣя́лся:
„По дѣло́мъ тебѣ́, ста́рый невѣ́жа!
Впередъ тебѣ́, невѣ́жа, нау́ка:
Не сади́ся не въ свои́ са́ни!“
Вотъ недѣ́ля — друга́я про́ходитъ,
Ещё пу́ще стару́ха вздури́лась:
Царедво́рцевъ за му́жемъ посыла́етъ.
Отыска́ли старика́, привели́ къ ней,
Говори́тъ старику́ стару́ха:
„Вороти́сь, поклони́ся ры́бкѣ:
Не хочу́ быть во́льною цари́цей,
Хочу́ быть влады́чицей морско́й,
Что́бы жить мнѣ въ оки́янѣ — мо́рѣ;
Чтобъ служи́ла мнѣ ры́бка золота́я
И была́бъ у меня́ на посы́лкахъ.“

Стари́къ не осмѣлился пере́чить,
Не дерзну́лъ поперёкъ сло́ва мо́лвить
Вотъ идётъ онъ къ си́нему мо́рю:
Ви́дитъ на́ море чёрная бу́ря!
Такъ вздо́лись сердѝтыя во́лны,
Такъ и хо́дятъ, такъ во́емъ и во́ютъ.
Сталъ онъ кли́кать золоту́ю ры́бку,
Приплыла́ къ нему́ ры́бка, спроси́ла:
„Чего́ тебѣ́ на́добно ста́рче?“
Ей стари́къ съ покло́номъ отвѣ́чаетъ
„Сми́луйся, госуда́рыня ры́бка
Что мнѣ дѣ́лать съ прокля́тою ба́бой?
Ужъ не хо́четъ быть она́ цари́цей,
Хо́четъ быть влады́чицей морско́ю.
Чтобъ жить ей въ оки́янѣ-мо́рѣ,
Что́бы ты сама́ ей служи́ла,
И была́ бы у ней на посы́лкахъ.“
Ничего́ не сказа́ла ры́бка,
Лишь хвосто́мъ по водѣ́ плесну́ла
И ушла́ въ глубо́кое мо́ре.
До́лго у мо́ря ждалъ онъ отвѣ́та,
Не дожда́лся, къ стару́хѣ вороти́лся...
Глядь: опя́ть пе́редъ нимъ земля́нка,
На поро́гѣ сиди́тъ его́ стару́ха,
А пе́редъ не́ю разби́тое коры́то.

251. а. Ска́зка о мёртвой царе́внѣ и семи́ богатыря́хъ.

Царь съ цари́цею прости́лся,
Въ путь — доро́гу снаряди́лся,
И цари́ца у окна́
Сѣ́ла ждать его́ одна́.
Ждётъ — пождётъ, съ утра́ до но́чи
Смо́ритъ въ по́ле, и́нда о́чи
Разболѣ́лись глядючи́
Съ бѣ́лой зари́ до ночи́.
Не вида́ть мила́го дру́га!
То́лько ви́дитъ: вьётся вью́га,
Снѣгъ вали́тся на поля́,
Вся бѣ́лёшенька земля́.
Де́вять мѣ́сяцевъ прохо́дитъ,
Съ по́ля глазъ она́ не сво́дитъ
Вотъ въ сочѣ́льникъ са́мый, въ ночь,
Богъ даётъ цари́цѣ дочь.

На слѣ́дующее у́тро прiѣзжа́етъ отѣ́цъ. Цари́ца умира́етъ отъ ра́дости. Че́резъ годъ царь же́нится на друго́й.

252. б. Зе́ркальце.

Пра́вду мо́лвить, молоди́ца.
Ужъ и впря́мъ была́ цари́ца:
Высока́, стройна́, бѣ́ла́
И умо́мъ и всѣмъ взяла́;
Но за то горда́, ломли́ва,
Своенра́вна и ревни́ва.
Ей въ прида́ное дано́
Бы́ло зе́ркальце одно́;
Свойство зе́ркальце имѣ́ло
Говори́ть оно́ умѣ́ло.
Съ нимъ одни́мъ она́ была́
Добродýшна, весела́;
Съ нимъ привѣ́тливо шути́ла
И краса́ясь говори́ла:

„Свѣтъ мой, зе́ркальце, скажи́,
Да всю пра́вду доложи́:
Я-ль на све́тѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣе?“
И ей зе́ркальце въ отве́тъ:
„Ты, коне́чно, спо́ру нѣтъ;
Ты, цари́ца, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣе.“
И цари́ца хохота́ть,
И плеча́ми пожима́ть,
И подми́гивать глаза́ми,
И прищёлкивать перста́ми
И верте́ться подбоча́сь,
Го́рдо въ зе́ркальце гляда́сь.
Но царе́вна молода́я
Тихомо́лкомъ расцвѣта́я,
Ме́жду тѣмъ росла́, росла́,
Подняла́сь — и расцвѣла́.
Бѣлоли́ца, чернобро́ва,
Нра́ва кро́ткаго тако́го,
И жени́хъ сыска́лся ей,
Королеви́чъ Елисе́й.
Сватъ прі́ѣхалъ; царь далъ сло́во,
И прида́ное гото́во:
Семь торго́выхъ городо́въ,
Да сто со́рокъ теремо́въ.
На дѣви́чникъ собира́ясь,
Вотъ цари́ца, наряжа́ясь
Пе́редъ зе́ркальцемъ своимъ,
Перемо́лвилася съ нимъ: х
„Я-ль, скажи́ мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣе?“

Что-же зе́ркальце въ отве́тъ:
„Ты прекра́сна, спо́ру нѣтъ;
Но царе́вна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣе.“
Какъ цари́ца отпрыгнётъ,
Да какъ ру́чку замахнётъ,
Да по зе́ркальцу какъ хло́пнетъ,
Каблучко́мъ-то какъ прито́пнетъ...
„Ахъ ты ме́рзкое стекло́!
Это врёшь ты мнѣ на зло.
Какъ тяга́ться ей со мно́ю?
Я въ ней дурь-то успоко́ю.
Вишь, кака́я подросла́!
Но скажи́: какъ мо́жно ей
Быть во всёмъ меня́ милѣй?
Признава́йся: всѣхъ я кра́ше.
Обойди́ всё ца́рство на́ше,
Хоть весь міръ — мнѣ ра́вной нѣтъ.
Такъ ли?“ Зе́ркальце въ отве́тъ:
„А царе́вна всё-жъ милѣе
Всё румя́нѣй и бѣлѣе.“
Дѣлать не́чего. Она́
Чёрной за́висти полна́,
Бро́сивъ зе́ркальце подъ ла́вку,
Позвала́ къ себѣ Черна́вку,
И прика́зываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ свое́й,
Ве́зть царе́вну въ глушь лѣсну́ю
И, связа́въ её, живу́ю
Подъ сосно́й оста́вить тамъ
На съѣде́ніе волка́мъ.

Черна́вка ведётъ царе́вну въ лѣсъ, но, сжа́лившись надъ не́ю, отпуска́етъ её не свя́занной. Расхо́дится молва́, что ца́рская до́чка пропа́ла, и ея́ жени́хъ отпра́вился её отыскивать.

253. в. Царе́вна прихо́дитъ къ семи́ богатыря́мъ.

Но невѣста молода́я,
До зари́ въ лѣсу́ блужда́я,
Ме́жду тѣмъ всё шла да шла,
И на те́ремъ набрела́.
Ей на встрѣчу пёсъ, зала́я,
Прибѣжа́лъ и смолкъ, игра́я.
Въ ворота́ вошла́ она́.
На подво́рьѣ тишина́
Пёсъ бѣжи́тъ за ней, ласка́ясь,
А царе́вна, подбира́ясь,
Поднялася на крыльцо́.
И взяла́ся за кольцо́;
Дверь тихо́нько отвори́лась,
И царе́вна очути́лась
Въ свѣтлой го́рницѣ; круго́мъ
Ла́вки, кры́тыя ковро́мъ,
Подъ святы́ми столъ дубо́вый,
Печь съ лежа́нкой изразцо́вой.
Ви́дитъ дѣвица, что тутъ
Лю́ди до́брые живу́тъ;

Знать не бу́детъ ей оби́дно.
Никого́ межъ тѣмъ не ви́дно.
Домъ царе́вна обошла́,
Всё поря́дкомъ убрала́,
Засвѣти́ла Бо́гу свѣчку,
Затопи́ла жа́рко пе́чку,
На пала́ти взобрала́сь
И тихо́нько улегла́сь.
Часъ обѣда приближа́лся,
То́потъ по́ двору разда́лся.
Вхо́дятъ семь богатыре́й,
Семь румя́ныхъ усаче́й,
Ста́ршій мо́лвилъ: „что за ди́во!
Всё такъ чи́сто и краси́во
Кто-то те́ремъ прибира́лъ
Да хозя́евъ поджида́лъ.
Кто же? выдь и покажи́ся,
Съ на́ми че́стно подружи́ся:
Коль ты ста́рый человѣкъ,
Да́дей бу́дешь намъ на вѣкъ;
Ко́ли па́рень ты румя́ный,
Бра́тецъ бу́дешь намъ назва́нный;
Коль стару́шка, будь намъ мать,
Такъ и ста́немъ велича́ть;
Коли кра́сная дѣви́ца,
Будь намъ ми́лая сестри́ца.“
И царе́вна къ нимъ сошла́,
Честь хозя́ямъ отдала́,
Въ по́ясъ ни́зко поклони́лась,
Закраснѣвшись, извини́лась,
Что-де въ го́сти къ нимъ зашла́,
Хоть звана́ и не была́.
Вмигъ по рѣчи тѣ спозна́ли,
Что царе́вну принима́ли;
Усади́ли въ уголо́къ,
Подноси́ли пирожо́къ,
Рю́мку по́лну налива́ли,
На подно́сѣ подава́ли.
Отъ зелёнаго вина́
Отрека́лася она́;
Пирожо́къ лишь разломи́ла
Да кусо́чекъ прикуси́ла,
И съ доро́ги отдыха́ть
Отпроси́лась на крова́ть.
Отвели́ они́ дѣви́цу
Вверхъ во свѣтлую свѣтли́цу,
И оста́вили одну́,
Отходя́щую ко сну.

254. г. Царе́вна живётъ у семи́ богатыре́й.

День за днёмъ идётъ, мелька́я,
А царе́вна молода́я
Всё въ лѣсу́, не ску́чно ей
У семи́ богатыре́й.
Пе́редъ у́тренней зарёю
Бра́тья дру́жною толпо́ю
Выѣзжа́ютъ погуля́ть
Сѣрыхъ у́токъ пострѣля́ть,
Ру́ку пра́вую потѣшить,
Сорочи́ну въ по́лѣ спѣшить,
Иль башку́ съ широ́кихъ плечъ
У тата́рина отсѣчь,
Или вы́травить изъ лѣса
Пятигорскаго че́ркеса.
А хозя́юшкой она́
Въ терему́ межъ тѣмъ одна́,
Приберётъ и пригото́витъ
Имъ она́ не прекосло́витъ,
Не пере́чатъ ей они.
Такъ иду́тъ за дня́ми дни,
Бра́тья ми́лую дѣви́цу
Полюби́ли. Къ ней въ свѣтли́цу,
Разъ, лишь то́лько разсвѣло́,
Всѣхъ ихъ се́меро вошло́.
Ста́ршій мо́лвилъ ей: „Дѣви́ца,
Зна́ешь, всѣмъ ты намъ сестри́ца;
Всѣхъ насъ се́меро; тебя́
Всѣ мы лю́бимъ; за себя́
Вва́ть тебя́ мы всѣ бы ра́ды,
Да нельзя́; такъ Бо́га ра́ди
Помири́ насъ какъ-нибу́дь:
Одному́ жено́ю будь,
Про́чимъ ла́сковой сестро́ю.
Что-жъ кача́ешь голово́ю?
Аль отка́зываешь намъ?
Аль това́ръ не по купца́мъ?“
— „Ой вы, мо́лодцы честны́е,
Бра́тцы вы мои́ родны́е,“
Имъ царе́вна говори́тъ:
„Коли́ лгу, пусть Богъ вели́тъ
Не сойти́ живо́й мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? Вѣдь я невѣста.
Для меня́ вы всѣ равны́,
Всѣ уда́лы, всѣ умны́,
Всѣхъ я васъ люблю́ серде́чно;
Но друго́му я на-вѣчно

Отдана́. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисе́й.“
Бра́тья мо́лча постоя́ли,
Да въ затылкѣ почеса́ли,
„Спросъ не грѣхъ. Прости́ ты насъ,“
Ста́ршій мо́лвилъ поклоня́сь:
„Коли́ такъ, не заикну́ся
Ужъ о томъ.“ — „Я не серчу́ся,“
Ти́хо мо́лвила она́:
„И отка́зъ мой не вина́.“
Женихи́ ей поклони́лились,
По тихо́ньку удали́лись,
И согла́сно всѣ опя́ть
Ста́ли жить да поживать.

255. д. Царе́вна умира́етъ.

Ме́жду тѣмъ царица зла́я,
Про царе́вну вспомина́я,
Не могла́ прости́ть её;
А на зе́ркальце своё
До́лго ду́лась и серди́лась;
Наконе́цъ объ нёмъ хвати́лась
И пошла́ за нимъ, и сѣвъ
Пе́редъ нимъ, забы́ла гнѣвъ,
Красова́ться сно́ва ста́ла
И съ улы́бкою сказа́ла:
„Здра́вствуй, зе́ркальце! Скажи́,
Да всю пра́вду доложи́:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣе?“
И ей зе́ркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекра́сна, спо́ру нѣтъ;
Но живётъ безъ вся́кой сла́вы,
Средь зелёныя дубра́вы
У семи́ богатыре́й,
Та, что всё-жъ тебя́ милѣй.“
И царица налетѣла
На Чернавку: „какъ ты смѣла
Обману́ть меня́? и въ чёмъ!...“
Та призна́лася во всёмъ:
Такъ и такъ. Царица зла́я,
Ей рога́ткой угрожа́я,
Положи́ла иль не жить,
Иль царе́вну погуби́ть.
Разъ царе́вна молода́я,
Ми́лыхъ бра́тьевъ поджида́я,
Пря́ла си́дя подъ окно́мъ.
Вдругъ серди́то подъ крыльцо́мъ
Пёсъ зала́ялъ, и дѣви́ца
Ви́дитъ: ни́щая черни́ца
Хо́дитъ по́ двору, клюко́й
Отгоня́я пса. „Посто́й,
Ба́бушка, посто́й немно́жко,“
Ей кричи́тъ она́ въ око́шко,
„Пригрожу́ сама́ я псу
И кой-что тебѣ снесу́.“
Отвѣча́етъ ей черни́ца:
„Охъ ты, ди́тятко дѣви́ца!
Пёсъ прокля́тый одолѣлъ,
Чуть до сме́рти не заѣлъ,
Посмотри́ какъ онъ хлопо́четъ!
Выдь ко мнѣ.“ — Царе́вна хо́четъ
Вы́йти къ ней и хлѣбъ взяла́,
Но съ крыле́чка лишь сошла́,
Пёсъ ей по́дъ ноги и ла́етъ,
И къ стару́хѣ не пуска́етъ;
Лишь пойдётъ стару́ха къ ней,
Онъ, лѣсна́го звѣря злѣй,
На стару́ху. Что за чу́до!
„Ви́дно, вы́спался онъ ху́до,“
Ей царе́вна говори́тъ:
„На-жъ, лови́!“ и хлѣбъ лети́тъ.
Старушо́нка хлѣбъ поймала;
„Благода́рствую,“ сказа́ла,
Богъ тебя́ благослови́;
Вотъ за то тебѣ, лови́!“
И къ царе́внѣ наливно́е,
Молодо́е, золото́е,
Пря́мо ябло́чко лети́тъ...
Пёсъ какъ пры́гнетъ, завизжи́тъ...
Но царе́вна въ о́бѣ ру́ки
Хвать — поймала. „Ра́ди ску́ки
Ку́шай я́блочко, мой свѣтъ.
Благода́рствуй за обѣдъ,“
Старушо́ночка сказа́ла,
Поклони́лась и пропа́ла.
И съ царе́вной на крыльцо́.
Пёсъ бѣжи́тъ, и ей въ лицо́
Жа́лко смо́тритъ, гро́зно во́етъ,
Сло́вно се́рдце пёсье но́етъ,
Сло́вно хо́четъ ей сказа́ть
Брось! Она́ его́ ласка́етъ,
Тре́плетъ нѣжною руко́ю;
„Что, Соко́лка, что съ тобо́ю?

Лягъ!“ и въ ко́мнату вошла́
Дверь тихо́нько заперла́,
Подъ окно́ за пря́жу се́ла
Ждать хозя́евъ, а гляде́ла
Всё на я́блочко. Оно́
Со́ку спе́лаго полно́,
Такъ свѣжо́ и такъ души́сто,
Такъ румя́но золоти́сто,
Бу́дто мёдомъ налило́сь!
Ви́дны се́мечки насквозь.
Подожда́ть она́ хоте́ла,
До обе́да, не стерпе́ла,
Въ ру́ки я́блочко взяла́,
Къ а́лымъ гу́бкамъ поднесла́.
Потихо́ньку прокуси́ла
И кусо́чекъ проглоти́ла . . .
Вдругъ она́, моя́ душа́,
Пошатну́лась не дыша́,
Бе́лы ру́ки опусти́ла,
Плодъ румя́ный урони́ла,
Закати́лися глаза́,
И она́ подъ образа́
Голово́й на ла́вку па́ла,
И тиха́ недви́жна ста́ла.

Бра́тья въ ту пору́ домо́й
Возврати́лися толпо́й
Съ молоде́цкаго разбо́я.
Имъ на встре́чу, гро́мко во́я,
Пёсъ бѣжи́тъ, и по двору́
Путь имъ ка́жетъ. „Не къ добру́!“
Бра́тья мо́лвили: „печа́ли
Не мину́емъ.“ Прискака́ли,
Вхо́дятъ, а́хнули. Вбѣжа́въ,
Пёсъ на я́блочко стремгла́въ
Съ ла́емъ ки́нулся, озли́лся,
Проглоти́лъ его́, свали́лся
И изло́хъ. Напоено́
Бы́ло я́домъ, знать, оно́.
Пе́редъ мёртвою царе́вной
Бра́тья въ го́рести душе́вной
Всѣ пони́кли голово́й,
И съ моли́твою свято́й,
Съ ла́вки по́дняли, оде́ли,
Хорони́ть её хоте́ли —
И разду́мали. Она́,
Какъ подъ кры́лышкомъ у сна,
Такъ тиха́, свѣжа́ лежа́ла,
Что лишь то́лько не дыша́ла.
Жда́ли три дня, но она́
Не возста́ла ото сна́.
Сотвори́въ обря́дъ печа́льный,
Вотъ они́ во гробъ хруста́льный
Трупъ царе́вны молодо́й
Положи́ли, и толпо́й
Понесли́ въ пусту́ю го́ру,
И въ полу́ночную по́ру
Гробъ ея́ къ шести́ столба́мъ
На цѣпя́хъ чугу́нныхъ тамъ
Осторо́жно привинти́ли
И рѣше́ткой огради́ли . . .

Въ тотъ же день царица зла́я,
До́брой вѣсти ожида́я,
Вта́йнѣ зе́ркальце взяла́
И вопро́съ свой задала́:
„Я-ль, скажи́ мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣе?“
И услы́шала въ отвѣтъ:
„Ты царица, спо́ру нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣе.

256. е. Царе́вна оживаетъ.

За́ невѣстою свое́й
Корол́евичъ Елисе́й
Ме́жду тѣмъ по свѣту ска́четъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ го́рько пла́четъ.
И кого́ ни спро́ситъ онъ,
Всѣмъ вопро́съ его́ мудрёнъ.

Онъ обраща́лся съ вопро́сомъ и къ со́лнцу и къ мѣсяцу, но ни со́лнце, ни мѣсяцъ не вида́ли ея́. То́лько бу́йный вѣтеръ наконе́цъ сказа́лъ корол́евичу, гдѣ его́ невѣста:

„Тамъ за рѣчкой тихострýйной,
Есть высóкая горá;
Въ ней глубóкая норá;
Въ той норѣ, во тьмѣ печáльной,
Гробъ качáется хрустáльный
На цѣпяхъ междý столбóвъ.
Не видáть ни чьихъ слѣдóвъ
Вкругъ того пустáго мѣста:
Въ томъ гробý твоя́ невѣста.“
Вѣтеръ дáлѣ побѣжáлъ.
Королéвичъ зарыдáлъ,
И пошёлъ къ пустóму мѣсту —
На прекрáсную невѣсту
Посмотрѣть ещё хоть разъ.
Вотъ идётъ; и поднялáсь
Пéредъ нимъ горá крутáя:
Вкругъ нея́ странá пустáя;
Подъ горóю тёмный входъ.
Онъ тудá скорѣй идётъ.
Пéредъ нимъ во тьмѣ печáльной,
Гробъ качáется хрустáльный,
И въ хрустáльномъ грóбѣ томъ
Спитъ царéвна мёртвымъ сномъ.
И о грóбъ невѣсты мúлой
Онъ удáрился всей сúлой.
Гробъ разбúлся. Дѣва вдругъ
Ожилá. Глядúтъ вокрýгъ —
Изумлёнными глазáми,
Привздохнýвъ, произнеслá:
„Какъ же дóлго я спалá!“
И встаётъ онá изъ грóба...
Ахъ!... и зарыдáли óба.
Въ рýки онъ её берётъ
И на свѣтъ изъ тьмы несётъ,
И бесéдуя прiя́тно,
Въ путь пускáется обрáтно.
И трубúтъ ужé молвá:
Дóчка цáрская жива́!
Дóма въ ту порý безъ дѣла
Злáя мáчиха сидѣла
Пéредъ зéркальцемъ своúмъ
И бесéдовала съ нимъ,
Говорá: „Я-ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣе?“
И услы́шала въ отвѣтъ:
„Ты прекрáсна, спóра нѣтъ,
Но царéвна всё-жъ милѣе,
Всё румя́нѣй и бѣлѣе.“
Злáя мáчиха, вскочúвъ,
Объ полъ зéркальце разбúвъ,
Въ двéри прáмо побѣжáла —
И царéвну повстрѣчáла.
Тутъ её тоскá взялá
И царúца умерлá.
Лишь её похорони́ли,
Свáдьбу тóтчасъ учини́ли,
И съ невѣстою своéй
Обвѣнчáлся Елисéй;
И никтó съ начáла мíра
Не видáлъ такóго пúра;
Я тамъ былъ; мёдъ, пúво пилъ,
Да усы́ лишь обмочúлъ.

257. Борьбá человѣка съ дя́тломъ.

Дя́тлы, вѣчно зáнятые въ лѣсý постýкиваньемъ въ древéсные стволы́, принадлежáть къ числý весьмá полéзныхъ птицъ. Ихъ вѣчное стучáнье объясня́ется двумя́ причúнами. Съ одно́й стороны́, они́ отдираю́тъ на дерéвьяхъ корý и древеси́ну, что́бы пронзúть своúмъ óстрымъ языкóмъ, похóжимъ на стально́е перó, тѣхъ насѣкóмыхъ и личúнки, которы́я сверля́тъ са́мый стволъ дéрева; съ друго́й стороны́ они́ стучáть тóлько для того́, что́бы вы́манить насѣкóмыхъ, находя́щихся на друго́й сторонѣ дéрева.

Какъ, однáко, ни полéзны дя́тлы, но въ нѣкоторыхъ слýчаяхъ присýтствiе ихъ соединено́ бываетъ съ больши́ми непрiя́тностями. Одúнъ изъ моúхъ дя́дей вы́строилъ въ своёмъ лѣсý, на поля́нѣ, дóмикъ, служúвшiй цѣлью его́ прогýлокъ во врéмя лѣта. Слáвное бы́ло мѣстéчко! И какъ ýютно былъ постро́енъ э́тотъ дóмикъ, въ тѣни́ чýдныхъ сóсенъ и лúственницъ, óколо журчáщаго ручейкá, въ котóромъ мы ловúли

ра́ковъ, пока́ дя́дя быва́ло ку́ритъ свою́ обы́чную — по́слѣ-обѣ́денную тру́бку. Но вся пре́лесть э́тихъ послѣ-обѣ́денныхъ о́тдыховъ соверше́нно изче́зла для дя́ди, когда́ вздума́лось како́му-то дя́тлу поселя́ться внутри́ до́мика. Онъ пова́дился лета́ть въ него́ че́резъ трубу́ и сталъ производи́ть стра́шныя опустоше́нія, всю́ду пробива́я насквозь до́ски, подъ кото́рыми отъ сы́рости успѣ́ли завести́сь че́рви. Дя́дя велѣ́лъ устро́ить въ трубѣ́ вью́шку. День спустя́, дя́телъ пробура́вилъ въ деревя́нной вью́шкѣ дыру́, величино́ю съ кула́къ, и сно́ва появи́лся въ до́микѣ. Вью́шку оби́ли же́стью. Дя́телъ пробура́вилъ дыру́ въ ста́внѣ и око́нномъ переплётѣ. Пришло́сь рѣши́ться на но́вые расхо́ды и оби́ть же́стью ста́вню. Когда́, по прошествіи нѣ́сколькихъ дней, дя́дя верну́лся въ свой до́микъ, ему́ пре́жде всего́ бро́силась въ глаза́ больша́я дыра́ въ то́лстой две́ри, кото́рую онъ счита́лъ весьма́ надёжной: э́то взбѣси́ло дя́дю. Прила́дили за две́рью сѣ́ть и въ ней поймали дя́тла. Но дя́дя пожалѣ́лъ своего́ врага́ и отда́лъ его́ како́му-то мальчи́шкѣ, иска́вшему въ лѣ́су земляни́ку, и да́же су́нулъ ему́ въ ру́ки ско́лько-то мѣ́лочи съ тѣмъ уговоромъ, что́бы тотъ гдѣ́ нибу́дь за угло́мъ свернулъ го́лову дя́тлу. На слѣ́дующій день дя́телъ сно́ва появи́лся въ до́микѣ: мальчи́шка взялъ себѣ́ мѣ́лочь и вы́пустилъ пти́цу на во́лю. Дя́дя прекрати́лъ борьбу́ съ дя́тломъ и забро́силъ до́микъ, кото́рый и сталъ ма́ло-по ма́лу приходи́ть въ разруше́ніе. Дя́телъ же продолжа́лъ хозя́йничать въ нёмъ до тѣхъ поръ, пока́ не превати́лъ послѣ́днихъ оста́тковъ его́ въ щепки, кото́рыми мы впослѣ́дствіи разводи́ли ого́нь, когда́ быва́ло приходи́ли въ лѣ́съ печь себѣ́ карто́фель.

258. Ежъ и ехи́дна.

Ежъ осо́бенно замѣча́теленъ тѣмъ, что на него́ не дѣ́йствуютъ ни укуше́нія ядови́тыхъ змѣ́й, ни разъѣда́ющія сво́йства шпа́нской му́хи. Оди́нъ ру́сскій натурали́стъ ви́дѣлъ ежа́, пита́вшагося нѣкоторое вре́мя одни́ми шпа́нскими му́хами, употребля́емыми для приготовле́нія нарывнаго пла́стыря, и кото́рыхъ, и́менно вслѣ́дствіе э́того ѣ́дкаго сво́йства ихъ, не ѣ́стъ ни одно́ живо́тное. Друго́й, нѣме́цкій натурали́стъ, дѣ́лалъ о́пыты надъ ежа́ми и ехи́днами. Онъ держа́лъ въ большо́мъ я́щикѣ са́мку-ежа́, корми́вшую свои́хъ ма́ленькихъ дѣте́й. Къ ней онъ посади́лъ большу́ю, си́льную ехи́дну, кото́рая и свернулась въ въ противополо́жномъ углу́. Ежъ ме́дленно подошёлъ къ ней, обню́халъ её и, когда́ та приподняла́ го́лову и зашипѣ́ла, онъ снача́ла отступи́лъ. Когда́ онъ сно́ва прибли́зился къ змѣ́ѣ, та укуси́ла его́ въ са́мое кры́ло до кро́ви. Ежъ отступи́лъ, облиза́лъ ра́ну, сно́ва дви́нулся впередъ, былъ при э́томъ втори́чно уку́шенъ змѣ́ею въ язы́къ, но ужъ не отступи́лъ, а бро́сился на змѣ́ю. Проти́вники разсвирѣпѣ́ли: ёжъ ворча́лъ, встря́хивался, змѣ́я наноси́ла ему́ ра́ну за ра́ной, но при э́томъ и сама́ уколо́лась нѣ́сколько разъ его́ и́глами. Вдругъ ёжъ схвати́лъ змѣ́ю за го́лову, раздави́лъ её, и пото́мъ соверше́нно споко́йно съѣ́лъ всю пере́днюю часть тѣ́ла; затѣ́мъ онъ такъ же споко́йно верну́лся къ свои́мъ ма́ленькимъ, накорми́лъ ихъ, а на слѣ́дующее у́тро

съѣлъ остáтокъ змѣй. Пóслѣ э́того и ёжъ и дѣти его́ остáлись совершéнно здоро́вы; а мéжду тѣмъ и соба́ка, и, мóжетъ быть, да́же человѣкъ, у́мерли бы отъ тѣхъ ранъ, какія бы́ли ему́ нанесены́ ехи́дною.

259. Вѣрная соба́ка.

Да́же живо́тныя чу́вствуютъ благода́рность къ тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро́; неуже́ли же человѣкъ мóжетъ быть неблагода́рнымъ? Живо́тныя привя́заны и пре́даны свои́мъ господа́мъ, въ осо́бенности отлича́ются э́тимъ соба́ки.

Оди́нъ купе́цъ отпра́вился въ доро́гу верхо́мъ и слѣ́домъ за нимъ бѣжа́лъ его́ вѣрный пу́дель. Купе́цъ ѣхалъ за тѣмъ, что́бы получи́ть большу́ю су́мму де́негъ. Получи́въ де́ньги и привяза́въ ихъ въ мѣшкѣ къ сѣдлу́, поѣхалъ онъ домо́й. Доро́гою мѣшо́къ отвяза́лся и упа́лъ, а купе́цъ и не замѣтилъ. Зо́ркій пу́дель ви́дѣлъ, какъ упа́лъ мѣшо́къ; попро́бовалъ бы́ло поднять его́ зуба́ми, но почу́вствовалъ, что онъ былъ ему́ не подъ-си́лу. Тогда́ пу́дель, оста́вивъ мѣшо́къ, догна́лъ своего́ господи́на, забѣжа́лъ впередъ, сталъ кида́ться на ло́шадь и ла́ять съ ожесточе́ніемъ и упо́рствомъ. Не зна́я въ чёмъ дѣ́ло, купе́цъ крича́лъ на пу́деля, брани́лъ его́, уда́рилъ кнутóмъ — ничего́ не помога́ло! Вѣрное живо́тное продолжа́ло кида́ться на ло́шадь съ тако́ю я́ростію, какъ-бу́дто хотѣ́ло стащи́ть долóй своего́ хозя́ина. Ви́дя, что ниче́го не помога́етъ и что купе́цъ всё ѣ́детъ да́льше и да́льше, пу́дель сталъ куса́ть за но́ги ло́шадь, что́бы заста́вить хозя́ина воротúться. Купе́цъ испуга́лся: ему́ пришло́ на мысль, что пу́дель его́ взбѣси́лся и, зна́я, какъ опа́сны бѣшеныя соба́ки, купе́цъ рѣши́лся застрѣли́ть своего́ вѣрнаго слугу́. До́лго ещё, одна́кожъ, стара́лся онъ отдѣ́латься отъ пу́деля то ла́сками, то угро́зами, то уда́рами кнута́; но ви́дя, что ничто́ не помога́етъ, вы́нулъ пистоле́тъ и съ стѣснённымъ се́рдцемъ вы́стрѣлилъ въ вѣрную соба́ку. Бѣ́дное живо́тное упа́ло; но че́резъ мину́ту опя́ть поднялóсь и съ жа́лобнымъ ви́згомъ, облива́ясь кро́вью, стара́лось слѣ́довать за хозя́иномъ. Купе́цъ о́чень люби́лъ своего́ вѣрнаго пу́деля, ему́ бы́ло тяжело́ смотрѣ́ть, какъ онъ страда́етъ, и потому́ онъ, пришпо́ривъ ло́шадь, ускака́лъ впередъ. Отъѣхавъ, купе́цъ захотѣ́лъ взгляну́ть, что ста́лось съ бѣ́днымъ живо́тнымъ, и тутъ то́лько, обора́чиваясь наза́дъ, замѣтилъ онъ, что мѣшка́ съ деньга́ми не́было у сѣдла́. По́нялъ тутъ купе́цъ, зачѣ́мъ такъ упо́рно ла́яла и кида́лась на него́ вѣрная соба́ка, и ему́ бы́ло бóльше жаль соба́ки, не́жели де́негъ. Онъ то́тчасъ же поскака́лъ наза́дъ; но не нашёлъ уже́ пу́деля на томъ мѣ́стѣ, гдѣ его́ оста́вилъ. Слѣ́ды кро́ви по доро́гѣ пока́зывали, что соба́ка воротúлась наза́дъ. Какъ бóльно бы́ло купцу́, когда́, отпра́вившись по крова́вымъ слѣда́мъ, онъ нашёлъ вѣ́рное живо́тное издыха́ющимъ у мѣшка́ съ деньга́ми. Поня́тливо смотрѣ́ла соба́ка на своего́ хозя́ина и ла́сково лиза́ла ему́ ру́ку. Че́резъ нѣ́сколько мину́тъ пу́дель издóхъ; а купе́цъ, не ра́дуясь на́йденнымъ деньга́мъ, воротúлся домóй.

260. Адмира́лъ Рюйтеръ.

Знамени́тный голла́ндскій адмира́лъ Ру́йтеръ былъ одна́жды приглашёнъ къ за́втраку англі́йскимъ адмира́ломъ, съ кото́рымъ ча́сто встрѣча́лся въ са́мыхъ крова́выхъ би́твахъ. Что́бы прили́чно почти́ть вели́каго проти́вника своего́, адмира́лъ о́тдалъ прика́зъ привѣтствовать Ру́йтера 80-ти пу́шечнымъ за́лпомъ съ корабля́. Геро́й, привы́кшій къ гро́му пу́шекъ, при э́томъ неожи́данномъ и громово́мъ тре́скѣ вздро́гнулъ и отступи́лъ шагъ наза́дъ. — „Ха, ха, ха! успоко́йтесь! э́то въ честь ва́шего му́жества, хра́брый защи́тникъ Голла́ндіи,“ закрича́лъ Англича́нинъ насмѣшливо и торже́ственно. Рю́йтеръ по́нялъ насмѣшку, но иску́сно скрылъ своё неудово́льствіе и отвѣча́лъ благодарственною улы́бкою. Одна́кожъ, по выраже́нію, кото́рое мгнове́нно промелькну́ло на его́ лицѣ, мо́жно бы́ло поня́ть, что де́ло тѣмъ не ко́нчится . . . Англича́нинъ угости́лъ своего́ го́стя великолѣпнымъ за́втракомъ, за кото́рымъ они́ говори́ли о́чень свобо́дно и дружелю́бно; о происше́дшемъ при встрѣчѣ голла́ндскаго адмира́ла и поми́на не́было. За́втракъ подходи́лъ къ концу́: по́дали тру́бки. Рю́йтеръ, въ са́момъ пылу́ разгово́ра, вскочи́лъ съ своего́ мѣста, въ пра́вую ру́ку взялъ поста́вленную на столъ свѣчку, лѣвою схвати́лъ за́ руку англі́йскаго адмира́ла и сошёлъ съ нимъ въ порохову́ю ка́меру. Англича́нинъ машина́льно слѣдовалъ за нимъ, ничего́ не понима́я. Рю́йтеръ вбѣжа́лъ въ ка́меру, поста́вилъ свѣчку въ откры́тую бо́чку съ по́рохомъ и споко́йно закури́лъ на ней свою́ тру́бку. Англича́нинъ окаменѣлъ отъ у́жаса. Рю́йтеръ сказа́лъ хладнокро́вно: „Не уго́дно ли вамъ сдѣлать то́же, хра́брый защи́тникъ Англіи? Вамъ э́то вѣрно ни почёмъ, когда́ ужъ и тотъ, въ чьёмъ му́жествѣ вы неда́вно усомни́лись, по́далъ вамъ приме́ръ.“ Брита́нецъ опо́мнился, наконе́цъ, и бы́стро отскочи́лъ отъ бо́чки, въ кото́рой горѣла свѣча́. Такъ-какъ онъ рѣши́тельно отказа́лся испо́лнить э́то тре́бованіе, Рю́йтеръ съ торжествующимъ ви́домъ вы́нулъ свѣчу́ изъ бо́чки, отнёсъ её на пре́жнее мѣсто, поблагодари́лъ за угоще́ніе и откла́нялся хозя́ину.

261. Желѣзный человѣкъ.

Кра́нцъ, въ своей саксо́нской исто́ріи, разска́зываетъ о како́мъ то гра́фѣ, про́званномъ „желѣзнымъ человѣкомъ“ по причи́нѣ необыкнове́нной си́лы. Эдуа́рдъ III., коро́ль англі́йскій, счита́лъ его́ свои́мъ дру́гомъ, что возбуди́ло за́висть въ сердца́хъ всѣхъ други́хъ придво́рныхъ. Одна́жды въ отсу́тствіе короля́, оди́нъ изъ придво́рныхъ зло́бно внуши́лъ королевѣ мысль объ испыта́ніи зна́тности желѣзнаго гра́фа, посре́дствомъ схва́тки его́ со львомъ: такъ какъ, говори́лъ онъ, вслѣдствіе наро́днаго повѣрья левъ не тро́нетъ гра́фа и отойдётъ отъ него́ съ почте́ніемъ, е́сли то́лько онъ дѣйстви́тельно зна́тнаго ро́да. Увлечённая си́льнымъ любопы́тствомъ, королева согласи́лась употреби́ть мѣры, что́бы подвергнуть гра́фа опа́сному испыта́нію. Графъ имѣлъ обыкнове́ніе встава́ть на разсвѣтѣ. Сошёдши одна́жды у́тромъ для прогу́лки по́ саду, онъ уви́дѣлъ, что на встрѣчу ему́ идётъ

рыка́я, потряса́я гри́вой и маха́я хвосто́мъ са́мый свире́пый левъ королёвскаго звѣри́нца, вы́пущенный но́чью сторожа́ми изъ кле́тки и оста́вленный на свобо́дѣ по да́нному зара́нѣе приказа́нью. Графъ ничу́ть не смути́лся при ви́дѣ стра́шнаго звѣря, но твёрдымъ го́лосомъ закрича́лъ ему́: соба́ка, сми́рно! При э́тихъ слова́хъ левъ, какъ бы околдо́ванный, присмире́лъ, лёгъ у ногъ его́ къ неопи́санному удивле́нію придво́рныхъ, прислони́вшихся къ о́кнамъ, что́бы слѣ́дить за исхо́домъ ужа́сной шу́тки. Ме́жду тѣмъ графъ, взя́вши за гри́ву льва, привёлъ его́ къ кле́ткѣ, положи́лъ на спину́ стра́шнаго звѣря свою́ ша́пку и возврати́лся да́же не огля́дываясь. „Пусть пойдётъ и возьмётъ мою́ ша́пку,“ воскли́кнулъ онъ, обраща́ясь къ придво́рнымъ, „тотъ изъ васъ, кото́рый бо́лѣе всего́ горди́тся свои́мъ ро́домъ.“

262. Чужо́е я́йчко.

Ра́но у́тромъ вста́ла стару́шка Да́рья, вы́брала тёмное, укро́мное мѣсте́чко въ куря́тникѣ, поста́вила туда́ корзи́нку, гдѣ на мя́гкомъ сѣнѣ бы́ли разло́жены 13 я́йцъ и уса́дила на ни́хъ хохла́тку. Чуть чуть свѣта́ло и стару́шка не разсмотрѣ́ла, что трина́дцатое я́йчко бы́ло зеленова́тое и ме́ньше про́чихъ. Сиди́тъ ку́рица прилёжно, грѣ́етъ я́йчки; сбѣгаетъ поклева́ть зёрнышекъ, попи́ть води́цы — и опя́ть на мѣсто, да́же вы́линяла бѣдня́жка. И кака́я ста́ла серди́тая: шипи́тъ кло́хчетъ, да́же пѣтушку́ не даётъ подойти́, а тому́ о́чень хотѣ́лось загляну́ть, что тамъ въ тёмномъ уголкѣ дѣ́лается. — Просидѣ́ла ку́рочка недѣ́ли съ три и ста́ли изъ я́йчекъ цыпля́та выклёвываться, одно́ за други́мъ: проклю́нетъ скорлу́пку но́сомъ, вы́скочитъ, отряхнётся и ста́нетъ бѣгать, но́жками пыль разгреба́ть, червячко́въ иска́ть.

По́зже всѣхъ проклю́нулся цыплёнокъ изъ зеленова́таго я́йчка. И како́й же стра́нный онъ вы́шелъ! кругленькій, пуши́стый, жёлтый, съ коротенькими но́жками, съ широ́кимъ но́сикомъ. „Стра́нный у меня́ вы́шелъ цыплёнокъ,“ ду́маетъ ку́рица: „и клюётъ, и хо́дитъ-то онъ не по на́шему! но́сикъ широ́кій, но́ги коротенькія, како́й-то косола́пый, съ ноги́ на́ ногу перева́ливается.“ Подиви́лась ку́рица своему́ цыплёнку; одна́ко «не, како́й ни на есть, а всё сынъ. И лю́битъ, и бережётъ его́ ку́рица, какъ и про́чихъ; а если́ зави́дитъ я́стреба, то, распусти́вши пе́рья и широко́ раздви́нувъ кру́глыя кры́лья, пря́четъ подъ себя́ всѣхъ свои́хъ цыпля́тъ, не разбира́я, какія у кого́ но́ги.

Ста́ла ку́рочка дѣ́токъ учи́ть, какъ изъ земли́ червячко́въ выка́пывать, и повела́ всю семью́ на бе́регъ пруда́: „тамъ-де черве́й бо́льше и земля́ мя́гче.“ Какъ то́лько коротконо́гій цыплёнокъ зави́дѣлъ во́ду, такъ пря́мо и ки́нулся въ неё. Ку́рица кричи́тъ, кры́льями ма́шетъ, къ водѣ́ кида́ется, цыпля́та то́же перетрево́жились: бѣгаютъ, суетя́тся, пищатъ; и оди́нъ пѣтушёкъ съ испу́гу да́же вскочи́лъ на ка́мешокъ, вы́тянулъ ше́йку и въ пе́рвый ещё разъ въ своёй жи́зни заора́лъ оси́плымъ го́лосомъ: „ку-ку-ре-ку! Помоги́те, молъ, до́брые лю́ди! бра́тецъ то́нетъ!“ Но бра́тецъ не утону́лъ, а превёсело и легко́, какъ клокъ хлопча́той бума́ги, пла́валъ себѣ́ въ водѣ́, загреба́я во́ду своими широ́кими, перепо́нчатыми ла́пами. На крикъ ку́рицы вы́бѣжала ста́рая

Да́рья, уви́дѣла, что дѣлается и закрича́ла: „Ах-ти, грѣхъ како́й! ви́дно, э́то я со́-слѣпу подложи́лаути́ное яйцо́ подъ ку́рицу.“

А ку́рица такъ и рвала́сь къ пруду́: на-си́лу могли́ отогна́ть бѣдную.

263. Солда́тскій при́варъ.

Шёлъ полкъ на но́выя кварти́ры и сталъ, по́слѣ перехо́ду, на днёвку по деревня́мъ. Одному́ солда́ту така́я попа́лась хозя́йка, что не даётъ ничего́, кро́мѣ хлѣба. „Нѣтъ,“ говори́тъ, при́вару у меня́ никако́го, и сами́ мы ѣди́мъ оди́нъ хлѣбецъ съ мяки́ной, горя́чаго не вида́ли во всё лѣто.“ Солда́тъ съ ве́чера промолча́лъ, поѣлъ тю́ри на квасу́, и ду́маетъ себѣ: „коли́ нѣтъ, такъ не́чего дѣлать, бу́демъ сы́ты и хлѣбцемъ,“ — и лёгъ себѣ спать на пала́ти. На друго́е у́тро солда́тъ, вста́вши, на́чалъ опя́ть проси́ть хозя́йку, что́бы накорми́ла его́ горя́чимъ. Хозя́йка опя́ть за своё: бо́жится, заклина́ется — нѣтъ въ до́мѣ ничего́, кро́мѣ хлѣба насу́щнаго. „Ну,“ говори́тъ солда́тъ, „коли́ такъ, не́чего дѣлать, такъ нѣтъ ли у тебя́ хозя́йка, хоть бороны́; вѣдь, чай, хозя́инъ сѣетъ, безъ бороны́ не живёте?“ — „Борона́ есть, ба́тюшка,“ отвѣча́етъ хозя́йка: „да на что же тебѣ борона́?“ — „Да коли́ у тебя́ не́чего бо́льше ѣсть,“ говори́тъ солда́тъ, „такъ бу́демъ вари́ть свои́ похо́дныя щи, поди́, разведи́ прово́рнѣе ого́нь, да принеси́ мнѣ сюда́ боро́ній зубъ.“ — „Да какъ э́то,“ говори́тъ хозя́йка, „изъ боро́ньяго зу́ба щи вари́ть?“ — „Поди́,“ отвѣча́етъ солда́тъ, „да дѣлай, что вели́тъ: я и себѣ сварю́, да и тебя́ научу́.“ Хозя́йка пошла́. развела́ огня́ и принесла́ желѣзный боро́ній зубъ. Солда́тъ поста́вилъ въ горшкѣ воды́, приказа́лъ вы́мыть чи́стенько боро́ній зубъ, да и положи́лъ его́ въ горшо́къ, а хозя́йка, поджа́въ ру́ки, смо́тритъ, что бу́детъ. „Ну,“ говори́тъ солда́тъ, „тепе́рь дава́й мале́нько мучи́цы.“ Та принесла́. „Тепе́рь,“ говори́тъ, „доста́нь-ка мале́нько, хоть съ го́рсточку, капу́стки.“ Хозя́йка принесла́. Хо́чется ей посмотрѣть, какія бу́дутъ щи изъ боро́ньяго зу́ба. „Тепе́рь,“ говори́тъ солда́тъ, „пода́й съ го́рсточку крупъ, хоть гре́чневыхъ, хоть пшённыхъ; да уже́ не найдёшь ли гдѣ мяса́ кусо́чекъ, хоть ма́ленькій, и́ли хоть ко́сточку?“— „Не зна́ю пра́во,“ говори́тъ хозя́йка, „бы́ло тамъ ника́къ, въ клѣти, немно́го говя́дины,“ и сама́ пошла́ да принесла́. Солда́тъ, собра́вши всё э́то, свари́лъ щи хоть куда́, самъ наѣлся и скупу́ю хозя́йку свою́ накорми́лъ, да и спра́шиваетъ: „что, хозя́юшка, хороши́-ли щи!“ — „Хороши́,“ говори́тъ. „Ну, вотъ же тебѣ боро́ній зубъ твой; береги́ его́: коли́ друго́й разъ доведётся стоя́ть у тебя́ солда́тамъ, такъ всегда́ вари́ такія похо́дныя щи; боро́ній зубъ не вы́варится никогда, небо́сь, и постоя́льцы твои́ бу́дутъ сы́ты.“

264. Гада́нья на свя́ткахъ.

Разъ въ Крещенскій вечеро́къ
Дѣвушки гада́ли:
За воро́та башмачо́къ.
Снявъ съ ноги́, броса́ли;

Снѣгъ поло́ли; подъ окно́мъ
Слу́шали; корми́ли
Счётнымъ ку́рицу зерно́мъ;
Ярый воскъ топи́ли;
Въ ча́шку, съ чи́стою водо́й.
Кла́ли пе́рстень золото́й,
Се́рги изумру́дны;
Разстила́ли бѣлый платъ.
И надъ ча́шей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблю́дны. Жуковскій.

265. Зи́мнее у́тро въ Петербу́ргѣ.

Встаётъ купе́цъ, идётъ разно́щикъ;
На би́ржу тя́нется изво́щикъ;
Съ кувши́номъ охте́нка спѣши́тъ,
Подъ ней снѣгъ у́тренній хрусти́тъ.
Проснулся у́тра шумъ прія́тный;
Откры́ты ста́вни; тру́бный дымъ
Столбо́мъ восхо́дитъ голубы́мъ;
И хлѣбникъ, нѣмецъ акура́тный,
Въ бума́жномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворя́лъ свой васисда́съ. Пушкинъ.

266. Ни́щіе.

И вече́рней и ра́нней поро́ю
Мно́го ста́рцевъ и вдовъ и сиро́тъ
Подъ око́шками хо́дитъ съ сумо́ю,
Христа́ ра́ди на по́мощь зовётъ.
Надѣва́етъ-ли су́мку нево́ля,
Неохо́та-ли взя́ться за трудъ, —
Тяжела́ и горька́ твоя́ до́ля,
Безпрію́тный, оборва́нный людъ!
Не ска́жутъ тебѣ въ подая́ньѣ,
Не умрёшь ты безъ кро́ва зимо́й, —
Жаль разу́мное, Бо́жье созда́нье,
Человѣка въ грязи́ и съ сумо́й. Никитинъ.

267. Утренняя звѣзда́.

Отку́да, звѣздочка краса́?
Что ра́но такъ на небеса́
Въ оде́ждѣ пра́здничной свое́й,
Въ огнѣ блиста́ющихъ кудре́й,
Въ красѣ возду́шно-голубо́й,
Умы́вшись у́тренней росо́й?
Ты ска́жешь: вста́ла ра́ньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнёмъ ужъ цѣлый часъ;

Не счéсть накúданныхъ снопóвъ:
Кто всталъ до дня, тотъ днёмъ здорóвъ;
Бодрѣй глядúтъ на Бóжій свѣтъ;
Емý за трудъ вкуснѣй обѣдъ.
Другóй привúкъ до пóлдня спать,
За то и ýтра не видáть.
А жнéцъ съ востóчною звѣздóй
Всегдá встаётъ перéдъ зарёй. . .
Рабóта рáно поутрý —
Досýгъ и пѣсни ввечерý.
А птúчки? всѣ давнó ужъ тутъ;
Играютъ свúщутъ и поютъ;
Съ кустá на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричáтъ другъ другý: дóбрый день!
И грóмко гóрлинки журчáтъ;
Да чу! къ заýтренѣ звонúтъ. Жуковскій.

268. Рыбáчья хáта.

На склóнѣ тёмныхъ берегóвъ
Какóй-то рѣчки безъимя́нной,
Въ прохлáдномъ сýмракѣ лѣсóвъ,
Стоúлъ поникшей хáты кровъ,
Пусты́ми сóснами вѣнчáнный.
Въ течéньѣ мéдленномъ рѣкá
Вблизú плетéнь изъ тростникá
Волнóю сóнной омывáла,
И вкругъ негó едвá журчáла
При лёгкомъ шýмѣ вѣтеркá.
Долúна въ сихъ мѣстáхъ таúлась
Уединённа и темнá;
И тамъ, казáлось, тишúна
Съ начáла мíра воцарúлась.
Раскúнувъ нéводъ по волнáмъ,
Рыбáкъ, на вёсла наклонённый,
Плывётъ къ лѣсúстымъ берегáмъ,
Къ порóгу хúжины смирéнной. Пушкинъ.

269. Мщéніе.

Измѣной слугá Паладúна убúлъ:
Убíйцѣ завúденъ санъ рúцаря былъ.
Свершúлось убíйство ночнóю порóй —
И трупъ поглощёнъ былъ глубóкой рѣкóй.
И шпóры и лáты убíйца надѣлъ,
И въ нихъ на конú паладúнова сѣлъ.
И мостъ на конѣ проскакáть онъ спѣшúтъ;
Но конь поднялся́ на дыбы́ и храпúтъ.

Онъ шпóры вонзáетъ въ крутúе бокá:
Конь бѣшенный въ рѣку свалúлъ сѣдокá.
Онъ вúплыть изъ всѣхъ напрягáется силъ;
Но пáнцырь тяжёлый егó утопúлъ. Жуковскій.

270. Пýтница.

Большóй Владúмірской дорóгой,
Въ одéждѣ сéльской и убóгой,
Съ грудны́мъ младéнцемъ на рукáхъ,
Шла тúхо пýтница младáя,
Въ устáломъ взорѣ тáйный страхъ.
„Какъ быть? Москвá въ семú верстáхъ;
Дорóга межъ холмóвъ лѣснáя;
А въ пóлѣ ды́мномъ тѣнь ночнáя
Ужъ скóро лáжетъ; и луна́
Лишь въ пóлночь нá небѣ видна́.“
Онá идётъ, и сéрдце бьётся;
Поля́на съ рóщей пéредъ ней,
И вотъ въ селó тропúнка вьётся:
Онá тудá дойдётъ скорѣй;
Ночлéгъ радýшный тамъ найдётся. Козловъ.

271. Гонéцъ.

Кто при звѣздáхъ и при лунѣ
Такъ пóздно ѣдетъ на конѣ?
Чей э́то конь неутоми́мый
Бѣжúтъ въ степú необозри́мой?
Казáкъ на сѣверъ дéржитъ путь,
Казáкъ не хóчетъ отдохнýть
Ни въ чúстомъ пóлѣ, ни въ дубрáвѣ,
Ни при опáсной перепрáвѣ.
Какъ стекло́, булáтъ егó блестúтъ,
Мѣшóкъ за пáзухой звенúтъ;
И спотыкáясь, конь ретúвый
Бѣжúтъ, размáхивая грúвой.
Червóнцы нýжны для гонцá,
Булáтъ, потѣха молодцá,
Ретúвый конь — потѣха тóже,
Но шáпка для негó дорóже.
За шáпку онъ остáвить радъ
Коня́, червóнцы и булáтъ
Но вы́дастъ шáпку тóлько съ бóю
И то лишь съ бýйной головóю.
Зачѣмъ онъ шáпкой дорожúтъ?
Затѣмъ, что въ ней донóсъ зашúтъ,
Донóсъ на гéтмана злодѣя
Царю́ Петру́ отъ Кочубéя. Пушкинъ.

272. Два великана.

Въ шáпкѣ зóлота литáго
Стáрый рýсскій великáнъ
Поджидáлъ къ себѣ другáго
Изъ далёкихъ чýждыхъ странъ.
За горáми, за долáми
Ужъ гремѣлъ о нёмъ разскáзъ,
И помѣряться главáми
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришёлъ съ грозóй воéнной
Трехнедѣльный удалéцъ
И рукóю дерзновéнной
Хвать за врáжескій вѣнéцъ.
Но улúбкой роковóю
Рýсскій вúтязь отвѣчáлъ —
Посмотрѣлъ, тряхнýлъ главóй:
Ахнулъ дéрзкій и упáлъ . . .
Но упáлъ онъ въ дáльнемъ мóрѣ,
На невѣдомый грани́тъ,
Тамъ, гдѣ бýря на простóрѣ.
Надъ пучúною шуми́тъ.

Лермонтовъ.

273. Москвá.

Москвá. . . . Какъ мнóго въ э́томъ звýкѣ
Для сéрдца рýсскаго слилóсь!
Какъ мнóго въ нёмъ отозвалóсь!
Вотъ, окружёнъ своéй дубрáвой,
Петрóвскій зáмокъ. Мрáчно онъ.
Недáвнею гордúтся слáвой:
Нáпрасно ждалъ Наполеóнъ,
Послѣднимъ счáстьемъ упоённый,
Москвы́ колѣнопреклонённой
Съ ключáми стáраго Кремля́:
Нѣтъ, не пошлá Москвá моя́
Къ нему́ съ повúнной головóю;
Не прáздникъ, не прiёмный даръ, —
Онá готóвила пожáръ
Нетерпѣлúвому герóю!
Отсéлѣ, въ дýму погружёнъ,
Глядѣлъ на грóзный плáмень онъ.

Пушкинъ.

Отдѣлъ третій.

274. Подвигъ Ивана Сусанина.

Когда ляхи, шатавшіеся цѣлыми толпами около Москвы, узнали объ избраніи на царство Михаила Ѳёодоровича Романова, тогда они рѣшились извѣсть новопоставленнаго русскаго царя, который жилъ ещё въ костромской своей деревнѣ. Отправившись для совершенія злодѣйскаго умысла, они раздѣлились на нѣсколько шаекъ, и одна изъ нихъ сбилась съ дороги: это было зимою, въ сильную мятель. Имъ встрѣтился крестьянинъ дворцоваго села Домнина Иванъ Сусанинъ, котораго ляхи остановили и распрашивали о мѣстопребываніи Михаила Ѳёодоровича. Онъ вызвался къ нимъ въ проводники, и они обѣщали наградить его пригоршнями золота. Сусанинъ заводитъ ихъ по дорогѣ къ себѣ въ деревню, угощаетъ ихъ, поитъ, а между тѣмъ тайно посылаетъ своего сына предувѣдомить царя о близкой опасности. Злодѣи, поужинавъ, отогрѣвшись и немного соснувъ, съ полуночи собрались въ дорогу, предводимые Сусанинымъ, который, сворота съ просёлочной дороги, по сугробамъ и цѣлинамъ завёлъ ихъ въ непроходимый лѣсъ. Выбившись изъ силъ, ляхи стали подозрѣвать проводника, и, махая надъ старческою его головой саблями, вскричали: „ты обманулъ насъ!“ — Не я, спокойно отвѣчалъ имъ Сусанинъ, не я, вы сами себя обманули. Ложно вы мыслили, что я выдамъ вамъ жизнь и здоровье царя-государя. Богъ подкрѣпилъ меня: царь Михаилъ спасёнъ! Ляхи въ бѣшенствѣ изрубили его въ мелкія части, а сами померли отъ стужи и голода.

275. Изъ жизни купца Иголкина.

Въ началѣ великой сѣверной войны Карлъ XII. велѣлъ всѣхъ россіянъ разнаго званія, бывшихъ до войны въ Швеціи, задержать какъ плѣнныхъ. Одинъ только Иголкинъ, торговавшій долгое время въ Швеціи и знавшій уже очень хорошо шведскій языкъ, по извѣстной честности своей, жилъ въ Штокгольмѣ на волѣ. Наконецъ въ 1711 году и онъ былъ брошенъ въ тюрьму, гдѣ онъ находился до возвращенія Карла изъ Турціи и до начатія между Россіею и Швеціею мирныхъ переговоровъ. Сидя однажды у дверей тюрьмы, слышитъ онъ, что два солдата, стоявшіе на часахъ у темницы, говоря между собою, поносятъ обидными словами Петра Великаго. Иголкинъ не могъ вытер-

пѣть ихъ дерзости: просить, увѣщеваетъ ихъ, чтобы они перестали такъ говорить о государѣ, прибавивъ къ тому: „почему намъ знать дѣла государей и за что они другъ съ другомъ воюютъ.“ Часовые съ большею ещё дерзостію въ досаду ему продолжали свой разговоръ. Иголкинъ призываетъ унтеръ-офицера, жалуется на нихъ и проситъ унять ихъ: унтеръ-офицеръ засмѣялся его жалобѣ, и ушёлъ. Тогда Иголкинъ, окинувъ себя глазами, въ первый разъ въ жизни своей замѣтилъ, что онъ высокъ, и, не смотря на свою старость, ещё крѣпокъ, и одинъ можетъ управиться съ двумя солдатами. Между тѣмъ часовые продолжаютъ хохотать и бранить. Иголкинъ встаётъ, подходитъ къ нимъ и вдругъ бросается на нихъ съ яростію, вырываетъ у одного ружьё, штыкомъ колетъ другаго, потомъ кидается на обезоруженнаго и умерщвляетъ. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ онъ спокойно, и ожидаетъ, съ неустрашимостію, что съ нимъ будетъ. На крикъ и стонъ выбѣгаетъ караульный офицеръ, хочетъ войти въ темницу — ужасъ объемлетъ его: видитъ часовыхъ, плавающихъ въ своей крови и испускающихъ послѣднее дыханіе, кричитъ въ отчаяніи, въ безпамятствѣ: „Къ ружью! кто злодѣй? Гдѣ, гдѣ онъ?“ „Я,“ отвѣчалъ Иголкинъ, я ихъ убилъ; но я не злодѣй, всякій на моёмъ мѣстѣ честный человѣкъ тоже бы сдѣлалъ.“ Офицеръ приказываетъ его схватить, оковать тяжёлыми цѣпями, и доложить о происшедшемъ верховному судилищу. Тамъ на вопросъ: какъ онъ осмѣлился убить солдатъ? отвѣтствуетъ неустрашимо; „я, какъ вѣрный подданный своего государя, обязанъ закономъ Божіимъ, гражданскимъ и присягою пролить за честь его послѣднюю каплю крови своей. Слыша, какъ часовые ругали священное его имя, просилъ я ихъ уняться,“ и потомъ онъ пересказалъ всё, какъ было. „Теперь, исполнивъ долгъ свой, презираю всѣ мученія; дѣлайте со мною, что хотите.“ Судьи не смѣли рѣшить такого дѣла и сдѣлать приговоръ; доложено было Карлу XII., который въ сёмъ случаѣ показалъ, что онъ великій человѣкъ, почитающій и въ непріятелѣ духъ великій. Прочитавъ всё и поражённый удивленіемъ, вскричалъ онъ: „въ столь грубомъ народѣ столь великій человѣкъ!“ Онъ захотѣлъ видѣть Иголкина; видѣлъ, почтилъ и отправилъ къ великому сопернику своему, не сомнѣваясь, что будетъ принятъ, какъ драгоцѣнный подарокъ; описалъ потомъ съ подробностію героическое дѣйствіе Иголкина, поздравляя Петра съ такимъ подданнымъ, которому подобныхъ у него уже нѣтъ или очень мало. Иголкинъ, прибывъ въ Петербургъ, былъ представленъ монарху. Великій Государь, прочитавъ письмо Карла XII., пролилъ слёзы умиленія, и, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ: „вотъ образецъ вѣрности!“ подошёлъ къ нему, обнялъ, поцѣловалъ въ голову и объявилъ, что отличная вѣрность должна быть щедро награждена: „проси у меня, другъ мой, чего ты хочешь, я тебѣ обѣщаю.“ Тронутый такою милостію, Иголкинъ, говоритъ монарху: „Государь! у меня по милости Божіей и твоей, ещё осталось въ Новгородѣ дохоту, чѣмъ могу прожить остатки дней своихъ безъ нужды, а потому мнѣ нечего больше желать, какъ носить на себѣ твою монаршую милость.“ Государь отвѣчаетъ: „нѣтъ, я не буду спокоенъ, если не награжу тебя; воля моя есть, чтобъ ты просилъ.“ — „Когда такъ тебѣ угодно, то повели

отда́ть мнѣ казённый домъ въ Новго́родѣ близъ моего́.“ Мона́рхъ улыба́ясь, отвѣча́лъ: „е́жели бы ты и весь Но́вгородъ попроси́лъ, то не могъ бы тебѣ отказа́ть въ томъ.“

276. Че́стность чухо́нъ.

Подгоро́дные жи́тели разска́зываютъ, что чу́хны, пріѣзжа́ющіе въ Петербу́ргъ съ се́льскими припа́сами, а въ томъ числѣ́ и ры́бой и ра́ками, не продаю́тъ това́ра доро́гою, по упра́мству, а мо́жетъ быть, и боя́сь прода́ть дёшево, не зна́я настоя́щихъ цѣнъ въ го́родѣ. Отнѣ́киваясь, они́ обыкновѣ́нно, что́бы отвяза́ться, говоря́тъ: „мы привезёмъ вамъ въ друго́й разъ, тепе́рь нельзя́ отда́ть.“ Тогда́ сто́итъ то́лько убѣди́ть чухо́нца, не зна́я его́ въ глаза́, взять зада́токъ, и онъ уже́ не обма́нетъ, а непремѣ́нно привезётъ, что обѣща́лъ. Мнѣ говори́ли объ э́томъ лю́ди, испыта́вшіе тако́й спо́собъ въ продолже́ніе мно́гихъ лѣтъ, и увѣря́ли, что изъ числа́ десяти́ и́ли двѣна́дцати зада́тковъ у нихъ вообще́ пропада́ло не бо́лѣе одного́, и что ино́й привози́лъ обѣ́щанное, хотя́ полго́да и да́же цѣ́лый годъ спустя́. Эта черта́ такъ хороша́, что коне́чно её вся́кій наро́дъ пожела́лъ бы присво́ить себѣ́.

Спроси́те, какъ дѣ́лаютъ подря́дчики и́ли поставщики́ булы́жнаго ка́мня и песку́, для получе́нія э́того това́ра изъ Финля́ндіи. Они́ отправля́ются на мѣста́, приглаша́ютъ че́резъ пасто́ровъ крестья́нъ для сбо́ра и поста́вки ка́мня къ сро́ку, раздаю́тъ имъ тутъ-же зада́тки, отъ трёхъ до шести́ цѣлко́выхъ на бра́та, запи́сываютъ имена́ ихъ, для одного́ счёта, и безъ вся́кихъ дальнѣ́йшихъ удостовѣре́ній, зало́говъ и околи́чностей, уѣзжа́ютъ въ Петербу́ргъ. Спи́ски э́ти не мо́гутъ, въ су́щности, служи́ть ни къ чему́, не то́лько потому́, что не облечены́ въ зако́нную фо́рму, но уже́ и потому́, что въ нихъ насчи́таны цѣ́лые деся́тки Іога́нсоновъ, Андерсеновъ и Ми́хельсеновъ, кото́рыхъ едва́-ли кто былъ-бы въ состоя́ніи отыска́ть на бѣ́ломъ свѣтѣ́, е́сли бы они́ не яви́лись са́ми. Но бу́дьте споко́йны, зада́тки ва́ши не пропаду́тъ: весно́ю день-за-день ло́дочники явля́ются къ вамъ на дворъ, сдаю́тъ ка́мень, приво́зятъ вѣ́сти о тѣ́хъ, кото́рые не успѣ́ли его́ поста́вить, про́сятъ за нихъ отсро́чки и́ли возвраща́ютъ зада́тки, а е́сли вы ихъ расчита́ете безъ заде́ржки и безъ притяза́ній, и дади́те ещё по стака́ну вина́, то они́ гото́вы, вороти́вшись домо́й, объѣ́здить за васъ всю око́лицу и пону́кнуть мѣ́нѣе ради́выхъ земляко́въ своихъ, и́ли заста́вить ихъ, въ случа́ѣ каки́хъ-ли́бо ва́жныхъ помѣ́хъ, переда́ть обяза́тельство и зада́токъ друго́му.

Бу́дучи одна́жды случа́йно свидѣ́телемъ тако́го пріёма булы́жника отъ чухо́нъ, я невóльно обрати́лъ вниманіе на молода́го, ро́слаго дѣти́ну, со свѣ́тлыми, гла́дкими и дли́нными волоса́ми, сло́вно вы́чесанными изъ па́кли, съ голуби́ми глаза́ми, въ кото́рыхъ отража́лась кака́я-то си́льная печа́ль. Онъ стоя́лъ о́чень споко́йно и ти́хо, всё прота́лкиваясь впередъ, ждалъ о́череди, говори́лъ ма́ло и ти́хо и ча́сто вздыха́лъ. Наконе́цъ о́чередь до него́ дошла́. — „Какъ тебя́ зову́тъ?“ спроси́лъ хозя́инъ, и́ли прика́щикъ, его́, си́дя за именны́мъ спи́скомъ поставщико́въ.

Тотъ сказа́лъ и́мя, прозва́ніе свое́ и мѣ́сто рожде́нія.

Хозя́инъ пробѣжа́лъ спи́сокъ и возрази́лъ, что тако́го челове́ка въ э́той дере́внѣ у него́ не запи́сано.

— „Нѣтъ,“ отвѣча́лъ чухо́нецъ, „у васъ запи́санъ братъ мой, Андре́й, да его́ ужъ нѣтъ,“ и слёзы наверну́лись у него́ на глаза́хъ.

— „А гдѣ-же твой братъ? у́меръ?“

— „Умеръ, потону́лъ. Оттого́ мы и позапозда́ли немно́го; не взыщи́те. Онъ отпра́вился въ срокъ, бу́ря его́ захвати́ла за Кронштадтомъ, ло́дку разби́ло, всё пропа́ло, и самъ потону́лъ. Я, мла́дшій братъ, при́нялъ всё наслѣдство, что бы́ло, а съ тѣмъ и долги́ и обяза́тельства бра́та, такъ ужъ на́до бы́ло испо́лнить: получи́те.“

277. Ни́щій.

Я хотѣ́лъ идти́ за́ городъ, въ прекра́сную дереве́ньку Гамсте́тъ; хотѣ́лъ взойти́ на холмъ Примра́зъ, гдѣ́ благоуха́етъ ско́шенное сѣно, хотѣ́лъ отту́да посмотрѣ́ть на Лондо́нъ . . . но нигдѣ́ не́ былъ и не жалѣ́ю.

По́длѣ са́маго Cavendish-square встрѣ́тился мнѣ́ ста́рый, слѣпо́й ни́щій, кото́раго вела́ соба́чка, привя́занная на снуркѣ́. Соба́чка останови́лась, на́чала ко мнѣ́ ласка́ться, лиза́ть но́ги мои́; ни́щій сказа́лъ то́мнымъ го́лосомъ: „до́брый господи́нъ, сжа́льтесь надъ бѣ́днымъ слѣпы́мъ!“ Я отда́лъ ему́ шили́нгъ. Онъ поклони́лся, тро́нулъ снуро́къ и соба́чка побѣжа́ла. Я пошёлъ за ни́ми. Соба́чка вела́ его́ серединою тротуа́ра, какъ мо́жно да́лѣе отъ кра́я и всѣхъ отвѣ́рстій, что́бы слѣпо́й стари́къ не упа́лъ, ча́сто остана́вливалась, ласка́ла люде́й (но не всѣхъ, а по вы́бору: она́ каза́лась физіономи́стомъ), и почти́ всякій дава́лъ ни́щему. Мы прошли́ двѣ у́лицы. Соба́чка останови́лась по́длѣ же́нщины, не молодо́й, но милови́дной, и о́чень бѣ́дно одѣ́той, кото́рая проти́въ одного́ до́ма сидѣ́ла на сту́лѣ, игра́ла на лю́тнѣ и пѣ́ла жа́лобнымъ го́лосомъ. Прекра́сный ма́льчикъ, та́кже бѣ́дно одѣ́тый, держа́лъ въ рука́хъ нѣ́сколько печа́тныхъ листо́чковъ, стоя́лъ, прислони́вшись къ стѣнѣ́, и уми́льно смотрѣ́лъ на пою́щую. Уви́дѣвъ старика́, онъ подбѣжа́лъ къ нему́ и сказа́лъ: „до́брый То́масъ! здоро́въ ли ты?“ — „Сла́ва Бо́гу! а мать твоя́? . . . Какъ она́ хорошо́ поётъ! . . . послу́шаю.“ — Сынъ на́чалъ ласка́ть соба́чку, а мать, поговори́въ со старико́мъ, сно́ва заигра́ла и запѣ́ла. . . . Я до́лго слу́шалъ и положи́лъ ей на колѣ́ни нѣ́сколько пе́нсовъ. Ма́льчикъ взгляну́лъ на меня́ благода́рными глаза́ми и по́далъ мнѣ́ печа́тный листо́къ. Это былъ гимнъ, кото́рый пѣ́ла мать его́. Вмѣ́сто того́, что́бы идти́ за́ городъ, я возврати́лся домо́й и перевёлъ гимнъ. Вотъ онъ:

Госпо́дь есть бѣ́дныхъ Покрови́тель
И всѣхъ печа́льныхъ Утѣши́тель;
Всевы́шній зритъ, что ну́жно намъ,
И двумъ тоску́ющимъ сердца́мъ
Пошлётъ въ свой часъ отра́ду.
Отда́стъ ли насъ Онъ въ же́ртву гла́ду?
Забу́детъ ли Оте́цъ дѣте́й?

Прохóжій сжáлится надъ нáми:
Есть сéрдце у людéй,
А мы молúтвой и слезáми
Запла́тимъ долгъ ему́.

Въ слова́хъ нѣтъ ничего́ отмѣннаго, но е́слибы вы, друзья́ мои́, слы́шали, какъ бѣдная же́нщина пѣла, то не удиви́лись бы, что я переводи́лъ ихъ со слеза́ми.

278. Судъ Бо́жій надъ епи́скопомъ.

Бы́ли и лѣто, и о́сень дождли́вы: бы́ли пото́плены на́жити, ни́вы, хлѣбъ на поля́хъ не созрѣлъ и проша́лъ; сдѣлался го́лодъ, наро́дъ умира́лъ. Но у Епи́скопа, ми́лостью не́ба, по́лны амба́ры огро́мные хлѣба, жи́то сберёгъ прошлого́днее онъ: былъ остороженъ Епи́скопъ Гатто́нъ.

Рву́тся толпо́й и голо́дный, и ни́щій въ две́ри Епи́скопа, тре́буя пи́щи; скупъ и жесто́къ былъ Епи́скопъ Гатто́нъ; о́бщей бѣдо́ю не тро́нулся онъ. Слу́шать и во́пли ему́ надое́ло. Вотъ онъ рѣши́лся на стра́шное дѣло: бѣдныхъ изъ бли́жнихъ и да́льнихъ сторо́нъ, слы́шно, скрика́етъ Епи́скопъ Гатто́нъ. „До́жили мы до нежда́ннаго чу́да: вы́нулъ Епи́скопъ добро́ изъ-подъ спу́да; бѣдныхъ къ себѣ на пиру́шку зовётъ.“ Такъ говори́тъ изумлённый наро́дъ.

Къ сро́ку собра́лися зва́ные го́сти, блѣдные, ча́хлые, ко́жа да ко́сти; ста́рый, огро́мный сара́й отворёнъ; въ нёмъ угости́тъ ихъ Епи́скопъ Га́ттонъ. Вотъ ужъ столпи́лись подъ кро́влей сара́я всѣ пришлецы́ изъ окру́жнаго кра́я . . . Какъ же ихъ при́нялъ Епи́скопъ Га́ттонъ? — Былъ имъ сара́й и съ гости́ми сожжёнъ.

Гля́дя Епи́скопъ на пе́пелъ пожа́рный, ду́маетъ: „бу́дутъ мнѣ всѣ благода́рны; ра́зомъ избави́лъ я ш̀уткой мое́й край нашъ голо́дный отъ жа́дныхъ мыше́й.“ Въ за́мокъ Епи́скопъ къ себѣ возврати́лся, у́жинать сѣлъ, пирова́лъ, весели́лся, спалъ, какъ неви́нный, и сновъ не вида́лъ . . . Пра́вда! Но бо́лѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ вхо́дитъ въ поко́й, гдѣ висѣли пре́дковъ портре́ты, и ви́дитъ, что съѣли мы́ши его́ живопи́сный портре́тъ, такъ что холсти́ны и при́знака нѣтъ. Онъ обомлѣлъ; онъ отъ стра́ха чуть ды́шитъ. Вдругъ онъ чуде́сную вѣдомость слы́шитъ: „на́ша окру́га мыша́ми полна́, въ жи́тницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна́.“ Вотъ и друго́е въ уша́хъ загремѣло: „Богъ на тебя́ за вчера́шнее дѣло! Крѣпкій твой за́мокъ, Епи́скопъ Гатто́нъ, мы́ши со всѣхъ осажда́ютъ сторо́нъ. Ходъ былъ до Ре́йна отъ за́мка подзе́мный; въ стра́хѣ Епи́скопъ доро́гою тёмной къ бе́регу вы́дти изъ за́мка спѣши́тъ: „въ Ре́йнской ба́шнѣ спасу́сь — говори́тъ.

Ба́шня изъ Ре́йнскихъ водъ подыма́лась, и́здали о́стрымъ утёсомъ каза́лась, гро́зно изъ пѣны торча́щимъ, она́; стѣны круго́мъ ограждала волна́. Въ лёгкую ло́дку Епи́скопъ сади́тся; къ ба́шнѣ причали́лъ, две́рь за́перъ и мчи́тся вверхъ по грани́тнымъ круты́мъ ступеня́мъ; въ стра́хѣ оди́нъ затвори́лся онъ тамъ. Стѣны изъ ста́ли каза́лися сли́ты, бы́ли рѣшётками о́кна забиты, ста́вни чугу́нные, ка́менный сводъ,

дверью желѣзною запертый ходъ. Узникъ не знаетъ, куда пріютиться: на полъ зажмуривъ глаза онъ ложится... Вдругъ онъ испуганъ стонаньемъ глухимъ: вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ. Смотритъ онъ... кошка сидитъ и мяучитъ; голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ; мечется кошка, не весело ей: чуетъ она приближенье мышей. Палъ на колѣни Епископъ и крикомъ Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ. Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ... ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ; слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ; слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри; сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери, спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты... Что тутъ, Епископъ, почувствовалъ ты? Зубы объ камни онѣ навострили, грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили; весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ... Такъ былъ наказанъ Епископъ Гаттонъ.

Жуковскій.

279. Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь и не знаешь, идетъ ли или нейдетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стекляныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ, и, наклонившись, глядятъ въ нихъ, и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть, никто кромѣ солнца и голубаго неба не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при лѣтней тёплой ночи, когда всё засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица, — а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ въ тёмномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него развѣ погаснетъ на небѣ; чёрный лѣсъ, унизанный спящими воронами и древле разломанныя горы, свѣтясь, силятся закрыть его, хотя длинною тѣнью своею — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, чтобы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ, и средь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣческое око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ: чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ!

Когда́ же пойду́тъ гора́ми по́ небу си́нія ту́чи, чёрный лѣсъ шата́ется до ко́рня, ду́бы трещатъ, и мо́лнія, изла́мываясь ме́жду тучъ, ра́зомъ освѣща́етъ цѣ́лый міръ — стра́шенъ тогда́ Днѣпръ! Водяны́е хо́лмы грема́тъ, ударя́ясь о го́ры, и съ бле́скомъ и сто́номъ отбѣга́ютъ наза́дъ, и пла́чутъ, и залива́ются въ дали́. Такъ убива́ется ста́рая мать казака́, выпровожа́я своего́ сы́на въ во́йско: разгу́льный и бо́дрый, ѣдетъ онъ на воронóмъ конѣ, подбоче́нившись и молоде́цки заломи́въ ша́пку, — а она́, рыда́я, бѣжи́тъ за нимъ, хвата́етъ его́ за стре́мя, ло́витъ удила́, и лома́етъ надъ нимъ ру́ки, и залива́ется горю́чими слеза́ми.

280. Чёрный де́нь па́харя.

Въ жи́зни па́харя, кото́рая протекла́ та́кже споко́йно и ти́хо, какъ песо́къ стекля́ныхъ часо́въ, бы́ло одна́кожъ, одно́ си́льное потрясе́ніе. На семью́ его́ па́ла рекру́тская о́чередь. Его́ не предупреди́ли въ э́томъ, сло́ва не сказа́ли; ду́мали сдѣлать лу́чше: разъ но́чью пришли́ къ нему́ въ избу́, и захвати́ли одного́ изъ сыновéй его́, пе́рваго кото́рый попа́лся. Но слу́чай э́тотъ порази́лъ его́ такъ си́льно то́лько по своéй неожи́данности. Прійдя́ въ себя́, стари́къ побѣжа́лъ въ конто́ру и проси́лъ, что́бы ему́ самому́ предоста́вили вы́боръ дѣте́й.

На друго́й день онъ отвёзъ всѣхъ трёхъ сыновéй въ го́родъ. До сихъ поръ ещё, мно́гимъ ли́цамъ, прису́тствовавшимъ на ста́вкѣ па́мятна сце́на, когда́ по́слѣ произнесе́нія очередна́го и́мени, въ дверя́хъ прису́тствія яви́лся вдругъ сѣдо́й, шестидесятилѣтній стари́къ. „Ва́ше благоро́діе“ — сказа́лъ онъ, обраща́ясь ко всѣмъ чле́намъ прису́тствія, — о́чередь за моéю семьёю. У меня́ три сы́на... пыта́лся — не могу́ вы́брать: всѣ равно́ до́роги... Соблаговоли́те посла́ть всѣхъ трёхъ... выбира́йте ужъ лу́чше са́ми!... — Въ ко́мнату вошли́ три па́рня, оди́нъ кра́ше друга́го. Дво́е ста́ли по пра́вую ру́ку отца́, оди́нъ по лѣ́вую. Стари́къ о́бнялъ поочерёдно всѣхъ трёхъ и произнёсъ, положи́въ имъ сперва́ ру́ку на го́лову: „Всѣ ми́лы!... всѣ до́роги! всѣ хороши́!“

Тутъ дыха́ніе какъ бы стѣсни́лось въ груди́ его́, онъ останови́лся, покача́лъ голово́ю, тя́жко вздохну́лъ и вдругъ зали́лся слеза́ми.

Прису́тствующіе, тро́нутые его́ положе́ніемъ, ста́ли его́ успока́ивать. Онъ попроси́лъ позволе́нія ки́нуть жре́бій. Вы́нувъ изъ кошелька́ три мѣ́дные гроша́, онъ пода́лъ ихъ дѣтя́мъ, внима́тельно пото́мъ осмотрѣ́лъ ка́ждый грошъ, положи́лъ на ка́ждомъ знакъ зуба́ми, и велѣ́лъ бро́сить ихъ въ ша́пку.

— Вамъ, ва́ше благоро́діе, — сказа́лъ онъ, обрати́сь опя́ть ко всѣмъ, — вамъ, я ви́жу... вы о ни́хъ та́кже жалѣете... — Прикажи́те ужъ лу́чше позва́ть како́го ни-на-есть человѣка, кото́рый не вида́лъ меня́ съ ни́ми... пуска́й ужъ лу́чше онъ жре́бій вы́нетъ... Позва́ли солда́та. Стари́къ сказа́лъ ему́: „Какъ вы́нешь жре́бій, никому́ не пока́зывай... мнѣ отда́й...“ — Жре́бій вы́нутъ. Стари́къ взялъ грошъ у солда́та, отошёлъ къ окну́, взгляну́лъ на него́, дро́гнулъ, но то́тчасъ же опра́вился, перекрести́лся и возврати́лся къ дѣтя́мъ.

„Ва́ся, — вы́молвилъ онъ, обрати́сь къ мла́дшему. — Ва́ся . . . голу́бчикъ мой! подойди́ ко мнѣ . . .“ Онъ сно́ва положи́лъ ему́ ру́ку на го́лову, съ мину́ту гляде́лъ на него́ мо́лча и наконе́цъ произнёсъ: „Ты былъ . . . да, ты былъ мнѣ хоро́шимъ сы́номъ . . . завсегда́ хоро́шъ былъ . . . будь же хоро́шимъ солда́томъ Царю́ на́шему.“ — Онъ обня́лъ его́, благослови́лъ, и, закры́въ ладо́нью лицо́, пошёлъ къ две́ри, пла́ча каки́мъ-то дѣтскимъ пла́чемъ.

281. Хлѣбныя зёрна.

На одно́мъ большо́мъ о́стровѣ жилъ стари́къ съ тремя́ жена́тыми сыновья́ми. Пока́ онъ былъ кре́покъ и здоро́въ, онъ рабо́талъ за всю семью́ и ни въ чёмъ у нихъ не́ было недоста́тка. Чу́вствуя приближе́ніе сме́рти, онъ призва́лъ свои́хъ сыновей и сказа́лъ имъ: „Часъ мой про́билъ, — я до́лженъ оста́вить васъ; пора́ вамъ сами́мъ забо́титься о себѣ и дѣтя́хъ свои́хъ. Но я не сове́тую вамъ остава́ться жить всѣмъ въ одно́мъ мѣстѣ: пусть лу́чше оди́нъ идётъ на восто́къ, друго́й на за́падъ, тре́тій на сѣверъ. Вотъ вамъ хлѣбныя зёрна: берегі́те ихъ до поры́ до вре́мени. А когда́ меня́ не ста́нетъ, пусть ка́ждый изъ васъ вы́беретъ себѣ по́ле, вспа́шетъ его́, удобри́тъ и посѣетъ э́ти зёрна: вашъ трудъ бу́детъ вознагражденъ сторицею. Не забу́дьте та́кже огороди́ть по́ле забо́ромъ, что́бы лѣсны́е звѣри не потопта́ли его́.“

Вско́рѣ сыновья́ похорони́ли отца́. Пото́мъ они́ раздѣли́лись ме́жду собо́ю и разошли́сь въ ра́зныя сто́роны, взявъ съ собо́й и сѣмена́. Какъ совѣ́товалъ имъ оте́цъ. Пришедши на мѣсто, ста́ршій вы́нулъ сѣмена́, да́нныя ему́ отцо́мъ, и разсужда́лъ такъ: „къ чему́ я ста́ну му́чить и себя́ и зе́млю, съ трудо́мъ взрѣзывая грудь ея́? Пригрѣетъ её со́лнышко, взмо́читъ до́ждичекъ — она́ и такъ принесётъ плодъ.“ — Разсужда́я таки́мъ о́бразомъ, онъ разброса́лъ зёрна по жёсткой землѣ. Но сѣмя не взошло́ и не принесло́ плода́. Тогда́ онъ сталъ смѣя́ться надъ пода́ркомъ отца́ и ско́ро забы́лъ о нёмъ.

Друго́й сынъ, напра́вившій свой путь къ за́паду, пришёлъ въ страку́, бога́то одарённую приро́дой. Тогда́ онъ сказа́лъ себѣ: здѣсь всего́ мно́го; къ чему́-же я бу́ду налага́ть на себя́ ли́шній трудъ? И онъ отложи́лъ хлѣбныя зёрна въ сто́рону. Когда́ наконе́цъ всё гото́вое бы́ло съѣ́дено, онъ приня́лся за сѣмена́, да́нныя ему́ отцо́мъ, и посѣ́ялъ ихъ. Но онъ не дожда́лся всхо́да, потому́ что червь подточи́лъ всѣ зёрна, и онъ сѣ́ялъ одну́ шелуху́. Тогда́ онъ посмѣ́ялся надъ пода́ркомъ отца́ и забы́лъ о нёмъ.

Не такъ поступи́лъ мла́дшій. Послѣ́довавъ сове́ту отца́, онъ вы́бралъ лу́чшую зе́млю, вспаха́лъ её, удо́брилъ, окопа́лъ кана́вами, огороди́лъ забо́ромъ, и тогда́ то́лько посѣ́ялъ зёрна. Сѣмя взошло́ и принесло́ самъ-шестьдеся́тъ и самъ-сотъ. Такъ дѣ́лалъ онъ и слѣ́дующіе года́: поля́ его́ расширя́лись, а съ тѣмъ вмѣстѣ увели́чивалась и жа́тва, такъ что онъ, и его́ дѣти, и дѣти дѣтей его́ жи́ли въ дово́льствѣ и изоби́ліи.

Прошло́ не́сколько лѣтъ; ста́ршіе бра́тья впа́ли въ нищету́ и, услы́шавъ о бога́тствѣ мла́дшаго, отпра́вились къ нему́. Уви́дѣвъ бога́тыя ни́вы и слы́ша весёлыя пѣ́сни жнецо́въ, бра́тья сказа́ли другъ дру́гу: „мы сдѣ́лали большу́ю оши́бку, что пренебрегли́ да́ромъ на́шего отца́.“

282. Ли́хо одноглазое.

Жилъ кузне́цъ пришѣва́ючи, никако́го ли́ха не зна́лъ. „Что э́то, говори́тъ кузне́цъ, никако́го я ли́ха на вѣку́ своёмъ въ глаза́ не вида́лъ? Хоть посмотрѣ́лъ бы, како́е тамъ тако́е ли́хо на свѣтѣ.“ Вотъ и пошёлъ кузне́цъ ли́ха иска́ть. Шёлъ, шёлъ, зашёлъ въ дрему́чій лѣсъ; ночь бли́зко, а ночева́ть не́гдѣ и ѣсть хо́чется. Смо́тритъ по сторона́мъ и ви́дитъ не подалёку стои́тъ большу́щая изба́. Постуча́лъ — пу́сто, не хорошо́! Забра́лся кузне́цъ на печь и лёгъ спать, не у́жинавши.

Сталъ бы́ло уже́ засыпа́ть кузне́цъ, какъ дверь отвори́лась и вошло́ въ избу́ цѣ́лое ста́до бара́новъ, а за ни́ми Ли́хо, ба́ба огро́мная, стра́шная, объ одно́мъ гла́зѣ. Понюхало Ли́хо по сторона́мъ и говори́тъ: „Э, да у меня́ ника́къ го́сти; бу́детъ мнѣ, что позавтракать: давне́нько я человѣ́ческаго мя́са не ѣда́ла.“ Вздуло Ли́хо лучи́ну и стащи́ло кузнеца́ съ пе́чи, сло́вно ребёнка ма́лаго. „Добро́ пожа́ловать, нежда́нный гость; спаси́бо, что забрёлъ; чай ты проголода́лся и отощалъ;“ и щу́паетъ Ли́хо кузнеца́, жирёнъ-ли; а у того́ отъ стра́ху всѣ живо́тики подвело́. „Ну, не́чего дѣлать, дава́й сперва́ пу́жинаемъ,“ говори́тъ Ли́хо; принесло́ большо́е бе́ремя дровъ, затопи́ло печь, зарѣзало бара́на, убра́ло и изжа́рило.

Сѣли у́жинать: Ли́хо по че́тверти бара́на за разъ въ ротъ кладётъ, а кузнецу́ кусо́къ въ го́рло не идётъ, да́ромъ что цѣ́лый день ничего́ не ѣлъ. Спра́шиваетъ Ли́хо у кузнеца́: „кто ты тако́въ, до́брый человѣ́къ? — Кузне́цъ. — „А что умѣешь кова́ть? — Да всё умѣю. „Скуй мнѣ глазъ!“ — Изво́ль, говори́тъ кузне́цъ, да есть-ли у тебя́ верёвка? На́до тебя́ связа́ть, а то ты неда́шься; я бы тебѣ́ вкова́лъ глазъ.“ Ли́хо принесло́ двѣ верёвки, одну́ то́лстую, а другу́ю пото́ньше. Кузне́цъ взялъ верёвку пото́ньше, связа́лъ Ли́хо, да и говори́тъ: „а ну-ка, ба́бушка, повернись!“ — Повернулось Ли́хо и разорва́ло верёвку. Вотъ кузне́цъ взялъ уже́ то́лстую верёвку, скрути́лъ ба́бушку хорошёнько. „А ну-ка тепе́рь повернись! Повернулось Ли́хо и не разорва́ло верёвокъ. Тогда́ кузне́цъ нашёлъ въ избѣ́ желѣзный шкво́рень, разжёгъ его́ въ печи́ до бѣла, поста́вилъ Ли́ху на са́мый глазъ, на здоро́вый, да какъ уда́ритъ по шкво́рню мо́лотомъ — такъ глазъ то́лько зашипѣлъ. Повернулось Ли́хо, разорва́ло всѣ верёвки, вскочи́ло какъ бѣ́шеное, сѣ́ло на поро́гъ и кри́кнуло: „хорошо́-же, злодѣй! тепе́рь ты не уйдёшь отъ меня́.“

Пу́ще пре́жняго испуга́лся кузне́цъ, сиди́тъ въ углу́ ни живъ ни мёртвъ; такъ всю но́чку и просидѣ́лъ, да́ромъ что спать хотѣ́лось. По утру́ ста́ло Ли́хо выпуска́ть бара́новъ на па́шню, да всё по одному́: пощу́паетъ, то́чно ли бара́нъ, схва́титъ за́ спину, да и вы́кинетъ за две́ри. Кузне́цъ вы́вернулъ свой тулу́пъ ше́рстью вверхъ, надѣ́лъ въ рукава́ и

пошёлъ на четверёнькахъ. Лихо пощупало: чуетъ — баранъ; схватило кузнеца за спину, да и выкинуло изъ избы. Вскочилъ кузнецъ, перекрестился и давай Богъ ноги! Прибѣжалъ домой; знакомые его спрашиваютъ: отчего это ты посѣдѣлъ?“ — „У Лиха переночевалъ,“ говоритъ кузнецъ: „знаю я теперь, что такое Лихо: и ѣсть хочется, да не ѣшь, и спать хочется, да не спишь.“

283. Никита Кожемяка.

Въ старые годы проявился недалеко отъ Кіева страшный змѣй. Много народу изъ Кіева потаскалъ онъ въ свою берлогу, потаскалъ и поѣлъ. Утащилъ змѣй и царскую дочь, но не съѣлъ ея, а крѣпко-накрѣпко заперъ въ своей берлогѣ. Увязалась за царевной изъ дому маленькая собачёнка. Какъ улетитъ змѣй на промыселъ, царевна напишетъ записку къ отцу, къ матери, привяжетъ записочку собачёнкѣ на шею и пошлётъ ее домой. Собачёнка записочку отнесётъ и отвѣтъ принесётъ.

Вотъ разъ царь и царица пишутъ къ царевнѣ: „узнай-де отъ змѣя, кто его сильнѣе.“ Стала царевна отъ змѣя допытываться и допыталась: „есть, говоритъ змѣй, въ Кіевѣ Никита Кожемяка — тотъ меня сильнѣе.“ Какъ ушёлъ звѣрь на промыселъ, царевна написала къ отцу, къ матери записочку: „есть-де въ Кіевѣ Никита Кожемяка; онъ одинъ сильнѣе змѣя; пошлите Никиту меня изъ неволи выручать.

Искалъ царь Никиту и самъ съ царицею пошёлъ его просить; выручить ихъ дочку изъ тяжкой неволи. Въ ту пору мялъ Кожемяка разомъ двѣнадцать воловьихъ кожъ. Какъ увидалъ Никита царя, испугался, руки у Никиты задрожали — разорвалъ онъ разомъ всѣ двѣнадцать кожъ. Разсердился тутъ Никита, что его испугали и ему убытку надѣлали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну — не пошёлъ.

Вотъ и придумали царь съ царицею собрать пять тысячъ малолѣтнихъ сиротъ (осиротилъ ихъ лютый змѣй), и послали ихъ просить Кожемяку освободить всю русскую землю отъ великой бѣды. Сжалился Кожемяка на сиротскія слёзы, самъ прослезился. Взялъ онъ 300 пудовъ пеньки, насмолилъ её смолою, весь пенькою обмотался и пошёлъ. Подходитъ Никита къ змѣиной берлогѣ; а змѣй заперся, брёвнами завалился и къ нему не выходитъ. „Выходи лучше въ чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу,“ сказалъ Кожемяка и сталъ уже брёвна руками разбрасывать. Видитъ змѣй бѣду неминучую, некуда ему отъ Никиты спрятаться: вышелъ въ чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалилъ змѣя на землю и хотѣлъ его душить. Сталъ тутъ змѣй молить Никиту: „Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнѣе насъ съ тобой никого на свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ же весь свѣтъ поровну, ты будешь владѣть въ одной половинѣ, а я въ другой.“

— Хорошо, сказалъ Никита; надо же прежде межу проложить, чтобы потомъ спору промежъ насъ не было. — Сдѣлалъ Никита соху

въ 300 пудо́въ, запря́гъ въ неё змѣя́ и сталъ отъ Ки́ева межу́ прокла́дывать, бо́розду пропа́хивать; глубино́й та борозда́ въ двѣ саже́ни съ че́твертью. Провёлъ Ники́та бо́розду отъ Ки́ева до са́маго Чёрнаго мо́ря и говори́тъ змѣю: „Зе́млю мы раздѣли́ли, тепе́рь дава́й мо́ре дѣли́ть, что́бы и о водѣ проме́жъ насъ спо́ру не вы́шло.“ Ста́ли во́ду дѣли́ть: вогна́лъ Ники́та змѣя въ Чёрное мо́ре, да тамъ его́ и утопи́лъ.

Сдѣлавши свято́е дѣло, вороти́лся Ники́та въ Ки́евъ, сталъ опя́ть ко́жи мять, не взялъ за свой трудъ ничего́. Царе́вна же вороти́лась къ отцу́, къ ма́тери.

Борозда́ Ники́тина, говоря́тъ, и тепе́рь ко́е-гдѣ по степи́ видна́; стои́тъ она́ ва́ломъ саже́ни въ двѣ высото́ю. Круго́мъ мужички́ па́шутъ, а борозды́ не распа́хиваютъ: оставля́ютъ её на па́мять о Ники́тѣ Кожемя́кѣ.

284. Утро въ гора́хъ.

Взошла́ заря́. Изъ-за тума́новъ,
На небоскло́нѣ голубо́мъ
Главы́ грани́тныхъ велика́новъ
Встаю́тъ, увѣ́нчанныя льдомъ.
Въ ущелье́ о́блако проснулось,
Какъ па́русъ ро́зовый надулось
И понесло́сь по вышинѣ́.
Всё ды́шетъ у́тромъ. За овра́гомъ,
По косого́ру, ѣ́детъ та́гомъ
Черке́съ на бо́рзомъ скакунѣ́.
Ещё лѣни́вое свѣти́ло
Росы́ холмо́въ не осуши́ло.
Со скалъ высо́кихъ, надъ путёмъ,
Склони́лся ди́кій виногра́дникъ;
Его́ серебря́нымъ дождёмъ
Оси́панъ ча́сто конь и вса́дникъ:
Небре́жно бро́сивъ повода́,
Краси́вой плёткой онъ маха́етъ
И пѣ́сню дѣ́довъ иногда́
Склоня́сь на гри́ву, напѣва́етъ;
И да́льній о́тзывъ за горо́й
Уны́ло вто́ритъ пѣснѣ той.

Лермонтовъ.

285. Утро на берегу́ о́зера.

Ясно у́тро. Ти́хо вѣетъ
Тёплый вѣтеро́къ;
Лугъ, какъ ба́рхатъ, зеленѣетъ,
Въ за́ревѣ восто́къ.
Окаймлённое куста́ми
Молоды́хъ раки́тъ,
Разноцвѣтными огня́ми
Озеро блести́тъ.
Тишинѣ и со́лнцу ра́до,
По равни́нѣ водъ
Лебеде́й ручно́е ста́до
Ме́дленно плывётъ;
Вотъ одинъ взмахну́лъ лѣни́во
Кры́льями — и вдругъ
Вла́га бры́знула игри́во
Жемчуго́мъ вокру́гъ.
Привяза́въ къ раки́тамъ ло́дку,
Мужики́, вдвоёмъ,
Близъ осо́ки, втихомо́лку
Тя́нутъ сѣть съ трудо́мъ.
По травѣ, въ руба́шкахъ бѣ́лыхъ,
Ска́чутъ босико́мъ
Два мальчи́шка загорѣ́лыхъ
На прута́хъ верхо́мъ.
Кру́пный потъ съ нихъ гра́домъ льётся,
И лицо́ гори́тъ;
Зву́чно смѣхъ ихъ раздаётся,
Голосо́къ звени́тъ.

Никитинъ.

286. На Днѣпрѣ въ половодье.

Свѣта́ло. — Вѣтеръ гну́лъ упру́гое стекло́
Днѣпра́, ещё въ волна́хъ не пробужда́я зву́ка . . .
Стари́къ отча́ливалъ, опе́ршись на весло́,
А ме́жду тѣмъ ворча́лъ на вну́ка.
Отъ ве́селъ къ бе́регу кудря́вый слѣдъ бѣжа́лъ,
Струи́ подъ ло́дкой закипѣ́ли;
Нашъ па́русъ, ме́дленно наду́вшись, задрожа́лъ,
И мы, какъ пти́цы, полетѣ́ли.
И я́ркимъ зо́лотомъ, и чи́стимъ серебро́мъ
Змѣ́ились облако́въ прозра́чныхъ очерта́нья,
Надъ разыгра́вшимся, каза́лося, Днѣпро́мъ
Струи́лися отъ волнъ благоуха́нья.
За на́ми ме́льница едва́ — едва́ видна́,
И бе́регъ посинѣ́лъ зелёный . . .
И вотъ подъ ло́дкою вздрогну́вшей быстрина́
Сверка́етъ ста́лью воронёной . . .
А тамъ зато́пленный на встрѣ́чу лѣсъ летѣ́лъ . . .
Въ него́ зерка́льные врыва́лися зали́вы;
Надъ со́нной вла́гою тамъ то́поль зеленѣ́лъ,
Бѣлѣ́ли я́блони и трепета́ли и́вы.
И подъ лобза́ніе немо́лкнущей струи́,
Пѣ́вцы́, кото́рымъ лѣсъ да во́лны лишь внима́ли,
Съ како́й-то нѣ́гою задо́рной, соловьи́
Пусты́нный во́здухъ раздража́ли.
Вотъ изумру́дный лугъ, вотъ жёлтые пески́
Горя́тъ въ сія́ньи золоти́стомъ;
Вонъ у́тка кра́дется въ тростни́къ; — вонъ кулики́
Безпе́чно бѣ́гаютъ со сви́стомъ. —
Оста́лся-бъ здѣсь дыша́ть, смотрѣ́ть и слу́шать вѣкъ . . .

Фетъ.

287. Купа́нье въ дере́внѣ.

Быва́ло со́лнце безъ луче́й
Стои́тъ и рдѣетъ въ бе́зднѣ па́ра;
Тяжёлый во́здухъ по́лонъ жа́ра,
Вода́ чуть дви́жется; надъ ней
Склони́лась то́мными вѣтвя́ми
Деревъ безжи́зненная тѣнь;
На по́лѣ жа́твы, межъ скирда́ми,
Нево́льная почіе́тъ лѣ́нь,
И ко́ни спу́танные бро́дятъ,
И псы валя́ются; молча́тъ
Село́ и хо́лмы; ду́шенъ садъ,
И пти́цы пѣ́сенъ не заво́дятъ....
Туда́, туда́, друзья́ мои́!
На скатъ горы́, на брегъ зелёный,
Гдѣ дре́млютъ Со́роти студёной,
Гостепріи́мныя струи́,
Гдѣ, подъ куста́рникомъ тѣни́стымъ,
Дугою вы́далась она́,
По гла́ди во́гнутаго дна
Песко́мъ усы́панной серебри́стымъ . . .
Оде́жду прочь! Пере́дъ челомъ
Протя́немъ ру́ки удали́я —
И бухъ! — Блиста́тельнымъ дождёмъ

Взлета́ютъ бры́зги водяны́я . . .
Кака́я си́льная волна́!
Кака́я свѣ́жесть и прохла́да! . . ,
Дышу́ вольнѣе, свѣ́телъ взоръ,
Въ холо́дной нѣ́гѣ оживаю́, —
И бодръ, и ве́селъ выбѣга́ю
Травы́ на ба́рхатный ковёръ.

Языковъ.

288. Жизнь за Царя́.

Иду́тъ, а снѣгъ имъ по колѣ́ни,
И къ ве́черу ужъ бли́зокъ день;
Уста́ли ля́хи, слы́шны пе́ни,
Не ви́дно сёлъ, ни деревѣ́нь,
Въ сердца́хъ тайтся подозрѣ́нье,
Во взо́рахъ ихъ ожесточе́нье.
— Куда́ ведёшь ты насъ, сѣдо́й?
Гляди́, весь лѣ́съ сплелся́ стѣно́й!
Нѣтъ ни тропи́нки, ни доро́ги,
Въ каку́ю глушь заведены́!
Однѣ́ медвѣ́жьи тутъ берло́ги
Чапы́жникомъ завалены́!
— Путь до́логъ, ка́жется, родны́е,
Тому́, кто въ пе́рвый разъ идётъ;
Но во́лосы мои́ сѣды́е
Вамъ знакъ, что я найду́ здѣ́сь слѣ́дъ."
Повёлъ ихъ въ ча́щу, межъ еля́ми.
Здѣсь хлѣщетъ лѣ́съ въ глаза́ вѣтвя́ми,
И слы́шенъ межъ нагі́хъ деревъ
Крикъ птицъ ночны́хъ, звѣри́ный рёвъ;
Мятѣ́ль клуби́тся въ но́чи тёмной,
Холо́дный, зи́мній вѣ́теръ вылъ,
Въ дубра́вѣ, снѣгомъ занесённой,
Волкъ за добы́чею слѣди́лъ,
И со́вы зо́ркія лета́ли;
Но вотъ со всѣхъ сторо́нъ овра́гъ.
— Куда́! — Суса́нину вскрича́ли,
Куда́ ты насъ завёлъ, злой врагъ!
Поги́бнешь! — „Когда́ хоти́те,
Вотъ голова́ моя́ — руби́те!
Ищи́те са́ми вы пути́,
А до Царя́ вамъ не дойти́!
Что ста́ли? говорю́ вамъ я́сно,
Далёко на́ше со́лнце кра́сно!
Мнѣ смерть близка́, я зна́ю самъ,
За зла́то-жъ ду́шу не отда́мъ!
У ру́сскихъ не найдёшь измѣ́ны."
И палъ Суса́нинъ поражённый . . .
Онъ палъ за ру́сскаго царя́.

Крестья́нинъ Слѣпушкинъ.

289. Каннитферстáнъ.

Чáсто мы на свою́ негоду́емъ судьбу́: а е́сли разсу́дишь, какъ всё на свѣтѣ невѣ́рно, то се́рдцемъ смири́шься и ста́нешь Бо́га за у́часть свою́ прославля́ть. Ино́му тру́днѣе о́пытъ тако́й достаётся, ино́му ле́гче. И вотъ какъ разъ до прему́дрости э́той, не у́мствуя мно́го, а про́сто слу́чаемъ стра́ннымъ, одно́ю заба́вной оши́бкой добра́лся бѣ́дный нѣме́цкій реме́сленникъ... Былъ по како́му-то дѣ́лу онъ въ Амстердáмѣ, голлáндскомъ го́родѣ; — го́родъ бога́тый, пы́шный, зда́нья огро́мныя, тьма корабле́й. Заглядѣ́лся бѣ́дный мой нѣмецъ, глаза́ разбѣжа́лись. Вдругъ онъ уви́дѣлъ домъ, како́го не сни́лось ему́ и во снѣ: до деся́тка трубъ, три жилья́, зерка́льныя о́кна, воротá съ до́брый сарáй — удивле́нье! Съ смире́ннымъ покло́номъ спроси́лъ онъ пе́рваго встрѣ́чнаго: „Чей э́то домъ, въ кото́ромъ такъ мно́го въ о́кнахъ тюльпáновъ, нарци́ссовъ и розъ?“ Но, ви́дно, прохо́жій — и́ли былъ за́нятъ, и́ли сто́лько же зналъ по-нѣме́цки, ско́лько тотъ по-голлáндски, то есть, не зналъ ни полсло́ва, — какъ бы то ни бы́ло, каннитферстáнъ! отвѣча́лъ онъ. А э́то каннитферстáнъ есть голлáндское сло́во, иль лу́чше — четы́ре сло́ва, и зна́читъ оно́: не могу́ васъ поня́ть. Простоду́шный нѣмецъ, напро́тивъ, вздýмалъ, что такъ называ́лся владѣлецъ до́ма, о ко́емъ онъ спра́шивалъ: „Ви́дно, бога́тъ не на шу́тку э́тотъ каннитферста́тъ,“ сказа́лъ про себя́ онъ, любу́ясь до́момъ. Пото́мъ отпра́вился да́лѣе. Прихо́дитъ на при́стань — но́вое ди́во: тамъ корабле́й числа́ нѣтъ: ихъ ма́чты сло́вно какъ лѣсъ. Закружи́лась его́ голова́, и снача́ла онъ не вида́лъ ничего́, такъ мно́го онъ ра́зомъ уви́дѣлъ; но наконе́цъ на огро́мный кора́бль обрати́лъ онъ внима́нье. Этотъ кора́бль неда́вно пришёлъ изъ Остъ-Индіи: мно́го вкругъ суети́лось люде́й: его́ выгружа́ли. Какъ го́ры бы́ли нава́лены ты́ки това́ровъ; мно́жество бо́чекъ съ са́харомъ, ко́фе, пе́рцемъ, пшено́мъ сарачи́нскимъ. Рази́нувъ ротъ, съ удивле́ньемъ глядѣ́лъ на това́ры нашъ нѣмецъ, и свѣдать крѣ́пко ему́ захотѣ́лось, чьи бы́ли они́. У матро́са, нёсшаго тюкъ огро́мный, спроси́лъ онъ: „какъ называ́лся тотъ господи́нъ, кото́рому мо́ре сто́лько сокро́вищъ ра́зомъ присла́ло?“ Нахму́рясь, матро́съ проворча́лъ мимохо́домъ: каннитферстáнъ: — „Опя́ть! смотри́ пожа́луй! како́й-же э́тотъ каннитферстáнъ молоде́цъ! мудрено́ ли постро́ить домъ съ бога́тствомъ таки́мъ и разста́вить въ горшка́хъ золочённыхъ сто́лько тюльпáновъ, нарци́ссовъ и розъ по око́шкамъ?“ Пошёлъ онъ ме́дленнымъ ша́гомъ наза́дъ и заду́мался: го́ре взя́ло его́, когда́ онъ размы́слилъ, ско́лько бога́тыхъ на свѣтѣ, и какъ онъ бѣ́денъ. Но то́лько на́чалъ съ собо́ю онъ разсужда́ть, како́е бы́ло бы сча́стье, когда́-бъ онъ самъ былъ каннитферстáнъ, какъ вдругъ пе́редъ нимъ — погребе́нье. Ви́дитъ: четы́ре ло́шади въ чёрныхъ дли́нныхъ попо́нахъ, гробъ на дро́гахъ везу́тъ и ти́хо ступа́ютъ, какъ бу́дто зна́я, что мёртваго съ гро́бомъ въ моги́лу навѣки отвозятъ; вслѣ́дъ за гро́бомъ родны́е, друзья́ и знако́мые, мо́лча, въ тра́урѣ и́дутъ; вдали́ одино́ко звони́тъ погреба́льный ко́локолъ. Гру́стно ста́ло ему́, какъ всякой смире́нной, до́брой душѣ́ при ви́дѣ ме́ртваго тѣ́ла; сня́вши на́божно шля́пу, моли́тву творя́, проводи́лъ онъ глаза́ми ходъ погреба́льный: пото́мъ подошёлъ

къ одному́ изъ послѣ́днихъ, шє́дшихъ за гро́бомъ, кото́рый въ э́ту мину́ту былъ за́нятъ ва́жнымъ дѣ́ломъ: расчи́тывалъ ско́лько при́были чи́стой бу́детъ ему́ отъ прода́жи кори́цы и пе́рцу. Тихо́нько дёрнувъ его́ за кафта́нъ, онъ спроси́лъ: „коне́чно, поко́йникъ былъ вамъ до́брый прія́тель, что такъ вы заду́мались? кто онъ?“ Каннитферста́нъ! — былъ коро́ткій отвѣ́тъ. Покати́лись слёзы гра́домъ изъ глазъ у че́стнаго нѣ́мца, сдѣ́лалось тя́жко се́рдцу его́, а пото́мъ и легко́: и, вздохну́вши, сказа́лъ онъ: „бѣ́дный, бѣ́дный каннитферста́нъ; отъ тако́го бога́тства что оста́лось тебѣ́? Не то́же-ль, что ра́но иль по́здно мнѣ отъ моёй оста́нется бѣ́дности — са́ванъ и тѣ́сной гробъ.“ И въ мы́сляхъ таки́хъ побрёлъ онъ за тѣ́ломъ, какъ бу́дто самъ былъ родне́ю поко́йнику; въ це́рковь вошёлъ за други́ми, тамъ голла́ндскую про́повѣдь, въ ко́ей не по́нялъ ни сло́ва, вы́слушалъ съ чу́вствомъ глубо́кимъ, пото́мъ, когда́ опусти́ли Каннитферста́на въ зе́млю, запла́калъ, пото́мъ съ облегчённымъ се́рдцемъ пошёлъ свое́ю доро́гой. И съ тѣ́хъ поръ, какъ ско́ро грусть посѣща́ла его́, и ему́ станови́лось доса́дно ви́дѣть сча́стье бога́тыхъ люде́й, онъ всегда́ утѣша́лся, вспо́мнивъ о каннитферста́нѣ, — его́ несмѣ́тномъ бога́тствѣ, пы́шномъ до́мѣ, больша́мъ корабля́ — и тѣ́сной моги́лѣ.

290. Дѣ́тство Франкли́на.

Интере́сно узна́ть нѣ́которыя подро́бности изъ дѣ́тства и ю́ности изобрѣта́теля громовы́хъ отво́довъ. Вся жизнь э́того вели́каго человѣ́ка есть образе́цъ добродѣтели, му́дрости, неутоми́мыхъ трудо́въ и жела́нія бла́га бли́жнимъ: но пе́рвые го́ды его́ въ осо́бенности содержатъ въ себѣ́ мно́го поле́зныхъ уро́ковъ; они́ мо́гутъ пригото́вить къ тѣ́мъ обя́занностямъ, кото́рыя возлага́ются на человѣ́ка о́бществомъ, когда́ онъ достига́етъ соверше́ннаго во́зраста.

Вениами́нъ Франкли́нъ, столь мно́го содѣ́йствовавшій успѣ́хамъ просвѣще́нія въ Аме́рикѣ, роди́лся въ 1706 году́ въ но́вой Англіи, въ го́родѣ Босто́нѣ. Семе́йство его́ бы́ло многочи́сленно, бѣ́дно, — но че́стно и трудолюби́во. Оте́цъ его́, просто́й ла́мповщикъ, ду́малъ, что изъ э́того ребёнка та́кже, какъ изъ бра́тьевъ его́; вы́йдетъ скро́мный фабрика́нтъ; но вскоре́ замѣ́ченная имъ въ ма́ленькомъ Вениами́нѣ охо́та къ чте́нію и нау́камъ подала́ ему́ мысль посвяти́ть его́ духо́вному зва́нію. Для э́того о́тдалъ онъ его́ въ шко́лу, когда́ ему́ бы́ло то́лько ещё во́семь лѣ́тъ. Спустя́ нѣ́сколько вре́мени оказа́лось, что воспита́ніе его́ сто́итъ сли́шкомъ до́рого, и оте́цъ, полага́я, что сы́ну его́ совсѣ́мъ не ну́жно тако́е блестя́щее образова́ніе, чтобъ быть хоро́шимъ реме́сленникомъ, взялъ его́ изъ э́той шко́лы, и помѣсти́лъ въ другу́ю, гдѣ учи́ли то́лько чита́ть да писа́ть. Ита́къ Франкли́нъ о́чень ма́ло былъ обя́занъ учителя́мъ за свое́ воспита́ніе, потому́ что всему́ остально́му вы́учился самъ собо́ю. Возвратя́сь изъ шко́лы, онъ приня́лся за ремесло́ отца́; но по стра́сти своёй къ нау́камъ, не могъ ока́зывать въ нёмъ никаки́хъ успѣ́ховъ. Въ свобо́дное вре́мя онъ занима́лся чте́ніемъ, и успѣ́лъ прочита́ть всѣ кни́ги отцо́вской библіоте́ки и тѣ, ко-

то́рыя могъ покупа́ть на со́бственныя де́ньги. Благоразу́мный оте́цъ не хотѣлъ проти́виться накло́нности его́, и, что́бы упро́чить его́ состоя́ніе, рѣши́лся наконе́цъ опредѣли́ть его́ въ типогра́фію; у него́ уже́ былъ тамъ оди́нъ сынъ, и потому́ ничего́ не сто́ило отда́ть къ нему́ въ учёніе молода́го Веніами́на. Хотя́ ему́ бы́ло тогда́ не бо́лѣе 12 лѣтъ; одна́ко въ коро́ткое вре́мя онъ оказа́лъ удиви́тельные успѣхи въ сёмъ но́вомъ заня́тіи. Тутъ ему́ уже́ не тру́дно бы́ло доставля́ть кни́ги отъ прика́щиковъ тѣхъ книгопрода́вцевъ, съ кото́рыми онъ имѣлъ сноше́ніе по своей до́лжности. Всего́ бо́лѣе люби́лъ онъ чита́ть путеше́ствія, исто́рію и всё, что то́лько входи́ло въ соста́въ общеполе́зныхъ зна́ній.

Иногда́, въ числѣ про́чихъ книгъ, случа́лось ему́ находи́ть стихотворе́нія; они́ возбужда́ли въ на́шемъ ма́ленькомъ типогра́фщикѣ жела́ніе, свойственное мно́гимъ молоды́мъ лю́дямъ, то́же сочиня́ть стихи́. Онъ написа́лъ двѣ пѣсни, кото́рыя впослѣдствіи вре́мени самъ называ́лъ пѣснями слѣпцо́въ. Братъ его́ напеча́талъ э́ти два произведе́нія, изъ кото́рыхъ одно́, какъ ка́жется, имѣло успѣхъ: э́то польсти́ло самолю́бію молода́го Франкли́на, и, мо́жетъ быть, онъ потеря́лъ бы ещё мно́го вре́мени на пусто́е заня́тіе—писа́ть плохіе стихи́, е́слибъ оте́цъ не показа́лъ ему́ всѣхъ недоста́тковъ его́ сочине́нія, и тѣмъ са́мымъ не спасъ отъ несча́стія оста́ться на всегда́ дурны́мъ по́этомъ, т. е. са́мымъ безполе́знымъ существо́мъ въ мірѣ. Этого не дово́льно: впослѣдствіи до́брый оте́цъ оказа́лъ ему́ ещё другу́ю услу́гу. У Франкли́на былъ другъ, по и́мени Ко́ллинсъ, съ кото́рымъ онъ для упражне́нія вёлъ спо́рную перепи́ску. Молодо́й типогра́фщикъ отлича́лся умо́мъ и правописа́ніемъ; проти́вникъ его́—щеголева́тостію обороговъ и вы́боромъ выраже́ній. Оте́цъ Франкли́на замѣтилъ ему́ недоста́тки его́ и превосхо́дство предъ нимъ сопе́рника; Веніами́нъ почу́вствовалъ всю справедли́вость э́тихъ замѣча́ній, и далъ себѣ́ обѣща́ніе пріобрѣсть то, чего́ ему́ не доставало́. Тако́е послуша́ніе служи́ло доказа́тельствомъ двухъ прекра́сныхъ его́ ка́чествъ: уваже́нія къ благоразу́мію и о́пытности отца́ и превосхо́дства разсу́дка предъ го́рдостью.

Воздержность Франкли́на въ пи́щѣ и удово́льствіяхъ доставля́ла ему́ возмо́жность копи́ть де́ньги на поку́пку книгъ, кото́рыхъ онъ не могъ доставля́ть отъ свои́хъ прія́телей, и кото́рыя составля́ли для него́ еди́нственное сре́дство образова́нія. Онъ всегда́ такъ благоразу́мно распредѣля́лъ своё вре́мя, что до́лжность его́ по типогра́фіи ниско́лько не мѣша́ла стра́сти къ чте́нію. Таки́мъ о́бразомъ оди́нъ, безъ вся́кой друго́й по́мощи, кро́мѣ книгъ и прилежа́нія, онъ пріобрѣлъ поня́тія въ нау́кахъ, кото́рыя предназна́чено бы́ло ему́ впослѣдствіи усовершенствовать.

Таково́ бы́ло дѣтство э́того знамени́таго му́жа, кото́рый впослѣдствіи возвы́сился ме́жду учёными, занима́лъ пе́рвыя до́лжности въ госуда́рствѣ, былъ избира́емъ защи́тникомъ вы́годъ и правъ своего́ оте́чества проти́въ други́хъ на́цій. Таково́ бы́ло воспита́ніе Франкли́на, кото́рый хотя́ и сдѣлался одни́мъ изъ прави́телей госуда́рства, одна́ко не переставалъ труди́ться на по́льзу наро́днаго образова́нія; его́ Альмана́хъ слу́житъ ещё и до сихъ поръ образцо́вымъ сочине́ніемъ.

291. Нашъ долгъ.

Бы́ло ти́хое лѣ́тнее у́тро. Со́лнце уже́ дово́льно высоко́ стоя́ло на чи́стомъ не́бѣ, но поля́ ещё́ блестѣ́ли росо́й; изъ неда́вно проснувшихся доли́нъ вѣ́яло души́стой свѣ́жестью, и въ лѣ́су, ещё сыро́мъ и нешу́мномъ, ве́село распѣва́ли ра́нніе пти́чки. На верши́нѣ поло́гаго холма́, све́рху до́ низу покры́таго то́лько-что зацвѣ́тшею ро́жью, виднѣ́лась небольша́я деревѣ́нька. Въ э́той деревѣ́нькѣ, по у́зкой просёлочной доро́жкѣ, шла молода́я же́нщина, въ бѣ́ломъ кисе́йномъ пла́тьѣ, кру́глой соло́менной шля́пѣ и съ зо́нтикомъ въ рукѣ́. Казачёкъ и́здали слѣ́довалъ за ней. Она́ шла не торопя́сь и какъ бы наслажда́ясь прогу́лкой. Круго́мъ, по высо́кой, зы́бкой ржи, перелива́ясь, то серебри́сто-зелёной, то краснова́той ря́бью, съ мя́гкимъ ше́лестомъ бѣжа́ли дли́нныя во́лны, въ вышинѣ́ звенѣ́ли жа́воронки. Молода́я же́нщина шла изъ со́бственнаго своего́ села́, отстоя́вшаго не бо́лѣе верстѣ́ отъ деревѣ́ньки, куда́ она́ направля́ла путь; зва́ли её Алекса́ндрой Па́вловной Ли́пиной. Она́ была́ вдова́, бездѣ́тна и дово́льно бога́та, жила́ вмѣ́стѣ съ свои́мъ бра́томъ, отставны́мъ штабъ-ро́тмистромъ Серге́емъ Па́влычемъ Волы́нцевымъ. Онъ не́ былъ жена́тъ и распоряжа́лся ея́ имѣ́ніемъ.

Алекса́ндра Па́вловна дошла́ до деревѣ́ньки, останови́лась у кра́йней избу́шки, весьма́ вѣ́тхой и ни́зкой, и, подозва́въ своего́ казачка́, вела́ѣла ему́ войти́ въ неё и спроси́ть о здоро́вьѣ хозя́йки. Онъ ско́ро верну́лся, въ сопровожде́ніи дря́хлаго мужика́ съ бѣ́лой бородо́й.

— Ну что? спро́сила Алекса́ндра Па́вловна.

— Жива́ ещё . . . проговори́лъ стари́къ.

— Мо́жно войти́?

— Отчего́-же? мо́жно.

Алекса́ндра Па́вловна вошла́ въ избу́. Въ ней бы́ло и тѣ́сно, и ду́шно, и ды́мно . . . Кто-то закопоши́лся и застона́лъ на лежа́нкѣ. Алекса́ндра Па́вловна огляну́лась и уви́дѣла въ полумра́кѣ жёлтую и смо́рщенную го́лову стару́шки, повя́занной клѣ́тчатымъ платко́мъ. Покры́тая по са́мую грудь тяжёлымъ армяко́мъ, она́ дыша́ла съ трудо́мъ, сла́бо разводя́ худы́ми рука́ми.

Алекса́ндра Па́вловна прибли́зилась къ стару́шкѣ и прикосну́лась па́льцами до ея́ лба; онъ такъ и пыла́лъ.

— Какъ ты себя́ чу́вствуешь, Матрёна? спроси́ла она́, наклони́вшись надъ лежа́нкой.

О—хъ! простона́ла стару́шка, всмотрѣ́вшись въ Алекса́ндру Па́вловну.—Пло́хо, пло́хо, родна́я! Сме́ртный ча́сикъ пришёлъ, голу́бушка!

— Богъ ми́лостивъ, Матрёна: мо́жетъ быть, ты попра́вишься. Ты приняла́ лѣка́рство, кото́рое я тебѣ́ присла́ла?

Стару́шка тоскли́во заохала и не отвѣча́ла. Она́ не разслы́шала вопро́са.

„Приняла́,“ проговори́лъ стари́къ, останови́вшійся у две́ри. Алекса́ндра Па́вловна обрати́лась къ нему́.

— „Кро́мѣ тебя́ при ней никого́ нѣтъ?“ спроси́ла она́.

— „Есть дѣ́вочка“ — ея́ вну́чка, „да всё вотъ отлуча́ется. Не посиди́тъ: кака́я егозли́вая! Воды́ пода́ть испи́ть ба́бкѣ — и то лѣнь. А я самъ старъ, куда́ мнѣ?

— „Не перевести́ ли её ко мнѣ въ больни́цу?“

— „Нѣ́ть! зачѣ́мъ въ больни́цу! всё одно́ помира́ть-то. По́жила дово́льно; ви́дно, ужъ такъ Бо́гу уго́дно. Съ лежа́нки не схо́дить. Гдѣ-жъ ей въ больни́цу! Её ста́нутъ поднима́ть, она́ и помрётъ.

— „Охъ! застона́ла больна́я: — краса́вица — ба́рыня, сиро́точку-то мою́ не оста́вь; на́ши господа́ далёко, а ты. . .“

Стару́ха умо́лкла. Она́ говори́ла че́резъ си́лу.

— „Не безпоко́йся,“ промо́лвила Алекса́ндра Па́вловна: — „всё бу́детъ сдѣ́лано. Вотъ я тебѣ́ ча́ю и са́хару принесла́. Если захо́чется, вы́пей . . . Вѣдь самова́ръ у васъ есть?“ приба́вила она́ взгля́нувъ на старика́.

— „Самова́ръ-то? Самова́ра у насъ нѣ́ту, а доста́ть мо́жно.

— „Такъ доста́нь, а то я пришлю́ свой. Да прикажи́ вну́чкѣ, что́бы она́ не отлуча́лась, скажи́ ей, что э́то сты́дно.

Стари́къ ничего́ не отвѣча́лъ, а свёртокъ съ ча́емъ и са́харомъ взялъ въ о́бѣ ру́ки.

— „Ну прощай, Матрёна“ — проговори́ла Алекса́ндра Па́вловна: я къ тебѣ́ ещё приду́, а ты не унывай и лѣка́рство принима́й акура́тно.

Стару́ха приподняла́ го́лову и протяну́лась къ Алекса́ндрѣ Па́вловнѣ.

— „Дай, ба́рыня, ру́чку,“ пролепета́ла она́.

Алекса́ндра Па́вловна не дала́ ей руки́, нагну́лась и поцѣлова́ла её въ лобъ.

— „Смотри́те-же, сказа́ла она́, уходя́, старику́: „лѣка́рство ей дава́й непремѣ́нно, какъ напи́сано. . . И ча́емъ её напо́йте.

292. Откры́тіе Аме́рики.

Христофо́ръ Колу́мбъ, сынъ генуэ́зскаго ткача́, роди́лся въ 1436 году́. Въ мо́лодости свое́й онъ мно́го и прилѣ́жно учи́лся; занима́лся географіей и астроно́міей и соверши́лъ нѣ́сколько морски́хъ путеше́ствій, и уже́ въ то вре́мя запа́ла у него́ мысль, отпра́вившись по мо́рю на за́падъ, найти́ морско́й путь въ Индію. До́лго обду́мывалъ онъ э́ту мысль и наконе́цъ рѣши́лся её вы́полнить. Но для э́того ну́женъ былъ флотъ. Напра́сно предлага́лъ Колу́мбъ свои́ услу́ги правительствамъ Ге́нуи, Португа́ліи, Англіи: никто́ не рѣша́лся ввѣрить ему́ флотъ для тако́й, какъ ду́мали тогда́, безу́мной цѣ́ли. По́слѣ до́лгихъ неуда́чныхъ иска́тельствъ, удало́сь ему́ наконе́цъ вы́просить у испа́нскаго короля́ Фердина́нда и его́ супру́ги Изабе́ллы три небольши́е корабля́ и сто два́дцать человѣ́къ экипа́жа.

Ма́ленькій флотъ Колу́мба отпра́вился изъ Испа́ніи 3-го а́вгуста 1492 го́да и дней че́резъ де́вять былъ уже́ за Гибралта́рскимъ проли́вомъ, у Кана́рскихъ острово́въ. Спу́тники Колу́мба бы́ли всѣ́ лю́ди сме́лые и предпріи́мчивые; но, вы́ѣхавъ въ откры́тое и неизвѣ́стное мо́ре, ста́ли призаду́мываться; оди́нъ то́лько Колу́мбъ былъ вполнѣ́ увѣ́ренъ въ успѣхѣ своего́ предпрія́тія.

По́слѣ недо́лгаго зати́шья, кото́рое задержа́ло сме́лаго адмира́ла у Кана́рскихъ острово́въ, 9-го сентября́ поду́лъ наконе́цъ попу́тный вѣ́теръ, паруса́ напо́лнились, суда́ понесли́сь къ за́паду — и возвы-

шенности о́строва Фе́рро ско́ро потону́ли въ мо́рѣ: ста́рый міръ исче́зъ позади́ мореходцевъ, впереди́-же растила́лся безграни́чный и неизвѣ́данный океа́нъ. Плыву́тъ день, плыву́тъ другой — ничего́ не ви́дно, кро́мѣ не́ба и мо́ря. Наконе́цъ, на пя́тый день, показа́лись пти́цы: бѣ́лая хохла́тая ца́пля и бѣ́лая трясогу́зка. Мореходцы обра́довались, не зна́я ещё, какъ далеко́ отъ бе́рега мо́гутъ улета́ть э́ти пти́цы. Плыву́тъ ещё не́сколько дней и наде́жда начала́ потуха́ть въ сердца́хъ моряко́въ. Вѣ́теръ постоя́нно былъ попу́тный, потому́ что тамъ, гдѣ испа́нцы плы́ли, ду́ютъ о́сенью паса́тные вѣ́тры; но са́мое э́то постоя́нство вѣ́тра пуга́ло подчинённыхъ Колу́мба. Что бу́детъ съ на́ми, ду́мали они́, е́сли вѣ́теръ постоя́нно бу́детъ дуть всё въ одну́ сто́рону? Заѣ́демъ-то мы далёко, но какъ же воро́тимся наза́дъ?

Пого́да всё вре́мя стоя́ла отли́чная. Прохла́дный, освѣ́жающій во́здухъ, кро́ткое, постоя́нно я́сное не́бо, ти́хое мо́ре — всё бы́ло хорошо́. Колу́мбъ ра́довался, что ему́ благопрія́тствовала пого́да, но спу́тники его́, не имѣ́вшіе ни его́ ума́, ни его́ му́жества, начина́ли призаду́мываться и, мо́жетъ быть, ско́ро переста́ли бы повинова́ться своему́ адмира́лу, е́сли бы разли́чныя, обма́нчивыя, впро́чемъ, явле́нія по временамъ не пробужда́ли въ моряка́хъ наде́жды, что бе́регъ бли́зко, Ско́ро показа́лось на пове́рхности мо́ря мно́жество травы́, и чѣ́мъ да́лѣе плы́ли испа́нцы на за́падъ, тѣ́мъ бо́лѣе ея́ появля́лось: мо́ре каза́лось зелёнымъ лу́гомъ. Нѣ́которыя изъ э́тихъ расте́ній бы́ли тако́го ро́да, что могли́, каза́лось, расти́ то́лько на берегу́; други́я бы́ли такъ свѣ́жи и зе́лены, какъ бу́дто сейча́съ то́лько отдѣли́лись отъ по́чвы. Ча́сто во́злѣ корабле́й появля́лись пти́цы, а лету́чія ры́бы безпреста́нно проноси́лись надъ пове́рхностью мо́ря. Но вотъ прошло́ уже́ пятьдеся́тъ дней съ тѣ́хъ поръ, какъ суда́ оста́вили Испа́нію, и, не смотря́ на всѣ́ явле́нія, пока́зывающія бли́зость бе́рега, бе́рега не́ было. Въ сердца́ суевѣ́рныхъ спу́тниковъ Колу́мба на́чала закра́дываться опа́сная мысль, что мо́жетъ быть враждебныя си́лы наро́чно зама́ниваютъ ихъ э́тими явле́ніями всё впередъ да впередъ, что́бы тѣ́мъ удо́бнѣе погуби́ть ихъ. Матро́сы на́чали ропта́ть.

Ещё прошло́ не́сколько дней и коли́чество морско́й травы́ такъ умно́жилось, что испа́нцы ста́ли боя́ться, какъ бы имъ не попа́сть на подво́дную скалу́. Что́бы разсѣ́ять э́тотъ страхъ, адмира́лъ велѣ́лъ бро́сить лотъ: бро́сили и — не доста́ли дна. Ещё прошло́ не́сколько дней: бе́рега всё не вида́ть. Подчинённые Колу́мба ста́ли ропта́ть, собира́ться толпа́ми, почти́ гро́мко сожалѣ́ть, что они́ ввѣ́рили свою́ судьбу́ упря́мому человѣ́ку, кото́рый хотѣ́лъ, во что-бы то ни ста́ло, просла́вить своё и́мя. Колу́мбъ ви́дѣлъ всю опа́сность тако́го расположе́нія умо́въ, но притворя́лся весёлымъ: одни́хъ онъ успока́ивалъ ла́сковыми слова́ми, други́мъ сули́лъ бли́зкія бога́тства и стро́го нака́зывалъ тѣ́хъ, кото́рые свои́мъ упря́мствомъ мѣша́ли путеше́ствію. Тому́, кто пе́рвый уви́дитъ зе́млю, адмира́лъ обѣща́лъ большу́ю награ́ду; а съ каки́мъ нетерпѣ́ливымъ ожида́ніемъ онъ самъ смотрѣ́лъ на за́падъ, объ э́томъ и говори́ть не́чего, цѣ́лые дни онъ почти́ не сходи́лъ съ па́лубы. Въ одну́ изъ такихъ мину́тъ вдругъ послы́шался вы́стрѣлъ съ корабля́, ѣ́хавшаго впереди́, командиръ кото́раго, стоя́ на па́лубѣ, маха́лъ

шля́пою и въ восто́ргѣ крича́лъ: „Земля́, земля́! Синьо́ръ, мнѣ слѣ́дуетъ награ́да!“ Всѣ взволнова́лось: матро́сы полѣ́зли на ма́чты, кара́бкались по снастя́мъ и всѣ утвержда́ли, что земля́ видна́ на юго-за́падѣ; самъ Колу́мбъ поколеба́лся и велѣ́лъ поворо́тить въ ту сто́рону, гдѣ пока́залась земля́. Но къ у́тру земля́ изче́зла: о́блачко, кото́рое всѣ при́няли за зе́млю, разсѣ́ялось. Колу́мбъ сно́ва велѣ́лъ пра́вить на за́падъ, но ему́ повинова́лись ещё неохо́тнѣе пре́жняго: ничто́ такъ ду́рно не дѣ́йствуетъ на челове́ка, какъ обма́нутая наде́жда.

По счёту Колу́мба, флоти́лія его́ отъѣ́хала отъ Испа́ніи на семь сотъ морски́хъ миль, а бе́рега не то́лько не́было ви́дно, но 2-го октября́ исче́зла трава́ и пти́цы переста́ли пока́зываться. Матро́сы ду́мали, что они́ минова́ли уже́ тотъ бе́регъ, отку́да прилета́ли пти́цы, и ропта́ли на упря́мство Колу́мба, кото́рый не поворачивалъ ни къ се́веру, ни къ ю́гу, а всѣ пра́вилъ пря́мо на за́падъ. Къ сча́стію адмира́ла, че́резъ два дня сно́ва показа́лись пти́цы и при́знаки бли́зости земли́ такъ умно́жились, что наде́жда возроди́лась въ сердца́хъ матро́совъ, и они́, жела́я получи́ть обѣ́щанную награ́ду, ста́ли такъ ча́сто крича́ть: „земля́! земля́!“ что не дава́ли поко́ю. Колу́мбъ до́лженъ былъ объяви́ть, что тотъ, кто всполоши́тъ экипа́жъ напра́снымъ кри́комъ, теря́етъ пра́во на награ́ду, е́слибъ пото́мъ въ са́момъ дѣлѣ увида́лъ зе́млю. Число́ птицъ съ ка́ждымъ днёмъ увели́чивалось; показа́лся да́же пелика́нъ, кото́рый, какъ ду́малъ Колу́мбъ, никогда́ не улета́етъ далёко отъ бе́рега; са́мый во́здухъ каза́лся Колу́мбу напоённымъ благоуха́ніями дере́вьевъ.

Одна́ко, прошло́ ещё не́сколько дней, а бе́рега не́ было! Экипа́жъ начина́лъ теря́ть терпѣ́ніе и, когда́ наконе́цъ на семидеся́тый день пути́ со́лнце, не освѣ́тивъ бе́рега, сно́ва погрузи́лось въ безграни́чный океа́нъ — на корабля́хъ начало́сь возмуще́ніе. Всѣ тре́бовали, что́бы Колу́мбъ поворо́тилъ наза́дъ, и положе́ніе адмира́ла бы́ло са́мое отча́янное. Но, къ его́ вели́кому сча́стію, при́знаки земли́ на слѣ́дующій день такъ умно́жились, что са́мые невѣ́рующіе ста́ли вѣ́рить; появи́лась вѣ́точка съ я́годами, кото́рая, каза́лось, ещё неда́вно была́ отво́рвана отъ де́рева, и наконе́цъ да́же па́лка со всѣ́ми при́знаками прикоснове́нія къ ней руки́ челове́ка. Сно́ва всѣ ста́ли глядѣ́ть впередъ и ка́ждый жела́лъ пе́рвый увида́ть зе́млю.

Оста́вшись но́чью на па́лубѣ, Колу́мбъ не спуска́лъ глазъ съ за́пада: онъ чу́вствовалъ, что ещё оди́нъ день и ему́ бу́детъ у́же невозмо́жно удержа́ть въ повиновѣ́ніи свои́хъ матро́совъ, — ещё оди́нъ день и планъ цѣ́лой жи́зни разру́шенъ навсегда́! Вдругъ, о́коло десяти́ часо́въ ве́чера, показа́лось Колу́мбу, что вдали́ мелька́етъ огонёкъ. Опаса́ясь сно́ва возбуди́ть ло́жную наде́жду, адмира́лъ подозва́лъ одного́ изъ свои́хъ спу́тниковъ и тотъ подтверди́лъ его́ замѣча́ніе. Одна́ко же о́ба молча́ли, потому́ что огонёкъ то появля́лся, то исчеза́лъ. Боря́сь ме́жду стра́хомъ и наде́ждою, адмира́лъ смотрѣ́лъ на мерца́ющій огонёкъ до двухъ часо́въ утра́, когда́ наконе́цъ пу́шечный вы́стрѣлъ съ одного́ изъ суде́въ возвѣсти́лъ о появле́ніи земли́ — и на э́тотъ разъ уже́ дѣйстви́тельной земли́, бе́регъ кото́рой виднѣ́лся я́сно

не вдалекѣ, не бо́лѣе, какъ на разстоя́ніи двухъ морски́хъ миль. Это бы́ло у́тромъ, 12-го октября́, 1492 го́да.

Такъ соверши́лъ Колу́мбъ своё вели́кое предпрія́тіе и разоблачи́лъ та́йну, до́лго скрыва́емую океа́номъ. Мечта́ Колу́мба наконе́цъ осуществи́лась и онъ добы́лъ себѣ сла́ву, кото́рая не исче́знетъ до тѣхъ поръ, пока́ міръ бу́детъ стоя́ть.

293. Укроти́тели змѣй.

Объ укроти́теляхъ змѣй въ Индіи а́нглійскій путеше́ственникъ Райле́й въ свои́хъ „разска́захъ“ передаётъ сле́дующее:

Въ ко́мнатѣ стоя́ли два челове́ка. Пови́димому, они́ бы́ли ара́бы. Мнѣ сказа́ли, что они́ принадлежа́тъ къ особли́вому ро́ду люде́й, кото́рые умѣютъ очаро́вывать змѣй. По́длѣ две́ри, на полу́, находи́лся деревя́нный я́щикъ въ четы́ре фу́та длины́ и въ два ширины́; онъ закрыва́лся подо́бно западнѣ подъёмною две́ркою, къ кото́рой была́ привя́зана бичёвка, продёрнутая въ замо́чную сква́жину ко́мнатной две́ри. Оба чарова́теля едва́ бы́ли покры́ты оде́ждою — ма́ленькими „ха́йками.“ Соверши́въ со всею до́лжною на́божностью свои́ религіо́зные обря́ды, они́ какъ мнѣ каза́лось, на́чали проща́ться другъ съ дру́гомъ навѣки. По́слѣ э́того оди́нъ изъ нихъ вы́шелъ изъ ко́мнаты и за́перъ за собо́ю дверь на́глухо. Оста́вшійся въ запертѝ ара́бъ, пови́димому, былъ въ соверше́нномъ отча́яніи. Я ви́дѣлъ, какъ си́льно би́лось у него́ се́рдце и какъ стра́шно поднима́лась грудь. Онъ гро́мко воскли́кнулъ три ра́за: „Алла́хъ ху кибе́ръ!“ что, на ско́лько я могъ понима́ть, зна́чило: „Бо́же, бу́ди ми́лостивъ ко мнѣ!“ Этотъ ара́бъ стоя́лъ въ да́льнемъ концѣ ко́мнаты. Вдругъ две́рка я́щика вскры́лась и отту́да ти́хо вы́ползла змѣя́. Она́ имѣла четы́ре фу́та длины́ и о́коло восьми́ дю́ймовъ въ окру́жности. Кра́ски на ея́ ко́жѣ бы́ли са́мыя роско́шныя, я́рко перелива́вшіяся въ жёлтый, пу́рпурный и сли́вочный цвѣтъ съ чёрными и кори́чневыми пя́тнами. Едва́ она́ зави́дѣла ара́ба, находи́вшагося въ ко́мнатѣ, какъ ея́ небольши́е и зелёные глаза́ загорѣлись огнёмъ, она́ поднялась и какъ бы вста́ла — голова́ ея́ отдѣли́лась отъ по́лу на два фу́та. Какъ стрѣла́ ки́нулась она́ на беззащи́тнаго ара́ба, проскользну́ла ме́жду скла́дками ха́йки и впила́сь ему́ въ бедро́ съ стра́шнымъ шипѣніемъ, ара́бъ вскри́кнулъ раздира́ющимъ ду́шу го́лосомъ. — Въ э́ту мину́ту показа́лась изъ западни́ друга́я змѣя́. Эта была́ чёрная, необыкнове́нно блестя́щая, фу́товъ семи́ или восьми́ длины́ и бо́лѣе двухъ дю́ймовъ въ попере́чникѣ. То́лько что вы́шла она́ изъ я́щика, какъ устреми́ла пла́менные глаза́ на свою́ же́ртву, и, бро́сившись на ара́ба, вцѣпи́лась ему́ въ ше́ю, оберну́въ въ то́же мгнове́ніе своё ту́ловище вокру́гъ его́ тѣла тремя́ пе́тлями. Ара́бъ сно́ва завопи́лъ са́мымъ жа́лобнымъ го́лосомъ. Пѣна показа́лась у него́ изо рта. Онъ схвати́лъ га́дину по среди́нѣ пра́вою руко́ю, а лѣвою по́слѣ ея́ голо́вы и уси́ливался сорва́ть её съ себя́; но напра́сно. Ме́жду тѣмъ друга́я змѣя́ опу́талась вокру́гъ его́ ногъ, и, куса́я ни́жнія ча́сти его́ тѣла, надѣлала на нёмъ глубо́кія я́звы. Кровь текла́ изъ ка́ждой ра́ны и обагря́ла его́

ко́жу и оде́жду. Я былъ поражёнъ у́жасомъ; но́ги мои́ едва́ подде́рживали меня́. Не смотря́ на всѣ уси́лія ара́ба оторва́ть змѣй, онѣ всё плотнѣе и плотнѣе обвива́лись вокру́гъ него́. Дыха́ніе его́ замедли́лось, онъ упа́лъ, на́чалъ ката́ться по по́лу, обли́тому его́ слюно́ю и кро́вью, наконе́цъ останови́лся безъ вся́каго движе́нія, и, какъ мнѣ ду́малось, испусти́лъ послѣдній вздохъ. Въ предсме́ртной му́кѣ онъ пора́нилъ чёрную змѣю́ зуба́ми въ то вре́мя, какъ она́ уси́ливалась впихну́ть ему́ въ ротъ свою́ го́лову. Ра́на ещё бо́льше распали́ла я́рость га́дины. Въ э́ту мину́ту до моего́ слу́ха долетѣли рѣзкіе зву́ки свистка́; я оберну́лся и уви́дѣлъ, что друго́й ара́бъ игра́лъ на како́мъ-то инструме́нтѣ. Змѣи на́чали прислу́шиваться къ нестро́йной му́зыкѣ, свирѣпость ихъ постепе́нно исчеза́ла; онѣ оста́вили безжи́зненный, повиди́мому, трупъ, и влѣзли въ я́щикъ, гдѣ и бы́ли то́тчасъ же за́перты опусти́вшеюся две́ркою. Дверь въ ко́мнату въ э́то вре́мя отвори́лась, и въ неё вбѣжа́лъ ара́бъ на помо́щь къ своему́ това́рищу. Въ одно́й рукѣ у него́ была́ стекля́нка съ како́ю-то чёрною жи́дкостью, а въ друго́й желѣзное до́лото. Найдя́, что у лежа́вшаго на полу́ ара́ба зу́бы бы́ли пло́тно сти́снуты, онъ воткну́лъ ме́жду нихъ до́лото, и, раскры́въ че́люсти, влилъ ему́ въ ротъ небольшо́е коли́чество лѣка́рства. Пото́мъ, сжавъ ему́ па́льцами гу́бы, самъ приложи́лся ртомъ къ но́су уме́ршаго и наду́лъ ему́ лёгкія во́здухомъ; за э́тимъ вы́мазалъ ему́ всѣ ра́ны то́ю же жи́дкостью. Жизнь однако́-же не возвраща́лась. Я ду́малъ, что несча́стный дѣйстви́тельно у́меръ: ше́я у него́ и всѣ ве́ны си́льно разду́лись; но това́рищъ, подня́въ его́ на ру́ки, вы́несъ на свѣжій во́здухъ и продолжа́лъ ещё нѣсколько дуть ему́ въ носъ. Наконе́цъ, жизнь прояви́лась — бѣдня́къ вздохну́лъ и че́резъ непродолжи́тельное вре́мя опра́вился на сто́лько, что могъ уже́ говори́ть. Опухоль на ше́ѣ, на тѣлѣ и на нога́хъ ма́ло по ма́лу опа́ла при непреста́нной промы́вкѣ ранъ гу́бкою съ чи́стою, холо́дною водо́ю и при сма́зываніи отъ вре́мени до вре́мени чёрною жи́дкостью. Его́ обверну́ли въ чи́стую оде́жду; но си́лы его́ бы́ли ещё до того́ сла́бы, что онъ не́ былъ въ состоя́ніи поддержа́ть себя́. Това́рищъ положи́лъ его́ на́земь по́длѣ стѣны́, гдѣ онъ въ ско́рости и засну́лъ. Это представле́ніе продолжа́лось о́коло ча́су, счита́я съ того́ вре́мени, какъ показа́лись змѣи, до мину́ты, когда́ онѣ бы́ли отозваны свисто́мъ; но прошло́ о́коло ча́су, пре́жде не́жели иску́санный ара́бъ могъ заговори́ть. Я дога́дывался, что ядови́тые зу́бы у э́тихъ ужа́сныхъ змѣй были вы́рваны и упомяну́лъ объ э́томъ чарова́телю, кото́рый, дѣйстви́тельно, и подтверди́лъ мою́ дога́дку. Но когда́ я пожела́лъ узна́ть, каки́мъ о́бразомъ, за отсу́тствіемъ э́тихъ зубо́въ, могли́ быть причинены́ о́пухоли, то онъ увѣря́лъ меня́, что хотя́ они́ и бы́ли вы́рваны, одна́ко-же ядови́тое сво́йство дыха́нія и слюны́ э́тихъ пресмыка́ющихся могли́ причини́ть смерть тѣмъ, на кого́ они́ нападали, что по́слѣ укуше́нія любо́й изъ э́тихъ змѣй никако́й челове́къ не переживётъ пятна́дцати мину́тъ, что сре́дствами спасе́нія отъ нихъ не обладаетъ никто́, кро́мѣ тѣхъ, кому́ Алла́хъ далъ возмо́жность очаро́вывать и укроща́ть ихъ, и что, наконе́цъ, онъ съ свои́мъ това́рищемъ принадлежи́тъ къ числу́ избра́нныхъ.“

294. Михайлъ-Ивáнычъ Топтыгинъ-доказчикъ.

Извѣстно, что Сибúрь вполнѣ мóжетъ потягáться своúми водáми, горáми и лѣсáми съ любóю странóю земнáго шáра. Въ географіяхъ знáчится, что на сѣверѣ ея́ находятся болóта, порóсшія мхомъ, тростникóмъ, мéлкимъ кустáрникомъ и небольшúми деревьями, что въ срéдней и осóбенно въ ю́жной ея́ чáсти мнóго необозрúмыхъ дремýчихъ лѣсóвъ изъ е́ли, сосны́, лúственницы, пúхты, велúчественнаго кéдра, берёзы, и́вы, клёна и душúстаго тóполя; что луга́ ея́ и равнúны покрúты тýчною травóю и украшены большúмъ разнообрáзіемъ полевы́хъ ароматныхъ цвѣтóвъ. Извѣстно тáкже, что пчеловóдство въ Сибúри распространенó значúтельно и усúливается съ кáждымъ гóдомъ всё бóлѣе и бóлѣе. А такъ-какъ лѣсá и мёдъ составля́ютъ два услóвія, чрезвычáйно вáжныя для Михайлъ-Ивáныча (говоря́тъ, что сáмое назва́ніе медвѣдя произошлó вслѣдствіе осóбеннаго егó расположéнія къ мёду), то при такúхъ удóбствахъ къ жúзни живóтное э́то осóбенно многочúсленно въ сибúрскихъ лѣсáхъ или тáйгахъ, (какъ ихъ здѣсь называ́ютъ), и онó тамъ встрѣчáется величины́ громáдной. Понáтно, что при многочúсленности медвѣдéй бываетъ мнóжество слýчаевъ, про котóрые хóдятъ занимáтельные разскáзы. Вотъ одúнъ изъ такúхъ разскáзовъ, котóрый передаю́тъ сибиряки́ съ увѣренностію.

Увѣря́ютъ, что въ Сибúри медвѣди бывáли въ сýдныхъ дѣлáхъ. Такъ, напримѣръ, въ кúйскій, нынѣ марíинскій уѣздный судъ, нѣсколько разъ приводúли одного́ медвѣдя, для дáчи показáній. Одúнъ нижегорóдецъ, обучúвъ Мúшеньку рáзнымъ штýкамъ, показывалъ егó по городáмъ и деревня́мъ за довóльно вы́годную для себя́ цѣнý. Мѣсяца въ четы́ре онъ собрáлъ поря́дочную сýмму и разъ забрёлъ въ одну́ дерéвню марíинскаго уѣзда. Былъ лѣтній прáздничный день; народу мнóго. Хозя́инъ Михайлъ-Ивáныча зарáнѣе расчúтывалъ свои́ барыши́, зна́я по о́пыту страсть сибиряко́въ щéдро платúть дéньги за всё, въ осóбенности когда́ подгуля́ютъ. Ожидáнія егó увѣнчáлись пóлнымъ успѣхомъ: онъ цѣлый день переходúлъ отъ одно́й избы́ къ другóй и егó питóмецъ показывалъ, какъ ребятúшки воруютъ горóхъ, какъ бáба стря́пала да угорѣла и. т. п., за пятаки́ и грúвны, сы́павшіеся изъ карма́новъ подгуля́вшихъ пáрней. Въ осóбенности нижегорóдъ дóлго прóбылъ у волостнáго головы́, пилъ самъ вóдку, не забывáлъ и своегó кормúльца, какъ онъ называ́лъ медвѣдя. Наконéцъ, когда́ ужъ совсѣмъ стемнѣло и онъ дóсыта успѣлъ накаля́каться съ радýшными хозя́евами и поразсказáть имъ кóроба съ три разли́чныхъ дикóвинокъ, въ продолженіе чегó Мúшка, свернýвшись клубкóмъ, спалъ óколо негó, утомúвшись отъ своéй дневнóй работы, нижегорóдъ разбудúлъ звѣря, и, отблагодарúвъ хозя́евъ за хлѣбъ-соль, сталъ съ нúми прощáться. Онú бы́ло удéрживали егó и просúли остáться переночевáть у нихъ; но онъ сказáлъ, что лѣтомъ всегда́ ночу́етъ въ пóлѣ и, простúвшись, ушёлъ. Скóро прошлá íюльская ночь, и тóлько что мужúчки стáли пошевéливаться, чтобъ оправля́ться на работы, какъ вдругъ по дерéвнѣ раздáлся дóлгій, громкій, осóбенно страшный рёвъ медвѣдя. Всѣ повы́скакали на у́лицу и увúдѣли вчерáшняго забáвника пéредъ дóмомъ

волостна́го голово́ю, цара́пающаго дверь и жало́бно реву́щаго. Кольца́ въ носу́ у него́ не́ было, а са́мый носъ былъ въ крови́ и про́рванъ. Сдѣлался шумъ, наро́ду сбѣжа́лось еще́ бо́лѣе, вы́шелъ и волостно́й голова́. Лишь то́лько онъ показа́лся, какъ Ми́ша съ гро́мкимъ рёвомъ бро́сился къ нему́ и потащи́лъ его́ за по́лу за собо́ю. Голова́ снача́ла, разумѣется, испуга́лся; но ви́дя, что медвѣдь вчера́шній и что онъ не причиня́етъ ему́ никако́го вреда́, допусти́лъ его́ вести́ себя́, Ми́шенька поуспоко́ился и повёлъ его́ вонъ изъ дере́вни. За голово́й пошёлъ и весь наро́дъ. Отойдя́ версты́ съ полторы́, медвѣдь поверну́лъ въ лѣсъ, и не прошли́ они́ десяти́ шаго́въ, какъ онъ на что-то бро́сился и протя́жно заревѣлъ. Голова́ и слѣдовавшіе за нимъ лю́ди отступи́ли отъ предста́вившагося предъ нимъ зрѣлища. На лужа́йкѣ пла́валъ въ крови́, съ перерѣзаннымъ го́рломъ, бѣдный нижегоро́дъ; въ шага́хъ семи́ отъ него́ былъ вби́тъ въ зе́млю колъ, и о́коло него́ была́ прива́зана цѣпь, на кото́рой онъ води́лъ своего́ корми́льца. Тепе́рь э́тотъ корми́лецъ яви́лся за него́ мсти́телемъ. Медвѣдь какъ бу́дто рыда́лъ надъ свои́мъ хозя́иномъ. До́лго крестья́не стоя́ли, поражённые у́жасомъ преступле́нія, дивя́сь при э́томъ чу́вству привя́занности живо́тнаго къ человѣку, умѣвшему такъ его́ привяза́ть къ себѣ. Голова́ былъ съ голово́й; онъ смекну́лъ, что медвѣдь, указа́вшій ему́ на преступле́ніе, ука́жетъ и престу́пниковъ, кото́рые, по его́ расчёту, должны́ бы́ли быть изъ его́ дере́вни. Сообрази́въ всё э́то, онъ кли́кнулъ медвѣдя и пошёлъ наза́дъ. Ми́ша, какъ бы чу́вствуя необходи́мость повинова́ться, мо́лча отпра́вился за нимъ въ дере́вню. Лишь то́лько они́ пришли́ туда́, какъ голова́ сейча́съ-же разосла́лъ своихъ деся́тскихъ собира́ть на сходъ всѣхъ мужико́въ безъ исключе́нія. Собра́лся сходъ, и онъ на́чалъ разставля́ть крестья́нъ ряда́ми въ си́лу свое́й вла́сти. Когда́ ряды́ бы́ли устро́ены, онъ позва́лъ къ себѣ медвѣдя, сидѣвшаго на крыльцѣ волостна́го правле́нія, и уже́ слу́шавшагося его́, какъ до́брая лега́вая соба́ка своего́ господи́на. Вдвоёмъ съ нимъ пошёлъ по ряда́мъ мужико́въ, изумлённыхъ и стра́нными распоряже́ніями головы́ и тѣмъ, что вчера́шній Ми́шенька слу́шался его́, какъ давни́шняго своего́ хозя́ина. Вотъ прошли́ они́ пе́рвый рядъ, прошли́ второ́й и тре́тій, прошли́ ещё нѣсколько ряго́въ, пя́тившихся пе́редъ ни́ми мужико́въ и лишь то́лько дошли́ до середи́ны послѣдняго, какъ медвѣдь вы́шибъ изъ него́ ря́домъ двухъ стоя́щихъ мужико́въ и да́лѣе не хотѣлъ идти́. Голова́ велѣлъ имъ стать по ра́знымъ ряда́мъ и какъ то́лько живо́тное дохо́дило до нихъ, то съ я́ростью выбра́сывая ихъ, не шло да́лѣе. Это бы́ли дво́е поселе́нцевъ, тутъ же и сознавшихся въ преступле́ніи. Они́ наканунѣ слѣдомъ за нижегоро́домъ отпра́вились съ ножа́ми и лишь то́лько онъ засну́лъ, бро́сились на него́ и уби́ли. Де́негъ они не могли́ взять, да не могли́ бы и уби́ть вожака́ медвѣдя, е́сли-бъ онъ лёгъ побли́же къ своему́ корми́льцу, потому́ что послѣдній при ихъ приближе́ніи вскочи́лъ, а по соверше́ніи преступле́нія на́чалъ такъ си́льно рва́ться съ цѣпи, что они́ опаса́ясь, чтобъ онъ не сорва́лся и не расправи́лся съ ни́ми — убѣжа́ли. Наряди́ли слѣдствіе и переда́ли его́ зако́ннымъ поря́дкомъ на разсмотрѣніе зе́мскаго суда́. Ми́шу препроводи́ли въ го́родъ и содержа́ли при поли́ціи. Когда́ води́ли подсуди́-

мыхъ къ допро́самъ въ суде́бное ме́сто, то приводи́ли и его́ туда́, и онъ всегда́ кида́лся на нихъ съ осо́бенною я́ростію. Подсуди́мые подтверди́ли свое́ созна́ніе, и бы́ли казнены́. Что ста́лось съ медвѣдемъ-обличи́телемъ, неизвѣстно.

295. Гу́си.

Жилъ—былъ бѣдный мужи́къ; дѣте́й мно́го, а добра́—всего́ оди́нъ гусь. До́лго берёгъ онъ э́того гу́ся, да го́лодъ не тётка, до того́ дошло́, что ѣсть не́чего; вотъ мужи́къ и зарѣзалъ гу́ся; зарѣзалъ, зажа́рилъ и на столъ поста́вилъ. Всё бы хорошо́, да хлѣба нѣтъ, а со́ли не быва́ло. Говори́тъ хозя́инъ свое́й женѣ: „какъ ста́немъ мы ѣсть безъ хлѣба, безъ со́ли? Лу́чше я отнесу́ гу́ся къ ба́рину на покло́нъ, да попрошу́ у него́ хлѣба.“ — Ну, что-жъ? съ Бо́гомъ! Прихо́дитъ къ ба́рину: „принёсъ ва́шей ми́лости гуська́ на покло́нъ; чѣмъ бога́тъ, тѣмъ и радъ. Не побре́згай, роди́мой!“ — Спаси́бо, мужичо́къ, спаси́бо! раздѣли́-же ты гу́ся проме́жъ насъ безъ оби́ды. А у того́ ба́рина была́ жена́, да два сы́на, да двѣ до́чери — всего́ бы́ло ше́стеро. По́дали мужику́ но́жъ; сталъ онъ крои́ть, гу́ся дѣли́ть. Отрѣзалъ го́лову и даётъ ба́рину: „ты, говори́тъ, всему́ въ до́мѣ голова́, такъ тебѣ голова́ и слѣдуетъ.“ Отрѣзалъ гу́зку, даётъ ба́рынѣ: „тебѣ до́ма сидѣть, за до́момъ смотрѣть; вотъ тебѣ и гу́зка!“ Отрѣзалъ но́ги, даётъ сыновья́мъ: „а вамъ по но́жкѣ, топта́ть отцо́вскія доро́жки!“ Дочеря́мъ далъ по кры́лышку: „вамъ съ отцо́мъ, съ ма́терью недо́лго жить; вы́ростете — прочь отлети́те. А я, говори́тъ, мужи́къ глупъ, мнѣ глода́ть хлупъ!“ Такъ всего́ гу́ся и вы́гадалъ себѣ. Ба́ринъ засмѣ́ялся, напои́лъ мужика́ вино́мъ, награди́лъ хлѣбомъ и отпусти́лъ домо́й.

Услыха́лъ про то бога́тый мужи́къ, позави́довалъ бѣдному, взялъ — зажа́рилъ пятеры́хъ гусе́й и понёсъ къ ба́рину. „Что тебѣ, мужичо́къ?“ спра́шиваетъ ба́ринъ. — Да вотъ принёсъ къ ва́шей ми́лости гусько́въ на покло́нъ. „Спаси́бо, бра́тецъ! ну-ка раздѣли́ проме́жъ насъ безъ оби́ды.“ Мужи́къ и такъ, и сякъ; нѣтъ, не раздѣлить по́ровну! стои́тъ да въ заты́лкѣ почёсываетъ. Посла́лъ ба́ринъ за бѣднымъ мужико́мъ, велѣлъ ему дѣли́ть. Тотъ взялъ одного́ гу́ся, отда́лъ ба́рину съ ба́рыней, и говори́тъ: „вы тепе́рь, су́дарь, самъ третей!“ Отда́лъ друга́го гу́ся двумъ сыновья́мъ, а тре́тьяго — двумъ дочеря́мъ: „и вы тепе́рь самъ третей!“ Остальну́ю пару гусе́й взялъ себѣ: вотъ и я самъ третей! Ба́ринъ говори́тъ: „вотъ молоде́цъ, такъ молоде́цъ! съумѣлъ всѣмъ по́ровну раздѣли́ть, и себя́ не забы́лъ.“ Тутъ награди́лъ онъ бѣднаго мужика́ свое́ю казно́ю, а бога́таго вы́гналъ вонъ.

296. Соба́ка и дя́тель.

Бы́ли-жи́ли мужи́къ да ба́ба и не зна́ли, что тако́е рабо́та; а была́ у нихъ соба́ка, она́ ихъ корми́ла и пои́ла. Но прошло́ вре́мя, ста́ла соба́ка стара́; куда́ ужъ тутъ корми́ть мужика́ съ ба́бою! чуть сама́ съ го́лоду не пропада́етъ. „Послу́шай, стари́къ! говори́тъ ба́ба; возьми

ты э́ту соба́ку, отведи́ за дере́вню и прогони́: пусть идётъ, куда́ хо́четъ. Тепе́рь она́ намъ не на́добна! Бы́ло вре́мя, корми́ла насъ, ну и держа́ли её.“ Взялъ стари́къ соба́ку, вы́велъ за дере́вню и прогна́лъ прочь. Вотъ соба́ка хо́дитъ себѣ́ по чи́стому по́лю, а домо́й идти́ бои́тся: стари́къ со стару́хою ста́нутъ бить-колоти́ть. Ходи́ла-ходи́ла, сѣ́ла на́земь и зави́ла крѣ́пкимъ го́лосомъ. Летѣ́лъ ми́мо дя́телъ и спра́шиваетъ: „о чёмъ ты во́ешь?“ — „Какъ не выть мнѣ, дя́телъ! Была́ я мо́лода, корми́ла-пои́ла старика́ со стару́хою; ста́ла стара́, они́ меня́ и прогна́ли. Не зна́ю, гдѣ вѣкъ доживать.“ „Пойдёмъ ко мнѣ, карау́ль мои́хъ дѣ́тушекъ, а я корми́ть тебя́ ста́ну.“ Соба́ка согласи́лась и побѣжа́ла за дя́тломъ. Дя́телъ прилетѣ́лъ въ лѣсъ къ ста́рому ду́бу, а въ ду́бѣ бы́ло дупло́, въ дуплѣ дя́тлово гнѣздо́. „Сади́сь о́коло ду́ба, говори́тъ дя́телъ, никого́ не пуска́й, а я полечу́ разы́скивать ко́рму.“ Соба́ка усѣ́лась во́злѣ ду́ба, а дя́телъ полетѣ́лъ. До́лго ли, коротко́ ли вороти́лся онъ къ ду́бу и говори́тъ соба́кѣ: „пойдёмъ скорѣе въ дере́вню; тамъ сва́дьбу игра́ютъ, бу́детъ чѣмъ пожива́ться.“ И то́тчасъ пусти́лись въ дере́вню. Пти́ца прилетѣ́ла въ избу́, гдѣ́ мужики́ сва́дьбу справля́ли, и начала́ по столамъ бѣ́гать, а го́сти ста́ли кида́ть въ неё — кто чѣмъ попа́ло, всё переби́ли и подъ столъ перебросали; въ тако́й сумато́хѣ соба́ка незамѣ́тно пробрала́сь въ ту́же избу́, затеса́лась подъ столъ, наѣ́лась, ско́лько душѣ́ уго́дно, и ушла́. „Ну, что сыта́?“ спра́шиваетъ дя́телъ. — „Сыта́-то сыта́, да пить хочу́!“ говори́тъ соба́ка. „Ступа́й въ сосѣ́днюю избу́, тамъ стари́къ вино́ цѣ́дитъ изъ бо́чки.“ Дя́телъ влетѣ́лъ въ око́шко, сѣ́лъ на бо́чку и ну долби́ть въ са́мое дно. Стари́къ и туда́, и сюда́, не мо́жетъ найти́, а вино́ изъ бо́чки льётся да льётся на́земь. Соба́ка пробрала́сь въ избу́, напила́сь и ста́ла говори́ть ему́: „я тепе́рь и сыта́ и пьяна́, хочу́ вдо́воль насмѣя́ться.“ „Ла́дно,“ отвѣча́етъ дя́телъ. Вотъ увида́ли они́, что рабо́тники хлѣбъ моло́тятъ. Дя́телъ то́тчасъ сѣ́лъ къ одному́ рабо́тнику на плечо́ и сталъ клева́ть его́ въ затылокъ, а другой па́рень схвати́лъ па́лку, хотѣ́лъ уда́рить пти́цу, да огрѣ́лъ рабо́тника, и начала́сь ме́жду ни́ми дра́ка... А соба́ка отъ смѣ́ху такъ по землѣ́ и ката́ется! По́слѣ того́ дя́телъ съ соба́кою пусти́лись въ чи́стое по́ле и повстрѣча́ли лиси́цу. Дя́телъ на́чалъ мани́ть лиси́цу: чуть-чуть подымется вверхъ и опя́ть опу́стится внизъ; лиса́ ну гоня́ться за нимъ по́ полю, а соба́ка подкра́лась сза́ди къ лиси́цѣ, подползла́ на бры́хѣ, хвать её за ше́ю и на́чала грызть. На ту по́ру ѣ́халъ въ го́родъ мужи́къ съ во́зомъ, горшки́ продава́ть; уви́дѣлъ, что соба́ка лиси́цу да́витъ, прибѣжа́лъ къ нимъ съ полѣ́номъ, уда́рилъ со всего́ разма́ху, уби́лъ ту и другу́ю. Озли́лся дя́телъ на старика́; сѣ́лъ его́ ло́шади на го́лову и сталъ выклёвывать ей глаза́. Мужи́къ бѣжи́тъ съ полѣ́номъ, хо́четъ уби́ть дя́тла; прибѣжа́лъ, какъ хва́титъ — ло́шадь тутъ-же повали́лась мёртвая. А дя́телъ увернулся, перелетѣ́лъ на́ возъ и пошёлъ бѣ́гать по горшка́мъ, а самъ такъ и бьётъ кры́льями. Мужи́къ за нимъ, и ну полѣ́номъ по́ возу-то, по́ возу-то; переби́лъ всѣ горшки́ и пошёлъ домо́й ни съ чѣмъ, а дя́телъ улетѣ́лъ въ лѣсъ.

297. Моли́тва.

Въ мину́ту жи́зни тру́дную,
Тѣсни́тся-ль въ се́рдце грусть,
Одну́ моли́тву чу́дную
Твержу́ я наизу́сть.

Есть си́ла благода́тная
Въ созву́чьи словъ живы́хъ —
И ды́шитъ непоня́тная,
Свята́я пре́лесть въ нихъ.

Съ души́ какъ бре́мя ска́тится
Сомнѣнье далеко́ —
И вѣрится, и пла́чется,
И такъ легко́, легко́. . .

298. Ангелъ.

По не́бу полу́ночи а́нгелъ лете́лъ
И ти́хую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и ту́чи толпо́й
Внима́ли той пѣснѣ свято́й.

Онъ пѣлъ о блаже́нствѣ безгрѣшныхъ духо́въ,
Подъ ку́щами ра́йскихъ садо́въ,
О Бо́гѣ вели́комъ онъ пѣлъ, и хвала́
Его́ непритво́рна была́.

Онъ ду́шу младу́ю въ объя́тіяхъ нёсъ
Для ми́ра печа́ли и слёзъ,
И звукъ его́ пѣсни въ душѣ молодо́й
Оста́лся безъ словъ, но живо́й.

И до́лго на свѣтѣ томи́лась она́,
Жела́ніемъ чу́днымъ полна́,
И зву́ковъ небе́съ замѣни́ть не могли́
Ей ску́чныя пѣсни земли́.

Лермонтовъ.

299. Вѣтка Палести́ны.

Скажи́ мнѣ, вѣтка Палести́ны
Гдѣ ты росла́, гдѣ ты цвѣла́?
Каки́хъ холмо́въ, како́й доли́ны
Ты украше́ніемъ была́?

У водъ ли чи́стыхъ Іорда́на
Восто́ка лучъ тебя́ ласка́лъ?
Ночно́й ли вѣтръ въ гора́хъ Ливана
Тебя́ серди́то колыха́лъ?

Моли́тву-ль ти́хую чита́ли,
Иль пѣли пѣсни старины́,
Когда́ листы́ твои́ сплета́ли
Соли́ма бѣдные сыны́?

И па́льма та жива́-ль поны́нѣ?
Всё та́кже-ль ма́нитъ въ лѣтній зной
Она́ прохо́жаго въ пусты́нѣ
Широколи́ственной главо́й?

Или́, въ разлу́кѣ безотра́дной,
Она́ ува́ла, какъ и ты,
И до́льній прахъ ложи́тся жа́дно
На пожелтѣвшіе листы́? . . .

Лермонтовъ.

300. Младе́нецъ.

Въ бу́рю въ лёгкомъ челнокѣ,
Окруже́нный ту́чи мглою́,
Плылъ младе́нецъ по рѣкѣ,
И несло́ челно́къ волно́ю.
Бу́ря вкругъ него́ кипи́тъ,
Чёлнъ ужа́сно колыха́етъ —
Беззабо́тно онъ сиди́тъ
И весло́мъ свои́мъ игра́етъ.

Во́лны пле́щутъ на челно́къ
Онъ весёлыми глаза́ми [то́къ,
Смо́тритъ, бро́сивъ въ нихъ цвѣ-
Какъ цвѣто́къ кружи́тъ волна́ми.
Чёлнъ, уда́рясь у бего́въ
Объ утёсы, развали́лся . . .
И на бре́гѣ межъ цвѣто́въ
Морехо́децъ очути́лся.

Чёлнъ забы́тъ, а ги́бель? страхъ?
Ихъ неви́нность и не зна́етъ . . .
Улыба́ясь, на цвѣта́хъ
Мой младе́нецъ засыпа́етъ.

Жуковскій.

301. Пловецъ.

Нелюди́мо на́ше мо́ре,
День и ночь шуми́тъ оно́;
Въ роковомъ его́ просто́рѣ
Мно́го бѣдъ погребено́.

Смѣло, бра́тья! Вѣтромъ по́лный,
Па́русъ мой направи́лъ я:
Полети́тъ на скользки во́лны
Быстрокры́лая ладья́!

Облака́ бѣгу́тъ надъ мо́ремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь черне́й;
Бу́детъ бу́ря: мы поспо́римъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, бра́тья! Ту́ча гря́нетъ,
Закипи́тъ грома́да водъ,
Вы́ше вала́ серди́тый вста́нетъ,
Глу́бже бе́здна упадётъ!

Тамъ, за да́лью непого́ды,
Есть блаже́нная страна́;
Не темнѣютъ не́ба сво́ды,
Не прохо́дитъ тишина́.

Но туда́ выно́сятъ во́лны
То́лько си́льнаго душо́й! . . .
Смѣло, бра́тья, бу́рей по́лный
Прямъ и крѣпокъ па́русъ мой.

Языковъ.

302. Конь.

„Что ты ржёшь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль повода не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злащёны стремена?“

Отвѣчаетъ конь печальный:
— Отъ-того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ-того я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять,
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьмётъ,
И серебряны подковы
Съ лёгкихъ ногъ моихъ сдерётъ:
Отъ-того мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чепрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока.

Пушкинъ.

303. Терпѣніе и трудъ всё перетрутъ.

Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ. Звали его Иванъ Терпигоревъ. Не даромъ досталось ему это прозвище: онъ и точно много горя вытерпѣлъ на своёмъ вѣку. Былъ онъ и смышлёный, и работящій — да крѣпко не везло ему много лѣтъ сряду. То его полосу градомъ побьётъ, то на скотъ падёжъ придётъ, то бурнымъ ливнемъ всё его сѣно съ лугу подмоетъ и въ рѣку унесётъ.

Бился, бился мужикъ, работалъ за троихъ — и чуть только изъ бѣды, казалось, выбился, — вдругъ новая напасть! Въ самыя Петровки, когда онъ былъ на сѣнокосѣ съ семьёй своей, разразилась гроза надъ деревней, ударила въ Терпигореву избу, запалила её, какъ свѣчку, и пока сосѣди сбѣжались, да свои избы отъ пожара отстаивать стали — Терпигорева изба сгорѣла до тла. Осталась отъ нея только печка съ трубою.

Прибѣжалъ Иванъ съ поля съ женою и съ ребятишками, посмотрѣлъ на своё горе и голову повѣсилъ. . .

— „Теперь я совсѣмъ голъ и съ женою, и съ малыми ребятишками, головы приклонить ни мнѣ, ни имъ некуда! . . .“

Потужили сосѣди съ Иваномъ, повыли, поплакали бабы съ его женою — и разошлись по своимъ домамъ, подъ свои крыши. А бѣдному Ивану пришлось въ пустой овинъ съ семьёй перебраться. И такое-то взяло его, бѣднаго, горе, что ужъ работа ему и въ умъ нейдётъ, и сонъ ему очей не смыкаетъ. . . .

„Нѣтъ, видно, мнѣ ни въ чёмъ ни доли, ни удачи не видать,“ думалъ онъ. Коли такъ, то и работать не стоитъ. Всё равно — работай, не работай, придётся мнѣ съ малыми ребятишками по міру ходить!“

Въ такихъ думахъ пролежалъ онъ до самаго свѣта. Чуть только утро забрезжилось, видитъ Иванъ надъ самою своею головою паука. У него вчерашней грозой всѣ его мережки порвало и попутало. И возится паукъ, и работаетъ изо всей силы, и тянетъ во всѣ стороны свои тонкія, прозрачныя нити, и прядётъ и сучитъ своими когтистыми лапками, то спускаясь, то вновь подымаясь вдоль стѣнки овина. Вотъ, кажется, и совсѣмъ-бы сѣть его готова, только бы сѣсть ему царькомъ въ серединѣ да выжидать залётныхъ гостей — комаровъ и мухъ! Такъ нѣтъ же!... Дунулъ вѣтерокъ въ щель овина — и опять всё сорвалъ и запуталъ! И опять терпѣливый паукъ пошёлъ вверхъ и внизъ спускаться, и опять пошёлъ сновать въ стороны, опять сучить и прясть свои нити. И опять та-же бѣда! та-же неудача! Залюбовался Иванъ пауковой работой, заглядѣлся на неё, словно въ первый разъ её видѣлъ. И видѣлъ Иванъ, какъ паукъ двѣнадцать разъ обрывался со своей паутиной, и двѣнадцать разъ принимался вновь вязать её и крѣпить къ потолку, и стѣнамъ, пока, наконецъ, устояла паутина противъ напора вѣтра — и самъ паукъ забился въ своё гнѣздо на отдыхъ.

„Господи, Боже мой!“ подумалъ Иванъ: „вѣдь вотъ ужъ какая малая тварь, а вѣдь какой въ неё разумъ Господь вселилъ! какимъ её терпѣніемъ надѣлилъ! Вѣдь вотъ бился, бился, двѣнадцать разъ обрывался, а своего добился! Неужто же меня паукъ разуму учить долженъ? Развѣ даромъ, что-ли, люди говорятъ: „терпѣніе и трудъ все перетрутъ!“ И вышелъ онъ на другой день со всѣми людьми на работу, и трудился, что есть мочи всё лѣто, и далъ ему Богъ урожай на хлѣбъ, какого никогда ещё у него не бывало. Подъ осень люди помогли ему кое-какую избёнку сколотить. А Иванъ не унывалъ и работать не уставалъ; на зиму на печь не завалился, а вдаль отъ семьи на заработки ушёлъ. Къ веснѣ пришёлъ и денегъ принёсъ. Скоро Иванъ опять хозяйствомъ поправился и не хуже другихъ поживать сталъ.

304. Смерть дровосѣка.

Погода была чудесная. Свѣтлое осеннее небо весело синѣло надъ тёмно-бурой грядою обнажённыхъ липъ, кое-гдѣ шевелились и лепетали послѣдніе ярко-золотые листья. Прохваченная морозомъ земля потѣла на солнцѣ; его косые, румяные лучи били вскользь по блѣдной травѣ; въ воздухѣ чудился лёгкій трескъ; ясно и внятно звучали въ саду голоса работниковъ. Мы пробирались на мѣсто порубки, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, чрезъ нѣсколько мгновеній намъ на встрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрёпанный. — Что такое? Куда ты бѣжишь? — спросилъ его Ардаліонъ Михайлычъ. Онъ тотчасъ остановился. — „Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда!“ — Что такое? — „Максима, батюшка, дерево пришибло!“ — Какимъ этo образомъ? Подрядчика? Максима? — „Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ

колóдцу. Слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ я́сень затрещи́тъ, да пря́мо на него́. Мы кричи́мъ ему́, бѣги́, бѣги́. . . Ему́ бы въ сто́рону бро́ситься, а онъ возьми́ да пря́мо и побѣги́. . . Ясень-то его́ ве́рхними су́чьями и накры́лъ. И отчего́ такъ ско́ро повали́лся — Госпо́дь его́ зна́етъ.“ Ра́звѣ сердцеви́нка гнила́ была́. — Ну, и уби́ло Макси́ма? — „Уби́ло, ба́тюшка.“ — До́смерти? — „Нѣтъ, ба́тюшка, ещё живъ, да что: но́ги и ру́ки ему́ переши́бло. Я вотъ за Селиве́рстычемъ бѣжа́лъ, за лѣкаремъ. . . Ардали́онъ Миха́йлычъ приказа́лъ деся́тскому скака́ть въ дере́вню за Селиве́рстычемъ, а самъ кру́пной ры́сью поѣхалъ вперёдъ, на ссѣчки. . . Я за нимъ. Мы нашли́ бѣднаго Макси́ма на землѣ. Человѣкъ де́сять мужико́въ стоя́ло о́коло него́. Мы слѣзли съ лошаде́й. Онъ почти́ не стона́лъ, и́зрѣдка раскрыва́лъ и расшира́лъ глаза́, сло́вно съ удивле́ньемъ гляде́лъ круго́мъ, поку́сывалъ посинѣвшія гу́бы. . . По́дбородокъ у него́ дрожа́лъ, во́лосы прили́пли ко лбу, грудь нерóвно поднима́лась. — Онъ умира́лъ. Лёгкая тѣнь молодо́й ли́пы ти́хо скользи́ла по его́ лицу́. Мы нагну́лись къ нему́. Онъ узна́лъ Ардали́она Миха́йлыча. — „Ба́тюшка,“ заговори́лъ онъ едва́ вня́тно, — „за попо́мъ. . . посла́ть. . . прикажи́те. . . Госпо́дь меня́ наказа́лъ, . . . но́ги, ру́ки, всё перебито́. . . сего́дня. . . Воскресе́нье. . . а я. . . а я вотъ. . . ребя́тъ-то не распусти́лъ.“ Онъ молча́лъ. Дыха́нье ему́ спира́ло. „Да де́ньги мои́. . . женѣ. . . женѣ дайте. . . за вы́четомъ. . . вотъ Они́симъ зна́етъ. . . кому́ я. . . что до́лженъ. . .“ — Мы за лѣкаремъ посла́ли, Макси́мъ, заговори́лъ мой сосѣдъ, — мо́жетъ быть ты ещё не умрёшь. . . Онъ закры́лъ бы́ло глаза́ и съ изумле́ніемъ по́днялъ бро́ви и вѣки. „Нѣтъ, умру́. Вотъ. . . вотъ подступа́етъ, вотъ она́, вотъ. Прости́те мнѣ, ребя́та, коли́ въ чёмъ. . .“ — Богъ тебя́ прости́тъ, Макси́мъ Андре́ичъ, — глу́хо заговори́ли мужики́ въ оди́нъ го́лосъ и ша́пки сня́ли, — прости́ ты насъ. Онъ вдругъ отча́янно потря́съ голово́й, тоскли́во вы́пятилъ грудь и опусти́лся опя́ть. — „Нельзя́ же ему́ одна́ко тутъ умира́ть воскли́кнулъ Ардали́онъ Миха́йлычъ, ребя́та, дава́йте-ка вонъ съ телѣги рогóжу, снесёмте его́ въ больни́цу.“ Человѣка два бро́сились къ телѣгѣ. „Я у Ефи́ма. . . Сыно́вскаго. . .“ — залепета́лъ умира́ющій, — „ло́шадь вчера́ купи́лъ. . . зада́токъ далъ. . . такъ ло́шадь-то моя́. . . женѣ её. . . то́же. . .“ Ста́ли его́ класть на рогóжу. . . Онъ затрепета́лъ весь, какъ застрѣлённая пти́ца, вы́прямился. . . „Умеръ,“ — пробормота́ли мужики́. Мы мо́лча сѣли на лошаде́й и отъѣхали.

305. Пти́чій язы́къ.

Въ одно́мъ го́родѣ жилъ купе́цъ съ купчи́хою, и далъ имъ Госпо́дь сы́на, не по года́мъ смышлёнаго, по и́мени Васи́лія. Разъ какъ то обѣдали они́ втроёмъ; и надъ столо́мъ висѣлъ въ клѣткѣ солове́й и такъ жа́лобно пѣлъ, что купе́цъ не вы́терпѣлъ и проговори́лъ: „е́сли-бъ сыска́лся тако́й человѣкъ, кото́рый отгада́лъ бы мнѣ вправду, что солове́й распѣва́етъ и каку́ю судьбу́ предвѣща́етъ, кажи́сь — при жи́зни бы о́тдалъ ему́ полови́ну имѣнія, да и по сме́рти отказа́лъ

мно́го добра́.“ А ма́льчикъ — ему́ бы́ло тогда́ лѣ́тъ шесть — взгля-ну́лъ на отца́ съ ма́терью при́стально и сказа́лъ: „я зна́ю, что солове́й поётъ, да сказа́ть бою́сь.“ — Говори́ безъ ута́йки! приста́ли къ нему́ оте́цъ съ ма́терью, и Ва́ся со слеза́ми вы́молвилъ: „солове́й предвѣща́етъ, что придётъ пора́-вре́мя — бу́дете вы мнѣ служи́ть: оте́цъ ста́нетъ во́ду подава́ть, а мать полоте́нце держа́ть.“ Слова́ э́ти бо́льно огорчи́ли купца́ съ купчи́хою, и рѣши́лись они́ сбыть своё дѣ́тище; постро́или небольшу́ю ло́дочку, въ тёмную ночь положи́ли въ неё со́ннаго ма́льчика и пусти́ли въ откры́тое мо́ре. На ту по́ру вы́летѣлъ изъ кле́тки солове́й-вѣщу́нъ, прилетѣ́лъ въ ло́дку и сѣ́лъ ма́льчику на плечо́.

Вотъ плывётъ, ло́дка по́ морю, на встрѣ́чу ей кора́бль на всѣхъ паруса́хъ лети́тъ. Увида́лъ кораблѣ́льщикъ ма́льчика, жа́лко ему́ ста́ло, взялъ его́ къ себѣ́, распроси́лъ про всё и обѣща́лъ держа́ть и люби́ть его́, какъ родна́го сы́на. На друго́й день говори́тъ ма́льчикъ но́вому отцу́: солове́й-де напѣва́етъ, что поды́мется бу́ря, поломаетъ ма́чты, перервётъ паруса́; на́до поворо́тить въ стано́вище. Но кораблѣ́льщикъ не послу́шался. И впрямъ поднялась бу́ря, поломала ма́чты, оборвала паруса́. Дѣ́лать не́чего, про́шлаго не воро́тишь; поста́вили но́выя ма́чты, попра́вили паруса́, и поплы́ли да́льше. А Ва́ся опя́ть говори́тъ: солове́й-де напѣва́етъ, что на встрѣ́чу иду́тъ двѣна́дцать кораблей, всё разбо́йничьихъ, въ поло́нъ насъ возьму́тъ! На тотъ разъ кораблѣ́льщикъ послу́шался, поворо́тилъ къ о́строву, и ви́дѣлъ, какъ тѣ двѣна́дцать кораблей все разбо́йничьихъ, пробѣжа́ли ми́мо.

Вы́ждалъ кораблѣ́льщикъ, ско́лько, на́добно, и поплы́лъ да́льше. Ни ма́ло, ни мно́го прошло́ вре́мени, приста́лъ кора́бль къ го́роду Хвалы́нску; а у здѣ́шняго короля́ уже́ ско́лько годо́въ пе́редъ дворцо́выми о́кнами лета́ютъ и крича́тъ во́ронъ съ вороно́ю и воронёнкомъ, ни днёмъ ни но́чью никому́ поко́я не даю́тъ. Ужъ чего́ ни дѣ́лали, чего́ ни приду́мывали, а прогна́ть ихъ прочь — не могли́ никаки́ми хи́тростями! И прика́зано бы́ло отъ короля́ приби́ть на всѣхъ перекрёсткахъ и при́станяхъ такову́ гра́моту: е́жели кто съумѣетъ отогна́ть отъ дворцо́выхъ о́конъ во́рона съ вороно́ю, тому́ коро́ль отдаётъ въ награ́ду полца́рства своего́ и меньшу́ю королёвну въ жёны; а кто возьмётся за тако́е дѣ́ло, а дѣ́ла не сдѣ́лаетъ, тому́ отру́блена бу́детъ голова́. Мно́го бы́ло охо́тниковъ породни́ться съ королёмъ, да всѣ го́ловы свои́ подъ топо́ръ положи́ли. Узна́лъ про то Ва́ся, сталъ проси́ться у кораблѣ́льщика: „позво́ль пойти́ къ королю́ — отогна́ть во́рона съ вороно́ю.“ Ско́лько ни угова́ривалъ его́ кораблѣ́льщикъ, никакъ не могъ удержа́ть: „ну, ступа́й, говори́тъ; да е́сли что недо́брое случи́тся — на себя́ пеня́й!“ Пришёлъ Ва́ся во дворе́цъ, сказа́лъ королю́, и велѣ́лъ откры́ть то само́е окно́, во́злѣ кото́раго во́ронье лета́ло. Послу́шалъ пти́чьяго кри́ку, и говори́тъ королю́: что лета́ютъ здѣсь тро́е: во́ронъ, жена́ его́ вороно́ха и сынъ ихъ воронёнокъ; во́ронъ съ съ вороно́ю спо́рятъ, кому́ принадлежи́тъ сынъ — отцу́ и́ли ма́тери, и про́сятъ разсуди́ть ихъ, Ва́ше вели́чество! скажи́те, кому́ принадлежи́тъ сынъ?“ Коро́ль говори́тъ: отцу́. То́лько вы́сказалъ коро́ль э́то сло́во, во́ронъ съ воронёнкомъ полетѣ́ли впра́во, а вороно́ха — влѣ́во. По́слѣ того́ коро́ль взялъ ма́льчика къ себѣ́, и жилъ онъ при нёмъ въ

большо́й ми́лости и че́сти, вы́росъ и сталъ молоде́цъ молодцёмъ, жени́лся на королёвнѣ и взялъ въ прида́ное полца́рства.

Вздумалось ему́ какъ-то пое́здить по ра́знымъ мѣста́мъ, по чужи́мъ земля́мъ, люде́й посмотре́ть и себя́ показа́ть; собра́лся и пое́халъ стра́нствовать. Въ одно́мъ го́родѣ останови́лся ночева́ть; переночева́лъ, всталъ пу́тру и вели́тъ, чтобъ по́дали ему́ умыва́ться. Хозя́инъ принёсъ ему́ во́ду, а хозя́йка подала́ полоте́нце; поразговори́лся съ ни́ми королёвичъ, и узна́лъ, что то бы́ли оте́цъ его́ и мать, запла́калъ отъ ра́дости и упа́лъ къ нога́мъ роди́тельскимъ; а по́слѣ взялъ ихъ съ собо́ю въ го́родъ Хвалы́нскъ, и ста́ли они́ всѣ вмѣстѣ жить-поживать да добро́ наживать.

306. Котъ и бара́нъ.

Нѣкогда жи́ли стари́къ да стару́ха; у нихъ бы́ли котъ да бара́нъ. Стару́ха ко́питъ смета́ну и сли́вки на ма́сло, а котъ прока́зитъ. „Стари́къ, говори́тъ стару́ха, у насъ въ по́гребѣ нездоро́во!“ — На́до погляде́ть, говори́тъ ей стари́къ, не со стороны́ ли кто пошаливаетъ. Вотъ пошла́ стару́ха на по́гребъ и усмотре́ла: котъ сдви́нулъ ла́пкой съ горшка́ покры́шку и слизываетъ себѣ смета́нку; вы́гнала кота́ изъ по́греба и пошла́ въ избу́, а котъ наперёдъ прибѣжа́лъ и запря́тался на печи́ въ углу́. „Хозя́инъ! говори́тъ стару́ха, вотъ мы не вѣрили, что котъ прока́зитъ, а онъ са́мой и есть; дава́й его́ убьёмъ!“ Котъ услыха́лъ э́ти рѣчи, какъ бро́сится съ пе́чки да бѣго́мъ къ бара́ну въ хлѣвъ, и на́чалъ его́ обма́нывать: „бра́тецъ бара́нъ! меня́ хотя́тъ за́втра уби́ть, тебя́ зарѣзать.“ И сговори́лись они́ о́ба бѣжа́ть но́чью отъ хозя́ина. „Какъ-же быть? спра́шиваетъ бара́нъ; радъ бы я съ тобо́й лы́жи навостри́ть, да вѣдь хлѣвъ то за́пертъ!“ — Ничего́! Котъ то́тчасъ взобра́лся на дверь, ски́нулъ ла́пкой верёвочку съ гво́здя и вы́пустилъ бара́на. Вотъ и пошли́ они́ путёмъ-доро́гою, нашли́ во́лчью го́лову и взя́ли съ собо́й; шли-шли, уви́дѣли: далеко́ въ лѣсу́ свѣтится огонёкъ, они́ и пусти́лись пря́мо на ого́нь. Подхо́дятъ, а вокру́гъ огня́ грѣются двѣна́дцать волко́въ. „Богъ по́мочь вамъ, волка́мъ!“ — Добро́ жа́ловать, котъ да бара́нъ! „Бра́тецъ, спра́шиваетъ бара́нъ у кота́, что намъ у́жинать бу́детъ?“ — А двѣна́дцать-то во́лчьихъ голо́въ! поди́ вы́бери, кото́рая пожирнѣе. Бара́нъ пошёлъ въ кусты́, поднялъ повы́ше во́лчью го́лову — ту са́мую, что нашли́ на доро́гѣ, и спра́шиваетъ: э́та ли, бра́тецъ котъ?“ — Нѣтъ, не э́та; вы́бери по лу́чше. Бара́нъ поднялъ сно́ва ту-же го́лову и опя́ть спра́шиваетъ: „э́та ли!“ Во́лки такъ напуга́лись, что ра́ды бы убѣжа́ть, да безъ спро́су не смѣютъ. Че́тверо волко́въ ста́ли проси́ться у кота́ и бара́на: „пусти́те насъ за дрова́ми! мы вамъ принесёмъ.“ И ушли́. Остальны́е во́семь волко́въ ещё пу́ще ста́ли боя́ться кота́ да ба́рана: коли́ двѣна́дцать смогли́ пое́сть, а осьмеры́хъ и по́давно пое́дятъ. Ста́ло ещё че́тверо проси́ться за водо́ю. Котъ отпусти́лъ: „ступа́йте, да скорѣе ворочайтесь!“ Послѣдніе четы́ре во́лка отпроси́лись сходи́ть за пре́жними волка́ми: отче́го-де не воро́чаются? Котъ отпусти́лъ,

ещё строже наказалъ — поскорѣе приходить назадъ; а самъ съ бараномъ радъ — радёхонекъ, что они ушли.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ на встрѣчу медвѣдь Михайло Ивановичъ. „Слыхалъ ли ты, Михайло Ивановичъ, спрашиваютъ волки, чтобы котъ да баранъ съѣдали по двѣнадцати волковъ?“ — Нѣтъ, ребятушки, не слыхивалъ. „А мы сами видѣли этакого кота да барана!“ — Какъ-бы, ребятушки, и мнѣ посмотрѣть какова ихъ храбрость. „Эхъ, Михайло Иванычъ, вить больно котъ-атъ ретивъ, нельзя къ нему подобраться: того и гляди, что въ клочки изорвётъ! Даромъ что мы прытки надъ собаками и зайцами, а тутъ ничего не возьмёшь. Позовёмъ-ка лучше ихъ на обѣдъ.“ Изготовили обѣдъ и стали посылать лисицу: „ступай, позови кота да барана.“ Лисица начала отговариваться: я хоть и прытка, да не увёртлива; какъ бы худа не было!“ — Ступай!... Дѣлать нечего, побѣжала лисица за котомъ и барановъ. Воротилась назадъ и сказываетъ: „обѣщались быть; ахъ, Михайло Ивановичъ, какой котъ-то сердитый! сидитъ на пнѣ да ломаетъ его когтями: это на насъ точитъ онъ свои ножи! А глаза такъ и выпучилъ!“... Медвѣдь струхнулъ, посадилъ одного волка сторожемъ на высокій пень, далъ ему въ лапы полотенце и приказалъ: „какъ только завидишь кота да барана, махай полотенцемъ.“

Вотъ идутъ въ гости котъ да баранъ; завидѣли караульнаго, смекнули дѣло и стакнулись межъ собою. „Я, говоритъ котъ, подползу тихонько по травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожи, а ты, братъ баранъ, разбѣгись и что есть силы ударь его лбомъ!“ Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи и сшибъ волка; а котъ бросился ему прямо въ морду, вцѣпился когтями и исцарапалъ до крови. Медвѣдь и волки какъ увидѣли это — начали промежъ себя разговаривать: „ну, ребятушки, вотъ какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувѣчить съ какого высокаго пня, а намъ гдѣ ужъ на землѣ устоять! Имъ, знать, наше готовленье-то не почёмъ; они придутъ не угощаться, а насъ пятнать. Не лучше ли, братцы! намъ по берлогамъ спрятаться?“ И тотчасъ всѣ они разбѣжались по лѣсу.

307. Бременскіе музыканты.

У одного человѣка былъ осёлъ, вѣрно служившій ему много лѣтъ, но которому силы наконецъ измѣнили, такъ что онъ съ каждымъ днёмъ становился всё неспособнѣе къ работѣ. Хозяинъ рѣшился убить его и содрать съ него шкуру. Осёлъ, замѣтивъ, что дѣло не ладно, убѣжалъ и пустился по дорогѣ къ городу Бремену.

— Тамъ, сказалъ онъ себѣ, я могу сдѣлаться городскимъ музыкантомъ. — Долго бѣжалъ онъ и наконецъ встрѣтился на дорогѣ съ лягавой собакой, которая взвизгивала, какъ животное, утомлённое долгимъ путёмъ. — Что ты такъ взвизгиваешь, товарищъ? спросилъ осёлъ. „Эхъ, отвѣчала собака: хозяинъ хотѣлъ меня утопить, потому что я стала стара и не могу ходить на охоту. Вотъ я и убѣжала въ

по́ле да и не зна́ю тепе́рь, какъ добыва́ть себѣ́ хлѣ́бъ. — Такъ пойдёмъ со мной, сказа́лъ осёлъ. Я хочу́ сдѣ́латься въ Бре́менѣ музыка́нтомъ. Тебя́ то́же мо́жно приня́ть въ орке́стръ. Я бу́ду игра́ть на флей́тѣ, а ты на бу́бнѣ. Соба́ка приняла́ предложе́ніе, и они́ пошли́ вмѣ́стѣ. Въ неда́льнемъ разстоя́ніи уви́дѣли они́ ко́шку, лежа́вшую на доро́гѣ. Физіоно́мія у ней была́ така́я ки́слая, какъ бу́дто она́ вмѣ́сто молока́ лизну́ла у́ксусу. — О чёмъ пригорю́нилась, уса́тая? спроси́лъ осёлъ. „Бу́дешь не въ ду́хѣ, отвѣ́тила ко́шка, когда́ ну́жно опаса́ться за свою́ го́лову. За то что я стара́, что зу́бы мои́ притупи́лись, и что я предпочита́ю лу́чше лежа́ть и гре́ться за пе́чкой, не́жели лови́ть мыше́й, хозя́йка моя́ собира́лась меня́ извести́. Спаси́бо, что я ещё во́-время дала́ тя́гу... Но что дѣ́лать? куда́ идти́?“ Пойдёмъ съ на́ми въ Бре́менъ. Вѣдь ночна́я му́зыка, твоё дѣ́ло. Ты бу́дешь, какъ и мы городски́мъ музыка́нтомъ.

Ко́шкѣ понра́вился сове́тъ, и она́ присоедини́лсаь къ нимъ. Проходя́ ми́мо одного́ двора́, на́ши броди́ги уви́дѣли на воротя́хъ пѣтуха́, кото́рый крича́лъ во всю гло́тку, заки́нувъ го́лову. — Ты насъ оглуши́лъ совсѣ́мъ, сказа́лъ осёлъ. Изъ-за чего́ ты такъ разора́лся? „Я возвѣща́лъ я́сную пого́ду, отвѣча́лъ пѣту́хъ. На за́втра воскресе́нье, у хозя́йки здѣ́шняго до́ма бу́дутъ обѣ́дать го́сти, и она́ велѣ́ла кухаркѣ свернуть мнѣ ше́ю. Меня́ хотя́тъ съѣ́сть въ су́пѣ, и вотъ почему́ я спѣшу́ накрича́ться вдо́воль. — Дура́къ ты, дура́къ, кра́сный гре́бень! сказа́лъ осёлъ: пойдёмъ-ка лу́чше съ на́ми въ Бре́менъ. У тебя́ хоро́шій го́лосъ, и когда́ мы задади́мъ концертъ, лю́бо бу́детъ послу́шать насъ. Пѣтуху́ пришло́сь тако́е предложе́ніе по вку́су, и вотъ они́ отпра́вились всѣ́ вмѣстѣ.

До Бре́мена они́ не могли́ дойти́ въ тотъ же день; къ ве́черу они́ добрали́сь до лѣса, гдѣ́ и рѣши́лись переночева́ть. Осёлъ и соба́ка расположи́лись подъ де́ревомъ, а ко́шка и пѣту́хъ вскара́бкались на него́. Пѣту́хъ для бо́льшей безопа́сности вскочи́лъ да́же на са́мую верху́шку. Поводя́ пе́редъ но́сомъ глаза́ми во всѣ́ сто́роны, онъ вдругъ замѣ́тилъ гдѣ-то огонёкъ и то́тчасъ же закрича́лъ свои́мъ това́рищамъ, что о́коло должно́ быть жильё. — Если такъ, сказа́лъ осёлъ, то поспѣши́мъ скорѣе въ ту сто́рону... Эта гости́нница бо́льно мнѣ по вку́су. Соба́ка приба́вила: — И въ са́момъ дѣ́лѣ нѣсколько костей́ съ мя́сомъ бы́ли бы тепе́рь о́чень кста́ти.

Они́ напра́вились къ свѣти́вшейся то́чкѣ. Ско́ро ого́нь заблиста́лъ я́рче, и они́ очути́лись пе́редъ разбо́йничьимъ до́микомъ, освѣщённымъ внутри́. Осёлъ, какъ са́мый большо́й, подошёлъ къ окну́ и загляну́лъ въ него́. — Что ви́дишь, се́рый? спроси́лъ пѣту́хъ. „Что я ви́жу? отвѣча́лъ осёлъ. Ви́жу столъ, уста́вленный ку́шаньями и напи́тками, а круго́мъ ве́село пирую́тъ разбо́йники. — Вотъ бы пожи́виться-то, сказа́лъ пѣту́хъ. „Да, сла́вно бы, подтверди́лъ осёлъ. Эхъ! е́слибы мы бы́ли на ихъ мѣ́стѣ.“

И они́ на́чали приду́мывать, какъ бы вы́жить разбо́йниковъ. Наконе́цъ рѣши́лись... Осёлъ всталъ на дыбы́ и положи́лъ пере́днія но́ги на окно́, соба́ка вскочи́ла на спину́ осла́, ко́шка взобра́лась на соба́ку, пѣту́хъ взлетѣ́лъ на го́лову ко́шкѣ. Размѣсти́вшись таки́мъ

о́бразомъ, они́ по да́нному сигна́лу, всѣ вмѣстѣ на́чали вдругъ свой концертъ. Осёлъ замыча́лъ, соба́ка зала́яла, ко́шка замяу́кала, пѣту́хъ запѣлъ. Пото́мъ они́ вскочи́ли въ окно́, разби́вши стёкла, кото́рыя со звоно́мъ разлетѣ́лись въ дре́безги. Разбо́йники, услы́шавши э́тотъ стра́шный шумъ, въ испу́гѣ вскочи́ли съ мѣстъ своихъ, ду́мая, что въ ко́мнату вошло́ привиде́ніе, и разбѣжа́лись въ лѣсъ. Тогда́ че́тверо това́рищей сѣли за столъ и приняли́сь ку́шать съ таки́мъ апети́томъ, какъ бу́дто голода́ли цѣлый мѣсяцъ. По оконча́ніи у́жина, музыка́нты потуши́ли свѣчи и ста́ли иска́ть себѣ мѣста для о́тдыха. Ка́ждый вы́бралъ себѣ тако́е, кото́рое подходи́ло къ его́ нату́рѣ и привы́чкамъ. Осёлъ лёгъ на навозъ, соба́ка за две́рью, ко́шка у пе́чки, пѣту́хъ на шестѣ; и такъ какъ они́ бы́ли утомлены́ до́лгимъ путёмъ, то вскорѣ засну́ли. Когда́ разбо́йники уви́дѣли, что въ домѣ ихъ нѣтъ огня́ и что всё тамъ каза́лось споко́йнымъ, ата́манъ сказа́лъ: „а вѣдь э́то срамъ, что мы разбѣжа́лись, и посла́лъ одного́ изъ свои́хъ разузна́ть, что дѣлается въ до́мѣ. По́сланный нашёлъ, что повсю́ду ти́хо, и, войдя́ въ ку́хню, хотѣлъ зажечь огня́. Онъ взялъ спи́чку и поднёсъ её къ глаза́мъ ко́шки, кото́рые показа́лись ему́ двумя́ горя́щими у́гольями. Но ко́шка не люби́ла шути́ть и вцѣпи́лась ему́ въ лицё. Страхъ овладѣлъ по́сланнымъ, и онъ бро́сился о́прометью къ дверя́мъ.

Соба́ка, спа́вшая по бли́зости, вскочи́ла и укуси́ла его́ въ но́гу. Когда́ онъ бѣжа́лъ по дво́ру ми́мо навоза, осёлъ изо всей си́лы лягну́лъ его́ за́дними нога́ми, а пѣту́хъ, встрепену́вшійся отъ э́того шу́ма, уже́ крича́лъ со своего́ шеста́: кукуреку́!

Разбо́йникъ, запы́хавшись, прибѣжа́лъ къ ата́ману. „У насъ въ до́мѣ стра́шная колду́нья,“ сказа́лъ онъ. Она́ исцара́пала мнѣ лицё свои́ми когтя́ми: у двере́й стои́тъ челове́къ съ ножо́мъ, кото́рой ра́нилъ меня́ въ но́гу; дворъ сторожи́тъ како́е-то чёрное чудо́вище, хвати́вшее меня́ дуби́ной, а на кры́шѣ сиди́тъ судья́, кото́рый закрича́лъ: „приведи́те ко мнѣ э́того ви́сѣльника . . . Я наси́лу ушёлъ отъ нихъ!“

Съ тѣхъ поръ разбо́йники не смѣли бо́льше пока́зываться въ до́мѣ, а четырёмъ Бре́менскимъ музыка́нтамъ онъ такъ понра́вился, что они́ оста́лись въ нёмъ навсегда́.

308. Что легко́ наживается, то ещё ле́гче проживается.

Въ небольшо́мъ го́родѣ, на Окѣ, жилъ бѣдный мѣщани́нъ, занима́вшійся уже́ лѣтъ деся́токъ перево́зомъ че́резъ рѣку́. Ско́лько не перемѣни́лось во всё э́то вре́мя откупщико́въ и́ли хозя́евъ паро́ма, а Тимоѳе́ичъ всё переходи́лъ изъ рукъ въ ру́ки отъ одного́ хозя́ина къ друго́му, и всегда́ былъ ста́ршимъ паро́мщикомъ. Эта рабо́та корми́ла его́, онъ къ ней привы́къ; а какъ онъ былъ челове́къ богобоя́зливый и никогда́ не обма́нывалъ хозя́ина въ сбо́рѣ, то ему́ и вѣрили и хорошо́ его́ держа́ли. Да́дю Тимоѳе́ича зна́ли всѣ, отъ ма́ла до вели́ка, а у многихъ былъ онъ въ до́мѣ и ку́момъ. Наживна́го добра́ бы́ло за нимъ немно́го; въ де́сять лѣтъ сколоти́лъ онъ себѣ оди́нъ пра́здничный кафта́нъ да дублёный тулу́пъ, а ли́совую ша́пку друго́й годъ всё то́лько купи́ть ещё сбира́лся, и когда́ прихо́дитъ съ бе́регу въ го́родъ,

на рынокъ, чтобы запастись дня на три-на-четыре хлѣбомъ, то, бывало, зайдётъ въ ряды, поглядитъ шапки и прицѣнится къ нимъ. Въ работѣ же ходилъ онъ въ старой, изношенной сермягѣ.

Хоть и привыкъ Тимоѳеичъ къ долѣ своей, однако, не безъ того, бывало, что прикрякивалъ, да, глядя на другихъ, и завидовалъ имъ подъ часъ. „Вотъ-де, за что Богъ далъ такому-то и такому-то, а мнѣ не даётъ! такая, видно, доля моя безталанная!“ — И частенько такій сталъ онъ жаловаться людямъ на бѣдность свою и просить у Бога богатства. „То-то,“ думалъ онъ, „зажилъ бы я! И нищую братію не покинулъ бы, и призрѣлъ бы всякаго убогаго!“

Ни съ того, ни съ сего, вдругъ требуетъ къ себѣ Тимоѳеича городничій; а городовой, который пришёлъ за нимъ, кланяется ему и поздравляетъ его, и несётъ такую чепуху, словно рехнулся. „Пришло,“ говоритъ, „извѣстіе, что ты разбогатѣлъ, дядя Тимоѳеичъ; дядя, что-ли, какой у тебя въ Ростовѣ умеръ и былъ приписанъ въ купцы, и деньги нажилъ, видно, большія, а дѣтей, стало быть, у него нѣтъ, а всё, вишь, достаётся тебѣ.“

Подумалъ Тимоѳеичъ, почесавъ затылокъ, что за притча? Поглядѣлъ на городоваго, — видитъ — тотъ безъ шапки передъ нимъ стоитъ и всё кланяется и поздравляетъ; стало быть, ужъ не обманываетъ, не сталъ бы безпокоиться этакъ изъ пустяковъ. Пошёлъ Тимоѳеичъ и дорогой всё припоминаетъ, да и вспомнилъ: былъ у него, точно, дядя и торговалъ гдѣ-то; но ужъ годовъ больше десятка никакихъ объ нёмъ слуховъ не было.

И сталъ Тимоѳеичъ богачёмъ. Наканунѣ только прицѣнился къ плисовой шапкѣ, да подумалъ: дорого три рубля, гдѣ ихъ возьмёшь? А теперь вдругъ говорятъ ему: поѣзжай въ Ростовъ, оттуда начальство пишетъ, требуетъ тебя; номеръ дядя и завѣщалъ тебѣ домъ и двѣ лавки и тысячъ сто денегъ. Сто тысячъ — тутъ не скоро придумаешь какъ насчитать столько, а ему говорятъ: всё твоё, да ещё и домъ и двѣ лавки.

На силу собрался Тимоѳеичъ въ путь: люди не вѣрятъ, никто взаймы не даётъ, а своихъ и пяти рублей нѣтъ, не на что ѣхать. Однако хозяинъ пособилъ. Тимоѳеичъ пріѣхалъ и глазамъ не вѣритъ: не видалъ и во снѣ такого богатства, и какъ съ чѣмъ управиться, не знаетъ; столько-то денегъ, говорятъ ему, по заёмному письму на такомъ-то купцѣ, а столько-то на другомъ; такой-то товаръ отправленъ съ прикащикомъ туда-то, а съ такого-то слѣдуетъ получить столько-то... Тимоѳеичъ грамоты не знаетъ, сбился съ толку совсѣмъ, не знаетъ что дѣлать. А тутъ ещё совѣтниковъ да пріятелей новыхъ нашлось много, обманываютъ его кругомъ, свели съ ума совсѣмъ. Кто зоветъ, да потчуетъ, да угощаетъ, кто самъ въ гости напрашивается, на новосёлье; кто какіе-то старые дядины счёты сводитъ, въ которыхъ Тимоѳеичъ никакого толку не смыслитъ и только сидитъ, слушаетъ, да глазами хлопаетъ; а кто на новые обороты, на торговлю подбиваетъ, да обѣщаетъ большіе барыши; словомъ, не знаетъ бѣдный Тимоѳеичъ, своя ли голова у него на плечахъ; бѣда да и только, отъ-роду не видалъ такой бѣды!

Какъ ни бѝлся Тимоѳе́ичъ, а ви́дитъ, что самому́ ему́ не упра́виться, съ бога́тствомъ свои́мъ не совлада́ть. Ужъ его́ и въ судъ таска́ли, заставля́я плати́ть по каки́мъ-то заёмнымъ пи́сьмамъ дя́динымъ, кото́рыхъ онъ и прочита́ть не умѣетъ; тутъ не допла́чиваютъ ему́ самому́, а онъ не даётъ то́лку, что ему́ слѣдуетъ, да того́ гляди́, срокъ пропу́ститъ и помина́й какъ зва́ли де́нежки; тамъ тре́буютъ по како́й-то торго́вой сдѣлкѣ дя́диной пять ты́сячъ; а расчётъ, говоря́тъ, бу́детъ че́резъ годъ со днёмъ: на всё, говоря́тъ, торго́вые сро́ки поло́жены; а тамъ, гляди́, прика́щикъ пропа́лъ, сбѣжа́лъ, спусти́вши това́ръ на всѣ четы́ре стороны́, да и де́ньги съ собо́ю снёсъ; — сло́вомъ, пошла́ бѣда́, растворя́й ворота́.

Какъ запьётъ мой Тимоѳе́ичъ съ го́ря, да мёртвую ча́шу, уда́ривъ свою́ плѝсовую ша́пку о́бъ-земь, такъ у него́ всё кру́гомъ пошло́, ро́вно по ни́точкѣ, и го́ре отлегло́ отъ се́рдца, и тужи́ть позабы́лъ. Одна́ко э́то плохо́е сре́дство сбыва́ть забо́ту, потому́ что сбу́дешь её не надо́лго, а ра́звѣ то́лько нако́пишь, да ещё и въ ростъ пу́стишь, и съ лёгкой руки́ разживёшься, разбогатѣешь го́ремъ, ту́гой и ну́жей пу́ще пре́жняго.

Ста́лась така́я при́тча и надъ Тимоѳе́ичемъ. И не винову́ръ, говори́ли въ на́смѣхъ Росто́вцы, а прокури́лъ всё! ско́лько растащи́ли, ско́лько безъ счёту пропа́ло, ско́лько отъ недогля́да, а ско́лько и самъ пропусти́лъ въ ненасы́тную утро́бу свою́, да распо́тчивалъ, угоща́я мі́ръ — не зна́емъ мы э́того, да чай и никто́ не зна́етъ, потому́ что никто́, ниже́ самъ Тимоѳе́ичъ, счётовъ э́тихъ не своди́лъ. Зна́емъ то́лько, что когда́ бѣдня́къ вороти́лся разъ мертвѣцки пья́ный въ хоро́мы свои́, усну́лъ гдѣ-то на полу́, поки́нувъ свѣчу́, и зажёгъ свой домъ, и когда́ домъ э́тотъ сгорѣ́лъ благополу́чно, то вы́тащили изъ него́ одного́ то́лько хозя́ина, и то въ обо́рваномъ кафта́нѣ, а бо́лѣе у него́ за душо́й не оста́лось ничего́. Всё про́жилъ, а оста́тки сжёгъ до копѣ́йки.

Го́рько бы́ло похмѣ́лье бѣ́дному Тимоѳе́ичу, э́то и пра́вда; но какъ ни го́рько, а всё-таки́ онъ вздохну́лъ вольнѣе, чѣмъ вздыха́лъ съ са́маго пріѣзда въ Росто́въ; го́рько, а душѣ́ легко́! „Не ста́нутъ тереби́ть, поду́малъ Тимоѳе́ичъ, „не ста́нутъ обкра́дывать круго́мъ, не ста́ну и я упла́чивать, Богъ вѣ́сть, чьи заёмныя пи́сьма, да и не ста́ну пить бо́льше, ко́нчено всё, ро́вно сонъ тяжёлый съ плечъ свали́лся. Эти де́ньги пришли́, какія-то шальны́я,“ поду́малъ онъ, „не на́ми на́жито, такъ не намъ и доста́лось.“ Плю́нулъ Тимоѳе́ичъ, да и пошёлъ.

А пошёдши, нанялся онъ въ рабо́тники къ бли́нщику; жилъ у него́ хорошо́ и че́стно годо́въ пять; зарабо́талъ небольши́я де́ньги — да трудовы́я, а потому́ и сберёгъ ихъ; вороти́лся подъ ста́рость на ро́дину, и самъ сталъ промышля́ть тамъ тѣмъ же ремесло́мъ. Какъ у́тро, быва́ло, такъ Тимоѳе́ичъ идётъ по гости́нному ря́ду въ пёстромъ си́тцевомъ фа́ртукѣ, съ лотко́мъ на головѣ, и припѣва́етъ: „у насъ блины́, у насъ горя́чи — и де́нежки бы́ли, да въ Ростовѣ спли́ли; блины́ горя́чи!

Всѣ зна́ли Тимоѳе́ича, всѣ люби́ли его́ какъ ста́раго дру́га, разбира́я у него́ блины́, и слу́шали поговорки; тамъ онъ живётъ и понынѣ и бога́тства у Бо́га не про́ситъ.

309. Свѣтлый праздникъ.

Богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ худо, только въ сказкахъ убогому бываетъ лучше, чѣмъ богатому. Чтожъ? Коли самому бѣднякý помощи не дадутъ, такъ спасибо хоть за то добрымъ людямъ, что хорошія побасёнки о нёмъ слагаютъ. Послушайте-жъ у меня такую сказку.

На Украйнѣ есть такой обычай, что противъ Свѣтлаго праздника не заливаютъ и не тушатъ огня, а каждый держитъ богатье во всю ночь, чтобъ было гдѣ засвѣтить передъ образомъ свѣчку, какъ воротится народъ отъ заутрени. Вотъ дождались свѣтлаго праздника, всѣ хозяйки въ страстную субботу пекутъ, варятъ, готовятъ, чтобъ было чѣмъ разговѣться и своимъ, и добрымъ захожимъ людямъ, вотъ понесли пасхи, то есть куличи, и жареныхъ поросятъ да индюшекъ, и уставили ими въ два ряда весь погостъ, отъ паперти до самыхъ воротъ; а народъ весь въ праздничныхъ платьяхъ: всѣ радостно ждутъ и встрѣчаютъ Свѣтлый праздникъ!

На селѣ этомъ жилъ бѣднякъ, которому, Богъ вѣсть отчего, не было счастья на хозяйство. Былъ онъ не гуляка, не пьяница, а добрый работящій человѣкъ, да не было ему счастья ни въ чёмъ. Мало того, что пропала да перевелась вся скотинка, что два раза погорѣлъ, такъ ещё и хозяйка бѣдная померла, оставивъ ему полную хату дѣтей, остался онъ вдовцомъ, да притомъ и нищимъ; ни одна дѣвка, ни вдова нейдутъ за него, дѣти безъ призора, хозяйки въ дому нѣтъ, такъ бѣда и одолѣла вовсе. . . Какой мужикъ управится одинъ, безъ хозяйки, и какое житьё? Не то дома, не то въ полѣ, а дѣти хоть пропадай. Такъ онъ и обнищалъ вовсе, и былъ ему праздникъ не въ праздникъ. У него не готовили ничего, ни пасхи ни жареннаго поросёнка, да что бы ему и готовить, когда во весь великій постъ и огня въ печи не разводили: ни топлива нѣтъ, ни варева. — Промолился онъ усердно всю ночь, да выстоявъ заутреню, похристосовался со всѣми: ему и надавали, кто ломтикъ пасочки, кто красное яичко, вотъ онъ и обрадовался, что дѣткамъ будетъ чѣмъ разговѣться; пошёлъ домой, положилъ всё на столъ, достался изъ-за образовъ свѣчку и хотѣлъ было затеплить её да положить три поклона и будить дѣтей. Спохватился — огня нѣтъ; на дворѣ было ещё темно, ночь. Вспомнивъ, что у добрыхъ людей къ этому дню загребается жаръ къ сторонкѣ, да и свѣча, либо каганецъ, не тушится, онъ вспомнилъ былую пору, когда и онъ живалъ не хуже людей и водилось у него своё богатье въ дому. — Что дѣлать! Такъ Богу угодно. Пошёлъ онъ къ сосѣду. „Христосъ воскресъ.“ — „Во истину воскресъ!“ — „Вотъ человѣкъ: и Свѣтлый праздникъ забылъ, въ люди за богатьемъ ходитъ! Иди съ Богомъ домой; ноньче всякъ дома про себя богатье держитъ, а тутъ не до тебя: не ужъ-то ты не припасъ своего?“

Пошёлъ онъ, сердечный, къ другому мужику: тамъ его бабы и дѣвки засмѣяли, что въ такой день по дворамъ ходитъ за огнёмъ, прогнали. Онъ въ третій дворъ, въ четвёртый — вездѣ тоже: вездѣ готовятъ столъ, всякому до себя, никому нѣтъ нужды до бѣдняка; гдѣ засмѣютъ, и гдѣ ещё выбранятъ, да и прогонятъ: „поди, говорятъ, не

до тебя́ тепе́рь, а за бога́тьемъ ступа́й въ по́ле, къ чумака́мъ — тамъ даду́тъ.“

Запла́калъ бѣдня́къ мой, обоше́дши почти́ всё село́, и поду́малъ: „Го́споди Бо́же мой! за что́же меня́ ещё лю́ди обижа́ютъ? Они́-жъ меня́ зна́ютъ: не воръ я, не пьяница; навали́лась на меня́ бѣда́ и нищета́ и самъ не зна́ю, за что и отку́да, а они́ ещё го́рько насмѣха́ются надо мной... ви́дно, са́ми они́ не зна́ли нищеты́... Богъ ихъ прости́тъ. Того́ не спро́сятъ, что отъ са́мой ма́сляной ни крупи́нки въ до́мѣ не́ было, и не гото́вили ни ра́зу; а пѣня́ютъ за грѣхъ, что своего́ огня́ нѣтъ.“

Поду́мавъ такъ, убо́гій стоя́лъ среди́ у́лицы въ концѣ села́ и ужъ не зналъ, куда́ идти́ и что дѣлать, взгляну́лъ онъ въ чи́стое по́ле — анъ за село́мъ свѣтится огонёкъ. Вотъ поду́малъ онъ, и вправду, что пойду́ изъ села́ къ чумака́мъ, за огнёмъ, бо́льше не́куда дѣва́ться, авось хоть чумаки́ не отка́жутъ, а ужъ э́то никто́ бо́льше, какъ чумаки́. Пойду́, не остава́ться же въ э́ту ночь образа́мъ моимъ безъ свѣчки, а ха́тѣ безъ свѣта, бо́льно за дѣтокъ. Вотъ какъ свѣтло во всѣхъ ха́тахъ, какъ ве́село смотрѣть вдоль у́лицы.

Пошёлъ онъ за село́ и пришёлъ пря́мо къ огню́. То́чно э́то стоя́ли чумаки́. По́мнятъ свято́й пра́здникъ и они́, хоть и заста́лъ онъ ихъ въ по́лѣ: сидя́тъ вокру́гъ огня́ въ пра́здничныхъ кобеняка́хъ и свиткахъ, ви́дно, та́кже неда́вно вороти́лись отъ зау́трени. „Христо́съ воскре́съ!“ — „Вои́стину воскре́съ.“ „Да́йте бога́тья, лю́ди до́брые.“ „Изво́ль; да во что ты возьмёшь?“ — Да вотъ да́йте хоть свѣчку зате́плить!“ — „Не донесёшь ты свѣчи́ до села́: тутъ въ по́лѣ вѣтро́къ хо́дитъ, заду́етъ. Поста́вька полу́ свитки, мы тебѣ́ бога́тья въ полу́ насы́племъ.“ Онъ подста́вилъ полу́, не до́лго ду́мавъ, а они́ сгребли́ жа́ру, про́сто рука́ми, да и вы́сыпали ему́ въ свитку. „Ступа́й съ Бо́гомъ не бо́йся ничего́, донесёшь.“

Что ду́малъ онъ, когда́ бралъ жаръ въ полу́, не зна́ю; но какъ челове́къ просто́й и вѣрующій, никогда́ не обма́нывавшій други́хъ, онъ положи́лъ свѣчечку свою́ за па́зуху, собра́лъ хорошенько коне́цъ поли́ и пришёлъ домо́й. „Коли́ лю́ди гребли́ да насыпа́ли рука́ми, такъ почему́ же мнѣ не донести́ въ полѣ?“ Войда́ въ избу́, онъ зате́плилъ наперёдъ всего́ свѣчу́, поста́вилъ её къ образа́мъ, положи́лъ три покло́на, всталъ, чтобъ убра́ть столъ подая́ніемъ и буди́ть дѣте́й: взгляну́лъ на при́печекъ, куда́ вы́сыпалъ изъ поли́ жаръ, а тамъ вмѣсто жа́ра, лежи́тъ ку́ча зо́лота, всё черво́нцы. — Обра́довался убо́гій, по́нялъ, что ему́ э́то Богъ далъ, ещё разъ помоли́лся, положи́лъ на столъ ло́мти па́схи и яи́чки, кото́рыя собра́лъ, когда́ христо́совался съ ми́ромъ, и сталъ буди́ть дѣте́й, прика́зывая имъ скорѣе умы́ться, помоли́ться, похристо́соваться съ отцо́мъ и ме́жду собо́ю, да сади́ться за столъ и разговля́ться.

Сосѣдъ убо́гаго, кото́рый не далъ ему́ огня́, уви́дѣвъ, одна́ко, что въ ха́тѣ его́ свѣтло́, подошёлъ взгляну́ть въ окно́, что тамъ дѣлается, да и уви́дѣлъ въ загнёткѣ ку́чу черво́нцевъ. Удиви́вшись э́тому, онъ вошёлъ и сталъ распра́шивать бѣдняка́; э́тотъ не таясь ни въ чёмъ, разсказа́лъ ему́ всё, какъ бы́ло. Сосѣдъ вы́шелъ на у́лицу, гляну́лъ въ ту сто́рону, куда́ ходи́лъ убо́гій, и та́кже увида́лъ огонёкъ. „Просто́й-же поду́малъ онъ: „пойду́ и я за черво́нцами,“ — и пошёлъ.

Тѣмъ ча́сомъ ба́ба вы́бѣжала за чѣмъ-то изъ друго́й избы́ и та́кже подошла́ къ окну́ убо́гаго, всплеснула́ рука́ми, вошла́ въ ха́ту, чтобъ полюбова́ться черво́нцами, разспроси́ть сосѣда обо всёмъ и позави́довать ему́, а узна́въ, какъ э́то всё ста́лось, побѣжа́ла домо́й и погна́ла му́жа, едва́ то́лько давъ ему́ ша́пку хвати́ть, чтобъ шёлъ скорѣе за село́ къ чумака́мъ; тамъ де, для Свѣтлаго пра́здника, раздаю́тъ при́горшнями черво́нцы. „Да смотри́, бо́льше нагреба́й,“ крича́ла она́ ему́ слѣдомъ: „что́бы не пришло́сь мнѣ руга́ть тебя́ для пра́здника, какъ воро́тишься.“

Вы́проводивъ му́жа, сосѣдка опя́ть побѣжа́ла къ окну́ убо́гаго, тамъ опя́ть домо́й, тамъ на у́лицу, посмотрѣ́ть свѣ́тится ли ещё у чумако́въ огонёкъ; други́я сосѣдки уви́дѣли её, ста́ли спра́шивать, она́ хотѣ́ла бы́ло промолча́ть, чтобъ други́мъ никому́ черво́нцы не доставали́сь, чтобъ ей всё одно́й захвати́ть, да не утерпѣ́ла, разсказа́ла всё, и пошла́ ещё по всему́ селу́ и ста́ла всѣхъ подводи́ть къ окну́ убо́гаго, пока́зывать черво́нцы и разска́зывать, како́е Богъ посла́лъ сча́стье э́тому челове́ку и гдѣ ихъ доста́ть мо́жно. И всѣ ба́бы погна́ли го́номъ мужико́въ свои́хъ за село́, къ чумака́мъ, чтобъ нагрести́ побо́льше зо́лота да принести́ въ полѣ́ домо́й. Вотъ прихо́дятъ они́ толпо́й и встрѣча́ютъ того́ пе́рваго, кото́рый пошёлъ наперёдъ, „Что, да́ли?“ — „Какъ же, насы́пали двѣ при́горшни.“ „Такъ посто́й же, бра́тецъ, не уходи́, вотъ и мы заберёмъ, да чуръ всё вмѣстѣ ссыпа́ть, да и подѣли́ться, чтобъ никому́ не́ было оби́дно: такъ мы положи́ли ми́ромъ, а и ты отъ ми́ру не прочь.“ — „Ла́дно, говори́ть, пусть по ва́шему.“

Подошли́ они́ къ чумака́мъ, кото́рые всё ещё чи́нно сидѣ́ли вокру́гъ огня́, сня́ли ша́пки, — похристо́совались и ста́ли проси́ть бога́тья. Тѣ поглядѣ́ли на нихъ, но не сказа́ли ничего́, кро́мѣ то́лько что велѣ́ли ка́ждому подста́вить поочерёдно полу́ и насы́пали ка́ждому по при́горшнѣ, „Бу́детъ по одно́й,“ сказа́ли они́, когда́ тѣ всё ещё стоя́ли, бу́дто чего́ дожида́лись: „всё ма́ло? — вѣдь васъ мно́го пришло́ — на́до раздѣли́ть на всѣхъ.“ Ну, поблагодари́ли мужики́ мои́ и за э́то и ви́дя, что жаръ лежи́тъ въ полѣ́ какъ га́лька и не гори́тъ, обра́довались и бо́йко пошли́ къ селу́, домо́й.

Обра́довались мужики́ мои́, да не надо́лго. „А что э́то,“ сказа́лъ оди́нъ, когда́ они́ то́лько-что отошли́ отъ чумако́въ: „па́хнетъ бу́дто палёнымъ? Понюхай: бу́дто кто къ пра́зднику свинью́ опали́лъ.“ — „Пра́вда, что па́хнетъ,“ сказа́лъ друго́й, да какъ закричи́тъ, потому́ что подста́вилъ бы́ло подъ полу́ ру́ку, да обжёгъ её, да какъ вы́кинетъ изъ поли́ жаръ, а сви́тку скорѣе съ плечъ да дава́й гаси́ть её, топта́ть нога́ми . . . и друго́й то́же, и тре́тій, и четвёртый . . . крикъ, шумъ, брань, другъ на дру́га вски́дываются, другъ дру́га руга́ютъ: всѣ прижгли́ но́выя сви́тки и кобеняки́ свои́, а кто и ру́ки пожёгъ; дымъ, смрадъ, а чумако́въ нѣтъ: пропа́ли, какъ въ зе́млю провали́лись, и волы́, и возы́, и чумаки́, и ого́нь — нѣтъ ничего́.

„Пра́вду же я говори́ла,“ сказа́ла сосѣдка убо́гаго, кото́рая пе́рвая посла́ла му́жа за бога́тьемъ: „пра́вду жъ я говори́ла, что придётся мнѣ тебя́, дурака́, для пра́здника брани́ть . . . вотъ и прижёгъ но́вую сви́тку; тепе́рь что ста́нешь дѣ́лать?“

А убо́гій разжи́лся свои́ми черво́нцами, и взялъ за себя́ хоро́шую дѣвку и далъ дѣткамъ своимъ до́брую мать. Какіе же э́то бы́ли чумаки́?

310. Ночле́гъ чумако́въ.

Вблизи́ доро́ги столбово́й
Ночу́етъ та́боръ кочево́й
Сыно́въ Украи́ны приво́льной.
Въ степи́ и па́смурно, и тёмно;
Ни звѣздъ блестя́щихъ, ни луны́
На не́бѣ нѣтъ, и тишины́
Ночно́й ничто́ не нарушаетъ . . .
Между́ возо́въ ого́нь гори́тъ;
На таганѣ котёлъ виси́тъ;
Чума́къ раздѣтый, борода́тый,
Поджа́вшись на нога́хъ, сиди́тъ
И ка́шу съ са́ломъ кипяти́тъ.
За та́боромъ не вдалекѣ
Волы́ уста́лые пасу́тся,
Они́ ни кѣмъ не стерегу́тся.
Безпе́чно у огня́ въ кружкѣ
Хохлы́ чума́зые, сѣды́е,
Съ уса́ми хло́пцы молоды́е,
Просте́ршись на травѣ, лежа́тъ
И вдаль неве́село гляди́тъ.
Чѣмъ чумака́мъ прогна́ть дремо́ту?
Давно́-ль утра́тили охо́ту
Они́ пѣть пѣсни старины́?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены́?
И какъ тѣ пѣсни се́рдцу ми́лы,
Какъ вырази́тельны, уны́лы,
Протя́жны, зву́чны и полны́
Преда́ньями родно́й страны́!

Кольцовъ.

311. Ночле́гъ цыга́нскаго та́бора.

Цыга́ны шу́мною толпо́ю
По Бессара́біи кочу́ютъ,
Они́ сего́дня надъ рѣко́й
Въ шатра́хъ изо́дранныхъ ночу́ютъ.
Какъ во́льность, ве́селъ ихъ ночле́гъ
И ми́рный сонъ подъ небеса́ми.
Ме́жду колёсами теле́гъ,
Полузавѣшенныхъ ковра́ми,
Гори́тъ ого́нь; семья́ круго́мъ
Гото́витъ у́жинъ; въ чи́стомъ по́лѣ
Пасу́тся ко́ни; за шатро́мъ
Ручно́й медвѣдь лежи́тъ на во́лѣ.
Всё жи́во посреди́ степе́й:
Забо́ты ми́рныя семе́й,
Гото́выхъ съ у́тромъ въ путь неда́льній,
И пѣсни жёнъ, и крикъ дѣте́й,
И звонъ похо́дной нарова́льни,
Но вотъ на та́боръ кочево́й
Нисхо́дитъ со́нное молча́нье,
И слы́шно въ тишинѣ степно́й
Лишь лай соба́къ, да ко́ней ржа́нье.
Огни́ вездѣ погашены́,
Споко́йно всё, луна́ сія́етъ
Одна́ съ небе́сной вышины́,
И ти́хій та́боръ озаря́етъ.

Пушкинъ.

312. Пѣснь во́иновъ Оле́га.

Скорѣ́й, бойцы́!
Въ ряды́, бойцы́!
Оле́га слы́шенъ щитъ!
Знако́мъ онъ намъ,
На смерть врага́мъ
Такъ гро́зно онъ звучи́тъ!
Нашъ князь Оле́гъ
Чини́тъ набѣ́гъ
На го́рдый Цареграда́ъ.
Тамъ зла́то есть;
Хвала́ и честь,
Когда́ онъ бу́детъ.
И кня́жій зовъ
На злыхъ врагово́въ
Вся слы́шала земля́.
Люби́мая,
Роди́мая
Мы бро́сили поля́,
И скро́мный рядъ
Убо́гихъ хатъ,
И ми́ра тишину́;
И, взявъ съ собо́й
Доспѣ́хъ просто́й,
Пошли́ мы на войну́.
Бога́тъ и новъ
Доспѣ́хъ врагово́въ;
Отъ зла́та, какъ ого́нь,
Онъ весь гори́тъ,
И имъ покры́тъ
И вса́дникъ ихъ и конь.
Но въ би́твѣ, другъ,
Изчѣ́знетъ вдругъ
Роско́шный твой нара́дъ;
Не пра́здникъ бой,
И мечъ просто́й
Не лю́битъ пы́шныхъ латъ;
Злачёный щитъ
Не сохрани́тъ
Отъ мѣ́ткаго копья́.
И го́ре вамъ,
И сла́ва намъ!
Лику́йте же, друзья́!
Скорѣ́й, бойцы́!
Оле́га слы́шенъ щитъ!
Знако́мъ онъ намъ!
На смерть врага́мъ
Такъ гро́зно онъ звучи́тъ!

К. Аксаковъ.

313. Се́льскій пра́здникъ.

Посреди́ села́ наря́дный
Собрался́ наро́дъ:
Па́рни, дѣ́вки, молоди́цы
Во́дятъ хорово́дъ.
И звени́тъ и льётся пѣ́сня,
Что рѣка́ течётъ.
Въ и́збахъ пра́здникъ и весёлый
Пиръ горо́й идётъ.
И предъ и́збами ребя́тки
Рѣ́звятся, шумя́тъ:
На зава́ленахъ стару́хи,
Старики́ сидя́тъ,
И веду́тъ между́ собо́ю
Рѣ́чь о томъ, о сёмъ:
Какъ-то въ по́лѣ хлѣ́бъ роди́лся,
Какъ хоро́шъ былъ лёнъ;
Какъ въ Москвѣ ребя́та жи́ли,
Съ чѣ́мъ домо́й пришли́,
Ско́лько къ пра́зднику обно́вокъ,
Де́негъ принесли́.

А. Раззореновъ.

314. Пѣсня въ честь труда́.

Кто идётъ во глубь земли́
Или мо́лотомъ маха́етъ,
Кто сѣтя́ми для семьи́
Хлѣ́бъ насу́щный добыва́етъ;
Кто за плу́гомъ льётъ свой потъ,
Кто наёмникъ господи́на,

Кто подъ но́шей спи́ну гнётъ
Для жены́ свое́й, для сы́на:
Честь имъ! Сла́ва ихъ трудамъ!
Сла́ва ка́ждой ка́плѣ по́та!
Честь мозо́листымъ рука́мъ!
Да спори́тся ихъ рабо́та . . .
Незабу́демъ и о томъ,
Кто безро́потно страда́етъ,
И рабо́тая умо́мъ,
Самъ нерѣдко голода́етъ . . .
Честь и сла́ва всѣмъ трудамъ!
Сла́ва ка́ждой ка́плѣ по́та!
Честь мозо́листымъ рука́мъ!
Да спори́тся ихъ рабо́та.

315. Пра́ведный судья́.

Оди́нъ алжи́рскій царь Бауака́съ захотѣлъ самъ узна́ть, — пра́вду-ли ему́ говори́ли, что въ одно́мъ изъ его́ городо́въ есть пра́ведный судья́, что онъ сра́зу узнаётъ пра́вду и что отъ него́ ни оди́нъ плутъ не мо́жетъ укры́ться. Бауака́съ переоде́лся въ купца́ и пое́халъ верхо́мъ на ло́шади въ тотъ го́родъ, гдѣ жилъ судья́. У въѣзда въ го́родъ къ Бауа́касу подошёлъ кале́ка и сталъ проси́ть ми́лостыню. Бауака́съ по́далъ ему́ и хотѣлъ ѣхать да́льше, но кале́ка уцѣпи́лся ему́ за пла́тье. „Что тебѣ ну́жно?“ спроси́лъ Бауака́съ, „ра́звѣ я не далъ тебѣ ми́лостыни?“ — „Ми́лостыню ты далъ,“ сказа́лъ кале́ка, „но ещё сдѣлай ми́лость, довези́ меня́ на твое́й ло́шади до пло́щади, а то ло́шади и верблю́ды какъ-бы не раздави́ли меня́.“ Бауака́съ посади́лъ кале́ку сза́ди себя́, и довёзъ его́ до пло́щади. На пло́щади Бауака́съ останови́лъ ло́шадь. Но ни́щій не слѣза́лъ. Бауака́съ сказа́лъ: „что-жъ сиди́шь, слѣза́й, мы пріѣхали!“ А ни́щій сказа́лъ: „зачѣмъ слѣза́ть, — ло́шадь моя́; а не хо́чешь добро́мъ отда́ть ло́шадь, пойдёмъ къ судьѣ.“ Наро́дъ собра́лся вокру́гъ нихъ и слу́шалъ, какъ они́ спо́рили; всѣ закрича́ли: „ступа́йте къ судьѣ, онъ васъ разсу́дитъ.“

Бауака́съ съ кале́кой пошли́ къ судьѣ. Въ судѣ былъ наро́дъ и судья́ вызыва́лъ по о́череди тѣхъ, кого́ суди́лъ. Пре́жде чѣмъ черёдъ дошёлъ до Бауака́са, судья́ вы́звалъ учёнаго и мужика́: они́ суди́лись за жену́. Мужи́къ говори́лъ, что э́то его́ жена́, а учёный говори́лъ, что его́ жена́. Судья́ вы́слушалъ ихъ, помолча́лъ и сказа́лъ: „Оста́вьте же́нщину у меня́, а са́ми приходи́те за́втра.“

Когда́ э́ти ушли́, вошли́ мясни́къ и ма́сленникъ. Мясни́къ былъ весь въ кровя́, а ма́сленникъ въ ма́слѣ. Мясни́къ держа́лъ въ рукѣ де́ньги, ма́сленникъ ру́ку мясника́. Мясни́къ сказа́лъ: „Я купи́лъ у э́того челове́ка ма́сло и вы́нулъ кошелёкъ, что́бы расплати́ться; а онъ схвати́лъ меня́ за ру́ку и хотѣлъ отня́ть де́ньги. Такъ мы и пришли́ къ тебѣ, — я держу́ въ рукѣ кошелёкъ, а онъ де́ржитъ меня́ за́ руку. Но де́ньги мои́, а онъ — воръ.“

А ма́сленникъ сказа́лъ: „Это непра́вда. Мясни́къ пришёлъ ко мнѣ покупа́ть ма́сло. Когда́ я на́лилъ ему́ по́лный кувши́нъ, онъ проси́лъ меня́ размѣня́ть ему́ золото́й. Я доста́лъ де́ньги и положи́лъ ихъ на ла́вку, а онъ взялъ ихъ и хотѣ́лъ бѣжа́ть. Я поима́лъ его́ за́ руку и привёлъ сюда́.“ Судья́ помолча́лъ и сказа́лъ: „оста́вьте де́ньги здѣсь и приходи́те за́втра.“

Когда́ о́чередь дошла́ до Бауака́са и до калѣки, Бауака́съ разсказа́лъ какъ бы́ло дѣ́ло. Судья́ вы́слушалъ его́ и спроси́лъ ни́щаго. Ни́щій сказа́лъ: „э́то всё непра́вда. Я ѣхалъ верхо́мъ че́резъ го́родъ, а онъ сидѣ́лъ на землѣ́ и проси́лъ меня́ подвезти́ его́. Я посади́лъ его́ на ло́шадь и довёзъ, куда́ ему́ ну́жно бы́ло; но онъ не хотѣ́лъ слѣза́ть и сказа́лъ, что ло́шадь его́. Это непра́вда.“

Судья́ поду́малъ и сказа́лъ: „оста́вьте ло́шадь у меня́ и приходи́те за́втра.“

На друго́й день собрало́сь мно́го наро́ду слу́шать, какъ разсу́дитъ судья́.“

Пе́рвые подошли́ учёный и мужи́къ.

„Возьми́ свою́ жену́,“ сказа́лъ судья́ учёному, „а мужику́ дать 50 па́локъ.“ Учёный взялъ свою́ жену́, а мужика́ тутъ же наказа́ли.

Пото́мъ судья́ вы́звалъ мясника́.

„Де́ньги твои́,“ сказалъ онъ мяснику́; пото́мъ онъ указа́лъ на ма́сленника и сказа́лъ: „а ему́ дать 50 па́локъ.“

Тогда́ позва́ли Бауака́са и калѣку. „Узна́ешь-ты свою́ ло́шадь изъ двадцати́ други́хъ?“ спроси́лъ судья́ Бауака́са.

— „Узна́ю.“

— „А ты?“

— „И я узна́ю,“ сказа́лъ калѣка.

— „Иди́ за мно́ю,“ сказа́лъ судья́ Бауака́су.

Они́ пошли́ въ конюшню. Бауака́съ сейча́съ-же проме́жъ други́хъ двадцати́ лошаде́й показа́лъ на свою́. Пото́мъ судья́ вы́звалъ калѣку въ конюшню и то́же велѣ́лъ ему́ указа́ть на ло́шадь. Калѣка призна́лъ ло́шадь и показа́лъ её. Тогда́ судья́ сѣ́лъ на своё мѣ́сто и сказа́лъ Бауака́су:

— „Ло́шадь твоя́, возьми́ её. А калѣкѣ дать 50 па́локъ.“

По́слѣ суда́, судья́ пошёлъ домо́й, а Бауака́съ пошёлъ за нимъ.

„Что-же ты, или не дово́ленъ мои́мъ рѣше́ніемъ?“ спроси́лъ судья́.

„Нѣтъ, я дово́ленъ,“ сказа́лъ Бауака́съ. „То́лько хотѣ́лось бы мнѣ знать — почёмъ ты узна́лъ, что жена́ была́ учёнаго, а не мужика́, что де́ньги бы́ли мясниковы, а не ма́сленниковы, и что ло́шадь была́ моя́, а не ни́щаго?“

„Про же́нщину я узна́лъ вотъ какъ: позва́лъ её у́тромъ къ себѣ́ и сказа́лъ ей: нале́й черни́ла въ мою́ черни́льницу. Она́ взяла́ черни́льницу, вы́мыла её ско́ро и ло́вко и на́лила черни́ла. Ста́ло быть она́ привы́кла э́то дѣ́лать. Будь она́ жена́ мужика́, она́ не съумѣ́ла-бы э́то сдѣ́лать. Выхо́дитъ, что учёный былъ правъ. Про де́ньги я узна́лъ вотъ какъ: положи́лъ я де́ньги въ ча́шку съ водо́й и сего́дня у́тромъ посмотрѣ́лъ — всплы́ло-ли на водѣ́ ма́сло. Если-бы де́ньги

бы́ли ма́сленниковы, то онѣ были бы запа́чканы его ма́сляными рука́ми. На водѣ ма́сла не́ было, ста́ло быть мясни́къ говори́тъ пра́вду.“

„Про ло́шадь узна́ть было труднѣе. Кале́ка та́къ же какъ и ты, изъ двадцати́ лошаде́й сейча́съ указа́лъ на ло́шадь. Да я не для того́ приводи́лъ васъ обо́ихъ въ коню́шню, что́бы ви́дѣть, узна́ете-ли вы ло́шадь, а для того́, что́бы ви́дѣть — кого́ изъ васъ двои́хъ узна́етъ ло́шадь. Когда́ ты подошёлъ къ ней, она́ оберну́ла го́лову, потяну́лась къ тебѣ; а когда́ кале́ка тро́нулъ её, она́ прижа́ла у́ши и подняла́ но́гу. По э́тому я узна́лъ, что ты настоя́щій хозя́инъ ло́шади.

Тогда́ Бауака́сь сказа́лъ:

„Я не купе́цъ, я царь Бауака́съ. Я прі́ѣхалъ сюда́, что́-бы ви́дѣть — пра́вда-ли то, что говоря́тъ про тебя́. Я ви́жу тепе́рь, что ты му́дрый судья́. Проси́ у меня́ чего́ хо́чешь, я награжу́ тебя́.“

Судья́ сказа́лъ: „Мнѣ не ну́жно награ́ды; я сча́стливъ уже́ тѣмъ, что царь мой похвали́лъ меня́.“

316. Прыжо́къ.

Оди́нъ кора́бль обошёлъ вокру́гъ свѣта и возвраща́лся домо́й. Была́ ти́хая пого́да, весь наро́дъ былъ на па́лубѣ. Посреди́ наро́да вертѣлась больша́я обезья́на и забавля́ла всѣхъ. Обезья́на э́та ко́рчилась, пры́гала, дѣлала смѣшны́я ро́жи, передра́знивала люде́й, и ви́дно бы́ло — она́ зна́ла, что ею забавля́ются, и оттого́ ещё бо́льше расходи́лась.

Она́ подпры́гнула къ 12-ти-лѣтнему ма́льчику, сы́ну капита́на корабля́, сорва́ла съ его́ голово́й шля́пу, надѣла и жи́во взобра́лась на ма́чту. Всѣ засмѣя́лись, а ма́льчикъ оста́лся безъ шля́пы и самъ не зналъ, смѣя́ться ли ему́, или серди́ться.

Обезья́на сѣла на пе́рвой переклади́нѣ ма́чты, снята́ шля́пу и ста́ла зуба́ми и ла́пами рвать её. Она́ какъ бу́дто дразни́ла ма́льчика, пока́зывала на него́ и дѣлала ему́ ро́жи. Ма́льчикъ погрози́лъ ей и кри́кнулъ на неё, но она́ ещё зло́е рвала́ шля́пу. Матро́сы гро́мче ста́ли смѣя́ться, а ма́льчикъ покраснѣлъ, ски́нулъ ку́ртку и бро́сился за обезья́ной на ма́чту. Въ одну́ мину́ту онъ взобра́лся по верёвкѣ на пе́рвую переклади́ну; но обезья́на ещё ловчѣе и быстрѣе его́, въ ту са́мую мину́ту, какъ онъ ду́малъ схвати́ть шля́пу, взобра́лась ещё вы́ше.

— Такъ не уйдёшь же ты отъ меня́!“ — закрича́лъ ма́льчикъ и полѣзъ вы́ше. Обезья́на опя́ть подмани́ла его́ и полѣзла ещё вы́ше, но ма́льчика уже́ разобра́лъ заго́ръ и онъ не отставалъ. Такъ обезья́на и ма́льчикъ въ одну́ мину́ту добрали́сь до са́маго ве́рха. На са́момъ верху́ обезья́на вы́тянулась во всю длину́ и, зацѣпи́вшись за́дней руко́й за верёвку, повѣсила шля́ку на край послѣдней переклади́ны, а сама́ взобра́лась на маку́шку ма́чты и отту́да ко́рчилась, пока́зывала зу́бы и ра́довалась. Отъ ма́чты до конца́ переклади́ны, гдѣ висѣла шля́па, бы́ло арши́на два такъ что доста́ть её нельзя́ бы́ло ина́че, какъ вы́пустить изъ рукъ верёвку и ма́чту.

Но ма́льчикъ о́чень раззадо́рился. Онъ бро́силъ ма́чту и ступи́лъ на переклади́ну. На па́лубѣ всѣ смотрѣли и смѣя́лись тому́, что выдѣлывали обезья́на и капита́нскій сынъ; но какъ увида́ли, что онъ пусти́лъ верёвку и ступи́лъ на переклади́ну пока́чивая рука́ми, — всѣ за́мерли отъ стра́ха.

Сто́ило ему́ то́лько оступи́ться — и онъ бы въ дрѣбезги разби́лся объ па́лубу. Да е́слибъ да́же онъ и не оступи́лся, а дошёлъ до кра́я переклади́ны и взялъ шля́пу, то тру́дно бы́ло ему́ поверну́ться и дойти́ наза́дъ до ма́чты. Всѣ мо́лча смотрѣли на него́ и жда́ли, что бу́детъ.

Вдругъ въ наро́дѣ кто-то о́хнулъ отъ стра́ха. Ма́льчикъ отъ э́того кри́ка опо́мнился, гляну́лъ внизъ и зашата́лся.

Въ э́то вре́мя капита́нъ корабля́, оте́цъ ма́льчика, вы́шелъ изъ каю́ты. Онъ нёсъ ружьё, что́бы стрѣля́ть ча́екъ. Онъ уви́дѣлъ сы́на на ма́чтѣ, и то́тчасъ же прицѣлился въ сы́на и закрича́лъ: „Въ во́ду! пры́гай сейча́съ въ во́ду! застрѣлю́!“ Ма́льчикъ шата́лся, но не понима́лъ. „Пры́гай, и́ли застрѣлю́!... Разъ, два...“ и какъ то́лько оте́цъ кри́кнулъ: „три!“ — ма́льчикъ размахну́лся голово́й внизъ и пры́гнулъ.

То́чно пу́шечное ядро́ шлёпнуло тѣло ма́льчика въ мо́ре, и не успѣли во́лны закры́ть его́, какъ уже́ 20 молодцо́въ матро́совъ спры́гнули съ корабля́ въ мо́ре. Секу́ндъ че́резъ 40 — онѣ до́лги показа́лись всѣмъ — вы́нырнуло тѣло ма́льчика. Его́ схвати́ли и вы́тащили на кора́бль. Че́резъ нѣсколько мину́тъ у него́ изо рта и изъ но́са полила́сь вода́, и онъ сталъ дыша́ть.

Когда́ капита́нъ уви́дѣлъ э́то, онъ вдругъ закрича́лъ, какъ бу́дто что-то его́ души́ло, и убѣжа́лъ къ себѣ въ каю́ту, что́бъ никто́ не вида́лъ, какъ онъ пла́четъ.

317. Разска́зъ аэрона́вта.

Наро́дъ собра́лся смотрѣть на то, какъ я полечу́. Шаръ былъ гото́въ. Онъ подра́гивалъ, рва́лся вверхъ на четырёхъ кана́тахъ и то мо́рщился, то надува́лся. Я прости́лся съ свои́ми, сѣлъ въ ло́дку; осмотрѣлъ, всѣ ли мои́ припа́сы бы́ли по мѣста́мъ, и закрича́лъ: „пуска́й!“ Кана́ты подрѣзали, и шаръ подня́лся кве́рху снача́ла ти́хо, — какъ жеребёнокъ сорва́лся съ при́вязи и огля́дывался, — и вдругъ дёрнулъ кве́рху и полетѣлъ такъ, что дро́гнула и закача́лась ло́дка. Внизу́ захло́пали въ ладо́ши, зякрича́ли и замаха́ли платка́ми и шля́пами. Я взмахну́лъ имъ шля́пой, и не успѣлъ опя́ть надѣть её, какъ ужъ я былъ такъ высоко́, что съ трудо́мъ могъ разобра́ть люде́й. Пе́рвую мину́ту мнѣ ста́ло жу́тко, моро́зъ пробѣжа́лъ по жи́ламъ; но пото́мъ вдругъ такъ ста́ло ве́село на душѣ, что я забы́лъ боя́ться. Мнѣ ужъ чуть слы́шенъ былъ шумъ въ го́родѣ. Какъ пчёлы шумѣлъ наро́дъ внизу́. Улицы, дома́, рѣка́, сады́ въ го́родѣ видны́лись мнѣ внизу́ какъ на карти́нкѣ. Мнѣ каза́лось, что я царь надъ всѣмъ го́родомъ и наро́домъ; — такъ мнѣ ве́село бы́ло на верху́. Я ши́бко поднима́лся кве́рху, — то́лько подра́гивали верёвки въ ло́дкѣ, да разъ налетѣлъ на меня́ вѣтеръ, перевернулъ меня́ два ра́за на мѣстѣ; но пото́мъ опя́ть не слыха́ть бы́ло, лечу́ ли я, и́ли стою́ на мѣстѣ. Я то́лько потому́ замѣча́лъ, что лечу́ кве́рху, что

всё ме́ньше и ме́ньше станови́лась подо мно́ю карти́нка го́рода, и да́льше станови́лась ви́дно. Земля́ то́чно росла́ подо мно́й, станови́лась ши́ре и ши́ре, и вдругъ я замѣ́тилъ, что земля́ подо мной ста́ла какъ ча́шка. Края́ бы́ли вы́пуклые, — на днѣ́ ча́шки былъ го́родъ. Мнѣ весе́лѣе и весе́лѣе станови́лось. Ве́село и легко́ бы́ло дыша́ть и хоте́лось пѣть. Я запѣ́лъ; но го́лосъ мой былъ тако́й сла́бый, что я удиви́лся и испуга́лся своему́ го́лосу.

Со́лнце ещё стоя́ло высоко́, но на зака́тѣ тяну́лась ту́ча, — и вдругъ она́ закры́ла со́лнце. Мнѣ опя́ть ста́ло жу́тко, и я, чтобъ заня́ться чѣ́мъ нибу́дь, доста́лъ бароме́тръ, посмотрѣ́лъ на него́, и по нёмъ узна́лъ, что я подня́лся уже́ на 4 версты́. Когда́ я клалъ бароме́тръ на мѣ́сто, что-то затрещиха́лось о́коло меня́, я увида́лъ голубка́. Я вспо́мнилъ что взялъ голубка́ затѣ́мъ, чтобъ спусти́ть его́ съ запи́сочкой внизъ. Я написа́лъ на бума́жкѣ, что я живъ и здоро́въ, на 4-хъ верста́хъ высоты́, и привяза́лъ бума́жку къ шеѣ́ го́лубя. Го́лубь сидѣ́лъ на краю́ ло́дки и смотрѣ́лъ на меня́ свои́ми красновато́ыми гла́зками. Мнѣ каза́лось, что онъ проси́лъ меня́, что́бы я не ста́лкивалъ его́. Съ тѣхъ поръ какъ ста́ло па́смурно, внизу́ ничего́ не́ было ви́дно. Но не́чего дѣ́лать, на́до бы́ло посла́ть внизъ го́лубя. Онъ дрожа́лъ всѣ́ми пёрушками, когда́ я взялъ его́ въ ру́ку. Я отвёлъ ру́ку и бро́силъ его́. Онъ, ча́сто маха́я кры́льями, полетѣ́лъ бо́комъ какъ ка́мень кни́зу. Я посмотрѣ́лъ на бароме́тръ. Тепе́рь я уже́ былъ на пять вёрстъ надъ землёю и чу́вствовалъ, что мнѣ во́здуху ма́ло, и сталъ ча́сто дыша́ть. Я потяну́лъ за верёвку, что́бы вы́пустить газъ и спуска́ться, но ослабѣ́лъ ли я, и́ли слома́лось что-нибу́дь — кла́панъ ие открыва́лся, — ничто́ не шевели́лось; но дыша́ть мнѣ станови́лось всё тяжелѣе и тяжелѣе. Если я не остановлю́ шаръ, поду́малъ я, „то онъ ло́пнетъ, и я пропа́лъ.“ Что́бы узна́ть, поднима́юсь ли я и́ли стою́ на мѣ́стѣ, — я вы́бросилъ бума́жки изъ ло́дки. Бума́жки то́чно ка́мни летѣ́ли кни́зу. Зна́читъ, я какъ стрѣла́ летѣ́лъ кве́рху. Я изо всѣхъ силъ ухвати́лъ за верёвку и потяну́лъ. Сла́ва Бо́гу — кла́панъ откры́лся, засвиста́ло что-то. Я вы́бросилъ ещё бума́жку — бума́жка полетѣ́ла о́коло меня́ и поднялась. Зна́читъ, я опуска́лся. Внизу́ всё ещё́ ничего́ не́ было ви́дно. То́лько какъ бу́дто мо́ре тума́на разстила́лось по́до мной. Я спусти́лся въ тума́нъ. Это бы́ли ту́чи. Пото́мъ поду́лъ вѣ́теръ, понёсъ меня́ куда́-то, и ско́ро вы́глянуло со́лнце, и я увида́лъ подъ собо́ю опя́ть ча́шку земли́. Но не́ было на́шего го́рода, а какіе-то лѣса́ и двѣ си́нія полосы́-рѣки́. Опя́ть мнѣ ста́ло ра́достно на душѣ́ и не хотѣ́лось спуска́ться; но вдругъ что-то зашумѣ́ло по́длѣ меня́, и я уви́дѣлъ орла́.

Онъ удивлёнными глаза́ми погляде́лъ на меня́ и останови́лся на кры́льяхъ. Я какъ ка́мень летѣ́лъ внизъ. Я сталъ ски́дывать бала́стъ, чтобъ задержа́ться.

Ско́ро мнѣ ста́ли ви́дны поля́, лѣ́съ, и у лѣ́са дере́вня, и къ дере́внѣ идётъ ста́до. Я слы́шалъ голоса́ наро́да и ста́да. Шаръ мой спуска́лся ти́хо. Меня́ увида́ли. Я закрича́лъ и бро́силъ имъ верёвки. Сбѣжа́лся наро́дъ. Я ви́дѣлъ, какъ ма́льчикъ пе́рвый поима́лъ верёвку. Другіе подхвати́ли, прикрути́ли шаръ къ де́реву и я вы́шелъ. Я лета́лъ то́лько 3 часа́. Дере́вня э́та была́ за 250 вёрстъ отъ моего́ го́рода.

318. Чортъ и горшечникъ.

Ѣдетъ дорогою горшечникъ; на встрѣчу ему прохожій: „наймй, говоритъ, меня въ работники!“ — Да умѣешь ли ты горшки дѣлать? „Ещё какъ умѣю-то!“ Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вмѣстѣ. Пріѣзжаютъ домой, работникъ и говоритъ: „ну, хозяинъ! приготовь сорокъ возовъ глины; завтра я за работу пріймусь!“ Хозяинъ приготовилъ сорокъ возовъ глины; а работникъ-то былъ — самъ нечистой, а ты ко мнѣ въ сарай не ходи!“ — Отчего такъ? „Ну, да ужъ такъ! Прійдёшь — бѣды наживёшь!“ Наступила тёмная ночь; какъ разъ въ двѣнадцать часовъ закричалъ нечистой громкимъ голосомъ — и собралось къ нему чертенята видимо — не видимо, начали горшки лѣпить, пошёлъ громъ, стукъ, хохотъ по всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ: „дай пойду — посмотрю!“ Приходитъ къ сараю, заглянулъ въ щёлочку — сидятъ черти на корточкахъ да горшки лѣпятъ; только одинъ хромой не работаетъ, по сторонамъ смотритъ, увидалъ хозяина, схватилъ комъ глины да какъ пуститъ — и попалъ ему прямо въ глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ глазъ и вернулся въ избу, а въ сараѣ-то гамъ и хохотъ пуще прежняго! На утро говоритъ работникъ: „эй, хозяинъ! ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано.“ Хозяинъ сосчиталъ — сорокъ тысячъ наработано. „Ну, теперь готовь мнѣ десять саженъ дровъ; въ эту ночь стану обжигать горшки.“ Ровно въ полночь опять закричалъ нечистой громкимъ голосомъ; сбѣжались къ нему со всѣхъ концовъ чертенята, перебили всѣ горшки, покидали черепье въ печь и давай обжигать. А хозяинъ закрестилъ щёлочку и смотритъ; „ну, думаетъ, пропала работа!“ На другой день зоветъ его работникъ: „поглядй, хорошо ли сдѣлалъ?“ Хозяинъ приходитъ смотрѣть — всѣ сорокъ тысячъ горшковъ стоятъ цѣлы, одинъ одного лучше! На третью ночь создалъ нечистой чертенятъ, раскрасилъ горшки разными цвѣтами, и всѣ до послѣдняго на одинъ возъ укладъ. Дождался хозяинъ базарнаго дня и повёзъ горшки въ городъ на продажу; а нечистой приказалъ своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ домамъ, по всѣмъ улицамъ, да народъ кликать — горшки покупать. Сейчасъ повалилъ народъ на базаръ; обступили со всѣхъ сторонъ горшечника и въ полчаса разобрали. Пріѣхалъ мужикъ домой, и полонъ мѣшокъ денегъ привёзъ. „Ну, говоритъ ему нечистой, давай барыши дѣлить.“ Подѣлили пополамъ. Чортъ взялъ свою часть, распрощался съ хозяиномъ и пропалъ. Черезъ недѣлю поѣхалъ мужикъ съ горшками въ городъ; сколько ни стоялъ онъ на базарѣ, никто не покупаетъ; всѣ обходятъ его мимо да ещё всячески ругаютъ: „знаемъ мы твой горшки, старый хрѣнъ! съ виду казисты, а нальёшь воды — сейчасъ и развалятся! Нѣтъ, братъ! теперь не надуешь.“ Перестали брать у него горшки: совсѣмъ обѣднѣлъ мужикъ, запилъ съ горя и сталъ по кабакамъ валяться.

319. Волкъ-дурень.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ мужикъ; у него была собака: съ молоду сторожила весь домъ, а какъ пришла тяжёлая старость — и брехать перестала. Надоѣла она хозяину; вотъ онъ собрался, взялъ

верёвку, зацѣпи́лъ соба́кѣ за ше́ю и повёлъ её въ лѣсъ; привёлъ къ оси́нѣ и хотѣ́лъ бы́ло задави́ть, да какъ уви́дѣлъ, что у ста́раго пса теку́тъ по мо́рдѣ го́рькія слёзы, ему́ и жа́лко ста́ло; сми́ловался, привяза́лъ соба́ку къ оси́нѣ, а самъ отпра́вился домо́й. Оста́лся бѣ́дный пёсъ въ лѣсу́ и на́чалъ пла́кать и проклина́ть свою́ до́лю. Вдругъ идётъ изъ-за куето́въ волкъ, увида́лъ его́ и говори́тъ: „здоро́во друзи́ще! долго́нько поджида́лъ тебя́ въ го́сти. / Быва́ло ты прогоня́лъ меня́ отъ своего́ до́ма, а тепе́рь самъ ко мнѣ попа́лся: что захочу́, то надъ тобо́ю и сдѣлаю. Ужъ я тебѣ́ за всё отплачу́!“ — А что хо́чешь ты, се́рый волчёкъ, надо мно́ю сдѣлать? „Да немно́го: съѣмъ тебя́ со всей шку́рой и съ костя́ми.“ — Ахъ ты, глу́пой се́рой волкъ! Съ жи́ру самъ не зна́ешь, что дѣлаешь; таки́ по́слѣ вку́сной говя́дины ста́нешь ты жрать ста́рое и худо́е пёсье мя́со? Зачѣ́мъ тебѣ́ понапра́сну лома́ть надо́ мно́го свои́ ста́рые зу́бы? моё мя́со тепе́рь сло́вно гнила́я колода́. А вотъ я лу́чше тебя́ научу́: поди́-ка да принеси́ мнѣ пу́дика три хоро́шей кобыля́тинки, попра́вь меня́ немно́жко, да тогда́ и дѣ́лай со мно́ю что уго́дно. — Волкъ послу́шалъ ста́раго пса, пошёлъ и притащи́лъ ему́ полови́ну кобы́лы: „вотъ тебѣ́ и говя́динка! смотри́ поправля́йся.“ Сказа́лъ и ушёлъ. Соба́ка ста́ла прибира́ть мясцо́ и всё поѣ́ла. Чёрезъ два дня прихо́дитъ се́рой дура́къ и спра́шиваетъ: „Что братъ! попра́вился и́ли нѣтъ?“ — Маленько попра́вился; коли́-бъ ещё принёсъ каку́ю-нибу́дь овцу́, моё мя́со сдѣлалось бы не въ приме́ръ сла́ще! — Волкъ и на то согласи́лся, побѣжа́лъ въ чи́стое по́ле, лёгъ въ лощи́нѣ и сталъ кара́улить, когда́ пого́нитъ пасту́хъ своё ста́до. Вотъ пасту́хъ и го́нитъ ста́до, волкъ повы́смотрѣлъ изъ-за куста́ овцу́, кото́рая пожирне́е да побо́льше, вскочи́лъ да и бро́сился на неё; ухвати́лъ за ши́воротъ и потащи́лъ къ соба́кѣ. Вотъ тебѣ́ овца́, поправля́йся!“ Ста́ла соба́ка поправля́ться, съѣ́ла овцу́ и почу́яла въ себѣ́ си́лу. Пришёлъ волкъ и спра́шиваетъ: „ну что, братъ, како́въ тепе́рь?“ — Ещё немно́жко худъ. Вотъ когда́-бъ ты принёсъ мнѣ како́го нибу́дь кабана́, такъ я бы разжирѣ́лъ, какъ свинья́! — Волкъ доби́лъ и кабана́, принёсъ и говори́тъ; „э́то моя́ послѣ́дняя слу́жба! че́резъ два дня прійду́ къ тебѣ́ въ го́сти. — Ну ла́дно, ду́маетъ соба́ка, я съ тобо́ю справлюсь. Че́резъ два дня идётъ волкъ къ отко́рмленному псу, а пёсъ зави́дѣлъ и сталъ на него́ брехать. „Ахъ ты, ме́рзкой! сказа́лъ се́рый волкъ, смѣешь ты меня́ брани́ть?“ и тутъ-же бро́сился на соба́ку и хотѣ́лъ её разорва́ть. Но соба́ка собра́лась уже́ съ си́лами, ста́ла съ во́лкомъ на дыбы́ и на́чала его́ такъ по́тчивать, что у се́раго то́лько ко́смы летя́тъ. Волкъ вы́рвался да бѣжа́ть скорѣе; отбѣжа́лъ далѐче, захотѣ́лъ останови́ться, да какъ услы́шалъ соба́чій лай — опя́ть пришусти́лъ. Прибѣжа́лъ въ лѣсъ, лёгъ подъ куето́мъ и на́чалъ зали́зывать свои́ ра́ны. „Ишь какъ обману́лъ, ме́рзкой пёсъ! говори́тъ волкъ самъ съ собо́ю. Посто́й же, тепе́рь кого́ ни попа́ду, ужъ тотъ изъ мои́хъ зубо́въ не вы́вернется!“

Зализа́лъ волкъ ра́ны и пошёлъ за доби́чей. Смо́тритъ на горѣ́ стои́тъ больша́й козёлъ; онъ къ нему́, и говори́тъ: „козёлъ, а козёлъ! я пришёлъ тебя́ съѣ́сть.“ — Ахъ ты, се́рой волкъ! для чего́ ста́нешь ты понапра́сну лома́ть объ меня́ свои́ ста́рые зу́бы? а ты лу́чше стань подъ горо́ю и рази́нь свою́ пасть; я разбѣгу́сь да такъ пря́мо къ тебѣ́

въ ротъ, ты меня́ и проглоти́шь!“ Волкъ сталъ подъ горо́ю и рази́нулъ пасть, а козёлъ себѣ́ на умѣ́, полетѣ́лъ съ горы́ какъ стрѣла́, уда́рилъ во́лка въ лобъ да такъ крѣ́пко, что онъ съ ногъ свали́лся. А козёлъ и былъ тако́въ! Ча́са че́резъ три очну́лся волкъ, го́лову такъ и ло́митъ ему́ отъ бо́ли. Сталъ онъ ду́мать: проглоти́лъ ли онъ козла́ али нѣтъ? ду́малъ — ду́малъ, гада́лъ — гада́лъ. „Коли́-бъ я съѣ́лъ козла́, у меня́ бро́хо бы́ло бы полнёхонько: кажи́сь, онъ безде́льникъ меня́ обману́лъ. Ну, ужъ тепе́рь я бу́ду знать что дѣ́лать!“

Сказа́лъ волкъ и пусти́лся къ дере́внѣ, увида́лъ свинью́ съ порося́тами и бро́сился бы́ло схвати́ть поросёнка; а свинья́ не даётъ. „Ахъ ты, свинна́я ха́ря! говори́тъ ей волкъ, какъ смѣ́ешь грубить? да я и тебя́ разорву́, и твои́хъ порося́тъ за оди́нъ разъ проглочу́.“ А свинья́ отвѣча́етъ: „ну, до сей поры́ не руга́ла я тебя́; а тепе́рь скажу́, что ты большо́й дурачи́на!“ — Какъ такъ? „А вотъ какъ! Самъ ты, се́рой, посуди́: какъ тебѣ́ ѣсть мои́хъ порося́тъ? вить, они́ неда́вно роди́лись. На́до ихъ обмы́ть, обѣли́ть.“ Волкъ согласи́лся. Вотъ пришли́ они́ къ большо́й ме́льницѣ. Свинья́ говори́тъ во́лку: „ты, кумъ, станови́сь по ту сто́рону заста́вки, гдѣ воды́ нѣту, а я пойду́, ста́ну порося́тъ въ чи́стую во́ду окуна́ть да тебѣ́ подава́ть. „Волкъ обра́довался; „вотъ, ду́маетъ, добы́ча, такъ добы́ча!“ Пошёлъ се́рый дура́къ подъ мостъ, а свинья́ то́тчасъ ухвати́ла заста́вку зуба́ми, подняла́ и пусти́ла во́ду. Вода́ какъ хлы́нетъ и потащи́ла за собо́ю во́лка, и на́чало его́ верте́ть. А свинья́ съ порося́тами отпра́вилась домо́й; пришла́, наѣ́лась и съ дѣ́тками на мя́гкую посте́ль спать повали́лась.

Узна́лъ се́рый волкъ лука́вство свинью́, наси́лу ко́е-какъ вы́брался на бе́регъ и пошёлъ съ голо́днымъ бро́хомъ ры́скать по́ лѣсу. До́лго издыха́лъ съ го́лоду, не вы́терпѣлъ, пусти́лся опя́ть къ дере́внѣ, и уви́дѣлъ: лежи́тъ о́коло гумна́ кака́я-то па́даль. „Хорошо́, ду́маетъ, вотъ придётъ ночь, наѣ́мся хоть э́той па́дали.“ Нашло́ на во́лка неурожа́йное вре́мя, радъ и па́далью пожива́ться! Всё лу́чше, чѣ́мъ съ го́лоду зуба́ми пощёлкивать да по во́лчьи пѣ́сенки распѣва́ть. Пришла́ ночь, волкъ пусти́лся къ гумну́ и сталъ упи́сывать па́даль. Но охо́тникъ ещё съ ве́чера его́ поджида́лъ и пригото́вилъ для прія́теля па́ру хоро́шихъ оре́ховъ уда́рилъ изъ ружья́ — и се́рый волкъ покати́лся съ разби́тою голово́ю. Такъ и сконча́лъ свою́ жизнь се́рый волкъ!

320. По́двигъ крестья́нина Ма́рина.

Крестья́нинъ госуда́рственныхъ иму́ществъ, Яросла́вской губе́рніи, Ростовскаго у́ѣзда, дере́вни Евсе́евой, Васи́лій Гаври́ловъ Ма́ринъ занима́лся лѣ́тъ де́сять кро́вельнымъ мастерство́мъ, и хозя́йствовалъ, какъ онъ самъ говори́тъ, съ свои́мъ отцо́мъ. Впослѣ́дствіе онъ занима́лся коте́льнымъ мастерство́мъ, и поступи́лъ на Ко́лпинскій заво́дъ.

Въ 1852-мъ году́ Ма́ринъ отпра́вился на ро́дину повида́ться съ родны́ми, и въ нача́лѣ ма́рта 1853 собра́лся въ обра́тный путь въ Петербу́ргъ. Доѣ́хавъ до Москвы́ на лошадя́хъ, онъ съ това́рищами — ихъ бы́ло де́сять человѣ́къ — опозда́лъ на маши́ну, и до́лженъ былъ переночева́ть въ Москвѣ́. Утромъ на друго́й день отпра́вился това́рный

по́ѣздъ, а потому́ Ма́ринъ до́лженъ былъ отложи́ть свой отъѣздъ до трёхъ часо́въ того́-же дня, 11-го ма́рта.

Лю́ди деревѐнскіе вѣдь любопы́тны, — разска́зываетъ Ма́ринъ, — а я въ Москвѣ съ ро́ду не быва́лъ! Вотъ и пошли́ мы полюбопы́тствовать на чудеса́ Бѣлока́менной. Зашли́ въ Успе́нской собо́ръ, приложи́лись къ святы́мъ моща́мъ; пошли́ къ Ива́ну Вели́кому на колоко́льню, а отту́да въ Охо́тный рядъ. Тамъ сказа́ли намъ, что случи́лся пожа́ръ: большо́й теа́тръ гори́тъ . . . Вре́мя бы́ло са́мое серѐднее, о́коло полу́дня. Вотъ мы пошли́ и на пожа́ръ посмотрѣть. . .“

Ма́ринъ при́былъ на пожа́ръ уже́ въ са́мый разга́ръ его́. Теа́тръ горѣлъ внутри́, и пла́мя, бы́стро распространя́вшееся по всѣмъ направле́ніямъ вну́тренности, вылета́ло въ кры́ши и о́кна.

Во вре́мя пожа́ра, тро́е изъ мастеровы́хъ теа́тра выскочи́ли въ око́шко ве́рхняго этажа́ на кры́шу, и до́лго бѣгали по ней, не находя́ спасе́нія, бу́дучи окружены́ со всѣхъ сторо́нъ пла́менемъ. Дво́е изъ э́тихъ несча́стныхъ, въ мину́ту отча́янія, соскочи́ли съ кры́ши внизъ, и уби́лись до́ смерти. Тре́тій оста́лся на кры́шѣ, и задыха́ясь отъ ды́му, преслѣдуемый пла́менемъ, жа́лобно моли́лъ о спасе́ніи.

Но каза́лось, и ему́ суждено́ бы́ло поги́бнуть. Не́было ни одно́й лѣ́стницы, кото́рая могла́ бы доста́ть до кры́ши высо́каго зда́нія, и несча́стный находи́лся въ неизбѣ́жной кра́йности: и́ли поги́бнуть отъ пла́мени, кото́рое постепе́нно приближа́лось къ нему́, и́ли послѣдовать за свои́ми това́рищами, бро́ситься внизъ. Не переставая́, до послѣдней мину́ты упова́ть на бла́гость Всевы́шняго, бѣдня́къ укры́лся отъ ды́ма и жа́ра въ тако́мъ мѣ́стѣ на кры́шѣ, отку́да вѣ́теръ отдува́лъ пла́мя.

Ме́жду тѣмъ Ма́ринъ, братъ его́ и това́рищи, мо́лча смотрѣли сни́зу на стра́шное зрѣ́лище.

„Мо́лчу — разска́зываетъ Ма́ринъ, — а се́рдце у меня́ такъ и про́сится, какъ бы спо́собъ дать христіа́нской душѣ . . .“

— Това́рищи! вскри́кнулъ онъ вдругъ — подожди́те, я пойду́ спасу́ челове́ка.

Това́рищи посмотрѣли на него́ сперва́ въ недоумѣніи.

— Съ Бо́гомъ! сказа́ли они́ наконе́цъ: до́брое дѣ́ло сдѣлаешь.

Не ме́для ни мину́ты, Ма́ринъ обрати́лся къ нача́льству съ про́сьбою дозво́лить спасти́ погиба́ющаго. Позволе́ніе бы́ло неме́дленно да́но. Ма́ринъ снялъ шу́бу, ша́пку, переда́лъ ихъ городово́му, и оста́лся въ рубахѣ. Запа́стись верёвкою и взявъ съ собо́ю бра́та, онъ ско́ро пошёлъ къ лѣ́стницѣ, приста́вленной къ стѣнѣ, но далеко́ не доста́вшей до кры́ши.

Дойдя́ до лѣ́стницы, Ма́ринъ на́божно перекрести́лся и смѣло пошёлъ вверхъ. Лѣ́стница была́ трехколѣ́нная, но всё-таки́ она́ далеко́ не доста́вала до кры́ши. Обви́въ верёвку вокру́гъ по́яса, Ма́ринъ, благослови́сь, ухвати́лся за водосто́чную трубу́, и по ней сталъ взбира́ться наве́рхъ. . . Внизу́, толпы́ наро́да слѣ́дили за дѣ́йствіями безстра́шнаго крестья́нина: вверху́ пла́мя распространя́лось съ я́ростію, слы́шался стукъ и трескъ вали́вшихся стропи́лъ, и посреди́ э́того гро́знаго шу́ма плаче́вный вопль несча́стнаго.

Ма́ринъ взбира́лся по водосто́чной трубѣ.

„Было холодно, вѣтрено, — разсказываетъ онъ — а я и не чувствую, съ тѣхъ поръ, какъ возъимѣлъ намѣреніе спасти христіанскую душу, у меня такое сердечное воспаленіе сдѣлалось, что такъ въ жаръ и бросило. Горячіе руки прилипаютъ къ холодному желѣзу водосточной трубы: а Маринъ лѣзетъ всё выше и выше.

„Трещитъ труба, не больно крѣпка была, а стало быть такъ ужъ Богу угодно было, и я взобрался на карнизъ; тамъ, благо, полегче стало, я сталъ на твёрдую ногу.“

Братъ, оставшійся на лѣстницѣ, подалъ Марину на верёвочкѣ ухватъ, и онъ съ помощію этого же ухвата передалъ верёвку бѣднякý, находившемуся на крышѣ посреди пламени.

Зачаливай (прикрѣпи) за что ни попало! крикнулъ Маринъ, да только смотри, покрѣпче.

Погибавшій зацѣпилъ верёвку за крюкъ, находившійся на подъѣздной крышѣ театра. Маринъ сложилъ верёвку вдвое, чтобы вѣрнѣе было, и приказавъ находившемуся на крышѣ спускаться осторожно, придерживаясь руками за верёвку, а колѣнями за водостóную трубý, самъ спустился первый.

Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій Марина видно, что при благородномъ движеніи сердца, онъ сохранилъ спокойствіе ума.

Пока Маринъ спускался по лѣстницѣ, а спасённый имъ по водосточной трубѣ, въ толпѣ проявилось чудное, высокое, истинно русское движеніе. Головы обнажились, и крестное знаменіе, символъ безмолвной молитвы, сопровождало и подвигъ одного и спасеніе другаго... Тутъ дѣйствительность краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій.

Въ тоже время, когда сошёлъ внизъ Маринъ, спасённый имъ находился уже на лѣстницѣ и внѣ всякой опасности.

Многіе изъ присутствовавшихъ, на перерывъ другъ передъ другомъ тѣснились къ спасённому, и предлагали Марину каждый по мѣрѣ своихъ средствъ, кто гривенникъ, кто цѣлковый, кто нѣсколько копѣекъ...

Спасибо! молодецъ! дай тебѣ Богъ здоровья! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Во всё это время, Маринъ дотого сохранилъ присутствіе духа, что заботился только о томъ, какъ бы не ушла безъ него машина.

321. Нечаянная бѣда.

Время стояло жаркое, сухое. Высокая, осѣменившаяся трава созрѣла для покоса, и мужики села Залужнаго, не тратя дорогаго времени, чуть свѣтъ, на зарѣ, гужомъ выѣхали на сѣнокосъ. Опустѣло село: остались одни старые да малые.

Пріѣхали мужики на покосъ, стали распрягать лошадей. Изъ дубоваго лѣса несло здоровою сыростью, а по густой и высокой травѣ разстилался тонкій и едва уловимый для глаза туманъ. Лугъ оживился: показались шалаши, забѣлѣлись женскія рубашки, послышалось ржаніе выпущенныхъ наволю лошадей и засвистали въ травѣ косы. Подъ двумя телѣгами висѣли зыбки, въ которыхъ спали грудные младенцы. Время отъ времени слышались шутки, а парни затягивали и пѣсни.

Изъ лѣса вы́шло со́лнышко и гляну́ло пря́мо въ лицо́ косцо́въ.

— Гля́ньте-ка, бра́тцы, какъ со́лнышко-то свѣтло́!

— И то! э́кая благода́ть!...

Рабо́та кипѣла. Со́чная трава́, срѣзанная подъ са́мой ко́рень, па́дала ряда́ми: ти́хо визжа́ли и звенѣли о́стрыя ко́сы, ударя́ясь мѣста́ми о ме́лкіе ка́мешки. Чѣмъ вы́ше поднима́лось на чи́стомъ не́бѣ со́лнце, тѣмъ свѣжѣе и я́рче блиста́ли на лугу́ ко́сы, тѣмъ крупнѣе и оби́льнѣе ли́лся съ лица́ потъ на зе́млю и орошалъ зелёную траву́...

До́лго тяну́лось вре́мя. Наконе́цъ наступи́лъ и часъ обѣда... Близъ са́мой рѣчки, по жёлтому песку́ усѣлись рабо́тники о́коло небольши́хъ котелко́въ и приняли́сь за ка́шицу, кото́рая журча́ла и би́ла со дна бѣлыми ключа́ми.

— Вотъ такъ ка́шица! — похва́ливали косцы́, про́буя деревя́нными ло́жками изъ котла́.

По́слѣ обѣда одни́ прилегли́ отдохну́ть, други́е пошли́ купа́ться.

Высоко́ ста́ло на не́бѣ со́лнце и пали́ло зе́млю свои́ми о́гненными и жгу́чими луча́ми. Томи́лось и изнемога́ло, каза́лось, подъ ни́ми всё живо́е. То́лько миріа́ды неви́димыхъ созда́ній пѣли, стрекота́ли и жужа́ли вокру́гъ, необраща́я внима́нія на весь остально́й міръ. Ба́бы и дѣвки расха́живали по лу́гу и воро́чали траву́ подъ весёлую пѣсню, пото́мъ сгреба́ли и навива́ли въ ро́спуски.

Отдохну́въ, косари́ сно́ва приняли́сь за рабо́ту.

На селѣ уда́рили въ большо́й ко́локолъ. Глу́хо отозва́лся э́тотъ уда́ръ въ овра́гѣ и заста́вилъ мужико́въ урони́ть ко́сы. Вздрогну́ли мужики́ и перекрести́лись.

— Должно́, попы́ вечёрню собрали́сь служи́ть, — проговори́лъ лы́сый мужи́къ, обтира́я трово́й ко́су.

— Да что, робя́, како́й за́втра пра́здникъ-отъ?

Никто́ не зналъ, како́й пра́здникъ.

Ива́нъ Пота́пычъ вы́бѣжалъ изъ овра́га, подня́лся на́ верхъ, взгляну́лъ въ сто́рону родно́й дере́вни и уви́дѣлъ надъ ней о́блако ды́ма. Подкоси́лись но́ги у Ива́на Пота́пыча, и зашата́лся онъ, то́чно пья́ненькій.

— Правосла́вные! Мы... гори́мъ!— прохрипѣлъ онъ задыха́вшимся го́лосомъ и — покати́лся внизъ.

Ки́нулись всѣ изъ овра́га. Кто успѣлъ — сѣлъ на ло́шадь, кто не успѣлъ — такъ бѣжа́лъ... Жена́ дя́ди Его́ра вскара́бкалась на кругь овра́га, о́хнула да такъ тутъ и оста́лась: отъ испу́гу потемнѣло у ней въ глаза́хъ, а но́ги отказа́лись бѣжа́ть.

А пожа́ръ, ме́жду тѣмъ, всё увели́чивался. Едва́ пла́мя охвати́ло кры́шу пе́рвой избы́, какъ ого́нь перебѣжа́лъ къ сосѣду; то́лько-что заняла́сь сосѣдняя изба́, а пла́мя уже́ перемахну́ло на середи́ну поса́да, и загорѣлась но́вая изба́... Вотъ, то́чно свѣчка, затѣплилась избёнка Ива́на Пота́пыча, тутъ запыла́лъ высо́кій съ подклѣтомъ домъ зажи́точнаго мужика́, а тамъ ужъ ого́нь пошёлъ гуля́ть и по всему́ поса́ду. По нагрѣвшейся соло́мѣ бы́стро пробѣга́ло пла́мя, а изъ соло́менныхъ крышъ выска́кивали о́гненные языки́ и сло́вно дразни́ли кого́... Вверху́ надъ са́мымъ пожа́ромъ кружи́лись го́луби и не зна́ли, куда́ летѣть; они́ до́лго кружи́лись, всѣ бѣлые и обли́тые я́ркимъ свѣтомъ: то скро́ются, пропаду́тъ

изъ глазъ за о́блакомъ ды́ма, то опя́ть пока́жутся и заблестя́тъ, засія́ютъ въ поднебе́сьѣ. На озарённой пожа́ромъ у́лицѣ всё пусты́нно, всё безмо́лвно. Одне́ соба́ки, взрыва́я подъ собо́ю зе́млю, подни́мутъ на пожа́ръ го́лову и зао́ютъ.

На противополо́жной сторонѣ виднѣ́лись въ ку́чкѣ ребяти́шки, съ нѣмы́мъ у́жасомъ гляде́вшіе на стра́шную карти́ну деревенскаго бѣ́дствія. Какъ привидѣ́нія, мѣста́ми возстава́ли пе́редъ огнёмъ ста́рческія фигу́ры въ безси́ліи разма́хивая дря́хлыми рука́ми...

Но вотъ дере́вня ста́ла наполня́тья живы́ми людьми́. На по́мощь со всѣхъ сторо́нъ бѣжа́лъ и скака́лъ наро́дъ. Подня́лся крикъ, вой, стонъ... Ребяти́шки, заслы́ша бабъ, то́же принялись ревѣ́ть. Всѣ бѣ́гали, суети́лись и ничего́ не дѣ́лали. Ба́бы вы́несли ико́ны, ти́хо рыда́ли и моли́лись.

Сознава́я своё бассси́ліе, безпомо́щные мужики́ мо́лча стоя́ли и гляде́ли, какъ пла́мя разруша́етъ ихъ бога́тство — и́збы. Еремѣ́й Пахо́мычъ, въ ка́чествѣ ста́росты, напра́сно возвыша́лъ свой го́лосъ.

— Что-жъ вы, правосла́вные, стойте? Спаса́йте имѣ́нье-то!

Никто́ ни сло́ва.

— Что-же? Али́ и для себя́ нѣтъ охо́ты постара́ться!

— Да что тутъ стара́ться-то, — отвѣча́ли мужики́, — домо́въ мы не спасёмъ, а про́чее-то что!...

Вдругъ дя́дя Его́ръ, взгляну́лъ на свою́ же объя́тую пла́менемъ избу́, стра́шнымъ го́лосомъ вскри́кнулъ:

— Ба́тюшки! вѣдь у меня́ въ избѣ́-то ребяти́шки!

Всколыхну́лись всѣ отъ го́лоса дя́ди Его́ра. Мужики́ ки́нулись въ ра́зныя сто́роны, закрича́ли, замаха́ли неи́стово рука́ми и — то́лько...

— Роди́мые, болѣ́зные — умоля́лъ прерыва́ющимся го́лосомъ Его́ръ,— спаси́те!... Погиба́ютъ... Сгоря́тъ!...

— Спаса́й, робя́, спаса́й прово́рнѣй!

Кто-то притащи́лъ кочергу́, вы́брошенную изъ избы́, друго́й лѣ́стницу, тре́тій ведро́ съ водо́й...

— Ну, лѣзь! — раздали́сь голоса́, когда́ лѣ́стницу приста́вили къ избѣ́.

— Лѣзь! Да какъ ты полѣ́зешь? — говори́лъ мужи́къ, стоя́вшій у лѣ́стницы.

— Чай, та́мотка ого́нь: поди́ — спа́литъ всего́!

— Ахъ, лѣ́шій! Мно́го тебя́ спа́литъ: обожжётъ ма́лость каку́ю, и всё!

— Ла́дно! Полѣза́й э́то самъ, коли́ есть охо́та.

Дя́дя Его́ръ стоя́лъ, какъ одервене́лый, и не понима́лъ, что о́коло него́ происхо́дитъ. Одна́ко при послѣ́днемъ сло́вѣ онъ пришёлъ въ себя́.

— Го́споди! — простона́лъ му́жикъ и пова́лился на зе́млю.

Прибѣжа́лъ весельча́къ, бра́вый Степа́нъ, кото́рый за часъ наза́дъ тѣшилъ всѣхъ прибау́тками и залихва́тскими пѣснями на поко́сѣ. Узна́въ въ чёмъ дѣ́ло, онъ вы́бралъ у ста́росты топо́ръ, бро́сился къ лѣ́стницѣ, прово́рно взобра́лся, вы́шибъ ра́му и пропа́лъ въ окнѣ́. Мину́ты че́резъ двѣ Степа́нъ сно́ва показа́лся въ ды́мѣ, держа́ на рука́хъ ма́льчика.

— Прими́те! кри́кнулъ онъ.

Къ нему́ на по́мощь яви́лся Васи́лій. Сдавъ ребёнка, Степа́нъ опя́ть изчёзъ. Ме́жду тѣмъ, кры́ша на избѣ́ давно́ прогоре́ла, сгни́вшій

потолокъ не вынесъ тяжести и обрушился. Густой дымъ такъ и повалилъ изъ прошибённаго окна.

Пожаръ не утихалъ. Ужъ половину деревни обхватило огнёмъ; пламя такъ и рвало, такъ и метало. Народъ сгрупился передъ Егоровой избой и ждалъ, когда вылѣзетъ на волю Стёпка. Изъ прошибённаго окна по прежнему валилъ густой дымъ. Степанъ не показывался.

— Что онъ тамъ замѣшкался? послышалось въ толпѣ.

— Эй Степанъ, а Степанъ! — начали звать мужики, — пора!.. вылѣзай!.. Сгоришь.

Но Степанъ не вылѣзалъ.

Въ толпѣ опять заговорили:

— Пропалъ, видно!

— Задохся парень!

Постояли ещё, поглядѣли и махнули всѣ рукой.

— Царство ему небесное! — проговорили мужики и принялись креститься.

— Примите малютку, — раздался голосъ изъ окна, и затѣмъ въ дыму показалась фигура Степана. Одною рукой парень закрывалъ глаза, а другою придерживалъ дѣвочку. Мужики встрепенулись.

— Глянь-ка, вѣдь это Стёпка!

— И то! Не сгорѣлъ, значитъ!

Степанъ спустился на землю.

— Ай да Стёпка, молодецъ!

— Э! да какъ у тебя рожа-то вся потускла!

Съ покоса притащилась жена Егора. Поглядѣвъ на кучку ребятишекъ, стоящихъ особо отъ большихъ, она съ неимовѣрною быстротой проскользнула сквозь толпу, кинулась къ лѣстницѣ и хотѣла уже лѣзть. Но тутъ выискались смѣлые мужики, которые оттащили её и указали на спасённыхъ дѣтей. Мать и дѣти радостно и съ плачемъ кинулись другъ къ другу.

— Мама!

— Сердечные вы мои... Живы!

Обгорѣвшія избы обрушивались одна за другою.

Черезъ полчаса пожаръ кончился: огонь дошёлъ до широкаго переулка, обсаженнаго высокими вербами, и остановился на крайней избѣ.

Тутъ раздался скрипъ телѣги, и передъ глазами всей деревни, на заморенной клячѣ, явилась „пожарная снасть“. Десятскій, стоявшій у трубы, во весь голосъ кричалъ: „Воды! воды!“ Но воды не было, да и „снасть„ не дѣйствовала.

322. Соль.

Въ нѣкоемъ городѣ жилъ-былъ купецъ, у него было три сына: первый Ѳёдоръ, другой Василій, а третій Иванъ — дуракъ. Жилъ тотъ купецъ богато, на своихъ корабляхъ ходилъ въ чужія земли и торговалъ всякими товарами. Въ одно время нагрузилъ онъ два корабля дорогими товарами и отправилъ ихъ за-море съ двумя старшими сыновьями. А меньшой сынъ Иванъ завсегда ходилъ по кабакамъ, и потому отецъ

ничего́ не довѣря́лъ ему́ по торго́влѣ. Вотъ какъ узна́лъ онъ, что его́ бра́тья за́-море по́сланы, то́тчасъ яви́лся къ отцу́ и сталъ у него́ проси́ться въ иныя зе́мли себя́ показа́ть, люде́й посмотре́ть, да своимъ умо́мъ барыши́ зашиби́ть. Купе́цъ до́лго не соглаша́лся: „ты де всё пропьёшь, и головы́ домо́й не привезёшь!“ Да ви́дя неотсту́пную его́ про́сьбу, далъ ему́ кора́бль съ са́мымъ дешёвымъ гру́зомъ: съ брёвнами, тёсомъ и до́сками. Собра́лся Ива́нъ въ путь-доро́гу, отвали́лъ отъ бе́рега и ско́ро нагна́лъ свои́хъ бра́тьевъ, плыву́тъ они́ вмѣстѣ по си́нему мо́рю день, друго́й и тре́тій, а на четвёртый подня́лись си́льные вѣтры и забро́сили Ива́новъ кора́бль въ да́льнее мѣсто къ одному́ невѣ́домому о́строву. „Ну, ребя́та! закрича́лъ Ива́нъ корабе́льнымъ рабо́тникамъ, приворачивайте къ бе́регу.“ Онъ вы́лѣзъ на о́стровъ, приказа́лъ себя́ дожида́ться, а самъ пошёлъ по тропи́нкѣ; шёлъ-шёлъ и добра́лся до превели́кой горы́, смо́тритъ — въ той горѣ́ ни песо́къ, ни ка́мень, а чи́стая ру́сская соль. Верну́лся наза́дъ къ бе́регу, приказа́лъ рабо́тникамъ всѣ брёвна и до́ски въ во́ду покида́ть, а кора́бль нагрузи́ть со́лью. Какъ ско́ро э́то сдѣлано бы́ло, отвали́лъ Ива́нъ отъ о́строва и попли́лъ да́льше. До́лго ли, коротко́ ли, бли́зко ли, далеко́ ли — приплы́лъ къ большо́му бога́тому го́роду, останови́лся въ при́стани и я́корь бро́силъ. Ива́нъ-купе́ческій сынъ сошёлъ въ го́родъ и отпра́вился къ та́мошнему царю́ бить челомъ, чтобы позво́лилъ ему́ торгова́ть по во́льной цѣнѣ; а для показу́ понёсъ узело́къ своего́ това́ру — ру́сской со́ли. То́тчасъ доложи́ли про его́ прихо́дъ государю́; царь его́ позва́лъ и спра́шиваетъ: „говори́ въ чёмъ де́ло — кака́я нужда́?“ — Такъ и э́дакъ, ва́ше вели́чество! позво́ль мнѣ торгова́ть въ твоёмъ го́родѣ по во́льной цѣнѣ. „А каки́мъ това́ромъ торгъ ведёшь?“ — „Ру́сской со́лью, ва́ше вели́чество!“ А царь про со́ль и не слы́хивалъ; во всёмъ его́ ца́рствѣ безъ со́ли е́ли. Удиви́лся онъ, что тако́е за но́вый небыва́лый това́ръ? „А ну,“ говори́тъ, „покажи́!“ Иванъ — купе́ческій сынъ развернулъ плато́къ; царь взгляну́лъ и поду́малъ про себя́: „да э́то про́сто-на́просто бѣлой песо́къ!“ И говори́тъ Ива́ну съ усмѣшкою: „ну, братъ, э́того добра́ у насъ и безъ де́негъ даю́тъ!“ Вы́шелъ Ива́нъ изъ ца́рскихъ пала́тъ весьма́ печа́ленъ и вздумалось ему́: „дай пойду́ на ца́рскую ку́хню да посмотрю́, какъ тамъ повара́ ку́шанья гото́вятъ — каку́ю они́ соль кладу́тъ?“ Пришёлъ на ку́хню попроси́лся отдохну́ть мале́нько, сѣлъ на стулъ и пригля́дывается. Повара́ то и де́ло взадъ-впередъ бѣгаютъ: кто ва́ритъ, кто жа́ритъ, кто льётъ. Ви́дитъ Ива́нъ купе́ческій сынъ, что повара́ и не ду́маютъ соли́ть ку́шанье; улу́чилъ мину́ту, какъ они́ всѣ изъ ку́хни повы́брались, взялъ да и всы́палъ со́ли, ско́лько на́добно, во всѣ я́ства и припра́вы. Наступи́ло вре́мя обѣдъ подава́ть, принесли́ пе́рвое ку́шанье, царь отвѣдалъ, и оно́ такъ вку́сно показа́лось, какъ никогда́ пре́жде; подава́ли друго́е ку́шанье — э́то ещё бо́льше понра́вилось. Призва́лъ царь поваро́въ, и говори́тъ имъ: „ско́лько лѣтъ я ца́рствую, а никогда́ такъ вку́сно вы не гото́вили. Какъ вы э́то сдѣлали?“ Отвѣча́ютъ повара́: „ва́ше вели́чество! мы гото́вили по ста́рому, ничего́ но́ваго не прибавля́ли; а сидитъ на ку́хнѣ тотъ купе́цъ, что приходи́лъ во́льнаго то́ргу проси́ть: ужъ не онъ ли подложи́лъ чего́?“ — Позва́ть его́ сюда́! Призва́ли Ива́на-купе́ческаго сы́на къ царю́ на допро́съ: онъ палъ на колѣни и сталъ проси́ть проще́нія: „винова́ть,

царь-госуда́рь! я ру́сскою со́лью всѣ я́ствы и припра́вы сдо́брилъ; такъ де въ на́шей сторонѣ во́дится.“ — А почёмъ соль продаёшь? Ива́нъ смекну́лъ, что дѣло на ладъ идётъ, и отвѣча́лъ: „да не о́чень до́рого: за двѣ мѣры со́ли — мѣра серебра́ да мѣра зо́лота.“ Царь согласи́лся на э́ту цѣну́ и купи́лъ у него́ весь това́ръ. Ива́нъ насы́палъ по́лонъ кора́бль серебро́мъ и зо́лотомъ и сталъ дожида́ться попу́тнаго вѣтра; а у того́ царя́ была́ дочь — прекра́сная царе́вна, захотѣ́лось ей посмотрѣть на ру́сскій кора́бль, и про́сится она́ у своего́ роди́теля на кораблёльную при́стань. Царь отпусти́лъ её. Вотъ она́ взяла́ съ собо́й ня́нюшекъ, ма́мушекъ и кра́сныхъ дѣвушекъ, и поѣхала ру́сскій кора́бль смотрѣть. Ива́нъ-купе́ческій сынъ сталъ ей пока́зывать, какъ и что называ́ется: гдѣ паруса́, гдѣ сна́сти, гдѣ носъ, гдѣ корма́, и завёлъ её въ каю́ту; а рабо́тникамъ приказа́лъ — жи́во якоря́ отсѣчь, паруса́ подня́ть и въ мо́ре выходи́ть. И какъ бы́ло имъ большо́е повѣтріе, то они́ ско́ро убѣжа́ли отъ того́ го́рода на далёкое разстоя́нье. Царе́вна вы́шла на па́лубу, глянула́ — круго́мъ мо́ре, и запла́кала; Ива́нъ-купе́ческій сынъ на́чалъ её утѣша́ть, угова́ривать, отъ слёзъ остана́вливать, и какъ онъ собо́ю краса́вецъ былъ, то царе́вна ско́ро улыбну́лась и переста́ла печа́литься.

До́лго ли, коротко́ ли плылъ Ива́нъ съ царе́вною по́ морю; нагоня́ютъ его́ ста́ршіе бра́тья, узна́ли про его́ у́даль и сча́стье и крѣпко позави́довали; пришли́ къ нему́ на кора́бль, схвати́ли его́ за́ руки и бро́сили въ мо́ре; а по́слѣ ки́нули проме́жъ себя́ жре́бій и подѣли́лись такъ: большо́й братъ взялъ царе́вну, а сре́дній — кора́бль съ серебро́мъ и зо́лотомъ. И случи́сь на ту по́ру, какъ сбро́сили Ива́на съ корабля́, пла́вало вблизи́ одно́ изъ тѣхъ брёвенъ, кото́рыя онъ самъ же покида́лъ въ мо́ре. Ива́нъ ухвати́лся за то бревно́ и до́лго носи́лся съ нимъ по морски́мъ глубина́мъ; наконе́цъ прибило́ его́ къ невѣ́домому о́строву. Вы́шелъ онъ на зе́млю и пошёлъ по бе́регу; попада́ется ему́ на встрѣ́чу велика́нъ съ огро́мными уса́ми. „Чего́ тебѣ́ на́добно?“ спра́шиваетъ велика́нъ. Ива́нъ расказа́лъ ему́ всё, что случи́лось. „Хо́чешь, я тебя́ домо́й отнесу́; за́втра твой ста́ршій братъ на царе́внѣ же́нится; сади́сь-ка ко мнѣ на спину́.“ Взялъ его́, посади́лъ къ себѣ́ на спину́, и побѣжа́лъ чрезъ мо́ре; тутъ у Ива́на съ головы́ ша́пка упа́ла. „Ахъ, говори́тъ, вѣдь я ша́пку урони́лъ!“ — Ну братъ! далеко́ твоя́ ша́пка — вёрстъ за пятьсо́тъ назади́ оста́лось, отвѣча́лъ велика́нъ, принёсъ его́ на ро́дину, спусти́лъ на́земь, и говори́тъ: „смотри́ же, никому́ не хвали́сь, что ты на мнѣ верхо́мъ ѣздилъ; а похва́лишься — раздавлю́ тебя́!“ Ива́нъ-купе́ческій сынъ обѣща́лъ не хвали́ться, поблагодари́лъ велика́на и пошёлъ домо́й. Прихо́дитъ, а ужъ тамъ всѣ за сва́дебнымъ столо́мъ сидя́тъ, собира́ются въ це́рковь ѣхать. Какъ увида́ла его́ прекра́сная царе́вна, то́тчасъ вы́скочила изъ-за стола́, бро́силась на ше́ю: „Вотъ, говори́тъ, мой жени́хъ, а не тотъ, что за столо́мъ сиди́тъ!“ — Что тако́е? спра́шиваетъ оте́цъ; Ива́нъ ему́ разказа́лъ про всё, какъ онъ со́лью торгова́лъ, какъ царе́вну увёзъ и какъ ста́ршіе бра́тья его́ въ мо́ре спихну́ли. Оте́цъ разсерди́лся на больши́хъ сыновей, согна́лъ ихъ со двора́ долой, а Ива́на обвѣнча́лъ на царе́внѣ. Начался́ у нихъ весёлый пиръ; на пиру́ го́сти подни́ли и ста́ли хва́статься: кто си́лою, кто бога́тствомъ, кто молодо́й женой. А

Ива́нъ сидѣ́лъ-сидѣ́лъ, да спья́на и самъ похва́стался: „э́то что за похвальбы́! вотъ я такъ могу́ похвали́ться: на велика́нѣ чрезъ всё мо́ре верхо́мъ проѣ́халъ!“ То́лько вы́молвилъ — въ ту́же мину́ту явля́ется у воро́тъ велика́нъ: „а, Ива́нъ-купе́ческій сынъ! я тебѣ́ прика́зывалъ не хвали́ться мно́ю, а ты что сдѣ́лалъ? — Прости́ меня́! мо́литъ Ива́нъ купе́ческій сынъ; то не я хвали́лся, то хмѣль хвали́лся.“ „А ну, покажи́: како́й-тако́й хмѣль?“ Ива́нъ приказа́лъ привезть сороко́ву́ бо́чку вина́ да сороко́ву́ бо́чку пи́ва; велика́нъ вы́пилъ и вино́ и пи́во, опьянѣ́лъ и пошёлъ всё, что ни попа́лось по́дъ руку, лома́ть и круши́ть; мно́го недо́браго натвори́лъ: сады́ повали́лъ, хоро́мы размета́лъ! По́слѣ и самъ свали́лся и спалъ безъ просы́пу тро́е су́токъ; а какъ пробуди́лся, ста́ли ему́ пока́зывать, ско́лько онъ бѣ́дъ надѣ́лалъ; велика́нъ страхъ — какъ удиви́лся, и говори́тъ: „ну, Ива́нъ-купе́ческій сынъ! узна́лъ я, како́въ хмѣль; хвали́сь же ты мно́ю отны́нѣ и до вѣ́ку.“

323. Сѣнокосъ.

Благопрія́тный день! Крестья́не дорожа́тъ
Таки́ми дня́ми сѣнокоса́,
И ни души́ въ селѣ́! разбро́саны лежа́тъ
Телѣ́ги, мя́тыя колёса,
Да по плетню́ кой-гдѣ́ развѣ́шано бѣ́лье́;
Подъ нимъ разо́стланы поло́тна.
Но ти́хо всё круго́мъ, и всѣ́кое жилье́
Гляди́тъ такъ со́нно, такъ дремо́тно!
Томи́тъ безвѣ́тріе. Лучъ со́лнца на пескѣ́
Такъ горячо́, такъ я́рко блѣ́щетъ....
Лишь и́зрѣдка поро́й послы́шится въ рѣкѣ́
Какъ бу́дто кто, купа́ясь, плѣ́щетъ!...

И. Аксаковъ.

324. Осе́нняя пѣсня зя́блика.

Жёлтые ли́стья хрусту́тъ по доро́гѣ́,
До́ждикъ наво́дитъ тоску́:
Всѣ́ перелётныя пти́чки въ трево́гѣ́.
Си́дя на го́ломъ суку́,
Зя́бликъ запѣ́лъ свою́ пѣ́сню проща́льную,
Пѣ́сню про сто́рону да́льнюю:
„Какъ на чужо́й на сторо́нкѣ́ тепло́,
Со́лнышко свѣ́титъ свѣ́тло́;
Кру́глый годо́къ оно́ свѣ́титъ и грѣ́етъ:
Мно́го тамъ я́годъ и зёрнышекъ зрѣ́етъ...
Эй, поскорѣ́й! Отъ моро́зовъ и вьюгъ
Мы унесёмся на югъ,
Че́резъ лѣ́са́, че́резъ де́бри боло́тныя...
Эй, собира́йтесь скорѣ́й, перелётныя!“

325. Осе́нняя карти́на.

Люблю́ доро́жкою лѣсно́ю
Не зна́я самъ куда́, брести́;
Двойно́й глубо́кой колеёю
Идёшь — и нѣтъ конца́ пути́...
Круго́мъ пестрѣетъ лѣсъ зелёный
Уже́ румя́нитъ о́сень клёны,
А е́льникъ — зе́ленъ и тѣни́стъ;
Оси́нникъ жёлтый бьётъ трево́гу;
Осы́пался съ берёзы листъ,
Нога́ шуми́тъ... а у́хо вне́млетъ
Малѣйшій шо́рохъ въ ча́щѣ тамъ,
Гдѣ пы́шный па́поротникъ дре́млетъ,
А кра́сныхъ мухомо́ровъ рядъ,
Какъ ка́рлы ска́зочные спятъ...
Ужъ со́лнца лучъ ложи́тся ко́со...
Вдали́ прогля́нула рѣка́...
На тря́ской ме́льницѣ колёса
Уже́ шумя́тъ издалека́...
Вотъ на доро́гу выѣзжа́етъ
Тяжёлый возъ, — то промелькнётъ
На со́лнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдётъ...
И кри́комъ кля́чѣ помога́етъ
Стари́къ, а на возу́ дитя́,
И дѣда стра́хомъ тѣшитъ вну́чка;
А хвостъ пуши́стый опустя́,
Вкругъ съ ла́емъ суети́тся Жу́чка
И звонко въ су́мракѣ лѣсно́мъ
Весёлый лай идётъ круго́мъ.

Майковъ.

326. Карти́нка.

Сижу́ и смотрю́ я доро́гой
На се́рый и па́смурный день,
На о́зера бе́регъ отло́гій,
На да́льній дымо́къ деревне́нь.
По гре́блѣ, со взгля́домъ угрю́мымъ,
Прохо́дитъ обо́рванный жидъ;
Изъ о́зера съ пѣной и шу́момъ
Вода́ че́резъ гре́блю бѣжи́тъ;
Тамъ ма́льчикъ игра́етъ на ду́дкѣ
Забра́вшись въ зелёный тростни́къ;
Въ испу́гѣ взлетѣвшія у́тки
Надъ о́зеромъ по́дняли крикъ.
Близъ ме́льницы ста́рой и ша́ткой,
Сидя́тъ на травѣ мужики́...
Телѣга съ разби́той лоша́дкой
Лѣни́во подво́зитъ мѣшки́...
Мнѣ ка́жется всё такъ знако́мо,
Хоть не́ былъ я здѣсь никогда́,
И кры́ша далёкаго до́ма,
И ма́льчикъ, и лѣсъ, и вода́,
И ме́льницы го́воръ уны́лый,
И вѣ́тхое въ по́лѣ гумно́,
Всё э́то когда́-то ужъ бы́ло,
Но мно́ю забы́то давно́...

А. Толстой.

327. Боло́то.

Я це́лый часъ боло́томъ занялся́.
Тамъ бѣлоу́сь торчи́тъ, какъ щепка жёсткій;
Тамъ то́чно прудъ зелёный разлился́.
Лягу́шка, взгромозди́сь, какъ на подмо́стки,
На ста́рый пень, торча́щій изъ воды́,
На со́лнцѣ нѣжится и дре́млетъ. Бѣлымъ
Пушко́мъ одѣты то́щіе цвѣты́;
Надъ ни́ми мо́шки вьются ро́емъ цѣлымъ.
Лишь незабу́докъ со́чныхъ бирюза́
Кругомъ гляди́тъ уми́льно мнѣ въ гла́за,
Да оживля́ютъ бѣдный міръ боло́тный
Порха́нье ба́бочки залётной
И хло́поты стрекозокъ голубы́хъ
Вокру́гъ тости́нокъ то́щихъ и сухи́хъ.

А. Майковъ.

328. Гроза́ въ степи́.

Засну́ла степь, прохла́дой ды́шетъ,
Въ огнѣ зари́ полъ-не́ба пы́шетъ,
Полъ-не́ба въ су́мракѣ виси́тъ;
По ту́чамъ мо́лнія блести́тъ;
Прово́рно кры́льями маха́я,
Съ трево́жнымъ кри́комъ въ вышинѣ
Степны́хъ гостей несётся ста́я.
Маячитъ всадникъ въ сторонѣ,
Промча́лся конь — хвосто́мъ и гри́вой
Игра́етъ вѣтеръ шаловли́вый;
При зо́ркѣ пыль изъ-подъ копы́тъ
Румя́нымъ о́блачкомъ лети́тъ
Неслы́шнымъ ша́гомъ ночь подхо́дитъ,
Не мнётъ травы́, — и вотъ она́
Легка́, недви́жна и темна́,
Молча́ньемъ чу́ткимъ страхъ наво́дитъ,
Вотъ сно́ва блескъ — и гря́нулъ громъ,
И степь окли́кнулась круго́мъ.

Никитинъ.

329. Разска́зъ де́душки Пахо́ма.

Де́душка Пахо́мъ былъ у́мный, до́брый старичёкъ, за что его́ всѣ люби́ли и уважа́ли. Богъ благослови́лъ его́ всѣ́кимъ добро́мъ. У де́душки хоро́шій домъ. Около до́ма садъ. Въ саду́ у него́ расту́тъ я́блоки, гру́ши, сли́вы, ви́шни, мали́на, крыжо́вникъ и смороди́на. У де́душки мно́го лошаде́й, коро́въ, овецъ, свине́й, гусе́й и куръ. Мно́го у него́ ржи, овса́ и всѣ́каго хлѣба.

У дѣдушки большáя семья́: три сы́на женáтыхъ да шесть внучáтъ. Дѣдушка любúлъ внучáтъ, ласкáлъ ихъ, дѣлалъ имъ игрýшки, сказывалъ сказки. Дѣти любúли дѣдушку, всегдá слýшались егó.

Дѣдушка былъ стáрый старичóкъ, у негó нé было сúлы работáть. Онъ былъ грáмотенъ, читáлъ книги самъ и дѣтéй учúлъ грáмотѣ. Учúлъ ихъ молúтвамъ, учúлъ ихъ всемý хорóшему. Дѣдушка учúлъ внýчковъ, какъ нáдо жить по бóжьему.

„Разскажý я вамъ, дѣти, про себя́. Былъ я мóлодъ. Жúли мы двóе съ женóй. Нáши дѣти бы́ли ещё мáленькія. Былъ въ нáшемъ селѣ крестья́нинъ Тúхонъ. Работáлъ онъ изо всѣхъ силъ. Потомý что у негó былá большáя семья́, женá и сéмеро дѣтéй; и всѣ бы́ли дѣвочки — три большíя и четы́ре мáленькія. Пришлá весна́. Настáла порá пахáть. Всѣ налáдили сóхи и собирáлись на ýтро ѣхать въ пóле. Въ э́ту ночь украли у Тúхона лошадéй. Взвылъ мой мужúкъ гóлосомъ: „что мнѣ тепéрь дѣлать! Остáнется моя́ земля́ непáханною! Умрý я съ дѣтьмú съ гóлоду!“ Хотѣлъ бы́ло онъ нанять на пáхоту, да нéкого, всѣ свою́ зéмлю пáшутъ. Положúлъ онъ въ мѣшóкъ хлѣба и пошёлъ разы́скивать своúхъ лошадéй.

„Жаль мнѣ стáло бѣднаго мужика́, и подýмалъ я: éсли бы у меня́ земля́ остáлась непáханною, я желáлъ бы, чтóбы её вспахáли. А Спасúтель говорúтъ въ Евáнгеліи: чего́ себѣ́ желáешь, то дѣлай другúмъ. Лóшади бы́ли у меня́ хорóшія. Я поспѣшúлъ вспахáть и обсѣять свою́ зéмлю, да и вспахáлъ и обсѣялъ и Тúхоновы пáшни. Двѣ недѣли Тúхонъ искáлъ своúхъ лошадéй. Не нашёлъ и воротúлся домóй. Идётъ онъ своúмъ пóлемъ, вúдитъ, на егó пáшняхъ овёсъ ужé всхóдитъ и не вѣритъ своúмъ глазáмъ. Спрáшиваетъ у встрѣтившагося емý сосѣда: „кто вспахáлъ и обсѣялъ мой пáшни?“ Сосѣдъ говорúтъ емý: „я вúдѣлъ, ихъ пахáлъ Пахóмъ.“ Тúхонъ прямо съ пóля прибѣжáлъ ко мнѣ, заплáкалъ, и говорúтъ: „Пахóмъ Ивáновичъ! во вѣкъ не забýду того́, что ты для меня́ сдѣлалъ.“

„И въ сáмомъ дѣлѣ не забы́лъ. Этимъ лѣтомъ въ нáшемъ селѣ былá горя́чка. Заболѣлъ и я, а вскорѣ захворáла и моя́ хозя́йка и слегли́ мы óба. Тúхонъ, какъ узнáлъ объ э́томъ, сталъ ходúть къ намъ кáждый день, натаскáетъ воды́, нарýбитъ дровъ, накóрмитъ скотúну. Женá егó топúла нáшу печь, кормúла и обмывáла ребя́тъ. Дóчери егó попеременно ухáживали за нáми. Дóлго я лежáлъ и долежáлъ до рабóчей поры́. И стáла меня́ мýчить забóта: кто тепéрь бýдетъ убирáть съ пóля мою́ рожь, пропадётъ онá въ пóлѣ и остáнусь я безъ хлѣба. Прошлá недѣля. Тúхонъ приходúтъ ко мнѣ такóй весёлый и говорúтъ: „слáва Бóгу, Пахóмъ Ивáновичъ! Рожь твою́ мы сжáли, скажú теперь, на какóе мѣсто её возúть.“ Я и хозя́йка моя́ такъ э́тому обрáдовались, что стáли выздоравливать и скóро вы́здоровѣли.

Съ той поры́ у Тúхона проявúлось желáніе помогáть кáждому. У кого́ лóшадь падётъ, тому́ на врéмя работы давáлъ свою́ лóшадь. Кто сдѣлается бóленъ, исправля́лъ за того́ егó работу. У кого́ корóвы нѣтъ, давáлъ тому́ молокá. У кого́ хотѣли продáть овцу́ за неплатёжъ оброка, тому́ давáлъ дéнегъ. У кого́ не доставáло хлѣба, давáлъ тому́ мукú и́ли ржи. У кого́ сѣмя́нъ нѣтъ, давáлъ сѣменá. Кто хотѣлъ построúть, и́ли

почини́ть ха́ту, и тому́ помога́лъ, и́ли рабо́тою, и́ли чѣмъ нибу́дь. Его́ добро́ не пропада́ло да́ромъ. Его́ всѣ люби́ли и почита́ли и всѣ съ ра́достью спѣши́ли къ нему́ на по́мощь, когда́ у него́ въ чёмъ нибу́дь была́ нужда́. И Богъ, за его́ добродѣтель, неви́димо посыла́лъ ему́ во всёмъ успѣхъ и при́быль; скоти́ны у него́ разводи́лось мно́го; хлѣбъ роди́лся лу́чше други́хъ; дочере́й свои́хъ вы́далъ за хоро́шихъ и бога́тыхъ люде́й и жилъ онъ въ дово́льствѣ и ра́дости. Гля́дя на него́, всѣ въ на́шемъ селѣ на́чали помога́ть другъ дру́гу. Отъ того́ у насъ никто́ не те́рпитъ ни въ чёмъ нужды́. А гла́вное, всѣ живу́тъ дру́жно, какъ бра́тья.

„Ещё разскажу́ вамъ, что бы́ло со мно́ю. Поко́йный мой ба́тюшка, когда́ я былъ ещё небольши́мъ па́рнемъ, бра́лъ меня́ съ собо́ю въ дорогу́. Въ доро́гѣ онъ помога́лъ всѣ́кому, у кого́ случи́тся кака́я нибу́дь бѣда́. Быва́ло уви́дитъ у како́го прое́зжаго завя́зъ возъ, и говори́тъ мнѣ: пойдёмъ, Пахо́ша, посо́бимъ. Богъ вели́тъ помога́ть всѣ́кому человѣку въ нуждѣ, и тебѣ лю́ди помо́гутъ, когда́ случи́тся съ тобо́ю бѣда́. Быва́ло по по́ясъ войдёмъ въ грязь и́ли въ во́ду, а всё помога́емъ; слома́ется ли у кого́ колесо́ и́ли телѣга, то́же посо́бимъ спра́вить; ло́шадь ли у кого́ ста́нетъ, приви́яжемъ его́ возъ къ своему́ во́зу и кой-какъ дота́щимъ до ближа́йшей дере́вни, захвора́етъ ли кто въ доро́гѣ, отпряжёмъ на посто́яломъ дворѣ его́ лошаде́й, нако́рмимъ ихъ, напо́имъ, и телѣгу подма́жемъ, уло́жимъ его́ на возъ, одѣнемъ, а лошаде́й его́ приви́яжемъ къ свое́й телѣгѣ и такъ ѣдемъ съ нимъ.

„Въ одно́ вре́мя, о́сенью, я поѣхалъ въ го́родъ муку́ продава́ть. Про́далъ, ссы́палъ и поѣхалъ домо́й. Пошёлъ си́льный дождь. Поду́лъ холо́дный, прехоло́дный вѣтеръ. Доро́га сдѣлалась гря́зная, прегря́зная. Нагна́лъ я како́го то мужика́ и поѣхалъ съ нимъ. А дождь всё сильнѣе и сильнѣе, я весь промо́къ и прозя́бъ, наступа́лъ ве́черъ, а до двора́ остава́лось вёрстъ де́сять. Съѣхали мы по́дъ гору къ мо́стику. Ви́жу, на доро́гѣ, во́злѣ моста́, лежи́тъ человѣкъ. И говорю́ я това́рищу: останови́сь, братъ, человѣкъ лежи́тъ, подымемъ его́. — Богъ съ нимъ, отвѣча́лъ онъ, я самъ чуть жи́въ, окоченѣлъ отъ хо́лода. — Или у тебя́ души́ христіа́нской нѣтъ, говорю́ я ему́, Богъ вели́тъ помога́ть всѣ́кому человѣку, вѣдь онъ подъ дождёмъ на хо́лодѣ умрётъ. — Богъ съ нимъ, опя́ть отвѣча́лъ мужи́къ, пожа́луй съ нимъ бѣды́ наживёшь: наѣдетъ кто на насъ, ска́жутъ, что мы его́ уби́ли, или какъ повезёмъ его́, доро́гой онъ умрётъ, тогда́ хлопо́тъ съ нимъ не оберёшься. И поѣхалъ мужи́къ да́льше. Слѣзъ я съ телѣги. Сталъ окрика́ть и толка́ть лежа́щаго. Ни сло́ва. Ви́жу, онъ безъ па́мяти, а ды́шетъ. Что дѣлать? Оди́нъ я не подыму́ его́ на телѣгу, высоко́. Вотъ я подвёзъ телѣгу къ нему́ побли́же, разостла́лъ въ ней соло́му, снялъ съ ней колесо́, одна́ сторона́ у ней обни́зилась и я кой-какъ вта́щилъ въ неё лежа́щаго. Подложи́лъ ему́ подъ го́лову ве́ретье, одѣлъ его́ во́йлокомъ и поѣхалъ. Ста́ло тёмно, хоть глазъ вы́коли. Проѣхалъ съ версту́, слы́шу, кто-то сто́нетъ. Иду́ на стонъ, ви́жу, лежи́тъ другой человѣкъ. Братъ, спаси́! — чуть-чуть проговори́лъ онъ, — ло́шади уби́ли, ничѣмъ не тро́нусь, замерза́ю. Я самъ почти́ замёрзъ. Но жа́лость взяла́ меня́. Подвёзъ я и къ э́тому телѣгу, опя́ть снялъ колесо́, положи́лъ и э́того въ телѣгу и опя́ть надѣлъ колесо́.

„Лошадь моя кой-какъ потащилась, а я пошёлъ пѣшкомъ возлѣ телѣги. Ужъ помаялся я въ это время! Темь непроглядная, грязь по колѣно; дождь льётъ какъ изъ ведра; вѣтеръ пронизываетъ насквозь, лошадь устала, останавливается. Ухватился я рукою за тяжъ и сталъ тащить телѣгу вмѣстѣ съ лошадью. Тащилъ, тащилъ и остановился. Умаялся, не тронусь съ мѣста. Присѣлъ отдохнуть. Слышу: залаяли собаки. Значитъ наше село близко. Всталъ, опять потащилъ телѣгу. Шаговъ пять пройду и отдохну. Такъ я кое-какъ и доталцился до дому.

„Позвалъ сосѣдей. Внесли убитыхъ въ избу. Сняли съ нихъ мокрую одёжду. Надѣли на нихъ сухія рубашки, положили ихъ на тёплую постель и одѣли. Послѣ поднятый мною перестадъ стонать. А другой опамятовался. Тогда мы узнали, что поднятый мною прежде купецъ изъ Москвы. Ѣхалъ онъ съ ямщикомъ закупать хлѣбъ. На горѣ передъ мостомъ, выскочилъ изъ канавы заяцъ. Лошади испугались и понесли. На мосту телѣга хватилась колесомъ о перила. Купецъ упалъ съ телѣги и ударился объ камень. Черезъ версту упалъ и ямщикъ, а лошади ускакали. Купецъ говорилъ, что ему больно ногу зашибло. Мы посмотрѣли, — видимъ, нога переломлена. Утромъ я поѣхалъ за костоправомъ. Костоправъ справилъ, перезязалъ ему ногу и приказалъ ему шесть недѣль, не трогаться съ мѣста. Ямщикъ дня черезъ три поправился и уѣхалъ домой. А купецъ пролежалъ у насъ шесть недѣль.

„Хорошій человѣкъ былъ этотъ купецъ. Полюбилъ я его сильно и онъ меня полюбилъ. И не скучалъ я имъ, а радъ былъ ухаживать за нимъ. И сосѣди наши его полюбили. Бывало придутъ къ нему и разговариваютъ съ нимъ. Онъ радъ поговорить съ ними отъ скуки, а они рады послушать хорошихъ его рѣчей.

„Черезъ шесть недѣль нога его срослася, и онъ сталъ ходить. Надо было ему домой отправляться. На прощанье онъ сталъ давать мнѣ денегъ, а у самого слёзы на глазахъ. Я на отрѣзъ отказался отъ денегъ. Уѣхалъ онъ. Мнѣ стало жаль его и стало на душѣ хорошо, что привелось сдѣлать доброе дѣло. Черезъ недѣлю я получаю съ почты повѣстку, что мнѣ прислали изъ Москвы двѣсти рублей. Ѣду на почту. Получаю письмо съ деньгами. Въ письмѣ купецъ пишетъ ко мнѣ: пріими, любезный Пахомъ Ивановичъ, эту малую отъ меня благодарность. Пріими, пожалуйста, а то не буду покоенъ. Ну, взялъ деньги. Пятьдесятъ рублей изъ нихъ отдалъ въ церковь за его здоровье, и пятьдесятъ рублей далъ сосѣду купить лошадь. У него была одна и та издохла.

Съ той поры всѣ изъ нашего села стали продавать свой хлѣбъ одному этому купцу. Пріѣдемъ, бывало, къ нему, обрадуется намъ, какъ роднымъ; даётъ за хлѣбъ хорошую цѣну; лошадей нашихъ велитъ поставить у себя на дворѣ; насъ угощаетъ какъ у праздника; мнѣ, хозяйкѣ и дѣтямъ всякій разъ надаётъ подарковъ и гостинцевъ.

„Въ одно время собрались мы въ дорогу. Съ вечера насыпали въ сани муки, увязали возá и согласились выѣзжать рано утромъ. Ночью, въ самый сонъ, слышу, стучатъ въ окно и кричатъ: вставайте! Горите! Пожаръ! Вскочили мы съ хозяйкой. Видимъ, кругомъ всё занялось. Схватили ребятъ и выскочили въ томъ, въ чёмъ спали. Оглянулся я

назáдъ, ви́жу, весь домъ и дворъ въ огнѣ и не по́мню, что тогдá со мно́ю бы́ло. Сосѣдъ Ива́нъ съ пожáра насъ всѣхъ взялъ къ себѣ. А на друго́й день на́ши поѣхали въ Москву́. Пріѣзжáютъ къ купцу́. Онъ спрáшиваетъ, что же не пріѣхалъ Пахо́мъ Ива́новичъ? На́ши говоря́тъ ему́: „да съ нимъ несчáстіе случи́лось, сгорѣлъ бѣдный: всё у него́ погорѣло и домъ, и хлѣбъ, и скоти́на, оста́лся въ одно́й рубáшкѣ.“

„Че́резъ недѣлю по́слѣ пожáра сидѣлъ я подъ окно́мъ. Такъ мнѣ бы́ло гру́стно и тяжело́, что мо́чи нѣтъ. Ви́жу — подъѣзжáютъ двѣ тро́йки, на пере́дней сидúтъ мой купе́цъ. Вхо́дитъ онъ въ избу́, а за нимъ тáщатъ узлы́ и мѣшки́. Взглянýлъ онъ на меня́, запла́калъ, и я запла́калъ. Обня́лъ меня́ и говорúтъ: „не плачь, Пахо́мъ Ива́новичъ, заживёшь лýчше пре́жняго; ты меня́ спасъ отъ сме́рти, и я спасу́ тебя́. Роди́тельское благослове́ніе твоё сгорѣло, вотъ тебѣ́ отъ меня́ Бо́жіе благосло́веніе“, — и подаётъ мнѣ о́бразъ въ сере́бряной ри́зѣ и въ позоло́ченной кіо́тѣ; а вотъ тебѣ́ хлѣбъ-соль, — и сталъ класть на столъ бѣ́лые хлѣбы, а на лáвку ста́витъ запечáтанныя буты́лки; а вотъ тебѣ́ одѣ́ться и обу́ться, и наложúлъ на другу́ю лáвку рубáшекъ, сапого́въ, башмако́въ, платко́въ, си́тцу, кафта́новъ, ша́покъ и рукави́цъ, а вотъ тебѣ́ ты́сяча рубле́й на домъ, на хлѣбъ, на скоти́ну и на всѣ дома́шнія потре́бности.

„Я стоя́лъ, какъ вко́панный, и не могъ вы́говорить ни сло́ва, такъ онъ меня́ озада́чилъ. Пото́мъ сталъ благодари́ть его́. А онъ мнѣ говорúтъ: „не благодари́ пожáлуйста, Пахо́мъ Ива́новичъ, я у тебя́ всегда́ оста́нусь въ долгу́.“ Пришли́ сосѣди пора́доваться моему́ сча́стію. Купе́цъ пригласи́лъ ихъ оста́ться поздра́вить его́ съ пріѣздомъ, а меня́ съ ра́достію. Отку́порилъ онъ буты́лки и до́лго, до́лго шла у насъ весёлая задушéвная бесѣда. На друго́й день онъ уѣхалъ. Я, въ его́ рубáшкѣ, полушýбкѣ, ша́пкѣ, сапога́хъ и рукави́цахъ, проводúлъ его́ до бли́жняго го́рода.

„На его́ де́ньги я постро́илъ э́тотъ домъ, купúлъ лошадéй, коро́въ, ове́цъ и всё ну́жное для хозя́йства и ещё оста́лось у меня́ мно́го де́негъ. Еслибы я не помо́гъ челове́ку въ бѣдѣ, то на вѣкъ оста́лся бы ни́щимъ?

330. Червячёкъ.

„Смотри́-ка, Ми́ша, говори́ла Ли́занька, останови́вшись во́злѣ цвѣту́щаго куста́рника: кто-то наклеúлъ на листо́къ хлопча́тую бума́гу; не ты-ли э́то?“

— Нѣтъ, отвѣча́лъ Ми́ша, ра́звѣ Са́ша или Воло́дя.

„Гдѣ Воло́дѣ э́то сдѣлать! продолжа́ла Ли́занька: посмотри́, какъ иску́сно расти́нуты э́ти то́нкія ни́точки, и какъ крѣпко онѣ́ дéржатся на зелёномъ листкѣ.“

— Смотри́-ка, сказа́лъ Ми́ша: тамъ что-то кру́глое! — Съ си́ми слова́ми прока́зникъ хотѣлъ бы́ло сдёрнуть наклéенную хло́пку.

„Ахъ, нѣтъ! не тро́гай! вскрича́ла Ли́занька, удéрживая Ми́шу и присма́триваясь къ листо́чку, тутъ червячёкъ, ви́дишь, шевели́тся.“

Дѣти не ошиба́лись: въ са́момъ дѣлѣ, въ листкѣ цвѣту́щаго куста́рника, подъ лёгкимъ прозра́чнымъ одѣя́льцемъ, похо́жимъ на хлопча́тую бума́гу, въ то́нкой скорлу́пкѣ, лежа́лъ червячёкъ. Ужъ давно́ лежа́лъ онъ тамъ, давно́ уже́ вѣтеро́къ кача́лъ его́ колыбе́льку, и онъ сла́дко дрема́лъ въ своёй возду́шной посте́лькѣ. Разгово́ръ дѣте́й пробуди́лъ червячка́; онъ просверли́лъ око́шко въ своёй скорлу́пкѣ, вы́глянулъ на Бо́жій свѣтъ, смо́тритъ — свѣтло́, хорошо́ и со́лнышко грѣетъ; заду́мался нашъ червячёкъ. „Что э́то, говори́тъ онъ, никогда́ мнѣ ещё такъ тепло́ не быва́ло; ви́дно не ду́рно на Бо́жіемъ свѣтѣ; дай, подви́нусь пода́льше.“

Ещё разъ онъ сту́кнулъ въ скорлу́пку и око́шечко сдѣлалось две́рцей: червячёкъ проси́нулъ го́лову, ещё, ещё—и наконе́цъ совсѣмъ вы́лѣзъ изъ скорлу́пки; смо́тритъ сквозь свой прозра́чный за́навѣсъ, а во́злѣ него́ на листкѣ ка́пля сла́дкой роси́ и со́лнышко въ ней игра́етъ, и какъ бу́дто ра́дужное сія́ніе ложи́тся отъ нея́ на зе́лень.

„Дай-ка напью́ся сла́дкой води́цы,“ сказа́лъ червячёкъ, потяну́лся онъ, не тутъ-то бы́ло; кто э́то? вѣрно ма́менька червячка́ такъ крѣпко прикрѣпи́ла занавѣску; нельзя́ и приподня́ть её да́же! что́-же дѣлать? Вотъ нашъ червячёкъ посмотрѣ́лъ, посмотрѣ́лъ да и приня́лся подта́чивать то ту ни́точку, то другу́ю; рабо́талъ, рабо́талъ — и наконе́цъ поднялась занавѣска, червячёкъ подлѣзъ подъ неё и напи́лся сла́дкой води́цы. Ве́село ему́ на свѣ́жемъ во́здухѣ; тёплый вѣтеро́къ па́шетъ на червячка́, колы́шетъ скорлу́пку роси́ и съ цвѣто́въ сы́плетъ на него́ души́стую пыль.

„Нѣтъ, говори́тъ червячёкъ, ужъ впередъ меня́ не обма́нутъ. Зачѣ́мъ мнѣ опя́ть идти́ подъ ду́шное одѣя́ло и соса́ть суху́ю скорлупу́? Оста́нусь-ка я лу́чше на просто́рѣ; здѣсь мно́го души́стыхъ цвѣто́въ, мно́го и крючёчковъ разсы́пано по ли́стьямъ: есть за что уцѣпи́ться . . . .“

Не успѣ́лъ червячёкъ вы́говорить, какъ вдругъ — смо́тритъ — ли́стья ме́жду собо́ю зашумѣ́ли и мо́шки въ трево́гѣ зажужжа́ли, не́бо потемнѣ́ло, само́ со́лнышко со стра́ха спря́талось за ту́чу, воро́ны ка́ркаютъ, у́тки гого́чутъ; и вотъ до́ждикъ поли́лся ли́внемъ; подъ бѣ́днымъ червячко́мъ цѣ́лое мо́ре; волно́ю захлесну́ло малю́тку: дрожь пробѣжа́ла по его́ то́нкой ко́жицѣ; и хо́лодно и стра́шно ему́ ста́ло; едва́ онъ опо́мнился и наконе́цъ собра́лъ си́лы и сно́ва, пома́тывая голо́вкой, побрёлъ подъ хлопча́тую занавѣску, въ роди́мую посте́льку.

Вотъ согрѣ́лся малю́тка, ме́жду тѣмъ до́ждикъ переста́лъ, со́лнышко опя́ть показа́лось и разсы́палось ме́лкими и́скрами по дождевы́мъ ка́плямъ.

„Нѣтъ, сказа́лъ опя́ть червячёкъ, тепе́рь меня́ не обма́нутъ: зачѣ́мъ мнѣ выходи́ть изъ роди́маго гнѣ́здышка на хо́лодъ и сы́рость? ви́дишь, со́лнышко како́е хи́трое; прима́нитъ, пригрѣ́етъ — а нѣтъ что́бы отъ дожда́ защити́ть!“

Вотъ прошёлъ день, прошёлъ и друго́й, прошёлъ и тре́тій. Червячёкъ всё лежи́тъ въ хлопча́томъ одѣя́льцѣ, съ бо́ку на́ бокъ перева́ливается; иногда́ вы́ставитъ голо́вку, пощи́плетъ листо́къ и опя́ть въ колыбе́льку; вотъ онъ смо́тритъ у него́ на тѣлѣ волоски́ ста́ли про-

бива́ться; не прошло́ неде́ли, какъ у червячка́ яви́лась тёплая, узо́рчатая шу́бка. Еслибъ вы ви́дѣли, какіе цвѣты́ разсы́пала по ней приро́да! она́ опоя́сала её кра́сными листа́ми, вдоль посади́ла жёлтыя, мохна́тыя пу́говки, къ ше́йкѣ пусти́ла чёрныя и зелёныя жи́лки.

Ге! ге! сказа́лъ червя́къ самъ себѣ, неуже́ли мнѣ въ са́момъ дѣлѣ цѣ́лый вѣкъ лежа́ть на мое́й посте́лькѣ, да смотрѣ́ть на занавѣ́ску? Неуже́ли то́лько и дѣ́ла на сёмъ свѣтѣ? — Мнѣ ужъ, призна́ться, надое́ла посте́лька, — тѣсно́ въ ней, ску́чно — е́слибъ на свѣтъ посмотрѣ́ть и себя́ показа́ть — мо́жетъ быть, я на что и друго́е гожу́сь. Ну, что въ са́момъ дѣлѣ, неуже́ли дожда́ боя́ться? да мнѣ, въ мое́й шу́бѣ, и до́ждикъ не стра́шенъ; дай попро́бую, пощеголя́ю въ моёмъ но́вомъ наря́дѣ.“

Вотъ червячёкъ сно́ва приподня́лъ занавѣ́ску: смо́тритъ, надъ нимъ цвѣто́чекъ то́лько что распусти́лся, а ка́плетъ изъ него́ са́харный мёдъ и ма́нитъ къ себѣ́ малю́тку, не утерпѣ́лъ червячёкъ, приподня́лся, крѣ́пко обвился́ вокру́гъ цвѣтка и жа́дно поцѣлова́лъ своего́ но́ваго това́рища, смо́тритъ — надъ нимъ друго́й цвѣто́къ ещё лу́чше того́; онъ къ нему́ — пото́мъ ещё тре́тій, ещё лу́чше; всѣ они́ ше́пчутся ме́жду собо́ю, игра́ютъ съ малю́ткой и бры́зжутъ въ него́ ли́пчатымъ мёдомъ; зарѣзви́лся нашъ червячёкъ, забы́лся, — нежда́нно повѣ́ялъ вѣ́теръ и стряхну́лъ червячка́ на зе́млю.

Что-то бу́детъ съ на́шимъ щёголемъ? какъ найти́ ему́ роди́мое гнѣздышко? Одна́кожъ онъ приподня́лъ голо́вку, осмотрѣ́лся. „Ну что-жъ, ду́малъ, бѣда́ ещё не велика́, оплоша́лъ такъ оплоша́лъ! — въ друго́й разъ нау́ка; но зачѣ́мъ же мнѣ опя́ть въ колыбе́льку. Нѣтъ, не́чего колыбе́льки держа́ться, пора́ жить и свои́мъ умо́мъ.“ Сказа́лъ и попо́лзъ куда́ глаза́ гляде́ятъ: вотъ допо́лзъ онъ до вѣтки, разщипа́лъ её — жёстко, онъ да́льше, ещё, ещё — и допо́лзъ до листка́; попро́бовалъ — вку́сно.

„Нѣтъ, сказа́лъ червячёкъ, тепе́рь бу́ду умнѣе, не стряхнётъ меня́ вѣтеро́къ!“ и заки́нулъ за листо́къ паути́ну.

Сглода́лъ онъ листо́къ, на друго́й потащи́лся, а пото́мъ и на тре́тій. Ве́село червячку́! вѣ́теръ ли махнётъ — онъ прико́рнетъ къ паути́нкѣ; ту́чка ли набѣжи́тъ — его́ шу́бка дожда́ не бои́тся; со́лнышко ли си́льно печётъ — онъ подъ листо́къ, да и смѣётся надъ со́лнцемъ насмѣ́шникъ.

Но бы́ли для червячка́ и го́рькія мину́ты. То, смо́тритъ, пти́чка лети́тъ, гла́зки въ него́ уставля́етъ; а иногда́ подлети́тъ, да и но́сикомъ толкъ его́ подъ бокъ. Но червячёкъ не проста́къ; онъ притвори́лся, притаи́лся, бу́дто мёртвый, а пти́чка и прочь отъ него́. Бы́ло и го́рше э́того: онъ потащи́тся на но́вый листо́къ, а смо́тритъ — на нёмъ сиди́тъ большо́й, мохна́тый паукъ съ кри́вочьями на нога́хъ, шевели́тъ крова́вою па́стью и расти́гиваетъ сѣ́тку надъ червячко́мъ.

Иногда́ проходи́ли ми́мо червячка́ злы́е лю́ди и говори́ли ме́жду собо́ю: „Ахъ, прокля́тые червяки́! поброса́ть бы ихъ всѣхъ на зе́млю, да растопта́ть хорошенько.“

Червячёкъ, слы́ша такія ре́чи, уходи́лъ въ глубо́кую ча́щу и по цѣ́лымъ днямъ не смѣ́лъ пока́зываться.

А иногда́ и Ли́занька съ Ми́шею бра́ли его́ въ ру́ки, что́бы полюбова́ться его́ разноцвѣтной шу́бой, и хотя́ они́ бы́ли до́брыя дѣти, не хотѣли сдѣлать зла червячку́, но такъ неосторо́жно мя́ли его́ въ рука́хъ, что пото́мъ бѣдный червячёкъ уже́ едва́ всползалъ на роди́мую вѣтку.

Вотъ ме́жду тѣмъ лѣто прошло́, уже́ мно́го цвѣто́въ поблёкло и на ихъ мѣстѣ шумѣли голо́вки съ со́чными зёрнами; ра́ньше со́лнце ста́ло уходи́ть за го́рку и ча́ще пре́жняго повѣва́лъ вѣтеро́къ, и ча́ще накра́пывалъ кру́пный до́ждикъ. Ли́занька и Ми́ша уже́ вспо́мнили о свое́й шу́бкѣ и спроси́ли, чья лу́чше: у нихъ и́ли у червячка́. Червячёкъ замѣтилъ, что листки́ уже́ ста́ли не такъ души́сты и со́чны, со́лнце не такъ тепло́, да и самъ ужъ сдѣлался не такъ живъ и всё ему́ на свѣтѣ сдѣлалось уже́ не такъ утѣшно, какъ пре́жде.

Что-жъ, ду́маетъ онъ, дово́льно я на свѣтѣ по́жилъ, пораба́талъ, испыта́лъ и го́ре и ра́дость, пилъ го́рькую, сла́дкую ро́су, пощеголя́лъ и шу́бкой, дружи́лся съ цвѣта́ми; не вѣкъ же по́лзать попусто́му по землѣ, пора́ быть чѣмъ нибу́дь лу́чше.“

Онъ спусти́лся съ листа́, протяну́лся ми́мо блестя́щей ка́пли росы́, вспо́мнилъ, какъ ея́ стру́йки весели́ли его́, малю́тку, и поползъ да́лѣе въ ча́щу зе́лени; онъ сталъ иска́ть тѣни́стаго, скро́мнаго мѣста, удалённаго отъ шу́ма и свѣта, нашёлъ его́, прію́тился и на́чалъ ва́жную рабо́ту въ свое́й жи́зни. Когда́ Ли́занька съ Ми́шей отыска́ли своего́ червячка́ — они́ о́чень удиви́лись, что ихъ ста́рый знако́мый ничего́ не ѣлъ и не пилъ, а цѣлые часы́ безпреста́нно труди́лся надъ свои́мъ дѣломъ. Въ чёмъ же была́ рабо́та червячка́? Эта рабо́та была́ ва́жная, любе́зныя дѣти: червячёкъ гото́вился умере́ть и стро́илъ себѣ могилу.

До́лго труди́лся надъ ней, наконе́цъ ски́нулъ съ себя́ свою́ узо́рчатую шу́бку, промо́лвилъ: „тамъ въ ней не бу́детъ нужды́,“ и засну́лъ сномъ поко́йнымъ. Не ста́ло червячка́, лишь на листкѣ кача́лся его́ безжи́зненный гробо́къ и свёрнутая въ комо́къ шу́бка.

Но не до́лго спалъ червячёкъ. Вдругъ онъ чу́вствуетъ — заби́лось въ нёмъ но́вое се́рдце, ма́ленькія но́жки проби́лись изъ-подъ брюшка́ и на спи́нкѣ что-то зашевели́лось; ещё мину́та — распа́лась его́ моги́лка; червячёкъ смо́тритъ — онъ не червя́къ, ему́ не на́добно по́лзать по землѣ и цѣпля́ться за листки́; развили́сь у него́ больши́я ра́дужныя кры́лья: онъ свобо́денъ, онъ го́рдо поднима́ется на во́здухъ.

Такъ быва́етъ и не съ одни́мъ червячко́мъ, любе́зныя дѣти. Нерѣдко ви́дите, вы, что тотъ, съ кото́рымъ рѣзви́лись и игра́ли на мя́гкомъ лугу́, за́втра лежи́тъ бездыха́нный; надъ нимъ пла́чутъ родны́е, друзья́, и онъ не мо́жетъ имъ улыбну́ться; его́ кладу́тъ въ сыру́ю моги́лу, — и ва́шего дру́га какъ не быва́ло! Но не вѣрьте: вашъ другъ не у́меръ; раскрыва́ется его́ моги́ла — и онъ, неви́димо для насъ, въ о́бразѣ свѣтлаго а́нгела, возлета́етъ на не́бо.

Дре́вніе замѣтили э́то схо́дство ме́жду превраще́ніемъ ба́бочки и безсме́ртіемъ челове́ка, и отъ того́ на свои́хъ карти́нахъ и ста́туяхъ изобража́ли челове́ка съ ба́бочкиными кры́льями для того́, что́бы лю́ди не забы́ли, что они́, прожи́въ свой вѣкъ, испыта́въ го́ре и ра́дость, сно́ва, какъ ба́бочка, возврата́тся въ но́вую жизнь, и что смерть есть то́лько

перемѣна одежды. Такъ, можетъ быть, встрѣтите изображеніе Платона, мудреца древности, съ бабочкиными крыльями; его изображали такъ потому, что онъ краснорѣчивѣе другихъ говорилъ о безсмертіи души и о жизни послѣ смерти.

331. Два хозяина.

На большой Б.... й дорогѣ, въ одинаковомъ почти разстояніи отъ двухъ уѣздныхъ городовъ, чрезъ которые она проходитъ, ещё недавно стоялъ общирный постоялый дворъ, очень хорошо извѣстный троичнымъ извощикамъ, обознымъ мужикамъ, мѣщанамъ-торговцамъ, купеческимъ и вообще всѣмъ многочисленнымъ и разнороднымъ проѣзжимъ, которые во всякое время года накатываютъ наши дороги. Бывало, всѣ заворачивали на тотъ дворъ. Развѣ только какая нибудь помѣщичья карета, запряжённая шестерикомъ доморощенныхъ лошадей, торжественно проплывала мимо, что не мѣшало однако ни кучеру, ни лакею на запяткахъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и вниманіемъ посмотрѣть на слишкомъ имъ знакомое крылечко: или какой-нибудь голякъ въ дрянной телѣжкѣ и съ тремя пятаками въ мошнѣ за пазухой, поровнявшись съ богатымъ дворомъ, понукалъ свою усталую лошадёнку, поспѣшая на ночлегъ въ лежавшіе подъ большакомъ выселки, къ мужику хозяину, у котораго кромѣ сѣна и хлѣба не найдёшь ничего, да за то лишней копѣйки не заплатишь. Кромѣ своего выгоднаго положенія, постоялый дворъ, о которомъ мы начали рѣчь, бралъ многимъ: отличной водой въ двухъ глубокихъ колодцахъ со скрипучими колёсами и желѣзными бадьями на цѣпяхъ; просторнымъ дворомъ сплошными тесовыми навѣсами на толстыхъ столбахъ; обильнымъ запасомъ хорошаго овса въ подвалѣ, тёплой избой съ огромнѣйшей русской печью, къ которой на подобіе богатырскихъ плечей прилегали длинные борова; и наконецъ довольно чистыми комнатками, съ красно-лиловыми, снизу нѣсколько оборванными бумажками на стѣнахъ, деревяннымъ крашеннымъ диваномъ, такими же стульями и двумя горшками гераніума на окнахъ, которыя, впрочемъ, никогда не отпирались и тускнѣли многолѣтней пылью. Другія ещё удобства представлялъ этотъ постоялый дворъ: — кузница была отъ него близко; тутъ же почти находилась мельница; наконецъ и поѣсть въ нёмъ можно было хорошо, по милости толстой и румяной бабы-стряпухи, которая кушанье варила вкусно и жирно, и не скупилась на припасы; до ближайшаго кабака считалось всего съ полверсты; хозяинъ держалъ табакъ нюхательный, хотя и смѣшанный съ золой, однако чрезвычайно зоркій и разъѣдающій носъ — словомъ, много было причинъ, почему въ томъ дворѣ не переводились всякаго рода постояльцы. Полюбился онъ проѣзжимъ — вотъ главное; безъ этого, извѣстно никакое дѣло въ ходъ не пойдётъ; а полюбился онъ болѣе потому, какъ толковали въ околоткѣ, что самъ хозяинъ былъ очень счастливъ и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ удачливъ, хоть онъ и мало заслуживалъ своё счастье, да видно, кому повезётъ — такъ ужъ повезётъ.

Хозяинъ этотъ былъ мѣщанинъ, звали его Наумомъ Ивановымъ. Роста онъ былъ средняго, толстъ, сутуловатъ и плечистъ, голову имѣлъ

большу́ю, кру́глую, во́лосы волни́стые и уже́ сѣды́е, хотя́ ему́ на видъ не́ было бо́лѣе сорока́ лѣтъ; лицо́ по́лное и свѣжее, ни́зкій, но бѣ́лый и ро́вный лобъ и ма́ленькіе, свѣтлые, голубы́е глаза́, кото́рыми онъ о́чень стра́нно гляде́лъ изъ подло́бья и въ то же вре́мя на́гло, что дово́льно ре́дко встрѣча́ется. Го́лову онъ всегда́ держа́лъ пону́ро и съ трудо́мъ её поворачивалъ, мо́жетъ быть оттого́, что ше́я у него́ была́ о́чень коротка́; ходи́лъ бѣ́гло и не взма́хивалъ, а разводи́лъ на ходу́ сжа́тыми рука́ми. Когда́ онъ улыба́лся, — а улыба́лся онъ ча́сто, но безъ смѣха, сло́вно про себя́, — его́ кру́пныя гу́бы непрія́тно раздвига́лись и выка́зывали рядъ сплошны́хъ и блестя́щихъ зубо́въ. Говори́лъ онъ отры́висто и съ каки́мъ то угрю́мымъ зву́комъ въ го́лосѣ. Бо́роду онъ брилъ, но не ходи́лъ по-нѣме́цки. Оде́жда его состоя́ла изъ дли́ннаго, весьма́ поно́шеннаго кафта́на, широ́кихъ шарова́ръ и башмако́въ на бо́су но́гу. Онъ ча́сто отлуча́лся изъ до́му по свои́мъ дѣла́мъ, а у него́ ихъ бы́ло мно́го — онъ барышничалъ лошадьми́, нанима́лъ зе́млю, держа́лъ огоро́ды, скупа́лъ сады́ и вообще́ занима́лся ра́зными торго́выми обороты́ — но отлу́чки его́ никогда́ до́лго не продолжа́лись; какъ ко́ршунъ, съ кото́рымъ онъ осо́бенно по выраже́нію глазъ свои́хъ имѣ́лъ мно́го схо́днаго, возвраща́лся онъ въ своё гнѣздо́. Онъ уме́лъ держа́ть э́то гнѣздо́ въ поря́дкѣ: всю́ду поспѣва́лъ, всё выслу́шивалъ и прика́зывалъ, выдава́лъ, отпуска́лъ и расчи́тывалъ самъ, и никому́ не спуща́лъ ни копѣ́йки, одна́ко и ли́шняго не бралъ.

Постоя́льцы съ нимъ не разгова́ривали, да и онъ самъ не люби́лъ тра́тить по́пусту словъ. „Мнѣ ва́ши де́ньги ну́жны, а вамъ моя́ харчь,“ толкова́лъ онъ, сло́вно отрыва́я ка́ждое сло́во, „не дѣте́й намъ съ ва́ми крести́ть; проѣзжій поѣ́лъ, покорми́лъ, не засиживайся. А уста́лъ, такъ спи, не болта́й.“ Рабо́тниковъ держа́лъ онъ ро́слыхъ и здоро́выхъ, но сми́рныхъ и пова́дливыхъ; они́ его́ о́чень боя́лись. Онъ въ ротъ не бралъ хмѣльна́го, а имъ выдава́лъ въ вели́кіе пра́здники по гри́веннику на во́дку; въ други́е дни они́ не смѣ́ли пить.

Лѣтъ за два́дцать до того́ вре́мени, къ кото́рому мы отнесли́ нача́ло на́шего разска́за, уже́ существова́лъ на томъ же мѣстѣ больша́я доро́ги постоя́лый дворъ. Пра́вда, на нёмъ не́ было темно-кра́сной тесо́вой кры́ши, кото́рая придава́ла до́му Нау́ма Ива́нова видъ дворя́нской уса́дьбы; и строе́ніемъ былъ онъ побѣдне́й, и на дворѣ́ навѣсы имѣ́лъ соло́менные, а вмѣсто бревенча́тыхъ стѣнъ, плетёныя; но всё же онъ былъ постоя́лый дворъ хоть куда́ — помѣсти́тельный, про́чный, тёплый — и проѣзжіе охо́тно его́ посѣща́ли. Хозя́инъ его́ въ то вре́мя былъ не Нау́мъ Ива́новъ, а нѣ́кто Аки́мъ Семёновъ. Этотъ Аки́мъ былъ смышлёный и тарова́тый мужи́къ, кото́рый въ молоды́хъ ещё лѣта́хъ, отпра́вившись въ изво́зъ съ двумя́ плохи́ми лоша́дками, вороти́лся че́резъ годъ съ тремя́ поря́дочными, да съ тѣ́хъ поръ почти́ всю жизнь простра́нствовалъ по большимъ доро́гамъ: ходи́лъ въ Каза́нь и Оде́ссу, въ Оренбу́ргъ и въ Варша́ву, и за грани́цу въ Ли́пецкъ (Лейпцигъ), и ходи́лъ ужъ подъ коне́цъ съ двумя́ тро́йками кру́пныхъ и си́льныхъ жеребцо́въ, запряжённыхъ въ двѣ грома́дныя телѣги. Надое́ло ему́, что ли, его́ бездо́мное, скита́льческое житьё, захоте́лось ли ему́ завести́сь семе́йствомъ (въ одну́ изъ его́ о́тлучекъ умерла́ у него́

жена́; де́ти, кото́рые бы́ли, то́же по́мерли), то́лько онъ рѣши́лся наконе́цъ бро́сить своё пре́жнее ремесло́ и завести́ постоя́лый дворъ. Основа́лся онъ на большо́й доро́гѣ, купи́лъ полдесяти́ны земли́ и постро́илъ на ней постоя́лый дворъ. Де́ло пошло́ на ладъ. Де́негъ у него́ на обзаведе́ніе бы́ло сли́шкомъ дово́льно; о́пытность, пріобрѣтённая имъ въ тече́ніе долговре́менныхъ стра́нствованій по всѣмъ концамъ Россіи, послужи́ла ему́ въ вели́кую по́льзу; онъ зналъ, чѣмъ угоди́ть проѣзжимъ, осо́бенно пре́жней свое́й бра́тіи, тро́ичнымъ изво́щикамъ, изъ кото́рыхъ со мно́гими былъ знако́мъ ли́чно, и кото́рыми осо́бенно дорожа́тъ содержа́тели постоя́лыхъ дворо́въ: такъ мно́го ѣдя́тъ и потребля́ютъ э́ти лю́ди на себя́ и на свои́хъ могу́чихъ лошаде́й. Аки́мовъ дворъ сталъ изве́стенъ на со́тни вёрстъ вокру́гъ . . . Къ нему́ да́же охо́тнѣе заѣзжа́ли, чѣмъ къ смѣни́вшему его́ впослѣдствіи Нау́му, хотя́ Аки́мъ далеко́ не могъ сравни́ться съ Нау́момъ въ умѣньи хозя́йничать. У Аки́ма всё бы́ло бо́льше на стари́нную но́гу, тепло́, но не совсѣмъ чи́сто; и овёсъ попада́лся у него́ лёгкій или подмо́ченный, и ку́шанье вари́лось съ грѣхо́мъ пополамъ; у него́ иногда́ и таку́ю снѣдь подава́ли на столъ, что лу́чше бы ей совсѣмъ въ печи́ остава́ться, а не то, что́бы онъ на харчи́ скупи́лся, а такъ — ба́ба не досмо́тритъ. За то онъ и съ цѣны́ гото́въ былъ сба́вить, и въ долгъ, пожа́луй, не отка́зывался пове́рить, сло́вомъ — хоро́шій былъ челове́къ, ла́сковый хозя́инъ. На разгово́ры, на угощенье онъ то́же былъ подда́тливъ; за самова́ромъ ино́й часъ такъ разболта́ется, что у́ши развѣсишь, осо́бенно, какъ ста́нетъ разска́зывать про Пи́теръ, про сте́пи черка́сскія; или вотъ ещё про замо́рскую сто́рону; ну и вы́пить, разумѣется, съ хоро́шимъ челове́комъ люби́лъ, то́лько не до безобра́зія, а бо́льше для о́бщества — такъ объ нёмъ отзыва́лись проѣзжіе. Весьма́ благоволи́ли къ нему́ купцы́, и вообще́ всѣ тѣ лю́ди, кото́рыхъ называ́ютъ старозавѣтными, тѣ лю́ди, кото́рые не подпоя́савшись въ доро́гу не пое́дутъ, и въ ко́мнату не войду́тъ не перекрести́вшись, и не заговора́тъ съ челове́комъ не поздорова́вшись съ нимъ наперёдъ. Уже́ одна́ нару́жность Аки́ма располага́ла въ его́ по́льзу: онъ былъ ро́ста высо́каго, нѣсколько худъ, но о́чень стро́енъ, да́же въ зрѣлыхъ лѣта́хъ; лицо́ имѣлъ дли́нное, благообра́зное и пра́вильное, высо́кій и откры́тый лобъ, носъ прямо́й и то́нкій, и небольши́я гу́бы. Взглядъ его́ ка́рихъ на вы́катѣ глазъ такъ и сія́лъ привѣтливой кро́тостью, жи́дкіе и мя́гкіе во́лосы завива́лись въ ко́льца о́коло ше́и, на маку́шкѣ остава́лось ихъ о́чень немно́го. Звукъ Аки́мова го́лоса былъ о́чень прія́тенъ, хотя́ слабъ; въ мо́лодости онъ отли́чно пѣ́валъ, но продолжи́тельныя путеше́ствія на откры́томъ во́здухѣ зимо́й разстро́или его́ грудь. За то говори́лъ онъ о́чень пла́вно и сла́дко. Когда́ онъ смѣ́ялся, у него́ о́коло глазъ располага́лись лучеобра́зныя морщи́нки, чрезвыча́йно ми́лыя на видъ: — то́лько у до́брыхъ люде́й мо́жно замѣ́тить такія морщи́нки. Движе́нія Аки́ма бы́ли бо́льшею ча́стью ме́дленны и не лишены́ нѣкоторой увѣренности и ва́жной учти́вости, какъ у челове́ка быва́лаго и мно́го ви́дѣвшаго на своёмъ вѣку́.

332. Моно́.

У на́шей хозя́йки была́ небольша́я обезья́на, кото́рую она́ называ́ла Моно́. На досу́гѣ мы ча́сто забавля́лись ея́ продѣлками. Ро́стомъ она́ была́ съ обыкнове́нную мартышку, и почти́ тако́го же темнобу́раго цвѣта ше́рсти. У насъ, на у́лицахъ, шарма́нщики-савоя́ры нерѣдко пока́зываютъ обезья́нъ подо́бнаго ро́да. Но то́лько у Моно́ былъ предли́нный и весьма́ цѣпкій хвостъ, како́й вообще́ быва́етъ у америка́нскихъ обезья́нъ. Прыгая по же́рдочкѣ, Моно́ то и дѣло обвива́етъ ее́ хвосто́мъ, а иногда́ и повиснетъ на нёмъ, и свобо́дно раска́чивается взадъ и впередъ. Забавля́ясь таки́мъ о́бразомъ, она́ издаётъ осо́баго ро́да ла́сковый звукъ, похо́жій на воркова́нье го́лубя. По временамъ э́то воркова́ніе смѣня́ется лёгкимъ сви́стомъ.

Съ ло́шадью Моно́ жила́ въ большо́й дру́жбѣ. Она́ люби́ла сади́ться на ше́ю до́браго коня́ и перебира́ть свои́ми ру́чками его́ гри́ву. А не то, вспры́гнетъ, быва́ло, къ нему́ на го́лову и начнётъ копа́ться свои́ми па́льчиками то въ глаза́хъ подъ вѣками, то въ ноздря́хъ сми́рнаго живо́тнаго. Такія ла́сковыя продѣлки обезья́ны, пови́димому, доставля́ли удово́льствіе и са́мой ло́шади. Други́хъ живо́тныхъ Моно́ не терпѣла. При насъ въ конюшню забѣжа́ла какъ-то соба́чка; уви́дѣвъ ее́, Моно́ взви́згнула со стра́ха и то́тчасъ забрала́сь на го́лову ло́шади. Оска́ливъ зу́бы, обезья́на ста́ла зло́бно ворча́ть отту́да на соба́чку. Та, повиля́въ добродушно хвосто́мъ, повернулась и пошла́ бы́ло вонъ изъ конюшни. Но въ э́то са́мое вре́мя Моно́ въ одно́ мгновѣніе спры́гнула внизъ, обмота́ла свои́мъ хвосто́мъ перекла́дину, схвати́ла хвостъ соба́ки и изо всѣхъ силъ ста́ла дёргать его́ къ себѣ. Испу́ганный пёсъ ника́къ не могъ вы́рваться и гро́мко визжа́лъ. На визгъ его́ сбѣжа́лись лю́ди изо всѣхъ угло́въ до́ма; тогда́ то́лько обезья́на вы́пустила изъ рукъ соба́чій хвостъ и опя́ть убрала́сь на го́лову своей подру́ги—ло́шади.

Мнѣ случа́йно удало́сь подружи́ться съ Моно́ дово́льно стра́ннымъ о́бразомъ. Какъ-то разъ, си́дя у стола́, я чита́лъ и кури́лъ сига́ру. Вдругъ, смотрю́, обезья́на пры́гнула на столъ во́злѣ меня́. Присѣвъ на ко́рточки, она́ ста́ла посма́тривать на меня́ уми́льными глаза́ми. Я пусти́лъ изо рта стру́ю ды́ма; э́то ниско́лько не обезпоко́ило ее́, напро́тивъ, она́ подсѣла ко мнѣ ещё бли́же. Мнѣ хотѣлось узна́ть, како́е влія́ніе произведётъ на неё дымъ сига́ры. Я задыми́лъ ей пря́мо въ лицо́. Моно́ слегка́ ско́рчилась, обвила́ хвосто́мъ свою́ же ше́ю и сложи́ла на груди́ пере́днія ру́ки крестомъ. Такъ просидѣла она́ смирнёхонько во всё вре́мя, пока́ я ее́ обку́ривалъ. Щу́рясь, она́ то́лько пома́ргивала гла́зками и ти́хо, ла́сково ворковала. Какъ ви́дно, дымъ ей доставля́лъ своего́ ро́да удово́льствіе. Когда́ дымъ станови́лся гу́ще, то Моно́ съёживалась ещё бо́лѣе, заба́вно мо́рщилась и ещё пу́ще обтя́гивала свою́ ше́ю хвосто́мъ, сло́вно ошейникомъ. Я переста́лъ кури́ть, и обезья́на убѣжа́ла, наконе́цъ, въ сто́йло ло́шади. По́слѣ э́того, всякій разъ, какъ пойду́ я, быва́ло, въ сто́йло съ сига́рой во рту, обезья́на то́тчасъ же уса́живалась пе́редо мно́ю на перекла́динѣ. Ско́рчивъ умилённую ро́жицу, она́ какъ бы упра́шивала, что́бы я обкури́лъ ее́.

Подружи́вшись съ на́ми, Моно́ ча́сто ста́ла прибѣга́ть въ на́шу ко́мнату и съ любопы́тствомъ ша́рила по всѣмъ угла́мъ. Её занима́ла вся́кая но́вая для неё вещи́ца. Когда́ она́ замѣча́ла, что за не́ю присма́триваютъ, то была́ осторо́жнѣе и ничего́ не тро́гала. Разъ шалу́нья подобра́лась къ кни́гѣ, лежа́вшей на столѣ. Снача́ла я не обрати́лъ на неё внима́нія, она́ то́тчасъ же начала́ перебира́ть страни́цы и уже́ приняла́сь бы́ло рвать листы́. Что́бы не испуга́ть её, я, какъ мо́жно ти́ше, подошёлъ къ столу́. Моно́ посмотрѣла на меня́ плутова́тыми глаза́ми. Она́ то́тчасъ же переста́ла перебира́ть листы́ и присмирѣла, какъ ни въ чёмъ не быва́ло. Но то́лько что я взя́лся за кни́гу, какъ она́ тутъ же гро́мко завизжа́ла, а пото́мъ ста́ла да́же огрыза́ться. Должно́ быть, обезья́на боя́лась, что́бы не доста́лось ей за продѣлки съ кни́гой.

333. Постро́йка ме́льницы на Бугурусла́нѣ.

По переселе́ніи въ уфи́мское намѣстничество, пе́рвымъ дѣ́ломъ дѣ́душки бы́ло въ э́тотъ же годъ постро́ить ме́льницу; и́бо моло́ть хлѣ́бъ на́до бы́ло ѣ́здить вёрстъ за́ сорокъ. Ита́къ, вы́бравъ зара́нѣе мѣ́сто, гдѣ вода́ была́ не глубока́, дно крѣ́пко, а берега́ высоки́ и та́кже крѣпки́, съ обѣ́ихъ сторо́нъ рѣки́ подвели́ къ ней плоти́ну изъ хво́роста и земли́, какъ двѣ руки́, гото́выя схвати́ться, а для бо́льшей про́чности оплели́ плетнёмъ изъ ги́бкой и́вы; остава́лось удержа́ть бы́струю и си́льную во́ду и заста́вить её напо́лнить назна́ченное ей водоёмище. Съ одно́й стороны́, гдѣ бе́регъ каза́лся пони́же, зара́нѣе устро́енъ былъ ме́льничный амба́ръ на два мукомо́льные поста́ва съ толчёей. Всѣ сна́сти бы́ли гото́вы и да́же сма́заны; на огро́мныя водяны́я колёса че́резъ деревя́нныя тру́бы ка́уза должна́ была́ бро́ситься рѣка́, когда́, прегражденная въ своёмъ приро́дномъ ру́слѣ, она́ напо́лнитъ широ́кій прудъ и ста́нетъ вы́ше ка́уза. Когда́ всё уже́ бы́ло гото́во, и четы́ре дли́нныя дубо́выя сва́и кре́пко вколо́чены въ твёрдое, гли́нистое дно Бугурусла́на, поперёкъ бу́дущаго вешняка́, дѣ́душка сдѣ́лалъ по́мочь на два дня: сосѣди бы́ли приглашены́ съ лошадьми́, телѣгами, лопа́тами, ви́лами и топора́ми. Въ пе́рвый день огро́мныя ку́чи хво́роста изъ нару́бленнаго ме́лкаго лѣ́са и густо́въ, ко́пны соло́мы, навозу и свѣ́жаго дёрна бы́ли нагромождены́ по обѣ́имъ сторона́мъ Бугурусла́на, до сихъ поръ во́льно, неприкоснове́нно стреми́вшаго свои́ во́ды. На друго́й день, на восхо́дѣ со́лнца, о́коло ста человѣ́къ собрали́сь занима́ть займу́, то есть запруди́ть рѣку́. На всѣхъ ли́цахъ бы́ло что-то забо́тливое и торже́ственное; всѣ къ чему́-то гото́вились; вся дере́вня почти́ не спа́ла э́ту ночь. Дру́жно въ одно́ и то́же мгнове́ніе съ гро́мкимъ кри́комъ сдви́нули въ рѣку́ съ обо́ихъ берего́въ ку́чи хво́роста снача́ла свя́заннаго пучка́ми; мно́го унесло́ бы́строе тече́ніе воды́, но мно́го его́, задержаннаго сва́ями, легло́ поперёкъ рѣчна́го дна; свя́занныя ко́пны соло́мы съ каме́ньями полетѣли туда́ же, за ни́ми слѣ́довалъ навозъ и земля́; опя́ть насти́лка хво́роста, и опя́ть соло́ма и навозъ, и све́рху всего́ то́лстые сло́и дёрна. Когда́ всё э́то, ко́е-какъ зато́пленное, ста́ло вы́ше пове́рхности воды́, человѣ́къ

два́дцать крестья́нъ, дю́жихъ и ло́вкихъ, вскочи́ли на ве́рхъ запру́ды, и на́чали ута́птывать и умина́ть её нога́ми. Всё э́то производи́лось съ тако́ю быстрото́ю, съ таки́мъ о́бщимъ рве́ніемъ, безпрерывнымъ во́племъ, что вся́кій проѣзжій и прохо́жій испуга́лся бы, услыха́въ его́, е́слибъ не зналъ причи́ны. Но пуга́ться бы́ло не́кому: однѣ ди́кія сте́пи и тёмные лѣса́ на далёкое простра́нство оглаша́лись неи́стовыми кри́ками со́тни рабо́тниковъ, къ кото́рымъ присоедина́лось мно́жество голосо́въ же́нскихъ и ещё бо́лѣе ребя́чьихъ; и́бо всё принима́ло уча́стіе въ тако́мъ ва́жномъ собы́тіи: всё суети́лось, бѣгало и крича́ло. Не ско́ро сла́дили съ упря́мою рѣко́ю; до́лго она́ рвала́ и уноси́ла хво́рость, соло́му, навозъ и дёрнъ; но, наконе́цъ, лю́ди одоле́ли, вода́ не могла́ проби́ться бо́лѣе, останови́лась, какъ бы заду́малась, завертѣлась, пошла́ наза́дъ, напо́лнила берега́ своего́ ру́сла, затопи́ла, перешла́ ихъ, ста́ла разлива́ться по луга́мъ, и къ ве́черу уже́ образова́лся прудъ, и́ли лу́чше сказа́ть, всплы́ло о́зеро, безъ берего́въ, безъ зе́лени, травъ и куето́въ, на нихъ всегда́ расту́щихъ; кое-гдѣ торча́ли верхи́ за́топленныхъ поги́бшихъ деревъ. На друго́й день затолкла́ толче́я, замоло́ла ме́льница — и ме́летъ, и толчётъ до сихъ поръ.

334. Ненасы́тецъ.

Какъ краси́въ и могу́чъ Днѣпръ въ весе́нній разли́въ!... Широ́кій и глубо́кій въ водополье, во́льно и пла́вно мчитъ онъ свои́ во́ды въ мо́ре. Но вотъ на во́льномъ его́ пути́ встрѣча́ется прегра́да: скалы загромозди́ли ру́сло. Гро́знымъ, могу́чимъ движе́ніемъ Днѣпръ перебра́сываетъ свои́ во́ды че́резъ э́ти скалы, образу́я „поро́ги,“ перехо́дъ че́резъ кото́рые составля́етъ тру́дную и опа́сную зада́чу для судохо́дства. Вотъ какъ очеви́децъ опи́сываетъ одинъ изъ гла́вныхъ днѣпро́вскихъ поро́говъ, гдѣ ча́ще все́го ги́бнутъ суда́, почему́ и поро́гъ на́званъ ненасы́тнымъ.

Не доѣзжа́я не́сколько вёрстъ до Сине́льниковой слободы́, бы́ло уже́ слы́шно, какъ шумѣлъ и гремѣлъ „Ненасы́тецъ.“

— Слы́шно, ба́ринъ,—спроси́лъ меня́ ямщи́къ, взгляну́въ и усмѣха́ясь, — отзыва́ется! „Какъ не слыха́ть!“ отвѣтилъ я; а у самого́ заби́лось се́рдце, какъ изъ груди́ не вы́скочитъ.

Перева́лившись че́резъ го́ру, издалека́ зави́дѣли мы Ненасы́тецъ. Че́резъ гре́бни скалъ, какъ бѣлая гри́ва, перебра́сывалась кипу́чая влага и кати́лась съ горы́ по камѣньямъ, а къ не́бу поднима́лось о́блако тума́на, какъ дымъ съ большо́го пожа́ра.

Пріѣхавъ въ Сине́льниково, мы отосла́ли экипа́жъ на постоя́лый дворъ, а са́ми пошли́ къ Днѣпру́, что́бы посмотрѣть на Ненасы́тецъ съ той скалы́, съ кото́рой смотрѣла на него́ цари́ца (Екатерина II). Едва́ подня́лись мы на́ гору, Ненасы́тецъ вдругъ весь откры́лся на́шему взо́ру. Бо́же ми́лостивый! гдѣ взять словъ и кра́сокъ, что́бы описа́ть Твои́ чудеса́?...

Отъ горы́ до горы́, на полторы́ версты́ длино́ю, загати́лъ Госпо́дь Днѣпръ гру́дами ка́менныхъ скалъ. Повыдвига́лись э́ти скалы изъ во́дной глубины́ и стоя́тъ, какъ часовы́е, а че́резъ нихъ, съ высо́каго переката,

ска́тертью перелива́ется широ́кій пластъ крита́льной воды́, мчи́тся, па́даетъ разбива́ется и свире́по, бѣшенно бѣжи́тъ че́резъ деся́тки перека́товъ, гуди́тъ, греми́тъ, храпи́тъ, клоко́четъ и во́етъ на сто голосо́въ. Волна́ обгоня́етъ волну́, выбра́сывается, ска́четъ че́резъ ка́менныя го́ры, бье́тся, кипи́тъ, разсыпается смара́гдомъ и я́хонтомъ и сверка́етъ ра́дугой!

Въ э́тотъ день пропуска́ли чѣрезъ поро́ги шесть ба́роковъ и четы́ре плота́. Глядя́ какъ они́ прохо́дятъ, холоде́етъ на душѣ́ и въ груди́ замира́етъ дыха́ніе. Посреди́ Ненасы́тца, проме́жду двухъ высо́кихъ скалъ, прохо́дятъ суда́. Вотъ, поя́вится ба́рка, издалека́ она́ ка́жется бу́дто ло́дочкой, и па́даетъ сторчь въ глубину́, исче́знетъ, бѣжи́тъ гдѣ-то тамъ подъ водо́ю; вы́нырнетъ и опя́ть скро́ется, трещи́тъ и сто́нетъ. Гла́зомъ не мигнёшь, какъ она́ уже́ промча́лась по двѣна́дцати перека́тамъ и какъ стрѣла́ изъ лу́ка вылета́етъ на ти́хую во́ду. Лю́ди на ба́ркѣ па́даютъ на колѣни и, поднима́я къ не́бу ру́ки, благодаря́тъ Бо́га за спасе́ніе, да́льше— слы́шишь — уже́ залива́ются весёлою пѣснею; имъ и го́ря ма́ло, что други́е за ни́ми бо́рются ещё съ сме́ртью, и на мысль не прихо́дитъ, поми́луетъ ли ихъ Госпо́дь. Такова́ уже́ нату́ра человѣка: бы́ло бы намъ хорошо́!

Ба́рки счастли́во прошли́ че́резъ Ненасы́тецъ, а оди́нъ изъ плото́въ, сби́вшись съ фарва́тера, попа́лъ ме́жду ка́мней, и ты́сячи брёвенъ, въ ло́коть толщино́ю, разби́ло и размета́ло на ме́лкія щепки.

335. Весе́ннее у́тро.

Како́е наслажде́ніе встать ра́нней весно́ю до зари́? Вы выхо́дите на крыльцо́... На темно-се́ромъ не́бѣ кой-гдѣ мига́ютъ звѣзды; вла́жный вѣтеро́къ и́зрѣдка набѣга́етъ лёгкой волно́й; слы́шится сде́ржанный, нея́сный шёпотъ но́чи. Дере́вья сла́бо шумя́тъ, обли́тыя тѣнью. Па́ра то́лько-что проснувшихся бѣлыхъ гусе́й мо́лча и ме́дленно перебира́ются че́резъ доро́гу. За плетнёмъ, въ саду́ ми́рно похра́пываетъ сто́рожъ; ка́ждый звукъ сло́вно стои́тъ въ застывшемъ во́здухѣ, — стои́тъ и не прохо́дитъ. Край - не́ба але́етъ. Въ берега́хъ просыпа́ются, нело́вко перелётываютъ га́лки; воробьи́ чири́каютъ о́коло тёмныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ во́здухъ, виднѣ́й доро́га, яснѣетъ не́бо, бѣлѣ́ютъ ту́чки, зеленѣ́ютъ поля́. Въ избо́ахъ кра́снымъ огнёмъ горя́тъ лучи́ны, за воро́тами слы́шны за́спанные голоса́. А ме́жду тѣмъ заря́ разгара́ется; вотъ уже́ золоты́е по́лосы протяну́лись по не́бу, въ овра́гахъ клубя́тся пары́; жа́воронки звонко поютъ, предразсвѣтный вѣтеръ поду́лъ, и ти́хо всплыва́етъ багро́вое со́лнце. Свѣтъ такъ и хлы́нетъ пото́комъ; се́рдце въ васъ встрепенётся, какъ пти́ца. Свѣжо́, ве́село, лю́бо. Далёко ви́дно круго́мъ. Вотъ за ро́щей дере́вня; вотъ пода́льше друга́я съ бѣло́й це́рковью; вотъ берёзовый лѣсо́къ на горѣ́; за нимъ боло́то. Вы идёте по у́лицѣ. Со́лнце бы́стро поднима́ется: не́бо чи́сто... пого́да бу́детъ сла́вная. Ста́до потяну́лось изъ дере́вни къ вамъ навстрѣчу. Вы взобрали́сь на го́ру... Како́й видъ! рѣка́ вьётся вёрстъ за дѣсять, ту́скло синѣя сквозь тума́нъ; за ней водяни́сто-зелёные луга́; за луга́ми поло́гіе холмы́; вдали́ чи́бисы съ кри́комъ вью́тся надъ боло́томъ; сквозь вла́жный блескъ, разли́тый въ

во́здухѣ, я́сно выступа́етъ даль... не то, что лѣ́томъ. Какъ во́льно ды́шетъ грудь, какъ бо́дро дви́жутся чле́ны, какъ крѣпнетъ весь человѣ́къ охва́ченный свѣ́жимъ дыха́ньемъ весны́...

336. Сѣнокосъ на Украйнѣ.

Изъ всѣхъ се́льскихъ рабо́тъ сѣнокосъ — са́мая весёлая. „Жа́тва — страда́, а покосъ страда́.“ Къ сѣнокосу гото́вятся, какъ пра́здникъ встрѣча́ютъ.

Покосъ быва́етъ степно́й и луго́вой. Мы опи́шемъ послѣ́дній.

Утро. То́лько „почало́ на свѣтъ благослови́ться,“ какъ дере́вня уже́ на нога́хъ. Изъ трубъ идётъ дымъ: то досу́жія хозя́йки го́товятъ, ворота́ скрипя́тъ: лошадёй веду́тъ на водопо́й; слы́шатся же́нскіе и дѣ́тскіе голоса́: ба́бы и дѣ́ти го́нятъ полусо́нный ещё скотъ на па́стбище; мужики́ нала́живаютъ ко́сы, гото́вятъ возы́, запряга́ютъ лошадёй. Ско́ро въ селѣ́ всё зати́хло: крестья́не уѣ́хали на покосъ.

Пойдёмъ и мы за ни́ми:

Что за пре́лесть — роско́шный лугъ пе́редъ поко́сомъ: трава́ въ по́ясъ. Разноцвѣ́тнымъ ковро́мъ она́ разстила́ется отъ лѣ́са до рѣки́, коле́блется волну́ется и бле́щетъ всѣ́ми кра́сками я́ркихъ цвѣто́въ; во́здухъ ды́шетъ арома́томъ. Яркое со́лнце согрѣва́етъ всю карти́ну. Гдѣ́-то въ высотѣ́ залива́ется жа́воронокъ; ла́сточки рѣ́ютъ надъ голово́й; зво́нко бьютъ перепела́ вдали́, трещя́тъ неутоми́мые кузне́чики; ро́ями но́сятся надъ цвѣто́чнымъ ковро́мъ пчёлы, ба́бочки и ра́зная ме́лочь; бѣ́логру́дая ча́йка сто́нетъ свои́мъ мя́гкимъ, задуше́внымъ кри́комъ: ки-ги́! Съ боло́та доно́сится рѣ́зкій крикъ вспу́гнутой у́тки, изъ лѣ́су отдаётся уны́лое кукова́нье „зозу́ли,“ на высотѣ́ небе́съ неподви́жно останови́лся и за́меръ хи́щный я́стребъ, зо́рко высма́тривая добы́чу... А трава́ — мо́ре зе́лени и цвѣто́въ! Скро́мный мя́тликъ и ро́слый пыре́й переплета́ются съ души́стымъ кле́веромъ, жёлтой меду́нкой и си́ними колоко́льчиками. Ярко-жёлтая бурку́нъ-трава́ и си́ній цвѣтъ ди́каго цико́рья подними́ются надъ ковро́мъ цвѣто́въ; внизу́, среди́ изумру́дной зе́лени, бле́щутъ бирюзо́й ма́ленькія незабу́дки...

Во́льно ды́шетъ грудь среди́ э́той карти́ны, и мужички́ съ пѣ́снями, съ весёлымъ смѣ́хомъ, шу́тками и прибау́тками, принима́ются за дѣ́ло.

Въ чи́стыхъ бѣ́лыхъ руба́шкахъ иду́тъ они́ другъ за дру́гомъ, дру́жно взма́хивая ко́сами въ тактъ, впереди́ идётъ атама́нъ, онъ ведётъ „ру́чку;“ шага́ за четы́ре другъ за дру́гомъ иду́тъ остальны́е. Трава́ ложи́тся ро́вными ряда́ми подъ ко́сами. Испу́ганныя пти́чки вспа́рхиваютъ изъ свои́хъ гнѣ́здъ и но́сятся съ жа́лобнымъ кри́комъ надъ лу́гомъ, то́чно умоля́я о пощя́дѣ; иногда́ перепёлка броса́ется подъ ко́су, жела́я защити́ть свои́хъ дѣ́тей. По щети́нистой ско́шенной полосѣ́ копоша́тся насѣ́комыя, слизняки́, че́рви, коза́вки, кото́рыя неожи́данно изъ тёмной прохла́ды очути́лись на со́лнцѣ и не зна́ютъ куда́ спря́татся; цѣ́лая ста́я птицъ идётъ за косца́ми и хвата́етъ добы́чу. Поро́ю косцы́ остана́вливаются и то́чатъ ко́сы лопа́тками, покры́тыми гли́ною и песко́мъ, и́ли брусна́ми.

Едва́ ско́шенная трава́ успѣетъ нѣ́сколько подсо́хнуть, явля́ется весёлая, говорли́вая толпа́ бабъ и дѣ́вушекъ, одѣ́тыхъ въ пра́здничные

наря́ды. Съ пѣснями ве́село беру́тся онѣ перевора́чивать сѣно, а вы́сохшее сгреба́ютъ въ ку́чки. Надъ лу́гомъ но́сится го́воръ, смѣхъ, пѣсни, и вся карти́на чрезвыча́йно оживля́ется.

По́лдень — вре́мя обѣда и о́тдыха. Вы́пивъ по ча́ркѣ пе́редъ обѣдомъ, косари́, помоля́сь на восто́къ, сада́тся вокру́гъ котла́, въ кото́ромъ уже́ вку́сная ка́ша съ са́ломъ, кото́рое слу́житъ люби́мою припра́вою ку́шанья малоро́сса. По́слѣ обѣда, ка́ждый забира́ется въ тѣнь, вздремну́ть и понѣжиться въ прохла́дѣ. Всё затиха́етъ. Жи́рная, крѣпкая лошадка стои́тъ у коновя́зи и лѣни́во щи́плетъ тра́вку; молодёжь отпра́вилась — кто къ рѣчкѣ купа́ться, кто въ лѣсъ, по я́годы.

По́слѣ о́тдыха, опя́ть за рабо́ту, кото́рая идётъ до ве́чера. На́ ночь, е́сли бли́зко, всѣ иду́тъ съ пѣснями домо́й; но ча́ще всего́ остаю́тся здѣсь же, на лугу́, для чего́ запаса́ются прови́зіей на нѣсколько дней.

Ве́черъ на поко́сѣ по́лонъ поэ́зіи.

337. Ве́черъ и ночь на сѣнoко́сѣ.

Ве́черъ. Послѣдніе, ко́свенные лучи́ заходя́щаго со́лнца едва́ захва́тываютъ верши́ны горъ; лѣсъ прозра́чно сквози́тъ я́рко-зелёнымъ изумру́домъ, ли́стья горя́тъ ра́дужнымъ бле́скомъ, постепе́нно темнѣя въ ча́щѣ. Зати́хло всё, не шелохнется; то́лько неугомо́нные комары́ и мо́шки ро́емъ жужжа́тъ и волну́ются надъ лу́гомъ, отъ кото́раго вѣетъ арома́томъ свѣжей ско́шенной травы́. Уны́ло сто́нетъ въ ро́щѣ куку́шка, и пе́репелъ отчётливо бьётъ свою́ дробь въ густо́й травѣ ме́жду куста́ми. Вотъ поту́хло и со́лнце за бли́жней горо́ю, холодко́мъ потяну́лъ лёгкій вѣтерко́къ съ рѣки́, косари́ пошаба́шили и, положи́въ ко́сы, отпра́вились кто куда́, въ разсыпну́ю: одни́ лови́ть ры́бу въ рѣкѣ, други́е про́сто купа́ться, тре́тьи собира́ть хво́ростъ и гото́вить у́жинъ. Ско́ро съ тре́скомъ и ды́момъ разгорѣ́лся костёръ и на привѣтливый огонёкъ собрали́сь всѣ уча́стники поко́са, сдви́нулись въ кружо́къ и пошли́ разска́зы, шу́тки, пѣсни, и́гры. Осо́бенно весели́тся молодёжь, то́чно не чу́вствуя уста́лости по́слѣ дневно́й рабо́ты. Поспѣла ка́ша, уха́ изъ свѣжей то́лько-что нало́вленной ры́бы. Просто́й, незатѣйливый у́жинъ, но какъ онъ вку́сенъ на во́здухѣ, по́слѣ рабо́ты! Поу́жинали, помоли́лись, попѣли, поболта́ли и ско́ро засну́ли тру́женики, кто подъ во́зомъ, кто завернувшись въ серма́гу, кто пря́мо „на во́лѣ.“ Ру́сскій человѣкъ не прихотли́въ на поко́й. Сти́хло всё. Тёплая лѣтняя ночь то́чно за́мерла вмѣстѣ съ человѣкомъ. На темноси́немъ не́бѣ алма́знымъ свѣтомъ искря́тся звѣздочки; изъ-за лѣса ве́село поднима́ется мѣсяцъ, а тёплый вѣтеръ чуть шевели́тъ ли́стья деревъ. У коновя́зи стои́тъ сы́тая лошадка, лѣни́во ѣстъ она́ траву́ и чу́тко настора́живаетъ у́ши... По́лночь. Гдѣ-то вдали́ разда́лся уда́ръ ко́локола; чу́тко вздро́гнула окре́стность; звукъ за́меръ съ далёкимъ э́хомъ, и ещё полнѣе, ещё торже́ственнѣе тишина́ но́чи. Звѣзды искря́тся на тёмномъ не́бѣ, бле́дный дискъ луны́ то́чно за́меръ на вышинѣ не́ба, стихъ лѣсъ и засну́лъ вѣтерко́къ; въ со́нной дремо́тѣ стои́тъ лѣсъ и да́же неугомо́нные ли́стья оси́ны переста́ли лепета́ть и шепта́ться ме́жду собо́ю. Покати́лась звѣздочка, за ней друга́я. Бли́зко у́тро. Свѣжая у́тренняя

роса́ кропи́тъ расте́нія; изъ-подъ лѣса па́хнулъ свѣ́жей прохла́дой у́тренній вѣтеро́къ, всколыхну́лась тишина́ но́чи, залепета́ли ли́стья оси́ны, зашумѣ́лъ дубъ; надъ рѣко́ю палъ рѣ́дкій тума́нъ. На не́бѣ задвига́лись облака́, бу́дто дава́я кому́ просто́ръ и спѣша́ на встрѣ́чу. На восто́кѣ вспы́хнула за́ревомъ и черво́нною я́ркою ле́нтой протяну́лась надъ гора́ми заря́-краса́вица; серебро́мъ и зо́лотомъ разсы́палась она́ по облака́мъ. Ско́ро показа́лся я́ркій дискъ у́тренняго со́лнца, озолоти́лъ верши́ны горъ и дерёвъ и заискри́лся звѣ́здочкой на высо́комъ кресте́ хра́ма далёкой дере́вни въ тума́нѣ. Па́хнуло арома́томъ отъ цвѣто́въ, освѣжённыхъ росо́ю, проснулись пти́чки, — всё о́жило, зашумѣ́ло, зашевели́лось и опя́ть закипѣ́ла трудова́я жизнь поселя́нина среди́ родно́й ему́ приро́ды.

338. Смерть де́рева.

Ра́ннимъ у́тромъ, чуть зо́рька, дровосѣ́къ взялъ топо́ръ и пошёлъ въ ро́щу.

На всёмъ лежа́лъ холо́дный ма́товый покро́въ ещё па́давшей, неосвѣщённой со́лнцемъ росы́. Восто́къ незамѣ́тно яснѣ́лъ, отража́я свой сла́бый свѣтъ на подёрнутомъ то́нкими ту́чами сво́дѣ не́ба. То́лько и́зрѣдка слы́шавшіеся зву́ки кры́льевъ въ ча́щѣ де́рева и́ли ше́лестъ по землѣ́ наруша́ли тишину́ лѣса. Вдругъ стра́нный, чу́ждый приро́дѣ звукъ разнёсся, и за́меръ на опу́шкѣ лѣса. Но сно́ва послы́шался звукъ и равномѣ́рно сталъ повторя́ться внизу́, о́коло ствола́ одного́ изъ неподви́жныхъ дере́вьевъ. Одна́ изъ маку́шъ необыча́йно затрепета́ла, со́чные ли́стья ея́ зашепта́ли что-то, и мали́новка, сидѣ́вшая на одно́й изъ вѣтвёй ея́, со сви́стомъ перепорхну́ла два ра́за и, подёргивая хво́стикомъ, сѣ́ла на друго́е де́рево.

Топо́ръ ни́зомъ звуча́лъ гду́ше и гду́ше, со́чныя бѣ́лыя щепки летѣ́ли на росистую траву́, и лёгкій трескъ послы́шался изъ-за уда́ровъ. Де́рево вздро́гнуло всѣмъ тѣ́ломъ, погну́лось и бы́стро вы́прямилось, испу́ганно коле́блясь на своёмъ ко́рнѣ. На мгновѣ́ніе всё зати́хло; но сно́ва нагну́лось де́рево, послы́шался трескъ въ его́ стволѣ́, и, лома́я су́чья и спусти́въ вѣтви, оно́ ру́хнулось маку́шей на сыру́ю зе́млю. Зву́ки топора́ и шаго́въ зати́хли. Мали́новка сви́снула и вспорхну́ла вы́ше. Вѣтка, кото́рую она́ зацѣпи́ла свои́ми кры́льями, покача́лась нѣ́сколько вре́мени и за́мерла, какъ и друга́я, со всѣ́ми свои́ми ли́стьями. Дере́вья ещё ра́достнѣе красова́лись на но́вомъ просто́рѣ своими неподви́жными вѣтвя́ми.

Пе́рвые луч́и со́лнца, проби́въ сквози́вшую ту́чу, блесну́ли въ не́бѣ и пробѣжа́ли по землѣ́ и не́бу. Тума́нъ волна́ми сталъ перелива́ться въ лощи́нахъ; роса́, блестя́, заигра́ла въ зе́лени; прозра́чныя, побѣлѣ́вшія ту́чки, спѣша́, разбѣга́лись по синѣ́вшему сво́ду. Пти́цы гомози́лись въ ча́щѣ и, какъ потеря́нныя, щебета́ли что-то счастли́вое; со́чные ли́стья ра́достно и споко́йно шепта́лись въ верши́нахъ, и вѣтви живы́хъ дерёвъ ме́дленно, велича́во зашевели́лись подъ мёртвымъ, поники́мъ де́ревомъ.

339. Садъ въ дере́внѣ.

Ста́рый, обши́рный, тяну́вшійся позади́ до́ма садъ, выходи́вшій за село́ и притомъ пропада́вшій въ по́лѣ, заро́сшій и загло́хшій, каза́лось, оди́нъ освѣжа́лъ забы́тую обши́рную дере́вню и былъ вполнѣ живопи́сенъ въ своёмъ карти́нномъ опусте́нніи. Зелёными облака́ми и непра́вильными, трепетноли́стными ку́полами лежа́ли на небе́сномъ горизо́нтѣ соединённыя верши́ны разро́сшихся на свобо́дѣ дерёвъ. Бѣлый колоса́льный стволъ берёзы, лишённый верху́шки, отло́мленной бу́рею и грозо́ю, подыма́лся изъ э́той зелёной гу́щи и кругли́лся на во́здухѣ, какъ пра́вильная мра́морная, сверка́ющая коло́нка; косо́й остроконе́чный изло́мъ его́, кото́рымъ онъ ока́нчивался къ ве́рху вмѣсто капите́ли, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его́, какъ ша́пка и́ли чёрная пти́ца. Хмѣль, глуши́вшій внизу́ кусты́ бузины́, рябины́ и лѣсна́го орѣшника и пробѣжа́вшій пото́мъ по верху́шкѣ всего́ частоко́ла, взбѣга́лъ наконе́цъ вверхъ и обвива́лъ до полови́ны сло́мленную берёзу. Дости́гнувъ до середи́ны ея́, онъ отту́да свѣшивался внизъ и начина́лъ уже́ пѣпля́ть верши́ны други́хъ дере́въ, и́ли же висѣлъ на во́здухѣ, завяза́вши ко́льцами свои́ то́нкіе, цѣпкіе кри́чья, легко́ коле́блемые во́здухомъ. Мѣста́ми расходи́лись зелёныя ча́щи, озарённыя со́лнцемъ, и пока́зывали неосвѣщённое ме́жду нихъ углубле́ніе, сіявшее какъ тёмная пасть; оно́ бы́ло всё оки́нуто тѣнью и чуть-чуть мелька́ли въ чёрной глубинѣ его́: бѣжа́вшая, у́зкая доро́жка, обру́шенныя пери́ла, пошатну́вшаяся бесѣ́дка, дупли́стый дря́хлый стволъ и́вы, сѣдо́й чапы́жникъ, густо́й щети́ною вытыка́вшійся изъ-за и́вы, изсо́хшіе отъ стра́шной глушины́, перепу́тавшіеся и скрести́вшіеся ли́стья и су́чья, и наконе́цъ молода́я вѣтвь клёна, протяну́вшая съ бо́ку свои́ зелёныя ла́пы-ли́стья, подъ одни́мъ изъ кото́рыхъ забра́вшись, Богъ вѣсть каки́мъ о́бразомъ, со́лнце превраща́ло его́ вдругъ въ прозра́чный и о́гненный, чу́дно сія́вшій въ э́той густо́й темнотѣ. Въ сторонѣ, у са́маго кра́я са́да, нѣсколько высоко-ро́слыхъ, не вро́вень други́мъ, оси́нъ подыма́ли огро́мныя воро́ньи гнѣзда на тре́петныя верши́ны свои́. У ины́хъ изъ ни́хъ отдёрнутыя и не вполнѣ отдѣлённыя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсо́хшими ли́стьями . . .

340. Гроза́.

Полу́денный во́здухъ, накалённый зно́йными луча́ми со́лнца, станови́лся ду́шенъ и тяжёлъ. Вотъ и со́лнце спря́талось. Ста́ло тёмно. И лѣсъ, и да́льнія дере́вни, и трава́ — всё облекло́сь въ безграни́чный, како́й-то зловѣщій цвѣтъ. Съ за́пада тяну́лось, сло́вно живо́е чудо́вище, чёрное, безобра́зное пятно́, съ мѣ́днымъ отли́вомъ по края́мъ, и бы́стро подвига́лось на село́ и на ро́щу, простира́я бу́дто огро́мныя кры́лья по сторона́мъ. Всё тосковало въ приро́дѣ. Коро́вы пону́рили го́ловы; ло́шади обма́хивались хвоста́ми, раздува́ли но́здри и фы́ркали, встря́хивая гри́вой. Пыль подъ ихъ копы́тами не поднима́лась вверхъ, но тяжело́, какъ песо́къ, разсыпа́лась подъ колеса́ми.

Ту́ча подвига́лась гро́зно. Вско́рѣ ме́дленно прокати́лся отдалённый гулъ. Всё притихло, какъ бу́дто ожида́ло чего́-то небыва́лаго.

Куда́ дѣва́лись э́ти пти́цы, кото́рыя такъ рѣ́зко порха́ли и пѣ́ли при со́лнышкѣ? Гдѣ насѣко́мыя, что такъ разнообра́зно жужжа́ли въ травѣ? Всё спря́талось и безмо́лвствовало. И безду́шные предме́ты, каза́лось, раздѣля́ли зловѣ́щее предчу́вствіе. Дере́вья переста́ли пока́чиваться и задѣва́ть другъ дру́га су́чьями; они́ вы́прямились, то́лько и́зрѣдка наклоня́лись верху́шками ме́жду собо́ю, какъ бу́дто взаи́мно предупрежда́я себя́ шёпотомъ о бли́зкой опа́сности. Въ дере́внѣ всѣ стара́лись убра́ться во́ время по дома́мъ. Наступи́ла мину́та всеобщаго торже́ственнаго молча́нія. Отъ лѣса, какъ передово́й вѣ́стникъ, пронёсся свѣ́жій вѣтеро́къ, повѣя́лъ прохла́дой въ лицо́ прохо́жему, прошумѣ́лъ по ли́стьямъ, захло́пнулъ мимохо́домъ воро́та въ избѣ́ и, вскрути́ пыль на у́лицѣ, зати́хъ въ куста́хъ. Слѣ́домъ за нимъ мчи́тся бу́рный вихрь, ме́дленно дви́гая по доро́гѣ столбъ пы́ли; вотъ ворва́лся въ дере́вню, сбро́силъ нѣ́сколько гнилы́хъ до́сокъ съ забо́ра, снёсъ соло́менную кро́влю, взвилъ ю́бки у несу́щей во́ду ба́бы и погна́лъ вдоль у́лицы пѣтухо́въ и куръ, раздува́я имъ хвосты́. Пронёсся. Опя́ть безмо́лвіе. Всё суети́тся и пря́чется; то́лько глу́пый бара́нъ не предчу́вствуетъ ничего́: онъ равноду́шно жуётъ свою́ жва́чку, стоя́ посреди́ у́лицы, и гляди́тъ въ одну́ сто́рону, не понима́я о́бщей трево́ги, да пёрышко съ соло́минкой, кружа́сь по доро́гѣ, си́лятся поспѣ́ть за ви́хремъ. Упа́ли двѣ-три кру́пныя ка́пли дождя́, и вдругъ блесну́ла мо́лнія. Стари́къ всталъ съ зава́ленки и поспѣ́шно повёлъ ма́ленькихъ внуча́тъ въ избу́; стару́ха, крести́сь, торопли́во закры́ла окно́. Гря́нулъ громъ и, заглуша́я людско́й шумъ, торже́ственно прокати́лся по во́здуху. Испу́ганный конь оторва́лся отъ конови́зи и мчи́тся съ верёвкой въ по́ле; тщётно преслѣ́дуетъ его́ крестья́нинъ. А дождь такъ и сы́плетъ, такъ и сѣчётъ, всё ча́ще и ча́ще, и дроби́тъ въ о́кна всё сильнѣе и сильнѣе.

341. Гроза́.

Гроза́, очеви́дно, бли́зко. Со́лнце склоня́лось къ за́паду и коси́ми, жа́ркими луча́ми невыноси́мо жгло мнѣ ше́ю и щёки; невозмо́жно бы́ло дотро́нуть до раскалённыхъ краёвъ бри́чки; густа́я пыль поднима́лась по доро́гѣ и наполня́ла во́здухъ. Не́ было ни малѣ́йшаго вѣтерка́, кото́рый бы относи́лъ её. Всё моё вниманіе бы́ло обращено́ на верстовы́е столбы́, кото́рые я замѣча́лъ издалека́, и на облака́, пре́жде разсѣ́янныя по небоскло́ну, кото́рыя, приня́въ зловѣ́щія, чёрныя тѣни, тепе́рь собира́лись въ одну́ большу́ю, мра́чную ту́чу. Изрѣдка погро́мыхивалъ да́льній громъ. Это послѣ́днее обстоя́тельство бо́лѣе всего́ уси́ливало моё нетерпѣ́ніе скорѣе пріѣ́хать на постоя́лый дворъ. Гроза́ наводи́ла на меня́ невырази́мо тяжёлое чу́вство тоски́ и стра́ха.

До ближа́йшей дере́вни остава́лось ещё вёрстъ де́сять, а больша́я, тёмно-лило́вая ту́ча, взя́вшаяся Богъ зна́етъ отку́да, безъ малѣ́йшаго вѣ́тра, бы́стро подвига́лась къ намъ. Со́лнце, ещё не скры́тое облака́ми, я́рко освѣща́етъ ея́ мра́чную фигу́ру и сѣ́рыя по́лосы, кото́рыя отъ нея́ иду́тъ до са́маго горизо́нта. Изрѣдка, вдалекѣ́, вспы́хиваетъ мо́лнія и слы́шится сла́бый гулъ, постепе́нно уси́ливающійся, приближа́ющійся и переходя́щій въ преры́вистые раска́ты, обнима́ющіе весь

небосклонъ. Кучеръ приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички, надѣваетъ армякъ и при каждомъ ударѣ грома снимаетъ шапку и крестится; лошади настораживаютъ ноздри, какъ будто принюхиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ. Мнѣ становится жутко, и я чувствую, какъ кровь быстрѣе обращается въ моихъ жилахъ. Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце, вотъ оно выглянуло въ послѣдній разъ, освѣтило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ. Вотъ задрожала осиновая роща, листья становятся какого-то бѣло-мутнаго цвѣта, ярко выдающагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ берёзъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу. Стрижи и бѣлогрудыя ласточки, какъ будто съ намѣреніемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самой грудью лошадей, галки съ растрёпанными крыльями какъ-то бокомъ летаютъ по вѣтру; края кожанаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропускать къ намъ порывы влажнаго вѣтра и, размахиваясь, биться о кузовъ брички. Молнія вспыхиваетъ, какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣніе и на одно мгновеніе освѣщаетъ всё внутри экипажа. Въ ту-же секунду надъ самой головой раздаётся величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь всё выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линіи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе. „Гнѣвъ Божій“—какъ много поэзіи въ этой простонародной мысли!

Колёса вертятся скорѣе и скорѣе; по спинѣ кучера, который нетерпѣливо помахиваетъ возжами, я замѣчаю, что и онъ боится. Бричка шибко катится подъ гору и стучитъ по досчатому мосту: я боюсь пошевелиться и съ минуты на минуту ожидаю нашей общей погибели.

Тпру! оторвался валёкъ, и на мосту, не смотря на безпрерывные, оглушительные удары, мы принуждены остановиться.

Приклонивъ голову къ краю брички, я, съ захватывающимъ дыханіемъ и замираніемъ сердца, безнадежно слѣжу за движеніями толстыхъ, чёрныхъ пальцевъ кучера, который медленно захлёстываетъ петлю и выравниваетъ постромки, толкая пристяжную ладонью и кнутовищемъ.

Тревожныя чувства тоски и страха усиливались во мнѣ вмѣстѣ съ усиліемъ грозы; но когда пришла величественная минута безмолвія, обыкновенно предшествующая разряженію грозы, чувства эти дошли до такой степени, что, продолжись это состояніе ещё четверть часа, я увѣренъ, что умеръ бы отъ волненія. Всё уже готово, и кучеръ, собирая возжи, лѣзетъ на козлы. Но только что мы трогаемся, ослѣпительная молнія, мгновенно наполняя огненнымъ свѣтомъ всю лощину, заставляетъ лошадей остановиться и, безъ малѣйшаго промежутка, сопровождается такимъ оглушительнымъ трескомъ, что, кажется, весь сводъ небесъ рушится надъ нами. Вѣтеръ ещё усиливается,

гри́вы и хвосты́ лошаде́й, оде́жда ку́чера и края́ фа́ртука принима́ютъ одно́ направле́ніе и отча́янно развѣва́ются отъ поры́вовъ неи́стоваго вѣ́тра. На ко́жанный верхъ бри́чки тяжело́ упа́ла кру́пная ка́пля дожда́... друга́я, тре́тья, четвёртая... и вдругъ какъ бу́дто кто-то забараба́нилъ надъ на́ми, и вся окре́стность огласи́лась равноме́рнымъ шу́момъ па́дающаго дожда́. Косо́й дождь, гони́мый си́льнымъ вѣ́тромъ, лилъ какъ изъ ведра́; со спины́ ку́чера текли́ пото́ки въ лу́жу му́тной воды́, образо́вавшейся на фа́ртукѣ. Снача́ла сби́тая каты́шками, пыль превати́лась въ жи́дкую грязь, кото́рую мѣси́ли колёса; толчки́ ста́ли ме́ньше и по гли́нистымъ колея́мъ потекли́ му́тные ручьи́. Мо́лнія свѣти́ла ши́ре и блѣдне́е, и раска́ты гро́ма уже́ бы́ли не такъ порази́тельны за равноме́рнымъ шу́момъ дожда́.

342. Лѣсно́й пожа́ръ.

Одна́жды но́чью спа́ли мы споко́йно въ свое́й хи́жинѣ, какъ вдругъ пе́редъ разсвѣ́томъ разбуди́ло меня́ ржа́ніе лошаде́й и мыча́нье коро́въ, пу́щенныхъ мно́ю въ лѣ́съ наканунѣ́. Я схвати́лъ ружьё и бро́сился вонъ изъ го́рницы, что́бы посмотре́ть, како́й звѣ́рь причини́лъ э́ту трево́гу: но едва́ я вы́бѣжалъ, какъ меня́ внеза́пно порази́ло стра́шное за́рево, одѣва́вшее свои́мъ багро́вымъ о́тблескомъ всѣ́ окре́стныя дере́вья. Ло́шади мои́, гро́мко всхра́пывая, скака́ли по всѣ́мъ направле́ніямъ, а коро́вы перемѣша́лись съ ни́ми и бѣжа́ли, подня́въ хвосты́ и держа́ ихъ надъ спино́ю. Зашёдши за хи́жину, я я́сно разслы́шалъ трескъ гора́щихъ густо́въ и уви́дѣлъ гро́зную черту́ пла́мени, иду́щую на насъ, на стра́шномъ протяже́ніи. Я бѣ́гомъ вороти́лся домо́й, закрича́лъ женѣ́, что́бы она́ съ ребёнкомъ одѣва́лась и захвати́ла съ собо́ю, что бы́ло у насъ де́негъ, а самъ пошёлъ лови́ть и сѣдла́ть лошаде́й. Всё э́то бы́ло мигомъ сдѣ́лано, потому́ что я понима́лъ, какъ дорога́ была́ для насъ ка́ждая мину́та. Мы усѣ́лись на лошаде́й и помча́лись отъ пожа́ра. Жена́ моя́, лиха́я наѣ́здница, скака́ла ря́домъ со мно́ю, а дочь, бы́вшую тогда́ совсѣ́мъ ребёнкомъ, я взялъ на́ руки. Я сталъ труби́ть въ рогъ, ду́мая созва́ть хотя́ тѣхъ изъ на́шихъ живо́тныхъ, кото́рыя ещё не поги́бли. Ло́шади и коро́вы снача́ла послѣ́довали за на́ми, но пото́мъ размета́лись по́ лѣсу, и съ тѣ́хъ поръ о нихъ не́ было у́же и слу́ху. Да́же соба́ки, обыкнове́нно столь послу́шныя, пусти́лись вслѣ́дъ за оле́нями, кото́рые стадами бѣжа́ли пе́редъ на́ми, очеви́дно, чу́вствуя за собо́ю приближе́ніе опа́сности. Мы пусти́ли лошаде́й во всю прыть, что́бы поскоре́е дости́гнуть о́зера, кото́рое бы́ло за нѣсколько миль и при кото́ромъ пожа́ръ могъ останови́ться... Мы уже́ чу́вствовали пала́щій жаръ и опаса́лись съ ка́ждою мину́тою потеря́ть лошаде́й; надъ на́ми пролета́ло дыха́ніе вѣ́тра, и свѣтъ кра́снаго за́рева спо́рилъ съ бле́скомъ возражда́ющагося дня. Я начина́лъ слабѣ́ть; жена́ моя́ была́ необыча́йно блѣдна́, а лицо́ ребёнка до того́ покраснѣ́ло отъ жа́ра, что, гля́дя на него́, у насъ се́рдце сжима́лось. Наконе́цъ, изнемога́я отъ уста́лости и покры́тые по́томъ, мы дости́гли берего́въ о́зера. Насъ взяла́ ро́бость. Мы задыха́лись отъ жа́ра и ды́ма; пыла́ющія голо́вни, стра́шно сверка́я, летѣ́ли надъ на́шими го-

лова́ми, не смотря́ на то, что мы ки́нулись въ объѣ́здъ вдоль по бе́регу о́зера и успѣ́ли перебра́ться на ту сто́рону, кото́рая была́ за вѣ́тромъ. Тутъ мы пусти́ли свои́хъ лошаде́й и бо́лѣе не вида́ли ихъ. Пото́мъ мы погрузи́лись въ во́ду, наде́ясь хоть э́тимъ изба́виться отъ неми-ну́емой ги́бели. Вода́ освѣжи́ла насъ, и намъ ста́ло поле́гче. Ме́жду тѣ́мъ пла́мя со стра́шнымъ тре́скомъ подава́лось впередъ. Не́бо всё бы́ло обли́то багро́вымъ свѣ́томъ, всё раскали́лось, и ту́чи ды́ма клу-би́лись въ во́здухѣ, гони́мыя необыча́йнымъ вѣ́тромъ.

Въ водѣ́ намъ бы́ло прохла́дно, но го́ловы на́ши горѣ́ли, и дитя́ на э́тотъ разъ, повиди́мому, понима́вшее своё положе́ніе, гро́мкими кри́ками надрыва́ло моё се́рдце. Прошёлъ день — мы почу́вствовали го́лодъ. Мно́жество ди́кихъ звѣре́й стоя́ло въ водѣ́ о́коло насъ, други́е плы́ли въ на́шу сто́рону и при ви́дѣ насъ остана́вливались неподви́жно. Изму́ченный и обезси́ленный, я, одна́коже, успѣ́лъ уби́ть дикобра́за, и мя́со его́ под-крѣпи́ло на́ши си́лы. Прошла́ ночь. Вся по́чва превати́лась какъ бы въ одинъ грома́дный оча́гъ, и дере́вья, ещё стоя́вшія на корню́, каза́лись огро́мными столба́ми, и́ли вдругъ па́дали, цѣпля́ясь другъ за дру́га. Всю ночь души́лъ насъ смра́дный дымъ, сы́палась зола́ и раскалённые у́гли.

Какъ мы изба́вились отъ поги́бели въ э́тихъ обстоя́тельствахъ — не могу́ вамъ сказа́ть, да по пра́вдѣ и не припо́мню э́того.

343. Шатёръ-гора́.

Краси́вы придо́нскія сте́пи. Дли́нною цѣ́пью по-надъ До́номъ тя́нется сплошна́я почти́ гряда́ мѣ́ловы́хъ горъ. Лёгкимъ зелёнымъ ко́врикомъ ди́кой зе́лени, — души́стаго чебреца́, се́ренькаго тми́на и блѣ́дно-ро́зовой оча́нки, — прикры́ты ихъ верши́ны; бока́ порос-ли́ орѣ́шникомъ — лещи́ной, ме́лкимъ чернолѣ́сьемъ, и то́лько мѣста́ми прорѣ́зываются бѣ́лыя пя́тна и я́рко блѣ́щутъ на со́лнцѣ, отража́я лучи́, мѣ́ловы́я лы́сыя го́ры, обнажённыя отъ вся́кой расти́тельности. Изъ э́той цѣпи, вблизи́ села́ Лиски́, выдѣля́ется какъ шатёръ — одино́кая высо́кая гора́ Шатри́ще, съ приро́дными коло́ннами изъ мѣ́лу, кото́рая прихотли́во и безтре́петно громозди́тся надъ са́мымъ круты́мъ, отвѣс-нымъ обры́вомъ горы́ къ рѣ́кѣ. Гора́ и до ны́нѣ составля́етъ предме́тъ почита́нія для мѣ́стныхъ жи́телей. Въ незапами́тныя времена́ здѣсь спаса́лись отше́льники, кото́рые изры́ли всю го́ру, вы́рыли пеще́ры, устро́или въ горѣ́ це́рковь. Когда́-то былъ здѣсь монасты́рь, давно́ забы́тый и упра́здненный. Пеще́ры и тепе́рь цѣ́лы. Благочести́вые и суевѣ́рные покло́нники зажига́ютъ свѣ́чи и спуска́ются въ таи́нственную глубь чу́дной горы́. Пеще́ры дово́льно высоки́, сте́ны гла́дко вы́тесаны въ мѣ́ловомъ кря́жѣ горы́; въ нихъ вѣ́етъ прохла́дой и сы́ростью. Че́резъ не́сколько шаго́въ отъ вхо́да пу́тниковъ окружа́етъ непрони-ца́емый мракъ, — чѣмъ да́льше, тѣмъ гу́ще и глу́ше. Сму́тно доно́сится до слу́ха како́й-то шумъ и громъ, слы́шится бу́дто паде́ніе ка́пель воды́, поро́ю журча́нье ручья́. Глазъ утомля́ется непривы́чнымъ мра́комъ; таи́нственно и глу́хо отдаю́тся шаги́ въ нескончаемой дали́ пеще́ръ, гу́лко звучи́тъ ска́занное сло́во; вся обстано́вка внуша́етъ суевѣ́рный у́жасъ. То́чно всё за́мерло подъ землёю, и въ моги́льной тишинѣ

совершáется что-то таи́нственное. Но вотъ и вы́ходъ, — грудь ды́шетъ свобо́днѣй, ослѣпи́тельно-я́ркій лучъ со́лнца рѣжетъ глазъ, утомлённый непривы́чною темнотóю среди́ дня, и заставля́етъ щу́риться. Ещё нѣсколько шагóвъ и изумлённый пу́тникъ остана́вливается въ нѣмóмъ востóргѣ пéредъ карти́ной, кото́рая откры́лась пéредъ нимъ съ верши́ны горъ.

Широко́, во весь рóзмахъ, раски́нулся подъ горóю „Ти́хій Донъ,“ за нимъ роско́шный лугъ; на лугу́ бле́щутъ мѣста́ми озера́, обра́мленныя ме́лкимъ ивняко́мъ и чере́томъ; надъ гла́дкою, неподви́жною, блестя́щею, какъ полиро́ванное зе́ркало, пове́рхностью озёръ, но́сится лёгкій, прозра́чный тума́нъ; ко́пны то́лько-что ско́шеннаго, души́стаго сѣна тя́нутся ме́жду озера́ми; на приво́льѣ одино́ко пасётся ло́шадь, лѣни́во отма́хиваясь отъ доку́чныхъ насѣко́мыхъ. Пло́скій песча́ный бе́регъ дли́нными отко́сами вдаётся въ рѣку́, на берегу́ живопи́сно раски́нулся ста́рый, почернѣвшій дубъ, размета́въ свои́ чёрные, подмы́тые весе́нней водо́й ко́рни по бѣлому песку́. За лу́гомъ — и́згороди, огоро́ды, сады́, гу́мна, ро́ща, село́; соло́менныя кры́ши домо́въ мѣша́ются съ остроконе́чными верху́шками хлѣ́бныхъ скирдъ; на широ́кой пло́щади вы́сится це́рковь; на взго́рьѣ — крыла́тыя ме́льницы, — всё неподви́жно, бу́дто за́мерло и опроки́нулось въ рѣку́. То́лько синева́тый паръ слегка́ разстила́ется и тума́нитъ карти́ну. За село́мъ — даль необъя́тная! Желтѣетъ рожь карми́лица, зеленѣютъ проса́ и льны, бѣлымъ ко́врикомъ разстила́ется души́стая греча́, иду́тъ полоса́ми хлѣба́ — уса́тый ячме́нь, сѣренькій овёсъ, золоти́стая пшени́ца; да́льше синѣютъ лѣса́, не́бо слило́сь съ землёю въ синевѣ́ тума́на и то́лько гла́вы церквей я́ркими то́чками сверка́ютъ на со́лнцѣ въ недосту́пной для гла́за дали́. А внизу́ кру́га отвѣсомъ, стреми́стый обры́въ пря́мо въ рѣку́; на выдаю́щихся камня́хъ пріюти́лся Богъ-вѣсть отку́да залетѣ́вшій березня́къ, дря́хлый кустъ орѣ́шника; надъ утёсомъ кружи́тся ста́я спугну́тыхъ га́локъ, вьётся ла́сточка; подъ горо́й неподви́жно, то́чно за́меръ, ста́рый рыба́къ сиди́тъ и уди́тъ ры́бу. Всё по́лно жи́зни въ э́той тишинѣ́, и несознава́емое наслажде́ніе жи́знію охва́тываетъ ду́шу зри́теля, то́лько-что поки́нувшаго мракъ и безмо́лвіе моги́лы въ пещерáхъ.

344. Осенью.

Хоро́шъ лѣсъ о́сенью. Вѣтра нѣтъ, нѣтъ и со́лнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движе́нья, ни шу́ма; въ мя́гкомъ во́здухѣ разли́тъ осе́нній за́пахъ, подо́бный за́паху вина́; то́нкій тума́нъ стои́тъ вдали́ надъ жёлтыми поля́ми. Сквозь обнажённые, бу́рые су́чья дере́вьевъ ми́рно бѣле́етъ неподви́жное не́бо; кой-гдѣ на ли́пахъ вися́тъ послѣ́дніе, золоты́е ли́стья. Сыра́я земля́ упру́га подъ ногами; высо́кія, сухія были́нки не шевеля́тся; дли́нныя ни́ти блестя́тъ на поблѣднѣ́вшей травѣ́. Споко́йно ды́шетъ грудь, а на ду́шу нахо́дитъ стра́нная трево́га. Идёшь вдоль опу́шки, а ме́жду тѣмъ люби́мые о́бразы, люби́мыя ли́ца, мёртвыя и живы́я, прихо́дятъ на па́мять, давны́мъ-давно́ засну́вшія впечатлѣ́нія неожи́данно просыпа́ются; воображе́нье рѣетъ и но́сится какъ пти́ца, и всё такъ я́сно дви́жется и стои́тъ пе́редъ гла-

зáми. Вся жúзнь развёртывается легкó и бúстро, какъ свúтокъ, всѣмъ своúмъ прошéдшимъ; всѣми чýвствами, сúлами, всей своéй душёй владѣетъ человѣкъ. И ничегó кругóмъ емý не мѣшáетъ — ни сóлнца нѣтъ, ни вéтра, ни шýма...

А осéнній, я́сный, немнóжко холóдныйýтромъ морóзный день, когдá берёза, слóвно сказóчное дéрево, вся золотáя, краси́во рисýется на блѣдно-голубóмъ нéбѣ, когдá нúзкое сóлнце ужé не грѣетъ, но блести́тъ я́рче лѣтняго, небольша́я оси́новая рóща вся сверкáетъ на сквозь, слóвно ей вéсело и легкó стоя́ть гóлой; úзморозь ещё бѣлѣетъ на днѣ долúнъ, а свѣжій вéтеръ тихóнько пошевели́тъ и гóнитъ упáвшіе, покорóбленные лúстья, когдá по рѣкѣ рáдостно мчáтся сúнія вóлны, тúхо вздымáя разсѣянныхъ гусéй иýтокъ, вдали́ мéльница стучúтъ, полузакры́тая вéрбами, и, пестрéя въ свѣтломъ вóздухѣ, гóлуби бúстро летáютъ надъ ней...

Но вотъ вы собрали́сь въ степь. Вёрстъ дéсять пробира́лись вы по просёлочнымъ дорóгамъ — вотъ, наконéцъ, большáя. Мúмо безконéчныхъ обóзовъ, мúмо постоя́лыхъ двóриковъ съ шипя́щимъ самовáромъ подъ навѣсомъ, раскры́тыми нáстежъ воротáми и колóдземъ, отъ одногó села́ до другóго, чéрезъ необозри́мыя поля́, вдоль зелёныхъ конопля́никовъ, дóлго ѣдете вы. Сорóки перелетáютъ съ ракúты на ракúту; бáбы съ длúнными грáблями въ рукáхъ, бредýтъ въ пóле; прохóжій человѣкъ, въ поношенномъ нáнковомъ кафтáнѣ съ котóмкой за плечáми, плетётся устáлымъ шáгомъ; грýзная карéта, запряжённая шестерикóмъ рóслыхъ лошадéй, плывётъ вамъ на встрéчу... Вотъ уѣздный городóкъ съ деревя́нными кривы́ми домúшками, безконéчными забóрами, купéческими необитáемыми кáменными строéніями, старúннымъ мостóмъ надъ глубóкимъ оврáгомъ... Дáлѣе, дáлѣе... Пошли́ степны́я мѣстá. Гля́нешь съ горы́ — какóй видъ! Крýглые, нúзкіе холмы́, распáханные и засѣянные дóверху, разбѣгáются широ́кими волна́ми, зарóсшіе кустáми оврáги вьются мéжду нúми; продолговáтыми островáми разбрóсаны небольши́я рóщи; отъ дерéвни до дерéвни бѣгýтъýзкія дорóжки; цéркви бѣлѣютъ; мéжду лозняка́ми сверкáетъ рѣчка, въ четырёхъ мѣстáхъ перехвáченная плотúнами; далекó въ пóлѣ гуськóмъ торчáтъ дрóхвы; стáренькій господскій домъ со своими слýжбами, фруктовы́мъ сáдомъ и гумнóмъ пріютúлся къ небольшóму прудý. Но дáлѣе, дáлѣе ѣдете вы. Холмы́ все мéлче и мéлче, дéрева почтú не видáть. Вотъ онá наконéцъ — безграни́чная, необозри́мая степь.

345. Кóнная я́рмарка.

Прúбывъ въ Лебедúнь, я остановúлся въ гостúницѣ, переодѣлся и отпрáвился на я́рмарку. На я́рмарочной плóщади безконéчными рядáми тянýлись телѣги, а за телѣгами лóшади всѣхъ возмóжныхъ родóвъ, — рысúстыя, завóдскія, битюки́, возовы́я, ямскія и просты́я крестья́нскія; ины́я, сы́тыя и глáдкія, подóбранныя по мастúмъ, покры́тыя разноцвѣтными попóнами, коротко привя́занныя къ высóкимъ кря́квамъ, боязли́во косúлись назáдъ на слúшкомъ знакóмые имъ кнуты́ своúхъ владѣльцевъ, бары́шниковъ; помѣщичьи кóни, вы́сланные степны́ми дво-

ря́нами за сто, за двѣ́сти вёрстъ, подъ надзо́ромъ како́го нибу́дь дря́хлаго ку́чера и двухъ и́ли трёхъ крѣпкоголо́выхъ конюхо́въ, маха́ли свои́ми дли́нными ше́ями, то́пали нога́ми, гры́зли со ску́ки надо́лбы; совра́сыя вя́тки пло́тно прижима́лись другъ къ дру́жкѣ... Въ велича́вой неподви́жности, сло́вно львы, стоя́ли широкоза́дые рысаки́ съ волни́стыми хвоста́ми и косма́тыми ла́пами, сѣ́рые въ я́блокахъ, вороны́е, гнѣды́е; знатоки́ почти́тельно остана́вливались пе́редъ ни́ми. Въ у́лицахъ, образо́ванныхъ телѣ́гами, толпи́лись лю́ди вся́каго зва́нія, во́зраста и ви́да; бары́шники, въ си́нихъ кафта́нахъ и высо́кихъ пуховы́хъ ша́пкахъ, лука́во высма́тривали и выжида́ли покупщико́въ; лупогла́зые, кудря́вые цыга́ны мета́лись взадъ и вперёдъ, какъ огорѣ́лые, глядѣ́ли лошадя́мъ въ зу́бы, подыма́ли имъ но́ги, хвосты́, крича́ли, брани́лись, служи́ли посре́дниками, мета́ли жре́бій и́ли увива́лись о́коло како́го-нибу́дь ремонтёра въ фура́жкѣ и вое́нной шине́ли съ бобро́мъ... Дю́жій коза́къ торча́лъ верхо́мъ на то́щемъ ме́ринѣ съ оле́ньей ше́ей и продава́лъ его́ „со всимъ,“ т. е. съ сѣдло́мъ и узде́чкой; мужики́ въ изо́рванныхъ подъ мы́шками тулу́пахъ отча́янно продира́лись сквозь толпу́, нава́ливаясь деся́тками на телѣ́гу, запряжённую ло́шадью, кото́рую слѣ́довало „спро́бовать,“ и́ли гдѣ-нибу́дь въ сторо́нѣ, при по́мощи увёртливаго цыга́на, торгова́лись до изнеможе́нія, сто разъ сря́ду хло́пали другъ дру́га по рука́мъ, наста́ивая ка́ждый на свое́й цѣнѣ́, ме́жду тѣмъ какъ предме́тъ ихъ спо́ра, дрянна́я лошадёнка, покры́тая покоро́бленною рого́жей, то́лько-что глаза́ми пома́ргивала, какъ-бу́дто дѣ́ло шло не о ней; и въ са́момъ дѣ́лѣ: не всё ли ей равно́, кто её бить бу́детъ! Помѣ́щики въ конфедера́ткахъ и камло́товыхъ чу́йкахъ, надѣ́тыхъ на оди́нъ рука́въ, снисходи́тельно загова́ривали съ пуза́тыми купца́ми въ пуховы́хъ шля́пахъ и зелёныхъ перча́ткахъ; офице́ры разли́чныхъ полко́въ толка́лись тутъ же, необыкнове́нно дли́нный кираси́ръ нѣме́цкаго происхожде́нія хладнокро́вно спра́шивалъ у хрома́го бары́шника, ско́лько онъ жела́етъ получи́ть за сію́ ры́жую ло́шадь? Бѣлоку́рый гуса́рчикъ лѣтъ девятна́дцати подбира́лъ пристяжну́ю къ поджа́рому инохо́дцу... Ямщи́къ въ ни́зкой шля́пѣ, обви́той павли́нымъ перо́мъ, бу́ромъ армякѣ́ и съ ко́жаными рукави́цами, засу́нутыми за у́зкій зелёненькій куша́къ, иска́лъ коренника́; кучера́ заплета́ли лошадя́мъ свои́мъ хвосты́, мочи́ли гри́вы и дава́ли почти́телные совѣ́ты господа́мъ: око́нчившіе сдѣ́лку спѣши́ли въ тракти́ръ и́ли въ каба́къ, смотря́ по состоя́нію... И всё э́то вози́лось, крича́ло, копоши́лось ссо́рилось и мири́лось, брани́лось и смѣя́лось, въ грязи́ по колѣ́ни.

346. Ночёвка въ лѣсу́.

Пу́тники рѣши́лись ночева́ть въ лѣсу́. Лошаде́й вы́прягли за́дали имъ овса́. Утопта́ли вокру́гъ снѣгъ и сдѣ́лали прива́лъ. Топоро́въ оказа́лось два, рабо́тники на́чали су́чья да вале́жникъ руби́ть, костры́ скла́дывать вокру́гъ прива́ла, и когда́ стемнѣ́ло, зажгли́ ихъ. Пота́пъ Макси́мычъ вы́тащилъ изъ сане́й большу́ю ко́жаную кису́, вы́нулъ изъ нея́ хлѣ́ба, пирого́въ, ква́шеной капу́сты и мѣ́дный кувши́нъ съ ква́сомъ. Устро́или по́стную тра́пезу: тю́ри съ лу́комъ накроши́ли, капу́сты съ ква́сомъ,

грибóвъ солёныхъ. Хоть не вкýсно, да здорóво поýжинали. И буты́лочка нашла́сь у запа́сливаго Пота́па Макси́мыча. Ро́спили...

Ночь надвига́лась. Кра́сное за́рево костро́въ, освѣща́я низину́ лѣ́са, уси́ливало мракъ въ его́ верши́нахъ и по сторона́мъ. Съ тре́скомъ горѣ́вшихъ вѣтвéй е́льника и фы́ркань емъ лошадéй смѣша́лись лѣсны́е голоса́... Ро́вно пла́чущій ребёнокъ, запища́лъ гдѣ-то сычъ, и пото́мъ вдали́ послы́шался тоскли́вый крикъ, бу́дто человѣ́къ въ отча́янномъ боре́ньи со сме́ртью зовётъ къ себѣ́ на по́мощь: то бы́ли кри́ки пугача́ (фи́лина)... Побли́же завози́лась въ верши́нѣ сосны́ вѣ́кша, проснýвшаяся отъ необыча́йнаго свѣта; едва́ слы́шно перепры́гнула она́ на друго́е де́рево, пото́мъ на тре́тье и такъ да́льше и да́льше отъ люде́й и пыла́вшихъ костро́въ... Чуть сти́хло, и вотъ уже́ доно́сится и́здали лёгкій хрустъ вале́жника: то кровожа́дная куни́ца осторо́жно пробира́ется изъ своего́ дупла́ по де́реву, гдѣ задрема́лъ глухо́й красногла́зый те́теревъ. Ещё мину́та тишины́, и въ верши́нѣ разда́лся отры́вистый жа́лобный крикъ пти́цы, хло́панье кры́льевъ, и зате́мъ всё смо́лкло: куни́ца пойма́ла добы́чу и пьётъ горя́чую кровь изъ переку́шеннаго го́рла те́терева... Опя́ть тишь, опя́ть глубо́кое безмо́лвіе, и вдругъ слы́шится то́чно ко́шачье пры́сканье: э́то рысь, привлечённая изъ ча́щи чутьёмъ, засл ы́шавшимъ прису́тствіе ла́комаго мя́са въ ви́дѣ лошадéй Пота́па Макси́мыча. Но о́гонь не допуска́етъ бли́зко звѣря, и вотъ рысь се́рдится, мурлы́читъ, пры́скаетъ, съ доса́дой сверка́я кру́глыми зелёными глаза́ми, и прядётъ ки́сточками на конца́хъ высо́кихъ прямы́хъ ушéй... Опя́ть тишь, и вдругъ, ли́бо заверéщитъ бѣ́дный зайчи́шка, попа́вшій въ зу́бы хи́щной лисѣ́, ли́бо завóзится что-то въ вѣтвя́хъ: э́то сова́ поймала спа́вшаго ря́бчика... Лѣсны́е обита́тели живу́тъ не по на́шему — обѣ́даютъ по ночáмъ...

Но вотъ вдали́, за́ версту и́ли бо́льше, засл ы́шался вой, ему́ откли́кнулся друго́й, тре́тій, вой всё бли́же и бли́же. Смолкъ, и послы́шалось пря́данье звѣре́й по насту́, ворча́нье, стукъ зубóвъ... Ни оди́нъ звукъ не пропада́етъ въ лѣсно́й тиши́.

Во́лки! бо́язно прошепта́лъ Пота́пъ Макси́мычъ, толка́я въ бокъ задрема́вшаго Сту́колова.

Дю́ковъ и рабо́тники давно́ уже́ спа́ли крѣ́пкимъ сномъ.

— А?... Что?... промыча́лъ, приходя́ въ себя́ Сту́коловъ.

— Что ты говори́шь?

— Слы́шишь? Во́ютъ,—говори́лъ смути́вшійся Пота́пъ Макси́мычъ.

— Да, во́ютъ... равноду́шно отвѣча́лъ Сту́коловъ. — Эхъ ихъ, что тутъ! Чу́ютъ мя́со стервецы́!

— Бѣда́! шёпотомъ промо́вилъ Пота́пъ Макси́мычъ.

— Кака́я же бѣда́? Никако́й бѣ́ды нѣтъ... А вотъ побо́льше огня́ на́до... Эй вы, ребя́та, кри́кнулъ онъ рабо́тникамъ.

— Просни́сь! — Эка заспа́лись!... Вали́ на костры́ бо́льше. Рабо́тники вста́ли неохо́тно и вмѣстѣ со Сту́коловымъ и съ са́мимъ Пота́помъ Макси́мычемъ навали́ли грома́дные костры́. Ого́нь сталъ бы́ло слабѣе, но вотъ заигра́ли пла́менные языки́ по хво́ѣ, и за́рево разлило́сь по лѣ́су пу́ще пре́жняго.

— Ви́димо не ви́димо!... говори́лъ оторопѣ́вшій Пота́пъ Макси́мычъ, слы́ша со всѣхъ сторо́нъ во́лчьи голоса́.

Звѣре́й уже́ мо́жно бы́ло ви́дѣть. Освѣщённые за́ревомъ, они́ сидѣ́ли круго́мъ, пощёлкивая зуба́ми. Ви́дно, въ са́момъ дѣ́лѣ они́ справля́ли име́нины звѣ́ринаго царя́.

— Ничего́, успоко́ивалъ Сту́коловъ, — ого́нь бы то́лько не переводи́лся. То-ли ещё быва́етъ въ сиби́рскихъ та́йгахъ!...

Въ са́момъ дѣ́лѣ во́лки ника́къ не смѣ́ли бли́зко подойти́ къ огню́, хоть ихъ голо́дныхъ и си́льно тяну́ло къ лошадя́мъ, а пожа́луй и къ людя́мъ.

— Эхъ, ружья́-то нѣтъ: пугну́лъ бы сѣ́рыхъ, мо́лвилъ Сту́коловъ.

— Молчи́ ты, како́е тутъ ещё ружьё! Того́ и гляди́ сожру́тъ... трево́жно говори́лъ Пота́пъ Макси́мычъ. — Гля́нь-ка, гля́нь-ка, со всѣхъ сторо́нъ навали́ло!... Ахъ ты, Го́споди, Го́споди!... Знать бы, да вѣ́дать, ни за что бы не поѣ́халъ... А во́лки всё бли́зятся, бы́ло ихъ до пяти́десяти, коли́ не бо́льше. Смѣ́лость звѣре́й росла́ съ ка́ждой мину́той: не да́льше какъ въ трёхъ саженя́хъ сидѣ́ли они́ вокру́гъ костро́въ, щёлкали зуба́ми и завыва́ли. Ло́шади давно́ поки́нули то́рбы съ ла́комымъ овсо́мъ, жа́лись въ ку́чу, и прядя́ уша́ми, трево́жно озира́лись. У Пота́па Макси́мыча зубъ на́ зубъ не попада́лъ, вездѣ́ и всегда́ безстра́шный, онъ дрожа́лъ, какъ въ лихора́дкѣ. Растолка́ли Дю́кова, тотъ потяну́лся въ своёй ли́сьей шу́бѣ, зѣвну́лъ во всю сла́сть и, огляну́вшись, промо́лвилъ съ невозмути́мымъ споко́йствіемъ:

— Во́лки ника́къ!

Безъ ма́лаго часъ вре́мени прошёлъ, а пу́тники всё ещё сидѣ́ли въ оса́дѣ. До́ свѣту остава́ться въ тако́мъ положе́ніи бы́ло нельзя́: тогда́ пожа́луй и костры́ не помо́гутъ, да не хва́титъ и загото́вленнаго вале́жника и хво́роста на поддержа́ніе огня́. Но Сту́коловъ, человѣ́къ быва́лый, не да́ромъ мно́го ходи́лъ по бѣ́лу свѣ́ту. Когда́ во́лки бы́ли уже́ на сто́лько бли́зко, что до люба́го изъ нихъ па́лкой мо́жно бы́ло добро́ситься, онъ разста́вилъ пу́тниковъ своихъ по мѣста́мъ и веле́лъ, по его́ прика́зу, ра́зомъ броса́ть въ волко́въ изо всей си́лы горя́щія ла́пы (горя́щія вѣ́тви хво́йнаго лѣ́са).

— Разъ... два... три... кри́кнулъ Сту́коловъ, и горя́щія ла́пы полетѣ́ли къ звѣря́мъ.

Тѣ отскочи́ли и сѣ́ли пода́льше, щёлкая зуба́ми и огрыза́ясь.

— Разъ... два... три!... онъ кри́кнулъ опя́ть, и вы́ступивъ за костры́, пу́тники ещё пусти́ли въ ста́до по горя́щей ла́пѣ.

Завы́ли звѣри, но когда́ Сту́коловъ, схвати́въ чуть не сажённую пыла́ющую ла́пу, бро́сился съ не́ю впередъ, во́лки по́рскнули вдаль, и че́резъ нѣ́сколько мину́тъ ихъ не бы́ло слы́шно.

— Тепе́рь не прибѣгу́тъ, мо́лвилъ Сту́коловъ, надѣва́я шу́бу и укла́дываясь въ са́ни.

— До́шлый же ты человѣ́къ, Яковъ Про́хорычъ, мо́лвилъ Пота́пъ Макси́мычъ, когда́ опа́сность минова́лась. — Не будь тебя́, сожра́ли бы насъ. Сту́коловъ не отвѣча́лъ. Завернувшись съ голово́й въ шу́бу, онъ засну́лъ богаты́рскимъ сномъ.

347. Судьба́ моло́денькой ёлки.

Росла́ въ лѣсу́ моло́денькая ёлка, и ве́село ей бы́ло расти́ посреди́ други́хъ больши́хъ и ма́ленькихъ дерёвъ! Лѣтъ пять тому́ наза́дъ вы́ползла она́ изъ-подъ земли́ изъ роди́маго зёрнышка и щеголева́то краcова́лась подъ тѣнью больши́хъ развѣ́систыхъ е́лей. Со́лнечный лучъ, пробра́вшись сквозь ча́стую зе́лень лѣса, иногда́ дру́жески пригрѣва́лъ и ласка́лъ свѣ́жую, я́ркую зе́лень молода́го деревца́; поро́й весе́нній вѣтеро́къ мимохо́домъ тихо́нько пробира́лся сквозь его́ и́глы; а когда́ закача́ется, зашуми́тъ, забуше́уетъ ста́рый лѣсъ, тогда́ и молодо́е деревцо́ зашуше́укаетъ, отряха́я свои́ коро́тенькія вѣтки. Пуста́я, то́нкая тра́вка мѣша́лась съ ни́жними вѣтками ёлки, а здоро́вая то́лстая, со́чная верши́нка ея́ дли́нымъ сте́блемъ поднима́лась всё вы́ше и вы́ше. Сла́бый, недолговѣ́чный ку́стикъ земляни́ки пря́тался подъ не́ю въ травѣ́, и деревѣ́нскія дѣти, собира́я въ лѣсу́ я́годы, говори́ли: Како́е ма́ленькое деревцо́!

И захотѣ́лось ёлкѣ вы́расти побо́льше, и ду́малось ей: Что мнѣ дѣ́лать на свѣтѣ́, тако́й малю́ткѣ? Вы́расти бы мнѣ съ мои́хъ сосѣ́дей, кото́рые верху́шкой смо́трятъ въ даль, на поля́. Пти́чки ста́ли бы вить гнѣзда на мои́хъ вѣтва́хъ, и во вре́мя вѣ́тра я шуме́ла бы не ху́же други́хъ.

На друго́й годъ сте́бель подня́лся вы́ше, на тре́тій — ещё вы́ше; прошло́ нѣсколько лѣтъ: кора́ деревца́ окрѣпла немно́жко, и за́йцы ужъ не приходи́ли глода́ть её; но моло́денькой ёлкѣ всё хотѣ́лось вы́расти ещё бо́льше.

Зимо́ю пришли́ крестья́не и ста́ли руби́ть больши́я е́ли; они́ обруба́ли вѣ́тви и су́чья и на трёхъ лошада́хъ вывози́ли ка́ждое де́рево изъ лѣ́су,

Весно́ю молода́я ёлка спра́шивала у журавле́й и ла́сточекъ, что сдѣ́лали съ ея́ ста́ршими бра́тьями? Ла́сточки не зна́ли, а жура́вль отвѣча́лъ:

— Ви́дѣлъ я на мо́рѣ больши́е, но́вые корабли́ и на нихъ — высо́кія, стро́йныя ма́чты съ бѣ́лыми, какъ снѣгъ, паруса́ми. Они́ летѣ́ли по́ морю почти́ такъ же ско́ро, какъ вѣ́теръ. Эти-то ма́чты, я ду́маю, твои́ ста́ршіе бра́тья.

— Ахъ, что́бы мнѣ быть побо́льше! поду́мала ёлка,—и я носи́лась бы по́ морю, не отстава́я отъ бы́страго вѣ́тра.

— Ра́дуйся свое́й мо́лодости, ми́лая ёлочка! шепта́лъ ласка́ясь вѣтеро́къ. — Будь дово́льна свое́й свѣ́жестью!

И вѣтеро́къ ви́лся о́коло моло́денькихъ вѣ́токъ, и роса́ сма́чивала ихъ свои́ми ра́дужными ка́плями; но ёлочка была́ нечувстви́тельна ни къ свѣ́ту со́лнца, ни къ ла́скамъ вѣтерка́, ни къ красотѣ́ росы́.

Пе́редъ пра́здникомъ Рождества́ Христо́ва пришли́ крестья́не и ста́ли руби́ть молоды́я ёлки, они́ выбира́ли деревца́ са́мыя густы́я, вѣтви́стыя, и, стряхну́въ снѣгъ, увози́ли изъ лѣса.

— Куда́ э́то ихъ везу́тъ? говори́ла ёлка. Они́ не ста́рше меня́ и не бо́льше; куда́ ихъ везу́тъ?

— Не зна́ю, — отвѣча́лъ воро́бышекъ; — когда́ я былъ въ го́родѣ, то сѣлъ отдохну́ть на балко́нѣ, сталъ ла́пками въ холо́дный, ры́хлый снѣгъ и загляну́лъ въ око́шко. Тамъ въ чуде́сной, тёплой ко́мнатѣ, на столѣ, вся въ шелку́, въ ле́нтахъ, въ я́блокахъ, конфе́тахъ, стоя́ла моло́денькая ёлка, и на ней мно́жество свѣчей.

— А по́слѣ что съ ней дѣлали?

— По́слѣ? не зна́ю; я то́лько и ви́дѣлъ. Ла́пкамъ хо́лодно ста́ло, я и улетѣлъ, забра́лся на черда́къ и угнѣзди́лся во́злѣ трубы́; то́лько отту́да ничего́ не вида́ть.

— Ахъ, зачѣмъ я не въ го́родѣ! прошепта́ла ёлочка. Въ тёплой ко́мнатѣ я блиста́ла бы въ шелку́ и въ огня́хъ. Чѣмъ же я не хороша́? Вѣтви мои́ гу́сты, широки́... Отчего́ и меня́ не возьму́тъ въ го́родъ?

Вре́мя шло; ёлка становѝлась всё кра́ше. Оди́нъ разъ прошли́ ми́мо нея́ крестья́не и сказа́ли. — Сру́бимъ и э́ту къ Рождеству́. — И ве́село ста́ло ёлочкѣ.

Сталъ подходи́ть вели́кій пра́здникъ, и упа́ло деревцо́ подъ топоро́мъ, упа́ло оно́ съ тяже́лымъ вздо́хомъ на холо́дный снѣгъ, и бо́льно ему́ ста́ло, и жаль родна́го ле́са, и цвѣто́въ, и куста́рниковъ, и пти́чекъ кото́рыя прилета́ли къ нему́ пощебета́ть, и пуши́стаго и́нея, кото́рый осыпа́лъ её блеста́щими и́глами. Вздро́гнули вѣтки и осы́пался съ нихъ пуши́стый снѣгъ. Не ве́село бы́ло ѣхать въ го́родъ: на возу́ бы́ло мно́го други́хъ ёлокъ, и всѣмъ бы́ло тѣсно; широ́кія вѣтви помя́лись. Прі́ѣхали ёлки на ры́нокъ и печа́льно ста́ли рядко́мъ. Повеселѣла на́ша ёлка то́лько тогда́, когда́ кто-то, взгляну́въ на неё, проговори́лъ: „Вотъ э́ту возьму́; не́чего бо́льше иска́ть.“

Два челове́ка взя́ли её и принесли́ въ тёплую, свѣтлую ко́мнату. Посади́ли её въ я́щикъ съ песко́мъ, а све́рху прикры́ли песо́къ зелёнымъ шёлкомъ, Въ э́то вре́мя дрожа́ло отъ нетерпѣнія молодо́е деревцо́ и жда́ло, что бу́детъ. Дѣви́цы ста́ли его́ убира́ть; одна́ прицѣпи́ла къ вѣткѣ бума́жное гнѣздышко съ кру́глыми, какъ я́йчки, конфе́тами; друга́я навяза́ла орѣховъ, я́блоковъ; тре́тья налѣпила восковы́хъ свѣчей; на са́мой верху́шкѣ придѣлали золочёную бума́жную звѣзду́. Чуде́сно убра́ли.

— А ве́черомъ краси́вѣе бу́детъ, — сказа́лъ кто-то.

— Поскорѣе бы ве́черъ пришёлъ, — шепта́ла ёлка. — Что-то бу́детъ со мно́ю? Уви́дятъ-ли меня́ на́ши дерева́нскія е́ли? Прилетя́тъ ли воро́бышки полюбова́ться на меня́ въ око́шко?

Зажгли́ наконе́цъ свѣчи; дверь отвори́лась, вбѣжа́ли весёлой шу́мной толпо́й дѣти; они́ бѣгали, пры́гали, любова́лись краси́вымъ деревцо́мъ и понемно́гу обрыва́ли съ него́ сла́дкія украше́нія. Вотъ вдругъ вспы́хнула одна́ вѣтка и заскрипѣла; застона́ло деревцо́ и задыми́лось. Тамъ подгорѣла, тамъ вы́сохла ещё вѣтка. Бо́льно, бо́льно! Къ сча́стію, наконе́цъ погаси́ли свѣчи, и дѣти оборва́ли всѣ украше́нія; тяжело́ становѝлось деревцу́ держа́ть ла́комства, кото́рыя гну́ли къ землѣ больны́я вѣтки. Дѣти съ конфе́тами въ рука́хъ и во рту усѣлись вокру́гъ како́го-то старичка́; онъ разска́зывалъ имъ ска́зку. Пото́мъ всѣ разошли́сь. Опустѣла свѣтлая ко́мната; ста́ло въ ней темнѣе,

чѣмъ въ лѣсу́, и ти́хо всё, ти́хо; не прилети́тъ вѣтерко́къ приласка́ть помя́тыя, обо́рванныя, обожжённыя вѣтки. И ду́маетъ бѣдная ёлочка:

— До за́втра! За́втра опя́ть пра́здникъ, опя́ть наряжа́ться!

Но за́втра дверь отвори́лась, вошли́ два человѣка, взя́ли её, снесли́ на черда́къ и бро́сили въ тёмный у́голъ.

— Какъ стра́нно! ду́мала ёлочка. За что меня́ такъ бро́сили? Что бу́детъ со мно́ю?

И ста́ла она́ ду́мать, ду́мать. Недѣли проходи́ли, мѣсяцы, — всё тёмно, никто́ не прихо́дитъ.

— Не хорошо́ въ го́родѣ! ску́чно въ темнотѣ, одно́й! Въ на́шемъ пуши́стомъ лѣсу́ гора́здо лу́чше! Тепе́рь бы за́йчикъ поигра́лъ на мои́хъ корня́хъ, сини́чка прилетѣ́ла бы ве́село прозвони́ть свои́мъ свѣ́тлымъ голоско́мъ ра́достную пѣ́сню.

И до́лго она́ ду́мала, тоскова́ла. Свѣ́тлая смола́ слёзками выступа́ла изъ вѣ́токъ, и ста́ли со́хнуть, со́хнуть, желтѣ́ть и осыпа́ться больны́я, зелёныя и́глы.

348. Морска́я ка́чка.

„Бу́ря,“ сказа́ли бы вы, а мои́ това́рищи называ́ли э́то о́чень свѣ́жимъ вѣ́тромъ. Я про́бовалъ пойти́ на верхъ и́ли на у́лицу, какъ я называ́лъ ве́рхнюю па́лубу, но ходи́ть бы́ло нельзя́. Я постоя́лъ у шпи́ля, посмотрѣ́лъ, какъ мо́ре вдругъ скро́ется изъ глазъ совсѣ́мъ подъ фрега́тъ, и пе́редъ ва́ми па́луба стои́тъ сто́ймя, то вдругъ скро́ется па́луба, и вмѣ́сто нея́ очути́тся сте́на воды́, кото́рая такъ и лѣзетъ на васъ; но не бо́йтесь: она́ сейча́съ опя́ть спря́чется, то́лько держи́тесь обѣ́ими рука́ми за что-нибу́дь. Оно́ краси́во, но однообра́зно... Я ворота́лся въ о́бщую каю́ту. Тру́дно бы́ло и обѣ́дать: чуть зазѣва́ешься, таре́лка накло́нится, и ручѣ́й су́па бы́стро потечётъ по столу́ до тѣхъ поръ, пока́ обра́тный толчо́къ не пого́нитъ его́ наза́дъ. Мнѣ́ ужъ станови́лось доса́дно: дѣ́лать ничего́ нельзя́, да́же чита́ть. Си́дя ли, лёжа ли, а всё на́до ду́мать о равновѣ́сіи, упира́ться то ного́й, то руко́й. Ве́черомъ я лежа́лъ на куше́ткѣ у са́мой сте́ны, а напро́тивъ была́ со́фа, устро́енная круго́мъ биза́нь-ма́чты, кото́рая проходи́ла че́резъ каю́ту внизъ. Вдругъ поддало́, то есть шально́й, и́ли, пожа́луй, девя́тый валъ уда́рилъ въ корму́. Всѣ ухвати́лись, кто за что могъ. Я, пре́жде не́жели поду́малъ объ э́той предосторо́жности, вдругъ почу́вствовалъ, что куше́тка отдѣли́лась отъ сте́ны, а я отдѣля́юсь отъ куше́тки. „Куда́?“ мелькну́лъ у меня́ вопро́съ въ головѣ́, а за нимъ и отвѣ́тъ, на кру́глую со́фу.“ Я такъ и сдѣлалъ: распростёръ ру́ки и преспоко́йно перевали́лся на мя́гкія поду́шки кру́глой со́фы. Прису́тствовавшіе: капита́нъ Л. баро́нъ К. и кто-то ещё снача́ла поду́мали, не уши́бся ли я, и уви́дя, что нѣтъ, расхохота́лись. Но смѣ́яться на мо́рѣ безнака́занно нельзя́: кто-нибу́дь тутъ-же пойдётъ по каю́тѣ, его́ повлечётъ накло́нно по по́лу; онъ не успѣ́етъ наклони́ться и, смо́тришь, прі́обрѣлъ ши́шку на головѣ́; друга́го плечо́мъ уда́рило въ коса́къ двери, и онъ начина́етъ брани́ть, Богъ зна́етъ, кого́.

Ску́чное дѣ́ло ка́чка; всѣ недово́льны; нельзя́, какъ слѣ́дуетъ чита́ть, писа́ть, спать: ви́дны та́кже блѣ́дныя страда́льческія ли́ца.

Поря́докъ дня и но́чи нару́шенъ, кро́мѣ со́бственно морска́го поря́дка, кото́рый, напро́тивъ, усугублёнъ! но за то обѣдъ, у́жинъ и чай станов'я́тся какъ-бу́дто посторо́ннимъ дѣ́ломъ. Заня́тія, бесѣ́ды нѣтъ... про́сто, нѣтъ житья́!

12-го и 13-го января́ вѣ́теръ уже́ превра́тился въ крѣ́пкій и жесто́кій, како́го ещё у насъ не́ было. Ка́чка уси́ливалась. Изъ обои́хъ око́нъ мнѣ ви́дно бы́ло мо́ре. Что за безобра́зіе, и́ли, пожа́луй, что за краса́та!

Огро́мные холмы́ съ бѣ́лымъ гребнёмъ, съ во́емъ толка́я другъ дру́га, встаю́тъ, па́даютъ, опя́ть встаю́тъ, какъ бу́дто толпа́ вы́пущенныхъ на во́лю бѣшенныхъ звѣре́й дерётся въ остервене́ніи, то́лько бры́зги, какъ дымъ, поднима́ются, да стонъ но́сится въ во́здухѣ. Фрега́тъ взберётся на го́лову волны́, дро́гнетъ тамъ на гребнѣ́, пото́мъ упада́етъ на́ бокъ и начина́етъ скользи́ть съ горы́, спусти́вшись на дно ме́жду двухъ бугро́въ, вы́прямится, но то́лько за тѣмъ, чтобъ то́лько переваля́ться на друго́й бокъ и лѣ́зть вновь на холмъ. Когда́ онъ опу́стится внизъ, по сторона́мъ его́ вздыма́ются водяны́я стѣны. Въ каю́тѣ ла́мпы, карти́нки, виса́чій баро́метръ выта́гивались горизонта́льно. Нѣ́сколько сту́льевъ пово́льничали — бы́ло, оторва́лись отъ свои́хъ мѣ́стъ и полетѣ́ли въ у́голъ, но бы́ли по́йманы и привя́заны опя́ть. Каки́я бы, одна́ко, ни́ были взя́ты предосторо́жности проти́въ паде́нія ра́зныхъ вещё́й, но почти́ при вся́комъ толчкѣ́ что-нибу́дь да найдётъ слу́чай вы́рваться: и́ли кни́га сва́лится съ по́лки, и́ли ку́ча бума́гъ, ка́рта поползётъ по́ столу и тутъ же захва́титъ по доро́гѣ черни́льницу и́ли подсвѣ́чникъ. Вѣ́черомъ разъ упа́ла зажжённая свѣча́ и пря́мо на ка́рту. Я былъ въ каю́тѣ оди́нъ, всталъ, хотѣ́лъ побѣжа́ть, но неодоли́мая тя́жесть гну́ла меня́ къ столу́, а свѣча́ вспы́хивала сильнѣе, вотъ того́ гляди́ вспы́хнетъ и ка́рта. Я ползко́мъ подобра́лся къ ней и кое-какъ поста́вилъ на своё мѣ́сто.

„Крѣпкій вѣ́теръ, жёстокій вѣ́теръ!“ говори́лъ по времена́мъ капита́нъ, входя́ въ каю́ту и танцу́я въ ней. А вы э́то всё сиди́те? Ещё не пріобрѣ́ли морски́хъ ногъ.“ — „Я и свои́ потеря́лъ,“ сказа́лъ я. Но ему́ не вѣ́рилось, какъ э́то человѣкъ не мо́жетъ ходи́ть, когда́ но́ги есть, „Да вы вста́ньте, ну попро́буйте,“ угова́ривалъ онъ меня́. „Про́бовалъ,“ сказа́лъ я, „да безъ по́льзы, да́же со вредо́мъ и для меня́, и для ме́бели. Вотъ, пожа́луй...“ Но меня́ потяну́ло по соверше́нно-отвѣ́сной пока́тости пола́, и я побѣжа́лъ въ у́голъ, какъ давно́ не бѣгалъ. Тамъ я кулако́мъ попа́лъ въ зе́ркало, друго́й руко́й въ стѣну́. Капита́ну бы́ло смѣшно́. „Что-же вы чай не идёте пить?“ сказа́лъ онъ. „Не хочу́!“ со зло́стью сказа́лъ я. „Ну, я велю́ вамъ сдѣ́лать здѣсь.“ — „Не хочу́! повтори́лъ я... Я былъ о́чень золъ. Снача́ла ка́чка съ непривы́чки наво́дитъ страхъ. Когда́ судно́ ка́тится съ верши́ны волны́ къ ея́ подно́жію и перехо́дитъ на другу́ю волну́, оно́ дѣ́лаетъ тако́й разма́хъ, что, ка́жется, сейча́съ разсы́плется въ дре́безги; но когда́ убѣди́шься, что э́того не случи́тся, тогда́ дѣ́лается ску́чно, доса́дно, доса́да превраща́ется въ озлобле́ніе, а пото́мъ въ уны́ніе. Вре́мя идётъ ме́дленно: его́ измѣря́ешь не часа́ми, а ро́вными, тяжёлыми разма́хами судна́ и глухи́ми уда́рами волнъ въ бока́ и корму́.

Это не ти́хое чу́вство поко́рности, а чи́стая зло́ба, кото́рая пожира́етъ васъ, по́ртитъ кровь, пе́чень, желу́докъ, произво́дитъ жёлчь. Во рту су́хо, язы́къ гори́тъ. Нѣтъ ни апети́та, ни сна; ѣшь, чтобъ какъ-нибу́дь напо́лнить пра́здное вре́мя и пусто́й желу́докъ; не спи́шь, потому́-что не хо́чется спать, а забыва́ешься отъ утомле́нія въ полудремо́тѣ.

349. Кіевъ.

Ма́ло городо́въ въ Россіи, кото́рые бы имѣли тако́е карти́нное мѣстоположе́ніе, какъ Кіевъ. Въ са́момъ дѣлѣ, Кіевъ, раски́нутый по нагорьямъ пра́ваго бе́рега Днѣпра́, спосо́бенъ восхи́тить наблюда́теля, осо́бенно е́сли онъ смо́тритъ на Кіевъ изъ-за Днѣпра́ отъ броварско́й доро́ги. Ещё за пять вёрстъ до Броваро́въ т. е. за 25 до Кіева, путеше́ственникъ уже́ мо́жетъ различи́ть на синевѣ не́ба силуэ́ты ла́врской колоко́льни и други́хъ кіевскихъ церкве́й, ме́жду тѣмъ какъ всё броварско́е шоссе́ покры́то ты́сячами богомо́льцевъ, ѣдущихъ, иду́щихъ, да́же буква́льно ползу́щихъ со всѣхъ конце́въ Россіи и на всёмъ пути́ прокарми́вающихся нерѣдко одни́мъ Христо́вымъ и́менемъ. Отъ Броваро́въ неясные силуэ́ты, съ ка́ждой верстой къ Кіеву, начина́ютъ принима́ть о́бразы бо́лѣе и бо́лѣе отчётливые. Такъ, снача́ла мелька́ютъ въ отдале́ніи какъ бу́дто нѣсколько городо́въ, соединённыхъ вмѣстѣ, пото́мъ я́снѣе очёртываются: съ одно́й стороны — го́лые скло́ны горъ Ста́раго Кіева, блиста́ющаго на верху́ золоты́ми и серебряными ку́полами, а съ друго́й — гро́зныя ве́рки Кіево-пече́рской кре́пости съ виса́щею надъ ни́ми ла́врскою колоко́льнею; наконе́цъ, какъ бу́дто выходя́ изъ воды́, открыва́ется Подо́лъ съ свои́ми зелёными кры́шами, ку́полами, сада́ми, площада́ми, база́рами, на́бережною, и лѣсомъ мачтъ у при́стани,— Подо́лъ, такъ жи́во напомина́ющій то Неа́поль, то Константино́поль. Очаро́ванный чу́дною панора́мою ма́тери ру́сскихъ городо́въ, пу́тникъ проѣзжа́етъ двухвёрстный Никола́евскій мостъ, съ кото́раго круты́ми зигза́гами вели́чественнаго Нико́льскаго спу́ска поднима́ется на Пече́рскую го́ру и, оста́вивъ за собо́ю у крутѣ́йшаго изъ зигза́говъ кладби́ще съ моги́лою Аско́льда, достига́етъ Никола́евской у́лицы, т. е. верши́ны горы́. Интере́сно взгляну́ть тепе́рь на Кіевъ съ высоты́ пти́чьяго полёта. Тогда́ пече́рская гора́ предста́витъ обозрѣва́телю оригина́льное сочета́ніе дачъ, садо́въ, ро́щей и вообще́ се́льскихъ ви́довъ на скло́нахъ горы́, съ кре́постны́ми зда́ніями на верши́нѣ, изъ-за сте́нъ кото́рыхъ выгля́дываютъ византі́йскіе ку́полы и выно́сится высоко́ къ не́бу велича́вая колоко́льня знамени́той многовѣково́й Ла́вры. Направля́ясь отсю́да къ се́веру, т. е. вверхъ по Днѣпру́, обозрѣва́тель встрѣ́титъ глубо́кую лощи́ну, раздѣля́ющую Пече́рскъ отъ Ста́раго Кіева. Лощи́на, дно кото́рой живопи́сно, усѣяно дома́ми, да́чами, сада́ми, кофе́йнями, конди́торскими, магази́нами, и проч., составля́етъ Крещати́цскую у́лицу— Не́вскій проспе́ктъ Кіева. Ста́рый Кіевъ, ещё съ броварска́го шоссе́ блиста́вшій ку́полами, я́вится трёхъ-хо́лмною горо́ю, застро́енною сплошь бѣ́лыми церква́ми византі́йскаго сти́ля, и огро́мными зда́ніями новѣ́йшей архитекту́ры, и ма́ленькими свѣ́тлыми до́миками, и жа́лкими хи́жинами,

и но́выми сада́ми. Подо́лъ, каза́вшійся и́здали, и то съ угла́, какъ бы всплыва́ющимъ изъ воды́, разстила́ется одно́ю необозри́мою пло́щадью, кото́рая съ одно́й стороны́ примыка́етъ къ се́вернымъ скло́намъ Ста́раго Ки́ева, а съ друго́й ухо́дитъ косо́ю въ Дне́пръ.

350. Левъ и Лиси́ца.

Лиса́, не ви́дя съ ро́ду Льва,
Съ нимъ встре́тясь, со страсте́й оста́лась чуть жива́.
Вотъ не́сколько спустя́, опя́ть ей Левъ попа́лся;
Но ужъ не такъ ей стра́шенъ показа́лся.
А тре́тій разъ пото́мъ
Лиса́ и въ разгово́ръ пусти́лася со Львомъ. —
Ина́го та́кже мы бои́мся,
Поко́ль къ нему́ не приглядя́мся. Крыловъ.

351. Воро́на и кувши́нъ.

Во всѣхъ почти́ дѣлахъ дога́дка намъ нужна́. — Воро́на бѣдная отъ жа́жды умира́ла, и гдѣ-то на́ полѣ она́ кувши́нъ съ водо́й выска́ла. Но вотъ бѣда́: низка́ была́ для ней въ коло́дцѣ томъ вода́: какъ ста́нешь пить? Не мо́жно влѣзть туда́; кувши́нъ вели́къ, нельзя́ его́ воро́нѣ сдви́нуть, не то́лько опроки́нуть: а на́добно воды́ доста́ть. Вотъ ста́ла ка́мешки она́ въ него́ броса́ть; съ краями на равнѣ вода́ приподняла́ся, и тутъ уже́ моя́ воро́на напила́ся. Измаиловъ.

352. Ле́бедь, Щу́ка и Ракъ.

Когда́ въ това́рищахъ согла́сья нѣтъ:
На ладъ ихъ дѣ́ло не пойдётъ,
И вы́йдетъ изъ него́ не дѣ́ло, то́лько му́ка. —
Одна́жды Ле́бедь, Ракъ и Щу́ка
Везти́ съ покла́жей возъ взяли́сь,
И вмѣстѣ тро́е всѣ въ него́ впрягли́сь;
Изъ ко́жи лѣзутъ вонъ, а во́зу всё нѣтъ хо́ду!
Покла́жа бы для нихъ каза́лась и легка́!
Да Ле́бедь рвётся въ облака́,
Ракъ пя́тится наза́дъ, а Щу́ка тя́нетъ въ во́ду.
Кто винова́тъ изъ нихъ, кто правъ — суди́ть не намъ;
Да то́лько возъ и ны́нѣ тамъ. Крыловъ.

353. Куку́шка.

„Послу́шайте меня́, я не совру́!“ куку́шка говори́ла пти́цамъ, — чижа́мъ, щегля́тамъ и сини́цамъ: „была́ я далеко́, въ больше́мъ, густо́мъ бору́; тамъ слы́шала, чего́ досе́лѣ не слыха́ла, какъ солове́й поётъ. Ужъ не по на́шему! Я хорошо́ пѣва́ла, да всё не то... такъ се́рдце и замрётъ отъ ра́дости, когда́ во весь онъ го́лосъ сви́снетъ, а тамъ

защёлкаетъ иль ти́хо пу́ститъ трель: забу́дешься совсѣ́мъ, и голова́ повѝснетъ. Ну что проти́въ него́ свирѣ́ль? Диви́лась пра́во я, диви́лась... одна́ко же не потаю́: по соловьи́ному и я пѣ́ть научи́лась. Для васъ, извóльте, пропою́ точнёхонько, какъ онъ... хоти́те?"

— Пропóй, послу́шаемъ.

— Чуръ не шумѣ́ть, молчи́те! Вотъ вы́ше ся́ду на суку́. Ну слу́шайте-жъ тепе́рь: куку́, куку́, куку́! Измайловъ.

354. Зе́ркало и Обезья́на.

Марты́шка въ Зе́ркалѣ уви́дя о́бразъ свой,
Тихóхонько медвѣ́дя толкъ ногóй:
„Смотри́-ка," говори́тъ: „кумъ ми́лый мой!
Что э́то тамъ за ро́жа!
Какія у нея́ ужи́мки и прыжки́!
Я удави́лась бы съ тоски́,
Когда́ бы на неё хоть чуть была́ похóжа.
А, вѣ́дь, призна́йся, есть
Изъ ку́мушекъ мои́хъ таки́хъ кривля́къ пять-ше́сть:
Я да́же ихъ могу́ по па́льцамъ перечѣ́сть."
— „Чѣ́мъ ку́мушекъ счита́ть труди́ться,
Не лу́чше-ль на себя́, кума́, оборони́ться?"
Ей Ми́шка отвѣ́чалъ.
Но Ми́шенькинъ совѣ́тъ лишь по́-пусту пропа́лъ. Крыловъ.

355. Левъ и Волкъ.

Левъ убира́лъ за за́втракомъ ягнёнка;
А собачёнка
Верта́сь вкругъ ца́рскаго стола́,
У льва изъ-подъ когтѣ́й кусóчекъ урвала́,
И царь звѣре́й то снѣсъ, не огорча́сь ни ма́ло:
Она́ глупа́ ещё и мóлода была́.
Уви́дя то, на мы́сли вóлку вспа́ло,
Что левъ коне́чно не силёнъ,
Коль такъ смирёнъ;
И ла́пу протяну́лъ къ ягнёнку та́кже онъ.
Анъ вы́шло съ вóлкомъ ху́до:
Онъ самъ попа́лъ ко льву на блю́до.
Левъ растерза́ль его́, примóлвя такъ: „дружóкъ,
Напра́сно, смóтря на соба́чку,
Ты вздумалъ, что тебѣ́ я та́кже дамъ пота́чку.
Она́ ещё глупа́, а ты ужъ не щенóкъ. Крыловъ.

356. Волкъ и Жура́вль.

Что вóлки жа́дны, всякій зна́етъ,
Волкъ, ѣ́вши, никогда́

Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ, знаками, волкъ сталъ его манить,
И просить горю пособить.
Журавль свой носъ, по шею,
Засунулъ волку въ пасть
И съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить,
— „Ты шутишь!“ звѣрь вскричалъ коварный;
„Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унёсъ!
Поди-жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!“ Крыловъ.

357. Волкъ и Лисица.

Охотно мы даримъ.
Что намъ ненадобно самимъ;
Мы это басней поясним.
Лиса курятинки накушавшись досыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный кумъ тащится.
„Что, кумушка, бѣды!“ онъ говоритъ.
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ, —
Пришло хоть удавиться!“
— „Неужли?“ — Право такъ.“ — Бѣдняжка, куманекъ!
Да не изволишь-ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ.
Я кому услужить готова.“
А кому не сѣнца, — хотѣлось-бы мясна́го!
Да про запасъ лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошёлъ безъ ужина домой. Крыловъ.

358. Щука и Котъ.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль её лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,

Но то́лько вздýмала кота́ она́ проси́ть,
Чтобъ взялъ её съ собо́й онъ на охо́ту,
Мыше́й въ амба́рѣ полови́ть.
„Да по́лно, зна́ешь ли ты э́ту, свѣтъ, рабо́ту?
Ста́лъ Щу́кѣ Ва́ська говори́ть:
Смотри́, кума́, что́бы не осрами́ться:
Не да́ромъ говори́тся,
Что дѣло ма́стера бои́тся.“
— И, по́лно, куманёкъ! Вотъ не́видаль: мыше́й!
Мы ла́вливали и ерше́й.
„Такъ въ до́брый часъ, пойдёмъ!“ Пошли́, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И ку́мушку провѣдать онъ идётъ;
А Щу́ка, чуть жива́, лежи́тъ, рази́нувъ ротъ, —
И кры́сы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ ви́дя, что кумѣ совсѣмъ не въ си́лу трудъ,
Кумъ за́мертво стащи́лъ её обра́тно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щу́ка,
Тебѣ нау́ка,
Впередъ умнѣе быть,
И за мыша́ми не ходи́ть. Крыловъ.

359. Любопы́тный.

„Прія́тель дорого́й, здоро́во! Гдѣ ты былъ!
— „Въ кунстка́мерѣ, мой другъ! часа́ тамъ три ходи́лъ;
Всё ви́дѣлъ, вы́смотрѣлъ; отъ удивле́нья,
Пове́ришь-ли, не ста́нетъ ни умѣнья
Пересказа́ть тебѣ, ни силъ.
Ужъ по́длинно, что тамъ чудёсъ — пала́та!
Куда́ на вы́думки приро́да тарова́та!
Каки́хъ звѣре́й, каки́хъ тамъ птицъ я не вида́лъ
Какія ба́бочки, бука́шки,
Козя́вки, му́шки, тарака́шки
Однѣ, какъ изумру́дъ, другія, какъ кора́ллъ!
Какія кро́хотны коро́вки!
Есть, пра́во, ме́нѣе була́вочной голо́вки!“
— „А ви́дѣлъ-ли слона́? Како́въ собо́й на взглядъ?
Я, чай, поду́малъ, что го́ру встрѣтилъ?“
— „Да ра́звѣ тамъ онъ?“ — „Тамъ.“ — „Ну, бра́тецъ, винова́ть:
Слона́-то я и не приме́тилъ.“ Крыловъ.

360. Воро́на и Лиси́ца.

Ужъ ско́лько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна́, вредна́; но то́лько всё не впрокъ,
И въ се́рдцѣ льстецъ всегда́ оты́щетъ уголо́къ.
Воро́нѣ гдѣ-то Богъ посла́лъ кусо́чекъ сы́ру;

На ель воро́на взгромозди́сь,
Позавтракать было́ совсѣмъ ужъ собрала́сь,
Да призаду́малась, а сыръ во рту держа́ла.
На ту бѣду́ лиса́ близёхонько бѣжа́ла.
Вдругъ сы́рный духъ лису́ останови́лъ;
Лиси́ца ви́дитъ сыръ — лиси́цу сыръ плѣни́лъ;
Плуто́вка къ де́реву на цы́почкахъ подхо́дитъ,
Верти́тъ хвосто́мъ, съ воро́ны глазъ не сво́дитъ.
И говори́тъ такъ сла́дко, чуть дыша́:
„Голу́бушка, какъ хороша́!
„Ну что за ше́йка, что за гла́зки!
Разска́зывать, такъ пра́во ска́зки!
Каки́я пёрушки! како́й носо́къ!
И вѣрно а́нгельскій быть до́лженъ голосо́къ!
Спой, свѣтикъ, не стыди́сь; что, е́жели, сестри́ца
При красотѣ тако́й, и пѣть ты мастери́ца,
Вѣдь ты-бъ у насъ была́ царь-пти́ца!“
Вѣщу́ньина съ похва́лъ вскружи́лась голова́,
Отъ ра́дости въ зобу́ дыха́нье спёрло —
И на привѣтливы лиси́цыны слова́
Воро́на ка́ркнула во всё воро́нье го́рло:
Сыръ вы́палъ — съ нимъ была́ плуто́вка такова́. Крыловъ.

361. Му́ха и Пчела́.

Въ са́ду, весно́й, при лёгкомъ вѣтерке́;
На то́нкомъ стебельке́
Кача́лась му́ха, си́дя,
И на цвѣтке́ пчелу́ уви́дя,
Спѣси́во говори́тъ: Ужъ какъ тебѣ́ не лѣнь
Съ утра́ до ве́чера труди́ться цѣлый день;
На мѣстѣ бы твоёмъ я въ су́тки захире́ла.
Вотъ, наприме́ръ, моё
Такъ, пра́во, ра́йское житьё!
За мно́ю то́лько пишь и дѣла,
Лета́ть по ба́ламъ, по гостя́мъ;
И, мо́лвить не хваля́сь, мнѣ въ го́родѣ знако́мы
Вельмо́жъ и богаче́й всѣ до́мы.
Когда́-бъ ты ви́дѣла, какъ я пиру́ю тамъ!
Гдѣ то́лько сва́дьба, имени́ны —
Изъ пе́рвыхъ я ужъ вѣрно тутъ.
И ѣмъ съ фарфо́ровыхъ бога́тыхъ блюдъ,
И пью изъ хрустале́й блестя́щихъ сла́дки ви́ны,
И пре́жде всѣхъ гостей
Беру́, что вздумаю, изъ ла́комыхъ сласте́й.“
— „Всё э́то зна́ю я,“ отвѣтствуетъ Пчела́:
„Но и о томъ дошли́ мнѣ слу́хи,
Что никому́ ты не мила́,

Что на пира́хъ лишь мо́рщатся отъ му́хи
Что да́же, ча́сто, гдѣ пока́жешься ты въ домъ,
Тебя́ гоня́ютъ со стыдо́мъ.“
— „Вотъ,“ му́ха говори́тъ: „гоня́ютъ! что-жъ тако́е,
Коль вы́гонятъ въ окно́, такъ я влечу́ въ друго́е.“

Крыловъ.

362. Обезья́на.

Какъ хо́чешь ты труди́сь
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благода́рности, ни сла́вы,
Коль нѣтъ въ твои́хъ труда́хъ ни по́льзы, ни заба́вы,
Крестья́нинъ на зарѣ съ сохо́й
Надъ полосо́й свое́й труди́лся;
Труди́лся такъ крестья́нинъ мой,
Что гра́домъ потъ съ него́ кати́лся:
Мужи́къ рабо́тникъ былъ прямо́й.
За то кто ми́мо не прохо́дитъ,
Отъ всѣхъ ему́ спаси́бо, испола́ть!
Мартышку э́то въ за́висть вво́дитъ.
Хвалы́ прима́нчивы — какъ ихъ не пожела́ть!
Марты́шка вздума́ла труди́ться:
Нашла́ чурба́нъ, и ну надъ нимъ вози́ться!
Хлопо́тъ
Марты́шкѣ — по́лонъ ротъ:
Чурба́нъ она́ то понесётъ,
То такъ, то сякъ его́ обхва́титъ,
По поволо́четъ, то пока́титъ;
Рѣко́й съ бѣдня́жки льётся потъ;
И наконе́цъ она́, пыхтя́, на си́лу ды́шетъ:
А всё ни отъ кого́ похва́лъ себѣ не слыши́тъ.
И не дико́винка, мой свѣтъ!
Труди́шься мно́го ты, да по́льзы въ э́томъ нѣтъ.

Крыловъ.

363. Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, но́чью, ду́мая залѣзть въ овча́рню,
Попа́лъ на псарню.
Подня́лся вдругъ весь псарный дворъ.
Почу́я сѣраго такъ бли́зко забія́ку,
Псы залили́сь въ хлѣва́хъ, и рву́тся вонъ на дра́ку;
Псари́ крича́тъ: „Ахти, ребя́та, воръ!“
И вмигъ воро́та на запо́ръ;
Въ мину́ту псарня ста́ла а́домъ.
Бѣгу́тъ: ино́й съ дубьёмъ
Ино́й съ ружьёмъ.
— „Огня́!“ крича́тъ: „огня́!“ Пришли́ съ огнёмъ.
Мой волкъ сиди́тъ, прижа́вшись въ у́голъ за́домъ,

Зубáми щёлкая и ощетúня шерсть;
Глазáми, кáжется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но вúдя то, что тутъ не пéредъ стáдомъ,
И что прихóдитъ, наконéцъ,
Емý расчéсться за овéцъ, —
Пустúлся мой хитрéцъ
Въ перегово́ры,
И нáчалъ такъ: „Друзья́! къ чему́ весь э́тотъ шумъ?
Я вашъ старúнный сватъ и кумъ;
Пришёлъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не рáди ссóры:
Забýдемъ прóшлое, устáвимъ óбщій ладъ!
А я не тóлько впредь не трóну здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другúми гры́зться радъ.
И вóлчьей клáтвой утверждáю,
Что я...“ — „Послу́шай-ка, сосѣдъ,
Тутъ лóвчій перервáлъ въ отвѣтъ,
„Ты сѣръ, а я, прія́тель, сѣдъ,
И вóлчью вáшу я давнó натýру знáю;
И потомý обы́чай мой:
Съ волкáми и́наче не дѣлать мировóй,
Какъ сня́вши шкýру съ нихъ долóй.“ —
И тутъ же вы́пустилъ на вóлка гóнчихъ стáю. Крыловъ.

364. Двѣ собáки.

Дворóвый, вѣрный пёсъ
Барбóсъ,
Котóрый бáрскую усéрдно слýжбу нёсъ,
Увúдѣлъ стáрую свою́ знакóмку
Жужý, кудря́вую болóнку,
На мя́гкой пýховой подýшкѣ, на окнѣ.
Къ ней ла́стяся, какъ бýдто-бы къ роднѣ,
Онъ, съ умилéнья, чуть не плáчетъ
И подъ окнóмъ
Визжúтъ, вертúтъ хвостóмъ
И скáчетъ.
„Ну что, Жужýтка, какъ живёшь,
Съ тѣхъ поръ, какъ господá тебя́ въ хорóмы взя́ли.
Вѣдь, пóмнишь, на дворѣ мы ча́сто голодáли.
Какýю слýжбу ты несёшь?“
— „На сча́стье грѣхъ роптáть, Жужýтка отвѣча́етъ:
„Мой господúнъ во мнѣ души́ не чáетъ,
Живý въ довóльствѣ и добрѣ,
Ѣмъ и пью на серебрѣ;
Рѣзвлю́ся съ бáриномъ; а е́жели устáну,
Валя́юсь по ковра́мъ и мя́гкому дивáну.
Ты какъ живёшь?“ — „Я,“ отвѣчáлъ Барбóсъ,
Хвостъ плéтью опустя́ и свой повѣся носъ:

„Живу́ по пре́жнему: терплю́ и хо́лодъ,
И го́лодъ,
И сберега́ючи хозя́йскій домъ,
Здѣсь подъ забо́ромъ сплю и мо́кну подъ дождёмъ;
А е́сли не впопа́дъ зала́ю,
То и побо́и принима́ю.
Да чѣмъ же ты, Жужу́, въ слу́чай попа́лъ,
Безси́ленъ бы́вши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ, какъ я изъ ко́жи рвусь напра́сно?
Чѣмъ слу́жишь ты?“—„Чѣмъ слу́жишь! вотъ прекра́сно!“
Съ насмѣшкой отвѣча́лъ Жужу́:
„На за́днихъ ла́пкахъ я хожу́. Крыловъ.

365. Гу́си.

Предли́нной хворости́ной
Мужи́къ гусе́й гна́лъ въ го́родъ продава́ть;
И, пра́вду и́стинну сказа́ть,
Не о́чень вѣжливо чести́лъ свой гуртъ гуси́ной:
На барыши́ спѣши́лъ къ база́рному онъ дню
(А гдѣ до при́были коснётся,
Не то́лько тамъ гуся́мъ, и лю́дямъ достаётся).
Я мужика́ и не виню́!
Но гу́си и́наче объ э́томъ толкова́ли,
И, встрѣтяся съ прохо́жимъ на пути́,
Вотъ какъ на мужика́ пеня́ли:
„Гдѣ мо́жно насъ, Гусе́й, несча́стнѣе найти́?
Мужи́къ такъ на́ми помыка́етъ,
И насъ, какъ бу́дто бы просты́хъ Гусе́й, гоня́етъ;
А э́того не смы́слитъ не́учъ сей,
Что онъ обя́занъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой зна́тный родъ ведёмъ отъ тѣхъ Гусе́й,
Кото́рымъ не́когда былъ до́лженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ да́же пра́здники имъ въ честь учреждены́!“
— „А вы хоти́те быть за что отличены́?“
Спроси́лъ прохо́жій ихъ. „Да на́ши пре́дки . . . “
— „Зна́ю,
И всё чита́лъ; но вѣдать я жела́ю,
Вы ско́лько по́льзы принесли́?“
— „Да на́ши пре́дки Римъ спасли́?“
— „Всё такъ, да вы что сдѣлали тако́е?“
— „Мы? Ничего́!“—„Такъ что-жъ и до́браго въ васъ есть?
Оста́вьте пре́дковъ вы въ поко́ѣ:
Имъ по-дѣло́мъ была́ и честь;
А вы, друзья́, лишь го́дны на жарко́е.“

Басню э́ту мо́жно бы и бо́лѣ поясни́ть —
Да чтобъ гусе́й не раздразни́ть. Крыловъ.

Словарь.

А.

а, aber, und
а не то, ſonſt
аббáтъ, der Abt
авóсь, vielleicht
адресовáть, adreſſiren
адъ, die Hölle
акурáтный, pünktlich
алéя, die Allee
алтáрь, я, der Altar
áлчный, gierig
áлый, hellroth, roſenroth
алѣть, rothwerden, ſich röthen
ámбáръ, der Speicher
áнгелъ, der Engel
англíйскій, engliſch
Англія, England
англичáнинъ, der Engländer
арáбъ, der Araber
áрмія, die Armee
армя́къ, der Kittel
аромáтъ, das Aroma, der Wohlgeruch
ассигнáція, die Banknote, das Papiergeld
атáка, die Attake, der Angriff
атамáнъ, der Anführer, Hetmann
аýкаться, аýкнуться, einander zurufen
аэронáвтъ, der Luftſchiffer

Б.

бáба, das Weib
бáбка, die Großmutter
бáбочка, der Schmetterling
богрóвый, purpurn, roth
багрáный, purpurn
бадья́, der Kübel, der Eimer
базáрный день, der Markttag
базáръ, der Markt
бакла́га, die Flaſche
балагýръ, der Schwätzer, der Spaßmacher
баловáть, verwöhnen
балъ, der Ball
барабáнщикъ, der Trommelſchläger
барáнка, eine Art kleiner Kringel
барáнъ, der Hammel, der Schafbock
бáринъ, der Herr
бáрка, die Barke
бáрскій, herrſchaftlich
бáрхатъ, der Sammet
бáрыня, die Herrin
бары́шникъ, der Pferdehändler, Roßkamm
барышничать, Pferdehandel treiben
барáшъ, der Gewinn
баснопи́сецъ, der Fabeldichter
бáтюшка, das Väterchen
башкá, der Kopf
башмáкъ, der Schuh
башмачёкъ, der kleine Schuh
бáшня, der Thurm
бдúтельность, и, die Wachſamkeit
бедрó, die Hüfte, Flanke, Seite
безвóдный, waſſerlos
безврéдный, unſchädlich, ſicher
безвéстный, unbekannt
безвéтріе, die Windſtille
безграничный, unbegrenzt
безгрéшный, ſündlos
бéздна, der Abgrund
бездóмный, obdachlos
бездýшный, leblos
бездыхáнный, athemlos, leblos, todt
бездéлица, die Kleinigkeit
бездéльникъ, der Taugenichts
бездéтный, kinderlos
безжúзненный, leblos
беззаботность, и, die Sorgloſigkeit
беззаботный, ſorglos
беззащúтный, ſchutzlos

безкоры́стіе, die Uneigennützigkeit
безлу́нный, mondlos
безлю́дный, menschenleer, öde
безмо́щный, ohnmächtig, schwach
безмяте́жный, ruhig, still
безнра́вственный, sittenlos
безобра́зіе, die Mißgestalt, Häßlichkeit
безобра́зный, häßlich
безопа́сность, и, die Gefahrlosigkeit, Sicherheit
безотра́дный, freudlos
безпа́мятство, die Besinnungslosigkeit
безплю́дный, unfruchtbar
безпоко́йство, die Unruhe
безпоко́ить, beunruhigen
безпредѣ́льный, unbegrenzt
безпрекосло́вный, unweigerlich
безпрі́ютный, obdachlos
безро́потно, ohne zu murren
безсме́ртіе, die Unsterblichkeit
безстра́шный, unerschrocken
безста́ланный, unglücklich, unselig
безтре́петно, furchtlos
безхво́стный, ungeschwänzt, schwanzlos
безъиме́нный, namenlos
бе́регъ, das Ufer
бережли́вость, и, die Sparsamkeit
берёза, die Birke
березня́къ, der Birkenwald
бере́мя, die Last, die Bürde
бере́чь, hüten, bewahren
берло́га, das Lager
бесѣ́да, die Unterhaltung
бесѣ́дка, die Laube
бесѣ́довать, sich unterhalten
бизань-мачта, der Bisahn- oder Hintermast
би́ржа, die Börse, der Halteplatz der Fuhrleute
бирюза́, der Türkis
би́тва, die Schlacht
бить, schlagen, бить челомъ, bitten
би́ться, sich schlagen, klopfen
битю́къ, das Arbeitspferd
бичёвка, die Schnur
благоволи́ть, die Güte haben, wohlgesinnt sein
благово́нный, duftend, wohlriechend
бла́говѣстъ, das Geläute
благодари́ть, danken
благода́рный, dankbar
благода́рственный, dankend
благода́рствовать, danken
благода́тный, wohlthätig
благоде́нствіе, die Glückseligkeit, Wohlfahrt
благодѣ́тель, я, der Wohlthäter
благодѣ́яніе, die Wohlthat
благо́й, gütig, gut
благонра́вный, wohlgesittet
благообра́зный, wohlgestaltet
благополу́чно, wohlbehalten
благопрія́тный, günstig
благопріятствовать, günstig sein, begünstigen
благоразу́міе, der Verstand, die Einsicht
благоразу́мный, vernünftig
благоро́діе-ваше, Euer Wohlgeboren
благоро́дный, edel
благослове́нный, gesegnet
благословля́ть, благослови́ть, segnen
бла́гость, и, die Güte
благотвори́тельность, и, die Wohlthätigkeit
благотвори́тельный, wohlthätig
благоуха́ніе, der Wohlgeruch, Duft
благочести́вый, fromm
блаже́нный, selig, glücklich
блаже́нство, die Seligkeit
благоче́стіе, die Frömmigkeit
блесну́ть, blitzen, erglänzen
блесте́ть, glänzen
блестя́щій, glänzend
ближній, der Nächste
бли́зиться, sich nähern
бли́зость, и, die Nähe
блинщикъ, der Pfannkuchenbäcker
блинъ, der Pfannkuchen
блистательный, glänzend
блуждать, herumirren
блѣ́дный, bleich, blaß
бло́до, die Schüssel
бобръ, der Biber
бога́тство, der Reichthum
бога́тый, reich
богатырскій, heldenmäßig, ritterlich
боготы́рь, я, Held, Ritter, Recke
бога́тье, Feuer
богатѣ́ть, reich werden
бога́чъ, der Reiche
богобоязли́вый, gottesfürchtig
богомо́лецъ, der Pilger
богоро́дица, die Mutter Gottes
Богъ, Gott
бо́дрость, и, Rüstigkeit
бо́дрствовать, wachen
бо́дрый, rüstig
боецъ, der Kämpfer
божи́ться, schwören
бой, der Kampf
бо́йкій, rasch, treffend
бокъ, die Seite
боло́нка, das Vologneserhündchen
болоти́стый, sumpfig
боло́то, der Sumpf
болта́ть, schwatzen
боль, и, der Schmerz
больни́ца, das Krankenhaus
бо́льно, schmerzlich
больно́й, krank
большакъ, der Aelteste
большо́й, groß
большу́щій, sehr groß
болѣ́ть, schmerzen
боре́нье, das Ringen
борзо́й, rasch

бормота́ть, murmeln
бо́ровъ, der Querschornstein
борода́, der Bart
борода́тый, bärtig
борозда́, die Furche
борона́, die Egge
боронúть, eggen
бороться, ringen, kämpfen
боръ, der Fichtenwald
борьба́, der Kampf
босико́мъ, barfuß
босо́й, barfuß
боть, der Einmaster
бо́чка, das Faß
боя́зно, ängstlich
боя́ться, sich fürchten
боя́ринъ, der Bojare
бра́жка, das Dünnbier
бранúть, schelten
брань, и, das Schelten
бра́тія, die Brüderschaft, die Brüder
братъ, der Bruder
брать, nehmen
бревéнчатый, aus Balken gemacht
бревно́, der Balken
брегъ, das Ufer
бре́мя, die Last
брехáть, kläffen, bellen
брилиáнтъ, der Brillant
брита́нецъ, der Britte
брить, rasiren
бри́чка, die Halbkalesche
бровь, и, die Augenbrauen
бродя́га, der Landstreicher
броненóсецъ, der Panzerträger, das Panzerschiff
бро́нза, die Bronze
броса́ть, бро́сить, werfen, -ся sich stürzen
брусни́чный, Heidelbeeren=
брусóкъ, der Schleifstein
бры́зги, овъ, der Wasserstaub
брызжáть, spritzen
брю́хо, der Bauch
брю́шко́, das Bäuchlein
бря́кнуть ружьé, die Flinte schultern
бýбенъ, die Pauke
бугóръ, der Hügel
будúть, wecken
бýдто, gleichwie
бузина́, der Hollunder, Flieder
бýйный, ungestüm
букáшка, das Käferchen
бýква, der Buchstabe
буквáльно, buchstäblich
була́вка, die Stecknadel
була́вочная голóвка, der Stecknadelkopf
була́тъ, der damascirte Stahl
булы́жникъ, der Feld=, Pflasterstein
булы́жный кáмень, der Feld=, Pflasterstein
бульвáръ, der Boulevard
бумáга, das Papier
бумáжка, das Zettelchen
бумáжникъ, die Brieftasche
бумáжный, baumwollen
бунтовáть, revoltiren
бурлáкъ, der Arbeiter auf Flußfahrzeugen
бýркунъ, der Honigklee
бурмúстское зерно́, die Zahlenperle
бýрный, stürmisch
бýрый, schwarzbraun
буты́лка, die Flasche
буты́лочка, das Fläschchen
бушевáть, rauschen
бушýя, rauschend
бывáлый, erfahren
бывáть, zu sein pflegen
бúвшій, gewesen
быкъ, der Ochs, Stier
былúнка, das Gräschen
былóй, vergangen
быстрина́, die Strömung
быстрокры́лый, leicht beschwingt
быстрота́, die Schnelligkeit
бы́стрый, flink, rasch
бытность, и, der Aufenthalt
бѣ́гать, laufen
бѣ́гство, die Flucht
бѣгъ, der Lauf
бѣжáть, laufen, fliehen
бѣда́, das Unglück
бѣ́дный, arm
бѣдня́га, der Arme
бѣдня́къ, der Arme
бѣ́дствіе, das Unglück
бѣлена́, das Tollkraut
бѣ́ленный, weiß getüncht
бѣлёшенькій, ganz weiß
бѣлизна́, die Weiße
бѣлогрýдый, weißbrüstig, mit weißer Brust
бѣлокáменный, aus weißen Steinen
бѣлоснѣ́жный, schneeweiß
бѣлоýсъ, das Nardengras
бѣ́лый, weiß
бѣлье́, die Wäsche
бѣлѣ́ть, weiß schimmern
бѣ́шенство, die Wuth
бѣ́шеный, wüthend

В.

вáжность, и, die Wichtigkeit
вáжный, wichtig, vornehm
валéжникъ, das Bruchholz
валёкъ, das Strängenholz, der Waschbläuel
валя́ть, валúть, wälzen; -ся sich wälzen, abfallen
валъ, der Wall, die Welle
вáнта, die Wante

ва́рево, die Suppe, Zuthat
вблизи́, in der Nähe
вбить, hineinſchlagen
вбѣжа́ть, hineinlaufen
вверхъ, nach oben
вводи́ть, ввести́, hineinführen
вво́лю, in Fülle
ввѣря́ть, ввѣ́рить, anvertrauen
вдалекѣ́, in der Ferne
вдали́, fern
вдво́е, doppelt
вдвоёмъ, ſelbander, zu zweien
вдова́, die Wittwe
вдовѣ́цъ, der Wittwer
вдо́воль, vollauf, genug
вдоль, längs
вдохновѣ́нный, begeiſtert
вдругъ, plötzlich
ведро́, der Eimer
вездѣ́, überall
вести́, führen, fahren, ziehen; вести кому́ glücken
вѣ́кша, das Eichhörnchen
великанъ, der Rieſe
великоду́шіе, die Großmuth
великоду́шный, großmüthig
велича́ть, ehren
вели́чественный, majeſtätiſch
вели́чество, die Majeſtät
величина, die Größe
вели́чіе, die Größe, Erhabenheit
вельмо́жа, der Große, Magnat
велѣ́ть, befehlen
вѣ́на, die Vene, Blutader
вѣ́рба, die Weide
верблю́дъ, das Kameel
верёвка, der Strick, das Seil
веретено́, die Spindel
веретьё, der Sack
вѣ́рки, die Befeſtigungswerke
верну́ться, zurückkehren
верстово́й, Werſt-
вертѣ́ться, ſich winden, drehen
верхо́мъ, reitend
верху́шка, der Gipfel
верхъ, die Spitze, das Verdeck eines Wagens
верши́на, die Höhe, der Gipfel
весели́ть, erfreuen
весельча́къ, der heitere Menſch, Spaßvogel
весло́, das Ruder
весна́, der Frühling
вести́, führen
весьма́, ſehr
ве́тхій, alt
ветчина́, geräucherter Schinken
вечёрня, der Abendgottesdienſt, die Abendmeſſe.
ве́черъ, der Abend
ве́шній, Frühlings-
вешня́къ, die Schleuſe
вещи́ца, die unbedeutende Sache, die Kleinigkeit
вещь, и, die Sache
взапуски, um die Wette
взбира́ться, взобра́ться hinaufklettern
взбѣси́ться, toll werden
взвали́ть, aufladen
взви́згивать, взви́згнуть, aufheulen
взви́ться, hinaufſliegen, emporflattern
взволнова́ться, in Bewegung gerathen
взгляну́ть, einen Blick werfen
взгля́дъ, der Blick
взго́рье, die Anhöhe
взгромаживаться, взгромозди́ться, hinaufklettern
вздохну́ть, aufathmen
вздохъ, der Seufzer
вздыха́ть, вздохну́ть, ſeufzen
вздра́гивать, вздро́гнуть, erbeben
вздрема́ть, вздремну́ть, etwas ſchlafen
вздума́ться, auf den Gedanken kommen
вздури́ться, aufgebracht ſein
вздуть, aufblaſen
взира́я-не, ungeachtet
взлета́ть, взлете́ть, auffliegen, aufflattern, ſich emporſchwingen
взма́хивать, взмахну́ть, ſchwingen
взма́чивать, взмочи́ть, befeuchten
взмоли́ться, anfangen zu flehen
взмо́рье, der Strand
взоръ, der Blick
взро́слый, erwachſen
взрыва́ть, взорва́ть, ſprengen
взры́хленный, aufgelockert
взрѣ́зывать, взрѣ́зать, aufſchneiden
взыска́ть, ſtreng fordern; невзыщи́те, entſchuldigen Sie
взя́тый, genommen
взять, nehmen
взя́ться, unternehmen
ви́димо, не ви́димо, zahllos
ви́дный, ſichtbar
виднѣ́ться, ſichtbar ſein
видъ, der Anblick
ви́дѣть, ſehen
визгъ, das Gewinſel, Gequik
визжа́ть, quiken
ви́ла, die Gabel, Heugabel
виля́ть, повиля́ть, wedeln
вина́, die Schuld
вини́ть, anklagen, beſchuldigen
вино́, der Wein
винова́тый, ſchuldig
виногра́дникъ, der Weinberg
виногра́дъ, die Weintraube
винокуръ, der Branntweinbrenner
винтъ, die Schraube
ви́сельникъ, der Galgenſtrick, Spitzbube
висѣ́ть, hängen
вить, flechten, winden

ви́ться, sich schlängeln
ви́тязь, я, der Held
вихрь, я, der Wirbelwind
ви́шня, die Kirsche
вкола́чивать, вколоти́ть, einrammen
вко́панный, eingegraben
вку́сный, schmackhaft
вкусъ, der Geschmack
вла́га, das Naß, die Fluth
владѣ́лецъ, der Besitzer
владѣ́ніе, die Besitzung
владѣ́ть, beherrschen, besitzen
влады́чица, die Beherrscherin
вла́жный, feucht
властели́нъ, Herrscher
власть, и, Macht, Herrschaft
влета́ть, влетѣ́ть, hineinfliegen
влія́ніе, der Einfluß
вложи́ть, hineinlegen
влѣ́зть, hineinkriechen
вмѣ́стѣ, zusammen
вмѣ́шиваться, вмѣша́ться, sich hineinmischen
внеза́пно, plötzlich
внизъ, herunter
внима́ніе, die Aufmerksamkeit
внима́тельный, aufmerksam
внима́ть, zuhören, vernehmen
внукъ, der Enkel
вну́тренность, и, das Innere
внутри́, inwendig
вну́чекъ, das Enkelchen
вну́чка, die Enkelin
внуша́ть, внуши́ть, einflößen
вня́тно, vernehmlich
во́все, ganz, во́все не, gar nicht
вогна́ть, hineintreiben
вогну́тый, eingebogen, hohl
вода́, das Wasser
водворя́ть, водвори́ть, einsetzen, feststellen
води́ться, üblich sein, Gebrauch sein
во́дка, der Branntwein
водоёмище, das Reservoir, Bassein
водола́зъ, der Taucher
водопа́дъ, der Wasserfall
водопо́й, die Tränke
водопо́лье, die Ueberschwemmung
водосто́гная труба́, die Dachrinne
водяни́стый, wässerig
воева́ть, Krieg führen
воево́да, der Wojewode, Heerführer
воево́дскій, Wojewodschafts-
вое́нное дѣ́ло, das Kriegshandwerk
вожа́къ, der Führer
вожа́тый, der Führer
возбужда́ть, возбуди́ть, erregen
возвраща́ть, возврати́ть, zurückgeben; -ся, zurückkehren
возвыша́ться, возвы́ситься, sich emporschwingen, erheben
возвы́шенность, и, die Erhebung, Anhöhe
возвѣща́ть, возвести́ть, verkünden
возгорди́ться, stolz werden
возде́рживаться, воздержа́ться, sich enthalten
возде́ржность, и, die Enthaltsamkeit
во́здухъ, die Luft
возду́шный, luftig
возжа́, die Leine
вози́ться, sich abmühen
возлага́ть, возложи́ть, auferlegen
возмо́жность, и, die Möglichkeit
возмуще́ніе, die Empörung
вознагражда́ть, вознагради́ть, entschädigen, belohnen
возника́ть, возни́кнуть, entstehen
возово́й, Zug-
возража́ть, возрази́ть, entgegnen
возражда́ться, возроди́ться, sich erneuern, sich wiederbeleben
во́зрастъ, das Lebensalter
возстава́ть, возста́ть, auferstehen, sich erheben
возъ, das Fuder
возъимѣ́ть — наде́жду, Hoffnung schöpfen
во́инъ, der Krieger
во́йлокъ, der Filz
война́, der Krieg
во́йско, das Heer
вокру́гъ, ringsum
волкъ, der Wolf
волна́, die Welle
волне́ніе, das Wogen, die Aufregung
волни́стый, wellig
воло́вій, Büffel-
волосо́къ, das Härchen
волостно́й голова́, der Dorfälteste
во́лосъ, das Haar
волше́бница, die Zauberin
волъ, der Ochs, Stier
во́льный, frei
во́ля, die Freiheit, der Wille
вонъ, hinaus
вопи́ть, laut klagen
вопль, я, das Klagegeschrei
вопро́съ, die Frage
вори́шка, der kleine Dieb
воркова́нье, das Girren
воробе́й, der Sperling
воро́бышекъ, der kleine Sperling
ворова́ть, stehlen
воро́вка, die Diebin
воро́на, die Krähe
воронёнокъ, die junge Krähe
вороне́ный, damascirt
ворони́ха, das Krähenweibchen
вороно́й, rabenschwarz, der Rappe
во́ронъ, der Rabe
вороньё, die Rabenfamilie
ворота́, ъ, die Pforte
вороти́ть, zurückbringen; -ся, zurückkehren, umkehren
во́ротъ, der Kragen

воро́чать, umwenden; -ся, zurückkehren
ворошёкъ, das Häuflein
ворча́нье, das Knurren
ворча́ть, brummen, murren
воръ, der Dieb
восклица́ть, воскли́кнуть, ausrufen
воскреса́ть, воскре́снуть, auferſtehen
воспале́ніе, die Entzündung, Gluth
воспита́ніе, die Erziehung
воспи́тывать, воспита́ть, erziehen
воспо́льзоваться, benutzen, genießen
воспомина́ть, ſich erinnern, gedenken
востокъ, der Oſten
восто́ргъ, das Entzücken
восто́рженный, entzückt
восто́чный, öſtlich, morgenländiſch
восхища́ть, восхити́ть, entzücken
восхище́ніе, das Entzücken
вотъ, ſiehe, dort
воцаря́ться, воцари́ться, den Thron beſteigen, anfangen zu herrſchen
впасть, hineinfallen, ſich ergießen
впередъ, voraus
впечатле́ніе, der Eindruck
впива́ться, впи́ться, ſich feſtbeißen
впи́хивать, впихну́ть, hineinſtecken, hineinſtoßen
впопадъ, zur rechten Zeit
вправду, wirklich, in der That
впро́чемъ, übrigens
впряга́ться, впря́чься, ſich vorſpannen
впрямь, wirklich
впуска́ть, впусти́ть, einlaſſen
врагъ, der Feind
вра́жескій, feindlich
вра́ка, die Lüge
врачъ, der Arzt
вре́мя, die Zeit
врозь, auseinander
всадникъ, der Reiter
все, immer
Всевы́шній, der Allerhöchſte
вселе́нная, das Weltall
всели́ть, всели́ть, einflößen, einpflanzen
всемі́лостивѣ́йшій, allergnädigſt
всемі́рная вы́ставка, die Weltausſtellung
всётаки, dennoch
вска́кивать, вскочи́ть, aufſpringen
вскара́бкиваться, вскара́бкаться, mühſam hinaufklettern
вскачь, im Galopp
вски́дываться, вски́нуться, ſich werfen
вскри́чать, ausrufen
всколыха́ться, всколыхну́ться, aufwallen
вскользь, flüchtig
вско́рѣ, bald
вскружи́ть, ſchwindelig machen
вскружи́ться, ſchwindeln
вскрыва́ться, вскры́ться, ſich öffnen
вслѣдъ, hinten nach
всма́триваться, всмотре́ться, aufmerkſam anſehen
вспа́рхивать, вспорхну́ть, aufflattern
вспле́снуть ру́ки, die Hände zuſammenſchlagen
вплыва́ть, вплыть, auftauchen
вспола́шивать, вспола́шить, beunruhigen
вспо́мнить, ſich erinnern
вспоможе́ніе, die Hilfe
вспомоществова́ніе, die Unterſtützung
вспотѣть, in Schweiß kommen
вспу́танный, aufgeſcheucht
вспы́хивать, вспыхнуть, aufleuchten, aufblitzen
встава́ть, встать, aufſtehen
вста́скивать, встащи́ть, hinaufziehen
встрево́житься, unruhig werden
встрепену́ться, auffahren, aufwachen, ſich ſchütteln
встре́чный, entgegenkommend, entgegenwehend
встрѣча́ть, встрѣ́тить, empfangen, begrüßen; -ся, begegnen
встря́хиваться, встряхну́ться, ſich ſchütteln
вступа́ть, вступи́ть, eintreten
всходи́ть, взойти́, aufgehen, hinaufſteigen
всхра́пывать, всхрапну́ть, aufſchnarchen
всякъ, jedermann
вся́ческій, auf jede Art
втихомо́лку, verſchwiegen, geheim
второ́пно, zum zweiten Mal
вурдала́къ, der Vampyr
входъ, der Eingang, Eintritt
вцѣпля́ться, вцѣпи́ться, ſich feſtklammern
вчера́, geſtern
вчера́шній, geſtrig
въѣздъ, die Einfahrt, der Einzug
вы́борный, der Abgeordnete
вы́боръ, die Auswahl
вы́бранить, ausſchelten
выбра́сывать, вы́бросить, hinauswerfen
вы́браться, herauskommen
выбыва́ть, вы́быть, ausſcheiden
выбѣ́ливаться, выбѣ́литься, ſich weißfärben
вы́варить, auskochen
вы́веденный, herausgebracht
вывёртывать, вы́вернуть, herausdrehen, umkehren; -ся, ſich herauswickeln, entkommen
выводи́ть, вы́вести, herausführen
вы́водокъ, die Brut
выворачивать, nach außen biegen
вы́вѣдать, erforſchen
выга́дывать, вы́гадать, ausſinnen, herausbekommen
вы́года, der Vortheil
вы́годный, vortheilhaft
выгоня́ть, вы́гнать, heraustreiben
выгружа́ть, вы́грузить, ausladen

выдава́ть, вы́дать, ausgeben, verrathen; за-мужъ, verheirathen; -ся, hervortreten
вы́дача, die Auszahlung
вы́думка, der Einfall, die Erfindung
выдь, komm heraus
выдѣ́лывать, thun, machen
выдѣля́ть, вы́дѣлить, abtheilen
выдѣля́ться, выдели́ться, hervortreten
выжива́ть, вы́жить, fortschaffen, hinausbringen
выздора́вливать, вы́здоровѣть, gesund werden
вызыва́ть, вы́звать, herausrufen
вызыва́ться, вы́зваться, sich erbieten
выи́скивать, вы́искать, auslesen
выи́скиваться, вы́искаться, sich melden
выка́пывать, вы́копать, austreten
выкарабка́ться, sich herausarbeiten
вы́катъ — на, hervorstehend (Augen)
выки́дывать, вы́кинуть, hinauswerfen
выклёвывать, вы́клюнуть, aushacken, auspicken
выко́вывать, вы́ковать, ausschmieden
выкра́шенный, bemalt
вы́купъ, das Lösegeld
вы́лазка, der Ausfall
вылива́ть, вы́лить, ausgießen
вылинивать, вы́линять, ausfallen von Haaren, Federn
вылѣ́чивать, вы́лѣчить, heilen
вы́мазанный, beschmiert, bestrichen
вымазывать, вы́мазать, bestreichen
выма́нивать, вы́манить, herauslocken
вымета́ть, вы́мести, ausfegen
вымеща́ть, вы́местить, entgelten lassen, sich entschädigen
вы́молвить, aussprechen
вынима́ть, вы́нуть, herausnehmen
выноси́ть, вы́нести, hinaustragen, austragen
выны́ривать, вы́нырнуть, auftauchen
вы́орать, auspflügen
вышива́ть, вы́шить, austrinken
выписно́й, ausländisch
выполза́ть, вы́ползти, hervorkriechen
выполне́ніе, die Ausführung
выполня́ть, вы́полнить, ausführen
выпра́шивать, вы́просить, erbitten
выпровожа́ть, вы́проводить, begleiten, das Geleite geben
выпряга́ть, вы́прячь, ausspannen
выпрямля́ться, вы́прямиться, sich gerade ausstrecken
вы́пуклый, erhaben, bauchig
выпуска́ть, вы́пустить, herauslassen
выпу́тываться, вы́путаться, sich herauswickeln
вы́пучить глаза́, die Augen aufsperren
вы́пятить, hervorstrecken
вы́работка, die Ausarbeitung, Bearbeitung
выра́внивать, вы́ровнять, gleich machen
выраже́ніе, der Ausdruck
вырази́тельный, ausdrucksvoll, beredt
вырастать, вы́расти, aufwachsen
выруча́ть, вы́ручить, befreien
вырыва́ться, вы́рваться, sich losreißen
высаживать, вы́садить, herausſetzen, herausnehmen
высаживаться, вы́садиться, sich ausschiffen, landen
вы́селокъ, die Ansiedelung
выска́зывать, вы́сказать, aussprechen
выска́кивать, вы́скочить, herausſpringen
высо́кій, hoch
высокоблагоро́діе, — ва́ше, Euer Hochwohlgeboren
высокомѣ́рный, hochmüthig
высота́, die Höhe
вы́спаться, sich ausschlafen
вы́ставка, die Ausstellung
выставля́ть, вы́ставить, ausstellen
вы́стоять, zu Ende stehen, anhören
вы́строить, erbauen, aufstellen
вы́стрѣлить, losschießen
вы́стрѣлъ, der Schuß
выступа́ть, вы́ступить, hervortreten, einherschreiten
вы́сунуть, hervorstrecken
высыла́ть, вы́слать, hinausschicken
вы́сыпать, ausschütten
высыха́ть, вы́сохнуть, verdorren
высь, и, die Höhe
вытаскивать, вы́тащить, herausziehen
вытека́ть, вы́течь, herausfließen
вы́терпѣть, ertragen, aushalten, sich enthalten
вытёсывать, вы́тесать, behauen, glätten
вытра́вливать, вы́травить, herausſetzen
вы́требовать, fordern
выть, heulen
выта́гивать, вы́тянуть, ausstrecken
выхвата́ть, вы́хватить, herausziehen
выходи́ть, вы́йти, hinausgehen, aussteigen
вы́ходъ, der Ausgang
вычёсывать, вы́чесать, auskämmen
вы́четъ, der Abzug
вышиба́ть, вы́шибить, herausschanzen
вышина́, die Höhe
вѣда́ть, вѣ́сть, ausfressen, abfressen
вьюга, das Schneegestöber
вьюшка, die Klappe
вѣ́дать, wissen
вѣ́домость, и, die Kunde
вѣдь, denn, ja
вѣ́дьма, die Hexe
вѣ́жливый, höflich
вѣ́ко, das Augenlied
вѣ́ковой, hundertjährig
вѣкъ, das Jahrhundert, Leben
вѣне́цъ, die Krone
вѣнча́ть, krönen
вѣ́ра, der Glaube

вѣрно, gewiß
вѣрный, ſicher
вѣроя́тно, wahrſcheinlich
вѣрующій, gläubig
вѣсть, и, die Nachricht
вѣтви́стый, äſtig
вѣтвь, и, der Zweig
вѣтеръ, der Wind
вѣтка, der Zweig
вѣточка, der kleine Zweig
вѣтреный, windig
вѣчный, ewig
вѣшать, hängen
вѣщу́нъ, der Wahrſager, Prophet
вѣять, wehen
вяза́нка, das Bündel
вязать, binden
вя́нуть, свя́нуть, welken
вя́тка, ein Pferd aus dem Wjatkaſchen Gouvernement

Г.

га́вань, и, der Hafen
гада́нье, das Wahrſagen
гада́ть, wahrſagen
га́дина, das Ungeziefer
газе́та, die Zeitung
газъ, das Gas
га́лка, die Dohle
га́лька, der kleine Kieſelſtein
гамъ, der Lärm
га́снуть, erlöſchen
гва́рдія, die Garde
гвоздь, я, der Nagel
гдѣ, wo
геро́й, der Held
ге́тманъ, der Hetmann
ги́бель, и, der Untergang, das Verderben
ги́бкій, biegſam
ги́бкость, и, die Biegſamkeit
ги́бнуть, vergehen, untergehen
гимнъ, die Hymne, der Lobgeſang
главнокома́ндующій, der Oberanführer
глава́, die Kuppel
гла́вный, Haupt-
гла́дкій, eben, glatt
гладъ oder го́лодъ, der Hunger
гладь, и, die Glätte, der Spiegel des Waſſers
глазо́къ, das Aeuglein
глазъ, das Auge
глазѣ́ть, gaffen
гласъ oder го́лосъ, die Stimme
глаша́ть, гласи́ть, verkünden, rufen
гли́на, der Lehm
гли́нистый, lehmig
гли́няный, irden, lehmern
глода́ть, nagen
глубо́кій, tief
глубина́, die Tiefe
глубь, и, die Tiefe
глупо́й, dumm
глухо́й, taub, hohl, dumpf
глуши́на, die rauhblätterige Birke
глуши́ть, erſticken, verwildern
глушь, и, das Dickicht, der abgelegene Ort
гли́ба, der Klumpen
глядь, ſiehe
гляде́ть, ſehen
гляну́ть, einen Blick werfen
гнило́й, verfault
гну́сный, ſchändlich
гнуть, biegen
гнѣвъ, der Zorn
гнѣдо́й, braun, der Braune
гнѣздышко, das Neſtchen
говори́ть, ſprechen
говорли́вый, geſprächig
го́воръ, das Sprechen
говя́дина, das Rindfleiſch
гогота́ть, ſchnattern
годи́ться, taugen
го́дный, tauglich
голо́вка, Kopf, Köpfchen, Knopf
головня́, der Feuerbrand
голода́ть, hungern
голо́дный, hungrig
го́лодъ, der Hunger
голоси́стый, mit lauter Stimme begabt
го́лосъ, die Stimme
голу́бенькій, blau
голубова́тый, bläulich
голубо́й, blau
голу́бчикъ, mein Lieber
го́лубь, я, die Taube
голуба́тня, der Taubenſchlag
го́лый, nackt, blos
голя́къ, der Habenichts
гомози́ться, wimmeln
гоне́цъ, der Bote
го́номъ, eilends
го́нчая, der Jagdhund
гоня́ться, гна́ться, jagen, verfolgen
гора́, der Berg
гора́здо, weit, viel
горба́тый, buckelig
горбу́нъ, der Buckelige
горбъ, der Buckel
горделя́вый, ſtolz, üppig
горди́ться, ſtolz ſein
го́рдость, и, der Stolz
го́рдый, ſtolz
го́ре, der Kummer
го́ресть, и, die Trauer
го́рлинка, das Turteltäubchen
го́рло, die Kehle
го́рлышко, der Hals

го́рница, die Stube
го́рный прохо́дъ, der Bergpaß
городни́чій, der Stadtvogt
городово́й, der Schutzmann, der Polizeiunterofficier.
городско́й, Stadt=
го́родъ, die Stadt
горо́хъ, die Erbsen
го́рсточка, eine kleine Handvoll
горсть, и, die Handvoll
горшо́къ, der Topf
горше́чникъ, der Töpfer
го́рькій, bitter
горѣ́ть, brennen, funkeln, glühen
горю́чій, brennend
горя́чій, heiß
горя́чка, Nervenfieber
господи́нъ, der Herr
Госпо́дь, а, Gott der Herr
гостепріи́мный, gastlich, einladend
гости́нецъ, das Geschenk
гости́ница, das Gasthaus
гости́нный дворъ, der Kaufhof
гость, я, der Gast
государственный, Staats=
госуда́рь, я, der Monarch, Herrscher, Herr
гото́вить, bereiten
гото́вле́нье, die Bereitung, das Traktament
гото́вность, и, Bereitwilligkeit
гото́вый, fertig, bereit
гра́бля, die Harke
градъ, der Hagel
граждани́нъ, der Bürger
гра́мота, das Lesen und Schreiben, die Urkunde
грани́тъ, der Granit
грани́ца, die Grenze
грачъ, die Dohle
гре́бень, я, der Kamm, Hechelkamm
гре́бля, der Damm
гремѣ́ть, erschallen
греча́, der Buchweizen
гре́чневый, Buchweizen=
грибъ, der Pilz
гри́ва, die Mähne
гри́вна, der Halsschmuck, 10 Kopeken
гробо́къ, der kleine Sarg
гробъ, der Sarg
гроздъ, die Traube
грози́ть, drohen
гро́зный, drohend
грома́да, die Masse, der Schwall
грома́дный, ungeheuer groß
гро́мкій, laut
громоотво́дъ, der Blitzableiter
громъ, der Donner
гротъ-рей, die Großrah
грошъ, der Groschen
грубѝть, grob sein
гру́бый, grob, brutal
гру́да, die Masse, der Haufen
грудно́й ребёнокъ, der Säugling
грудь, и, die Brust
груздь, der Pfefferschwamm
гру́зный, beladen, befrachtet
грузъ, die Ladung
грусти́ть, sich betrüben
грусть, и, die Traurigkeit, der Gram
гру́ша, die Birne
гру́шевый, Birn=
грызть, nagen, beißen
грѣ́шникъ, der Sünder
гряда́, das Beet, Gartenbeet, die Reihe
грязь, и, der Schmutz
гря́нуть, donnern
губа́, die Bucht, der Meerbusen
губе́рнія, das Gouvernement
гу́бка, der Schwamm
гудѣ́ть, summen, dumpf tönen
гу́зка, der Sterz, Bürzel
гу́лкій, schallend
гулъ, der dumpfe Ton, das Getöse
гульба́, das Spazieren
гуля́ка, der Müßiggänger, Schwärmer
гуля́ть, spazieren
гумно́, die Tenne
гуртъ, die Heerde
гурьба́, die Schaar
гусёкъ, das Gänslein
гуси́ный, Gänse=
густо́й, dicht
гусь, я, die Gans

Д.

дава́й, wollen wir
дава́ть, дать, geben
дава́ться, да́ться, sich lassen
дави́ть, drücken, würgen
давне́нько, schon lange
да́вній, längst geschehen, alt
давно́, längst
да́же, sogar
далеко́, weit
даль, и, die Ferne
да́льній, weit, fern
да́нный, gegeben
дари́ть, schenken
дарова́ть, verleihen
да́ромъ, umsost
даръ, die Gabe
да́тчанинъ, der Däne
да́ча, das Geben, das Landhaus
дая́ніе, die Gabe
дверь, и, die Thür
дви́гаться, дви́нуться, sich rühren
движе́ніе, die Bewegung

дворе́цъ, der Palaſt
дворня́шка, der Hofhund
дворцо́вый, Schloß- Palaſt-
дворъ, der Hof
дворяни́нъ, der Edelmann
дворя́нка, die Edelfrau
двугри́венный, 20 Kopekenſtück
дебрь, и, das Bergthal, die Schlucht
дежу́рный, dejourirend
денни́ца, die Morgenröthe
день, я, der Tag
де́ньги, ъ, das Geld
деньжо́нки, ъ, das Geld
дере́вня, das Dorf
де́рево, der Baum, das Holz
дёргать, zupfen, ziehen
держа́вный, mächtig
держа́ться, ſich feſthalten
де́рзкій, frech
дерзнове́нный, verwegen, kühn
де́рзость, и, die Frechheit
дёрнуть, zupfen
дёрнъ, der Raſen
деся́токъ, zehn Stück
деся́тскій, der Gehilfe des Dorfſchulzen
дива́нъ, das Sopha
ди́во, das Wunder
дивова́ться, диви́ться, ſich wundern, ſtaunen
ди́кій, wild
дикобра́зъ, das Stachelſchwein
дико́винка, das Wunder
дискъ, die runde Scheibe
дитя́тко, das Kindchen, liebes Kindchen
дичи́ться, menſchenſcheu ſein, fliehen
дичь, и, das Wild
длина́, die Länge
длинноу́хій, langohrig
дли́нный, lang
дли́ться, dauern
днёвка, der Raſttag
дно, der Grund
добива́ться, доби́ться, trachten, erlangen
добира́ться, добра́ться, trachten nach etwas, zu erreichen ſuchen, erlangen
добро́, das Gut, die Habe
добово́льно, freiwillig
добродѣтель, и, die Tugend
добросо́вѣстный, gewiſſenhaft
доброта́, die Güte
добыва́ть, добы́ть, erwerben, erlangen
добы́ча, die Beute
добѣжа́ть, hinlaufen, erreichen
довершать, довершить, vollenden
довести́, hinführen
довози́ть, довезти́, hinfahren
дово́льный, zufrieden
дово́льство, der Wohlſtand
довѣріе, das Vertrauen
довѣря́ть, довѣрить, anvertrauen
дога́дка, die Vermuthung, Ueberlegung
дога́дливый, erfinderiſch
дога́дываться, дога́даться, auf den Gedanken kommen
договоръ, die Uebereinkunft, der Vertrag
догоня́ть, догна́ть, einholen
догора́ть, догоре́ть, ausbrennen, aufhören zu brennen
дождевой, Regen-
до́ждикъ, der feine Regen
дожди́нка, der Regentropfen
до́ждичекъ, feiner Regen
дождли́вый, regneriſch
дождь, я, der Regen
доживать, дожи́ть, ableben, erleben
дожида́ться, дожда́ться, erwarten
дозволя́ть, дозво́лить, erlauben
дозо́ръ, die Rundwache, Runde
дозрѣва́ть, дозре́ть, reif werden
доказа́тельство, der Beweis
дока́зчикъ, der Ankläger
дока́зывать, доказа́ть, beweiſen
доку́чный, zudringlich
долби́ть, hacken, picken
до́лго, lange
долговѣ́чный, unverwüſtlich
долго́нько, ſehr lange
долгъ, die Schuld, Pflicht
до́лженъ — я, ich muß
до́лжный, ſchuldig
доли́на, das Thal
доложи́ть, melden
доло́й, herunter
долото́, der Meißel
долъ, das Thal
до́льній, des Thales
долѣза́ть, долѣзть, hinkriechen
до́ля, das Loos, das Theil
домашніе, die Hausgenoſſen
домо́й, nach Hauſe
доморо́щенный, von eigener Zucht
домъ, das Haus
доноси́ть, донести́, melden
доно́съ, die Anklage
донынѣ, bis jetzt
доплачивать, доплати́ть, bezahlen
допро́съ, das Verhör
допуска́ть, допусти́ть, zuzahlen
допы́тываться, erforſchen
доро́га, der Weg
дорого́й, theuer
дорого́ю, unterwegs
доро́дство, die Beleibtheit
дорожа́ть, дорожи́ть, ſchätzen
доро́жка, der Pfad
доса́да, der Aerger
доса́дно, ärgerlich
досе́лѣ, bis jetzt
досе́лѣ, bis jetzt
доска́, das Brett, die Tafel
досма́тривать, досмотре́ть, bemerken, auf-paſſen

доспѣхъ, die Rüſtung
достава́ть, доста́ть, erreichen
достава́ться, доста́ться, zu Theil werden
доставля́ть, доста́вить, verſchaffen
доста́токъ, das Vermögen, der Ueberfluß
доста́точный, hinlänglich
достига́ть, доста́гнуть, erreichen
досто́йный, würdig
досту́пный, zugänglich
досу́жій, flink
досу́гъ, die freie Zeit, die Muße
до́сыта, ſatt
дото́лѣ, bis dahin
дотро́гиваться, дотро́нуться, berühren
дохну́ть, athmen
доходи́ть, дойти́, gelangen, erreichen
дохо́дъ, die Einnahme
до́шлый, liſtig, gerieben
дощѐчка, das Brettchen
драгоцѣ́нность, и, die Koſtbarkeit
драгоцѣ́нный, koſtbar
дразни́ть, necken
дра́ка, die Schlägerei, der Kampf
дра́ться, kämpfen
дре́безги, ъ, die Scherben
древеси́на, der Holzſtoff
дре́вле, vor Alters
дре́вній, alt
дре́вность, и, das Alterthum
дрема́ть, ſchlummern
дре́млющій, ſchlummernd
дремо́та, der Schlummer
дремо́тно, ſchläferig
дрему́чій, düſter, dunkel
дроби́ть, trommeln, trillern
дробь, и, der Bruch, der Triller
дрова́, das Brennholz
дро́вни, ей, der Bauernſchlitten
дровосѣ́къ, der Holzhacker
дро́ги, ъ, der Leichenwagen
дро́гнуть, ſchauern, erbeben
дрожа́ть, zittern
дрожа́щій, zitternd
дрожь, и, der Schauder
друго́й, der andere
другъ, der Freund
дру́жба, die Freundſchaft
дружи́ться, Freundſchaft ſchließen
дружи́ще, der Freund
дру́жный, einig, freundſchaftlich
дружо́къ, das Freundchen
дря́блый, welk
дря́нный, ſchlecht, elend
дря́хлый, ſchwach, hinfällig, kraftlos
дуби́на, der Knittel, die Keule
дублёный, gegerbt
дубо́вый, Eichen-
дубра́ва, der dichte Wald
дубъ, die Eiche
дубьё, der Knittel
дуга́, der Bogen
ду́дка, die Flöte
ду́ло, der Lauf
ду́ма, der Gedanke
ду́мать, denken
дупло́, die Höhlung eines Baumes
дура́къ, der Thor, Narr
дурале́й, der Thor
дура́чина, der Erznarr
ду́рень, я, der Einfältige
дурно́й, ſchlecht
дурь, и, die Thorheit, die Albernheit
дуть, blaſen, wehen
ду́ться, ſchmollen
духовни́къ, der Beichtvater
духо́вный, geiſtlich
духъ, der Geiſt, Geruch
душа́, die Seele
душегрѣ́йка, der Seelenwärmer
ду́шенька, mein Herzchen
души́стый, duftig
души́ть, würgen
ду́шный, ſchwül
дыбы́ — становѝться на дыбы́, ſich bäumen
дыми́ться, rauchen, dampfen
ды́мный, rauchig
дымъ, der Rauch
дыра́, das Loch
дыха́ніе, der Athem
дыша́ть, athmen
дѣви́ца, die Jungfrau
дѣви́чникъ, der Polterabend
дѣвка, das Mädchen
дѣвочка, das Mädchen
дѣдовскій, großväterlich
дѣдъ, der Großvater
дѣйстви́тельность, и, die Wirklichkeit
дѣйстви́тельный, wirklich
дѣйствовать, wirken
дѣлать, machen
дѣлёжъ, die Theilung
дѣли́ть, theilen
дѣло, die That, Acte; въ са́момъ дѣлѣ, in der That, wirklich
дѣльный, nützlich
дѣти, ей, die Kinder
дѣти́на, der Burſche
дѣтище, das Kind
дѣтство, die Kindheit, Jugend
дю́жій, kräftig, robuſt
дюжина, das Dutzend
дюймъ, der Zoll
дя́дя, der Oheim, Onkel
дя́дюшка, das Onkelchen
дя́телъ, der Specht

Е.

ева́нгеліе, das Evangelium
евре́й, der Jude
егѵ́птянинъ, der Egypter
егозли́вый, unruhig
едва́, beinahe
еди́нственный, einzig
ежего́дно, jährlich
еженеде́льно, wöchentlich
е́ле ѣаит

еловый, Tannen-
ель, и, die Tanne
е́льникъ, der Tannenwald
епи́скопъ, der Bischof
ёршъ, der Kaulbars
е́сли, wenn
ехи́дна, die Viper, Natter
ещё, noch

Ж.

жа́ба, die Kröte
жа́воронокъ, die Lerche
жа́дность, и, die Gier
жа́дный, gierig, durstig
жа́жда, der Durst
жа́лоба, die Klage
жа́лобный, kläglich
жа́лкій, armselig
жа́ловать, verleihen
жа́ловаться, klagen
жаль, es ist Schade
жарко́е, der Braten
жаръ, glühende Kohlen, die Gluth
жа́тва, die Ernte
жать, ernten
жа́ться, sich zusammendrängen
жва́чка, das Wiedergekaute
ждать, warten
же, aber
жева́ть, kauen
жезлъ, der Stab
жёлтый, gelb
желу́докъ, der Magen
жёлчь, и, die Galle
желѣзный, eisern
жемчу́гъ, die Perlen
жемчу́жина, die Perle
жена, die Frau
жена́тый, verheirathet
жени́ться, heirathen
жени́хъ, der Bräutigam
же́нщина, das Weib, Frauenzimmer
жёрдочка, eine dünne Stange
жеребе́цъ, der Hengst

жёрновъ, der Mühlstein
же́ртва, das Opfer
жёсткій, hart
жесто́кій, grausam, hart
жесть, и, das Blech
жечь, brennen
живо́й, lebendig, rasch
живопи́сецъ, der Maler
живопи́сный, malerisch
живо́тное, das Thier
жи́дкость, и, die Flüssigkeit
жи́дкій, flüssig
жи́ла, die Ader
жили́ще, die Wohnung
жи́лка, das Aederchen
жильё, die Wohnung, Etage
жи́рный, fett
жиръ, das Fett
жи́тель, я, der Einwohner
жи́тельство, der Aufenthalt
жи́тница, der Speicher
жи́то, das Korn, Getreide
жить, leben
житьё, das Leben
жнецъ, der Schnitter
жни́во, das Stoppelfeld
жрать, fressen
жре́бій, das Loos
жужжа́ть, summen
жура́вль, я, der Kranich
жури́ть, schelten, den Kopf waschen
журча́нье, das Murmeln
журча́ть, murmeln
жу́тко, unbehaglich

З.

за, für
заба́ва, das Vergnügen, der Zeitvertreib
забавля́ть, ergötzen, amüsiren
забавля́ться, sich amüsiren
заба́вникъ, der Spaßmacher
заба́вный, scherzhaft
забира́ть, забра́ть, zusammennehmen
забира́ться, забра́ться, hineinschleichen
заби́ть, hineinschlagen

забія́ка, der Händelmacher, Raufbold
заблиста́ть, заблесте́ть, erglänzen
заблуди́вшійся, der Verirrte
заболе́ть, erkranken
забори́стый, stark, scharf
забо́ръ, der Zaun
забо́титься, sorgen
забо́тливость, и, die Fürsorge
забо́тливый, besorgt

забрани́ть, anfangen zu ſchelten
забра́сывать, забро́сить, verſchlagen
забре́зживаться, забре́зжиться, anfangen zu dämmen
заброди́ть, забрести́, einkehren, ſich wohin verirren, gerathen
забушева́ть, anfangen zu rauſchen
забыва́ть, забы́ть, vergeſſen
забы́вчивость, и, die Vergeßſamkeit
забѣга́ть, забѣжа́ть, vorlaufen
зава́жничать, anfangen den Vornehmen zu ſpielen
зава́ливаться, зава́литься, ſich verrammen
заверещать, anfangen zu piepen
завести́сь, ſich einniſten
завива́ться, зави́ться, ſich ſchlingen, locken, ſich einwickeln
зави́дный, beneidenswerth
зави́дѣть, erblicken
завизжа́ть, anfangen zu heulen
зави́стливый, neidiſch
зави́стникъ, der Neider
за́висть, и, der Neid
завлека́ть, завле́чь, wohin locken
заводи́ть, завести́, einführen; заводи́ть разгово́ръ, ein Geſpräch anknüpfen
завóдскій, Zucht=
завóдъ, die Fabrik
завоёванный, erobert
завоева́тель, я, der Eroberer
завози́ться, raſcheln
заволи́ть, anfangen laut zu klagen
заворачивать, заворoти́ть, einkehren
завсегда́, beſtändig
за́втра, morgen
за́втракать, frühſtücken
за́втракъ, das Frühſtück
завыва́ть, зава́ть, anfangen zu heulen
завѣ́тъ, das Teſtament
завѣща́ніе, das Vermächtniß, Teſtament
завѣща́ть, vererben, vermachen
завяза́ть, завя́знуть, einſinken
зага́дочный, räthſelhaft, doppelſinnig
загати́ть, abdämmen
заглохнуть, verwildern
загля́дывать, загляну́ть, hineinſehen, hineinblicken
загля́дываться, загляну́ться, in Anſchauen ſich verſenken
заговѣ́ться, die Faſten beginnen
загорѣ́лый, verbrannt
загорѣ́ться, anfangen zu brennen
загребать, загрести́, zuſammenſcharren
загромождать, verſperren
задавать, зада́ть, vorlegen; страху́, Angſt einflößen
задави́ть, erwürgen
зада́токъ, das Handgeld
зада́ча, die Aufgabe
заде́рживать, задержа́ть, aufhalten
заде́ржка, der Aufenthalt
за́дній, der hintere
задо́рный, hitzig
задо́ръ, die Ereiferung
задрема́ть, einſchlummern
задрожа́ть, anfangen zu zittern
заду́вать, заду́ть, ausblaſen, auslöſchen
заду́мывать, заду́мать, auf den Gedanken kommen
задушевный, herzlich
задъ, der Hintertheil
задыми́ть, anfangen zu rauchen
задыха́ться, задо́хнуться, erſticken
задѣ́льный, Arbeits=
заёмное письмо́, der Pfandbrief
заёмъ, die Anleihe
зажа́рить, ausbraten
зажи́точный, wohlhabend
зажму́рить, ſchließen, zumachen
зазвенѣ́ть, anfangen zu klingeln
зазѣва́ться, ſich nicht vorſehen
заика́ться, ſtottern
зайчи́шка, das Häslein
зака́пывать, закопа́ть, zuſchütten
зака́ркать, anfangen zu krächzen
закати́ться (глаза́), brechen (Augen)
зака́тъ, der Horizont
закача́ться, anfangen zu ſchwanken
заки́дывать, заки́нуть, auswerfen
закипа́ть, закипѣ́ть, anfangen zu ſieden
закла́дъ, die Wette
закла́дывать, закла́сть, verlegen
заклеи́вать, заклеи́ть, verkleben
заклинаться, закля́сться, ſich verſchwören
заключа́ть, заключи́ть, ſchließen, enthalten
зако́нный, geſetzlich
зако́нченный, abgeſchloſſen
зако́нъ, das Geſetz
закопоши́ться, anfangen zu kribbeln
закра́дываться, закра́сться, einſchleichen
закра́шенный, bemalt, beſtrichen
закрести́ть, ein Kreuz darüber machen
закрича́ть, ausrufen, anfangen zu ſchreien
закружи́ться, ſich drehen
закрыва́ть, закры́ть, zudecken
закры́ваться, закры́ться, ſich ſchließen
закры́тый, bedeckt
закури́ть, anrauchen
закуси́ть, einen Imbiß nehmen
заку́тываться, заку́таться, ſich einhüllen
зала́ять, anfangen zu bellen
залета́ть, залетѣ́ть, hineinfliegen
залётный, angeflogen
заливать, зали́ть, auslöſchen
заливаться, зали́ться, überſchwemmen, in lautes Bellen ausbrechen
зали́въ, die Bucht
зали́зывать, зализа́ть, zu lecken, heil lecken
залихва́тскій, luſtig, munter
зало́гъ, das Pfand, die Caution

заломи́ть ша́пку, einknicken
залпъ, die Salve
залѣза́ть, залѣзть, hineinkriechen
залюбова́ться, ſich anfangen zu intereſſiren
заманивать, заманѝть, verlocken
замаскирова́ть, maskiren
замахну́ть, ſchwingen
заме́длиться langſamer werden
за́мертво, halbtodt
замира́ть, замере́ть, abſterben, erſtarren
за́мокъ, das Schloß
замолча́ть, verſtummen, ſchweigen
заморѝть, abjagen
замо́рскій, ausländiſch
за́мыселъ, die Abſicht
замыча́ть, anfangen zu brüllen, ſchreien
замѣня́ть, замѣни́ть, erſetzen
замѣча́ніе, die Bemerkung
замѣча́тельный, bemerkenswerth
замѣча́ть, замѣ́тить, bemerken
замѣ́шкаться, zögern, lange verweilen
замяу́кать, anfangen zu miauen
за́навѣсъ, der Vorhang
занемога́ть, занемо́чь, krank werden
занима́тельный, intereſſant
занима́ть, заня́ть, einnehmen, beſetzen
занима́ться, заня́ться, ſich beſchäftigen
заноси́ть, занести́, verwehen
заня́тіе, die Beſchäftigung
заора́ть, anfangen laut zu ſchreien
заохать, anfangen zu ſtöhnen
западня́, die Falle
за́падъ, der Weſten
запа́ливать, запали́ть, anzünden
запаса́ться, запасти́сь, ſich verſorgen
запа́сливый, haushälteriſch
запасно́й, vorräthig
запа́съ, der Vorrath
за́пахъ, der Geruch
запа́чкивать, запа́чкать, beſchmutzen
запечатанный, verſiegelt
запива́ть, запи́ть, anfangen zu trinken
запира́ть, запере́ть, ſchließen, einſchließen
запи́ска, der Zettel
запи́сочка, das Zettelchen
запища́ть, anfangen zu piepen
запла́кать, anfangen zu weinen
заплати́ть, bezahlen
заплета́ть, заплести́, zuflechten
запора́шивать, запороши́ть, leicht überſchneien
запорожскій, Saporoger
запо́ръ, der Verſchluß
запра́шивать, запроси́ть, verlangen
запру́да, der Damm
запру́живать, запруди́ть, eindämmen
запряга́ть, запря́чь, vorſpannen
запря́тывать, запря́тать, verſtecken
запу́тывать, запу́тать, verwickeln
запыла́ть, auflodern
запыха́вшись, außer Athem
запя́тки, ъ, das Trittbrett
зарабо́тка, der Verdienſt
зарабо́тывать, зарабо́тать, verdienen, erwerben
зара́нѣе, im Voraus
зардѣ́ться, ſich röthen
за́рево, die Morgenröthe, der Feuerſchein
заревѣ́ть, anfangen zu brüllen
заржавѣ́вшій, verroſtet
заржа́вѣть, verroſten
заробѣ́ть, die Faſſung verlieren
зарóсшій, verwachſen
зарыда́ть, anfangen laut zu weinen
зарыча́ть, anfangen zu brüllen
зарѣ́зывать, зарѣ́зать, ſchlachten
заря́, die Morgenröthe
заса́да, der Hinterhalt
засверка́ть, anfangen zu blitzen
засвиста́ть, anfangen zu pfeifen
засвѣча́ть, засвѣти́ть, anzünden
заси́живаться, засидѣ́ться, ſich feſtſitzen, zu lange ſitzen
заскрипѣ́ть, anfangen zu kniſtern
заслу́га, der Verdienſt
заслу́живать, заслужѝть, verdienen
заслы́шаться, ſich hören laſſen
засмѣя́ть, auslachen
засмѣя́ться, anfangen zu lachen
засо́въ, der Riegel
заспа́нный, verſchlafen
заспо́рить, anfangen zu ſtreiten
заста́ть, заста́ть, antreffen
заставля́ть, заста́вить, zwingen laſſen, befehlen
застига́ть, застигну́ть, überraſchen
застрѣ́ливать, застрѣли́ть, erſchießen
застыва́ть, засты́ть, erkalten, erſtarren
засу́нуть, hinterſtecken
засыпа́ть, засы́пать, überſchütten
засыпа́ть, засну́ть, einſchlafen
засѣ́сть, ſich niederlaſſen
зата́лкивать, затолка́ть, feſt ſtoßen
зате́пливать, зате́плить, anzünden
затеса́ться, ſich hinein drängen
затиха́ть, затихнуть, ruhig werden, ſich beruhigen
зати́шье, die Windſtille
затопѝть, anheizen
затоплённый, überſchwemmt
затопля́ть, затопѝть, überſchwemmen
затрепыха́ться, raſſeln
затрещать, anfangen zu krachen
затруби́ть, anfangen zu blaſen
затрудне́ніе, die Schwierigkeit
затрудня́ть, затрудни́ть, erſchweren
затылокъ, der Nacken
затѣя, der Einfall
затѣ́йница, der Spaßvogel
затѣ́мъ, darauf

затя́гивать, затяну́ть, anſtimmen
зау́треня, die Frühmeſſe
захва́тывать, захвати́ть, erfaſſen, ergreifen
захвора́ть, erkranken
захире́ть, anfangen zu kränkeln
захлёстывать, захлесну́ть, einen Knoten zuziehen
захло́пнуться, zuſchlagen, zuklappen
захло́пывать, захло́пать, anfangen zu klatſchen
заходи́ть, зайти́, herantreten, untergehen
захо́жій, der Fremde
захотѣть, wollen
захохота́ть anfangen zu lachen
зацвѣта́ть, зацвѣсти́, aufblühen
зацѣпля́ть, зацѣпи́ть, anhacken
зача́ливать, зача́лить, befeſtigen
зачѣмъ, warum
зашата́ться, anfangen zu wanken, herumzuirren
зашёй, въ in's Genick
зашелохну́ть, ſich rühren, bewegen
зашепта́ть, зашепну́ть, anfangen zu flüſtern
зашиба́ть, зашиби́ть, erwerben
зашива́ть, зашить, einnähen
зашипѣть, anfangen zu ziſchen
зашушу́кать, anfangen zu flüſtern
защёлкать, защелкну́ть, anfangen zu ſchlagen
защемля́ть, защеми́ть, zuſammenklemmen
защи́та, der Schutz
защи́тникъ, der Vertheidiger
защища́ться, защити́ться, ſich vertheidigen, ſchützen
заѣда́ть, заѣсть, nacheſſen
заѣхать, einkehren
за́яцъ, der Haſe
звать, позва́ть, rufen
зва́ніе, der Stand
звони́ть, läuten
звонкій, klingend, tönend, laut
звонъ, das Geläute
звукъ, der Ton, Laut
звуча́ть, tönen, klingen
зву́чный, tönend, klingend
звѣзда́, der Stern
звѣри́нецъ, die Menagerie
звѣрь, я, das Thier
зда́ніе, das Gebäude
здорове́нный, kerngeſund
здорово, guten Tag
здоро́вье, die Geſundheit
здра́вствовать, ſich wohl befinden; здра́вствуй, guten Tag; здра́вствуетъ, es lebe!
здра́вый, geſund
здѣшній, hieſig
зеленова́тый, grünlich
зеленоку́дрый, grünbelaubt
зелёный, grün
зе́лень, и, das Grüne
зеленѣть, grünen
земледѣлецъ, der Landmann
земля́, die Erde
земля́къ, der Landsmann
земляни́ка, die Erdbeere
земля́нка, die Erdhütte
земно́й, irdiſch
зе́ркало, der Spiegel
зерно́ das Korn
зерца́ло, der Spiegel
зи́гзагъ, das Zickzack
зима́, der Winter
зи́ять, gähnen
злати́ть, vergolden
зла́то, das Gold
зла́чный, grasreich
зли́ться, böſe werden, toben
зло́бно, boshaft
зловѣщій, unheilverkündend
злодѣйскій, verbrecheriſch
злой, böſe
злость, и, die Wuth
злоупотребле́ніе, der Mißbrauch
змѣй, der Drachen
змѣя́, die Schlange
знако́мецъ, der Bekannte
знако́мка, die Bekannte
знако́мый, bekannt
знамени́тый, berühmt
знаме́ніе, das Zeichen
зна́ніе, die Kenntniß
зна́тность, и, die Vornehmheit
зна́тный, vornehm
знать, wiſſen
зна́харь, я, der Hexenmeiſter, Zauberer
значе́ніе, die Bedeutung
зна́читься, angeführt, genannt ſein
зной, die Hitze, Gluth
зно́йный, heiß, glühend
зобъ, der Kropf,
зовъ, der Ruf
зола́, die Aſche
золоти́стый, goldig
золоти́ть, vergolden
зо́лото, das Gold
золото́й, golden
золо́ченный, vergoldet
зо́нтикъ, der Sonnen-, Regenſchirm
зо́рька, die Morgenröthe
зо́ркій, ſcharfſichtig
зракъ, der Blick
зри́тель, я, der Zuſchauer
зрѣ́лище, das Schauſpiel
зрѣ́лый, reif
зрѣ́ніе, das Geſicht, Sehen
зрѣть, ſehen, reifen
зуба́стый, mit ſcharfen Zähnen verſehen
зубе́цъ, die Zinne
зубъ, der Zahn, die Zacke
зы́бка, die Schaukelwiege

зы́кій, schwankend, schaukelnd
зыбь, и, die Meeresfluth
зѣва́ка, der Gaffer
зѣва́ть, gähnen, gaffen
за́бликъ, der Fink
зять, я, der Schwiegersohn, Schwager

И.

и́ва, die Weide
ивня́къ, das Weidengebüsch
игла́, die Nadel
и́го, das Joch
игра́, das Spiel
игра́ть, spielen
игри́вый, lustig, lebhaft
идеа́лъ, das Ideal
и́долъ, der Götze
идти́, gehen
изба́, die Hütte, die Stube
избавля́ть, изба́вить, befreien
изби́тый, zerschlagen
избра́ніе, die Wahl
и́збранный, erwählt
избу́шка, das Hüttchen
избы́токъ, der Ueberfluß
избѣга́ть, избѣ́гнуть, vermeiden
избѣ́жаніе, die Vermeidung
извине́ніе, die Entschuldigung
извиня́ться, извини́ться, sich entschuldigen
изводи́ть, извести́, vertilgen, verderben, tödten
изво́лить, belieben, geruhen
изво́щикъ, der Fuhrmann
извѣ́стіе, die Nachricht
извѣ́стный, bekannt
извѣща́ть, извѣсти́ть, benachrichtigen
изги́бъ, die Biegung
и́згородь, и, ein geflochtener Zaun
изготовля́ть, изгото́вить, anfertigen
издалёка, aus der Ferne
издер́живать, издержа́ть, ausgeben
издыха́ніе, das Aushauchen des Athems
издыха́ть, издо́хнуть, ausathmen, verenden
издѣва́ться, spotten
изжа́рить, braten, ausbraten
иззяба́ть, иззя́бнуть, durchfrieren
изла́вливать, изло́вить, wegfangen
изла́мываться, излома́ться, zerbrechen
и́зморозь, и, der Rauchfrost
измо́ченный, abgemattet
изме́на, der Verrath
измѣня́ть, измѣни́ть, verändern, verrathen
изнемога́ть, изнемо́чь, schwach werden, erliegen
изнеможе́ніе, die Ermattung
изно́шенный, abgetragen
изнуря́ть, изнури́ть, erschöpfen
изоби́ліе, der Ueberfluß
изобража́ть, изобрази́ть, darstellen
изображе́ніе, die Darstellung
изобрѣта́тель, я, der Erfinder
изобрѣта́тельность, и, die Erfindungsgabe
изобрѣте́ніе, die Erfindung
изобрѣтённый, erfunden
изощря́ть, изостри́ть, schärfen
изразцо́вый, Kachel-,
изруба́ть, изруби́ть, zerhacken
изрыва́ть, изры́ть, durchwühlen
и́зрѣдка, von Zeit zu Zeit, dann und wann
изрѣзывать, изрѣзать, durchschneiden
изступле́ніе, die Wuth, der Wahnsinn
изсыха́ть, изсо́хнуть, vertrocknen
изувѣ́чивать, изувѣ́чить, verstümmeln
изумлённый, erstaunt
изумру́дный, smaragden
изумру́дъ, der Smaragd
изчезать, изчезнуть, verschwinden
изъявля́ть, изъяви́ть, bezeigen
ико́на, das Muttergottesbild
именины, ъ, der Namenstag
и́менно, namentlich
импера́торъ, der Kaiser
императри́ца, die Kaiserin
имперія, das Kaiserreich
иму́щество, das Vermögen, die Habe
име́ніе, das Vermögen, Besitzthum
имѣ́ть, haben
и́мя, der Name
ина́че, anders, sonst
и́нда, so daß
индѣ́ецъ, der Indianer
инду́шка, die Truthenne
инко́гнито, incognito, unter fremdem Namen
и́нокъ, der Mönch
иностра́нецъ, der Ausländer
иноходецъ, der Paßgänger
инструме́нтъ, das Instrument, Werkzeug
интере́сный, interessant
иска́тельство, das Bestreben, Trachten
исключе́ніе, die Ausnahme
и́скра, der Funke
и́скриться, funkeln
иску́санный, zerbissen
иску́сный, geschickt, kunstfertig
иску́ство, die Kunst
и́сповѣдь, и, die Beichte
исполня́ть, испо́лнить, erfüllen
испо́ртиться, schlecht werden, verderben
испо́рченный, verdorben
исправле́ніе, die Verbesserung
исправля́ть, испра́вить, verbessern
испро́бовать, untersuchen
испу́ганный, erschreckt
испу́гъ, der Schreck
испуска́ть, испусти́ть духъ, den Geist aushauchen

испы́тывать, испыта́ть, prüfen, kennen lernen
истека́ть, исте́чь, entſpringen; -кровью, verbluten
и́стина, die Wahrheit
и́стинный, wahr, wahrhaft, wirklich
исто́рія, die Geſchichte
исто́чникъ, die Quelle
исхо́дъ, der Ausgang
исцара́пывать, исцара́пать, zerkratzen

К.

каба́къ, die Schenke
каба́нъ, der Eber
каблучёкъ, der Abſatz
кагане́цъ, die Schale, Lampe
ка́дка, die Kufe, der Zuber
ка́ждый, jeder
кажи́сь, ich glaube, mir ſcheint
каза́къ, der Koſak
каза́ть, zeigen
казачёкъ, der kleine Koſak
кази́стый, anſehnlich, hübſch
казна́, die Kaſſe, das Geld
казначе́й, der Schatzmeiſter, Rentmeiſter
казни́ть, richten
казнь, и, die Todesſtrafe
каки́мъ о́бразомъ, auf welche Weiſe
како́й, was für einer
какъ, wie
кале́ка, der Krüppel
камелёкъ, der Kamin
ка́мень, я, der Stein
ка́мера, die Kammer
ка́мешекъ, das Steinchen
камы́шъ, das Rohr, Schilf
кана́ва, der Graben
кана́тъ, das Seil, Tau
кану́нъ, der Vorabend
ка́пать, tropfen
капита́нъ, der Kapitän
капите́ль, и, das Kapitäl, Säulenknauf
капка́нъ, das Falleiſen
ка́пля, der Tropfen
капу́ста, der Kohl
карава́й, ein rundes Brod
карау́лить, Wache halten, bewachen
карау́льный, wachthabend
каре́та, die Kutſche
ка́рій, braun
ка́ркать, ка́ркнуть, krächzen
ка́рла, der Zwerg
карма́нъ, die Taſche
карни́зъ, das Geſims
карти́на, das Gemälde, Bild
карти́нка, das Bildchen
карти́нный, maleriſch
каса́тельно, betreffend
каса́ться, betreffen
ката́ться, ſich wälzen, ſpazieren fahren
кати́ть, rollen
ката́къ, die Rolle
катышёкъ, das Kügelchen, Klümpchen
кау́зъ, der Mühlenkaſten
кафта́нъ, der Rock
кача́ть, ſchaukeln, wiegen
кача́ться, ſich ſchaukeln
ка́чка, das Schaukeln, Schwanken
ка́ша, der Brei, die Grütze
ка́шица, der Brei, die Grütze
каю́та, die Kajüte
ква́кать, quacken
ква́гу́шка, der Froſch
ква́сить, ſäuern, einſäuern
квасъ, der Kwas
кедръ, die Ceder
ке́лья, die Zelle
кива́ть, кивну́ть, nicken
кида́ть, werfen
кида́ться, ки́нуться, ſich werfen
кипу́чій, ſiedend
кипѣть, ſieden
кирпи́чный, Ziegel-
кирпи́чъ, der Ziegel
киса́, der Beutel, Sack
кисе́йный, Muſſelin-
кисе́ль, я, der Mehlbrei
ки́слый, ſauer
ки́сточка, der Büſchel
кисть, и, der Pinſel, die Traube, der Büſchel
ки́шка, der Darm
кіо́та, der Schrein
кладби́ще, der Kirchhof
кладъ, der Schatz
кла́панъ, die Klappe, das Ventil
класть, legen
клева́ть, picken
кле́веръ, der Klee
клевета́, die Verläumdung
клей, der Leim
кле́нъ, der Ahorn
кли́кать, кли́кнуть, rufen
клинъ, der Keil
клокота́ть, brodeln
клокъ, der Büſchel
клохта́ть, glucken
клочёкъ, das Zipfelchen, Büſchelchen
кло́чка, der Büſchel, Fetzen, das Stück
клуби́ться, wirbeln
клубо́къ, der Knäul
клубъ ды́ма, die Rauchwolke
клѣтка, der Käfig
клѣтча́тый, gewürfelt
клѣть, и, die Klete, Vorrathskammer
клювъ, der Schnabel

ключъ, der Schlüssel, die Quelle
клятва, der Schwur
клячa, der Klepper
книга, das Buch
книгопродавецъ, der Buchhändler
кнутовище, der Peitschenstiel
кнутъ, die Peitsche
князь, я, der Fürst
кобенякъ, die Karutze
кобылятина, das Stutenfleisch
коварный, tückisch
ковать, schmieden
ковёръ, der Teppich
ковшикъ, das Trinkgeschirr
когда, als
коготь, я, die Kralle
когтистый, mit Krallen versehen
кое-гдѣ, hier und da, an manchen Orten
кожа, die Haut
коза, die Ziege
козёлъ, der Ziegenbock
козлы, ъ, der Kutschbock
козочка, das Zickel
козявка, das Käferchen
колдунья, die Hexe, Zauberin
колесо, das Rad
колея, die Wagenspur, das Geleise
количество, die Menge
колкій, spitzig, beißend
колода, der Klotz
колодецъ, der Brunnen
колодка, der Leisten
колоколъ, die Glocke
колокольня, der Glockenthurm
колокольчикъ, das Glöckchen
колосъ, die Aehre
колотить, schlagen, klopfen
колпакъ, die Nachtmütze
колъ, der Pfahl
колыбелька, die Wiege
колыхать, schaukeln
колышекъ, der Pflock
кольцо, der Ring
колѣно, das Knie
колѣнопроклонённый, fußfällig, mit gebeugten Knieen
коляска, die Kalesche
комаръ, die Mücke
коммисаръ, der Kommissär
комната, das Zimmer
комокъ, der Knäul
комъ, der Klumpen
конвертъ, das Couvert
кондиторская, die Conditorei
конецъ, das Ende
конный, Pferde-
коновязь, и, Fußstrick zum Koppeln der Pferde
конопляникъ, das Hanffeld
контора, das Comptoir
конфедератка, viereckige Mütze
конь, я, das Roß
конюхъ, der Stallknecht
конюшня, der Pferdestall
копаться, herumwühlen
копилка, die Sparbüchse
копить, sammeln
копна, der Schober, Haufen
копошиться, wimmeln
копыто, der Huf
копьё, die Lanze
копѣйка, die Kopeke
кора, die Rinde
корабельщикъ, der Schiffer
корабль, я, das Schiff
кораллъ, die Koralle
коренникъ, das Mittelpferd, Fehmerpferd
корень, я, die Wurzel
корзинка, der Korb
корица, der Zimmet
коричневый, braun
корка, die Rinde, Kruste
корма, das Steuer, Schiffshintertheil
кормилецъ, der Ernährer, Wohlthäter
кормить, füttern, ernähren
кормъ, das Futter
коробочка, das Tröglein
коробъ, der Korb
коровка, die kleine Kuh
королева, die Königin
королевичъ, der Königssohn, Prinz
король, я, der König
коромысло, das Schulterjoch zum Wassertragen
корона, die Krone
коротенькій, kurz
коротконогій, kurzbeinig
короткій, kurz
короткость, и, die Kürze
корточки, ъ, die Ferſen
корчиться, Grimassenschneiden, sich krümmen
коршунъ, der Geier
корыстолюбивый, habsüchtig
корысть, и, der Vortheil, Gewinn
корыто, der Trog
коса, die Sense, Landzunge
косарь, я, der Mäher
косвенный, schräg
косецъ, der Schnitter
коситься, schielen
косма, der Büschel
косматый, zottig
коснуться, berühren
косогоръ, der Abhang
косой, schräge, der Schieler
косолапый, krummbeinig
костёръ, der Scheiterhaufen
костоправъ, der Chirurg
косточка, das Knöchlein, die Gräte
кость, и, der Knochen

костыль, я, die Krücke, der Krückstock
костюмъ, das Kostüm
косякъ, der Thürstock
котёлъ, der Kessel
котёльный, Kessel-
котомка, das Bündel
котъ, der Kater
кофе, m., der Kaffee
кофейня, das Kaffeehaus
кочевать, nomadisiren
кочевой, nomadisirend
кочерга, die Ofenkrücke
кочка, der Hümpel
кошелёкъ, der Beutel
кошка, die Katze
кража, der Diebstahl
край, der Rand, die Gegend, das Land
крайній, äußerst, der letzte
крайность, и, die äußerste Gefahr
крапива, die Nessel
краса, die Zierde, die Schönheit
красавецъ, der Schöne
красавица, die Schöne
красивый, hübsch, schön
краска, die Farbe
краснова́тый, röthlich
красноглазый, rothäugig
красногубый, mit rothen Lippen
краснорѣчивый, beredt
краснорѣчіе, die Beredsamkeit
красный, schön, roth
краснѣть, erröthen
красоваться, sich brüsten, prangen
красться, schleichen, sich stehlen
крашенный, angestrichen
крести́ны, ъ, die Taufe
крести́ть, taufen
крестъ, das Kreuz
крестьянинъ, der Landmann, Bauer
крестьянка, die Bäuerin
крещенскій вечеръ, der Abend vor den heiligen drei Königen
кривля́ка, der Grimassenschneider
кривля́ться, кривиться, Grimassen schneiden, das Gesicht verzerren
кри́кнуть, zurufen
крикъ, der Schrei
кровавый, blutig
крова́ть, и, das Bett, Bettgestell
кровельный, Dach-
кровожа́дный, blutdürstig
кровъ, die Decke, das Dach
кровь, и, das Blut
кропить, zerschneiden
кропи́ть, besprengen mit Wasser
кро́тость, и, die Sanftmuth
кротъ, der Maulwurf
кро́хотный, klein, winzig
кро́шка, das Krümchen
кругло́й, rund
кружи́ть, drehen, wirbeln
кружи́ться, sich drehen, herumflattern
кружо́къ, der Kreis,
крупа́, die Graupen
крупи́нка, das Graupenkörnchen
кру́пный, grob, groß, stark
крутой, steil
круть, и, der Absturz
кру́ча, der Abhang
крушить, zertrümmern
крыжо́вникъ, die Stachelbeere
крыле́чко, die Treppe
крыло́, der Flügel
кры́лышко, das Flügelchen
крыльцо́, die Freitreppe
кры́ша, das Dach
кры́шка, der Deckel
крѣпи́ть, befestigen
крѣпкій, stark
крѣпкоголовый, hartköpfig
крѣпнуть, stark werden
крѣпость, и, die Festung
крючёкъ, der Haken, der Rechtsverdreher
кряжъ, die Bergkette; Lage, Schicht
кря́ква, der Futterkorb
кста́ти, gelegen, willkommen, zur rechten Zeit
ку́бокъ, der Becher
кувши́нъ, der Krug
кувы́ркаться, кувыркну́ться, sich überschlagen
кудря́вый, kraus, buschig, lockig
кузне́цъ, der Schmied
кузне́чикъ, die Grille
ку́зница, die Schmiede
ку́зовъ, der Kutschkasten
кула́къ, die Faust
кули́къ, die Schnepfe
кули́чъ, das Osterbrod
кума́, die Gevatterin
куманёкъ, Gevatterchen
ку́мушка, die Gevatterin
кумъ, der Gevatter
куни́ца, der Marder
купа́нье, das Baden
купа́ться, sich baden
купе́цъ, der Kaufmann
купи́ть, kaufen
купчи́ха, die Kaufmannsfrau
кури́ть, rauchen
ку́рица, das Huhn, die Henne
куропа́тка, das Rebhuhn, Feldhuhn
ку́рочка, das Hühnchen
ку́ртка, die Jacke
куря́тинка, das Hühnerfleisch
куря́тникъ, der Hühnerstall
куса́ть, beißen
кусо́къ, das Stück, der Bissen
куста́рникъ, das Gebüsch, Gesträuch
кусть, der Busch, Strauch
ку́таться, sich einhüllen

кухáрка, die Köchin
кýхня, die Küche
кýцый, ſtutzſchwänzig
кýча, der Haufen
кýчка, das Häufchen
кýшать, eſſen
кýща, das Laubzelt, Zelt

Л.

лáвка, die Bude, die Bank
лáвливать, лóвить, fangen
лáвочникъ, der Budenkrämer
лáвра, die Lawra, das Kloſter
лáдно, gut
ладóнь, и, die flache Hand, Handfläche
ладъ, die Stimmung, Harmonie, Art, Weiſe
ладья́, das Boot, der Kahn
лазýрь, и, das Laſurblau
лай, das Gebell
лакéй, der Lakai, Bediente
лáкомка, der Näſcher, die Näſcherin
лáкомство, die Näſcherei
лáкомый, lecker
лампáдка, das Lämpchen
лáмповщикъ, der Lampenmacher, der Lampenputzer
лáндышъ, das Maiblümchen
лáпа, die Tatze; ein breiter Zweig
лáпка, das Pfötchen
лáска, die Freundlichkeit
ласкáть, liebkoſen
ласкáться, ſich an jemand ſchmiegen, ſchmeicheln
лáсковый, freundlich
лáсточка, die Schwalbe
латúнскій, lateiniſch
лáты, ъ, der Harniſch
лачýжка, eine kleine elende Hütte
лáять, bellen
лгать, lügen
лебединый, Schwanen-
лéбедь, я, и, der Schwan
левъ, der Löwe
лёгкій, leicht
лёгкія, die Lunge
легкомысленный, leichtſinnig
легóнько, leicht, langſam
ледъ, das Eis
ледянóй, eiſig
лежáнка, die Ofenbank
лежáть, пролежáть, liegen
лéнта, das Band
лёнъ, der Flachs
лепетáть, flüſtern, ſtammeln
лесть, и, die Schmeichelei
летáть, fliegen
летмя́, fliegend
летýчая мышь, die Fledermaus
лечь, ſich hinlegen
лещúна, der Haſelnußſtrauch
лещъ, der Brachſen
лúвень, я, der Platzregen
лизáть, лúзнуть, lecken
ликовáть, jauchzen, frohlocken
лилóвый, violett
лúпа, die Linde
лúпкій, klebrig
липчáтый, klebrig
лисá, der Fuchs
лисúца, der Fuchs
лúственница, der Lärchenbaum
листóкъ, das Blättchen
листóчекъ, das Blättchen
листъ, das Blatt
литерáторъ, der Schriftſteller
лúться, fließen
лúхо, das Böſe
лихóй, kühn, gewandt, flott
лихорáдка, das Fieber
лицемéріе, die Heuchelei
лицó, das Geſicht
личúнка, die Larve
лúчно, perſönlich
лишúть, berauben
лишúться, verlieren
лúшній, überflüſſig
лобзáніе, das Küſſen
лобзáть, küſſen
лобъ, die Stirn
ловéцъ, der Jäger
ловúть, fangen
лóвко, geſchickt, gewandt
лóвля, der Fang
ловýшка, die Falle
лóвчій, der Oberpiqueur
лóдка, das Boot
лóдочникъ, der Bootsführer
ложúться, ſich legen
лóжка, der Löffel
лóжный, falſch
ложь, и, die Lüge
лознякъ, das Röhricht
лóкоть, я, die Elle, der Ellbogen
ломáть, brechen
ломлúвый, eitel, hoffährtig
лóмтикъ, das Stückchen
лóно, der Schooß
лопáта, die Schaufel
лóпать, лóпнуть, platzen
лось, я, das Elenthier
лотóкъ, die Mulde
лóцманъ, der Lootſe
лóшадь, и, das Pferd
лощúна, die Vertiefung, der Hohlweg
лугъ, die Wieſe

лу́жа, die Pfütze
лужа́йка, ein kleiner grüner Platz mitten im Walde
лука́вый, liſtig, hinterliſtig
лукъ, der Bogen, der Lauch
луна́, der Mond
лупогла́зый, glotzäugig
лучеобра́зный, ſtrahlenförmig
лучи́на, der Kienſpahn
лучъ, der Strahl
лы́жа, der Schneeſchuh; навострить, das Haſenpanier ergreifen
лы́сый, kahlköpfig
льви́ный, Löwen=
льстецъ, der Schmeichler
льсти́ться, ſich ſchmeicheln
лѣ́вый, links
лѣзть, klettern
лѣка́рство, die Arzenei
лѣ́карь, я, der Arzt
лѣни́вецъ, der Faulenzer
лѣни́вица, die Faulenzerin
лѣни́вый, faul, träge
лѣнь, и, die Trägheit
лѣпи́ть, kleben; — горшки́, Töpfe machen
лѣси́стый, waldig
лѣ́стница, die Treppe
лѣсъ, der Wald
лѣ́то, der Sommer, das Jahr
лѣчи́ть, heilen
лѣ́шій, der Waldgeiſt; Waldteufel
люби́мецъ, der Liebling
люби́мый, geliebt
люби́ть, lieben
лю́бо, lieb; es iſt eine Freude
любова́ться, ſich ergötzen
любо́вь, и, die Liebe
любо́й, beliebig
любопы́тный, neugierig, intereſſant
любопы́тство, die Neugier
лю́ди, ей, die Menſchen
лю́тня, die Laute
лю́тый, grimmig
лягава́я соба́ка, der Hühnerhund
лягать, лягну́ть, ausſchlagen
лягу́шка, der Froſch

M.

маку́шка, der Wipfel, die höchſte Spitze
макъ, der Mohn
ма́ленькій, klein
мале́нько, ein wenig
мали́на, die Himbeere
мали́новка, die Grasmücke
ма́ло, wenig
малоду́шный, kleinmüthig
малолѣ́тній, unmündig
малоро́ссъ, der Kleinruſſe
ма́лый, klein
ма́льчикъ, der Knabe
малю́тка, das Kind
ма́мушка, die Amme
мани́ть, locken
мановéніе, der Wink
мартъ, der März
марты́шка, der Affe
маскера́дъ, die Maskerade
ма́сленникъ, der Oelhändler
ма́сло, die Butter, das Oel
ма́сляная, die Butterwoche
ма́сляный, ölig
мастери́ца, die Meiſterin
мастеро́вой, der Handwerker
мастерска́я, die Werkſtatt
мастерство́, das Handwerk
масть, и, die Farbe, das Haar
ма́товый, matt
матро́съ, der Matroſe
мать, и, die Mutter
маха́ть, махну́ть, ſchwingen
ма́чиха, die Stiefmutter
ма́чта, der Maſt
ма́шина, die Maſchine
машина́льный, maſchinenmäßig
маячить, ſich bewegen
мгла, der Nebel
мгновéніе, der Augenblick
мгновéнный, augenblicklich, momentan
медвѣ́дь, я, der Bär
медвѣжо́нокъ, ein junger Bär
ме́дленный, langſam
ме́длить, zögern
меду́нка, der Schneckenklee
медъ, der Honig
межа́, die Grenze, der Grenzſtein
ме́лкій, klein, fein
ме́лочь, и, die Kleinigkeit, das Kleingeld, kleine Geflügel, Gethier
мелька́ть, ſchimmern, flimmern
ме́льница, die Mühle
мельча́ть, ſeicht werden
мерёжка, die Maſche
ме́рзкій, ſchändlich, abſcheulig, garſtig
ме́рзость, и, die Abſcheulichkeit, der Gräul
ме́ринъ, der Wallach
мертвéцки, bis zur Beſinnungsloſigkeit
ме́ртвый, todt
мерца́ть, ſchimmern
метаться, ſich hin und her werfen, drehen
мечéть, и, die Moſcheé
мечта́, der Traum
мечъ, das Schwert
мига́ть, мигну́ть, flimmern, zwinkern
милови́дный, nett, lieblich, wohl ausſehend
милосе́рдно, barmherzig
милосе́рдый, barmherzig

ми́лостивый, gnädig
ми́лостыня, das Almosen
ми́лость, и, die Gnade
ми́лый, lieb, lieblich, niedlich
ми́мо, vorüber
мимоходомъ, im Vorbeigehen
миновáть, минýть, vorübergehen, vermeiden
мири́ть, versöhnen
ми́рный, friedlich
мировáя, der Vertrag
миръ, der Friede
міръ, die Welt
ми́ска, der Napf
младéнецъ, das Kind
младóй, jung
мнимоумéршій, scheintodt
мни́ться, meinen; sich einbilden
мнóго, viel
многозначи́тельный, vielbedeutend
многолѣтній, langjährig
многолю́дный, volkreich
многочи́сленность, и, die Menge
многочи́сленный, zahlreich
мнѣ́ніе, die Ansicht
моги́ла, das Grab
моги́льщикъ, der Todtengräber
могу́чій, mächtig, stark
мозгъ, das Gehirn
мозóлистый, schwülig
мóкнуть, naß werden, weichen
мóкрый, naß
молвá, der Ruf
моли́тва, das Gebet
моли́ть, bitten
молодёжь, и, die Jugend
молодéцки, verwegen
молодéцъ, der Brave, Bursche, ein gescheidter Mensch
молодúца, die junge Frau
молодóй, jung
мóлодость, и, die Jugend
молокó, die Milch
молокосóсъ, der Milchbart
молоти́ть, dreschen
мóлотъ, der Hammer
молóть, mahlen
мóлча, schweigend
молчáнье, das Schweigen
молчáть, schweigen
монастырь, я, das Kloster
монéта, die Münze
мóрда, das Maul
мóре, das Meer; die See
мореходецъ, der Seefahrer
мори́ть, zu Tode quälen, ausrotten
морковь, и, die Mohrrübe
морóзный, kalt, frostig
морóзъ, der Frost
морскóй, See=
мóрщúнка, das Fältchen
морщиться, zusammenschrumpfen
мóстикъ, kleine Brücke; der Steg
мостовáя, das Straßenpflaster
мостъ, die Brücke
мóська, der Mops
мохнáтый, zottig, buschig
мохъ, das Moos
мочь, и, die Kraft
мочь, können
мошéнникъ, der Spitzbube
мóшка, die kleine Fliege
мошна́, der Beutel
мóщи, ей, die Gebeine, Reliquien
мракъ, die Finsterniß
мрáчный, finster, düster
мсти́тель, я, der Rächer
мсти́тельность, и, die Rachsucht
мудрéцъ, der Weise
мýжество, der Muth
мужúкъ, der Bauer
мужчúна, der Mann
мужъ, der Mann, der Ehemann
мука́, das Mehl
мýка, die Qual
мундúръ, die Uniform
мурава́, der Rasen
муравéй, die Ameise
мурáвчатый, begrast
мурлы́кать, knurren
мýха, die Fliege
мухомóръ, der Fliegenpilz
мучéніе, die Qual
мучúть, quälen
мучúца, das Mehl
мýшка, die kleine Fliege
мчáться, eilen
мщéніе, die Rache
мысль, и, der Gedanke
мычáніе, das Brüllen
мышелóвка, die Mausefalle
мы́шка, die Maus, Armhöhle
мышь, и, die Maus
мѣ́дный, kupfern
мѣловóй, Kreide=
мѣ́ра, das Maß, die Maaßregel
мѣсúть, kneten, zu Teig rühren
мѣстéчко, der Flecken, das Plätzchen
мѣ́стность, и, die Ortslage
мѣ́сто, die Stelle, der Ort
мѣстоположéніе, die Lage
мѣстопребывáніе, der Aufenthaltsort
мѣ́ткій, treffend, sicher
мѣшáть, hindern, stören
мѣшóкъ, der Sack
мѣщанúнъ, der Bürger
мя́ткій, weich
мякúна, die Spreu, Kleie
мясникъ, der Fleischer
мя́со, das Fleisch
мясцо́, das Fleisch
мятéль, и, das Schneegestöber
мя́тлинъ, das Rispengras
мять, brechen, zerknittern, walken

Н.

набережная, der Landungsplatz
набира́ть, набра́ть, zusammenlesen
наблюда́тель, я, der Beobachter
наблюда́тельность, и, die Beobachtungsgabe
наблюда́ть, наблюсти́, beobachten
на́божность, и, die Frömmigkeit
набрести́, wohin gelangen, antreffen
набѣ́гъ, der Ueberfall
наве́ртываться, наверну́ться, hervortreten
навива́ть, нави́ть, aufladen, aufwickeln
навозъ, der Dünger
навостри́ть, schärfen
на́выкъ, die Gewohnheit, Fertigkeit
навьючённый, bepackt, beladen
навьючивать, навьючить, aufladen
навѣва́ть, навѣ́ять, anwehen
навѣ́ки, auf ewig
навѣ́съ, der Schuppen
нагиба́ться, нагну́ться, sich bücken
на́глухо, fest, dicht
на́глый, frech, unverschämt
нагой, kahl, bloß
нагоня́ть, нагна́ть, einholen
награ́да, die Belohnung
награжда́ть, награди́ть, belohnen, beschenken
нагромажда́ть, нагромозди́ть, aufhäufen, aufthürmen
нагружа́ть, нагрузи́ть, beladen
нагружённый, beladen
надава́ть, нада́ть, beschenken
надвига́ться, надви́нуться, heranrücken
наде́жда, die Hoffnung
надёжный, zuverlässig, sicher
надзира́тель, я, der Aufseher
надзо́ръ, die Aufsicht
надме́нность, и, der Hochmuth
на́до, man muß
на́добность, и, die Nothwendigkeit
надоеда́ть, надое́сть, überdrüssig werden
надува́ть, наду́ть, aufblasen, vollblasen, betrügen
надува́ться, наду́ться, sich aufblasen
надѣля́ть, надѣли́ть, zu Theil werden lassen
наёмникъ, der Miethling, Tagelöhner
наёмъ, die Miethe
наживать, нажи́ть, erwerben
наживно́й, erworben
назадъ, zurück
назва́нье, der Namen, die Benennung
на́земь, auf die Erde
назнача́ть, назна́чить, bestimmen
назна́ченный, bestimmt
называ́ть, назва́ть, nennen
называ́ться, назва́ться, heißen, sich nennen
наизу́сть, auswendig
наказывать, наказа́ть, bestrafen, auftragen, befehlen
накалённый, erhitzt
накаля́каться, sich satt plaudern
накану́нѣ, am Vorabend
накармливать, накорми́ть, satt machen
накатывать, ката́ть, befahren
наклеи́вать, наклеи́ть, aufkleben
наклони́вшійся, schief stehend, gesenkt
накло́нность, и, die Neigung
накло́нный, geneigt
наклоня́ться, наклони́ться, sich neigen, bücken
на́ковальня, der Ambos
накопля́ть, накопи́ть, aufhäufen
накра́пывать, накра́пать, spritzen
накроши́ть, zerschneiden
накрыва́ть, накры́ть, bedecken; fangen
налаживать, нала́дить, zurecht machen
налга́ть, zusammenlügen, vorlügen
налета́ть, налете́ть, heranfliegen
налива́ть, нали́ть, eingießen
налива́ться, нали́ться, sich füllen
наливно́й, klar, saftig
налѣпля́ть, налѣпи́ть, ankleben
намазывать, намаза́ть, bestreichen
наметать, наме́сти́, zusammenfegen
намока́ть, намо́кнуть, naß werden
намѣрева́ться, beabsichtigen
намѣ́стничество, die Statthalterschaft
нани́зывать, низа́ть, aufreihen
нанима́ть, наня́ть, miethen, pachten
нанима́ться, наня́ться, sich verdingen
наноси́ть, нанести́, verursachen, bereiten
напада́ть, напа́сть, überfallen, angreifen
напа́ивать, напои́ть, zu trinken geben, tränken
напа́сть, и, das Mißgeschick
напере́дъ, im voraus
наперерывъ, um die Wette
напива́ться, напи́ться, sich satt trinken
напира́ть, напере́ть, drängen
напи́токъ, das Getränk
напомина́ть, напо́мнить, erinnern
напо́ръ, der Andrang
напосле́докъ, zuletzt
направле́ніе, die Richtung
направля́ть, напра́вить, richten, lenken
напра́сный, unnütz
напра́шиваться, напроси́ться, sich aufdrängen
напряга́ть, напря́чь, anstrengen
напряжённый, gespannt
напуга́ть, erschrecken
нарабо́тывать, нарабо́тать, fertig machen
нарисо́ванный, gezeichnet
наро́дный, Volks-
наро́дъ, das Volk
наро́чно, absichtlich
нару́жность, и, das Aeußere
нару́жный, äußerlich
наруша́ть, наруши́ть, stören, verletzen
нарыва́ть, нарва́ть, reißen, pflücken

нарывный пластырь, das Zugpflaster
нарывъ, das Geschwür
наря́дный, geputzt, schön
наря́дъ, der Putz, Schmuck
наряжа́ть, наряди́ть, beordern; schmücken, putzen
наса́живать, насади́ть, pflanzen
насквозь, durch und durch
наскуча́ть, наскучи́ть, langweilig werden
наслажде́ніе, der Genuß
насле́дникъ, der Erbe
насле́дство, das Erbtheil
насма́ливать, насмоли́ть, bethören
насме́шить, zum Lachen bringen
насме́шка, der Spott
насме́шливый, spöttisch
насме́шникъ, der Spötter
насмѣя́ться, sich satt lachen
наставать, наста́ть, heranrücken
наста́вливать, наста́вить, hinstellen, anstücken
наста́вникъ, der Erzieher
наста́ивать, bestehen, festhalten
настига́ть, настигну́ть, einholen
насти́лка, die Lage
насторажи́вать, насторожи́ть у́ши, die Ohren spitzen
настоя́щій, wirklich
наступа́ть, наступи́ть, anbrechen, heranrücken
насть, die Eisrinde auf dem Schnee
насу́щный, täglich
насчи́тывать, насчита́ть, zusammenzählen, anrechnen
насыпа́ть, насы́пать, vollschütten
насѣда́ть, насѣсть, hangen bleiben, anbeißen
насѣ́дка, die Bruthenne
насѣко́мое, das Insect
натвори́ть, anrichten
натуга, die Anstrengung
натурали́сть, der Naturforscher
натыка́ть, in Menge einstecken
натыка́ться, наткну́ться, sich stechen
натѣ́шиться, sich viel Freude machen
нау́ка, die Wissenschaft
научи́ть, научи́ть, lehren
учи́ться, научи́ться, lernen
нахвали́ться, sich sehr loben, prahlen
нахму́риваться, нахму́риться, ein finsteres Gesicht machen, die Stirn runzeln
находи́ть, найти́, finden
находи́ться, найти́сь, sich befinden
нахо́дка, der Fund
нахо́дчивость, и, die Erfindungsgabe
нахо́дчивый, erfinderisch
нація, die Nation
нача́льникъ, der Vorgesetzte
нача́льство, die Obrigkeit; Anführung
нача́тіе, der Anfang
начертывать, начерта́ть, aufzeichnen
начина́ть, нача́ть, anfangen
наѣздница, die Reiterin
небе́сный, himmlisch
не́бо, der Himmel
небосклоно́нъ, der Horizont
небо́сь, fürchte dich nicht
небре́жный, nachlässig
небыва́лый, nicht dagewesen
невзнача́й, zufällig, unerwartet
не́видаль, и, die Seltenheit, Rarität
невиди́мка, der, die Unsichtbare
невиди́мый, unsichtbar
неви́нность, и, die Unschuld
неви́нный, unschuldig
невыноси́мый, unerträglich
не́водъ, das Netz
невоздержный, unenthaltsam
невозмути́мый, unerschütterlich
невольникъ, der Sclave
неволя, die Gefangenschaft
невреди́мый, unverletzt
невѣ́домый, unbekannt
невѣ́жа, der, die Ungebildete
невѣ́рующій, ungläubig
невѣ́ста, die Braut, das erwachsene Mädchen
невѣ́стка, die Schwiegertochter
не́гдѣ, ist kein Platz
негодова́ніе, der Unwille
негодова́ть, ungehalten, unwillig sein
недалёкій, nahe, nicht weit
недви́жный, unbeweglich, starr
недо́брый, nicht gut, schlecht
недово́льный, unzufrieden
недогля́дка, das Uebersehen, die Unachtsamkeit
недоста́ва́ть, недоста́ть, fehlen
недоста́токъ, der Mangel
недосто́йный, unwürdig
недосту́пный, unzugänglich
недоумѣ́ніе, der Zweifel, die Unentschlossenheit
недѣ́ля, die Woche
нежда́нный, unerwartet
незабу́дка, das Vergißmeinnicht
незапамятный, undenklich
незатѣ́йливый, kunstlos
незва́нный, ungebeten
нездоро́вый, nicht gesund, nicht geheuer
неизбѣ́жный, unvermeidlich
неизвѣ́данный, unerforscht
неизвѣ́стность, и, die Unbekanntheit
неимовѣ́рный, unglaublich
неистовый, wüthend, wild
неистощи́мый, unerschöpflich
не́куда, ist kein Platz
нело́вкій, ungeschickt
нельзя́, man kann nicht
нелюди́мый, menschenleer, menschenscheu
немину́чій, unvermeidlich
немно́жко, ein wenig
немо́лкнущій, nimmerschweigend

ненави́дѣть, haſſen
ненáстный, feucht, regneriſch
ненасы́тный, unerſättlich
необита́емый, unbewohnt, wüſte
необозри́мый, unüberſehbar
необу́зданность, и, die Zügelloſigkeit
необу́тый, unbekleidet
необходи́мость, и, die Nothwendigkeit
необходи́мый, unentbehrlich
необъя́тный, unermeßlich
необыча́йный, ungewöhnlich
неодоли́мый, unwiderſtehlich
неожи́данный, unerwartet
неопытный, unerfahren
неосторо́жность, и, die Unvorſichtigkeit
неотсту́пный, dringend
неохо́та, die Unluſt
неплатёжъ, die Nichtbezahlung
непого́да, das Unwetter
неподви́жность, и, die Unbeweglichkeit
неподви́жный, unbeweglich, ſtarr
непоколеби́мый, unerſchütterlich
непоня́тный, unbegreiflich
непоси́льный, übermäßig, über die Kräfte gehend
непостоя́нство, die Unbeſtändigkeit
непремённо, durchaus
непривлека́тельность, и, die Unliebenswürdigkeit
привы́чка, die Ungewohntheit
привы́чный, ungewohnt
неприкоснове́нный, unberührt
непритво́рный, aufrichtig
непрія́тель, я, der Feind
непрія́тность, и, die Unannehmlichkeit
непрогля́дный, undurchdringlich
непроница́емый, undurchdringlich
непроходи́мый, undurchdringlich
неразу́мie, der Unverſtand
нерóвный, ungleich
нера́ха, die Schlumpe
нескончáемый, endlos
неслы́ханный, unerhört
несмолка́емый, ununterbrochen
несмётный, unzählig
несогла́сie, die Uneinigkeit
неспосóбный, unfähig
несправедли́вость, и, die Ungerechtigkeit
несправедли́вый, ungerecht
нести́сь, ſchweben
нестрóйный, unharmoniſch
нетерпёніе, die Ungeduld
неувёртливый, ungewandt
неудава́вшійся, mißlungen
неуда́ча, das Mißlingen
неудачный, mißglückt
неудовóльствіе, die Unzufriedenheit
неужто, wirklich, wär' es möglich
неуклю́жій, plump
неурожáйный, unfruchtbar
неустраши́мость, и, die Unerſchrockenheit
неустраши́мый, unerſchrocken
неутёшный, untröſtlich
не́учъ, der Grobian; der Unwiſſende
нечáянный, unverhofft
нечéстie, die Gottloſigkeit
нечéстный, unehrlich
нечи́стый, unſauber; der Böſe
нечувстви́тельный, gefühllos
нешу́мный, ſtill
нея́сный, unklar
ни́ва, die Flur, das Feld
ни́зенькій, niedrig
низина́, die Niederung
никáкъ, auf keine Weiſe
никогда́, niemals
ниско́лько, nicht im Geringſten
нисходи́ть, низойти́, ſich herabſenken
ни́точка, das Fädchen
нить, и, der Faden, die Schnur
ничто́жный, unbedeutend
ничу́ть, durchaus nicht
нищета́, die Armuth
ни́щій, der Bettler
но, aber
новообращённый, neubekehrt
новопоста́вленный, neuerwählt
новоприбы́вшій, der Neuangekommene
новосéлье, die neue Wohnung
новоустро́енный, neuerbaut
нога́, der Fuß
но́жка, der Fuß, das Füßchen
ножъ, das Meſſer
ноздря́, die Nüſter
но́ньче, heute, jetzt
нора́, die Höhle, das Loch
но́рка, das Loch
но́сикъ, das Näschen, der Schnabel
носи́ть, tragen
носо́къ, das Schnäbelchen
носъ, die Naſe, der Schnabel
ночева́ть, nächtigen
ночёвка, die Nächtigung
ночле́гъ, das Nachtlager
ночь, и, die Nacht
но́ша, die Laſt
нра́виться, gefallen
нравъ, der Charakter
нужда́, die Noth
ну́жный, nöthig
ны́ньче, heute
ны́нѣ, heute, jetzt
ныря́ть, нырну́ть, untertauchen
ныть, ſchmerzen
нѣга, die Wonne
нѣжиться, ſich verzärteln, ſich anſchmiegen
нѣжность, и, die Zärtlichkeit
нѣжный, zart
нѣкогда, einſt
нѣмóй, ſtumm

нѣмѣ́ть, stumm werden
нѣ́сколько, einige
нѣ́тъ, ist nicht

нюха́тельный, Schnupf-
ня́нюшка, die Kinderwärterin
ня́ня, die Kinderwärterin

О.

обагря́ть, обагри́ть, roth färben
обвива́ть, обви́ть, umwinden, umwickeln
обвива́ться, обви́ться, sich umwickeln
обвѣ́нчивать, обвѣ́нчать, trauen
обгора́ть, обгоре́ть, anbrennen, ringsum verbrennen
обду́мывать, обду́мать, überlegen
обезпоко́ивать, обезпоко́ить, beunruhigen
обесси́ливать, обесси́лить, entkräften
обессу́живать, обессу́дить, Uebles nachreden
обезья́на, der Affe
обёртываться, оберну́ться, sich umwenden
обжа́рить, röſten, braten
обжива́ться, обжи́ться, sich einleben
обжига́ть, обже́чь, ringsum anbrennen
обзаведе́ніе, die Einrichtung
обзавести́сь, sich anſchaffen, einrichten
обзыва́ть, обозва́ть, ſchelten
обива́ть, оби́ть, beſchlagen
оби́да, die Kränkung
оби́дный, beleidigend
оби́дчивость, и, die Empfindlichkeit
обижа́ть, оби́дѣть, beleidigen, zu Leide thun; — ся ſich beleidigt fühlen
обира́ться, обра́ться, ſich erwehren
оби́тель, и, die Wohnung, das Kloſter
обкра́дывать, обокра́сть, beſtehlen
обкури́вать, обкури́ть, einräuchern
обладать, беſitzen
о́блако, die Wolke
обла́скивать, обласка́ть, freundlich behandeln, liebkoſen
о́бласть, и, das Gebiet
облегча́ть, облегчи́ть, erleichtern
облегче́ніе, die Erleichterung
облегчённый, erleichtert
облека́ть, обле́чь, bekleiden
обли́вать, обли́ть, übergießen
обли́тый, übergoſſen
обличи́тель, я, der Entlarver
обло́мокъ, das Stück, Bruchſtück
обма́нутый, betrogen
обма́нчивый, betrügeriſch
обма́нщица, die Betrügerin
обма́нъ, der Betrug
обма́нываться, обману́ться, ſich betrügen, täuſchen
обма́тывать, обмота́ть, umſchlingen, umwickeln
обма́хиваться, обмахну́ться, ſich fächeln
обма́чивать, обмочи́ть, benetzen
о́морокъ, die Ohnmacht
обнажа́ть, обнажи́ть, entblößen
обнажённый, entblößt

обнару́живать, обнару́жить, offenbaren
обнижа́ться, обни́зиться, ſich ſenken
обнима́ть, обня́ть, umarmen, erfaſſen, ergreifen
обнища́ть, verarmen
обно́вка, ein neues Kleidungsſtück
обновля́ть, обнови́ть, erneuern
обогрѣ́вать, обогре́ть, erwärmen
ободря́ть, ободри́ть, ermuthigen
обожда́ть, warten
обожжённый, verbrannt
обо́зный, Fracht-
обо́зъ, der Wagenzug
обомле́ть, ſtumm werden, erſtarren
обора́чиваться, оборо́титься, ſich umwenden
обо́рванный, zerlumpt
оборо́тъ, die Wendung; der Umſatz, die Speculation
ора́доваться, ſich freuen
образе́цъ, das Muſter
образова́ть, bilden
о́бразъ, das Heiligenbild; die Geſtalt; das Bild; die Art und Weiſe
обра́мливать, обра́мить, einrahmen
обра́тный, zurück
обраща́ть, обрати́ть, wenden
обраща́ться, обрати́ться, umgehen, behandeln, puliſiren
обрива́ть, обри́ть, raſiren
обро́къ, der Obrok
обрубать, обруби́ть, behacken; einfaſſen
обруча́льное кольцо́, der Trauring, Verlobungsring
обру́шиваться, обру́шиться, zuſammenſtürzen
обрыва́ть, оборва́ть, abreißen
обры́въ, der Abſturz
обрѣ́зокъ, der Schnitzel
обря́дъ, die Zeremonie
обсажа́ть, обсади́ть, bepflanzen
обста́вленный, beſetzt
обставля́ть, обста́вить, beſetzen
обстано́вка, die Umgebung
обстоя́тельство, der Umſtand
обступа́ть, обступи́ть, umringen
обува́ть, обу́ть, die Füße bekleiden
обу́хъ, der Rücken eines Beiles
обхва́тывать, обхвати́ть, umfaſſen
обши́рный, umfangreich, weit ausgedehnt
общеполе́зный, allgemeinnützlich
о́бщество, die Geſellſchaft
о́бщій, allgemein
объѣ́здъ, der Umweg
объявле́ніе, die Erklärung, Mittheilung

объясне́ніе, die Erklärung
объясня́ться, объясни́ться, sich erklären
объя́тіе, die Umarmung
объя́ть, erfassen
обыва́тельскій, einem Stadtbewohner gehörig
обыкнове́ніе, die Gewohnheit
обы́скивать, обыска́ть, durchsuchen
обы́чай, die Sitte
обы́чный, gewohnt
обѣ́дать, zu Mittag essen
обѣднѣ́ть, verarmen
обѣ́дъ, das Mittagessen
обѣ́ливать, обѣли́ть, weißmachen
обѣща́ніе, das Versprechen
обѣ́щанный, versprochen
обѣща́ть, versprechen
обя́занность, и, die Pflicht
обя́занъ, verpflichtet, schuldig
обяза́тельство, die Verpflichtung
овёсъ, der Hafer
ови́нъ, die Riege, Getreidedarre
овладѣва́ть, овладѣ́ть, sich bemächtigen
овра́гъ, die Schlucht
овца́, das Schaf
овча́рня, der Schafstall
оглуша́ть, оглуши́ть, taub machen
огонёкъ, das Feuer, Licht
ого́нь, я, das Feuer
ограживать, огородить, umzäunen
огоро́дъ, der Gemüsegarten
огорча́ть, огорчи́ть, betrüben
ограбленный, beraubt
ограбля́ть, ограби́ть, berauben
ограждать, оградить, einschließen, umzäunen
ограни́чиваться, ограни́читься, sich beschränken, begnügen
огребать, огресть, zusammenharken, zusammenscharren
огро́мный, groß
огрыза́ться, огры́зться, sich herumbeißen
огрѣва́ть, огрѣ́ть, erwärmen, einen Schlag versetzen
одарённый, begabt
оде́жда, die Kleidung, das Kleid
одеревнѣ́лый, angewurzelt
одина́ковый, gleich
одино́кій, einsam, einzeln
одино́чка, einzeln
одна́жды, einst
одна́коже, jedoch
одна́кожъ, jedoch
одноглазый, einäugig
одолѣва́ть, одолѣ́ть, überwinden, überwältigen
одръ, das Lager
одура́чивать, одура́чить, zum Narren haben
одѣва́ть, одѣ́ть, ankleiden, bekleiden
одѣва́ться, одѣ́ться, sich ankleiden
одѣ́тый, bekleidet
одѣя́льце, die Decke
ожесточе́ніе, die Wuth
оживать, ожи́ть, aufleben
ожида́ть, erwarten
ожида́ніе, die Erwartung
озада́ченный, bestürzt
озарённый, beschienen
озаря́ть, озари́ть, bescheinen
о́зеро, der See
о́зимъ, die Wintersaat
озира́ть, озрѣ́ть, umschauen
озира́ться, озрѣ́ться, sich umschauen
озли́ться, böse werden
озлобле́ніе, die Wuth
озолоти́ть, vergolden
оказія, die Angelegenheit, der Fall
ока́зываться, оказа́ться, vorhanden sein
окаймля́ть, окайми́ть, besäumen
окаменѣ́ть, versteinern
ока́нчивать, око́нчить, beendigen
ока́пывать, окопа́ть, einen Graben herumziehen, verschanzen
ока́янный, der Verfluchte
оки́дывать, оки́нуть, werfen
окіянъ, der Ocean
окликаться, оклі́кнуться, wiederhallen
окно́, das Fenster
око́ванный, gefesselt
ко́вывать, оковать, in Ketten schmieden
околдо́вывать, околдова́ть, bezaubern
окóлица, der Umkreis
околи́чность, и, die Umschweife
о́коло, gegen
околото́къ, die Nachbarschaft, Umgegend
окóльный путь, der Umweg
околѣва́ть, околѣ́ть, krepiren
оконча́ніе, die Beendigung
ко́панный, verschanzt
о́корокъ, der Schinken
окостенѣ́ть, erstarren
окоченѣ́лый, erstarrt
окоченѣ́ть, erstarren
окóшко, das Fenster
окре́стность, и, die Umgegend
окре́стный, herumstehend
окривѣ́ть, auf einem Auge erblinden
окро́шка, die kalte Suppe
окру́га, die Umgegend
окружа́ть, окружи́ть, umringen
окру́жность, и, der Umfang
окру́жный, umliegend
окрѣпнуть, erstarken
окуна́ть, окуну́ть, untertauchen
о́кунь, я, der Barsch
оле́нь, я, der Hirsch
омывать, омы́ть, bespülen
онѣмѣ́ніе, die Betäubung, Verlaubung
опада́ть, опа́сть, fallen, abnehmen
опа́здывать, опоздать, sich verspäten
опаля́ть, опали́ть, versengen
опаса́ться, befürchten

опа́сный, gefährlich
опережа́ть, опереди́ть, überholen, zuvorkommen
опера́ться, опери́ться, Federn bekommen, flügge werden
опива́ться, опи́ться, ſich betrinken
опира́ться, опере́ться, ſich ſtützen
описа́ніе, die Beſchreibung
оплета́ть, оплести́, umflechten, beſpinnen
оплошать, fahrläſſig ſein, ſich nicht in Acht nehmen
опо́мниться, zur Beſinnung kommen
опома́товаться, zur Beſinnung kommen
опра́вдываться, оправда́ться, ſich rechtfertigen
опра́виться, ſich erholen
оправля́ть, опра́вить, in Ordnung bringen
опредѣле́ніе, die Beſtimmung, Entſcheidung
опредѣля́ть, опредѣли́ть, beſtimmen, anſtellen
опроки́дывать, опроки́нуть, umwerfen
опрометью, Hals über Kopf
опуска́ть, опусти́ть, verſenken
опуска́ться, опусти́ться, ſich ſenken, niederlaſſen
опустоше́ніе, die Verwüſtung
опуще́ніе, Verödung
опусте́ть, veröden
опу́тываться, опу́таться, ſich einwickeln
о́пухоль, и, die Geſchwulſt
опу́шка, der Saum
о́пытность, и, die Erfahrung
о́пытный, erfahren
о́пыть, die Erfahrung
опьяне́ть, berauſcht werden
опя́ть, wieder
ора́торъ, der Redner
ора́ть, pflügen
орби́та, die Augenhöhle
о́рганъ, das Organ
о́рденъ, der Orden
орёлъ, der Adler
оркестръ, der Orcheſter
орошать, ороси́ть, bewäſſern
ору́діе, das Geſchütz
оре́хъ, die Nuß
оре́шникъ, der Nußſtrauch
оса́да, die Belagerung
осаждавшій, der Belagerer
осаждать, осади́ть, belagern
освиста́ть, освиста́ть, ausſpfeifen
освобожда́ть, освободи́ть, befreien
освѣдомля́ться, освѣдоми́ться, ſich erkundigen
освѣжа́ть, освѣжи́ть, erfriſchen
освѣща́ть, освѣти́ть, beleuchten
осёлъ, der Eſel
о́сень, и, der Herbſt
осерди́ться, zornig werden
оси́на, die Eſpe
оси́нникъ, der Eſpenwald
оси́плый, heiſer
осироти́ть, zur Waiſe machen
оскали́вать, оскали́ть, die Zähne fletſchen
оскомина, — набить оскомину, die Zähne ſtumpf machen
оскорбля́ть, оскорби́ть, beleidigen
ослабѣва́ть, ослабѣ́ть, ſchwach werden
осли́ный, dem Eſel eigen
ослуша́ніе, der Ungehorſam
ослуша́ться, ungehorſam ſein
ослѣпи́тельный, blendend
осмѣливаться, осмѣлиться, ſich erdreiſten
основа́тель, я, der Begründer
осо́бенный, beſonders
осо́бливый, beſonders
осо́бо, beſonders, abgeſondert
осрамля́ться, осрами́ться, ſich blamiren, Schande machen
остава́ться, оста́ться, bleiben
оставля́ть, оста́вить, zurücklaſſen
останавливать, остановить, anhalten
останавливаться, остановиться, inne halten, Halt machen, ſtehen bleiben
оста́токъ, der Reſt
остервене́ніе, die Wuth
остерега́ться, остере́чься, ſich hüten
осторо́жный, vorſichtig
о́стровъ, die Inſel
остроконе́чный, ſpitz
остроу́міе, der Scharfſinn
о́стрый, ſcharf
остря́къ, der Witzbold
оступа́ться, оступи́ться, fehl treten, ſtolpern
осуша́ть, осуши́ть, trocknen
осуществля́ть, осуществи́ть, verwirklichen
осыпа́ться, осы́паться, abfallen
ось, и, die Achſe
осѣменя́ть, осѣмени́ть, beſamen, beſäen
отбива́ть, отби́ть, benehmen, wegnehmen.
отблагодари́ть, danken
о́тблескъ, der Wiederſchein
отбра́сывать, отбро́сить, zurückſchleudern
отва́живаться, отва́житься, wagen, ſich erkühnen
отва́ливать, отвали́ть, abſtoßen
отверну́ть, abwenden
отве́рстіе, Oeffnung
отводи́ть, отвести́, wegführen, abwenden
отво́дъ, der Ableiter
отвози́ть, отвезти́, fortführen
отвора́чиваться, Ausflüchte machen
отворя́ть, отвори́ть, aufmachen, öffnen
отврати́тельный, widerwärtig
отвраще́ніе, der Ekel
отвѣдывать, отвѣдать, ſchmecken, koſten
отвѣсный, abſchüſſig
отвѣтствовать, antworten
отвѣча́ть, отвѣтить, antworten
отвѣтчикъ, der Angeklagte

отвѣ́тъ, die Antwort
отвяза́ться, ſich losmachen, losbinden
отгона́ть, отогна́ть, forttreiben
отдава́ть, отда́ть, abgeben, hingeben
отдава́ться, отда́ться, ſich abſpiegeln
отдёрнутый, abgeriſſen, abgeſtreift
отдира́ть, отодра́ть, abreißen
отдува́ть, отду́нуть, abwehen
отдыха́ть, отдохну́ть, ausruhen
о́тдыхъ, die Erholung
отдѣ́лъ, die Abtheilung
отдѣля́ться, отдѣли́ться, ſich trennen
отѣ́цъ, der Vater
отѣ́чество, das Vaterland
отзыва́ть, отозва́ть, abrufen
отзыва́ться, отозва́ться, widerhallen, ſich vernehmen laſſen
о́тзывъ, der Wiederhall
отка́зывать, отказа́ть, abſagen, verweigern
отка́зываться, отказа́ться, ausſchlagen
отка́пывать, отопа́ть, losgraben, ausgraben
откармливать, откорми́ть, mäſten
откачну́ться, ſich zurückſchwingen
откла́дывать, отложи́ть, fortlegen, aufſchieben
откла́ниваться, откла́няться, Abſchied nehmen
отко́ль, von wo
открыва́ть, откры́ть, entdecken
открыва́ться, откры́ться, ſich eröffnen, darbieten
отку́да, von wo
откупа́ться, откупи́ться, ſich loskaufen
отку́поривать, отку́порить, entkorken
откупщи́къ, der Pächter
о́ткупъ, das Löſegeld
отла́мывать, отломи́ть, abbrechen
отлета́ть, отлете́ть, davonfliegen
отли́въ, das Schillern
отлича́ть, отличи́ть, auszeichnen
отли́чіе, die Auszeichnung
отли́чный, ausgezeichnet
отлуча́ться, отлучи́ться, ſich entfernen
отлу́чка, die Entfernung
отмѣ́нный, ausgezeichnet, vorzüglich
относи́ть, отнести́, forttragen; beziehen
отны́нѣ, von nun an
отнѣ́киваться, отнѣ́каться, ſich wovon loszumachen ſuchen
отовсю́ду, von allen Seiten
отогрѣ́ваться, отогрѣ́ться, ſich erwärmen
отомсти́ть, ſich rächen
оторопѣ́ть, beſtürzt werden
отощева́ть, отоща́ть, abmagern
отпира́ть, отпере́ть, öffnen
отпира́ться, ableugnen
отпла́чивать, отплати́ть, bezahlen, vergelten
отправля́ться, отпра́виться, ſich begeben
отпры́гивать, отпры́гнуть, zurückſpringen
отпряга́ть, отпря́чь, ausſpannen
отпуска́ть, отпусти́ть, entlaſſen, loslaſſen, verabfolgen
отра́дный, erquickend
отража́ть, отрази́ть, wiederſtrahlen, abwehren
отрека́ться, отре́чься, ſich losſagen
о́трокъ, der Knabe
отруба́ть, отруби́ть, abhacken
отрыва́ть, оторва́ть, abreißen
отры́вистый, abgebrochen, kurz
отрѣ́зывать, отрѣ́зать, abſchneiden
отря́дъ, die Abtheilung, Schaar
отря́хиваться, отряхну́ться, ſich abſchütteln
отска́кивать, отскочи́ть, zurückſpringen
отсро́чка, der Aufſchub
отставать, отста́ть, zurückbleiben
отставно́й, verabſchiedet
отста́ивать, отстоя́ть, ſchützen, vertheidigen, retten
отстру́ганный, behobelt
отстругать, behobeln
отступа́ться, отступи́ться, abtrünnig werden
отсту́пникъ, der Abtrünnige
отсу́тствіе, die Abweſenheit, der Mangel
отсчи́тывать, отсчита́ть, abzählen
отсѣ́кать, отсѣ́чь, abhacken
отта́лкивать, оттолкну́ть, zurückſtoßen
отта́скивать, оттащи́ть, fortſchleppen
оттрёпывать, оттрепа́ть, zauſen
отту́да, von dort
отуча́ть, отучи́ть, abgewöhnen
отходи́ть, отойти́, zurücktreten, ſich entfernen,
отча́ливать, отча́лить, abſtoßen
отча́яніе, die Verzweiflung
отча́янный, verzweifelt
отчётливый, genau, präciſe
отше́льникъ, der Einſiedler
отъѣда́ть, отъѣ́сть, abfreſſen
отъѣ́здъ, die Abreiſe
отъѣзжа́ть, отъѣ́хать, fortreiten
отыска́ніе, das Aufſuchen
отыска́ивать, отыска́ть, aufſuchen, finden
отягоще́ніе, die Beläſtigung, Ueberladung
оха́пка, eine Armvoll
охва́тывать, охвати́ть, erfaſſen, ergreifen
охмелѣ́ть, berauſcht werden
о́хнуть, ächzen, ſeufzen
охо́та, die Luſt, das Verlangen, die Jagd
охо́тникъ, der Liebhaber, Freund, Jäger
охо́тно, gern
охо́тный рядъ, der Geflügelmarkt
оцара́пывать, оцара́пать, ritzen, ſchrammen
оча́гъ, der Heerd
оча́нка, der Augentroſt, Gamander
очаро́вывать, очарова́ть, bezaubern
очеви́децъ, der Augenzeuge
очеви́дный, augenſcheinlich
о́чень, ſehr
очерёдно, der Reihe nach
о́чередь, и, die Reihe

очеретъ, das Rohr
очертáнье, der Umriß
очéрчиваться, sich abgrenzen
очкú, овъ, die Brille
очнýться, erwachen, zu sich kommen
очутúться, sich befinden, sich sehen
ошéйникъ, das Halsband
ошибáться, ошибúться, sich irren
ошúбка, der Fehler
ощетúнивать, ощетúнить, das Haar sträuben
ощýпывать, ощýпать, befühlen
óщупью, tastend
ощутúтельный, fühlbar

II.

павлúнъ, der Pfau
пáдаль, и, das Aas
падéжъ, die Seuche
пáдкій, gierig, erpicht
пáдчерица, die Stieftochter
пáжить, и, die Weide, Trift
пáзуха, der Busen
пáкля, die Heede
паладúнъ, der Ritter
палáта, die Kammer; Abtheilung; Menge
палáты, ъ, der Palast
палáчъ, der Henker
палёный, gebrannt
пáлецъ, der Finger
Палестúна, Palästina
палúть, brennen
пáлка, der Stock
пáлочка, das Hölzchen
пáлуба, das Verdeck
пáмятный, erinnerlich
пáмять, и, das Gedächtniß, Andenken; die Besinnung
пáнцырь, я, der Panzer
пáперть, и, die Vorhalle
пáпоротникъ, das Farnkraut
пáра, das Paar
парáдъ, die Parade
пáрень, я, der Bursche, Geselle
парóмщикъ, der Prahmführer
парóмъ, der Prahm
пароходъ, das Dampfschiff
пáрусъ, das Segel
парчевóй, stoffen
паръ, der Dampf, Dunst
пáстбище, die Weide
пастúсь, weiden
пастýхъ, der Hirt
пастýшій, Hirten=
пасть, fallen
пасть, и, der Rachen
пáсха, das Osterbrod
пáтока, der Sirup
паутúна, das Spinnengewebe
пáхарь, я, der Ackermann
пахáть, pflügen
пахнýть, duften, riechen
пáхота, das Pflügen
пáшня, der Acker
пеликáнъ, der Pelikan
пéнсія, die Pension
пень, я, der Baumstumpf
пéня, der Vorwurf
пенять, Vorwürfe machen
пéпелъ, die Asche
пéрвый, der erste
первозвáнный, der Erstberufene
перебирáть, перебрáть, durchwühlen
перебирáться, перебрáться, übersiedeln
перебрасывать, перебрóсить, hinüberwerfen, alles fortwerfen
перебéгáть, перебéжáть, hinüberlaufen
переваливать, перевалúть, hinüberziehen
переваливаться, перевалúться, watscheln
переваривать, перевáрить, verdauen
переводúться, перевестúсь, ausgehen
перевóзъ, das Uebersetzen
переглядывáться, переглянýться, sich ansehen
переговóры, овъ, die Unterhandlungen
перегонúться, um die Wette laufen
перегражда́ть, перегради́ть, versperren
перéдній, der vordere
перéдникъ, die Schürze
передрáзнивать, передразнúть, necken
пережёвывать, пережевáть, wiederkauen
переживáть, пережúть, überleben
перекáтъ, die Stromschwelle
перекладúна, der Querbalken, die Querstange
перекликáться, sich zurufen
перекрестúться, sich bekreuzen
перекрёстокъ, der Kreuzweg
перекýсывать, перекусúть, durchbeißen
переламывать, переломúть, durchbrechen
перелётная птúца, der Zugvogel
перелётный, flüchtig
перелéтывать, flattern
переливáться, schillern
переложúть, hinüberlegen
перемáхивать, перемахнýть, hinüberschwingen
перемéшиваться, перемéшáться, sich vermischen
перенимáть, перенять, nachahmen
переносúть, перенестú, ertragen
переодéвáться, переодéться, sich verkleiden
пéрепелъ, die Wachtel
перепúска, der Briefwechsel
переплетáть, переплестú, einbinden
переплетённый, eingebunden

переплётъ, der Einband, der Fensterrahmen
перепóнчатый, mit Schwimmhäuten versehen
перепóртить, verderben
перепорхáть, перепорхнýть, hinüberflattern
переправа, die Ueberfahrt
перепýтываться, перепýтаться, sich verwickeln
перервáть, unterbrechen
перерывъ — на, um die Wette
перерѣзывать, перерѣзать, durchschneiden
переселéніе, die Uebersiedelung
пересказывать, пересказáть, erzählen
перессóриваться, перессóриться, in Streit gerathen
переставáть, перестáть, aufhören
перестрѣливать, перестрѣлять, todtschießen
пересчúтывать, пересчитáть, abzählen
перетирáть, перетерéть, zerreiben; überwinden
перетревóжиться, in Unruhe gerathen
переýлокъ, die Quergasse
перехитрáть, перехитрúть, überlisten
переходúться, перейтúсь, ausgehen, zu Ende werden
переходъ, der Uebergang; Marsch; Gang
пéрецъ, der Pfeffer
перéчить, widersprechen
перешагáть, перешагнýть, überschreiten
перешибúть, zerschlagen
переѣздъ, die Ueberfahrt
перúла, ъ, das Geländer
перламýтъ, die Perlmutter
перó, die Feder, Flosse
персúдскій, persisch
пéрстень, я, der Ring
перстъ, der Finger
персъ, der Perser
пёрышко, das Federchen
перчáтка, der Handschuh
песóкъ, der Sand
пёстрый, bunt
песчáный, sandig
пёсъ, der Hund
пéтля, die Schlinge
петрóвки, ъ, die Petrifasten
печáлить, betrüben
печáлиться, traurig sein
печáль, и, die Trauer
печáльный, traurig
печáтный, gedruckt, gestempelt
пéчень, и, die Leber
пéчка, der Ofen
печь, backen
пещéра, die Höhle
пúво, das Bier
пилúть, sägen
пировáть, schmausen
пирóгъ, die Pirogge, das Backwerk
пирожóкъ, eine kleine Pirogge
пиръ, das Mahl
писáніе, die Schrift
пúсарь, я, der Schreiber
писáтель, я, der Schriftsteller
пистолéтъ, die Pistole
письмó, der Brief
питáтельный, nahrhaft
питáться, sich nähren
питóмецъ, der Zögling
пить, trinken
пúхта, die Edeltanne
пúща, die Nahrung
плáваніе, die Fahrt
плáвать, schwimmen
плáвно, fließend, leicht
плáкать, weinen
плáменный, heiß, feurig, inbrünstig
плáмень, и, die Flamme
плáмя, die Flamme
пластъ, das Stück, die Lage
плáта, der Lohn
платóкъ, das Tuch, Taschentuch
платъ, das Tuch
плáтье, das Kleid
плáха, der Klotz
плачéвный, kläglich
плащъ, der Mantel
племáнникъ, der Neffe
плескáть, плеснýть, plätschern
плести, flechten
плестúсь, sich fortschleppen
плетéнь, я, ein geflochtener Zaun
плéтка, die Peitsche
плеть, и, die Peitsche
плечúстый, breitschulterig
плечó, die Schulter
плúсовая шáпка, die Plüschmütze
пловéцъ, der Schwimmer, Schiffer
плодовúтый, fruchtbar
плодъ, die Frucht
плóскій, flach
плотъ, das Floß
плохóй, schlecht, schlimm, fahrlässig
плошáть, nachlässig, fahrlässig sein
плóщадь, и, der freie Platz, Marktplatz
плугъ, der Pflug
плутúшка, der Spitzbube
плутовáтый, pfiffig
плутóвка, die Schelmin
плутъ, der Schelm
плыть, schwimmen
плѣнникъ, der Gefangene
плѣнъ, die Gefangenschaft
плѣнáть, плѣнúть, fesseln
плюнуть, ausspeien
плясáть, tanzen
побасёнка, das Geschichtchen, Histörchen
побесѣдовать, sich unterhalten
побивáть, побúть, zerschlagen
поблагодарúть, danken

поблéкнуть, erblaſſen, verwelken
побóи, евъ, die Schläge
побрéзгать, verſchmähen
побрести́, ſich fortſchleppen
побуждáть, побуди́ть, veranlaſſen
побѣжáть, laufen
побѣди́тель, я, der Sieger
побѣждáть, побѣди́ть, ſiegen
поваживáться, повáдиться, ſich gewöhnen
повали́ть, niederwerfen
повали́ться, niederſtürzen
пóваръ, der Koch
поведéніе, die Führung, das Betragen
повели́тель, я, der Beherrſcher
повелѣвáть, befehlen
повёртывать, повернýть, einbiegen
повёртываться, повернýться, ſich umdrehen, umkehren
повéрхность, и, die Oberfläche
повести́, führen; повести́сь, vorhanden ſein
повидáться, ſich wiederſehen
повúдвигаться, повúдвинуться, ſich hervorſchieben
повúдимому, ſcheinbar
повúнный, ſchuldig, gehorſam, ergeben
повиновáться, повинýться, gehorchen
повиновéніе, der Gehorſam
повúснуть, hängen bleiben, herabhängen
пóводъ, der Zügel
поволóчь, ſchleppen
повóльничать, eingenmächtig handeln
поворáчивать, поворотúть, drehen, wenden
поворóтъ, die Biegung
поворчáть, murmeln, brummen
повстрѣчáть, begegnen
повсю́ду, überall
повторя́ть, повторúть, wiederholen
повы́кинуть, hinauswerfen
повы́скакать, herausſpringen
повѣ́рie, der Glaube
повѣ́рить, glauben
повѣ́сить, aufhängen
повѣ́стка, die Anzeige
повѣ́тріе, jünſtiger Wind
повѣ́шенный, aufgehängt
повѣ́ять, anfangen zu wehen
погашáть, погасúть, auslöſchen
погибáть, погúбнуть, umkommen
погладúть, ſtreicheln
поглощáть, поглотúть, verſchlingen
поглядѣ́ть, hinſehen, nachſehen
погнáть, treiben
погнáться, nachlaufen, verfolgen
погнýться, ſich biegen
поговóрка, die Redensart, der Wahlſpruch
погóда, das Wetter
погоди́, warte
погодя́ не мнóго, etwas ſpäter
погóня, die Verfolgung
погорáть, погорéть, abbrennen
погорева́ть, trauern
погóстъ, der Kirchhof
погребáть, погрéбстú, begraben
погребéнье, die Beerdigung
пóгребъ, der Keller
погрози́ть, drohen
погружáть, погрузúть, eintauchen
погружáться, погрузúться, einſinken
погрéшность, и, das Verſehen, der Fehler
погубúть, verderben
подавáть, подáть, reichen, geben
подавáться, fortſchreiten
подавля́ться, подавúться, erſticken
пóдавно, erſt, recht
подарúть, ſchenken
подáрокъ, das Geſchenk
подáнie, die Gabe, das Almoſen
подбивáть, zureden, anſtacheln
подбирáть, подобрáть, aufſammeln, aufleſen, dazupaſſen
подбирáться, подобрáться, hinzuſchleichen, ſich ſchürzen
подбúтый, zerſchlagen
подблю́дныя пѣ́сни, Lieder, die zwiſchen Weihnachten und dem Feſte der heiligen drei Könige in Geſellſchaft junger Mädchen geſungen werden.
подборóдокъ, das Kinn
подбочúться, die Hände in die Seiten ſtemmen
подбѣ́гать, подбѣжáть, heranlaufen
подвáлъ, der Keller
подвергáть, подвéргнуть, unterwerfen
подвёртывать, подвернýть, unterbiegen, unterſchieben
подвигáть, подвúнуть, weiterbewegen, weiterſchieben
подвигáться, подвúнуться, weiterrücken
пóдвигъ, die That
подводúть, подвести́, heranführen, unterlegen
подвóдная скалá, das Riff
подворóтня, das unter dem Thor befindliche Brett
подвóрье, Haus und Hof
подвя́зывать, подвязáть, umbinden, umgürten
подгибáть, подогнýть, unterbiegen
подгорáть, подгорéть, anbrennen
подгýливать, подгуля́ть, ſich etwas berauſchen
пóдданный, der Unterthan
поддáтливый, fügſam, nachgiebig
поддержáніе, die Erhaltung, Aufrechterhaltung
поддéрживаніе, die Erhaltung, Aufrechterhaltung
поддéрживать, поддержáть, ſtützen, halten, tragen
подёргиваніе, das Zucken
подéржанный, abgenutzt

подёрнуть, überziehen, leicht zufrieren
поджáрый, abgemagert
поджидáть, erwarten
поджимáть, поджáть, unterſchlagen
поджимáться, поджáться, ſich niederhocken
подзéмный, unterirdiſch
подзóрная трубá, das Fernrohr
подзывáть, подозвáть, herbeirufen
подивúться, ſich wundern
подкáшивать, подкосúть, abmähen
подкладывать, подложúть, unterlegen
подклéть, das Kellergeſchoß
подкóва, das Hufeiſen
подковывать, подковáть, beſchlagen
подкрéплять, подкрéпить, ſtärken
пóдлинно, wirklich
подлóбье, die Höhlung unter der Stirn
подлéзать, подлéзть, unterkriechen
подмáзывать, подмáзать, ausſchmieren
подмáнивать, подманúть, heranlocken
подмáчивать, подмочúть, anfeuchten
подмúгивать, подмигнýть, blinzern, zwinkern mit den Augen
подмóстки, ъ, das Gerüſte
подмывáть, подмы́ть, wegſpülen
подмы́тый, unterſpült, unterwühlt
поднебéсье, der Himmelsraum
поднимáть, поднять, aufheben, aufſcheuchen
поднимáться, подня́ться, ſich erheben
подно́жие, der Fuß
подноситъ, поднести́, hinzubringen, hinzuführen
подно́съ, das Präſentirbrett
подня́тіе, der Transport, die Fortſchaffung
подóбіе, die Aehnlichkeit
подóбный, gleich
подождáть, warten
подозрúтельный, mißtrauiſch
подозрéвать, подозрéть, Verdacht haben
подозрéніе, der Verdacht
подоспéвать, подоспéть, zur rechten Zeit hinzukommen
подпивáть, подпúть, ſich etwas berauſchen
подпирáть, подпереть, ſtützen
подползáть, подползти́, herankriechen
подпóлье, der Raum unter dem Fußboden
подпры́гивать, подпры́гнуть, heranſpringen
подпéвать, accompagniren
подрáгивать, beben, zittern
подрóбность, и, die Ausführlichkeit, Einzelnheit
подрóбный, ausführlich
подрýга, die Freundin, Gefährtin
подружúться, Freundſchaft ſchließen
подрéзывать, подрéзать, durchſchneiden
подрядчúкъ, der Unternehmer, Lieferant
подсвéчникъ, der Leuchter
подсóлнечникъ, die Sonnenblume
подставлять, подстáвить, unterhalten
подступáть, подступúть, herankommen
подсудúмый, der Angeklagte
подсыхáть, подсóхнуть, trocken werden, abtrocknen
подтáчивать, подточúть, benagen, abfreſſen
подтверждáть, подтвердúть, beſtätigen
подýшка, das Kiſſen
подхвáтывать, подхватúть, auffangen, erwiſchen
подходúть, подойтú, herantreten, ſich nähern; paſſen
подчинённый, untergeben
подъёмный, zum Aufziehen
подъéздъ, die Auffahrt
подъéзжать, подъéхать, heranreiten
подымáть, подня́ть, aufheben
подымáться, подня́ться, ſich erheben
подéля́ться, подéли́ться, theilen
поедúнокъ, der Zweikampf
пожáловать, verleihen; добрó пожáловать, willkommen
пожáловаться, klagen
пожáлуйста, ſei ſo gut, ich bitte dich; gefälligſt
пожáръ, die Feuersbrunſt
пожелтéвшій, gelb geworden
пожéртвованіе, die Darbringung, das Opfer
пожéртвовать, darbringen, opfern
пожúва, die Beute, der Gewinn
поживля́ться, пожúвиться, Vortheil ziehen
пожирáть, пожрáть, auffreſſen, verzehren
позавúдовать, beneiden
позáвтракать, frühſtücken
позадú, hinter
позапоздáть, verſpäten
позвáть, rufen
позволя́ть, позвóлить, erlauben
пóздній, ſpät
пóздно, ſpät
поздорóваться, ſich begrüßen
поздравля́ть, поздрáвить, gratuliren
познакóмиться, ſich bekannt machen
познáніе, die Kenntniß
позолóченный, vergoldet
позóрный, ſchmachvoll
позóръ, die Schmach
поймáть, fangen
поискáть, ſuchen
пойтú, gehen
пóить, tränken
показáніе, die Ausſage
покáзъ, das Zeigen, die Schau
показывать, показáть, zeigen
показываться, показáться, ſcheinen
покатúть, hinrollen
покáтость, и, die Neigung
покаáнье, die Reue
покúдать, покúнуть, verlaſſen
поклáжа, Gepäck, Fracht
поклевáть, picken
поклóнникъ, der Verehrer

поклóнъ, die Verbeugung, das Compliment
поклоня́ться, поклони́ться, ſich verbeugen
покóй, das Gemach, die Ruhe
покóйникъ, покóйница, der, die Verſtorbene, Selige
покóйный, friedlich, ſelig
покóль, bis
покоре́ніе, die Eroberung
покóрность, и, die Ergebenheit
покоро́бливать, покоро́бить, ſich krümmen
покóсъ, der Schnitt, das Mähen
покраснѣ́ть, erröthen
покрови́тель, я, der Beſchützer
покрови́тельство, der Schutz
покро́въ, die Decke
покрыва́ться, покры́ться, ſich bedecken
покры́шка, der Deckel
покýда, ſo lange
покýмиться, Gevatter ſtehen
покупа́ть, kaufen
покýпка, der Kauf
покупщи́къ, der Käufer
покýсывать, beißen
пола́, der Schooß
пола́вливать, dann und wann fangen
полага́ть, положи́ть, hinlegen, meinen, beſtimmen
полага́ться, ſich verlaſſen
пола́комиться, naſchen
пола́ти, ей, die Pritſche
полго́да, ein halbes Jahr
по́лдень, я, der Mittag
полдеся́тины, eine halbe Deſſätine
полдне́вный, mittägig
полдю́жина, ein halbes Dutzend
по́ле, das Feld
полевóй, Feld-
полéзный, nützlich
полетѣ́ть, fortfliegen
ползти́, kriechen
полиза́ть, belecken
полиро́ванный, polirt
поли́ться, ſtrömen
поли́ція, die Polizei
по́лка, das Regal
полково́децъ, der Feldherr
по́лкъ, das Regiment
по́лно, genug
полно́чный, mitternächtlich
по́лночь, и, die Mitternacht
по́лный, voll
половúна, die Hälfte
полого́й, ſanft geneigt
по́логъ, der Bettvorhang
положе́ніе, die Lage
положи́ть, legen
полóнъ, die Gefangenſchaft
полоса́, der Streifen, Landſtrich
полоскáть, ausſpülen
полотéнце, das Handtuch
полотнó, die Leinewand
полсло́ва, ein halbes Wort
полсóтня, ein halbes Hundert
полтора́, anderthalb
полудремóта, der Halbſchlummer
полузавѣ́шенный, halbverhängt
полузамёрзшій, halberfroren
полумра́къ, das Halbdunkel
полуодѣ́тый, halbbekleidet
получа́ть, получи́ть, empfangen, bekommen
полушýбокъ, der Halbpelz
полца́рства, ein halbes Reich
по́лчаса, eine halbe Stunde
полшто́фъ, ein halbes Stof
полъ, die Diele
полынья́, eine nicht zugefrorene Stelle im Eiſe, die Wuhne
по́льза, der Nutzen
по́льзоваться, benutzen, genießen
полсти́ть, ſchmeicheln
полѣзáть, полѣ́зть, klettern
полѣ́но, das Holzſcheit
полюби́ть, lieb gewinnen
полюбопы́тствовать, neugierig ſein
поля́на, das Feld, die freie Stelle im Walde
помáргивать, zwinkern
помáяться, ſich abmühen
помертвѣ́ть, abſterben, erblaſſen, öde werden
помúловать, begnadigen, verzeihen, ſich erbarmen
помина́ть, по́мнить, zurückdenken, ſich erinnern, erwähnen
помúнъ, die Erwähnung
помира́ть, помере́ть, ſterben
помири́ться, ſich verſöhnen
помога́ть, помóчь, helfen
помоли́ться, beten
помолча́ть, eine Zeitlang ſchweigen
по́мочь, и, die Hilfe, der Beiſtand
по́мощь, и, die Hilfe
помýжествовать, zum Manne werden
помути́ться, trübe werden
помча́ть, ſchnell fortſchleppen, entführen
помча́ться, davonjagen
помы́кать, treiben
помѣря́ться, ſich meſſen
помѣсти́тельный, geräumig
помѣ́ха, das Hinderniß
помѣща́ть, помѣсти́ть, unterbringen, placiren
помя́ть, zerknittern, zerdrücken
понадобиться, nöthig ſein [nehmen
понести́, wegtragen, durchgehen, Reißaus
поника́ть, поникнуть, zur Erde ſenken
поникшій, geſenkt
понима́ть, поня́ть, begreifen
поноси́ть, ſchmähen
поно́шенный, abgetragen
понра́виться, gefallen
понука́ть, понукну́ть, antreiben
пону́рый, herunterhängend

понынѣ, bis jetzt
понюхать, riechen
понятіе, der Begriff
понятливый, verständnißvoll
понятный, begreiflich
поочерёдно, der Reihe nach
попадать, попасть, gerathen, fallen, treffen
поперёкъ, quer
поперечникъ, der Durchmesser
поплавокъ, der Kork an der Angel
поплясать, tanzen
пополамъ, in die Hälfte
пополняться, пополниться, voller werden
попона, die Pferdedecke
попотчивать, bewirthen
поправляться, поправиться, sich bessern, erholen
попробовать, versuchen
попрошайка, der Bettler
попрыгунья, die Springerin
попусту, unnütz, vergebens
попутать, verwickeln, verwirren
попутный, günstig
попъ, der Priester, Geistliche
попытаться, versuchen
попыхъ, die Hast
пора, die Zeit
поражать, поразить, treffen, überraschen
поражённый, überrascht
поразговориться, nach und nach ins Reden hineinkommen
поразсказать, erzählen
поранить, verwunden
порвать, zerreißen
поровну, gleichmäßig
поровняться, gegenüber zu stehen kommen
порогъ, die Schwelle
породниться, породниться, verwandt werden
порознь, einzeln
порой, ab und zu
поросёнокъ, das Ferkel
поростать, поростй, bewachsen
поросшій, bewachsen
пороховой, Pulver-
порохъ, das Pulver
порошить, bestäuben, bestreuen
порою, von Zeit zu Zeit
порскать, порскнуть, anstacheln, jagen
портной, der Schneider
портретъ, das Portrait
порубка, der Holzschlag
поруганіе, der Schimpf
поручаться, поручиться, bürgen
поручикъ, der Lieutenant
порхать, flattern
порѣшить, beschließen
порядиться, einswerden
порядкомъ, ordentlich
порядокъ, die Ordnung
посадить, pflanzen, setzen
посадъ, die Niederlassung
посватать, freien
посвящать, посвятить, weihen, widmen
поселенецъ, der Ansiedler
поселянинъ, der Landmann
поселить, поселить, ansiedeln, hineinsetzen
поселяться, поселиться, sich niederlassen
посидѣть, sitzen
посинѣть, blau werden
поскользаться, поскользнуться, ausgleiten
послушаніе, der Gehorsam
послушать, zuhören
послушный, gehorsam
послышаться, sich vernehmen lassen
послѣ, nach
послѣдній, letzter
послѣобѣденный, Nachmittags-
посмотрѣть, hinsehen, nachsehen
посмѣяніе, der Spott
пособлять, пособить, helfen
посовѣтовать, rathen
поспорить, streiten, kämpfen
поспѣвать, поспѣть, zur Zeit kommen; fertig werden
поспѣшать, поспѣшить, eilen
посредй, mitten
посредникъ, der Vermittler
посредствомъ, vermittelst
поссориться, sich entzweien, Streit bekommen
поставка, die Lieferung
поставлять, поставить, stellen, hinstellen, liefern
поставщикъ, der Lieferant
поставъ, der Mahlgang
постановлять, постановить, bestimmen, verordnen
постараться, sich bemühen
постель, и, das Bett
постелька, das Bettchen
постепенный, allmälig
постигать, постигнуть, erreichen; begreifen
постничать, fasten
постный, Fasten-
посторонній, nebensächlich
постоялецъ, der Einwohner
постоялый дворъ, das Gasthaus
постоянство, die Beständigkeit
пострадать, Schaden erleiden
постройка, der Bau
построить, bauen
постукиванье, das Klopfen, Pochen
постукивать, klopfen, pochen
поступать, поступить, handeln; eintreten
поступокъ, die Handlung
постучать, anklopfen
посуда, das Geschirr
посудить, urtheilen, überlegen
посылать, послать, schicken
посылка, das Schicken
посѣщать, посѣтить, besuchen

потаи́ть, verheimlichen
пота́птывать, dann und wann treten
потаска́ть, schleppen
пота́чка, die Nachsicht
потемнѣ́ть, dunkel werden
потеря́, der Verlust
потечь, dahinfließen
пото́къ, der Bach
потолóкъ, die Oberlage
потому́, darum
потому́ что, weil
пото́мъ, darauf
потопля́ть, потопи́ть, überschwemmen
потребля́ть, потреби́ть, verbrauchen
потре́бность, и, das Bedürfniß
потре́боваться, erforderlich sein
потре́скивать, knistern
потрясáть, потрясти́, schütteln, erschüttern
потрясéніе, die Erschütterung
потря́хивать, schütteln
потужи́ть, sich grämen, härmen
потумáниться, sich mit Nebel bedecken
потýскнуть, trübe werden, anlaufen
потуха́ть, erlöschen
потуша́ть, потуши́ть, auslöschen
по́тчивать, bewirthen, nöthigen
потъ, der Schweiß
потьма́, die Finsterniß
потѣ́ть, schwitzen
потѣ́ха, die Freude
потя́гаться, sich messen
потя́гивать, потяну́ть, ziehen
поубáвиться, abnehmen
поýжинать, zu Abend essen
поуспокóиться, sich beruhigen
похáживать, umherwandern
похвала́, das Lob
похвальбá, die Prahlerei
похваля́ть, похвали́ть, loben
похваля́ться, похвали́ться, sich rühmen, prahlen
похити́тель, я, der Räuber, Dieb
похища́ть, похити́ть, stehlen, rauben
похлебáть, essen, schlürfen
похмѣ́лье, Kopfweh nach einem Rausch, der Katzenjammer
похóдный, Feld-
похóдъ, der Feldzug
похóжій, ähnlich
похорони́ть, похорони́ть, beerdigen
похрáпывать, schnarchen
похристóсоваться, sich zum Osterfeste küssen
поцѣлова́ть, küssen
по́чва, der Boden
почёмъ, woran
почёсывать, почесáть, kratzen
почётный, Ehren-
почётъ, die Ehre, Achtung
почивáть, ruhen
почини́ть, почини́ть, reparíren
почита́ніе, die Achtung, Ehrfurcht
по́чка, die Knospe
почтённый, ehrwürdig
почтéнье, die Achtung
почти́тельный, ehrerbietig
почти́ть, ehren
почу́вствовать, fühlen
почу́ять, wittern, merken
пошабáшить, Feierabend machen
пошáливать, пошали́ть, schlechte, muthwillige Streiche machen
пошатнýвшійся, auf die Seite geneigt
пошатну́ться, wanken
пошевéливаться, пошевели́ться, sich bewegen, rühren
пощáда, die Schonung
пощади́ть, schonen
пощеголя́ть, prunken
пощёлкивать, schnalzen, knirschen
пощипа́ть, abrupfen
поѣ́здка, die Reise
поѣ́здъ, der Zug
появлéніе, die Erscheinung
появля́ться, появи́ться, erscheinen
поясни́ть, поясни́ть, erklären
по́ясъ, der Gürtel
прáвда, die Wahrheit
прáведный, gerecht
прáвильный, regelmäßig
правúтель, я, der Regent
правúтельство, die Regierung
правлéніе, die Regierung, Verwaltung
прáво, das Recht
правописáніе, die Orthographie
православ́ный, rechtgläubig
прáвый, recht
прáдѣдъ, der Urgroßvater
прáзникъ, das Fest, Feiertag; свѣ́тлый прáзникъ, das Osterfest
прáздничный, festlich
прáздный, müssig
прáздновать, feiern
прахъ, der Staub
превесёлый, sehr fröhlich, munter
превозноси́ть, превознести́, preisen, rühmen
превосходúтельство, die Excellenz
превосходи́ть, превзойти́, übertreffen
превосхóдный, ausgezeichnet
превосхóдство, der Vorrang, Vorzug, die Ueberlegenheit
превра́тность, и, die Widerwärtigkeit, Wandelbarkeit
превраща́ть, преврати́ть, verwandeln
превращéніе, die Verwandlung
прегрáда, das Hinderniß
прегрѣшéніе, die Sünde, das Vergehen
предава́ться, предáться, sich hingeben
преданіе, die Ueberlieferung
прéданный, ergeben
предводи́ть, führen, anführen

предвѣща́ть, предвѣсти́ть, vorherverkünden
предлага́ть, предложи́ть, vorſchlagen
предла́нный, außerordentlich lang
предназнача́ть, предназна́чить, vorherbeſtimmen
пре́докъ, der Ahne
предоставля́ть, предоста́вить, überlaſſen
предосторо́жность, и, die Vorſicht
предписа́ніе, die Vorſchrift
предполага́ть, предположи́ть, beabſichtigen
предпочита́ть, предпочёсть, vorziehen
предпріи́мчивый, unternehmend
предпринима́ть, предприня́ть, unternehmen
предпрія́тіе, das Unternehmen
предразсвѣтный, Morgen-
предска́зывать, предсказа́ть, prophezeihen
предсме́ртная му́ка, die Todesqual
представа́ть, предста́ть, erſcheinen, vortreten
представля́ть, предста́вить, vorſtellen
предувѣдомля́ть, предувѣдомить, benachrichtigen, warnen
предупрежда́ть, предупреди́ть, warnen
пре́жде, früher
пре́жній, früher
презира́ть, презрѣ́ть, verachten
презрѣ́ніе, die Verachtung
презрѣ́нный, verächtlich
преиму́щество, der Vorzug
преклоня́ть, преклони́ть, neigen, beugen
прекосло́вить, widerſprechen
прекраща́ть, прекрати́ть, ein Ende machen; aufhören zu machen
прелёстный, reizend
пре́лесть, и, der Reiz, die Anmuth
прему́дрость, и, die Weisheit
пренебрега́ть, пренебре́чь, verachten, geringſchätzen
преобража́ться, преобрази́ться, ſich verwandeln
преобразо́вывать, преобразова́ть, umbilden
препровожда́ть, препрово́дить, geleiten
препровожде́ніе вре́мени, der Zeitvertreib
прерыва́ться, прерва́ться, unterbrochen werden
преры́вистый, kurz
преслѣ́дованіе, die Verfolgung
преслѣ́дователь, я, der Verfolger
преслѣ́довать, verfolgen
пресмыка́ющіяся, die Reptilien
престарѣ́лый, uralt
преступле́ніе, das Verbrechen
престу́пникъ, der Verbrecher
прибавля́ть, приба́вить, hinzufügen
прибау́тка, das Wortſpiel, der Schwank
прибира́ть, прибра́ть, aufräumen
приближе́ніе, die Annäherung
приближённый, der Vertraute
при́бранный, aufgeräumt
прибыва́ть, прибы́ть, ankommen
при́быль, и, der Gewinn
прибы́тіе, die Ankunft
прибѣга́ть, прибѣгнуть, Zuflucht nehmen
прива́лъ, der Landungsplatz, Halt, die Raſt
прива́ръ, die Zuthat zu einer Speiſe
привздохну́ть, aufſeufzen
привиде́ніе, das Geſpenſt
привинчивать, привинти́ть, anſchrauben
привлека́ть, привле́чь, heranziehen, anlocken
приво́льный, ausgedehnt
привыка́ть, привы́кнуть, ſich gewöhnen
привы́чка, die Gewohnheit
привѣ́тливый, einladend, freundlich
привѣ́тствіе, der Gruß
привѣ́тствовать, begrüßen
привѣ́тъ, der Gruß
привя́занный, angebunden
привя́зывать, привяза́ть, anbinden
привя́зываться, привяза́ться, ſich anſchließen
при́вязь, и, der Strick, die Kette zum anbinden
приглашённый, eingeladen
приглаша́ть, пригласи́ть, einladen, auffordern
приглядываться, приглядѣ́ться, ſich gewöhnen
приговаривать, приговори́ть, verurtheilen
приго́воръ, das Urtheil
пригоди́ться, zu Statten kommen
пригожа́ться, zu Statten kommen
приго́жій, nett, hübſch
приго́рокъ, der Hügel
при́горшень, я, die Handvoll
приготовле́ніе, die Bereitung
приготовля́ть, пригото́вить, bereiten, vorbereiten
пригрози́ть, bedräuen
пригрѣва́ть, пригрѣ́ть, erwärmen
прида́ное, die Mitgift
придво́рный, der Höfling
приде́рживать, придержа́ть, feſthalten
приду́мывать, приду́мать, erſinnen, ausdenken
приде́лывать, приде́лать, befeſtigen, anmachen
прижига́ть, прижёчь, anbrennen
прижима́ться, прижа́ться, ſich anſchmiegen
призаду́мываться, призаду́маться, nachdenklich werden, in Gedanken verſinken
признава́ть, призна́ть, erkennen
признава́ться, призна́ться, eingeſtehen
при́знакъ, das Zeichen, die Spur
призо́ръ, die Aufſicht
призывать, призва́ть, herbeirufen
призы́вный, rufend, einladend
призрѣва́ть, призрѣ́ть, ein Obdach geben, verſorgen
приказа́ніе, der Befehl
прика́зный, der Beamte
прика́зъ, der Befehl
прика́зывать, приказа́ть, befehlen
прика́щикъ, der Commis
прикла́дывать, приложи́ться къ ико́намъ, küſſen, Ehrfurcht zeugen

приклоня́ть, приклони́ть го́лову, das Haupt niederlegen
прикорну́ть, sich hinhocken
прикоснове́ніе, die Berührung
прикри́кивать, прикри́кнуть, jemand anschreien
прикру́чивать, прикрути́ть, anbinden
прикрыва́ть, прикры́ть, bedecken, zudecken, verdecken
прикры́тый, bedeckt
прикрѣпля́ть, прикрѣпи́ть, befestigen
прила́вокъ, der Ladentisch [bringen
прила́живать, прила́дить, anpassen, anприлега́ть, sich anschließen
приле́чь, sich niederlegen
прилипа́ть, прили́пнуть, ankleben
прили́чный, anständig
прима́нчивый, lockend
примерза́ть, примёрзнуть, anfrieren
приме́лвить, hinzufügen
приме́рскій, am Meere gelegen
примыка́ть, примкну́ть, sich anschließen
приме́ръ, das Beispiel
приме́та, das Anzeichen
приме́чать, приме́тить, bemerken
принадлежа́ть, gehören
принима́ть, приня́ть, entgegennehmen, empfangen; halten für etwas
принима́ться, приня́ться, anfangen, beginnen
приноси́ть, принести́, bringen
принужда́ть, прину́дить, nöthigen
приню́хиваться, riechen
пріобрѣта́ть, пріобрѣсть, erwerben
припада́ть, припа́сть, sich niederwerfen, niederhocken
припаса́ть, припасти́, vorräthig anschaffen
припа́съ, der Vorrath
при́печекъ, der Heerd vor dem Ofen
припи́сывать, приписа́ть, zuschreiben
приплыва́ть, приплы́ть, heranschwimmen
приподнима́ть, приподня́ть, aufheben
приподнима́ться, приподня́ться, sich erheben
припомина́ть, припо́мнить, sich erinnern, nachdenken
припра́ва, die Würze
припря́тывать, припря́тать, aufbewahren
припѣва́ть, припѣть, dazusingen
припѣва́ючи, fröhlich
приро́да, die Natur
приро́дный, natürlich
присво́ивать, присво́ить, sich zueignen
прискака́ть, herangaloppiren
прислоня́ться, прислони́ться, sich anlehnen
прислу́га, die Bedienung
прислу́живать, bedienen
прислу́шиваться, прислу́шаться, aufhorchen
присма́тривать, присмотрѣть, beobachten, aufpassen
присма́триваться, присмотрѣться, aufmerksam betrachten
присмирѣть, stille werde
присмо́тръ, die Aufsicht
присоедини́ться, присоедини́ться, sich anschließen, vereinigen
приста́вать, приста́ть, ankleben; sich an jemand drängen; landen; einkehren
при́стань, и, der Hafen, Landungsplatz
приступа́ть, приступи́ть, sich nähern; drängen; anfangen
при́ступъ, der Sturmangriff
пристяжна́я, das Seitenpferd
прису́тствіе, die Gegenwart; Gerichtsstube
прису́тствовать, zugegen sein
прису́тствующій, der Anwesende
прися́га, der Eid
притворя́ться, притвори́ться, sich anstellen, verstellen
притопты́вать, притопну́ть, mit den Füßen stampfen
притупля́ться, притупи́ться, stumpf werden
при́тча, der unvorhergesehene Fall
притѣсня́ть, притѣсни́ть, bedrücken
притяза́ніе, der Anspruch
приходи́ть, придти́, kommen
прихо́дъ, die Ankunft; Einnahme; Gemeinde
прихо́тливый, launenhaft
при́хоть, и, die Laune
прицѣ́ливаться, прицѣ́литься, zielen
прицѣ́нивать, прицѣни́ть, nach dem Preise fragen
причаливать, причалить, landen
причастіе, das Abendmahl
причи́на, die Ursache
причиня́ть, verursachen
пришиба́ть, пришиби́ть, verletzen, treffen
пришле́цъ, der Ankömmling
пришпо́ривать, пришпо́рить, anspornen
прищёлкивать, прищелкну́ть, schnalzen mit den Fingern
пріёмный даръ, das Bewillkommnungsgeschenk
пріёмъ, der Empfang; Handgriff
пріуны́ть, niedergeschlagen, traurig werden
пріуча́ть, пріучи́ть, gewöhnen
пріѣздъ, die Ankunft
пріѣзжа́ть, пріѣхать, angefahren kommen
пріюти́ть, beherbergen
пріюти́ться, Zuflucht nehmen
прію́тъ, die Zuflucht, Asyl
прія́тель, я, der Freund
прія́тный, angenehm
пробива́ть, проби́ть, durchschlagen; durchlöchern
пробива́ться, проби́ться, durchbrechen, durchdringen
пробира́ться, пробра́ться, schleichen
про́бовать, versuchen
пробормота́ть, murmeln
пробужда́ть, пробуди́ть, erwecken
пробужда́ться, пробуди́ться, erwachen

пробура́вливать, пробура́вить, durchbohren
пробыва́ть, проби́ть, verweilen
пробѣга́ть, пробѣжа́ть, hindurchlaufen
прова́ливаться, прова́литься, durchfallen, einſinken
прова́ляться, liegen
провести́, bethören
прови́зія, der Proviant, Mundvorrath
проводи́ть, провести́, führen; zubringen
проводни́къ, der Führer
прово́рный, geſchwind; munter; gewandt
проворча́ть, brummen
провѣда́ть, ſich erkundigen, beſuchen
прова́ливать, прова́лить, an der Luft trocknen
прогла́тывать, проглоти́ть, verſchlingen, verſchlucken
прогоня́ть, прогна́ть, forttreiben
прогреме́ть, donnern
прогу́лка, der Spaziergang, Spazierritt
продава́ть, прода́ть, verkaufen
прода́жа, der Verkauf
продёргивать, продёрнуть, durchziehen, einen Faden einziehen
продира́ться, продра́ться, zerreißen
продли́ться, dauern
продолгова́тый, länglich
продолжа́ть, fortfahren, fortſetzen
продолже́ніе, die Dauer, Fortſetzung
продолжи́тельный, lange dauernd
продѣлка, der Spaß, Scherz [thun,
проживать, прожи́ть, leben, verleben, verпрозва́ніе, die Benennung; der Zuname
про́звище, der Beiname
прозвене́ть, klingen
прозвони́ть, läuten
прозра́чный, klar, durchſichtig
прозя́бнуть, durchfrieren
прои́грывать, проигра́ть, verlieren
произведе́ніе, das Erzeugniß
производи́ть, произвести́, hervorbringen; bewerkſtelligen; ernennen
произнесе́ніе, das Ausſprechen
произноси́ть, произнести́, ausſprechen
произноше́ніе, die Ausſprache
происходи́ть, произойти́, entſtehen, herkommen, ſich ereignen
происхожде́ніе, die Herkunft, Abſtammung
прока́зить, Muthwillen treiben
прока́зникъ, прока́зница, der, die Muthwillige
прока́рмливать, прокорми́ть, ernähren
прокладывать, проложи́ть, durchführen, bahnen, einen Weg anlegen
проклёвывать, проклю́нуть, durchpicken
проклина́ть, прокля́сть, verwünſchen
прокопа́ть, durchgraben
прокля́тый, verwünſcht
прокормле́ніе, die Ernährung
прокури́ть, im Branntweinbrennen verthun
прокуро́ръ, der Procureur
прокуси́вать, прокуси́ть, durchbeißen
прокъ, der Nutzen
пролепета́ть, flüſtern
пролета́ть, пролетѣ́ть, durchfliegen, vorüberfliegen
проливать, проли́ть, verſchütten, ausgießen, vergießen
проли́въ, die Meerenge
промежу́токъ, der Zwiſchenraum; die Pauſe
проме́жъ, zwiſchen, unter
промелькну́ть, aufleuchten
промока́ть, промо́кнуть, naß werden
промо́лвить, ausſprechen
промоли́ться, beten
промолча́ть, ſchweigen
промча́ться, vorüberjagen
промы́вка, das Auswaſchen, Ausſpülen
про́мыселъ, das Handwerk, Gewerbe
промычать, brüllen
промышля́ть, ein Gewerbe treiben
промѣ́нивать, промѣня́ть, umtauſchen
пронзать, пронзи́ть, durchbohren
прони́зывать, пронизать, aufreihen; durchdringen
проника́ть, прони́кнуть, eindringen, durchdringen
проноси́ть, пронести́, vorübertragen
проноси́ться, пронести́сь, vorüberfliegen
прони́хивать, прони́хать, wittern, ausſpähen
пропада́ть, пропа́сть, verloren gehen, verſchwinden, umkommen
про́пасть, и, der Abgrund
пропа́хивать, пропахать, durchpflügen, durchackern
пропива́ть, пропи́ть, vertrinken
пропи́тывать, пропита́ть, ernähren, durchtränken
пропища́ть, piepen
проплывать, проплы́ть, vorüberſchwimmen
проповѣ́дывать, predigen
про́повѣдь, и, die Predigt
пропуска́ть, пропусти́ть, vorüberlaſſen
пророкъ, der Prophet
пропѣ́вать, пропѣ́ть, ſingen
про́рубь, и, die Wuhne
прорывать, прорва́ть, durchreißen
просве́рливать, просверли́ть, durchbohren
просвѣще́ніе, die Civiliſation, Aufklärung
просёлочный, Seiten-
проси́тель, я, проси́тельница, der Bittſteller, die Bittſtellerin
проска́кивать, проскака́ть, vorüberſprengen, vorüberjagen
проскользну́ть, durchſchlüpfen
прославля́ть, просла́вить, berühmt machen
прослези́ться, in Thränen ausbrechen
прослужи́ть, dienen
про́со, die Hirſe
проспа́ть, verſchlafen
простёртись, ausgeſtreckt

простира́ть, простере́ть, ausſtrecken
про́сто, einfach
простоду́шный, bieder, treuherzig
просто́й, einfach
простона́ть, ſtöhnen
просто́рный, geräumig
просто́ръ, der Raum, das Gelaß
простофи́ля, der Einfältige
простра́нство, die Ausdehnung, der Raum
простра́нствовать, durchwandern
простре́ленный, durchſchoſſen
простре́ливать, простре́лить, durchſchießen
просту́живаться, простуди́ться, ſich erkälten
просу́нуть, hervorſtrecken
просыпа́ться, просну́ться, erwachen
просы́пъ, das Erwachen
прота́лкиваться, протолкну́ться, ſich durchdrängen
протаща́ться, ſich fortſchleppen
протека́ть, проте́чь, vorüberfließen
проти́вникъ, der Gegner
проти́вное, das Gegentheil
противополо́жный, entgegengeſetzt
протя́гивать, протяну́ть, ausſtrecken
протяже́ніе, die Entfernung
протя́жный, gedehnt
проу́чивать, проучи́ть, eine Lehre geben
прохва́тывать, прохвати́ть, durchdringen
прохла́да, die Kühle
прохла́дный, kühl
проходи́ть, пройти́, durchgehen, vergehen, durchwandern
прохо́дъ, der Durchgang, Paß
прохо́жій, der Wanderer
про́чій, der, die, das übrige
про́чность, и, die Dauerhaftigkeit
про́чный, dauerhaft
прочь, fort
прошепты́вать, прошепта́ть, flüſtern
проше́ствіе, der Verlauf
прошиба́ть, прошиби́ть, durchſchlagen
прошлого́дній, vorigjährig
проща́льный, Abſchieds-
проща́ться, проста́ться, Abſchied nehmen
прощебета́ть, flüſtern
прощеніе, die Verzeihung
проѣзжа́ть, проѣхать, reiſen, durchfahren
проѣзжа́ющій, der Vorüberfahrende
проѣзжій, der Reiſende
проявля́ться, прояви́ться, erſcheinen
прудъ, der Teich
прутъ, die Ruthe, Gerte
пры́гать, ſpringen
пры́гнуть, einen Sprung machen; ſpringen
прыжо́къ, der Sprung
пры́сканье, das Spritzen, Pruſten
пры́скать, пры́снуть, ſpritzen, pruſten
пря́ткій, raſch, ſchnell
пря́данье, das Springen, Hüpfen
пря́жа, das Geſpinſt
пря́мо, gerade
прямо́й, gerade, recht
пря́никъ, der Honigkuchen, Pfefferkuchen
пря́сло, das Fach im Zaun
прясть, ſpinnen; bewegen
пря́тать, verwahren, verſtecken
пря́ха, die Spinnerin
псалты́рь, я, der Pſalter
соба́рня, der Hundezwinger
псарь, я, der Hundewärter
птенцъ, der Neſtling, junge Vogel
пти́ца, der Vogel
пти́чій полетъ, die Vogelperſpective
пти́чка, das Vöglein
публи́чно, öffentlich
пуга́ть, ſcheuchen, ſchrecken, ängſtigen
пуга́чъ, der Uhu
пу́говица, der Knopf
пу́говка, der Knopf
пуза́тый, dickbäuchig
пузы́рь, я, die Blaſe
пу́ля, die Flintenkugel
пуска́ть, пусти́ть, laſſen, ſchleudern
пуска́ться, пусти́ться, beginnen; ſich auf den Weg machen; nacheilen
пусто́й, leer, unnütz
пусты́нный, öde, einſam
пусты́ня, die Wüſte
пуста́къ, die Kleinigkeit, Narrenspoſſe
путеше́ственникъ, der Wanderer
путеше́ствовать, reiſen
пу́тница, die Wanderin
путь, и, der Weg
пу́хлый, gedrungen, weich
пухо́вый, Daunen-
пухъ, Flaumfedern
пучёкъ, das Bündel
пучи́на, die Fluth
пуши́стый, buſchig
пушо́къ, das Federchen
пу́шка, die Kanone
пу́ще, mehr, ärger; noch mehr, noch ärger
пчела́, die Biene
пчелово́дство, die Bienenzucht
пшени́ца, der Weizen
пшени́ный, Weizen-
пшено́, Hirſe
пыла́ть, lodern, glühen
пыли́ть, ſtäuben
пыль, и, der Staub
пылъ, das Feuer, der Eifer
пы́льный, ſtaubig
пыре́й, Queckengras
пыта́ться, verſuchen
пыхте́ть, keuchen, ächzen
пышать, glühen
пы́шный, üppig, prachtvoll
пья́ница, der Trunkenbold
пья́нство, die Trunkſucht
пья́ный, betrunken
пѣви́ца, der Sängerin

пѣви́чка, die Sängerin
пѣву́нья, die Sängerin
пѣвчій, singend
пѣна, der Schaum
пѣснь, и, das Lied
пѣту́хъ, der Hahn
пѣтушёкъ, das Hähnchen
пѣть, singen

пѣшко́мъ, zu Fuß
пя́льцы, евъ, der Nähr ahmen
пята́къ, das Fünfkopekenstück
пятигла́вый, fünfkuppelig
пя́титься, rückwärts gehen
пя́тка, der Hacken
пятна́ть, beflecken, schmähen
пятно́, der Fleck

Р.

рабо́та, die Arbeit
рабо́тникъ, der Arbeiter
рабо́тница, die Arbeiterin
работя́щій, arbeitsam
рабо́чій, der Arbeiter
равни́на, die Ebene
равновѣсіе, das Gleichgewicht
равноду́шный, gleichmüthig
равномѣрный, gleichmäßig
равня́ться, gleichkommen
ради́вый, eifrig
ра́дость, и, die Freude
ра́дуга, der Regenbogen
ра́дужный, regenbogenfarbig
раду́шный, bereitwillig, gutherzig; wohl
разбива́ться, разби́ться, zerschellen
разбира́ть, разобра́ть, auseinandernehmen; vergreifen von Waren
разби́ть, schlagen
разби́тый, zerschlagen; abgetrieben
разбогате́ть, reich werden
разбо́йникъ, der Räuber
разбо́ръ, die Untersuchung
разбрани́ть, ausschelten
разбра́сывать, разброса́ть, auseinanderwerfen, zerstreuen
разбѣга́ться, разбѣжа́ться, auseinanderlaufen; einen Anlauf nehmen
разбѣгъ, der Anlauf
разва́ливаться, развали́ться, auseinanderfallen, zerfallen
развально́й, breit
развёртывать, развернуть, auseinanderwickeln, entfalten; öffnen, aufschlagen
развива́ться, разви́ться, sich entfalten
развлека́ть, развле́чь, zerstreuen, ablenken
разводи́ть, развести́ огонь, Feuer anmachen
разводи́ть, развести́ дичь, Wild ziehen
развраща́ть, разврати́ть, verführen, verderben
ра́звѣ, etwa, denn, es sei denn
развѣсистый, nach allen Seiten herabhängend, buschig
развѣшивать, развѣсить, nach allen Seiten hängen lassen
развѣшивать, развѣшать, aushängen
развя́зывать, развяза́ть, losbinden
разга́вливаться, разговѣться, nach den Fasten zum ersten mal Fleischspeisen essen
разга́ръ, die Hitze, der Zorn; der Höhepunkt
разгнѣванный, erzürnt
разгова́риваться, sich unterhalten
разгово́ръ, das Gespräch
разгора́ться, разгоре́ться, anfangen zu brennen; Feuer fassen; erglühen; entbrennen
разгу́льный, unbändig, wild
раздава́ть, разда́ть, vertheilen
раздава́ться, разда́ться, ertönen
раздавливать, раздави́ть, zerdrücken, zertreten
раздвига́ть, раздви́нуть, auseinanderschieben, öffnen
раздвижно́й, zum Ausziehen eingerichtet
раздёргивать, раздёрнуть, auseinanderreißen
раздира́ть, разодра́ть, zerreißen
разго́лье, das freie Leben
раздража́ть, раздражи́ть, erzürnen
раздразня́ть, раздразни́ть, reizen, erzürnen
разду́мывать, разду́мать, die Absicht ändern
раздѣва́ть, раздѣть, entkleiden
раздѣтый, entkleidet
разжива́ться, разжи́ться, reich werden
разжига́ть, разже́чь, glühen, glühend werden
разжире́ть, fett werden
разгадо́риваться, разгадо́риться, in Eifer gerathen
разла́мывать, разлома́ть, zerbrechen
разли́въ, die Ueberschwemmung; Fluth
разли́тый, ausgegossen
различа́ть, различи́ть, erkennen, unterscheiden
разлу́ка, die Trennung
размаха́ться, размахну́ться, sich in Schwung setzen
размах, der Schwung
разметённый, auseinandergefegt
размётывать, размета́ть, auseinanderwerfen, zerstreuen
разминуться, ausweichen
размывать, размы́ть, ausspülen
размышля́ть, размы́слить, überlegen
размѣнивать, размѣня́ть, wechseln
размѣща́ться, размѣсти́ться, sich aufstellen, placiren
разнообра́зіе, die Mannigfaltigkeit
разноро́дный, verschiedenartig
разноси́ться, разнести́сь, sich ausbreiten
разноцвѣтный, buntfarbig

разно́щикъ, der Austräger
ра́зный, verſchieden
разно́хивать, разно́хать, wittern, ausſpähen
разоблача́ться, разоблачи́ться, ſich aufklären
ра́зомъ, mit einem Mal, zugleich
разора́ться, ins Schreien hineinkommen
разража́ться, разрази́ться, ſich entladen
разраже́ніе, die Entladung
разраста́ться, разрости́сь, in die Breite wachſen
разрдѣть, ſich röthen
разруша́ть, разру́шить, zerſtören
разруше́ніе, die Zerſtörung, der Verfall
разрыва́ть, разорва́ть, zerreißen
разрыва́ть, разры́ть, auseinanderſcharren
разрѣзывать, разрѣзать, zerſchneiden
разрѣша́ть, разрѣши́ть, bewilligen, genehmigen
разсвирѣпѣвшій, wüthend geworden
разсвирѣпѣть, wüthend werden
разсвѣло, es iſt Tag geworden
разсвѣть, des Tages anbruch
разсе́рживаться, разсердѝться, böſe werden
разслы́шать, hören, verſtehen
разсмотре́ніе, die Prüfung, Unterſuchung
разстила́ть, разостла́ть, ausdecken, ausſpannen
разстоя́ніе, die Entfernung
разстро́ивать, разстро́ить, zerrütten
разстрѣливать, разстрѣля́ть, erſchießen
разстрѣля́ніе, das Erſchießen
разсуди́тельный, vernünftig
разсужда́ть, разсуди́ть, zwiſchen jemand richten, entſcheiden
разсужда́ть, разсуди́ть, überlegen
разсужде́ніе, der Erwägung
разсчи́тываться, разсчита́ться, Rechnung ablegen
разсыла́ть, разосла́ть, ausſenden
разсыпа́ть, разсы́пать, zerſtreuen
разсыпа́ться, разсы́паться, ſich ausſtreuen, zerfallen
разсыпно́й, bröckelig, zerſtreut
разсѣка́ть, разсѣчь, zerhauen
разсѣва́ть, разсѣ́ять, zerſtreuen
разу́бранный, geſchmückt
разузнава́ть, разузна́ть, auskundſchaften
разу́мный, vernünftig
разумѣется, es verſteht ſich
разчи́тывать, разчита́ть, berechnen
разшиба́ть, разшиби́ть, zerſchlagen, zerſchellen
разъ, einmal
разъѣда́ющій, ätzend
разъярённый, wüthend
разы́грывать, разыгра́ть, ſpielen
разы́грываться, разыгра́ться, in Bewegung, in Aufruhr gerathen
разы́скивать, разыска́ть, nachſuchen
разѣва́ть, разѣ́нуть, aufſperren, öffnen
рай, das Paradis
райскій, paradiſiſch
рака́та, der Goldregen; die weiße Weide
ра́ковина, die Muſchel
ракъ, der Krebs
ра́ма, der Rahmen
ра́на, die Wunde
ра́ненный, verwundet
ра́нецъ, der Ranzen, Torniſter
рани́ть, verwunden
ра́нній, früh
ра́но, früh
раска́иваться, раска́яться, bereuen
раскалённый, glühend heiß
раска́ливаться, раскали́ться, glühend werden
раска́лываться, расколо́ться, berſten, ſich ſpalten
раска́ть, anhaltendes Rollen
расквита́ться, mit jemand abrechnen
раски́дывать, раски́нуть, ausbreiten
раскла́дывать, разложи́ть, auseinanderlegen
раскра́шивать, раскра́сить, bemahlen
раску́поривать, раску́порить, entkorken
распаля́ть, распали́ть, entflammen, entzünden
распа́хивать, распаха́ть, aufpflügen
распеча́танный, entſiegelt
распеча́тывать, распеча́тать, entſiegeln, erbrechen
распива́ть, распи́ть, austrinken
распи́ливать, распили́ть, zerſägen
расплавля́ть, расплави́ть, ſchmelzen
распла́стывать, распласта́ть, ausbreiten, ausſpreizen
распла́та, die Bezahlung
распла́чиваться, расплати́ться, bezahlen
располага́ть, расположи́ть, geneigt machen
располага́ться, расположи́ться, ſich niederlaſſen
расположе́ніе, die Neigung
распоряди́тель, я, der Ordner, Anordner
распоряжа́ться, распоряди́ться, Anordnungen treffen, verfügen
распоряже́ніе, Anordnung
распо́тчивать, vertraktiren
распра́ва, das Gericht
расправля́ться, распра́виться, kurzen Prozeß machen
распра́шивать, распроси́ть, ausfragen
распредѣля́ть, распредѣли́ть, eintheilen
распростира́ть, распростре́ть, ausbreiten
распространя́ть, распространи́ть, ausbreiten, verbreiten
распроща́ться, распроста́ться, Abſchied nehmen
распряга́ть, распря́чь, ausſpannen
распуска́ть, распусти́ть, entlaſſen, auflöſen
распуска́ться, распусти́ться, ſich entfalten, ſich auflöſen
распу́тный, laſterhaft

распу́тываться, распу́таться, ſich loswickeln
распѣва́ть, ſingen
раста́лкивать, растолка́ть, aufrütteln
раста́птывать, растопта́ть, zertreten
растворя́ть, раствори́ть, öffnen
расте́ніе, die Pflanze
расте́рзывать, растерза́ть, zerfleiſchen
расти́тельность, и, die Vegetation
растолкова́ть, erklären
растопы́ривать, растопы́рить, ausſpreizen
растрёпанный, zerzauſt
растре́пливать, растрепа́ть, zerzauſen
расха́живать, auf und niedergehen [len
расхва́стываться, расхва́статься, ſich prah-
расходи́ться, разойти́сь, ſich zerſtreuen; ſich trennen; in Eifer gerathen
расхо́дъ, die Ausgabe
расхохота́ться, laut lachen
расчёть, die Berechnung
расшира́ть, расши́рить, ausbreiten
расще́лина, die Spalte
расщи́пывать, расщипа́ть, auseinanderrupfen, abrupfen
рва́ться, ſich zu befreien ſuchen
рвéніе, der Eifer
ребёнокъ, das Kind
ребя́тишки, die Kinder
ревни́вый, eiferſüchtig
ревѣ́ть, brüllen
рекру́тскій, Rekruten-
религія, die Religion
ремéсленникъ, der Handwerker
ремесло́, das Handwerk
ремонтёръ, der Remonteur
ети́вый, muthig, feurig
рехну́ться, den Verſtand verlieren
ржа́вчина, der Roſt
ржа́нье, das Wiehern
ржать, wiehern
ри́за, das Prieſterornat, die Einfaſſung
ри́млянинъ, der Römer
рисова́ться, ſich abzeichnen
ро́бкій, ſchüchtern
ро́вный, eben
рога́тка, das Halseiſen
рога́жа, die Matte
рогъ, das Horn
роди́мый, heimathlich; mein Lieber
ро́дина, die Heimath
роди́тели, ей, die Eltern
роди́тель, я, der Vater
родно́й, verwandt; heimathlich; leiblich
родня́, der Verwandte
родъ, das Geſchlecht; die Art; die Gattung; Geburt
ро́жа, die Fratze
рождать, роди́ть, erzeugen
рожда́ться, роди́ться, geboren werden
рождество́, die Geburt
рожь, ржи, der Roggen
розыска́ть, ausfindig machen
рой, der Schwarm
рокова́й, verhängnißvoll
ро́потъ, das Murren, Murmeln
ропта́нье, das Murren
ропта́ть, murren
роса́, der Thau
роско́шный, prächtig, üppig
ро́скошь, и, der Luxus, die Ueppigkeit
ро́слый, hochgewachſen, groß
ро́спуски, овъ, der Laſtwagen
рости́, wachſen
ростъ, der Wuchs, das Wachſen
ротъ, der Mund
ро́ща, der Hain
рощи́ца, das Wäldchen
руба́ха, das Hemd
руба́шка, das Hemd
ру́бище, das Bettelkleid
рубль, я, der Rubel
руга́ть, ſchmähen
ружьё, die Flinte
рука́, die Hand
рукави́ца, der Handſchuh
рука́въ, der Aermel, der Beutelarm
руль, я, das Steuer
румя́нецъ, die Röthe
румя́нить, purpurn färben
румя́ный, roth, purpurn
ру́сло, das Flußbett
ру́хнуться, ſich ſtürzen
руча́ться, bürgen
ручеёкъ, das Bächlein
ручёй, der Bach
ру́чка, ein Stück Grasland, welches der Mäher, ohne die Senſe zu ſchärfen, abmäht
ручно́й, zahm
ры́ба, der Fiſch
ры́бакъ, der Fiſcher
ры́бачить, Fiſcherei betreiben
ры́бка, das Fiſchlein
рыда́ть, ſchluchzen
ры́жій, rothhaarig
рыка́нье, das Gebrüll
ры́ло, die Schnauze
ры́нокъ, der Markt
рыси́стый, der Träber-
рысь, и, der Trab; я, der Luchs
ры́хлый, locker
ры́царь, я, der Ritter
рѣ́дкій, ſelten
рѣ́дѣть, undicht werden, ſich vertheilen
рѣ́зать, ſchneiden
рѣзви́ться, ſich tummeln
рѣ́звость, и, der Muthwille, ausgelaſſenes Weſen
рѣ́зкій, ſchneidend, ſcharf
рѣ́зно́й, geſchnitzt
рѣка́, der Fluß

рѣпа, die Rübe
рѣчка, das Flüßchen
рѣчь, и, die Rede
рѣша́ться, рѣши́ться, ſich entſchließen
рѣше́ніе, die Entſcheidung
рѣшётка, das Gitter
рѣшето́, das Sieb
рѣши́тельный, entſchieden, entſchloſſen
рѣять, ſtrömen, ſchwirren
ро́мка, das Weinglas
ряби́на, die Vielbeere
ря́бчикъ, das Haſelhuhn
рябь, и, kleine gekräuſelte Wellen
ря́домъ, neben
рядъ, die Reihe

С.

са́бля, der Säbel
са́ванъ, der Todtenkittel
савоя́ръ, der Savoyarde
савра́сый, rehhaaren
сади́ться, ſich ſetzen
садо́вникъ, der Gärtner
садово́дство, die Gärtnerei
са́жа, der Ruß
сажа́ть, ſetzen, pflanzen; Platz nehmen laſſen
са́жень, и, der Faden
са́ло, der Speck, das Fett, Talg
са́мка, das Weibchen
самова́ръ, die Theemaſchine
самоиспыта́ніе, die Selbſtprüfung
самопроизво́льно, freiwillig
самоцвѣ́тный камень, der Edelſtein
самъ-со́тъ, hundertfältig
самъ-тре́тей, zu dreien
самъ-шестдеся́тъ, ſechzigfältig
са́ни, ей, der Schlitten
санъ, die Würde
сапо́гъ, der Stiefel
сапо́жка, das Stiefelchen
сапо́жникъ, der Schuſter
сапо́жный, Stiefel=
сара́й, die Scheune
сарачи́нскій, türkiſch
са́харъ, der Zucker
сбавля́ть, сба́вить, vermindern, abblaſſen
сберега́ть, сбере́чь, hüten, aufbewahren
сбива́ться, сби́ться, ſich verirren; — съ то́лку, confus werden
сбира́ться, beabſichtigen
сбо́рщикъ, der Sammler
сборъ, die Einſammlung
сброса́ть, сбро́сить, abwerfen
сбру́я, das Sattelzeug
сбыва́ть, сбыть, fortſchaffen, verkaufen
сбыва́ться, сбы́ться, in Erfüllung gehen
сбѣга́ть, сбѣжа́ть, herunterlaufen, fliehen
сбѣга́ться, сбѣжа́ться, zuſammenlaufen
сва́дебный, Hochzeits=
сва́дьба, die Hochzeit
свай, der Pfahl
сва́ливаться, свали́ться, herunterfallen
свари́ть, fertig kochen
сварли́вый, zänkiſch
сватъ, der Brautwerber; Eheſtifter; Verwandter
сверка́ть, сверкну́ть, glänzen, funkeln
сверли́ть, bohren
свертокъ, die Rolle
свёртывать, свернуть, zuſammenrollen; abdrehen
свёртываться, свернуться, ſich zuſammenrollen
све́рху, von oben
свершаться, свершиться, vollenden, vollziehen
све́чера, am Abend
свидѣ́тель, я, der Zeuge
свинья́, das Schwein
свире́ль, и, die Flöthe
свире́пость, и, die Wuth, Wildheit
свире́пый, wild
свире́пѣть, wüthend werden, toben
сви́снуть, pfeifen
свиста́ть, pfeifen
свисто́къ, die Pfeife
свистъ, der Pfiff, das Pfeifen
свисте́ть, pfeifen
сви́та, das Gefolge
сви́тка, der Bauernkittel
сви́токъ, die Rolle
свобо́да, die Freiheit
своди́ть, свести́, hinabführen; — съ ума, dumm machen; счёты, Rechnungen abſchließen
сводъ, das Gewölbe
своенра́вный, eigenſinnig
свози́ть, свезти́, zuſammenführen; abführen
свойственный, eigenthümlich
свойство, die Eigenſchaft; Eigenthümlichkeit
свора́чивать, своро́тить, abbiegen
свѣ́дать, erfahren
свѣ́жесть, и, die Friſche
свѣ́жій, friſch
свѣта́ть, Tag werden
свѣтёлка, ein kleines Zimmer mit einem hellen Fenſter; das Stübchen
свѣти́ло, die Leuchte
свѣти́ть, ſcheinen, leuchten
свѣтлокры́лый, mit hellen Flügeln
свѣтлый, hell
свѣтъ, das Licht; die Welt
свѣча́, das Licht, die Kerze
свѣчечка, das Lichtchen
свѣчка, das Licht

свя́зывать, связа́ть, zuſammenbinden
свя́тки, ъ, die Chriſtwoche
свято́й, heilig
свяще́нникъ, der Geiſtliche
сгора́ть, сгоре́ть, abbrennen
сги́нуть, verſchwinden
сглода́ть, abnagen
сгнива́ть, сгнить, verfaulen
сгоряча́, im Eifer
сгреба́ть, сгрести́, zuſammenſcharren, zuſammenharken
сгру́диться, ſich zuſammenſchaaren
сгуща́ться, сгусти́ться, ſich verdichten
сдава́ть, сдать, abliefern
сда́ча, die Herausgabe
сдвига́ть, сдви́нуть, herunterſchieben; wegrücken
сдёргивать, сдёрнуть, abreißen
сде́ржанный, unterdrückt, gedämpft
сде́рживать, сдержа́ть, halten
сдёрнутый, heruntergeriſſen
сдира́ть, содра́ть, abreißen
сдо́бривать, сдо́брить, verbeſſern
сдоброва́ть, einem Uebel entgehen
сде́латься, werden
сде́лка, die Abmachung, Uebereinkunft
сего́дня, heute
се́кта, die Secte
селе́ніе, das Dorf
селі́тра, der Salpeter
село́, das Dorf
се́льскій, ländlich
семь, ſieben
семья́, die Familie
серга́, der Ohrring
серде́чный, herzlich; der Herzensfreund
серди́тый, böſe, zornig
серди́ться, ſich ärgern
се́рдце, das Herz
сердцеви́нка, das Mark
серебро́, das Silber
серебряный, ſilbern
середи́на, die Mitte
серди́ній, mittler
сермя́га, ein Rock aus grobem Bauerntuch
серпъ, die Sichel
сестра́, die Schweſter
сестри́ца, das Schweſterchen
сжа́литься, ſich erbarmen
сжа́тый, zuſammengedrückt
сжига́ть, сжечь, verbrennen
сжима́ть, сжать, zuſammendrücken, zuſammenpreſſen
сжина́ть, сжать, abernbten
сза́ди, von hinten
сибиря́къ, der Sibirier
си́вый, grau
сиде́ть, ſitzen
си́ла, die Kraft
сило́къ, die Schlinge
силуэ́тъ, die Silhouette, der Schattenriß
си́льный, ſtark
симво́лъ, das Symbol
синева́, das Blau
си́ненькій, blau
синя́чка, die Meiſe
си́ній, blau
сине́ть, blau ſchimmern
сире́нь, и, die Syringe, der Flieder
сирота́, die Waiſe
си́рый, verwaiſt
си́тецъ, der Kattun
си́тцевый, kattunen
сія́ніе, der Schein, Glanz
сія́ть, ſcheinen, glänzen
сказа́ніе, die Sage
ска́зка, das Märchen
ска́зочный, märchenhaft
ска́зывать, сказа́ть, ſagen
скака́ть, ſpringen, galoppiren, reiten
скаку́нъ, der Renner
скала́, der Felſen
скаме́йка, die Bank
ска́терть, и, das Tiſchtuch
скат, der Abhang
ска́тывать, скати́ть, herunterrollen, herunterwälzen
ска́шивать, скоси́ть, abmähen
сквореца́ъ, der Staar
ски́дывать, ски́нуть, abwerfen
скирдъ, der Getreide-, Heuhaufen
скитальческій, umherirrend
скла́дка, die Falte
скла́дывать, сложи́ть, zuſammenlegen
скли́кать, скли́кнуть, zuſammenrufen
склонъ, der Abhang, die Neigung, das Ufer
склоня́ть, склони́ть, beugen
скола́чивать, сколоти́ть, zuſammenſchlagen
скользи́ть, dahingleiten
ско́льзкій, glatt, ſchlüpfrig
скончаться, ſterben
скорбь, и, der Kummer
скорбе́ть, ſich grämen
скорлу́пка, die Schale, die Hülle
ско́ро, bald
скоти́на, das Vieh
скотъ, das Vieh
ско́шенный, abgemäht
скрестъ, kraţen
скреща́ться, скрести́ться, ſich kreuzen
скрипу́чій, knarrend
скрипъ, das Knarren
скрипе́ть, knarren
скро́мность, и, die Beſcheidenheit
скро́мный, beſcheiden
скру́чивать, скрути́ть, zuſammenſchnüren
скрывать, скрыть, verbergen
скры́тый, verborgen
скря́га, der Geizige
ску́дный, ſpärlich, kärglich

скýка, die Langeweile
скупáть, скупúть, zusammenkaufen
скупúться, geizig sein, geizen
скупóй, geizig
скýпость, и, der Geiz
скучáть, sich langweilen
скýчный, langweilig
скýшать, aufessen
слáбость, и, die Schwäche
слáбый, schwach
слáва, der Ruhm
слáвить, rühmen
слáвиться, berühmt sein
слáвный, berühmt; prächtig
слагáть, сложúть, zusammenstellen
слáдкій, süß
слáдость, и, die Süßigkeit
сласть, и, die Süßigkeit
слегкá, leicht
слезá, die Thräne
слúва, die Pflaume
сливáться, слúться, zusammenfließen, sich vereinigen
слúвки, ъ, der Rahm, Schmand
слизнякъ, die Schnecke
слúзывать, слизáть, ablecken
слúшкомъ, zu
слобóда, das Dorf; die Vorstadt
словéсный, wörtlich
слóвно, gerade wie
слóво, das Wort
слой, die Schicht
сломáть, zerbrechen
слонъ, der Elephant
слугá, ъ, der Diener
слýжба, der Dienst
слýжбы, ъ, die Gesindestube
служúтель, я, der Diener
слухъ, das Gerücht
слýчай, die Gelegenheit, der Vorfall, das Ereigniß
случáйно, zufällig
случáться, случúться, sich ereignen, geschehen
случúвшійся, der Anwesende
слýшатель, я, der Zuhörer
слýшать, zuhören; folgen
слýшаться, gehorchen
слéдúть, die Spur verfolgen
слéдовать, folgen; gebühren
слéдствіе, die Untersuchung
слéдующій, folgender
слéдъ, die Spur
слéзать, слéзть, heruntersteigen
слéпéцъ, der Blinde
слéплять, слéпúть, zusammenkleben
слéпóй, blind
слюна, der Speichel
смазываніе, das Bestreichen
смарáгдъ, der Smaragd
смáчивать, смочúть, befeuchten
смекáть, смекнýть, merken, ahnen
смертéльный, tödtlich
смерть, и, der Tod
сметáна, die Sahne, der saure Schmand
смúловаться, sich erbarmen
смирéнный, bescheiden, demüthig
смúрно, still
смолá, Pech, Harz
смородúна, Johannisbeere
смóрщенный, runzlig
смотрúтель, я, der Aufseher
смотръ, Revüe
смотрá — не смотрá, ungeachtet
смрáдный, übelriechend
смрадъ, der Gestank
смущáться, смутúться, trübe werden, verlegen werden
смыкáть, сомкнýть, schließen
смúслить, verstehen
смыслъ, der Verstand
смышлёный, verständig, geschickt
смéлый, dreist, kühn
смéнять, смéнúть, ablösen
смéтливый, scharfsinnig
смéть, dürfen, wagen
смéхъ, das Lachen
смéшивать, смéшáть, vermischen
смéшнóй, lächerlich
смéяться, lachen
снабжáть, снабдúть, versorgen
снаряжáть, снарядúть, ausrüsten, ausstatten
снасть, и, das Geräth, Takelwerk
снача́ла, anfangs
снимáть, снять, herunternehmen
снимáться, сняться, auffliegen
снисходúтельный, herablassend
сняться, träumen
снова, von Neuem
снова́ть, huschen
снопъ, die Garbe
носúть, снести́, hinuntertragen; ertragen
сношéніе, die Verbindung
снурóкъ, die Schnur
снѣгъ, der Schnee
снѣдь, и, die Speise
снѣжокъ, der Schnee
собáка, der Hund
собáчка, das Hündchen
собирáть, собрáть, sammeln
собирáться, собрáться, sich rüsten; sich auf den Weg machen; sich versammeln
соблаговолúть, geruhen; die Gnade haben
соблюдáть, соблюстú, beobachten
соболíй, Zobel-
собóль, я, der Zobel
соборъ, die Kathedrale
собраніе, die Gesellschaft, Versammlung
собрáтъ, der Mitbruder
собственность, и, das Eigenthum
собственный, eigen

сова́, die Eule
совершáть, совершúть, vollbringen, ausführen
совершáться, совершúться, in Erfüllung gehen, geſchehen
совершéніе, die Ausführung
совершеннолѣ́тіе, die Volljährigkeit
совершéнство, die Vollkommenheit
совладáть, Herr über etwas werden
совлекáть, совлéчь, abziehen
соврáть, lügen
совсѣ́мъ, не, gar nicht
сóвѣсть, и, das Gewiſſen
совѣ́тникъ, der Rathgeber
совѣ́товать, rathen
совѣ́тъ, der Rath
совѣщáться, ſich berathen
согласіе, die Uebereinſtimmung, die Einigkeit, Eintracht
соглашáть, согласúть, vergleichen
соглашáться, согласúться, einwilligen
согнýть, zuſammenbiegen
сограждани́нъ, der Mitbürger
согрѣвáть, согрѣ́ть, erwärmen
содрáть, abziehen
содѣ́йствовать, wozu beitragen
сожалѣ́ніе, das Bedauern
сожигáть, сожéчь, verbrennen
сожирáть, сожрáть, auffreſſen
созвýчье, die Harmonie
создáніе, die Schöpfung, das Geſchöpf
создáтель, я, der Schöpfer
сознавáться, сознáться, eingeſtehen
сознáніе, das Eingeſtändniß
созрѣвáть, созрѣ́ть, reif werden
соколи́къ, der Falke
сокрóвище, der Schatz
сокрывáться, сокры́ться, ſich verbergen
сокры́тый, verborgen
сокъ, der Saft
солдáтъ, der Soldat
солúть, ſalzen
сóлнце, die Sonne
сóлнышко, die Sonne
соловéй, die Nachtigall
соло́ма, das Stroh
соло́менный, Stroh-
соло́минка, der Strohhalm
соло́мка, der Strohhalm
соль, и, das Salz
сомни́тельно, zweifelhaft
сомнѣвáться, zweifeln
сомнѣ́ніе, der Zweifel
сóнный, ſchlafend, ſchläfrig
сонъ, der Schlaf, der Traum
соображáть, сообразúть, erwägen
сообщáть, сообщúть, mittheilen
соотéчественникъ, der Landsmann
сопéрникъ, der Nebenbuhler
сопровожде́ніе, die Begleitung
сопу́тствовать, begleiten
сорвáнный, abgeriſſen
сорвáться, ſich losreißen, losgehen
сорóка, die Elſter
сороковóй, der vierzigſte
соръ, der Kehricht
сосáть, ſaugen
соскáкивать, соскочúть, herunterſpringen
соскучáться, соскучúться, ſich langweilen
сосна́, die Fichte
сосновый, fichten
соснýть, etwas ſchlafen
составля́ть, составúть, bilden, ausmachen
составъ, der Beſtand
состарѣ́вшійся, alt geworden
состарѣ́ться, alt werden
состоя́ніе, der Zuſtand; Stand
состоя́ть, beſtehen
сострадáтельный, mitleidig
сосѣ́дка, die Nachbarin
сосѣ́дній, benachbart
сосѣ́дство, die Nachbarſchaft
сосѣ́дъ, der Nachbar
сотворя́ть, сотворúть, erſchaffen, vollziehen
сóтня, das Hundert
сотрясáть, сотрясти́, erſchüttern, ſchütteln
соучáстникъ, der Theilnehmer
соха́, der Pflug
сочéльникъ, der heilige Abend
сочетáніе, die Vereinigung, Verbindung
сочинéніе, das Werk
сочиня́ть, сочинúть, verfaſſen
сóчный, ſaftig
спáльня, ſchlafzimmer
спасáть, спасти́, retten
спасéніе, die Rettung
спаси́бо, der Dank
спаси́тель, я, der Heiland, Retter
спать, ſchlafen; мнѣ спи́тся, es ſchläfert mich
сперва́, anfangs
спеленáть, einwindeln
спéреди, von vorne
спина́, der Rücken
спи́сокъ, das Verzeichniß
спи́хивать, спихнýть, hinunterſtoßen
спи́чка, das Zündhölzchen
плетáть, сплесть, zuſammenflechten
сплóшный, zuſammenhängend
сплошь, dicht nebeneinander
спознавáть, спознáть, erkennen
споко́йный, ruhig
споко́йствіе, die Ruhe
сполна́, vollgezählt
способность, и, die Fähigkeit
спосóбный, fähig
спóрить, ſtreiten
спóриться, von Statten gehen
спóрщикъ, der Streitſüchtige
спотыкáться, споткнýться, ſtolpern
спохвáтываться, спохватúться, ſich beſinnen

справедли́вость, и, die Gerechtigkeit
справедли́вый, gerecht
справля́ть, спра́вить, ausrichten; einrenken
спра́шивать, спроси́ть, fragen
спро́бовать, verſuchen
спросъ, die Erlaubniß
спры́скивать, спры́снуть, beſprengen
спря́танный, verſteckt
спря́тать, verſtecken
спу́гивать, спугну́ть, aufſcheuchen
спудъ, der verborgene Ort
спуска́ться, спусти́ться, ſich niederlaſſen
спускъ, der Abhang; das Herunterlaſſen; das Nachlaſſen
спустя́, nach
спу́тникъ, der Reiſegefährte
спу́тывать, спу́тать, koppeln
спущать, erlaſſen
спы́ана, im Rauſche
спѣ́вать, спѣть, ſingen
спѣ́лый, reif
спѣ́сивый, ſtolz, aufgeblaſen
сравне́ніе, der Vergleich
сра́вниваться, сравня́ться, ſich meſſen
сраже́ніе, die Schlacht
сра́зу, mit einemmal
срамъ, die Schmach
срастáться, срасти́сь, zuſammenwachſen, heilen
средизе́мный, mittelländiſch
среди́на, die Mitte
сре́дство, das Mittel
срокъ, der Termin, die Zeit
срубáть, сруби́ть, abhacken
срываться, сорва́ться, ſich losreißen
ссо́ра, der Streit
ссо́рный, ſtreitig
ссыпáть, ссы́пать, zuſammenſchütten
ссѣ́чка, die Rodung
ста́вить, поста́вить, hinſtellen
ста́вка, die Ablieferung
ста́вни, ей, m., die Fenſterladen
ста́до, die Heerde
стака́нъ, das Glas
ста́киваться, ста́кнуться, ſich verabreden
ста́лкивать, столкну́ть, hinunterſtoßen
ста́ло быть, folglich
сталь, и, der Stahl
стально́й, ſtählern
станови́ться, werden
становúще, der Hafen
ста́нція, die Station
стара́ться, ſich bemühen
стари́къ, der Greis
старина́, die alte Zeit, das Alterthum
стари́нный, alt
старозавѣ́тный, altteſtamentlich
ста́роста, der Aelteſte
ста́рость, и, das Alter
стару́ха, die Alte; die Greiſin
стару́шка, das alte Mütterchen
старушо́ночка, das alte Mütterchen
ста́рче, Greis
ста́рческій, greiſenhaft
старшина́, der Aelteſte
ста́ршій, älterer
старѣ́йшинство, das Amt des Oberhauptes
ста́скивать, стащи́ть, herunterziehen
ста́туя, die Statue
стать, anfangen; werden; ſich hinſtellen; ſtehen bleiben
ста́я, die Schaar; der Zug; die Heerde
стволъ, der Stamm
ство́рчатый, zweiflügelig
стебелёкъ, das Stengelchen
сте́бель, я, der Stengel
стекло́, das Glas, die Fenſterſcheibe
стекля́ные часы́, die Sanduhr
стемнѣ́ть, dunkel werden
стена́нье, das Stöhnen
степь, и, die Steppe
сте́рвеца, das Aas
стере́чь, hüten
стерля́дка, das Sterlett
сти́снуть, zuſammendrücken; preſſen; quetſchen
стиха́ть, сти́хнуть, ſtille werden
стихотворе́ніе, die Dichtung
стихъ, der Vers
стла́ться, ſich ausbreiten
стля́нка, das Gläschen
стогъ, der Schober
сто́йло, der Stand
сто́ймя, aufrecht, ſtehend
сто́ить, koſten, gelten, werth ſein
столбова́я доро́га, die Landſtraße
столбово́й дворяни́нъ, ein Edelmann von altem Adel
столбъ, der Pfoſten, die Säule
столъ, der Tiſch
сто́лько, ſoviel
сторúцею, hundertfältig
сторожево́й, zur Wache gehörig
сторожи́ть, bewachen
сто́рожъ, der Wächter
сторона́, die Seite
сторони́ться, zur Seite treten
сторчь, ſenkrecht
стоя́ть, ſtehen
стоя́чій, ſtehend
стра́да, die mühevolle Arbeit
страда́льческій, leidend
страда́нье, das Leiden
страда́ть, dulden
стра́жа, die Wache
стра́ждущій, leidend, duldend
страни́ца, die Seite
стра́нный, ſonderbar
стра́нствованіе, das Wandern, die Wanderung
стра́нствовать, wandern

страстна́я недѣ́ля, die Marterwoche
стра́стный, leidenſchaftlich
страсть, и, die Leidenſchaft; der Schreck
страхъ, die Furcht, Angſt
стра́шный, furchtbar
стрекоза́, die Grille
стрекота́ть, zirpen
стремгла́въ, kopfüber
стреми́ться, ſtrömen, ſtreben
стремни́стый, abſchüſſig
стре́мя, der Steigbügel
стрижъ, der Segler (eine Art Schwalbe)
стройность, и, die Schlankheit
стро́йный, ſchlank
стропи́ло, die Dachſparre
стру́йка, der Waſſerſtrahl, Strom
струи́ться, fließen, rinnen
струкъ, die Schote, Hülſe
стру́сить, ängſtlich werden, den Muth [verlieren
струхну́ть, den Muth verlieren
струя́, der Waſſerſtrahl, Strom
стрѣла́, der Pfeil
стрѣльба́, das Schießen
стрѣля́ть, ſchießen
стря́пать, das Eſſen bereiten
стряпу́ха, die Köchin
стря́хивать, стряхну́ть, abſchütteln
студёный, kühl
сту́жа, der Froſt, die Kälte
сту́кнуть, klopfen
стукотня́, das Gepolter, Geraſſel
стукъ, das Klopfen, Poltern
ступа́ть, ſchreiten, treten, gehen
ступе́нь, и, die Stufe
стуча́нье, das Klopfen
стуча́ть, klopfen
стыди́ться, ſich ſchämen
сты́дно, es iſt Schande
стыдъ, die Schande
стѣна́, die Wand, Mauer
стѣсне́ніе, der Druck
стѣснённый, gezwungen
суббо́та, der Sonnabend
сугро́бъ, die Schneewehe
суде́бный, gerichtlich
суди́лище, das Gericht
суди́ть, richten, Gericht halten
су́дно, das Fahrzeug
су́дное дѣ́ло, die Gerichtsſache
судъ, das Gericht
судья́, der Richter
суевѣ́рный, abergläubig
суети́ться, hin und her laufen
суе́тный, eitel, nichtig
сужено́, iſt beſtimmt
суковатый, äſtig, knorrig
сукъ, der Aſt
сули́ть, bieten, verſprechen
сума́, der Querſack
сумато́ха, die Verwirrung
су́мерки, рекъ, die Abenddämmerung
су́мракъ, das Dunkel
сундукъ, der Kaſten
су́нуть, einſtecken
супроти́въ, gegenüber
супру́га, die Gemahlin
супъ, die Suppe
суро́вый, rauh, wild
суста́въ, das Gelenk, der Knöchel
су́тки, 24 Stunden
сутулова́тый, gebückt, krumm
сухо́й, trocken
сучи́ть, zwirnen, drillen
суши́льня, die Trockenkammer
существо́, das Weſen
существова́ть, exiſtiren
су́щность, и, die Wirklichkeit
схва́тка, das Gefecht
схва́тывать, схвати́ть, ergreifen
сходи́ть, сойти́, herunterſteigen
схо́дство, die Aehnlichkeit
сходъ, die Verſammlung
схорони́ть, begraben [gerathen
сцѣпля́ться, сцѣпи́ться, anhaken, zuſammen-
сча́стіе, das Glück
счастли́вый, glücklich
счётъ, die Rechnung
счита́ть, счесть, zählen, für etwas halten
съумѣ́ть, verſtehen
съѣда́ть, съѣсть, aufeſſen, verzehren
съѣдѐніе, das Verzehren
съѣстно́е, das Eßbare
сыгра́ть, ſpielen
сынъ, der Sohn
сыро́й, feucht
сы́рость, и, die Feuchtigkeit
сыръ, der Käſe
сы́скивать, сыска́ть, aufſuchen, finden
сы́тный, nahrhaft
сы́тый, ſatt
сычъ, das Käuzchen
сѣверный, nördlich
сѣверъ, der Nord
сѣдина́, das greiſe Haar
сѣдла́ть, ſatteln
сѣдло́, der Sattel
сѣдо́й, grau
сѣдо́къ, der Reiter
сѣмечко, das Samenkörnlein
сѣмя, der Samen
сѣни, ей, das Vorhaus
сѣнная дѣвушка, das Kammermädchen
сѣно, das Heu
сѣнокосъ, der Heuſchlag, die Heuernte
сѣрый, grau
сѣсть, ſich ſetzen
сѣть, и, das Netz
сѣчь, hacken, peitſchen
сѣять, ſäen
сюда́, hierher

Т.

табакéрка, die Tabaksdoſe
табáкъ, der Tabak
тáборъ, das Lager
таганъ, der Dreifuß, Feuerbock
тáйга, der ſibiriſche Wald
тáйна, das Geheimniß
тайнственный, geheimnißvoll
тáйный, heimlich
тайться, ſich verſtecken, verheimlichen
такóй, ſolcher
такъ и сякъ, ſo und ſo
танцовáть, tanzen
тараканшекъ, die kleine Schabe
тарéлка, der Teller
таровáтый, freigebig
таскáть, ſchleppen
татáринъ, der Tatare
тащúть, ſchleppen, ziehen
тварь, и, das Geſchöpf
твердúть, wiederholen, herſagen
твёрдый, feſt
твореніе, das Geſchöpf
творéцъ, der Schöpfer
телёнокъ, das Kalb
телѣга, der Wagen
темнúца, das Gefängniß
темнобýрой, dunkelbraun
темнотá, die Dunkelheit
тёмный, dunkel
темь, и, die Dunkelheit
темнѣть, потемнѣть, dunkel werden
тéмя, der Scheitel
тенéто, das Jägernetz
тепéрь, jetzt
тепло́, die Wärme
тёплый, warm
теребúть, rupfen
тéремъ, das Herrenhaus, Pallaſt
терпѣнье, die Geduld
терпѣть, dulden, leiden
терáть, verlieren
тесóвый, aus Brettern gemacht
тёсъ, behobelte Bretter
тéтеревъ, der Birkhahn
тётка, die Tante
теченіе, der Lauf, die Strömung
течь, fließen
тигръ, Tiger
тúна, der Schlamm
типогрáфія, die Buchdruckerei
типогрáфщикъ, der Buchdrucker
тúхій, ſtill, leiſe
тихомóлкомъ, im Stillen
тихóнько, ganz leiſe
тихострýйный, ſanftfließend
тишинá, die Stille
тишь, и, die Stille
ткань, и, das Gewölbe
ткачъ, der Weber
тла — до, bis auf den Grund
тлѣнный, vergänglich
тминъ, der Kümmel
товáрищъ, der Kamerad
товáрный пóѣздъ, der Güterzug
товáръ, die Waare
тóже, auch
токъ, der Strom, die Tenne, der Dreſchboden
толкáть, ſtoßen, anſtoßen
толкнýть, ſtoßen
толковáть, erklären; urtheilen
толкъ, der Sinn
толпá, die Schaar, Menge
толпúться, wimmeln, ſich drängen
толпóй, alle zuſammen
тóлстый, dick
толчёкъ, der Stoß
толчéя, die Stampfmühle
толщинá, die Dicke
тóлько, nur
томúться, ſchmachten
тóмный, matt, müde
томъ, der Band
тóнкій, dünn, fein
тонýть, unterſinken
топúть, ſchmelzen
тóпкій, ſumpfig
тóпливо, das Heizmaterial
тóполь, я, die Pappel
топóрикъ, das Beilchen
топóрщиться, ſich ſpreizen
топóръ, das Beil, die Axt
тóпотъ, das Stampfen
топтáть, treten, ſtampfen
тóрба, der Haferſack
торговáть, handeln
торгóвецъ, der Händler
торгóвка, die Händlerin
торжéственный, feierlich
торжество́, der Triumph
торжествовáть, triumphiren
тормошúть, zupfen, zerren
торопúться, eilen, ſich beeilen
торчáть, hervorragen
тоскá, der Gram, die Sehnſucht
тоскли́во, ſchwermüthig, melancholiſch
тосковáть, ſich grämen, ſehnen
тóтчасъ, ſogleich
точúть, ſchleifen, ſchärfen; nagen
тóчка, der Punkt
точнёхонько, ganz genau
тóчность, и, die Genauigkeit, Pünktlichkeit
тóчно, genau, wirklich, in der That
тощáхъ — на, nüchtern
тóщій, mager

трава́, das Gras
трави́ть, jagen
трапе́за, das Mahl
тра́тить, verbrauchen; verlieren
тра́урный, Trauer=
тре́бованіе, die Forderung
тре́бовать, fordern
трево́га, die Unruhe, der Alarm, Tumult
трево́жный, beunruhigend, bewegt
трель, и, der Triller
трепа́ть, tätscheln
тресну́чій моро́зъ, der ſtarke Froſt
трескъ, der Krach
тре́тій, der Dritte
треуго́льный, dreieckig
трёхколённый, dreigliederig
треща́ть, krachen, kniſtern
тре́щина, die Spalte
тро́гать, тро́нуть, anrühren
тро́гаться, тро́нуться, ſich in Bewegung ſetzen
тро́ичный, dreiſpännig
тро́нутый, gerührt
тропи́нка, der Pfad
тростни́къ, das Schilfrohr
труба́, die Röhre; der Schornſtein; der Spritzenſchlauch
трубі́ть, trompeten, blaſen
тру́бка, die Pfeife
тру́бный, Trompeten=
труди́ться, ſich mühen; arbeiten
тру́дность, и, die Schwierigkeit
тру́дный, ſchwer
трудово́й, durch Arbeit verdient
трудолюби́вый, arbeitſam
трудъ, die Arbeit, Mühe
тру́женикъ, der ſich viel abmüht
трупъ, der Leichnam; die Leiche
трусова́тый, furchtſam
тря́скій, ſtoßend, rüttelnd
трясогу́зка, die Bachſtelze
трясти́, ſchütteln
трясти́сь, zittern, ſich ſchütteln
тужи́ть, trauern, ſich grämen
ту́ловище, der Rumpf
тулу́пъ, der Schafspelz
тума́нный, nebelig
тума́нъ, der Nebel
туре́цкій, türkiſch
ту́склый, trübe
туть, hier
ту́ча, die Gewitterwolke
ту́чка, das Wölkchen
ту́чный, fett
тучне́ть, fett werden
тща́тельно, ſorgfältig
тщесла́вный, hoffärtig
тьма, die Dunkelheit; unzählige Menge
тьфу, pfui
те́ло, der Körper
тёни́стый, ſchattig
тёнь, и, der Schatten
тёсни́ть, drängen
тёсно, eng
тёснота́, das Gedränge
тюкъ, der Packen, Ballen
тюльпа́нъ, die Tulpe
тюрьма́, das Gefängniß
тю́ря, zerbröckeltes, in Waſſer aufgeweichtes Brod; die Kalte Schale
тя́вкать, тя́вкнуть, bellen, kläffen
тя́га, — дать тя́гу, das Haſenpanier ergreifen
тяга́ться, ſich meſſen, prozeſſiren
тя́жба, der Prozeß
тяжёлый, ſchwer
тя́жесть, и, die Schwere, Laſt
тя́жкій, ſchwer
тяжу́щійся, der prozeſſirende
тяжъ, die Stränge
тяну́ть, ziehen
тяну́ться, ſich ziehen, ſchleppen

у.

убере́га́ться, убере́чься, ſich hüten
убива́ть, уби́ть, tödten, erſchlagen
уби́йца, der Mörder
убира́ть, убра́ть, ernten; aufräumen; reinigen; ſchmücken; aufeſſen
убира́ться, убра́ться, ſich flüchten; ſich davon machen
убо́гій, arm, dürftig
убыва́ть, убы́ть, abnehmen, kleiner werden
убы́токъ, der Verluſt
убѣжда́ть, убѣди́ть, überzeugen, überreden
убѣжде́ніе, das Zureden
увели́чивать, увели́чить, vergrößern
увёртливый, gewandt, ſchlau
увёртываться, увернуться, entſchlüpfen
увива́ться, umflattern
уви́дѣть, erblicken
увлека́ть, увле́чь, fortreißen
увлека́ться, увле́чься, ſich fortreißen laſſen
уводи́ть, увести́, entführen, fortführen
увози́ть, увезти́, wegführen
увы́, o weh!
увѣнчивать, увѣнча́ть, krönen
увѣнчанный, gekrönt
увѣренный, überzeugt
увѣря́ть, увѣрить, verſichern
увѣчье, die Verſtümmelung
увѣща́ніе, die Ermahnung
увѣщева́ть, увѣща́ть, ermahnen
увяда́ть, увя́нуть, verwelken
увяза́ть, увя́знуть, einſinken
увя́зывать, увяза́ть, zuſammenſchnüren

увя́зываться, увяза́ться, ſich anſchließen
уга́дывать, угада́ть, errathen
углубле́ніе, die Vertiefung
угнѣзди́ться, ſich niederlaſſen
угова́ривать, угвори́ть, zureden; überreden
угово́ръ, die Abmachung
уго́дно, gefällig; iſt es gefällig?
угожда́ть, угоди́ть, zu Gefallen ſein
уголо́къ, das Winkelchen
у́голъ, der Winkel, die Ecke
у́голь, я, die Kohle
угна́ть, угна́ть, forttreiben
угора́ть, угорѣ́ть, von Kohlendunſt Kopfweh bekommen
угоща́ть, угости́ть, bewirthen
угоще́ніе, die Bewirthung
угро́за, die Drohung
угро́мый, mürriſch
уда́бривать, удо́брить, düngen
уда́вливаться, удави́ться, erſticken
удале́ніе, die Entfernung
удале́цъ, der kühne Menſch, Waghals
удало́й, kühn, muthig, rüſtig
у́даль, и, die Kühnheit, Verwegenheit, Bravour
удаля́ться, удали́ться, ſich entfernen
уда́риться, anſchlagen; fallen
ударя́ть, уда́рить, ſchlagen
уда́ръ, der Schlag
уда́ча, der Erfolg
уда́чливый, glücklich, erfolgreich
уда́чный, erfolgreich
удѣ́рживать, удержа́ть, zurückhalten
удиви́тельный, bewundernswürdig
удивля́ться, удиви́ться, ſich wundern, erſtaunen
у́дило, das Gebiß
у́дить, angeln
удо́бство, die Bequemlichkeit
удовлетворя́ть, удовлетвори́ть, genügen
удово́льствіе, das Vergnügen
удостовѣре́ніе, die Sicherheit
у́дочка, die Angel
удра́ть, davonlaufen, entfliehen
удруча́ть, удручи́ть, niederdrücken
уедине́ніе, die Einſamkeit
ужа́лить, ſtechen
ужаса́ться, ужасну́ться, erſchrecken, ſich entſetzen
у́жасъ, das Entſetzen
ужѣ́ли, wirklich
ужи́мка, die Geberde, Grimaſſe
у́жинъ, das Abendbrod
ужъ, ужѣ́, ſchon
узде́чка, der Zaum
узело́къ, das Bündelchen
у́зелъ, der Knoten
у́зкій, ſchmal, eng
узнава́ть, узна́ть, erkennen
у́зникъ, der Gefangene
узо́рчатый, bunt
указа́нный, angewieſen
ука́зъ, der Befehl
ука́зывать, указа́ть, hinzeigen, hinweiſen
ука́лывать, уколо́ть, ſtechen
укла́дка, der Kaſten
укла́дывать, укла́сть, verpacken
укла́дываться, ſich zurechtlegen
укра́денный, geſtohlen
укра́сть, ſtehlen
украша́ть, украси́ть, ſchmücken
украше́ніе, der Schmuck
укро́мный, einſam, abgelegen
укроти́тель, я, der Bändiger
укроща́ть, укроти́ть, bändigen
укрыва́ться, укры́ться, ſich verbergen; ſich zudecken
у́ксусъ, der Eſſig
укуше́ніе, der Biß
улавливать, уловить, wahrnehmen
улей, der Bienenſtock
улета́ть, улете́ть, fortfliegen
уле́чься, ſich niederlegen
у́лица, die Straße
улича́ть, улича́ть, überführen
уло́вка, die Liſt
уложи́ть, verpacken
улуча́ть, улучи́ть, wahrnehmen
улыба́ться, улыбну́ться, lächeln
умаи́ваться, умаяться, erſchöpft ſein
умиле́ніе, die Rührung
умилосе́рдиться, ſich erbarmen
уми́льно, rührend
умира́ть, умере́ть, ſterben
умира́ющій, der Sterbende
у́мница, die Kluge
умножа́ться, умножиться, ſich vermehren
умоля́ть, умоли́ть, anflehen
у́мствовать, vernünftig denken
умудря́ться, умудри́ться, einen klugen Einfall haben
умъ, der Verſtand
умыва́ться, умы́ться, ſich waſchen
у́мыселъ, die Abſicht, der Plan
умѣ́нье, das Verſtehen
уни́зывать, унизать, beſetzen
унима́ть, уня́ть, zum Schweigen bringen
унима́ться, уня́ться, nachlaſſen
уноси́ть, унести́, fortbringen, davontragen
уноси́ться, унести́сь, entfliehen
ныва́ть, уны́ть, verzagen
уны́лый, traurig, verzagt
уны́ніе, die Verzagtheit
упада́ть, упа́сть, fallen
упаси́ Бо́же, Gnade Gott!
упира́ться, упере́ться, ſich entgegenſtemmen
упи́сывать, уписа́ть, verzehren
упла́та, die Bezahlung
упова́ть, hoffen
упоённый, trunken

уполза́ть, уползти́, fortkriechen
упомина́ть, упомяну́ть, erwähnen
упо́рный, hartnäckig
упо́рство, Hartnäckigkeit
употребля́ть, употреби́ть, gebrauchen
управа, das gerichtliche Amt
управля́ться, управи́ться, sich einrichten; fertig werden
упражне́ніе, die Uebung
упразднять, упразднить, außer Gebrauch setzen, aufheben
упра́шивать, упроси́ть, bitten
упрёкъ, der Vorwurf
упро́чивать, упро́чить, sichern
упря́мецъ, der Eigensinnige
упря́мство, der Eigensinn
упря́мый, eigensinnig
упы́рь, я, der Vampyr
урожа́й, die Ernte; gesegnete Ernte
урожа́ться, роди́ться, wachsen, gedeihen
уро́къ, die Lehre, die Lection
урони́ть, уронить, fallen lassen
уро́чный, bestimmt
урывать, урва́ть, fortreißen
уса́дьба, der Hof
уса́живаться, усе́сться, sich hinsetzen
уса́тый, schnurrbärtig
уса́чъ, der Schnurrbärtige
усе́рдный, eifrig
уси́ліе, die Anstrengung
ускользать, ускользну́ть, entschlüpfen
услада, die Labung, Wonne
усло́віе, die Bedingung
усло́вленный, verabredet
усло́вливаться, усло́виться, übereinkommen
услу́живать, услужи́ть, einen Dienst erweisen
слы́шать, hören
усма́тривать, усмотре́ть, sehen, erblicken
усмѣха́ться, усмѣхну́ться, lächeln
усовершéнствованіе, die Vervollkommnung
усовершéнствовать, vervollkommnen
успéнскій соборъ, die Kathedrale zu Mariä Himmelfahrt
успока́ивать, успоко́ить, beruhigen
успѣва́ть, успѣть, Zeit haben, gelingen
успѣхъ, der Erfolg, Fortschritt
уста́, der Mund, die Lippen
устава́ть, уста́ть, müde werden
устав ля́ть, уста́вить, aufstellen, besetzen
устаи́вать, устоя́ть, Stand halten
уста́лость, и, die Müdigkeit
уста́лый, ermüdet
устра́ивать, устро́ить, herrichten
устремля́ть, устреми́ть, richten wohin
у́стрица, die Auster
устро́енный, erbaut
уступа́ть, уступи́ть, nachgeben, überlassen
устыжа́ться, устыди́ться, sich schämen
усугубля́ть, усугуби́ть, verdoppeln
усумня́ться, усумни́ться, zweifeln
усъ, der Schnurrbart
усѣ́сться, sich setzen
утаи́ка, die Verheimlichung
утапты́вать, утопта́ть, fest stampfen
утаскивать, утащи́ть, fortschleppen
утверждать, утверди́ть, bekräftigen
утерпѣ́ть, sich enthalten
утёсистый, felsig; steil
утёсъ, der Felsen
утиное яйцо́, das Entenei
у́тка, die Ente
утоля́ть, утоли́ть, stillen
утомля́ть, утоми́ть, ermüden
утопа́ть, утону́ть, ertrinken
утопля́ть, утопи́ть, ertränken
утра́чивать, утра́тить, verlieren
у́тро, der Morgen
утро́ба, der Leib, Schoß
утружённый, ermüdet
утѣ́ха, das Vergnügen, die Freude
утѣша́ть, утѣ́шить, trösten
утѣше́ніе, der Trost
утѣши́тель, я, der Tröster
уха́, die Fischsuppe
уха́живать, pflegen
ухва́тывать, ухвати́ть, ergreifen
ухва́тываться, ухвати́ться, sich festklammern
ухва́тъ, der Röhrenhalter
у́хо, das Ohr
уходи́ть, уйти́, fortgehen
уцѣпля́ться, уцѣпи́ться, sich anklammern
участвовать, Theil nehmen
уча́стникъ, der Theilnehmer
у́часть, и, das Schicksal
учéніе, die Lehre
ученикъ, der Schüler, Lehrling
учёный, der Gelehrte
учёнье, das Lernen
учинять, учини́ть, veranstalten
учи́ться, lernen
учреждать, учреди́ть, stiften
ушица, die Fischsuppe
ущéлье, die Schlucht
уѣздъ, der Kreis
уютный, gemüthlich, behaglich

Ф.

фами́лія, der Familienname
фарва́теръ, das Fahrwasser
фа́ртукъ, die Schürze, die Schutzdecke
фарфо́ровый, Porzellan=
фата́, der Schleier
фіа́лка, das Veilchen
физіономи́стъ, der Physiognom
финикіецъ, der Phönizier

фи́никъ, die Dattel
фланго́вой, der Flügelmann
фона́рь, я, die Laterne
фонъ, der Grund
францу́зъ, der Franzose
фура́жка, die Dienstmütze
футъ, der Fuß
фы́ркать, фы́ркнуть, schnauben

Х.

харчи́, ей, der Mundvorrath, Proviant
ха́ря, die Fratze
ха́та, die Hütte
хвала́, das Lob
хвали́ть, loben
хва́статься, prahlen
хвастли́вый, prahlerisch
хвастовство́, die Prahlerei
хвасту́нъ, der Prahler
хвата́ть, хвати́ть, ausreichend sein; greifen; einen Schlag versetzen
хвата́ться, хвати́ться, greifen, anhaken; vermissen
хворости́на, die Ruthe
хво́ростъ, das Reisig, der Strauch
хвостъ, der Schwanz, Schweif, die Ruthe
хво́я, die Tannennadel
хи́жина, die Hütte
хирѣть, siechen
хитре́цъ, der Listige, Schlaue
хи́трость, и, die List
хи́трый, listig
хи́щникъ, der Räuber
хладнокро́вie, die Kaltblütigkeit
хладнокро́вно, kaltblütig
хлеста́ть, хлесну́ть, peitschen
хло́панье, das Klatschen
хло́пать, хло́пнуть, klatschen, schlagen, auf und zu schlagen
хло́пецъ, der Bursche
хло́пка, die Flocke
хлопота́ть, sich Mühe geben; geschäftig sein
хлопотли́во, geschäftig
хло́поты, ъ, die Sorgen
хлопча́тая бума́га, die Baumwolle
хлупъ, daß Steißbein beim Geflügel
хлы́нуть, hervorströmen, hervorstürzen
хлѣбецъ, das Brod
хлѣбникъ, der Bäcker
хлѣбосо́льный, gastfrei
хлѣбъ, das Brod
хлѣвъ, der Viehstall
хмѣль, я, der Hopfen; Rausch
хмѣльно́й, berauschend
ходи́ть, gehen
ходъ, der Gang
хозя́йка, die Wirthin, Hausfrau
хозя́инъ, der Besitzer, Wirth, Hausherr
хозя́йство, die Wirthschaft
хозя́йствовать, wirthschaften
хо́ла, die Pflege, Wartung
хо́лить, pflegen, warten
холмъ, der Hügel
холо́дный, kalt
холодо́къ, die Kühle
хо́лодъ, die Kälte
холодѣть, kalt werden
холсти́на, die Leinwand
холстъ, die Leinwand
хорово́дъ, der Reigen, Tanz
хоро́мы, ъ, ein großes, hölzernes Wohnhaus
хорони́ть, beerdigen
хорошенько, gut, ordentlich
хоръ, der Chor
хоть, wenigstens
хотѣть, wollen
хотя́, obgleich
хохла́тка, ein schopfiges Huhn
хохо́лъ, der Schopf; Schopfträger
хохота́ть, laut lachen
хо́хотъ, das Gelächter
храбре́цъ, der Tapfere, Großsprecher
хра́брость, и, die Tapferkeit
хра́брый, tapfer
храмъ, der Tempel
храни́ть, bewahren, erhalten
храпѣть, schnarchen, schnauben
хрипѣть, röcheln, heiser sein
христіани́нъ, der Christ
христіа́нскій, christlich
хромо́й, lahm
хромоно́гій, lahm
хруста́ль, я, der Krystall
хрустъ, das Knistern
хрустѣть, knistern, knirschen
хрѣнъ, der Meerrettig; der alte Graukopf
худо́жникъ, der Künstler

Ц.

ца́пля, der Reiher
цара́пать, kratzen
царе́вна, die Prinzessin
царегра́дъ, die Königsstadt, Constantinopel
царедво́рецъ, der Höfling
царёкъ, ein kleiner König
цари́ть, herrschen
цари́ца, die Königin
ца́рственный, königlich, majestätisch
ца́рствie, das Reich
ца́рство, das Reich, die Herrschaft
ца́рствовать, herrschen

царь, я, der König
цвѣсти́, blühen
цвѣто́къ, das Blümchen
цвѣто́чекъ, das Blümchen
цвѣтъ, die Blume; Farbe
це́рковь, и, die Kirche
цеко́рій, die Cichorie
цыга́нъ, der Zigeuner
цыплёнокъ, das Heuchlein
цы́поччи, чекъ, die Zehen
цѣди́ть, zapfen
цѣле́бный ключъ, die Heilquelle
цѣлина́, der Neubruch
цѣли́тельный, heilend
цѣлко́вый, der Rubel
цѣлова́ть, küſſen
цѣлость, и, die Unverſehrtheit
цѣлый, ganz
цѣль, и, der Zweck, das Ziel
цѣна́, der Preis
цѣни́ть, ſchätzen
цѣнный, werthvoll
цѣнѣ́ть, erſtarren
цѣпкій, der ſich gut feſt halten kann
цѣпъ, der Dreſchflegel
цѣпь, и, die Kette

Ч.

чай, der Thee; ich glaube
ча́йка, die Möve
чапы́жникъ, das Dickicht
ча́рка, das Maaß
чарова́тель, я, der Zauberer
чародѣ́йка, die Zauberin
часо́вня, die Capelle
часово́й, die Schildwache
часте́нько, ſehr oft
ча́стный, Privat-
ча́сто, oft
часть, и, der Theil
часъ, die Stunde
часы́, овъ, die Uhr
ча́хлый, abgezehrt
ча́шечка, der Kelch
ча́шка, die Schale
ча́ща, das Dickicht
ча́ять, glauben
чебре́цъ, der Thymian
чека́, der Pflock
челно́къ, der Nachen
чёлнъ, der Kahn
чело́, die Stirn
челоби́тная, die Klageſchrift
челоби́тное дѣло, das Geſuch
че́лоби́тье, die Klage
человѣ́къ, der Menſch
челюсть, и, der Kinnbacken
чепра́къ, die Satteldecke
чепуха́, der Unſinn
черво́нецъ, der Ducaten
черво́нный, purpurroth
черва́къ, der Wurm
червячёкъ, die Raupe
черда́къ, der Boden
черёдъ, die Reihe
черёмуха, der Faulbaum
чере́пье, die Scherben
черна́вка, die Brünette
черни́ла, die Tinte
черни́льница, das Tintenfaß
черни́ца, die Nonne
чернобро́вій, mit ſchwarzen Augenbrauen
черного́рецъ, der Montenegriner
чернолѣ́сье, der Laubwald
чёрный, ſchwarz, ſchmutzig
черта́ der Strich, Streifen, Zug
чертёнокъ, ein junger Teufel
чести́ть, ehren, achten
че́стность, и, die Ehrlichkeit
честь, и, die Ehre
четве́ргъ, der Donnerstag
четвере́ньки, некъ, vier Füße
четвероно́гій, vierfüßig
че́тверть, и, das Viertel
чи́бисъ, der Kibitz
чижъ, der Zeiſig
чини́ть, machen
чи́нно, wohlanſtändig
чино́вникъ, der Beamte
чири́кать, kreiſchen
число́, die Zahl
чисте́нько, recht rein
чи́стить, reinigen
чистота́, die Reinheit
чи́стый, rein
членъ, das Glied
чортъ, der Teufel
чте́ніе, das Leſen
что, daß
что́бы, daß, damit
чу, hu
чу́вство, das Gefühl
чу́вствовать, fühlen
чугу́нный, gußeiſern
чуде́сный, wunderſchön
чуди́ться, ſich hören laſſen
чу́дный, wunderbar
чу́до, das Wunder
чудо́вище, das Ungeheuer, Scheuſal
чудотвора́щій, wunderthätig
чужби́на, die Fremde
чу́ждый, fremd
чужезе́мный, ausländiſch
чужо́й, fremd
чу́йка, langer, weiter Oberrock
чума́зый, ſchmutzig

чума́къ, der Laſtfuhrmann
чупру́нъ, der Schopf
чурба́нъ, der Klotz
чуръ, halt, ſtill
чу́ткій, wachſam, leiſe
чу́точка, ein wenig
чуть, kaum
чутьё, das Gehör, der Geruch, die Witterung
чухна́, der Eſthe, Finne
чу́ять, wittern

Ш.

шагну́ть, einen Schritt machen
шагъ, der Schritt
ша́йка, die Bande
шала́шъ, das Zelt
шали́ть, Muthwillen treiben
шаловли́вый, muthwillig
шалу́нъ, шалу́нья, der, die Muthwillige
ша́пка, die Mütze
шарма́нщикъ, der Leiermann
ша́рить, ſcharren
шаровары, и, die Beinkleider
шаръ, die Kugel, der Ball
шата́ться, ſich herumtreiben
шатёръ, das Zelt
ша́ткій, wackelig
шафка, der Spitz
шашко́мъ, im kleinen Trab
швыря́ть, швырну́ть, ſchleudern
ше́йка, der kleine Hals
шевели́ть, шевельну́ть, bewegen, rühren. — шевели́ться, шевельну́ться, ſich bewegen
ше́лестъ, das Geliſpel, Rauſchen
шёлковый, ſeiden
шёлкъ, die Seide
шелуха́, die Hülſe, Schale
шелыха́ться, шелохну́ться, ſich rühren, bewegen
шепта́ть, шепну́ть, flüſtern
шерсть, и, die Wolle
шестери́къ, das Sechsgeſpann
шестъ, die Stange
ше́я, der Hals
ши́бко, raſch
ши́воротъ, der Kragen, das Genick
шине́ль, и, der Mantel
ши́ше, das Ziſchen
ширина́, die Breite
широ́кій, breit
широкоза́дый, breitrückig
широколи́ственный, breitblätterig
ши́шка, die Beule
шкапъ, der Schrank
шкату́лка, die Schatulle
шкво́рень, я, der Bolzen
шко́ла, die Schule
шку́ра, das Fell, der Balg
шлемъ, der Helm
шлёпать, шлёпнуть, klatſchen
шле́я, die Siele, das Sielengeſchirr
шля́па, der Hut
шмыга́ть, шмы́гнуть, huſchen
шо́потъ, das Geflüſter
шпа́га, der Degen
шпиль, я, die Winde
шпо́ра, der Sporn
штабъ-ро́тмистръ, der Stabsrittmeiſter
шту́ка, das Kunſtſtück
штыкъ, das Bajonett
шу́ба, der Pelz
шу́бка, das Pelzchen
шумъ, das Geräuſch
шуме́ть, rauſchen, brauſen
шути́ть, ſpaßen, ſcherzen
шу́тка, der Scherz
шутни́къ, der Spaßmacher

Щ.

щебета́ть, zwitſchern
щеглёнокъ, der Stieglitz
щеголева́тость, и, die Eleganz
щеголева́тый, ſtutzerhaft
щеголя́ть, ſtolziren
щедро́та, die Milde, Mildthätigkeit
ще́дрый, freigebig
щека́, die Wange
щёлка, die Spalte, Ritze
щено́къ, der junge Hund
ще́пка, der Span
щети́нистый, borſtig
щети́ниться, ſich borſten
щи, ей, die Kohlſuppe
щитъ, der Schild
щу́ка, der Hecht
щу́пать, befühlen
щу́риться, blinzeln

Ъ.

ѣда́, die Speiſe
ѣда́ть, eſſen
ѣдкій, ätzend
ѣздить, fahren, reiten
ѣсть, поѣсть, eſſen
ѣхать, fahren, reiten

Э.

эде́мъ, das Eden, Paradies
экипа́жъ, die Equipage; Bemannung
э́кой, was für ein
эска́дра, das Geschwader

Ю.

ю́бка, der Frauenrock
югъ, der Süden
юмористи́ческій, humoristisch
ю́моръ, der Humor
ю́ность, и, die Jugend
ю́ркнуть, huschen

Я.

я́блоня, der Apfelbaum
я́блочко, das Aepfelchen
явля́ться, яви́ться, erscheinen
ягнёнокъ, das Lamm
я́года, die Beere
я́годка, die kleine Beere
ядови́тый, giftig
ядро́, die Kanonenkugel
ядъ, das Gift
я́зва, die Wunde
язы́къ, die Zunge, Sprache
язы́ческій, heidnisch
язы́чникъ, der Heide
яйцо́, das Ei
я́йчко, das Eichen
я́корь, я, der Anker
я́ма, die Grube
ямско́й, Fuhrmanns-
ямщи́къ, der Fuhrmann, Postknecht
я́ркій, hell, grell
я́рмарка, der Jahrmarkt
я́рость, и, die Wuth
я́рый воскъ, das weiße Wachs
я́сень, я, die Esche
я́сность, и, die Klarheit
яснѣ́ть, klar werden
я́стребъ, der Habicht
я́хонтъ, der Hyacinth
ячме́нный, Gersten-
ячме́нь, я, die Gerste
я́щикъ, der Kasten, die Kiste